

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова

**МЕТОДОЛОГИЯ
АКСИОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА
К ИЗУЧЕНИЮ
РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ
А. А. УХТОМСКОГО
И Д. И. ЧИЖЕВСКОГО**

Коллективная монография

Под научной редакцией
Е. А. Фёдоровой

Издательство РХГА
Санкт-Петербург
2024

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	6
Р а з д е л 1. Учение о человеке А. А. Ухтомского	13
1.1. А. А. Ухтомский: личность, биография и культурное наследие (<i>Е. А. Фёдорова</i>)	15
1.2. Антропологические взгляды А. А. Ухтомского и его этическое учение (<i>Е. А. Фёдорова</i>)	27
1.3. Записные книжки и дневники А. А. Ухтомского	35
1.4. Переписка А. А. Ухтомского	48
1.5. А. А. Ухтомский [О «естественном» в человеке].	57
1.6. Ухтомский А. А. Доминанта как рабочий принцип нервных центров (с заметками на полях и комментарием)	66
1.7. Доклад А. А. Ухтомского «Принцип доминанты» (фрагменты)	85
1.8. Отзыв А. А. Ухтомского о дипломной работе Д. Б. Гуркина (фрагменты)	86
1.9. Заметки на полях книг А. А. Ухтомского	89
1.9.1. Коллекция Рыбинского музея-заповедника	90
1.9.2. Библиотека Санкт-Петербургского государственного университета	111
1.9.3. Из частных коллекций	119
1.10. Библиография работ об Ухтомском (<i>сост. Е. А. Фёдорова</i>)	126
Р а з д е л 2. Методологические основы изучения русской литературы по сочинениям Д. И. Чижевского.	133
2.1. Д. И. Чижевский: личность, биография, творчество (<i>А. В. Тоичкина</i>)	135
2.2. Д. И. Чижевский о России и Европе (<i>Е. А. Фёдорова</i>)	141
2.3. Д. И. Чижевский о Страхове и Достоевском (<i>А. В. Тоичкина</i>)	144

2.4. Понятие стиля в исследованиях Д. И. Чижевского. Творчество А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского (<i>А. В. Тоичкина</i>)	155
2.5. Д. И. Чижевский о Н. В. Гоголе и Ф. М. Достоевском (<i>Е. А. Фёдорова</i>)	194
2.6. Д. И. Чижевский. Пушкин (<i>пер. А. В. Тоичкиной</i>)	200
2.7. Д. И. Чижевский. Лермонтов (<i>пер. А. В. Тоичкиной</i>)	229
2.8. Д. И. Чижевский. Достоевский (<i>пер. В. В. Янцена</i>)	238
2.9. Библиография исследований о Д. И. Чижевском и сочинений Д. И. Чижевского (<i>сост. А. В. Тоичкина</i>)	266

Раздел 3. Аксиологический подход к изучению русской
классической литературы в средней школе. 271

3.1. Программа духовно-нравственного воспитания в средней школе для 5–10 классов (<i>Е. А. Фёдорова, В. В. Любарев</i>)	273
3.2. Феномен «богатство» в свете этического учения А. А. Ухтомского (на материале сказок А. С. Пушкина и М. Е. Салтыкова-Щедрина) (<i>С. В. Капустина</i>)	279
3.3. Школьное изучение романа А. С. Пушкина «Дубровский» в свете этических законов А. А. Ухтомского (<i>С. В. Капустина</i>)	286
3.4. Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский о детстве и отрочестве (<i>Е. А. Фёдорова, В. В. Любарев</i>)	291
3.4.1. Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский о детстве.	291
3.4.2. Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский об отрочестве.	300
3.5. А. С. Пушкин и Л. Н. Толстой о судьбе России в романах «Капитанская дочка» и «Война и мир» (<i>Е. А. Фёдорова</i>)	314
3.6. «Мертвые души» Н. В. Гоголя и «Господа Головлевы» М. Е. Салтыкова-Щедрина: аксиологический подход (<i>С. В. Капустина</i>)	327
3.7. Методические разработки занятий для средней школы по творчеству А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого (<i>В. В. Любарев</i>)	345
3.7.1. Роман А. С. Пушкина «Капитанская дочка»: Петр Гринев и Емельян Пугачев, 8 класс.	345

3.7.2. Повесть Н. В. Гоголя «Шинель»: анализ образа главного героя, 8 класс.	354
3.7.3. Роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»: анализ главы «Княжна Мери», 9 класс.	360
3.7.4. Роман-хроника М. Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города»: обзорный урок, 10 класс	367
3.7.5. Достоевский в кинематографе: принцип доминанты А. А. Ухтомского.	376
3.7.6. Судьба личности и народа по роману Л. Н. Толстого «Война и мир»: принцип доминанты А. А. Ухтомского	386
Р а з д е л 4. Аксиологический подход к интерпретации русской классической литературы в высшей школе.	403
4.1. Аксиологический подход к изучению русской классической литературы в высшей школе (<i>А. В. Тоичкина</i>)	405
4.2. Программа по дисциплине «Сравнительное славянское литературоведение» (<i>М. П. Мальков, А. В. Тоичкина</i>)	412
4.3. Программа духовно-нравственного воспитания в высшей школе «Аксиологический подход к изучению русской классической литературы XIX века» (<i>Е. А. Фёдорова, С. В. Капустина</i>)	419
4.4. А. С. Пушкин о судьбе России в драме «Борис Годунов» (<i>Е. А. Фёдорова</i>)	453
4.5. Мечтатели, игроки и парадоксалисты М. Ю. Лермонтова и Ф. М. Достоевского (<i>Е. А. Фёдорова, В. В. Любарев</i>)	466
4.6. Повесть «Двойник» и роман Ф. М. Достоевского «Бесы» как предупреждение (<i>Е. А. Фёдорова</i>)	483
4.7. «Русская идея» в романе Ф. М. Достоевского «Подросток» (<i>А. В. Тоичкина</i>)	496
4.8. Преображение личности в романе «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского и поздних повестях Л. Н. Толстого (<i>Е. А. Фёдорова</i>)	513
Именной указатель.	527
Сведения об авторах	539

ВВЕДЕНИЕ

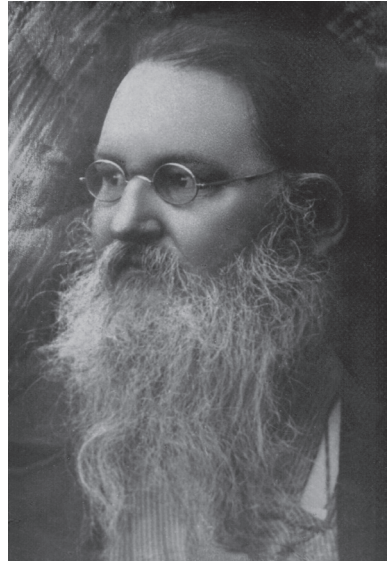
В настоящее время возникла потребность аксиологического подхода к изучению русской классической словесности в высшей и средней школе. Во-первых, современная учебная литература сохраняет стереотипы и сложившийся в советские годы тенденциозный взгляд на произведения Гоголя, Пушкина, Лермонтова, Достоевского, Толстого и Салтыкова-Щедрина. Во-вторых, интерпретации классических произведений в кинематографе и современной культуре могут содержать различные трансформации, при этом система ценностей авторов и интерпретаторов не всегда совпадают. Целью данного исследования является максимально адекватное или эквивалентное прочтение произведений русской классической литературы, которое позволяет реконструировать картину мира великих русских писателей как национальную картину мира русского народа.

Помочь в этом могут Алексей Алексеевич Ухтомский (1875–1942) и Дмитрий Иванович Чижевский (1894–1977), чье культурное наследие еще до конца не прочитано и не освоено. В нашей монографии впервые частично публикуется работа А. А. Ухтомского «О “естественном” в человеке»¹ (СПбФ АРАН. Ф. 749. Оп. 1. Ед. хр. 92/6), в которой исследователь изложил свое учение о иерархическом строении человека, а также некоторые заметки на полях книг из библиотеки А. А. Ухтомского, его письма, фрагменты из дневников и записных книжек. Кроме того, впервые публикуются в переводе на русский язык работы Д. И. Чижевского о Пушкине, Лермонтове и Достоевском.

Работы Д. И. Чижевского о Гоголе и Достоевском публиковались, но не полностью. Записные книжки, письма и заметки на полях книг А. А. Ухтомского публиковались, но без указания архивных источников и без сохранения авторской орфографии, которая в некоторых случаях позволяет установить время написания заметок. В результате проведенного исследования авторам данной коллективной монографии удалось обнаружить заметки Ухтомского о Ф. М. Достоевском, Л. Н. Толстом, которые еще не публиковались (из фонда редкой кни-

¹ Данная работа не названа автором; название предлагается по содержанию.

ги Рыбинского музея-заповедника и библиотеки Санкт-Петербургского университета, Санкт-Петербургского Филиала Архива Академии наук РФ), а также его письма и фрагменты записных книжек. В монографии впервые публикуются письма А. А. Ухтомского, адресованные Марку Викторовичу Кирзону и Елене Исааковне Бронштейн-Шур, а также письма Е. И. Бронштейн-Шур, которые хранятся в Санкт-Петербургском Филиале Архива Академии наук РФ.

А. А. Ухтомский

А. А. Ухтомский сформулировал три универсальных этических закона на основе анализа произведений Достоевского — закон доминанты, закон возмездия или заслуженного собеседника и закон любви или искупления милосердием. Кроме того, он впервые использовал понятие «хронотоп» как совокупность временных и пространственных отношений, позволяющих моделировать картину мира. Это понятие М. М. Бахтин перенес в область литературоведения. Ухтомский размышлял также об интегральном образе как части предметного мира, которая выражает доминанту ее носителя. Он видел опасность в «двойнике» как проекции негативных рецепций человека, поскольку часто человек судит о других по себе, по тому, что несет в себе. «Двойник» приводит человека к саморазрушению, только освобождение от него поможет выйти на другой уровень коммуникации, которая предполагает умение увидеть в другом человеке высшую ценность. Воспитание в себе «собеседника» — это задача, стоящая перед любым человеком в течение всей его жизни. Образцами «собеседников» Ухтомский считал Сократа, Христа и немногих героев русской классики, в том числе, например, Зосиму Достоевского («Братя Карамазовы»).

Учение об иерархичном строении человека А. А. Ухтомский изложил в не опубликованной еще работе, которая хранится в Санкт-Петербургском Филиале Архива Академии наук, «О «естественном»

в человеке» (нач. XX в.) (Ф. 749. Оп. 1. Ед. хр. 92/6), а также в заметках на полях книг из своей библиотеки, которая частично сохраняется в Рыбинском музее-заповеднике и библиотеке Санкт-Петербургского университета. Неопубликованные заметки на полях настольной книги писателя «Добротолюбие» (М., 1895. Т. 2) («Добротолюбие» находится в фонде редкой книги Рыбинского музея — РБМ-45380) позволяют увидеть, что святоотеческое учение является основой антропологии Ухтомского. Учёный вслед за Отцами Церкви считает, что «греха и страсти нет в природе человека». Напротив слов о том, что «любовь и добродѣтель естественно присущи нашей природе» Ухтомский пишет: «“Естественный нравственный закон” (зачатки его еще у животных!)». Также мыслитель подчеркивает слова Апостола Павла о «душевном», «плотском» и «духовном» человеке.

Опираясь на труды Отцов Церкви (в основном Иоанна Лествичника и Ефрема Сирина), Ухтомский определяет «естественного» (душевного) человека как поступающего по своей природе, несущего в себе любовь и добродетель, но не овладевшего теми добродетелями, которые даются человеку его духовной деятельностью (чистота, безгневие, смиренномудрие, умиление, бдение, молитва и пост). Проявление естественного начала в человеке — это совесть, считает Ухтомский. «Плотской» человек действует против своего естества, а духовный — «естество преобразует в дух». На обороте форзаца «Добротолюбия» Ухтомский размышляет о добродетелях: «Добродѣтели — здоровое равновесіе жизни, норма» (Авва Дорофей с. 625). «Добродѣтель покоить челоуѣка, ибо она норма для него» (с. 628)».

Нравственный выбор личности определяет ее судьбу. Судьба понимается Ухтомским как Суд Божий (см. маргиналии на полях статьи «Доминанта как рабочий принцип нервных центров»). Размышляя о переходном, кризисном времени, ученый предполагал, что кризис означает начало новой жизни, ее обновление.

Человек может предугадывать будущее. Это происходит, по мнению Ухтомского, если доминанта в человеке достигает своего наивысшего развития и совпадает с хронотопом внутри и вне человека (см. заметки на полях романа Достоевского «Игрок»). Великие последствия происходят благодаря мелким случайностям, по мысли Ухтомского, но случайность предусмотрена великим Разумом со-

бытий и бытия (см. маргиналии на полях романа Достоевского «Под-
росток»).

Подобное представление об иерар-
хичности человека Д. И. Чижевский
излагает в двух работах: «Досто-
евский и западноевропейская фи-
лософия» (1931) и «Достоевский-
психолог» (1932). В перечисленных
статьях мыслитель указывает источ-
ники «традиционного иерархиче-
ского учения о душевной жизни»:
это святоотеческая антропология,
неоплатонизм (Достоевский его
воспринимает через Шиллера),
романтизм Гофмана и Каруса. Чи-
жевский утверждает, что человек

Д. И. Чижевский

«микrokосмичен», в его душе отражается весь мир. В нем есть
«нижнее природное» начало (сладострастие), которое у Достоев-
ского ассоциируется с насекомым и проявляется в человеке сильнее,
чем моральное сознание (ананасовый компот у Лизы Хохлаковой
из «Бесов»). В душе человека происходит сознательная борьба
между добром и злом, Богом и дьяволом. Но есть еще бессознатель-
ная жизнь души — это надприродное бессознательное, представ-
ленное, по мнению Чижевского, творческим вдохновением и вещи-
ми снами. Источником морального и религиозного откровения,
которое дается Ордынову («Хозяйка»), Мышкину («Идиот»), Ки-
риллову («Бесы»), Алеше Карамазову (глава «Кана Галилейская»
в романе «Братья Карамазовы»), является «дух народа» или Святой
Дух. Абсолютные корни человеческого существа — это вера, любовь
к Богу и любовь к ближнему. Отсутствие любви к конкретному
человеку приводит этический субъект к полному одиночеству, а
затем и к гибели.

Общим в антропологии Ухтомского и Чижевского является отри-
цание «просвещенства» (позитивизма, эмпиризма и материализма),
признание вслед за Гегелем и Достоевским истин двух порядков —
«неподвижных идей» и «живых идей», а также утверждение необ-
ходимости в сознании человека существования категории «лица

Другого». В заметках на полях книги «Новые идеи в философии» (СПб., 1914, РБМ-6924) Ухтомский предлагает классификацию истин: «1) истины технологического интереса — приспособляемые к тому, чего мы хотим; 2) истины наличия, которым мы слѣдуем всегда, даже и тогда, когда сопротивляемся им, — формальные истины» [с. 98–99].

В понимании феномена «двойничества» между мыслителями есть некоторая разница. Для Ухтомского «двойник» — это барьер между человеком и миром, который возникает из-за того, что человек сосредоточивает доминанту своей души на себе. «Закон заслуженного собеседника» гласит, что мы получаем в жизни тех собеседников, которых заслужили. Чижевский в Голядкине, герое повести Достоевского «Двойник», видит не индивидуализм и эгоизм, как Ухтомский, а рационализм, который ведет к опустошению жизни, к ослаблению человеческого индивидуального бытия, к обезличиванию. В «двойнике», по мысли Чижевского, находит выражение человеческая «заменяемость». Этическая функция появления «двойника» схожа с этической функцией смерти. Поэтому перед человеком возникает дилемма: или обретение новой жизни в Абсолютном бытии, или уход в Ничто.

Ухтомский и Чижевский выстраивали свои учения о человеке, опираясь не только на святоотеческое наследие, труды Гегеля и сочинения Н. О. Лосского, главным для них было исследование человека в творчестве Ф. М. Достоевского. Представление о человеке обоих мыслителей иерархично: оба выделяют низшую биологическую природу человека (у Ухтомского «плотской» человек), которая может быть отделена от человека и воплощена в его «двойнике». При этом Ухтомский критикует прежде всего эгоизм и индивидуализм, а Чижевский — рационализм, но оба не принимают идеи Просвещения. Объединяет Ухтомского и Чижевского утверждение о динамическом характере духовной составляющей человека, о напряженной борьбе добра и зла, Бога и дьявола в душе человека. Ухтомский утверждает совесть как естественный регулятор поведения человека, но, как и Чижевский, считает, что в восстановлении единства человека с Абсолютным бытием главную роль играют любовь к Богу и любовь к ближнему, а также предание и христианские символы. Чижевского интересует «надприродная» составляющая человека, которая может его вести к двум полюсам бытия. Его выражение он видит

в откровениях героев Достоевского и в их вещих снах (как источниках морального и религиозного откровения).

Оба мыслителя вслед за Гегелем выделяют истины двух рядов (которые зависят от человека и которые существуют независимо от него) и размышляют об идее бессмертия человека, критикуя идею «вечного возвращения» Ницше и его теорию сверхчеловека. Ухтомскому и Чижевскому близка «русская идея» Достоевского как «русский» синтез всех идей и идеалов, переживаемых Западом и Востоком, оба мыслителя верят в великое будущее России. Но взгляды на некоторые произведения русской классической литературы (например, на роман «Бесы») у мыслителей различны.

Некоторые размышления А. А. Ухтомского связаны с текущими политическими событиями в стране, в частности, речь идет о проблеме интеллигенции и народа. Категоричность его суждений объясняется болью за состояние России, во многом ответственность за происходящее он возлагает на либеральную интеллигенцию. Не следует забывать о том, что в советской России были репрессированы многие его близкие люди, в том числе брат Александр (епископ Андрей). Кроме того, близостью к единоверческой церкви объясняется критическое отношение Ухтомского к реформам патриарха Никона.

Не лишены субъективности и отдельные утверждения Д. И. Чижевского, по взглядам близкого к либеральному западничеству. Так, при анализе трагедии Пушкина «Борис Годунов» он не учитывает древнерусские исторические источники. В романах «Бесы» и «Братья Карамазовы» он по-своему рассматривает генезис «высшего типа». Но любопытна его точка зрения о том, что романы Достоевского являются дидактическими произведениями. Этим исследователем показывается, что великий русский писатель является продолжателем дидактической древнерусской литературы.

В коллективную монографию включены статьи с анализом тех произведений русской классической литературы, которые относятся к программным (методические материалы ориентированы на ФГОСы). Особое внимание уделяется дискуссионным вопросам преподавания русской литературы в средней и высшей школе. Предлагаются программы духовно-нравственного развития для средней и высшей школы, а также методические разработки в помощь учителям и преподавателям.

Принцип доминанты Ухтомского, его «закон заслуженного собеседника» и этическое учение Чижевского позволяют осуществить аксиологический подход к художественному тексту. Использование этих категорий, предложенных мыслителями, помогает воссоздавать этическую перспективу в тексте произведений классической русской литературы, сохраняющей духовные доминанты русского народа.

Над первым разделом монографии работала Е. А. Фёдорова, над вторым — А. В. Тоичкина и Е. А. Фёдорова, над третьим — Е. А. Фёдорова, С. В. Капустина и В. В. Любарец, над четвертым — А. В. Тоичкина, Е. А. Фёдорова и С. В. Капустина. Именной указатель составили В. В. Любарец и С. В. Капустина.

Благодарим Рыбинский государственный историко-архитектурный и художественный музей, Санкт-Петербургский Филиал Архива РАН, Санкт-Петербургский государственный университет за предоставленные к публикации материалы.

Ссылки

1. Добротолюбие в русском переводе, дополненное: в 5 т. 2-е изд. М.: Изданием Русского на Афоне Пантелеймонова монастыря, 1895. Т. 2. VI, 5. 760 с. (РБМ-45380).
2. Ухтомский А. А. Доминанта как рабочий принцип нервных центров // Русский физиологический журнал имени И. М. Сеченова. 1923. Т. VI. Вып. 1, 2, 3. С. 31–45 (РБМ-17175).

Раздел 1

УЧЕНИЕ О ЧЕЛОВЕКЕ
А. А. УХТОМСКОГО

1.1. А. А. Ухтомский: личность, биография и культурное наследие

Е. А. Фёдорова

Есть люди, как далекие звезды: свет от них приходит к нам не сразу, зато он так ослепителен, что виден всем. К таким людям относится Алексей Алексеевич Ухтомский (1875–1942) — известный ученый-физиолог, академик РАН. Сформулированный им принцип доминанты используется сейчас во многих естественных и гуманитарных науках. Предложенные ученым этические законы являются универсальными: они применимы во всех областях, где рассматривается человек в его целостности. Однако далеко не все наследие Ухтомского освоено его потомками.

А. А. Ухтомский принадлежит к древнему княжескому роду. Родословная ученого написана им на нахзаце книги «Добротолубие», которая хранится сейчас в фонде редкой книги Рыбинского музея-заповедника. Хотя род Ухтомского относится к династии Рюриковичей, однако начинает свою родословную ученый не с Рюрика или Юрия Долгорукого, а с князя Василька Константиновича Ростовского (1209–1238), погибшего в монгольском плену после поражения русских войск на реке Сити, где его принуждали отказать от христианской веры. Князь-мученик сейчас канонизирован Православной Церковью. Среди предков ученого в родословной выделены также Иван и Федор, которые были «убиты на Дону», во время Куликовской битвы, а также Александр, погибший под Конотопом в 1664 году во время русско-польской войны. Запись этой родословной раскрывает доминанты ее создателя. Для Ухтомского главным в жизни было служение людям и любимому делу, к которому он пришел не сразу.

Родился Алексей Алексеевич Ухтомский 13 июня 1875 года в селе Вослома Арефинской волости Рыбинского уезда Ярославской губернии в семье землевладельца, мичмана в отставке Алексея Николаевича Ухтомского и его жены Антонины Федоровны, урожденной Анфимовой. Один из потомков князя Всеволода Юрьевича Большое Гнездо получил во владение волость, которая располагалась по реке Ухтоме, — она и дала фамилию князьям Ухтомским. В семье Ухтомских было трое сыновей (Александр, Алексей и Владимир) и две дочери (Елизавета и Мария). Владимир ушел из жизни в возрасте 20 лет. Отец Ухтомского, Алексей Николаевич, увлекался народной медициной, военной и исторической литературой. Своему ученику Василию Меркулову Ухтомский в 1933 году говорил о том, что его отец пробудил у него интерес к физиологии. Александр Николаевич Ухтомский успешно лечил от туберкулеза рыбинских крестьян двумя способами¹. Мать будущего ученого, Антонина Федоровна, отличалась практичностью и одновременно стремлением к риску. А. А. Ухтомский рассказывал Меркулову, что мать после продажи имения в Восломе вложила деньги в акции каких-то компаний. Весной 1885 года, когда возникла опасность разорения из-за падения курса акций, она, несмотря на угрозу жизни, перебежала по льду на другой берег Волги, чтобы продать акции в банке².

Глухие северные леса, давшие приют прославленным преп. Нилу Сорскому, старцам Андриану Пошехонскому, Севастиану Сохотскому, а также сокровенным староверческим общинам, необыкновенно живописные места, о которых с любовью вспоминал ученый, во многом определили его мировоззрение и самобытную натуру. В годовалом возрасте его на воспитание взяла тетя, Анна Николаевна Ухтомская (1832–1898), которая после смерти родителей жила одна в собственном доме в Рыбинске, в Зачеремущье, недалеко от храма во имя св. Тихона Задонского. На кладбище при этом храме покоятся пять представителей рода Ухтомского. Тетя Анна Николаевна стремилась воспитать в племяннике разностороннего человека с высокими нравственными принципами, искателя истины.

¹ Меркулов В. Л. Алексей Алексеевич Ухтомский. Очерк жизни и научной деятельности (1875–1942). М.; Л.: Наука, 1960. С. 40.

² Там же. С. 13.

Ухтомские прославили свои имена в разных общественных сферах. Дмитрий Васильевич Ухтомский (1719–1775) — выдающийся архитектор, который руководил 17 лет «архитектурной командой» в Москве и воспитал более 80 архитекторов. Маргарита Андреевна Ухтомская (1809–1888) — переводчица и поэтесса, ей принадлежит перевод на итальянский язык «Ревизора» Н. В. Гоголя. Эспер Эсперович Ухтомский (1861–1921) — известный знаток Востока, директор Русско-Китайского банка, редактор «Санкт-Петербургских ведомостей». Он сопровождал цесаревича Николая во время кругосветного путешествия на яхте «Штандарт».

Сочинения Отцов Церкви (в том числе преп. Тихона Задонского) и жития святых, особенно Алексея человека Божия и преп. Сергия Радонежского, постепенно стали любимым чтением Ухтомского. Классическая мужская гимназия Рыбинска (1884–1888), а затем — Нижегородский кадетский корпус имени А. А. Аракчеева (1888–1894) — это первые ступени образования Ухтомского. Будучи гимназистом, А. А. Ухтомский брал уроки игры на скрипке, учился пению, увлекался рисованием (впоследствии сам писал иконы). Тогда же возник его интерес к иностранным языкам. Чтение художественной литературы на английском, французском и немецком языках расширило кругозор будущего академика, развило его вкус и подтолкнуло к размышлениям. Одно из любимых произведений Ухтомского — драма Гете «Фауст». Чтение с 17 лет книг американского психолога Джемса, сочинений Аристотеля, Декарта, Спинозы, Канта, Гегеля и Фейербаха заставило его задуматься о законах бытия. Любимым чтением Ухтомского стали произведения русских писателей — Федора Михайловича Достоевского и Льва Николаевича Толстого. Благодаря родственным связям Ухтомскому удалось познакомиться сначала с сыновьями великого русского писателя, а потом — и с самим Львом Николаевичем Толстым³.

В кадетском корпусе будущего ученого обучал математике Иван Петрович Долбня (1853–1912). Впоследствии общение с любимым учителем было продолжено в Петербурге, где тот стал профессором, а затем и ректором Горного института. В 1894 году Алексей Алексеевич Ухтомский поступил на словесное отделение Московской

³ Меркулов В. Л. Алексей Алексеевич Ухтомский. Очерк жизни и научной деятельности (1875–1942). М.; Л.: Наука, 1960. С. 19.

духовной академии, где уже учился его старший брат Александр. На решение братьев, как утверждает М. Л. Зеленогорский⁴, повлияла встреча с о. Иоанном Кронштадтским на волжском пароходе во время возвращения с каникул домой в Вослому.

В Московской Духовной академии в это время преподавал крупнейший русский историк Василий Осипович Ключевский (1841–1911). Здесь, в Духовной академии, у будущего ученого вызревает мысль определить естественные и духовные основы поведения людей, ведь человек целостен, соединяя в себе социальную, духовную и физиологическую природу. Большое впечатление на будущего ученого оказывает чтение трудов великого химика Дмитрия Ивановича Менделеева (1834–1907). Ухтомский защищает диссертацию на тему «Космологическое доказательство Бытия Божия».

Судьба брата, Александра Алексеевича Ухтомского (1872–1937), заслуживает отдельного разговора. В Московской Духовной академии он защищает диссертацию «О гневе Божиим». В 1895 году принимает постриг с именем Андрей. В 1911 он становится епископом Сухумским, в 1913 году — епископом Уфимским и Мензелинским. В 1937 году был приговорен Особой тройкой к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение в Ярославле.

В июле 1898 года ушла из жизни (умерла от рака) любимая тетья Анна Николаевна, самый близкий для А. А. Ухтомского человек, которого он причислял к разряду настоящих «собеседников». Алексей Алексеевич на полгода уходит в Иосифо-Волоколамский монастырь. Здесь ему не хватает научной атмосферы, ему нужна «келья с математикой». С 1899 года он становится вольнослушателем на восточном факультете Санкт-Петербургского университета, а на следующий год входит в число студентов физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета для изучения физиологии. В автобиографии Ухтомский пишет о том, что выбрал Петербург, поскольку туда переехал его любимый учитель И. П. Долбня. В Санкт-Петербургском университете он встретил второго учителя в своей жизни. Николай Евгеньевич Введенский (1852–1922) — крупнейший физиолог, член-корреспондент Петербургской Академии наук, создатель теории нервного торможения. В 1903 го-

⁴ Зеленогорский М. Л. Жизнь и труды архиепископа Андрея (князя Ухтомского) / М. Л. Зеленогорский. [Б. м.]: Мосты культуры, 2011. С. 22.

ду Ухтомский опубликовал свою первую научную работу по физиологии⁵.

В 1902 году в возрасте 60 лет ушел из жизни Александр Николаевич Ухтомский, отец будущего ученого, перед смертью благословивший занятия сына наукой. Летом 1903 года Алексей Алексеевич отправился в путешествие по центральной России, во время которого он знакомился с народными песнями и преданиями. В 1905 году совершил поездку по Уралу и Западной Сибири.

С осени 1905 года началось общение А. А. Ухтомского с Варварой Александровной Платоновой (1884–1942?), которое продолжалось до самой его смерти. Сначала Варвара Александровна считалась невестой Алексея Алексеевича, но потом, вспоминая своего небесного покровителя, Алексея человека Божия, Ухтомский отказался от перспективы семейной жизни, был избран старостой Николо-Миловской Единоверческой церкви в Петербурге, поддерживая духовное общение с близким ему человеком в письмах (более 35 лет они находились в переписке). В 1921 году А. А. Ухтомский тайно принимает постриг под именем Алимпий. Варвара Платонова находит свое место в общине прихода Высоко-Петровского монастыря, где ее также избирают старостой.

Как и его брат, владыка Андрей, А. А. Ухтомский трижды был арестован и находился под наблюдением как политически неблагонадежный человек. Арест в 1920 году после пребывания в Рыбинске и заключение в ярославский политический изолятор чуть не завершились расстрелом, от которого его спас мандат депутата Петроградского Совета VI созыва от рабочих и служащих университета. Больше в Рыбинск ученый не возвращался.

В его рыбинском доме жили родственники домоуправительницы Надежды Ивановны Бобровской. Близким другом, который помог Ухтомскому вывезти его библиотеку из Рыбинска, был Алексей Алексеевич Золотарев (1879–1950) — общественный деятель, писатель и краевед, друг А. М. Горького, создатель метода литературного краеведения. Они вместе с Ухтомским учились в Петербургском университете, постоянно общались и в Петербурге, и в Рыбинске. Золотарев вовлек Ухтомского в работу Рыбинского

⁵ Алексей Алексеевич Ухтомский / Сост. П. Г. Терехов. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. С. 3.

религиозно-философского общества. В начале 1918 года Ухтомский выступил на двух его заседаниях с докладом о старообрядческом понимании антихриста. В 1926 году Золотарев пригласил Ухтомского выступить на Всероссийском краеведческом съезде в Рыбинске с докладом о доминанте, но Ухтомский отказался от приглашения.

После защиты диссертации в 1911 году Ухтомский становится преподавателем физиологии в Психоневрологическом институте. После смерти любимого учителя Н. Е. Введенского в 1922 году Алексей Алексеевич Ухтомский принимает на себя руководство физиологической лабораторией университета. Совместная работа с учениками и единомышленниками в Петергофе в 1922–1923 годах стала самым ярким и светлым периодом жизни ученого, который называл научное содружество «Прекрасной Александрией». Всего Ленинградскому университету ученый посвятил 43 года жизни.

Развивая учение Н. Е. Введенского о торможении, Ухтомский в 1921 году начинает работать над принципом доминанты. Впервые он выступает с официальным докладом о доминанте 2 апреля 1923 года на заседании биологического студенческого научного кружка Ленинградского университета, в котором указывает, что понятие «доминанта» заимствовано им из второго тома книги Рихарда Авенариуса «Критика чистого опыта» (1888–1890). Однако для его предшественника доминанта — «нечто исключительное, нечто отходящее от нормы»⁶, тогда как Ухтомский считает этот принцип универсальным. Доминанта — это стойкое возбуждение, протекающее в нервных центрах в данный момент, которое приобретает значение господствующего фактора в работе прочих центров. Доминанта выражается в повторном возбуждении определенных центров и в одновременном сопряженном торможении других центров⁷. Закон доминанты помогает изучать человека целостно, в единстве его души и тела. Василий Меркулов вспоминает, как Ухтомский признавался ему в 1933 году, что еще 15-летним кадетом он прочитал книгу об одном враче-подвижнике, который решил описать свои предсмертные

⁶ Санкт-Петербургский Филиал Архива РАН. Ф. 749. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 14.

⁷ Айрапетьянц Э. Ш. Жизнь и творчество Алексея Алексеевича Ухтомского (К 100-летию со дня рождения) // Журнал эволюционной биохимии и физиологии. 1975. Т. 11. № 3. С. 214–215.

ощущения ради науки. Яркое художественное описание страданий сочеталось в этой книге со светлым сознанием, что умирающий врач может своими страданиями приоткрыть завесу над тайной смерти. Это чтение ошеломило Ухтомского, он стал читать книги по психологии, но не нашел в них ответа на вопрос, что заставляет человека пожертвовать своей жизнью для блага других людей⁸.

В 1927 году Ухтомский написал монографию «Парабиоз и доминанта». В 1932 году он был награжден Ленинской премией и избран членом-корреспондентом, а с 1935 года — действительным членом Академии наук СССР. В 1941 году подготовил к печати свои лекции по физиологии нервной системы⁹. Ухтомский был не только выдающимся ученым, но и талантливым педагогом. На лекциях он вел доверительную беседу со своими слушателями, стремился двигаться в лекциях систематично и последовательно от простого к сложному, фактический материал он давал в свете современной теории и сопровождал лекцию иллюстративным материалом¹⁰. Любил рисовать на доске цветными мелками, пробуждая в слушателях аналитическое и образное мышление.

После начала блокады Ленинграда у Ухтомского было много возможностей уехать из города. Он дал согласие на выезд из блокадного Ленинграда своих сотрудников и учеников (в Рыбинском музее сохранились письма его учениц и крестницы, которые благодарили его за помощь в эвакуации), но сам вместе с лаборантами продолжал работать в Институте физиологии при Ленинградском университете. Он проводил исследования по травматическому шоку, искал факторы, устраняющие у раненых этот шок, и успел их записать, несмотря на ухудшающееся состояние здоровья. У него был диагностирован рак пищевода, но от операции Ухтомский отказался. Последний его труд — «Система рефлексов в восходящем ряду». Скончался ученый 31 августа 1942 года, похоронен на Волковом кладбище Санкт-Петербурга. В 1945 году организованный Ухтомским в 1934 году научно-исследовательский физиологический институт стал носить его имя.

⁸ Меркулов В. Л. Алексей Алексеевич Ухтомский. Очерк жизни и научной деятельности (1875–1942). М.; Л.: Наука, 1960. С. 40–41.

⁹ Алексей Алексеевич Ухтомский / сост. П. Г. Терехов. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. С. 5.

¹⁰ Там же. С. 14–15.

Осенью 1982 года возникла идея создания музея в рыбинском доме А. А. Ухтомского. Значительную роль в этом сыграл ученик академика Федор Петрович Некрылов, который был сотрудником лаборатории Ухтомского с 1930 по 1942 год (его архив хранится в Рыбинском музее). Архитекторами Валерием Семеновым и Ольгой Протасовой был разработан проект внутренней реконструкции планировки дома и создан проект благоустройства территории будущего музея. Проект согласован с ленинградскими учеными-физиологами, сотрудниками научно-исследовательского института имени А. А. Ухтомского, — докторами наук академиком А. С. Батуевым, профессором Б. Н. Савченко, кандидатом биологических наук В. Л. Балаксиной, ученым секретарем Л. В. Соколовой. 20 сентября 1990 года состоялось торжественное открытие Мемориального Дома-музея А. А. Ухтомского. Автором концепции нового музея стала Наталья Николаевна Бикташева, которая затем более 30 лет возглавляла музей. Директор музея Наталья Николаевна Бикташева и научный сотрудник Ольга Васильевна Иванова системно исследовали научное и культурное наследие Ухтомского, работая в архивах и описывая библиотеку Ухтомского, которая частично хранится в Рыбинском музее-заповеднике.

С 1945 по 1962 год Ленинградским государственным университетом было издано шесть томов собрания сочинений А. А. Ухтомского. Первым биографом Алексея Алексеевича Ухтомского стал Т. Г. Терехов, который в 1954 году издал «Материалы к биографии» великого ученого. Василий Лаврентьевич Меркулов (1908–1980), доктор наук, физиолог и историк науки в 1960 году издал очерк, посвященный жизни и творчеству великого физиолога. Эта книга ценна тем, что в ней содержится малоизвестный материал о родителях А. А. Ухтомского, систематизированы архивные материалы и записи лекций и бесед с ученым за 1927–1937 годы. Отдельная глава книги посвящена педагогическому наследию ученого. В 1965 году, к 90-летию со дня рождения Ухтомского, вышла книга его ученика Эрвана Шамировича Айрапетьянца (1906–1975), доктора наук, заслуженного деятеля науки РСФСР. В нее включена автобиография А. А. Ухтомского. В 1968 году опубликован биографический очерк доцента ЯГПУ имени К. Д. Ушинского Анны Васильевны Шлюпиковой, в котором большое внимание уделено общественно-педагогической деятельности ученого. В 1992 году под редакцией Ф. П. Некрылова издан сборник мемуарных статей учеников А. А. Ухтомского. Еще

один ученик великого физиолога Илья Аркадьевич Аршавский (1903–1996), основоположник возрастной физиологии, автор термодинамической теории индивидуального развития, написал свои воспоминания об учителе в 2002 году. Семен Ефимович Резник (род. 1938), писатель и публицист, популяризатор науки, в своей монографии 2015 года проследил жизненный и творческий путь великого ученого и его биографа — В. Л. Меркулова.

Антропологические взгляды А. А. Ухтомского привлекли внимание, прежде всего, физиологов, психологов, философов и педагогов. В 1950–70-е годы освоением наследия великого ученого занимались Л. П. Васильев, А. К. Овчинникова, С. В. Беляева, П. А. Симонов, В. П. Зинченко и многие другие. Так, В. П. Зинченко стал развивать идеи Ухтомского о приобретаемых в процессе жизни функциональных органах индивида, которые могут противостоять непредсказуемости мира (доминанта, интегральный образ мира, воспоминание, парабиоз)¹¹. Духовным основанием этого явления, по мнению Зинченко, является исихастская антропология. Доминанта, таким образом, представляет собой энергию, объединяющую и подчиняющую себе некоторую группу энергий¹².

Настоящим открытием для читающей аудитории стали книги, изданные в 1990–2000-е годы, под редакцией доктора наук Людмилы Владимировны Соколовой и петербургских журналистов Игоря Сергеевича Кузьмичева (род. 1933) и Галины Михайловны Цуриковой (1928–2009). Дневники и записные книжки ученого, его письма и заметки на полях книг раскрыли необыкновенный мир мыслителя, которого интересуют вопросы бытия, проблемы познания истины, способы разрушения и восстановления личности, пути духовного совершенствования человека, проблемы интеллигенции и народа, Запада и Востока, судьбы России и многое другое.

Личность ученого, его внутренний мир и духовные искания получили отражение в изданных в Рыбинске и Санкт-Петербурге книгах: «Интуиция совести» и «Заслуженный собеседник», «Доминанта души», с любовью составленных и прокомментированных. Большим объемом архивного материала и ограничением во времени при подготовке

¹¹ Зинченко В. П. Психологическая педагогика. Материалы к курсу лекций. Часть I. Живое знание. Самара: Самарский Дом печати, 1998. С. 206, 211.

¹² Там же. С. 213–214.

публикаций объясняются некоторые недочеты этих изданий. Прежде всего, нет ссылок на архивные материалы, заметки на полях выписаны без указания книг, на страницах которых они находились. Исключение составляет книга «Доминанта души», в которой описание маргиналий на полях книг из библиотеки Ухтомского, хранящихся в Рыбинском музее-заповеднике, составлено с указанием на источники научным сотрудником музея Ольгой Васильевной Ивановой¹³. Поспешная интенсивная работа привела к тому, что некоторые материалы опубликованы с указанием не всегда верных источников. Так, текст письма Ухтомского к Е. И. Бронштейн-Шур от 15 августа 1928 года о Собеседнике в книге «Интуиция совести»¹⁴ соединяется с текстом записной книжки Ухтомского 1928 года¹⁵, но в качестве источника указывается только данное письмо.

Проблемой является также то, что часть культурного наследия Ухтомского находится в составе частных коллекций. Письма ученого к Е. И. Бронштейн-Шур, которые хранились у нее, были впервые выборочно опубликованы в журнале «Новый мир» (1972, № 11), а затем в книге «Пути в незнаемое» (М., 1973), но в настоящее время их местонахождение неизвестно. Письма Ухтомского к И. И. Каплан также находились в ее домашнем архиве.

Последующие перепечатки данных публикаций увеличивают путаницу. Так, в книге «Дальнее зрение» (СПб., 2024) под дневниковой записью от 5 ноября 1937 года¹⁶ размещена заметка Ухтомского на форзаце книги М. Е. Салтыкова-Щедрина, которая хранится в фонде редкой книги Рыбинского музея-заповедника¹⁷. Поэтому в настоящее время возникла необходимость создания нового издания сочинений А. А. Ухтомского с научным аппаратом, который пред-

¹³ Ухтомский А. А. Доминанта души: Из гуманитарного наследия / ред. И. С. Кузьмичев. Рыбинск: Рыбинское подворье, 2000. С. 294–325.

¹⁴ Ухтомский А. А. Интуиция совести: Письма. Записные книжки. Заметки на полях / отв. ред. А. С. Багужев; сост. Л. В. Соколова, Г. М. Цурикова, И. С. Кузьмичев. Санкт-Петербург: Петербургский писатель, 1996. С. 292–293.

¹⁵ Санкт-Петербургский Филиал Архива РАН. Ф. 749. Оп. 1. Ед. хр. 91/18. Л. 51–53 об.

¹⁶ Ухтомский А. А. Дальнее зрение. Из записных книжек (1896–1941) / отв. ред. А. Поташева. СПб.: Пальмира, 2024. С. 178.

¹⁷ Салтыков-Щедрин М. Е. Полное собрание соч. Т. 7–8. СПб., 1906. URL: gubmuseum.ru/entity/OBJECT/18561?query=Салтыков-Щедрин&index=5 (дата обращения: 24.04.2024).

полагает указание точных архивных источников. К 150-летию со дня рождения А. А. Ухтомского готовится к изданию коллективная монография под научной редакцией доктора биологических наук, профессора Санкт-Петербургского университета Людмилы Владимировны Соколовой и доктора педагогических наук, профессора ЯГПУ имени К. Д. Ушинского Владимира Владимировича Юдина.

Ярославль и Рыбинск объединяют исследователей и практиков, которые интересуются наследием Ухтомского. В 1990-е годы кандидат педагогических наук, профессор ЯГПУ имени К. Д. Ушинского, академик МАНПО Герман Константинович Селевко (1932–2008) возглавил Центр саморазвития и самосовершенствования личности Международной академии наук педагогического образования. На базе школы № 19 Рыбинска при участии Института развития образования им была создана федеральная экспериментальная площадка, где осуществлялась работа по введению инноваций в среднее образовательное звено на основе методологии А. А. Ухтомского. Результаты деятельности получили отражение в «Энциклопедии образовательных технологий» Г. К. Селевко, куда вошли описания более 500 педагогических технологий. В настоящее время инновационная деятельность продолжает осуществляться на базе школы № 32 Рыбинска, которая носит имя академика А. А. Ухтомского.

Доктор педагогических наук, профессор ЯГПУ имени К. Д. Ушинского Владимир Владимирович Юдин является организатором Межрегиональных научных конференций, посвященных А. А. Ухтомскому, которые проводятся в Ярославле и в Арефино. Так, в 2020 году к 145-летию со дня рождения ученого и 30-летию Мемориального Дома-музея Ухтомского им была организована XIII Межрегиональная научная конференция «Наследие А. А. Ухтомского в свете современных проблем изучения и развития человека».

В Рыбинске на базе муниципального учреждения дополнительного образования «Центр детского и юношеского творчества “Молодые таланты”» и РГАТУ имени П. А. Соловьева при поддержке Департамента образования Администрации городского округа город Рыбинск Ярославской области в течение двадцати лет ежегодно в феврале проводятся научные конференции школьников, посвященные памяти академика А. А. Ухтомского. Материалы научной конференции, куда входят лучшие доклады, публикуются в РГАТУ имени П. А. Соловьева.

Рыбинские журналисты Анна Васильевна Романова (учредитель и редактор историко-культурного журнала «Рыбная слобода») и Тамара Александровна Бельских (педагог, член Союза журналистов РФ, пресс-секретарь Совета ветеранов) и другие рыбинские краеведы в своих публикациях постоянно обращаются к наследию А. А. Ухтомского.

Книги, изданные в Петербурге и Рыбинске под редакцией Л. В. Соколовой и И. С. Кузьмичева, Г. М. Цуриковой, пробудили интерес у исследователей-гуманитариев к культурному наследию А. А. Ухтомского. Психологи, социологи, философы, историки и литературоведы все чаще осуществляют свои исследования с опорой на этическое учение Ухтомского, его комплексное исследование человека. В 2000-е годы защитили диссертации о наследии Ухтомского многие ученые: С. Н. Коробкова («Антропология А. А. Ухтомского в контексте русского естественно-научного (“физиологического”) материализма»), С. В. Каликанов («Учение А. А. Ухтомского о доминанте: историко-философский анализ»), Л. В. Соколова («Развитие учения о биосоциальной природе человека в трудах А. А. Ухтомского») и др. В 2003 году вышла в свет монография Юлии Викторовны Столбун «Психическая доминанта академика А. А. Ухтомского», в которой учение Ухтомского представлено комплексно, со ссылками на архивные источники.

Освоение культурного наследия Ухтомского осуществляется литературоведами. Валентин Евгеньевич Хализев (1930–2016) — доктор филологических наук, профессор МГУ, теоретик литературы, сопоставил методологию Ухтомского и Бахтина, ввел учение о доминанте в русло философских и духовных исканий начала XX века. Наталья Гуймебаевна Ашимбаева (род. 1944) — директор литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского в Петербурге, литературовед, заслуженный работник культуры РФ, обратилась к принципу доминанты Ухтомского при исследовании романа «Преступление и наказание», чтобы показать процесс формирования доминанты Раскольникова, которая привела его к преступлению. Виталий Юрьевич Даренский (род. 1972) — доктор философских наук, член Союза писателей России, рассмотрел «экзистенциальный поворот» русской философии XX века, в том числе труды А. А. Ухтомского, в герменевтике.

В Ярославском государственном университете имени П. Г. Демидова под руководством доктора филологических наук Елены Алек-

сеевны Федоровой работает научная группа, которая осуществляет аксиологический подход к тексту и опирается при этом на этические законы, сформулированные А. А. Ухтомским. В 2022 году к 80-летию памяти А. А. Ухтомского в ЯрГУ была проведена Всероссийская с международным участием научная конференция, по итогам которой был издан сборник с докладами его участников. В 2021 году в коллективной монографии «Достоевский в средней и высшей школе: проблемы и новые подходы» были опубликованы в качестве методологических работ в разделе «Антология для учителей» отрывки из сочинений А. А. Ухтомского (в работе над монографией принимали участие д-р филол. наук А. В. Моторин (Великий Новгород), канд. филол. наук М. А. Шалина (Евпатория), канд. филол. наук С. В. Капустина (Симферополь), канд. филол. наук Л. А. Гаврилова (Рыбинск), С. А. Бесоконова (Ярославль)). Будучи также научным сотрудником Рыбинского музея-заповедника, Е. А. Федорова продолжила, вслед за О. В. Ивановой, описание библиотеки А. А. Ухтомского в фонде редкой книги Рыбинского музея. Однако большая часть библиотеки ученого находится в Санкт-Петербургском государственном университете (частично заметки Ухтомского на полях книг из его библиотеки опубликованы в данной монографии), поэтому в перспективе предстоит еще большая работа по освоению всего культурного наследия А. А. Ухтомского. Свет звезды под именем «академик Алексей Алексеевич Ухтомский» продолжает светить нам и помогать в поисках истины.

1.2. Антропологические взгляды А. А. Ухтомского и его этическое учение

Е. А. Фёдорова

Этическое учение Алексея Алексеевича Ухтомского (1875–1942) можно выстроить на основе его отдельных статей, заметок, дневниковых записей и писем. Комплексной науке о человеке, частью которой являются сформулированные Ухтомским нравственные законы, посвящена монография Л. В. Соколовой [Соколова], В. Е. Хализев рассматривал это учение в контексте философии XX века [Хализев], Н. Т. Ашимбаева, опираясь на принцип

доминанты, рассмотрела три фазы ее формирования у Раскольникова, героя романа Достоевского «Преступление и наказание» [Ашимбаева].

В нашем исследовании мы обращаемся к дневникам и записным книжкам Ухтомского, которые сейчас находятся в Санкт-Петербургском Филиале РАН, и заметкам на полях книг Ухтомского, входящих в коллекцию Рыбинского музея-заповедника. Наша задача — проследить, как складывалось этическое учение Ухтомского, показать его связь со святоотеческим наследием, а также с помощью универсальных категорий, которые предложил ученый и мыслитель, проанализировать произведения Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского в свете его этического учения.

В дневниках и записных книжках Ухтомского 1890–1920-х годов постепенно складывается его этическое учение, которое вбирает в себя такие категории, как *Двойник*, *Собеседник*, *принцип доминанты*, *хронотон*. Ученый и мыслитель формулирует универсальные законы человеческого существования, которые действуют в жизни и в мире художественной литературы. Свое этическое учение Ухтомский во многом выстраивает на материале произведений двух великих русских писателей — Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого, а также с опорой на святоотеческое наследие.

27 августа 1897 года Ухтомский пишет в записной книжке о «естественном» и «сверхъестественном» законе жизни¹⁸. Естественный закон предполагает любовь и единение. Он дан человеку в раю, к нему он возвращается с помощью искупления. Неестественное состояние — это состояние греха и эгоизма. Ухтомский вспоминает концепцию страстей Исая Нитрийского¹⁹: влечение к Богу естественно, извращение этого чувства становится грехом, страстью. Необходимо, чтобы чувства человека вернулись в свое естественное состояние.

«Лествица» преп. Иоанна Синайского — это любимое чтение и Ухтомского, и Достоевского, и Толстого. В Рыбинском музее-заповеднике хранится настольная книга Ухтомского, к которой он возвращался, судя по заметкам разных лет, всю жизнь — это Добротолубие

¹⁸ Санкт-Петербургский Филиал Архива РАН. Ф. 749. Оп. 1. № 92/8. Л. 28.

¹⁹ Исая Скитский (Нитрийский) (вторая пол. IV — первая пол. V в.) — египетский подвижник, автор сочинения «Слова подвижнические».

(II том)²⁰, которое включает в себя труды Иоанна Лествичника, Ефрема Сирина и др. Подчеркивая слова о богоугодной жизни, Ухтомский пишет рядом: «Поставь доминанту на научение доброму, тогда в каждом человеке и своем собеседнике будешь черпать поучение доброе на доброе для обоих» [Добротолубие, с. 443]. Много размышлений вызывают у мыслителя понятия «естественный», «душевный» и «духовный» человек. Ухтомским подчеркнута в наставлениях Ефрема Сирина черными и красными чернилами: «Апостол людей поступающих естественно называл душевными, а поступающих противоестественно — плотскими; духовные же суть тѣ, которые и естество преобразуют в духъ» [Добротолубие, с. 342]. Внизу слов о человеке душевном Ухтомский делает заметку карандашом: «К анализу понятия “естественный”» [Добротолубие, с. 342].

Напротив слов о том, что «любовь и добродѣтель естественно присущи нашей природе» Ухтомский пишет: «“Естественный нравственный закон” (зачатки его еще у животных!)». Опираясь на труды Отцов Церкви, Ухтомский определяет «естественного» (душевного) человека как поступающего по своей природе, несущего в себе любовь и добродетель, но не овладевшего теми добродетелями, которые даются человеку его духовной деятельностью (чистота, безгневие, смиренномудрие, умиление, бдение, молитва и пост). Проявление естественного начала в человеке — это совесть, считает Ухтомский. «Плотской» человек действует против своего естества, поддаваясь греху, а духовный — «естество преобразует в дух».

В наставлениях Иоанна Лествичника в «Добротолубии» Ухтомский подчеркивает слова о «любящих Бога», которые мужественно переносят все беды, не теряя упования на Господа. Рядом мыслитель оставляет заметку, в которой цитирует роман Достоевского «Братья Карамазовы»: «М <ожет> Б<быть> это-то и значит, что “прежде всего надо полюбить жизнь” (Достоевский)» [Добротолубие, с. 412]. У Л. Н. Толстого Ухтомский находит тип праведника, о котором пишет преп. Иоанн Лествичник: «Ничто не приносит столько пользы ближнимъ, какъ смиренный и непритворный нравъ, и такое же

²⁰ Добротолубие в русском переводе, дополненное: в 5 т. 2-е изд. М.: Изданием Русского на Афоне Пантелеймонова монастыря, 1895. Т. 2. VI. 760 с. (РБМ-45380). Цитаты приводятся по этой книге.

слово». Рядом Ухтомский пишет: «Ср<авнить> “о. Сергей” у Л. Н. Толстого» [Добротолюбие, с. 643].

Духовная эволюция, замечает Ухтомский, должна привести человека от искусства и символов к благому молчанию и молитве, о которой написано: «...молитва подлинное исследование самого себя, чтение совести» [Добротолюбие, с. 678]. Высшая ступень развития человека духовного, по Иоанну Лествичнику, сравнивается с «новонасажденным деревом», а душа, «как водное орошение, имеет слезы по Богу» [Добротолюбие, с. 346]. Ухтомский пишет рядом: «Переходъ в нѣкоторое новое состояніе: “новая тварь”» [Добротолюбие, с. 346].

Подступом к созданию «закона заслуженного собеседника» Ухтомского является его дневник 1896–1897 гг., который, как и другие архивные документы Ухтомского, хранится в Санкт-Петербургском Филиале Российской академии наук. В записи от 22 сентября 1896 года Ухтомский цитирует А. Шопенгауэра (его книга на немецком языке хранится в коллекции Рыбинского музея) и размышляет о том, что человек часто сам виноват в том, что в своем прошлом он не может найти «великое и душевное», которое можно использовать для своего духовного роста. По мысли Ухтомского, человек хранит в своей памяти образы или «лица», которые несут важную информацию, нужно только уметь ее правильно прочитать: «Всякое челоѵческое лицо есть іероглифъ, который можно во всякомъ случаѣ разобрать и алфавить къ которому мы носимъ въ себѣ самихъ»²¹. Ухтомский считает, что лицо — это «мысль природы», «поэтому всякій заслуживаетъ того, чтобы обратить на него вниманіе»²². В том, как мы воспринимаем другого человека, во многом раскрывается наша собственная натура: «Лицо никогда не обманываетъ, что могъ сказать и Фигаро, и это уже нашъ грѣхъ, когда мы въ немъ читаемъ, чего въ немъ нѣтъ. Во всякомъ случаѣ распознаваніе лица есть великое и трудное искусство»²³.

В дневниковой записи от 5 марта 1921 года Ухтомский размышляет о событиях Октябрьской революции, о том, кто виноват в общей трагедии России. Ученый считает, что «виноваты мы все, все до

²¹ Ф. 749. Оп. 1. № 145/5. Л. 65.

²² Там же.

²³ Там же. Л. 64.

единого»²⁴, поскольку общество — это единый организм, и если оно заболевает, то в нем нет не больных клеток. Конкретную вину российской интеллигенции ученый видит в том, что нам так «много было дано преданіем отъ отцовъ» и мы «так мало сумели сделать из него хорошего!»²⁵. Но от социальных проблем мыслитель отходит и обращается к нравственным вопросам, к проблеме личности: «Виновать общій во всѣхъ насъ и в каждомъ конкретно живущій грѣхъ»²⁶. Поэтому от каждого человека требуется напряженная внутренняя работа борьбы со своим внутренним «врагом», со своим грехом. Закон возмездия неизбежен, но спасение, победа над грехом, возможны лишь в случае перехода к «высшему Закону, которым и преодолевается [закон возмездия — *Е. Ф.*], — закону Милосердія»²⁷.

Ухтомский противопоставляет субъективным воззрениям людей законы природы, которые существуют независимо от желания человека. Он называет их «содержанием бытія», «мыслями Божиими, вложенными в міръ»²⁸. К универсальным законам бытия мыслитель относит законы геометрии, механики, химии, биологии, а также этические законы — «законы добра и зла о грѣхѣ и возмездіи» и главное — «высшій из законовъ — законъ искупленія милосердіемъ»²⁹.

В 1923 году Ухтомский публикует статью «Доминанта как рабочий принцип нервных центров», где показывает доминанту как своеобразную призму, сквозь которую смотрит на мир человек, и описывает три фазы формирования доминанты личности на примере пробуждения любви у Наташи Ростовской к князю Андрею Болконскому в романе Л. Н. Толстого «Война и мир». В Рыбинском историко-архитектурном и художественном музее в фонде редкой книги хранится экземпляр журнала с этой статьёй³⁰, на полях которой Ухтомский размышляет о доминанте, которая определяет судьбу человека: «Всякому напряженному стремленію, всякой доминантѣ дается

²⁴ Ф. 749. Оп. 1. № 90. Л. 46.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. Л. 46 об.

²⁸ Ф. 749. Оп. 1. № 90. Л. 42 об.

²⁹ Там же. Л. 42 об.—43.

³⁰ Ухтомский А. А. Доминанта как рабочий принцип нервных центров // Русский физиологический журнал имени И. М. Сеченова. М.; Пг., 2023. VI (1–3). С. 31–45. (РБМ–17175). Цитаты приводятся по этой книге.

добиться своего. Но это может быть и гибельно для их носителя. И в этом — Суд, т. е. в самом высшем смысле Судьба человека. Переоцѣнка под страхом смерти стремлений и доминант человека — вот совѣсть внутри человека и судьба внѣ его» [Ухтомский 1923, 43].

Ухтомский в заметках на полях своей статьи продолжает размышлять о том, как проявляется в личности «естественный» закон возмездия или «заслуженного собеседника»: борьба с грехом в личности происходит с помощью совести и любви: «...Любовь — абсолютное обогащение жизни, которое однако съѣдает ее и истощает во всѣх других направлених. Истощено и угнетено в человекѣ все, за исключеніем захватившаго его образа. — Но дальновиднѣйшій из органов сообщенія с міром человекѣ — это совѣсть. Перед лицом ее, и с ея точки зренія переоцѣнивается объективно всякая любовь. Ибо ради любви создана и образовалась совѣсть. И ею же она только живет. Заглянуть наиболее далеко и глубоко в то, что следует сдѣлать для любви, — вот вопрос, стимулируемый любовью, ею только и живущій и способный убить соматическаго человекѣ. Это та “буря мыслей” и томление, когда сталкивается, вспоминается, встает перед мыслью все пройденное, всѣ выводы и впечатленія жизни, как, должно быть, бывает перед смертью» [Ухтомский 1923, 41–42].

В докладе «Принцип доминанты», с которым Ухтомский выступает на заседании биологического студенческаго научнаго кружка Ленинградскаго университета 2 апреля 1927 года, сказано, что понятие «доминанта» заимствовано ученым из втораго тома книги Рихарда Авенариуса «Критика чистаго опыта» (1888–1890). Однако для его предшественника доминанта — «нечто исключительное, нечто отходящее от нормы»³¹, тогда как Ухтомский считает этот принцип универсальным. Доминанта гения, считает исследователь, отличается тем, что в ней раскрываются «высшіе этажи» духовной деятельности человека, поэтому он может предвидеть предстоящіе события.

Доминанта, по мнению Ухтомскаго, связана со временем и пространством человека, т. е. его хронотопом: «И вот, высшіе этажи, эти наиболее дальнзоркіе и наиболее ориентирующие нас в хронотопе органы, предвидят предстоящую реальность задолго, у больших людей они могут предвидеть в истории за сотни лет, ибо хроно-

³¹ Ф. 749. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 14.

топ гения чрезвычайно обширен, и именно гениальные деятели в своем индивидуальном поведении для себя чаще всего идут по пути наибольшего сопротивления для того, впрочем, чтобы достичь намеченного предмета наилучшим способом и открыть другим это достижение с наименьшей затратой сил»³². Способность личности расширять свое пространство и время Ухтомский связывает с законом «заслуженного собеседника»: «Ибо ведь только в меру того, насколько каждый из нас преодолевает себя самого и свой индивидуализм, самоупор на себя, ему открывается лицо другого. И с этого момента, как открывается лицо другого, сам человек впервые заслуживает, чтобы о нем заговорили как о лице»³³.

В своих статьях, дневниках, записных книжках и письмах 1920-х годов Ухтомский постоянно возвращается к универсальным этическим законам и с их помощью стремится объяснить героев Толстого и Достоевского. Так, в записной книжке 1928 года ученый обращается к героям романа «Братья Карамазовы» и ставит вопрос, почему Федор Павлович Карамазов смотрит на мир иначе, нежели Алеша, Митя или Зосима. Отвечает на этот вопрос Ухтомский, используя категорию «доминанта»: «Каковы доминанты человека, таков и его интегральный образ мира, а каков интегральный образ мира, таково поведение, — таковы его счастье и несчастье, — таково его лицо для других людей»³⁴.

Каждый из героев Достоевского видит мир по-своему, поскольку в каждом живет грех, проявляется его «плотская» природа. Победить «плотского» человека чрезвычайно сложно, поскольку эта работа требует переделки себя, даже на физиологическом уровне. Однако это возможно, если смиренно отказываться судить другого человека, а критиковать прежде всего самого себя, формировать в себе «катеорию лица», т. е. переносить доминанту с себя на другого человека, видеть в другом человеке ценность и становиться для него Собеседником. Образец Собеседника Ухтомский видит в Зосиме Достоевского: «Моя исходная, первая и последняя задача — понять, как создается склад восприятия старца Зосимы. Я узнал, что он создается большим физическим подвигом, преданием от других и отношением

³² Там же. Л. 25.

³³ Там же. Л. 35.

³⁴ Ф. 749. Оп. 1. Ед. хр. 91/18. Л. 53 об.

к миру, как к любимому, почитаемому, интимно-близкому Собеседнику. Этот очень трудный — потому что постоянно напряженный — склад восприятия воспитывается и удерживается с большим трудом, с постоянной самодисциплиной и осторожным охранением совести. Но он необыкновенно ценен общественно, люди льнут к человеку, у которого он есть, повидимому потому, что воспитанный в этом восприятии человек оказывается необычайно чутким, отзывчивым к жизни других лиц...»³⁵

Достоевский, по мнению Ухтомского, является уникальным писателем, который, опираясь на святоотеческое предание и глубокое знание природы человека, указывает ему путь к спасению: «... в том сумраке и сумятице борющихся идей и лиц, которые выявляются у Достоевского, выступают контуры трех закономерностей: закона доминанты, закона заслуженного собеседника (возмездия), закона милосердия (любви). Так, по преп. Иоанну Лествичнику, “иже о любви глаголати хотяи, о Бозе глаголати начат”. Не “доказательствами”, не самообеспечением, не предварительными расписками и векселями выходит человек за свои границы и открывает лицо другого, но расширением сердца и деятельною любовью. “Путь заповедей твоих текох, егда расширил еси сердце мое”»³⁶.

О категории времени Ухтомский размышлял и в записных книжках и в письмах к Е. И. Бронштейн-Шур. Осмысление прошлого необходимо, считал ученый, но, когда человек начинает понимать прошлое, он неизбежно входит в новое настоящее. Любое кризисное время является переходом в будущее.

Ссылки

1. Ашимбаева Н. Т. Двойник или «заслуженный собеседник»: некоторые вопросы поэтики Достоевского в свете взглядов на человека и его отношения с окружающим миром // Достоевский и мировая культура. СПб.: Серебряный век, 1999. Вып. 13. С. 123–131.
2. Добротолюбие в русском переводе, дополненное: в 5 т. 2-е изд. М.: Иж-дивением Русского на Афоне Пантелеймонова монастыря, 1895. Т. 2. VI. 760 с. (РБМ-45380).
3. Иоанн Лествичник, преп. Лествица, возводящая на небо. 8-е изд. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2013. 592 с. (Сер.: Духовная сокровищница).

³⁵ Ф. 749. Оп. 1. Ед. хр. 91/18. Л. 52–52 об.

³⁶ Ф. 749. Оп. 1. Ед. хр. 92/6. Л. 104.

4. Соколова Л. В. А. А. Ухтомский и комплексная наука о человеке. СПб.: Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та, 2010. 316 с.
5. Ухтомский А. А. Доминанта как рабочий принцип нервных центров // Русский физиологический журнал имени И. М. Сеченова. М.; Пг., 2023. VI (1–3). С. 31–45. (РБМ-17175).
6. Фёдорова Е. А. Автор и герой в поэтике романа Ф. М. Достоевского «Идиот» // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17. № 3. С. 186–206.
7. Фёдорова Е. А. Принцип доминанты в образах героев романа «Бесы» Ф. М. Достоевского (в свете этического учения А. А. Ухтомского) // Проблемы исторической поэтики. 2023. № 21 (1). С. 161–182 (а).
8. Фёдорова Е. А. Телеологический сюжет в романах «Капитанская дочка» А. С. Пушкина и «Война и мир» Л. Н. Толстого // Проблемы исторической поэтики. 2023. Т. 21. № 4. С. 102–129 (б).
9. Хализев В. Е. Интуиция совести (теория доминанты А. А. Ухтомского в контексте философии и культурологии XX века) // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2001. Вып. 6. С. 21–42.

1.3. Записные книжки и дневники А. А. Ухтомского

Записные книжки и дневники А. А. Ухтомского хранятся в Санкт-Петербургском Филиале Архива Академии наук РФ (Ф. 749). Их публикация осуществлялась в 1996 году³⁷, но данное издание не имело указания на конкретные архивные источники и не сохраняло авторскую орфографию. Некоторые записи Ухтомский переписывал неоднократно. Это касается сочинения Артура Шопенгауэра «Parerga und Paralipomena»³⁸ («Приложения и добавления» к сочинению «Мир, как воля и представление»), которое впервые появляется в записной книжке Ухтомского 1896 года, а затем переписывается еще раз³⁹.

³⁷ Ухтомский А. Интуиция совести: Письма. Записные книжки. Заметки на полях. СПб.: Петербургский писатель, 1996. С. 310–416.

³⁸ В библиотеке А. А. Ухтомского была книга А. Шопенгауэра, которая сейчас хранится в Рыбинском музее: Shopenhauer A. Summtliche Werke in sichs. Banden IV. Parerga und Paralipomena: klein philosophische Jchriften von Artur Schopenhauer. Driter Band. Leipzig, 1891 (РБМ-6995) [Е. А. Фёдорова].

³⁹ Изъ моего дневника 1896–1897 гг. (Къ вниманію, руководству и назиданію в будущемъ). Ф. 749. Оп. 1. Ед. хр. 47/5 Л. 64–65.

Записная книжка 1896 года

22 сентября 1896 г. (Ф. 749. Оп. 1. Ед. хр. 92/2)

«Всякое человѣческое лицо есть іероглифъ, который можно во всякомъ случаѣ разобрать и алфавитъ к которому мы носимъ въ себе самихъ. Мало того, лицо человѣка почти всегда говоритъ болеѣ и интереснеѣ, чѣмъ его ротъ, — оно представляетъ краткое обобщеніе всего того, что послѣдній имѣеть сказать, тогда какъ онъ является монограммой всего мышленія и воленія данного человѣка. Также ротъ передаетъ лишь мысли лишь одного человѣка, лицо — мысль природы. Поэтому каждый заслуживаетъ того, чтобы обратить на него вниманіе, но далеко не всякій — чтобы с нимъ говорить. — Итакъ уже всякій индивидуумъ, какъ отдельная и единственная сама по себѣ мысль природы — заслуживаетъ созерцанія; тѣмъ болѣе и въ высшей степени (л. 2) — красота, ибо она есть высшее, всеобщее понятіе природы; она есть мысль природы, выражаемая въ видѣ. Потому-то она такъ привлекаетъ наши взоры. Красота есть основная и главенствующая мысль природы, въ то время какъ индивидуумъ есть лишь второстепенная мысль — слѣдствие изъ нея».

«Лицо никогда не обманываетъ, что могъ сказать и Фигаро, и это уже нашъ грѣхъ, когда мы въ немъ читаемъ, чего въ немъ нѣтъ. Во всякомъ случаѣ распознаваніе лицъ есть великое и трудное искусство. Его принципы никогда не могутъ быть изложены in abstracto».

«Чисто объективное впечатленіе лица, а такимъ образомъ и возможность распознаванія его строго говоря мы имеемъ только при первомъ взглядѣ... Лица производятъ свое полное впѣчталеніе лишь в первый разъ. Поэтому этотъ первый разъ подлежитъ тщательной оцѣнкѣ: слѣдуетъ на него обратить вниманіе и замѣтить, когда дѣло касается людей важныхъ лично для насъ и приходится полагаться на свое физиолого-мистическое чутье. Послѣдующее знакомство и общеніе можетъ быть сотретъ это первое впечатленіе, но слѣдствія когда-нибудь докажутъ его истинность» (Parerga, II. Параграфъ 377) (л. 2 об.).

«За исклоченіемъ прекрасныхъ, добродушныхъ и вдохновенныхъ лицъ, слѣдовательно за весьма малыми и редкими исключеніями — каждое новое лицо, какъ я думаю, возбудитъ (л. 2об.) въ человѣкѣ съ тонкою чувствительностью — ощущеніе близкое къ страху (Schreck), производя непріятное чувство нового и неожиданного

комбинацією» (ibid). «Лицо проиводить истинное и полное впечатленіе лишь въ первый разъ. И чтобы получить его въ чисто объективномъ и безошибочномъ видѣ мы должны не имѣть никакого отношенія къ интересующему насъ лицу, и, если можно, избѣгать разговора съ нимъ». «Человеческое лицо выражает именно то, что Онъ есть». «Въ чел<овеческом> лицѣ самомъ по себѣ отражается основной тонъ всѣхъ его мыслей и стремленій, — *arret irrevocable*⁴⁰ всего того, что онъ имѣетъ видѣть и что онъ только иногда ощущаетъ и есть» (ib.).

«Возвращаясь воспоминаніями к прошлому, мы обыкновенно съ любовію перебираемъ пережитое нами. “Все то намъ мило, что прошло”. Но иногда, напротив, является мысль: как все это незначительно и бесцѣльно, — даже самое крупное изъ пережитого нами. Мы сами виноваты, если приходимъ к такому печальному выводу. Самое великое и задушевное, если мы не сумѣли воспользоваться имъ для своего нравственнаго и вообще духовнаго роста, теряетъ для насъ цѣну, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы теряемъ и это “великое и задушевное”»⁴¹ (л. 65).

Записная книжка 1897 года

(Ф. 749. Оп. 1. Ед. хр. 147/3)

4 января 1897 года. «Животная жизнь въ насъ отдѣлилась отъ жизни природы. Въ насъ два стремленія. Разумъ и утроба живутъ двумя отдѣльными потоками»⁴² (л. 8).

5 января 1897 года. «Мы цѣнимъ и считаемъ великимъ Льва Николаевича Толстого за его голосъ, поднимающій съ беспримѣрной силой духовные интересы общества, духовные запросы, къ которымъ общество всегда такъ индифферентно. Похвалить Толстого — значить похвалить существованіе въ обществѣ духовныхъ интересовъ. Ругать его на площадяхъ и перекресткахъ, какъ это делаетъ легіонъ съ Херсонскимъ Никаноромъ и К во главѣ, — значить замарывать духовные интересы общества. Левъ Николаевичъ есть великій дѣятель въ дѣлѣ

⁴⁰ Безотзывное решение (*фр.*).

⁴¹ Опубликовано частично без указания источника и авторской орфографии: Ухтомский А. *Интуиция совести: Письма. Записные книжки. Заметки на полях.* СПб.: Петербургский писатель, 1996. С. 310.

⁴² Там же. С. 316.

культивированія духовной жизни общества. — Понятно, къ чему клонится “популярная полемика” съ нимъ; понятно, что приносить эта полемика обществу»⁴³ (Ф. 749. Оп. 1. Ед. хр. 147/3. Л. 50).

6 марта 1897 года. «Два источника зла: 1) внутри человѣка и 2) внѣ его. Главный источникъ несомненно — *внутренній*. Внѣшнее учрежденіе создается съ цѣлью борьбы *съ внутреннимъ зломъ и стесненія его*. Таковы церковные и правовые учрежденія. Когда внѣшнее учрежденіе теряетъ изъ виду эту цѣль, оно становится *внешнимъ источникомъ зла*. Такова война, — возведеніе в практической принципъ национального эгоизма» (Ф. 749. Оп. 1. Ед. хр. 147/5. Л. 28 об.)⁴⁴.

19 сентября 1897 года, Сергиев Посад. «...Но въ человѣческой природѣ существуютъ чудодѣйственная сила, дающая ему творческую способность — создать себѣ право перейти в указанной логической нормы и войти в логический рядъ высшего порядка жизни. Эта сила въ истинной дѣятельной любви. Она побуждаетъ тебя на вѣλικое дѣло, — увлеченный побужденіями души, ты забываешь свои прежніе эгоистическіе устои и рѣшаешься вступить в экстенсивную жизнь; тѣмъ самымъ ты логически не переламываешься отъ старыхъ устоевъ къ новымъ, къ “иногое чистого высшаго началу”. Ты, поднимая какъ ты чувствуешь, — ближнего, поднимаешься самъ и тѣмъ осуществляешь впервые полноту истинной жизни. Создаешь жизнь, — это не фраза, а реальное определеніе факта. Любовь даетъ духъ и силу войти въ теченіе нормальной жизни Вселенной» (Ф. 749. Оп. 1. Ед. хр. 147/3. Л. 62).

Дневник 1897 года

(Ф. 749. Оп. 1. Ед. хр. 92/8)

27 августа 1897 года. О «естественномъ» и «сверхъестественномъ».

«Отрицательно къ жизни настроенные люди видятъ “естественное” в томъ, что зло и худо въ міре; все остальное — исключеніе изъ

⁴³ Опубликовано без указания источника и авторской орфографии: Ухтомский А. *Интуиция совести: Письма. Записные книжки. Заметки на полях*. СПб.: Петербургский писатель, 1996. С. 318.

⁴⁴ Опубликовано частично без указания источника и авторской орфографии: Ухтомский А. *Интуиция совести: Письма. Записные книжки. Заметки на полях*. СПб.: Петербургский писатель, 1996. С. 317.

общих правил, неменяющееся съ естественнымъ ходомъ вещей, “сверхъестественное”. Такъ думали иступленные ригористы, средне-вѣковые аскеты, женоненавистники, монахи, разбивавшіе древніе сокровища Александріи и т. п. Также точно, лишь в болѣе послѣдовательной и законченной формѣ, думалъ о “естественномъ” и “сверхъестественномъ” Шопенгауэръ: эгоизмъ, по нему, нечто само себѣ ясное, “естественное”, напротивъ, любовь, состраданіе, сочувствіе — нѣчто непостижимое в мѣрѣ, “сверхъестественное”. — Владимиръ Соловьевъ утверждаетъ, напротивъ, что любовь и единеніе въ мѣрѣ сами по себѣ понятны, начиная съ любви матери къ ребенку, — частицы (л. 28) ея собственного существа; а это ненависть, злоба и эгоизмъ именно таинственны, непонятны, не “естественны”.

Такъ же мыслили истинные аскеты, подвижники, и мысль Соловьева принадлежитъ несомненно міросозерцанію древнихъ отцовъ. “Естественное”, сообразное существу обыденной дѣйствительности — это наше состояніе в раю и по искупленіи. “Неестественное” и изращенное — состояніе грѣха и эгоизма. Здѣсь возможно свободное от нетерпимости и риторизма, ясное, свѣтлое и здоровое міросозерцаніе, побуждающее не отрицать, развивать существующіе опредѣленія жизни, способности и силы, единственное міросозерцаніе здоровыхъ умовъ всѣхъ временъ, служащее настоящимъ фундаментомъ науки и культуры вообще. Превосходнымъ выраженіемъ этого рода идей являются слѣдующіе строки преп. аввы Исаяи Нитрійскаго: “въ началѣ, когда Богъ создалъ человѣка, то вселилъ въ раю, и онъ имель тогда чувства здравыѣ, стоящіе (л. 28 об.) въ естественномъ своемъ чинѣ... но, когда онъ послушалъ прельстившаго его, превратились всѣ чувства его въ неестественныя (греч.) и извержень онъ былъ тогда из Славы своей. Господь же сотворилъ милость... Слово плоть бывъ, т. е. — совершеннымъ человѣкомъ во всемъ нашескомъ сдѣлался Онъ ко всему, кромѣ грѣха, чтобы премѣнить неестественность нашу въ естественность (греч.) чрезъ Святое Тѣло Свое... Этимъ Онъ возвращаетъ человѣка опять въ рай, тѣмъ, что возставляетъ падшаго чрезъ послѣдованіе стопами Его и заповѣдями Его...” (Добротолюбіе. I, 283, 284). Преп<одобный> идетъ дальше психологии страстей. То, что человѣкъ исполненъ желаній, естественно, и это-то влечетъ его къ Богу: но извращеніе дѣлаетъ изъ этого неестественную похотливость (Заме (л. 29) чательное психологическое обобщеніе душевныхъ состояній: чувствованіе одно

и то же, но квалификація (?) влечетъ разные интеллектуальные подкладки). Естественные, присущіе душе ревность, гнѣвъ, ненависть и высокоуміе извращеніе превратило въ неестественные, враждебные ближнему: нетѣрпимость къ брату, злость, ненависть к ближнему и равному себѣ, гордыню. “Попечемся о себѣ самихъ, чтобы угодить Богу, и по силѣ нашей, упражняя дѣятельные силы свои и установленія, — как на вѣсахъ, — всѣ члены свои, пока стануть они въ своемъ по естеству чинѣ, да обрящемъ милость въ часъ искушенія, имеющаго прійти на всю вселенную”» (ibid. с. 285) (л. 29 об.).

Дневник 1898 года

(Ф. 749. Оп. 1. Ед. хр. 92/4).

30 ноября 1898 года. «Мы привыкли думать, что фізіологія — это одна из специальныхъ наукъ, нужныхъ для врача, и не нужныхъ для «выработки міросозерцанія». Но это столь же невѣрно, какъ и положеніе, что не дѣло врача, а дѣло специально священника, или метафизика, — вырабатывать міросозерцаніе. Теперь надо понять, что разделеніе “души” и “тела” — есть лишь исторические основанія имѣющіе психологической продуктъ, — что дѣло “души” — выработка міросозерцанія — не можетъ обойтись безъ законовъ “тѣла”, и что фізіологію надлежитъ положить въ руководящее основаніе при изученіи законовъ жизни (въ обширномъ смыслѣ) (л. 14). Для человѣка его трудъ до тѣхъ поръ является неосмысленнымъ, пока онъ понимаетъ, что и всякій другой на его мѣстѣ можетъ сдѣлать то, что дѣлаетъ онъ. Лишь на томъ мѣстѣ, гдѣ я пойму, что никто, кромѣ меня, не можетъ тамъ сдѣлать то, что дѣлаю я, — лишь на томъ мѣстѣ я почту свой трудъ дѣйствительно исполненнымъ интереса и смысла. — Очевидно, человѣческіе индивидуальности — не геоме(л. 18 об.) трическіе точки и отнюдь не уравниваются наложеніемъ. Человѣкъ чувствуетъ, что онъ — то, чего болѣе нѣтъ, и чего болѣе не будѣтъ» (л. 19).

18 января 1899 года. «Мы и себя знаемъ очень мало; и себя мы знаемъ лишь въ символахъ, болѣе или менѣе удобныхъ для того, чтобы справиться съ собою — въ моменты, когда то потребуется. Познаніе о себѣ у насъ чисто практическіе» (л. 27).

28 окт<ября> 1899 года. «Надо имѣть великое, дѣтское спокойствіе, дѣвственное спокойствіе духа, чтобы такъ переживать Природу, какъ Левъ Николаевичъ Толстой. Читая его несравненные страницы вспо-

минаешь о далеко минувшемъ, когда и ты жилъ так близко съ природой, и травой, съ лѣсомъ, съ водой, и грустно становится, что волненія жизни такъ отдалили тебя отъ этого родства съ великою матерью. — Но я думаю, что такое спокойствіе духа, открывающіе спокойствіе и миръ жизни природы, совершенно необходимы фило-софу» (л. 35).

30 ноября 1899 года. «Гдѣ разница между вѣрою и знаніемъ? Ты читаешь, ты слышишь, что говорятъ: — ты узнаешь. Ты высказы-ваешь содержане твоей души, твоей мысли и твоего сердца: — ты вѣришь» (л. 48).

7 марта 1900 года. «Отрицающія религиозныя формы, мы часто впа-даемъ въ игнорированіе лежащихъ подъ ними объектовъ. Выясненіе послѣднихъ есть (л. 74 об.) настоятельная задача науки. Но критеріи для определенія, что мы ихъ выяснили вполне — въ томъ, удовлет-воряютъ ли выясненные объекты, выясненное психологическое содержаніе древнимъ формамъ. Тогда послѣдніе могутъ быть устране-ны, какъ случайныя» (л. 75).

Дневник. Январь 1921 — 1 мая 1921 года
(Ф. 749. Оп. 1. Ед. хр. 90).

21 января 1921 года. Москва. Третьяковская галерея. (Ф. 749. Оп. 1. Ед. хр. 90).

«Врубель. «Хожденіе по водамъ». Апостолы въ ужасѣ: ихъ лодку бьетъ волнами, въ сумракѣ и бурѣ носятся какіе-то пятна, въ которыхъ сначала ничего не разберешь! Потомъ начинаешь всматриваться въ пятна, различать неясныя образы (л. 14 об.). Сообразно внутрен-нему настроенію человека ему видится разное. Для такъ называемыхъ “позитивныхъ умовъ” тутъ ничего нѣтъ, кроме волнующейся стихіи воды и облаковъ. Другіе различаютъ какой-то намекъ на любимый, искомый обликъ человеческаго лица. Искомого, любимаго и особенно нужно-го въ часъ испытанія! Для третьихъ наконецъ тутъ просто загадочныя тени и пятна, о которыхъ можно лишь догадываться, что “да! Тутъ что-то было видно и что-то можно было принять за человеческій образ!” <...> Художникъ носитъ въ себѣ любимый образъ, которымъ онъ “забеременелъ”, и страдаетъ, что онъ еще одинокъ передъ лицомъ открыв-шейся ему красоты и истины, и не имѣетъ еще силъ призвать къ покло-ненію открывшейся красотѣ и истинѣ другихъ людей и братьевъ! Родившійся образъ, — собственность, интимнейшая собственность

художника; но он не стремится удержать ее за собою (л. 15 об.), но страдает и мучается, пока не сумеет передать ее другим!

И вот в чем удивительная тайна того, как искусство может передавать образы и словом (?) зачинающей открываться Истины и Красоты! Художественная передача и художественное предание (а это то же самое!) передают в собственность же новым и новым лицам человеческим те новые идеи и истины, которыми забеременели некогда первые творцы и пророки; и тогда для этих новых носителей и забеременевших обладателей эти зачатки и предобразы становятся столь же интимно дорогими, столь же собственными и столь же мучительными, пока они въ свою очередь не сумеют передать их новым людям и поколениям! Для нового обладателя художественный образ становится вполне таким же, каким он был для первого художника, когда он впервые встал перед ним как новая задача и новое задание для человечества»⁴⁵ (л. 16 об.).

Дневник. Январь — март 1921 года

«В действительности надо усвоить себе то понимание, что узнавание законов природы есть лишь новое и новое ознакомление съ содержанием бытия в противовес тем воззрениям, которыми исполнен наш внутренний мирь, предоставленный самому себѣ. Эти законы природы — свойства и границы Бытия внѣ меня и независимо от моего желанія — это мысли Божіи, вложенные в мирь, будетъ ли это закон геометрии о трех перпендикулярах, или закон механики о половине произведения массы на квадрат скорости, или закон химіи о равенстве количества молекул в равных объемах, или закон біологии о приспособлении и родовой привычкѣ, или законъ добра и зла о грѣхѣ и воз(л. 42 об.)мездіи, или высшій из законовъ — закон искупления милосердіем» (л. 43).

5 марта 1921 года. (Ф. 749. Оп. 1. Ед. хр. 90). «Что может быть ужасней событий, в которые вовлечена Россія после 1917 года? И однако достаточно внимательное всматриваніе научает понимать, что тутъ все обусловлено тончайшими нитями, все имѣет слишком глубокий и полный смысл, чтобы начинать легкомысленный судъ и при(л. 45)нимать еще более легкомысленные решения, указывать

⁴⁵ Опубликовано без указания источника и авторской орфографии: *Ухтомский А. Интуиция совести: Письма. Записные книжки. Заметки на полях.* СПб.: Петербургский писатель, 1996. С. 356.

с определенностью, кто тут “виноват” и кто “не виноват”, а “жертвочка невинная” <...> “Виноватого” приходится искать глубже и раньше! Его скорее можно найти в легкомысленных людях 1917 года и еще ранее, когда людям так много было дано преданием от отцов и они так мало сумели сделать из него хорошего! Но более глубокое историческое проникновение и там не дает нам найти какого-нибудь “несомненного и первичного, окончательного виновника”! Постепенно мы доберемся до ясного положения, что виноваты мы всё, всё до единого, подобно тому, как в заболевшем организме нет небольших клеток, и болезнь коренится так или иначе в жизнедеятельности каждого из них!

Виноват общий во всёх насъ и в каждом конкретно живущий грехъ. Активность и требуется со всею силою в отношеніи именно его! Враг твой в грѣхѣ, а грѣхъ внутри тебя! Последняя и настоящая работа должна быть здесь!

Но, как открыло нам христіанство, грѣхъ, этот последний и подлинный враг, побеждается лишь милосердіем! Борьба милосердія против грѣха должна идти до крови и смерти! Но чтобы милосердіе было сильно победить до конца, оно должно быть Божественным! Так мы опять и новым путем приходим к Христіанству. Именно здесь одно из простых изложений того, как закон возмездия, закон добра и зла, переходит к высшему Закону, которым и преодолевается, — закону Милосердія (л. 46 об.).

Великій вторник 1921 года, 13 апреля. (Ф. 749. Оп. 1. Ед. хр. 90). «Смиранный челоуѣкъ — органическій и природный дѣятель (строитель) святаго преданія, совершенно также, как гордый органическій его противник, его дробитель, непримиримый критикъ и индивидуалистъ» (л. 58 об.).

Записные книжки

(Ф. 749. Оп. 1. Ед. хр. 19/17. Л. 21 об. — 23 об.)

21–22 июля 1924 года. Старый Петергоф. «Мысль несравненно быстрее слова. Это можно уловить и самонаблюдением. Это же утверждается экспериментально Вюрцбургской школой⁴⁶. Пробуя

⁴⁶ Вюрцбургская школа — психологическая школа, созданная в 1896 году при Вюрцбургском университете (Германия). Ее основатель, Освальд Кюльпе, утверждал, что мышление — это отдельный процесс решения задач, не сводимый

высказать и, тем более, записать проносящуюся мысль, мы ее уже препарлируем, может быть, уродуем, более или менее удаляемся от ее естественного состоянія (л. 21 об.).

Искусство речи в том, чтобы так замедлить в себѣ ход мысли, дабы она текла одновременно с рѣчью и вплѣталась в рѣчь по мере своего образования. Но это удается лишь для повторно воспроизводимого хода мысли, и лишь в исключительных случаях для мысли в первый раз ее образования! Чтобы говорить связно по мѣрѣ хода мысли, требуется уже великое упражненіе.

Совсем не одно и то же вспоминать в рѣчи лишь старый препарат своей или чужой мысли или улавливать в самом дѣлѣ мысль одновременно с рѣчью. Лишь в послѣднем, столь редком, случае рѣчь производит такое необыкновенное, живое, “чарующее” впечатленіе! (л. 22).

Бывает, что послѣ тревоги и возбужденія чрезвычайно ускоряется рѣчь, и оттого даже не одаренному “даром слова” после возбужденія удается выступить с красивой, увлекающей речью. Тогда рѣчь прежде всего глубоко эмоциональна.

“Интуиціей” мы называем именно ту, быстро убѣгающую, мысль в ее естественном состояніи, которая пробѣгает еще до слов. Она всегда в нас первая. Дальнейший ход нашей (л. 22 об.) работы в том, чтобы воплотить, препарировать эту интуитивную мысль, неизвѣстно откуда происходящую и куда-то уходящую, почти всегда мудрую “мудростью кошки”, — в медлительные и инертные символы рѣчи с ее “логикой”, “аргументаціей”, “сознательной оценкой” <...>

Но логика и аргументація лишь поспевают вдогонку за интуиціей, не в дальнейшем ея истолкованіи, а в той досознательной опытности (л. 23 об.) примѣтливости, в той игрѣ доминант, которыми наделило нас преданіе рода!

Наш личный вопрос в том — преумножим, оплодотворим мы это преданіе рода или разрушим, исказим, испортим его!

P. S. Мудрость нашего “досознательнаго” это главная загадка и интерес физиологии. Какое удивительное наследіе предков с их страданіями, трудом, исканіями и смертью! И как она обязывает нас, в качестве “сознательных” деятелей, — в том, чтобы наше

к течению ассоциаций. Последующие исследования показали, что некоторые формы мышления протекают с опорой на наглядно-образные представления [Е. Ф.].

“сознательное” управление этим (л. 23 об.) наследием было достойно ее — тою сугубою мудростью, которая не расточала бы, а премножала древнюю мудрость рода для тех, кто будет еще после нас! (л. 24).

С точки зрения самоутверждения, есть столько же мировоззрений и столько же “истин”, сколько темпераментов. Это значит, что подлинная истина, сверхличная и пребывающая, возможна лишь там, где она ищется вне самоутверждения, а ради нея самой, т. е. там, где все собраны вниманием ей, как мир собран в гармонию тяготением к Единому Солнцу Правды»⁴⁷ (л. 27 об.).

Записная книжка 1928 года

(Ф. 749. Оп. 1. Ед. хр. 91/18).

«Риль пишет, что мышление ученого ничем не отличается от мышления мужика. Это совершенно верно.

Но самое восприятие мира и даже ближайшего опыта может быть чрезвычайно разнообразно и изменчиво. Тот же самый Риль писал о Фр. Ницше, что он перешел к совершенно новому и оригинальному мироощущению, стал совершенно по новому воспринимать обыденные вещи и именно от этого возникли для него совсем новые оценки и перспективы, даже неожиданные для привычного понимания.

Вот также Гете почувствовал, что после картин Микель Анджело он вышел к совершенно новому восприятию мира, к новому видению вещей.

То, что для людей представляется «действительным», фактическим, «реальным», «постоянным» — определяется в значительной мере их складом восприятия. И этот склад восприятия, могущий так внезапно изменяться у параноика, так внезапно изменившийся у Гёте под влиянием Микел Анжело, постепенно изменившийся у Ницше под влиянием болезни, — с одной стороны передается по преданию от других, поддерживается привычкою и традицией данной общественной группы; с другой может быть весьма различен у ближайших людей одной и той же специальности: оттого у разных

⁴⁷ Опубликовано частично без указания источника и авторской орфографии: Ухтомский А. *Интуиция совести: Письма. Записные книжки. Заметки на полях.* СПб.: Петербургский писатель, 1996. С. 413–415.

ученых и школ одни и те же вещи видятся с разных и неожиданных друг для друга сторон, ставятся различные опыты, все освещается новым и неожиданным светом!

Отчего же в одном и том же мире, посреди одних и тех же вещей и людей, Федор Пав(л. 51 об.)лович Карамазов видит и соответственно действует совсем не так, как видит и действует старец Зосима, Алеша, или Митя.

Моя исходная, первая и последняя задача — понять, как создается склад восприятия старца Зосимы. Я узнал, что он создается большим физическим подвигом, преданием от других и отношением к миру, как к любимому, почитаемому, интимно-близкому Собеседнику. Этот очень трудный, — потому что постоянно напряженный, — склад восприятия воспитывается и удерживается с большим трудом, с постоянной самодисциплиной и осторожным охранением совести. Но он необыкновенно ценен общественно, люди льнут к человеку, у которого он есть, повидимому потому, что воспитанный в этом восприятии человек оказывается необычайно чутким, от(л. 52)зывчивым к жизни других лиц, легко переставляется на мироощущения и вытекающие из них горя — встречаемых людей. Такой человек, обыкновенно, наименее замкнут в самом себе, у него наименьший упор на себя и свою непогрешимость. Он привык постоянно и глубоко критиковать себя, — оттого он смиренен внутри самого себя и не критикует людей, пока они не просят его помочь им в их беде! Если он критикует других, то как врач, — стараясь распутать болезни пришедшего несчастливому.

У Фёдора Павловича, у Мити, у Алексея — все отдельности и замкнутости; что ни человек, то свой особый мир, своя претензия, — отчего и свое особое несчастье, свой особый грех, нарушающий способность жить с людьми! Приэтом поведение каждого таково, ка(л. 52 об.)ково мировосприятие, а мировосприятие таково, каково мироощущение. Тут для каждого замкнутый круг, из которого вырваться чрезвычайно трудно и без посторонней помощи, обыкновенно, и нельзя! Лишь потрясение и терпеливая помощь другого может вырвать человека из этой роковой Соотносительности субъект-объекта, — из того, что мир для человека таков, каким он его заслужил, а человек таков, каков его мир!

Надо ведь не более, и не менее, как переменить в человеке его физиологическое мировосприятие, физиологическую, привычную непрерывность его жизни.

А это очень, очень трудно! А то ведь человеку в его инерции все подтверждает его излюбленное миропонимание. Ибо действует он так, как мироощущает, и мироощущает так, как действует. «Chague vilin trouva sa vilaina»!⁴⁸ (л. 53).

Каковы доминанты человека, таков и его интегральный образ мира, а каков интегральный образ мира, таково поведение, — таковы его счастье и несчастье, — таково его лицо для других людей.

Повидимому можно сказать, что старцу Зосиме и ему подобным свойственна методика проникновения в ближайшее предстоящее, как в свое родственное, о котором говорит М. Пришвин, но только в необычайно подчеркнутой форме, притчи не для «писательства», а для самого приближающегося к ним человека.

Им свойственна доминанта на лицо другого (л. 53 об.).

Упрощение лежит в свойствах нашей памяти, и именно теоретической памяти. Запоминается и всегда может быть извлечено из памяти лишь то, что может быть изложено в простых словах и в краткой, схематизированной теории.

Лишь произвольная память может воспроизвести дифференциальные живые картины в целости! (л. 54).

Надо очень рекомендовать опыты Пришвина на этом пути. Это классик в писательстве, но, что еще важнее, открыватель этого, нового для писателей, но старого как мир — метода, заключающегося в одновременном растворении всего своего и сосредоточении всего на другом (на встречаемой реальности, и встречаемом человеке). Для Зосимы это метод исходный с самого начала.

И если уже для писателя этот метод оказывается так труден, как видно из примера Пришвина, то для человека типа Зосимы, уходящего в этот метод и отдавшемуся этому методу целиком, — он является делом постоянного напряжения и труда целой жизни изо дня в день.

⁴⁸ Нет горшка, к которому не нашлось бы крышки; даже самой уродливой женщине найдется муж (фр.).

Усредненный и спокойный «интеллигент», ценящий более всего комфорт самодовольства, вряд ли решится встать на этот путь! Он всегда будет (л. 55) стараться замкнуться ради своего покоя или утешительной и экономной теории.

Непрестанное устремление только к покою и самоудовлетворению в современном человеке делает то «положительное», что он не замечает того ужаса, в котором живет. И ему все опять и опять представляется, что «копья ломать» не из-за чего и «мир, вообще говоря, благополучен». Одним словом, получается, сто слепота, которая помогает жить, помогает беззаботно кататься по Парижам, беззаботно придавать разным прихотям «“Paris-plaisir’ov”», не задавать ни на минуту ощущением, что при этом незаметно сбиваешь с ног и давишь под ногой живых, милых, прекрасных людей. Недаром люди так настойчиво в этом устремлении к “покою” и “самоутверждению”; недаром они пришли и в науку (в особенности в нашу физиологию) этот предрассудок а priori, что вся ткань и всякий организм “в норме” стремится (л. 55) “компенсировать раздражители” и не мытьем, так катаньем вернуться к удовольствию и безразличию. “Слепая философия” — слепых, не продравших глаза щенят! Она была и смешна, если бы не была так горька по последствиям!» (л. 55 об.).

1.4. Переписка А. А. Ухтомского

Впервые публикуются письма А. А. Ухтомского, адресованные Марку Викторовичу Кирзону и Елене Исааковне Бронштейн-Шур, а также письма Е. И. Бронштейн-Шур к А. А. Ухтомскому, которые хранятся в Санкт-Петербургском Филиале Архива Академии наук РФ (Ф. 749).

***Кирзон Марк Викторович** (1901–1984) — физиолог; доктор медицинских наук, профессор кафедры физиологии человека и животных биологического факультета Московского государственного университета. Специалист в области нервно-мышечной физиологии и физиологии ЦНС. Заслугой М. В. Кирзона явилось внедрение в научную тематику кафедры прикладных разработок, выполняемых по заказу министерства здравоохранения. В процессе выполнения этих тем на кафедре было подготовлено поколение специалистов в области нейрофармакологии и психофармакологии.*

Елена Исааковна Бронштейн-Шур — ученица А. А. Ухтомского в 1924–1928 годах, кандидат биологических наук. В Рыбинском музее-заповеднике хранится ее работа, написанная с П. А. Некрасовым «К вопросу о влиянии симпатической нервной системы на спинномозговые рефлексy» (1935). Впервые публикуемые письма Е. И. Бронштейн-Шур интересны тем, что она пишет учителю о «категории лица» и значении времени в физиологии. В воспоминаниях об Ухтомском, опубликованных его учеником Ф. П. Некрыловым (рукопись хранится в Рыбинском музее), Е. И. Бронштейн-Шур также размышляет о категории времени: «Алексея Алексеевича всегда интересовал вопрос о значении времени для организма и жизни человека в целом. Обсуждая в одном из писем ко мне философскую проблему, может ли человек безгранично увеличивать объем своих знаний, или для этого есть определенный предел, он приходит к выводу, что способность человека повышать свои знания может расти безгранично, но существует характерная особенность: мы начинаем понимать лишь то, что уже прошло, и когда нам кажется, что прошлое мы наконец поняли, мы незаметно для себя входим в новое настоящее. Это запаздывание понимания во времени является отличительным признаком нашего аппарата познания»⁴⁹. Е. И. Бронштейн-Шур опубликовала письма А. А. Ухтомского из своего личного архива в журнале «Новый мир» (1973, № 1) и в сборнике «Пути в неизвестное» (М., 1973, № 10)⁵⁰.

Письмо А. А. Ухтомского Марку Викторовичу Кирзону (Москва, МГУ) (Ф. 749. Оп. 2. Ед. хр. 447. Л. 32–32 об.)

Милый Марк Викторович, сейчас с большою радостью читал твое письмо и вот сразу хочу тебе ответить <...> Теперь о Собеседнике. Я доволен, что написал тебе об этом, хотя бы и в беглом очерке. Ты докликнешься, в чем тут дело. У меня эта тема сложилась и выплыла перед сознанием лет десять тому назад, и ее нужно было бы очень подробно разработать. Это диалектическая философия мира в наиболее живом и конкретном ее выражении. Основная и краеугольная

⁴⁹ Ухтомский А. Доминанта души: Из гуманитарного наследия. Рыбинск: Рыбинское подворье, 2000. С. 532.

⁵⁰ Там же. С. 530.

мысль диалектической философии в том, что истина бытия не поддается монологическому выражению, т. е. не может быть изложена, как законченное «учение» (*греч.*). Истина не доктрина, не дискурсивная система теорем, построенная по правилам логики, она диалектична и конкретна, т. е. дана в постепенном раскрывании, в восхождении, ни в каком случае не солиптическом и самоутверждающемся («довольным собою и своим разумением»), но всегда в восхождении вместе с другими, т. е. с Собеседниками. Классическая формула диалектики (тезис — антитезис — синтез) есть лишь абстракция и тень, конкретное и живое выражение таково: «мое понимание — понимание Собеседника — ступенька Истины». Монологическая редакция истины всегда есть лишь абстракция и доступна только для абстракций. Чем абстрактнее и фиктивнее понятия, тем проще удастся для них абстрактное, монологическое систематическое построение, но чем ближе к действительности, и чем конкретнее предмет искания, тем более «монолог» становится пустою претензией, тем более требуется диалектика, собеседование, т. е. умение понять и принять чужую (л. 32) мысль о предмете, как свою, и вместе передать другому свою мысль, как если бы она была не твоя «собственность», а чужая (л. 32 об.).

Письмо А. А. Ухтомского к Е. И. Бронштейн-Шур (Ф. 749. Оп. 2. Ед. хр. 447. Л. 82–82 об.)

Дорогая Лена, мне все не приходится говорить с Вами за множеством беготни и тягостных забот. Сегодня я приносил обещанную работу, из Московского Университета, но не было ни Вас, ни ~~Петя Киселева~~ (зачеркнуто). Не знаю, получится ли увидеть Вас в понедельник. Вот я и решил написать, если не удастся говорить.

Вы, я думаю, знаете, что мне крайне дорога Ваша работа и то, чтобы она была именно Ваша, т. е. чтобы тут была вложена Ваша инициатива и мысль. Методическая сторона прекрасно проработана Вами еще в предыдущей теме со словами, и я совершенно уверен, что Вы проделаете мне эту новую, ужасно дорогую для меня тему, на этот раз вложив в нее от себя Вашу мысль.

Тема касается тех «интегральных образов», о которых я напечатал пока только программную заметку (во «Врачебной Газете» 1924, № 2). Я ведь убежден в том, что наш организм и центральная нервная система в норме действуют, как единое целое. Но это единство действия не дано заранее, как таковое. Оно достигается по мере

развития. «Организм — не механизм первичной конструкции, но механизм упражнения», как писал Лангендорф. Издревле удавшиеся механизмы с единством действия закрепились наследственно очень прочно. В спинном, в продолговатом, в среднем мозгу, частью в самой коре гол. мозга интегрированные механизмы с готовым единством действия задаются нам от рождения. Но в высшем этаже, т. е. в наиболее творческих частях коры, в ответственных делах индивидуальной жизни, единство действия лишь достигается и ищется. Можно сказать, что все дело так называемого сознания — в выработке единства действия посреди кучи впечатлений от текущей жизни. То, что задано в низших этажах далекой историей развития, только ищется и должно быть наверху, в коре, в деятельности сознания.

Тем не менее и здесь все, что более или менее удалось и удается в качестве «восприятия», «опыта», «представления отдельной вещи» — носит в себе отпечаток интегрирующей работы нашей нервной системы. Выделить из непрерывной мглы впечатлений «вещь», «переживание», (л. 82) или лицо нам удается настолько, насколько мы сами активно их интегрируем. И это удается настолько, насколько мы этого заслужили, т. е. насколько достигли в каждом отдельном случае единства действия.

Не говоря пока ничего о таком сложном и страшно ответственном деле, как узнавание «лица», будем говорить об узнавании «вещи». Ведь, строго говоря, с точки зрения физической всякая отдельная «вещь», как сумма энергий, непрерывными переходами связана с энергиями окружающей ее среды. Мы более или менее искусственно, путем активно сосредоточения внимания, выделяем «вещь» из ее среды, временно отвлекаясь от непрерывной связи всякой реальной вещи с непосредственно прилегающими к ней, такими же физическими факторами, как и она сама. Вот эту-то активность выделения вещей из сплошной среды, активное построение вещей, как более или менее законченных в себе отдельностей, мне и хочется показать. Наш мозг в своих восприятиях и отчетах о среде активно интегрирует вещи и образы, потому что сам он есть интегрирующая машина. Он интегрирует организм, который его носит, сообщая ему единство действия, и интегрирует вещи в среде, как «предметы» действия. Вот основная мысль (Ф. 749. Оп. 2. Ед. хр. 447. Л. 82 об.).

Письмо А. А. Ухтомского к Е. И. Бронштейн-Шур (Ф. 749. Оп. 2. Ед. хр. 447)

Кстати, я вот часто задумываюсь над тем, как могла возникнуть у людей эта довольно странная профессия — писательство. Не странно ли, в самом деле, что, вместо прямых и практически понятных дел, человек пишет, пишет целыми часами без определенных целей, — пишет вот так же, как трава растет, птица летает, а солнце светит. Пишет, чтобы писать! И, видимо, это для него настоящая физиологическая потребность, ибо он прямо болен перед тем, как сесть за свое писание, а, написав, проясняется, как бы выздоравливает! В чем же дело? Я давно думаю так, что писательство возникло в человечестве «с горя», за неудовлетворенной потребностью иметь перед собой собеседника и друга. Не находя этого сокровища около себя, человек и придумал писать какому-то мысленному, далекому собеседнику и другу, очень далекому, неизвестному, алгебраическому x -у, на авось, что там где-то вдали найдутся души, которые резонируют на твои запросы, мысли и выводы, заключения! В самом деле: кому писал, скажем, Ж.-Ж. Руссо свою пламенную «Исповедь», или Паскаль — свои «Мысли о религии», или Ницше — свои темные, как фуги, и вдруг блистающие, как молнии, афоризмы? Безличному, далекому, неизвестному адресату, — очевидно, за ненахождением около себя драгоценного, личного, близкого, известного до конца Собеседника, который все бы выслушал и помог разобратся в тревогах и недугах.

А вот, пожалуй, еще характернее: кому писал Платон свои «Диалоги», где он все время с кем-то спорит, и с помощью которого переворачивает и освещает с разных сторон первоначальную тему. Тут уже совершенно явно дело идет о мысленном собеседнике, и притом — собеседнике не совсем определенном: тут собеседник все время — спорщик, оспариватель высказанного тезиса. В первый раз в мировом писательстве первоначально мелькает мысль, что каждому положению может быть противопоставлена совершенно иная, даже противоположная точка зрения. И это начало диалектики, т. е. мысленного собеседования с учетом возможных возражений. И, можно сказать, это начало *науки*! Так из «писательства» в свое время возникла наука, — из полубезотчетного записывания мыслей — планомерное их изложение с учетом их закономерности и последо-

вательности. Древний египтянин и вавилонянин когда начал неуверенное записывание своих высказанных неуверенных мыслей на глиняной поверхности своими странными знаками для неизвестного адресата. Вот, его корреспонденции мы и сейчас рассматриваем в Эрмитаже! А грек из сопоставления этих корреспонденций попробовал сделать уже науку! Так, из горя и неудовлетворенности от неимения Собеседника возникли и писательство, и наука.

Кстати сказать. Наука, как ее стали потом понимать, на мой взгляд, люди, это уже не только учет возможных противоположностей и возражений, как было в платоновских «Диалогах», но попытка выявить, что же из чел. высказыв. и мыслей — после всех возражений — может быть признано за однозначно-определенную истину.

Наука — система *правильных* мыслей. Так ее понимал Аристотель, его средневековые последователи, и кафедральные профессора до наших дней. Стали рисовать себе науку как совершенно безликую, однозначную, категоричную в однозначности своих утверждений, чудесную и исключительную систему мыслей, уже не нуждающуюся в собеседнике и не заинтересованную в том, слушает ли ее кто-нибудь. Рационализм обожествовал науку, сделал ее чем-то сверхчеловеческим. De l'homme a'la Science — характерно озаглавил свою книгу по теории естествознания правоверный рационалист *Ле-Данрех*. Человека и человечество, будто бы, уже нет в науке, — здесь чистая мысль, стоящая выше всего человеческого! Конечно, это было лишь жалкое суеверие ученых профессионалов, а рационализм, объявлявший все, что с ним не согласно, — человеческим суеверием, сам есть ироническим образом одна из хитрых разновидностей челоуеч. суеверия, и притом не более как противнейшее, ибо это претензионное суеверие! А рационализм снова должен уступить свое, так хорошо насиженное место диалектике. Самодовлеющий разум! Одна и навсегда поостренная система истин! Подумаешь, какая претензия кабинетного челоуечка. Я считаю великой претензией, что в последние годы рационализм сменяется опять диалектикой, т. е. отчетливым пониманием, что «систем знания» может быть многое множество, развиваются (Ф. 749. Оп. 2. Ед. хр. 447. Л. 81) они, как и все на земле, исторически и в истории имеют свое условное оправдание, но логически равноправны. Живой человек стоит за ними, со всеми своими реальными горями и жаждой Собеседника, за отсутствием которого он будет опять писать и писать, чтобы высказать кому-то

великие недоум. жизни и главное из недоум. своих: как это могло случиться, что самого важного дальнего, но Собеседника, — у него с ним не оказывается.

Впрочем, были и есть счастливые люди, у которых всегда были и есть собеседники и которые, соответственно, ни малейшего побуждения к писательству. Это, во-первых, очень простые люди, вроде наших деревенских стариков, которые рады-радешеньки всякому встречному человеку, умея приветить в нем его добро. И, во-вторых, это гениальнейшие из людей, которые вспоминаются человечеством, как почти недостижимые исключения: это не искатели Собеседника, а, скорей, вечные собеседники для всех, кто потом о них слышал и узнавал. Таков Сократ из греков, также и Христос из евреев! Замечательно, что ни тот, ни другой не оставили ведь ни строки, не проявили ни малейшего поползновения оставить после себя что-н. написанное для далеких собеседников! О Сократе мы ровно ничего не знали бы, если бы за ним не записывали его слова и мысли его собеседники — Платон и Ксенофонт. О Христе мы ровно ничего не знали бы, если бы народное предание, возникшее от его личных собеседников, не вылилось потом в Евангелия. Вот единственный случай, когда Христос писал, это тот, когда к нему привели женщину взятую за прелюбодеяние и подлежащую по закону побиению камнями. Тогда, по преданию, он стал писать на песке, видимо, не находя, что сказать Собеседникам! И только написав на песке он нашелся ответить: «Первый, кто чувствует себя безгрешным перед законом, пусть бросит камень!» Отчего же это они не писали, эти всемирно-гениальные люди? Отчего мы знаем о них лишь через их собеседников?

Мне кажется — оттого, что они тоже никогда и не имели неутоленной жажды в собеседнике, ибо имели всегда искреннейшего и глубочайшего собеседника в каждом ближайшем встреченном человеке. Вот в чем секрет! Уметь видеть и находить в каждом ближайшем встреченном человеке своего искомого Собеседника! Тогда конечно обращаться к мысленному дальнему собеседнику и не придется! Зачем к дальнему, когда все тебе нужно перед тобою? И в то же время, как писатели всех времен, малые и великие, обращались к «дальнему», подчас пронося свои носы мимо нецененно-дорогого близ себя, эти мужи умели находить ближнего. Вот секрет! «Дальние» узнавали о них через «ближних». Оттого и не было пи-

сательства, никаких абстракций, а была живая жизнь для живых людей, оживляющая через многие ряды лет и веков новые поколения живых людей.

Да, знаете ли, как это ни парадоксально, но это так: это уже плохо, если человек вступил на путь писательства! С хорошей жизни не запишешь! Это уже известный своего рода дефект, болезнь, если человек вступил на путь писательства. Или неповторимая утрата, или неумение жить с целой неабстр. жизн.

И притом вот что замечательно. Всякая сила развивает свое действие обратно пропорционально квадратам расстояния. То, что дальний испытывает на расстоянии, он естественно рассчитывает испытывать сугубо с приближением к источнику. А ведь сплошь и рядом бывает, что моралист и поэт, разливающийся соловьем для дальнего, оказывается несноснейшим субъектом вблизи для своих ближайших домашних! Тут уже конечно ложь, когда люди серьезно уверяют, что они, дескать, будто забывают ближнего для дальнего! Это сбrehнул Ницше в минуту тяжелого душевного забол<евания>, а дураки повторяют как некую норму! Хороша норма, когда совершенно очевиден обман для всякого дальнего, который по мере приближения к показавшемуся идеалу, обретает скотину!

Вот оттого я более всего хотел бы обладать этой способностью и если мог передать ее в обладание друзей: видеть в ближайшем встречном человеке своего основного искомого, главного и ответственного Собеседника (Ф. 749. Оп. 2. Ед. хр. 447. Л. 81 об.).

Письма Бронштейн-Шур к А. А. Ухтомскому (Ф. 749. Оп. 2. Ед. хр. 193)

11/VI-41 г. Дорогой Алексей Алексеевич, вчера вечером из письма Клары узнала тяжелую весть о смерти Надежды Ивановны⁵¹. Мне хочется сразу писать Вам и издали выразить Вам свое сочувствие, свою грусть, хочется, чтоб это горе не заставило бы Вас чувствовать одиночество. Я не умею выразить то, что хочется сказать Вам. У меня нет слов утешения, по-моему, перед лицом смерти их и не может

⁵¹ Надежда Ивановна Бобровская (1863–1941) — помощница и домоправительница А. А. Ухтомского с 1897 года по 1941 год. Она стала помогать Ухтомскому с хозяйством по просьбе его умирающей тети Анны Николаевны. Ее уход из жизни 27 мая 1941 года, в Духов день, Ухтомский очень переживал [Е. Ф.].

быть. Но самое дорогое и важное в жизни, — это лицо другого человека. Эту мысль Вы давно заронили мне в душу и мне хочется пожелать Вам, чтобы эти мысли о лице человека, о лице многих и многих людей дали бы Вам силы и бодрость в эти тяжелые и грустные для Вас дни (л. 6).

Я как раз недавно послала Вам письмо. Как Ваше здоровье после перенесенной болезни? Много ли работаете? Я шлю Вам большой привет и хочу, чтоб эти бессвязные строки передали бы Вам то хорошее, что я Вам желаю. Лена (л. 6 об.).

31/VII. Спасибо Вам, Алексей Алексеевич, за письмо, которое получила уже довольно давно. Не отвечала Вам, так как этим летом мне несколько не повезло. 29-го июня Лёничик заболел корью. Корь прошла легко и без осложнений, но здешние врачи долго не могли определить что это корь, все уверяли меня, что это грипп. А состояние у Леника было очень тяжелое, у него шла кровь из носа и он терял много крови. Мне было очень тяжело и тревожно, т. к. он прямо на глазах слабел (л. 7), прямо таял. Моя тревога достигла таких размеров, что я вызвала по телеграфу мужа, но вскоре выяснилось, что это корь, кровотечение остановилось и болезнь пошла на убыль. Теперь Лёник уже здоров, но все еще очень бледен. Погода, как, вероятно, и в Ленинграде, стоит плохая, последние несколько дней безостановочно почти лил дождь. А в такие дни в Торопце тоскливо, городишко тонет в грязи, выглядит уж очень неприглядно и убого. Зато сегодня выглянуло солнце и все окрасилось в другие цвета.

Я мало отдохнула в связи с болезнью Леника и лишь (л. 7 об.) в последнее время после приезда мужа в отпуск начала немного отдыхать. Не знаю еще как быть с конгрессом, ехать ли на него, или нет. Завтра напишу сотрудницам нашей лаборатории и попрошу их сообщить мне будет ли для меня билет. Напишите мне, Алексей Алексеевич, Ваше мнение о предстоящем съезде. Я думаю, что должно быть много интересного, но сомневаюсь ехать ли, т. к. все же это довольно сложно.

Одновременно с Вашим письмом получила письмо от Фани, в котором она тоже пишет о своих сомнениях (л. 8) ехать ли ей в Ленинград: и побывать хочется, и отпуск разбивать жалко. Одновременно отсылаю и ей письмо в Старый Крым.

Я с большим интересом читала Ваши мысли о значении времени в физиологии и вообще в жизни человека. Я часто думаю об этом.

Но додумать до конца значение времени трудно, даже невозможно. Вы совершенно правильно пишете о том, что человек обычно очень поздно понимает текущий момент жизни. Я тоже об этом думала. Вот и пишу сейчас письмо, сейчас уже скоро 11 ч. вечера (л. 8 об.), окно открыто, в него льется свежий воздух и сквозь него я вижу контуры деревьев на фоне светлого неба. Я пишу при свете керосиновой лампы. Кругом совсем тихо, тихо, лишь доносятся заглушенные звуки музыки из городского сада. Вот момент моей жизни, который уступит место другим, но все же оставит какой-то свой неуловимый след.

Я пишу Вам тоже вскоре после своего дня рождения — на днях мне исполнилось 31 год. Уже много! Да и сын у меня становится (л. 9) большим. Он многим интересуется, многое уже по-своему понимает и воспринимает, очень чутко реагирует на многое. Ну, довольно о себе. Желаю вам всего хорошего. Лена (л. 9 об.).

1.5. А. А. Ухтомский [О «естественном» в человеке]⁵²

Санкт-Петербургский Филиал Архива Академии наук РФ. Фонд 749. *Заметки, выдержки из сочинений по вопросам, относящимся к философии*. Оп. 1. Ед. хр. 92/6.

«Такова истина: она избилуетъ доказательствами».
(Златоустъ, V. 258)

«...признаніемъ фактическихъ причинъ возникновенія вѣры въ дѣйствительность и фактическую значимость нашихъ сужденій воспріятія еще ничего не рѣшается относительно правъ этой вѣры».

(Загварть, логика. I. 215)

Параграф 1. Представляется несомненнымъ, что понятие «естественный» пріобретаетъ все больше и больше правъ гражданства въ нашемъ словесномъ обиходѣ, въ нашемъ обыденномъ мышленіи;

⁵² Не опубликованная ранее статья А. А. Ухтомского хранится в Санкт-Петербургском Филиале Архива Академии наук РФ (Ф. 749. Оп. 1. Ед. хр. 92/6). Она не завершена и не имеет названия. Публикуются начало и конец статьи, с сохранением авторской орфографии.

теперь почти всюду гдѣ люди думаютъ, его можно замѣтить въ качествѣ руководящаго, молча принимаемого, нормирующаго понятія. И что особенно замечательно, мы встрѣчаемся съ нимъ въ послѣднее время тамъ, гдѣ этого можно было бы и не ожидать: въ Богословіи, въ ученіи о спасеніи человѣка Божественнымъ Промышленіемъ, въ книгахъ, въ которыхъ мы привыкли читать (л. 1) о «сверхъестественномъ», въ этой-то области человѣческой мысли, въ этихъ-то книгахъ мы можемъ усмотрѣть въ последнее время решительное движеніе къ понятію «естественный», рѣшительное желаніе установить на немъ точку зрѣнія.

Я укажу въ этомъ сочиненіи какъ на типъ, на достойную особливаго вниманія диссертацию о. архимандрита Сергія «Православное ученіе о спасеніи» (Сергіевъ Посадъ, 1895). Научнымъ идеаломъ этой книги является «природосообразное (генетическое) объясненіе» самыхъ основныхъ догматовъ христіанской вѣры, выясненіе «естественной сообразности» ихъ⁵³, выведеніе ихъ изъ нормальной природы вещей, изъ «нравственнаго достоинства бытія»⁵⁴, — изъ которой (природы) съ естественной, «физической», — какъ выражаются авторы⁵⁵ — необходимо опредѣляется судьба человѣка⁵⁶ (1 об.).

Ставится решительный вопросъ «почему?» — тамъ, гдѣ до сихъ поръ наши догматики считали достаточнымъ сказать: «такъ благословилъ Богъ»⁵⁷, *Deus ex machine*, «безпричинное изволеніе Божіе»⁵⁸, «сверхъестественное превращеніе»⁵⁹ людей, «сверхъестественные акты искупленія» устраниются прямо, какъ нарушеніе естественнаго порядка вещей, какъ «извращеніе душевной жизни»⁶⁰.

Конечно книга о. арх. Сергія нова для насъ не по своимъ идеямъ; вѣдь авторъ все время неуклонно держится святоотеческой письменности и самъ полагаетъ свой трудъ лишь въ выясненіи ея идей. Нова

⁵³ Православное ученіе о спасеніи. С. 129.

⁵⁴ Стр. 146, ср. стр. 105–107.

⁵⁵ Стр. 133.

⁵⁶ «Съ здравымъ разумомъ согласно, — говоритъ о. Сергій, — только то представленіе о загробномъ воздаяніи, по которому это послѣднее является прямымъ выводомъ изъ того или другого состоянія человѣка, того или другого направленія его душевной жизни». *Ibid* стр. 142.

⁵⁷ Стр. 41.

⁵⁸ Стр. 135.

⁵⁹ Стр. 33.

⁶⁰ Стр. 149.

она темъ, что обратила вниманіе на эту именно, — естественно-психологическую сторону въ міросозерцаніи св. отцевъ, которая оставалась до сихъ поръ в тѣни; нова, — какъ опытъ систематической архитектоники христіанскаго святоотческаго богословія на (л. 2) идеѣ естественной необходимости.

Оказывается, что по учению отцевъ церкви десясословіе, а потомъ и Евангеліе, служатъ просто «истолкованіемъ лучшей стороны человѣческой природы и на нее опираются»⁶¹, исходятъ из природы человѣка, какъ данной и имѣющей въ себѣ «точный и неповрежденный критерій добродѣтели (Исидоръ Пелусіотъ), и имѣютъ своимъ дѣломъ лишь «тщательно воздѣлывать и благоразумно воспитывать» то, что «требуется уже самымъ естественнымъ порядкомъ вещей, что заложено «вмѣстѣ съ устроеніемъ живого существа» (Василий В.)⁶².

Вѣдь, намъ до сихъ поръ не подчеркивали этихъ цитатъ изъ отцевъ церкви, гдѣ они прямо берутъ «естественность» пробнымъ камнемъ истинности.

Это — знаменіе времени, когда пастырь-богословъ входитъ в союзъ съ психологомъ и психіатромъ (я разумѣю отношеніе архимандрита, почти епископа Антонія Храповицкаго къ Достоевскому). (л. 2 об.)

Какъ же смотрѣть на это существенное сближеніе богословствующихъ мыслителей съ понятіемъ «естественный», — мыслителей, для которыхъ столь характерно все таки радикальное противоположеніе свръестественнаго всему естественному? Вѣдь мы не можемъ забыть тотъ типическій фактъ исторіи — по крайней мѣрѣ — школьнаго богословія, фактъ, тянущійся на протяжении почти всей этой исторіи: антогонизмъ богословія противъ того, что мыслится и существуетъ естественно, отлученіе естественной науки и даже самой природы⁶³.

Не приходится ли вспомнить теперь слова Рудольфа Вирхова, что «какъ сказывается, не смотря ни какія преграды естественная наука,

⁶¹ И. Поповъ. Естественный нравственный законъ. Сергій Посадъ 1897. С. VII.

⁶² Ibid стр. IX.

⁶³ «Злой духъ и Природа — это одно, и гдѣ Природа не побѣждена, не побѣжден и Злой врагъ» — вотъ капитальное предложеніе богословія за многія столетія (По цитатѣ Шопенгауэра изъ Deutsche Theologie [Werke .13. V, 113] и оно представлетъ для насъ, — в концѣ XIX столетія — далеко не одинъ историческій интересъ. По Гарнаку средніе вѣка «признавали Природу и всю чувственную жизнь дьявольскимъ наважденіемъ (ср. у I. Baumamid Gofr d. Rilig Stuttg. 1895. P. 29).

неизвѣстно черезъ какія поры и отверстія, всюду проникаетъ въ школу; оттуда она распространяется въ видѣ какихъ то испареній и съ кажды́мъ годомъ все болѣе приходится убѣ(л. 3)ждаться, что пористость предградъ постоянно увеличивается»⁶⁴.

Одно можно уже заранее сказать относительно подчеркнутого мною явления: въ немъ православное Богословіе не вступаетъ ни в какое историческое противорѣчіе съ собою, ни в какіе «компромиссы с духомъ времени». Писатели, которыхъ я имею в виду, говорятъ все время отъ лица отцевъ церкви; вѣдь все ихъ дѣло исключительно в изложеніи ученія отцевъ церкви. Новизна только в томъ, что теперь стали обращать вниманіе на тѣ мѣста святоотеческой литературы, на которые прежде не обращали. Слѣдовательно, эта новизна касается лишь школьнаго Богословія и должна быть названа в научномъ (историческомъ) отношеніи — исправленіемъ его, — сближеніемъ его съ первоисточникомъ — святоотеческимъ ученіемъ. Именно такъ и понимаютъ свое дѣло наши писатели⁶⁵ (л. 3 об.).

Тѣмъ важнѣе и интереснѣе это явленіе для насъ. Понятіе «естественный» занимаетъ такое важное мѣсто в циклѣ техъ понятій, изъ которыхъ строится наука вообще! А сближеніе богословія съ духомъ науки вообще не можетъ не быть дорого, если дороги сами по себѣ интересы мысли.

И тѣмъ своевременнѣе обратить большее вниманіе на это сближеніе, чѣмъ то было до сихъ поръ.

Параграфъ 2. Понятіе «естественный», «естественность» представляютъ высокій интересъ для изслѣдованія. Историческая судьба сдѣлала изъ нихъ могущественную «идею-силу», и тому, кому приходится считаться съ нею, какъ съ исторической идеей-силой, и кто, въ то же время, хочетъ встрѣтить ея влияніе сознательно, — (л. 4) тому необходимо уяснить себѣ ея логическую и психологическую природу.

Чтобы воспроизвести предъ своимъ умственнымъ взоромъ то, съ какою историческою силою мы имѣемъ дѣло въ лицѣ понятія «естественный», надо лишь пробѣжать въ памяти, — не заходя

⁶⁴ Изъ рѣчи, произнес. Вирховымъ 20 сент. 65 г. в Ганноверѣ (см. Неклюдовъ, Общий выводъ положительнаго метода, СПб., 1866, стр. 19, 20).

⁶⁵ См. напр. Рѣчь о. Сергія предъ защитой диссертациі (Богосл. Вѣстн. 1895 № 9), а также многочисленная указанія въ статьяхъ преев. Антонія въ «Богосл. Вѣстн.», и, в послѣдн. время, — въ «Православномъ Собѣсѣдникѣ».

далеко (а зайти можно бы гораздо глубже), — историю последних веков культуры человечества, — начиная с того времени, когда стала колебаться великая историческая сила западной Европы — авторитет святого Престола; когда тому, «как хочет св. Престоль» задумали противопоставить то, что «сообразно природе вещей» и то, как хочет природа». — Костры, поголовный истребление сотен людей, инквизиция, проклятие целых областей, отлучения и грозные буллы — ярко подчеркивают на все времена первую встречу и последующую борьбу папского авторитета с авторитетом пресловутой «природы вещей». Папский авторитет, как известно, не оказывается в истории настолько сильным, чтобы смять в самом зародыше своего (л. 4 об.) врага: костры мало-помалу смѣгчаются грозными буллами, великий громовержец становится в глазах людей «сердящимся Юпитером». Оказывается, что, не смотря на великое назначение св. Престола — царствовать «надъ городомъ и вселенной», тенденция народовъ — жить и развиваться по национальнымъ началамъ, какъ «естественная», — жизненнее и сильнее его; оказывается, что не смотря на явное несоизволение св. Престола⁶⁶. Земля, повинуюсь «естественному закону», все таки движется вокругъ Земли. И съ техъ поръ, наперекоръ курии, вслѣдъ за Дантовой «Монархией», люди начинаютъ громко и упорно рассуждать о томъ, «что сообразно природы вещей», а Земля, послѣ Коперника и Галилея, — упорно двигается вокругъ солнца (л. 5).

О последующемъ ходѣ европейской истории, о томъ, какъ постепенно эмансипируется «свободная мысль», «свобода изслѣдованія» и все то, что люди считаютъ «естественнымъ», объ всемъ этомъ и съ этой именно стороны, писалось такъ много и сказано такъ много хорошаго, все это служило источникомъ вдохновенія для столь

⁶⁶ В настоящее время замѣтно очень понятное желаніе со стороны католическихъ ученыхъ — завѣрить, что Римъ вовсе ужъ не такъ противился началамъ естествознанія и, в частности, Коперниковской системы, какъ принято думать. Примеромъ можетъ служить Ортолат (см. С. С. Глаголева, *Астрономія и Богословіе*. Сергиевъ Посадъ, 1898. Стр. 3, 4, 51 и слѣд.). Но фактъ, что св. конгрегация требовала «отрицать, презирать и проклинать отъ чистаго сердца» идеи Коперника, «а равно всѣ другія... еретическіе секты» — остается фактомъ (Ср. Ф. Розенбергеръ, *первъ. исторія физики*, СПб., 1886. Ч. II, стр. 94 примечаніе). Очевидно это былъ св. Престоль, кто первый «отрицалъ, презиралъ и проклиналъ отъ чистаго сердца» обращеніе Земли вокругъ солнца.

многих писателей, больших и малых, что в настоящем случае можно не повторять того, что в этом отношении вошло в обычай говорить.

Всѣми принято понимать новую исторію такъ, что самымъ оригинальнымъ и типическимъ русломъ (л. 5 об.) ея является развивающееся «мышление о природѣ»⁶⁷; около него и въ неразрывной связи съ нимъ «сообразно природы вещей» строится и перестраивается общественная жизнь европейскихъ націй от реформы и до великой французской революціи, — отъ революціи и до нашихъ дней (л. 6). <...>

Историческая судьба понятия «естественный» производит такое впечателеніе, что ему предстоитъ еще (л. 7) много побѣды; повидимому оно должно проникнуть всюду и сказать свое слово во всѣхъ сторонахъ жизни и мысли (7 об.). <...>

Ни пространство, ни время, ни движение не суть а priori в том смысле, что с самого же начала они могли бы возникать благодаря сознательной самопроизвольной деятельности, как число. Они предшествуют уже всякому мышлению, мы находим их наперед, как продукты нашего процесса представления (Зигварт. Логика, II, 83)⁶⁸ (л. 50).

<...> Поскольку приводит требование каждый ряд единиц полагать и объединять, как единство, поскольку полное понятие числа может вообще применяться лишь к конечному числу, и бесконечное число есть contradiction in adiecto, так как само выражение говорит, что теперь недостает того завершающего объединения, благодаря которому число только и становится тем, что оно есть (Зигварт. Логика. II. 1908. стр. 45). «Повсюду различение и объединение различающегося являются действующими при счете функциями... Собираение идет шаг за шагом вперед, по мере того, как даны бывают последовательно подлежащіе собиранію единицы... Только при совершенно неопределенном схватываніи чувствующего множества, когда мы видим напр<имер> полет птиц или снежную мятель, перевешивает соцерзание целого... Но в последнем примере и собираение

⁶⁷ Обожествленіе знанія и натурализма — вотъ харктерные черты новой философіи. Собственно говоря лишь объектъ новой философіи есть «Природа»; до сихъ поръ объекты челоѳческой мысли были другого рода (Ср. Фолькемберга, Исторія новой философіи, СПб., 1894, с. 6–8, 10).

⁶⁸ Данный абзац — это вставка более позднего времени, написана светло-синими чернилами, в современной орфографии [Е. Ф.].

представляет свои трудности, так как здесь совсем не дано никакой определенной границы. Мы не приходим к представлению целого, известной «совокупности», но как собирание, так и процесс различения остаются невыполнимыми. Мы имеем в самом точном смысле запутанное представление множества (стр. 353).

Необходимо пересмотреть возражения Кантора, а также Эйнштейна о «безграничности» и «бесконечности» (Frankel, Mengelenbire. Также Маха, Познание и заблуждение. Русск. нар. Котляра. стр. 336 и след.) (л. 01).

Природу решительно не удастся понять, какъ цѣлое, единое в себѣ существо. (л. 100). Понятіе «природы» совершенно формально; оно представляетъ интереснейшій примеръ того, какъ по существу не обладающее конкретнымъ содержаніемъ понятіе — подъ влияніемъ историческіхъ условий въ продолженіи цѣлыхъ вѣковъ наполняется (?) болѣе или менѣе характернымъ, хотя и подвижнымъ, содержаніемъ. Впрочемъ совершенно несомненно, что «Природа», какъ собственно (единичное) имя нѣкоторого существа есть простое платонизированіе (формального) понятія, «природа» какъ существа чего-нибудь, т. е. пріятіе его ante rem и современная, реалистически настроенная наука должна окончательно отъ него отказать; наука можетъ употреблять понятіе «природа» лишь in re, — какъ мы употребляли его выше; при такомъ употребленіи она становится на подобающее ему место формального понятія (наравне съ «существо», «существованіе», «субстанція», «бытіе» и т. п.) перестаетъ предписывать претензиціонные догматы — мысли, попросту говоря, — очищаетъ дорогу свободной мысли, и является возможнымъ принципъ, характеризующій неліцеприятное отношеніе научнаго духа к лицамъ и к Бытію вообще: «все имѣетъ свою Природу», «все детерминировано по своему», «всякое Бытіе носитъ в себѣ свой законъ» (л. 102).

Глава II. Естественная наука и идея Бога

Настоящую главу я изложу лишь в основных чертах, так как она по существу достаточно подготовлена предыдущею, подробную же разработку частныхъ мнѣ не пришлось сделать по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ — *тяжкой болезни моего друга*.

Параграфъ 1. «Космологическое доказательство опирается на два термина: Бог и Природа: мир во всѣ времена считаетъ съ вопросомъ, какъ слѣдуетъ мыслить связь между ними. Такъ какъ «природа» есть

собственный предмет и предстоящее значение науки (выше стр. 93), то указанный вопрос имѣть в общемъ слѣдующій смыслъ: какъ надлежитъ научному духу относиться к идеѣ Бога.

Классическій ответъ на это въ исто(л. 102 об.)ріи таковъ: наука должна доказать бытіе Божіе; иными словами, между Богомъ и Природой должна быть выяснена совершенно необходимая, санкціонируемая по закону противоречія а ріогіи связь. Въ этомъ идея «космологическаго доказательства» — этого типическаго творенія эллинскаго духа, впервые познакомившаго міръ съ тѣмъ, что значитъ «доказательство» и даровавшего ему идею «матеріально определенной Природы» — «Космоса». Первую формулировку этого доказательства принято считать у Аристотеля (см. Виндельбанда, ист. древ. Фил. с. 221). Слѣдуетъ упомянуть о святоотеческихъ его редакціяхъ (Афанасія Алекс., Васил. Вел., Григ. Богосл. и Иоанна Дамаскина [см. Апологетика Рождественскаго II, с. 327]). Общій комендіумъ всѣхъ этихъ доказательствъ представлень в средние вѣка Фоомою Аквинатоном (см. Fillman Pesch Die Grossen Weltratsel, V. II, p. 283).

Въ новой философіи классическіе его формулировки принадлежатъ Лейбницу и Вольфу Фолькенбери (ист. нов. Фолк. Ст. 256; Рождественскій, Апологетика, II, 328).

Съ Канта начинается утверждаться (л. 103) убѣжденіе, что изъ матеріально определяемой Природы выхода нѣтъ: от матеріальныхъ определений можно заключать лишь къ матеріальнымъ же.

Параграфъ 2. Библии «космологическое доказательство» неизвѣстно по той простой причинѣ, что евреямъ не была извѣстна идея Вселенной. Какъ определеннаго существа, какъ *завершенной в себе, индивидуализированнаго* Космоса (см. August Dillmann, Handbuch der Alttestamentlichen Theologie Lp 1895 pp. 284, 285). Въ техъ случаяхъ, когда в позднейшей европейской письменности (например, в книгѣ «премуд. Соломона») несомненно есть идея «космологическаго доказательства», что объясняется греческимъ влияніемъ (см. напр. Grimm, Commentor. uber das Buch Kaelethund Weisenreit Salumog. 1832). Евреямъ по существу чужда идея доказательства бытія Божія, ибо ихъ Богъ — прежде всего Богъ исторіи, опытно познаваемое Лицо в историческомъ проявленіи.

Параграфъ 3. Вопросъ: «какъ наука должна относиться к идеѣ Бога» — в чистомъ научномъ духѣ, гдѣ известно лишь фор(л. 103 об.) мальное понятіе «природа», можетъ быть разрѣшень одним образомъ:

религиозный опыт («что мы видѣли, что слышали, что руками нашими осязали...») историческій и личный, начиная съ той особенности, что значит «многими скорбями входятъ в Царство Небесное» есть достаточно своеобразный и характерный ряд закономерных событий, чтобы научная мысль могла имъ заинтересоваться, в особенности вникнуть в его «природу»; отсюда реальными научными задачами является физиология, психология и исторія религиозного опыта⁶⁹. Работа о. архимандрита Сергія, о которой упоминалось вначаль, должна быть привѣтствована в этомъ отношеніи, в качестве и высшей степени своевременной новости, впрочем лишь возвращающей мысль в древнее святоотеческое русло. Необходимо развить и продолжить святоотеческій эмпиризм и физиологизм в учении о путях и нормах человеческого познания и благоволения (спасения) при свете современных данных физиологии, психоанализа и гносеологии⁷⁰.

В частности, в русской литературе драгоценный пионер на этом пути нам дан — в лице Ф. М. Достоевского. Андрэ Жид⁷¹ прекрасно говорит, что «величие Достоевского истекает из того, что он никогда не сводил мира на какую-нибудь одну теорию и не дал самое себя подчинить какой-нибудь теории» (*Nouvelle Revue Française* 1921. p. 103). Русский критик В. В.⁷² добавляет: «мысли Достоевского только мысли его героев; борьба душ — не обмен отвлеченных мнений... Тенденциозность Достоевского не в насиловании нашего суждения односторонним выводом, а лишь в страстной потребности открыться нам, показать нам правду, уяснить нам конкретную сложность духовной жизни. Больше того, все идеи Достоевского, его сокровеннейшие верования, все неотъемлемые качества его личности он неизменно понимает, как условия его творчества. И одна из самых глубоких мыслей Жида состоит в том,

⁶⁹ См. выше, стр. 182–186.

⁷⁰ Начиная со слов «впрочем лишь возвращающей мысль» и до конца статьи — это вставка более позднего времени, написана светло-синими чернилами, в современной орфографии [*Е. Ф.*].

⁷¹ В. В. Андрэ Жид. Достоевский // *Русский Современник*. 1924. № 1. С. 330–331. Раздел «История и теория литературы» [*Е. Ф.*].

⁷² Вероятно, речь идет о Владимире Васильевиче Вейдле (1895–1979) — русском литературоведе, историке искусства, который публиковался в «Русском современном» в 1924 году. В этом же году он эмигрировал [*Е. Ф.*].

что самое христианское смирение (или смирение пред христианством) служит Достоевскому, как художнику, позволяя ему сохранить все богатство внутренних противоречий, ничего не убить в себе горделивым произволом воли» (В. В. Русский Современник. 1924. № 1. С. 330).

Как только понятно, что за всяким теоретическим упрощением мира кроется урезывание живого горделивым произволом воли, как только прочувствовано принципиальное первенство живой реальности и Лица над самоутверждающим и ищущим самообеспечения знанием, открывается, что лишь культурой целого человека, культурой деяния (воли и любви) может быть достигнуто видение в великом мраке борющихся человеческих душ и лиц. И уже в том сумраке и сумятице борющихся идей и лиц, которые выявляются у Достоевского, выступают контуры трех закономерностей: закона доминанты, закона заслуженного собеседника (возмездия), закона милосердия (любви). Так, по преп. Иоанну Лествичнику, «иже о любви глаголати хотят, о Бозе глаголати начат».

Не «доказательствами», не самообеспечением, не предварительными расписками и векселями выходит человек за свои границы и открывает лицо другого, но расширением сердца и деятельною любовью. «Путь заповедей твоих текох, егда расширил еси сердце мое» (л. 104).

1.6. Ухтомский А. А. Доминанта как рабочий принцип нервных центров (с заметками на полях и комментарием)

Доминанта как рабочий принцип нервных центров // Русский физиологический журнал имени И. М. Сеченова. Т. VI (Вып. 1, 2, 3). Москва; Петроград, 1923. С. 31–45. (РБМ-17175).

В идейном и фактическом наследстве, оставленном Н. Е. Введенским, есть вывод, который следует из совокупности работ покойного над возбудимыми элементами, но который он сам почему-то не пожелал сделать, а именно, что нормальное отправление органа (например, нервного центра) в организме есть не предопределенное, раз навсегда неизменное качество данного органа, но функция от его состояния. Было большим освобождением для мысли, когда блес-

нула догадка, что металлы и металлоиды не являются раз навсегда качественно раздельными вещами, но вещество может проходить металлическое и металлоидное состояние в зависимости от величины атомных весов. Точно так же великим освобождением и вместе расширением задач для мысли было понимание, что газообразные, жидкие и твердые свойства являются не постоянными качествами вещей, но переходными состояниями в зависимости от температуры. Физиологическая мысль чрезвычайно обогащается перспективами и проблемами с того момента, когда открывается, что роль нервного центра, с которою он вступает в общую работу его соседей, может существенно изменяться, — из возбуждающей может становиться тормозящей для одних и тех же приборов — в зависимости от состояния, переживаемого центром в данный момент. Возбуждение и торможение это лишь переменные состояния центров в зависимости от условий раздражения, от частоты и силы приходящих к нему импульсов. Но различными степенями возбуждающих и тормозящих влияний центра на органы определяется его роль в организме. Отсюда прямой вывод, что нормальная роль центра в организме есть не неизменное, статически постоянное и единственное его качество, но одно из возможных для него состояний. В других состояниях тот же центр может приобрести существенно другое значение в общей экономии организма. В свое время я сделал этот вывод в книге «О зависимости кортикальных двигательных эффектов от побочных центральных влияний». «Кортикальный центр является носителем известной индивидуализированной функции лишь настолько, насколько соответствующий, иннервируемый им сегментарный механизм действует индивидуально; и он будет носителем других функций, когда иннервируемый им сегментарный механизм будет действовать как часть более обширного центрального механизма»... «Нормальная кортикальная деятельность происходит не так, будто она опирается на раз навсегда определенную и постоянную функциональную статику различных фокусов как носителей отдельных функций; она опирается на непрестанную межцентральную динамику возбуждений в... центрах, определяемую изменчивыми функциональными состояниями всех этих аппаратов». Фактическим подтверждением служила описанная тогда картина, что в моменты повышенного возбуждения в центральном приборе глотания или дефекации на теплокровном, раздражение «психомоторной зоны»

кору дает не обычные реакции в мускулатуре конечностей, но усиление действующего в данный момент глотания или дефекации. *Главенствующее возбуждение организма в данный момент существенно изменяло роль некоторых центров и исходящих из них импульсов для данного момента.*

Что приписывание топографически определенному нервному центру всегда одной и той же неизменной функции есть лишь допущение, делаемое ради простоты рассуждения, на это указывал уже W. H. Winch.

II

С 1911 г. я держусь той мысли, что описанная переменная роль центров в организме представляет собой не исключительное явление, а постоянное правило. Теоретически вероятно лишь, что есть центры с большим и с меньшим многообразием функций. Так, филогенетически более древние спинномозговые и сегментарные центры, вероятно, более однообразны и более устойчивы в своих местных отправлениях, а центры высших этажей центральной нервной системы допускают большее разнообразие и меньшую устойчивость отправления. Впоследствии Н. Е. Введенский пытался вызвать в центральной нервной системе лягушки нечто аналогичное тому, что было мною описано для теплокровного. В то время как я вызывал главенствующее возбуждение организма адекватными стимулами глотания и дефекации, Н. Е. задумал вызвать его очень длительным и вместе очень слабым электрическим раздражением какого-нибудь чувствующего нерва на спинальной лягушке. Оказалось, что получается нечто аналогичное тому, что наблюдается на теплокровном. В организме устанавливается местный фокус повышенной возбудимости, чрезвычайно понижаются местные рефлекторные пороги, зато развивается торможение рефлексов в других местах организма. Но Н. Е. все-таки не пожелал дать описанному явлению того общего и принципиального значения, которое мне казалось естественным. Он хотел видеть в описанных межцентральных отношениях скорее нечто исключительное, почти патологическое, и в связи с этим дал явлению характерное название «истерииозиса». Со своей стороны, я продолжал видеть в описанных отношениях важный факт нормальной центральной деятельности и представлял себе, что в нормальной деятельности центральной нервной системы

текущие переменные задачи ее в непрестанно меняющейся среде вызывают в ней переменные «главенствующие очаги возбуждения», а эти очаги возбуждения, отвлекая на себя вновь возникающие волны возбуждения и тормозя другие центральные приборы, могут существенно разнообразить работу центров. Это представление ставит новые задачи для исследования, и его можно принять, по меньшей мере, как *рабочую гипотезу*. Господствующий очаг возбуждения, предопределяющий в значительной степени характер текущих реакций центров в данный момент, я стал обозначать термином «доминанта». При этом я исходил из убеждения, что способность формировать доминанту является не исключительным достоянием коры головного мозга, но общим свойством центров; так что можно говорить о принципе доминанты как общем *modus operandi* центральной нервной системы. Истериозис Н. Е. Введенского есть, по-моему, частный случай спинномозговой доминанты.

III

Под именем «доминанты» у моих сотрудников понимается более или менее устойчивый очаг повышенной возбудимости центров, чем бы он ни был вызван, причем вновь приходящие в центры возбуждения служат усилению (подтверждению) возбуждения в очаге, тогда как в прочей центральной нервной системе широко разлиты явления торможения.

Внешним выражением доминанты является стационарно поддерживаемая работа или рабочая поза организма.

В высшей степени выразительную и устойчивую картину представляет доминанта полового возбуждения у кошки, изолированной от самцов в период течки. Самые разнообразные раздражения, вроде стука тарелок накрываемого стола, призыва к чашке с пищею и т. п., вызывают теперь не обычное мяуканье и оживленное выпрашивание пищи, а лишь усиление симптомокомплекса течки. Введение больших доз бромистых препаратов, вплоть до доз, вызывающих явления бромизма, неспособно стереть эту половую доминанту в центрах. Когда животное лежит уже в полном расслаблении на боку, разнообразные раздражения по-прежнему вызывают все тот же симптомокомплекс течки. Установившаяся доминанта, очевидно, очень инертна и прочна в центрах. Состояние сильного утомления также не уничтожает ее. Получается впечатление, что

в замирающей деятельности центральной нервной системы под влиянием утомления или броматов доминанта может становиться еще выпуклее, чем в норме, и она гаснет последнею.

Нет никакой необходимости думать, что принцип доминанты приурочен исключительно к высшим уровням головного мозга и коры. Когда в моем примере глотание и дефекация в состоянии устойчивого возбуждения» отвлекали на себя волны возбуждения из коры, сама доминанта слагалась, вероятно, еще в продолговатом и спинном мозгу. Предстояло исследовать условия образования и роль различных доминант собственно в спинном мозгу. М. И. Виноградов взял на себя труд систематически исследовать местное стрихнинное отравление спинного мозга лягушки в качестве средства образования доминанты для спинномозговых рефлексов. Уже прежние данные из литературы позволяли думать, что этим способом можно будет получать достаточно выразительные картины доминант, что и подтвердилось в работе М. И-ча.

Спрашивается, может ли доминанта иметь определенный функциональный смысл в пределах спинномозговой иннервации?

И. И. Каплан сделала попытку вызвать на спинальной лягушке специально сенсорную и специально моторную доминанты, наблюдая своеобразное влияние той и другой на определенный спинномозговой рефлекс, именно на обтирательный рефлекс задней лапки (Abwischreflex). Спинной мозг подвергался местному отравлению в поясничных уровнях, то сзади — стрихнином, то спереди — фенолом, в том предположении, что при этом будет создаваться устойчивый очаг повышенной возбудимости соответственно то в сенсорных, то в моторных клетках спинного мозга. Если бы на самом деле удалось вызвать в отдельности функционально различные доминанты в одном и том же сегменте спинного мозга, это повлекло бы существенно различные изменения в одном и том же Abwischreflex'e, принятом за индикатор. Оказалось в действительности, что при стрихнинной (сенсорной) доминанте спинномозговых уровней, иннервирующих правую заднюю лапку, обтирательный рефлекс этой последней координирован так, как будто раздражение приложено к брюшку, к бедру и к самой реагирующей лапке, хотя в действительности раздражение прилагалось к передней конечности, к голове, к противоположной стороне и т. п. Здесь доминанта сказывалась не только в понижении порогов возбудимости в отравленных центрах,

но и в характерном изменении направления, в котором координируется рефлекс. При моторной (фенольной) доминанте наблюдается существенно другая картина: повышение местной возбудимости сказывается в том, что при раздражении самых различных мест инициатива возбуждения принадлежит мышцам отравленной лапки, но обтирательный рефлекс, если ему не помешают характерные для фенола клонические судороги, направлен на место фактического раздражения.

Сенсорная спинномозговая Доминанта, очевидно, сближается по функциональному смыслу с явлениями отраженных болей в том истолковании, которое дал им Head: если из двух чувствующих путей, центрально связанных между собою, один более возбудим, чем другой, то при раздражении менее возбудимого рецепция проецируется все-таки в сторону более возбудимого.

Любопытно отметить, что Р. С. Кацнельсон и Н. Д. Владимирский успешно вызывали доминанту на ганглиях брюхоногого моллюска *Limnaea stagnalis*. Когда незадолго перед наблюдением один из ганглиев брюшной цепочки моллюска подвергался повторному механическому раздражению или изолированному стрихнинному отравлению, раздражения Других ганглиев цепочки действовали теперь так, как будто раздражался все тот же первый, перераздраженный или отравленный ганглий.

Особый интерес представляют все-таки доминанты, вызванные нормальными (адекватными) раздражителями. Нет нужды думать, что они могут возникать исключительно рефлекторным путем. Местные очаги возбуждения могут подготавливаться также внутрисекреторной деятельностью, химическими влияниями. Однажды спущенный поток нервного и внутренне-секреторного возбуждения движется далее с громадной инерцией, и тогда вновь приходящие раздражения лишь поднимают сумму возбуждения в этом потоке, ускоряют его. В то же время прочая центральная деятельность оказывается угнетенною. Так, условные рефлексы во время течки тормозятся.

IV

Доминанта есть очаг возбуждения, привлекающий к себе волны возбуждения из самых различных источников. Как представлять себе это привлечение возбуждающих влияний со стороны местного очага?

В 1886 г. Н. Е. Введенский описал замечательное явление «*тетанизованного одиночного сокращения*». В 1888 г. вторично исследовали его, под руководством *Н. Е. Введенского*, *Ф. Е. Тур* и *Л. И. Карганова*. Одиночные волны токов действия, бегущие вдоль по двигательному нерву из его центрального участка, — где нерв раздражается одиночными индукционными ударами, — попадая в сферу очень слабой тетанизации в периферическом участке того же нерва, производят здесь как бы оплодотворение тетанических импульсов, повышенную восприимчивость к тетанизации, так что вслед за каждой такой волной, пробегающей через место слабой тетанизации, в этом последнем начинают возникать усиленные тетанические импульсы с очень увеличенной амплитудой. Слабое, но устойчивое возбуждение в месте длительной слабой тетанизации нерва начинает рождать неожиданно усиленные тетанические эффекты под влиянием добавочных одиночных волн, приходящих из другого источника.

Подобные подкрепления возбуждений в местном очаге — волнами, иррадирующими по нервной системе, должны быть весьма типическими явлениями в центрах — приборах значительной инертности. Н. Е. Введенский дал им имя «корроборации». Надо думать, что к ним сводятся явления в центрах, отмеченные прежней литературой под именами «*Bahnimg*», «*Summation*», «*Reflexforderung*» и др.

Принципиально нетрудно понять отсюда, что волны возбуждения, возникающие где-нибудь вдали от поясничного центра дефекации (например, в нервах руки), могут дать решающий стимул к дефекации, когда центральный аппарат последней находится в предварительном возбуждении. Таким-то образом, *вновь приходящие волны возбуждения в центрах будут идти по направлению главенствующего сейчас очага возбуждения.*

Труднее понять возникновение разлитых торможений в центрах при появлении местного фокуса возбуждения. По внешности получается впечатление, что в связи с формированием доминанты к ней как бы утекает вся энергия возбуждения из прочих центров, и тогда эти последние оказываются заторможенными вследствие бессилия реагировать. Можно было бы привести соображения в пользу такого представления, начало которого можно возвести к *Декарту*. Но удовлетвориться им мы пока не можем, так как остается проблематической природа торможения во время этих утеканий возбуждения к очагу

возбуждения. В тот час, когда раскроется подлинная природа координирующих торможений в центральной нервной системе, частным случаем которых является ресипрочное торможение антагонистов, приблизимся мы к пониманию тормозящих влияний доминанты.

Понять природу координирующих торможений в смысле «парабиоза» затруднительно. Чтобы центр тормозился по типу парабиоза, необходимо допустить одно из двух условий: или 1) при прежних энергиях раздражения внезапно понижается лабильность центра, или 2) при прежней лабильности центра энергия раздражения (частота и сила импульсов) внезапно возрастает. Ссылаться на внезапное понижение лабильности всех тех центров, которые в данный момент подлежат торможению, значит для объяснения одной загадки ставить мысль перед другою: кто этот благодетельный фактор, который так своевременно изменяет лабильность действующих центров, подготавливая одни из них к торможению, другие к возбуждению? Предполагать же, что на совокупность центров, подлежащих сейчас торможению, падают усиленные или учащенные импульсы, тогда как для положительной работы тех же центров достаточно редких и умеренных импульсов, значило бы допустить, что работа нервного механизма рассчитана на невероятно расточительную трату энергии.

Многие данные заставляют предполагать, что в центрах, рядом с парабиотическим торможением, должны иметь место торможения иной, более экономической природы.

V

Вполне исключительное значение должна иметь доминанта в высших этажах центральной нервной системы, — в головных сегментах. Еще в 1888–1889 гг. Gotch и Horsley Готч обнаружили, что энергия возбуждения в спинальных двигательных приборах в общем тем больше, чем с более высоких этажей нервной системы они получают импульс. Спинальный центр возбуждается, приблизительно, вдвое сильнее с коры полушарий, чем с волокон внутренней капсулы, и приблизительно в семь раз сильнее с коры, чем со спинальной рефлекторной дуги. К головным сегментам тела приурочены рецепторы на расстоянии, и биологически очень естественно, что именно головным ганглиям этих органов предваряющей рецепции на расстоянии должна принадлежать преобладающая и руководящая роль

при иннервации прочих нервных этажей. Если бы в животном преобладали рефлексы спинального типа, т. е. реакции на ближайшие, осязательно-контактные раздражители, тотчас чрезвычайно возрастали бы шансы погибнуть от вредных влияний среды. Характерная черта реакций на органы чувств головных этажей в том, что они предупреждают реакции на контактно-непосредственные рецепторы и являются предварениями последних: это реакции «пробы» («attempt»), по выражению Sherrington'a. «В качестве рефлекторных двигателей рецепторы на расстоянии характеризуются склонностью возбуждать и контролировать мускулатуру животного в целом как единую машину, возбуждая локомоцию или прекращая ее в том или ином целом же положении тела, в той или иной позе, представляющей устойчивое положение не отдельных конечностей и не отдельных комплексов органов, но всей мускулатуры в целом».

Когда брюхоногий моллюск *Planorbis corneus* движется по дну аквариума, высоко подняв раковину и выставя вперед напряженные щупальцы, рефлексы на прикосновение к боковой поверхности его тела резко отличаются от тех, что получаются при состоянии, когда моллюск остановился, а щупальцы прижаты к телу, или при состоянии, когда те же щупальцы на неподвижном животном расслаблены безразлично. На моллюске, находящемся в деятельной локомоции, нанесение легких тактильных раздражений на ногу только усиливает локомоцию и напряжение щупалец. И в то время, когда контактное раздражение ноги вызывает одно лишь усиление напряжения щупалец, местных рефлексов в ноге (местного поёживания) нет, — продолжается локомоция, только с усиленным напряжением позы «внимания вперед».

Чем выше ранг животного, тем разнообразнее, изобильнее и вместе дальновиднее аппарат предвещающей рецепции: периферические высшие органы чувств и нарастающие над ними головные ганглии. Надо сравнить в этом отношении глубину среды, в которой с успехом может предвкушать и предупреждать свои контактные рецепции *Planorbis corneus* с его тентакулами и близорукими «глазами», орел — с его изумительным зрительным прибором и, наконец, адмирал в Гельголандском бою, управляющий по беспроволочному телеграфу невидимыми эскадрами против невидимого врага.

Головной аппарат высшего животного, в общем, может быть characterized как орган со множеством переменных, чрезвычайно

длинных щупалец, из которых выставляется вперед, для предвкушения событий, то одно, то другое; и «опыт» животного во внешней среде изменяется в зависимости от того, какими щупальцами оно пользуется, т. е. как дифференциально и как далеко оно предвкушает и проектирует свою среду в данный момент. Этот удивительный аппарат, представляющий собой *множество переменных, калейдоскопически сменяющихся органов предупредительного восприятия, предвкушения и проектирования среды*, и есть головной мозг. Процесс же смены действующих органов достигается *посредством образования доминанты и торможения прочего мозгового поля*.

VI

В высших этажах и в коре полушарий принцип доминанты является физиологической основой акта внимания и предметного мышления. Что акт внимания должен таить в себе устойчивый очаг возбуждения при торможении других центров, эта мысль намечалась еще у Ferrier, а затем развита Wundt'ом, Mc. Dougall'ем, Ebbinghaus'ом. В литературе есть указания, что разнообразные слабые раздражения при процессе внимания способствуют его концентрации. Zoneff и Meumann находили, что концентрация внимания усиливается при возбуждении дыхательного и сосудистого центра. Это можно понимать так, что иррадиации с продолговатого мозга способны подкреплять доминанту в коре. Распространяться здесь о природе акта внимания не буду, тем более что говорил о нем в другом месте.

Роль доминанты в предметном мышлении я попробую представить на конкретном примере, который характеризует с достаточной определенностью три фазы в развитии предметного опыта. Мне хотелось бы, чтобы меня не обвинили в кощунстве, когда я прикоснусь к прекрасному человеческому образу в прекрасный момент его жизни с чисто физиологической стороны.

Первая фаза: достаточно устойчивая доминанта, наметившаяся в организме под влиянием внутренней секреции, рефлекторных влияний и пр., привлекает к себе в качестве поводов к возбуждению, самые разнообразные рецепции. Это Наташа Ростова на первом балу в Петербурге: «он любовался на радостный блеск ее глаз и улыбки, относившейся не к говоренным речам, а к ее внутреннему счастью... вы видите, как меня выбирают, и я этому рада, и я счастлива, и я всех

люблю, и мы с вами все это понимаем, — и еще многое, многое сказала эта улыбка». Стадия укрепления наличной доминанты по преимуществу.

Вторая фаза: Из множества действующих рецепций доминанта вылавливает группу рецепций, которая для нее в особенности биологически интересна. Это стадия выработки адекватного раздражителя для данной доминанты и вместе стадия предметного выделения данного комплекса раздражителей из среды. «Наташа была молчалива, и не только не была так хороша, как она была на бале, но она была бы дурна, ежели бы она не имела такого кроткого и равнодушного ко всему вида»... Это Наташа у Бергов, по возвращении в Москву. Но вот «князь братс бережливо-нежным выражением стоял перед нею и говорил ей что-то. Она, подняв голову, раздумываясь, и видимо стараясь удержать порывистое дыхание, смотрела на него. И яркий свет какого-то внутреннего, прежде потушенного, огня опять горел в ней. Она вся преобразилась. Из дурной опять сделалась такую же, какую она была на бале».

Ранее Наташа возбуждена, красива и счастлива для всех, изнутри, экстенсивно. Теперь она хороша, и возбуждена, и счастлива только для одного князя Андрея: доминанта нашла своего адекватного раздражителя.

Третья фаза: Между доминантой (внутренним состоянием) и данным рецептивным содержанием (комплексом раздражителей) устанавливается прочная («адекватная») связь, так что каждый из контрагентов (внутреннее состояние и внешний образ) будет вызывать и подкреплять исключительно друг друга, тогда как прочая душевная жизнь перейдет к новым текущим задачам и новообразованиям. Имя князя Андрея тотчас вызывает в Наташе ту, единственную посреди прочих, доминанту, которая некогда создала для Наташи князя Андрея. Так определенное состояние центральной нервной системы вызывает для человека индивидуальный образ, а этот образ потом вызывает прежнее состояние центральной нервной системы.

Среда поделилась целиком на «предметы», каждому из которых отвечает определенная, однажды пережитая доминанта в организме, определенный биологический интерес прошлого. Я узнаю вновь внешние предметы, насколько воспроизвожу в себе прежние доминанты, [и воспроизвожу доминанты], насколько узнаю соответствующие предметы среды.

О предметном мышлении с физиологической стороны высказывался *И. М. Сеченов*. К нему подходит теперь школа *И. П. Павлова* по методу условных рефлексов. На этот раз я намеренно не буду касаться вопроса о том, как изложенное здесь относится к превосходным страницам *И. М. Сеченова* или какое место принцип доминанты занимает в терминах учения об условных рефлексах.

В высшей психической жизни инертность господствующего возбуждения, т. е. доминанта переживаемого момента, может служить источником «предубеждения», «навязчивых образов», «галлюцинаций»; но она же дает ученому то *маховое колесо*, «руководящую идею», «основную гипотезу», которые избавляют мысль от толчков и пестроты и содействуют сцеплению фактов в единый опыт.

VI

Пока доминанта в душе ярка и жива, она держит в своей власти все поле душевной жизни. Все напоминает о ней и о связанных с нею образах и реальностях. Только что человек проснулся, луч солнца, щебетанье за окном уже напоминают о том, что владеет душою и воспроизводит любимую идею, задание, лицо или искание, занимающие главенствующий поток жизни. «Я сплю, а сердце мое бдит». Доминанта характеризуется своей инертностью, т. е. склонностью поддерживать и повторяться по возможности во всей своей цельности при всем том, что внешняя среда изменилась и прежние поводы к реакции ушли. Доминанта оставляет за собою в центральной нервной системе прочный, иногда неизгладимый след. В душе могут жить одновременно множество потенциальных доминант — следов от прежней жизнедеятельности. Они поочередно выплывают в поле душевной работы и ясного внимания, живут здесь некоторое время, подводя свои итоги, и затем снова погружаются вглубь, уступая поле товаркам. Но и при погружении из поля ясной работы сознания они не замирают и не прекращают своей жизни. Научные искания и намечающиеся мысли продолжают обогащаться, преобразовываться, расти и там, так что, возвратившись потом в сознание, они оказываются более содержательными, созревшими и обоснованными. Несколько сложных научных проблем могут зреть в подсознательном рядом и одновременно, лишь изредка выплывая в поле внимания, чтобы от времени до времени подвести свои итоги.

Эти высшие кортикальные доминанты, то ярко живущие в поле сознания, то опускающиеся в скрытое состояние, но продолжающие владеть жизнью из подсознательного, очевидно, совпадают по смыслу с теми «психическими комплексами», о которых говорят Freud и его школа. «Ущемленные комплексы», т. е., попросту, заторможенные психофизиологические содержания пережитых доминант могут действовать патогенно, когда они не были в свое время достаточно вплетены и координированы в прочей психической массе. Тогда последующая душевная жизнь будет борьбою вытесняющих друг друга, несогласных доминант, которые стоят друг перед другом «как инородные тела».

Чем более согласованы между собою последовательно переживаемые содержания внимания, чем непрерывнее ткань прежней жизни сознания, тем более плавны будут последующие переходы душевной жизни от одной доминанты к другой. «Es ist doch ein Genuss ein so ruhiges Denken zu horen wie das seinige ist», — говорил Ludwig o Helmholtz'e.

Надо ли представлять себе доминанту, как топографически единый пункт возбуждения в центральной нервной системе? По всем данным доминанта в полном разгаре есть комплекс определенных симптомов во всем организме, — и в мышцах, и в секреторной работе, и в сосудистой деятельности. Поэтому она представляется, скорее, как *определенная констелляция центров с повышенной возбудимостью в разнообразных этажах головного и спинного мозга, а также в автономной системе.*

Когда кора возобновляет прежде пережитую доминанту, дело идет о более или менее подробном восстановлении в организме всего комплекса центральных, мышечных, выделительных и сосудистых явлений. Когда это нужно, кора умеет восстановить прежнюю констелляцию до такой полноты, что переживается вновь конкретное содержание тогдашнего опыта, быть может, до галлюцинации. Более обычно восстановление прежде пережитых доминант лишь частичное, экономическое, в виде символов. В связи с этим и комплекс органов, участвующих в переживании восстановленной доминанты, будет сокращенным, — может быть, ограничится одним кортикальным уровнем.

Чисто кортикальная доминанта, наверное, есть позднейший продукт экономической выработки. *Кора — орган возобновления*

и краткого переживания прежних доминант с меньшей инерцией и с целью их экономического сочетания.

С нашей точки зрения, всякое «понятие» и «представление», всякое индивидуализированное психическое содержание, которым мы располагаем и которое можем вызвать в себе, есть след от пережитой некогда доминанты. След однажды пережитой доминанты, а подчас и вся пережитая доминанта могут быть вызваны вновь в поле внимания, как только возобновится, хотя бы частично, раздражитель, ставший для нее адекватным. Старый и дряхлый боевой конь весь преображается и по-прежнему мчится в строй при звуке сигнальной трубы.

Комментарии Е. А. Фёдоровой

Публикуется по первому изданию. Журнал с данной статьей хранится в Рыбинском музее-заповеднике (РБМ–17175). Статья поступила 12 февраля 1923 года из физиологической лаборатории Петроградского университета.

Статья содержит пометы и маргиналии, сделанные рукой А. А. Ухтомского карандашом, красными, коричневыми и черными чернилами.

На титульных листах книги две записи: 1) 1-й тит. л. — владельческая запись, красными чернилами: «А. Ухтомский. Август 1923. Петроградский Университет»; 2) 2-й тит л. — владельческая запись, черными чернилами: «А. Ухтомский. 28 Ноября 1923. Петроградский Университет».

На форзаце приклеена фотография Ухтомского с сотрудниками физиологической лаборатории, сделанная 4 июля 1924 года (подпись под фотографией). Напротив помещена заметка Ухтомского, сделанная коричневыми чернилами: «Доминанта, как устойчивая характеристика дѣятельной личности, может выступить в особенности при душевном заболевании. Доминирующей бред больного на вновь сложившийся комплекс, а то, что было в данном лицѣ всегда, теперь же выступило с особенной выпуклостью за угнетением и выветриванием множества текущих рефлексов на случайные впечатления среды. У моей тети эта устойчивая доминанта в болѣзненной заботѣ о том, чем живут и питаются люди, есть ли у них дома, чѣм успокоиться и напиться. Вместе с тѣм это было стремление уйти от текущих, “неважных” с точки зрения доминанты, впечатлений, — от посещения родных, от бесѣд с прежними посѣтителями и знакомыми. Все это было, очевидно, слишком болезненно при столкновении с главным, — с болѣнием за жизнь и людей. 8/21 Февр. 1927 / Самый дальновидный из органов связи со средою у человека — это совѣсть».

В этой заметке Ухтомский пишет о своей тётё — Анне Николаевне Ухтомской (1832–1898), которая взяла его на воспитание. Анна Николаевна получила домашнее образование, замуж не выходила. Все свое приданое отдала младшей сестре, княжне Прасковье, которая вышла замуж за симбирского помещика Наумова Николая Михайловича. Анна Николаевна жила в Рыбинске на Выгонной улице, в доме, который она унаследовала от отца. Здесь она ухаживала за своими старыми родителями, а после смерти в 1876 г. матери — княгини Елизаветы Алексеевны Ухтомской — полностью посвятила себя воспитанию племянника Алеши, сына ее младшего брата — князя Алексея Николаевича Ухтомского. Анна Николаевна была образцом добродетели, готова была всегда прийти на помощь людям. Умерла 26 июля 1898 г. Похоронена на кладбище в семейной усыпальнице у церкви святителя Тихона Задонского в Рыбинске.

С. 31 — подчеркнуто красными чернилами: «нормальное отправление органа (например, нервного центра) в организме есть не predetermined, раз навсегда неизменное качество данного органа, но функция от его состояния».

С. 31 — подчеркнуто карандашом: «Возбуждение и торможение это лишь переменные состояния центров в зависимости от условий раздражения, от частоты и силы приходящих к нему импульсов».

С. 33 — подчеркнуто карандашом: «устойчивый очаг повышенной возбудимости» и «вновь приходящие в центры возбуждения служат усилению (подтверждению) возбуждения в очаге».

С. 36 — подчеркнуто красными чернилами «подкрепления возбуждений в местном очаге — волнами, иррадиирующими по нервной системе».

С. 37 — подчеркнуто красными чернилами: «По внешности получается впечатление, что, в связи с формированием доминанты, к ней как бы утекает вся энергия возбуждения из прочих центров, и тогда эти последние оказываются заторможенными вследствие бессилия реагировать». Рядом написано красными чернилами: «Дренаж».

С. 39 — подчеркнуто красными чернилами: «и “опыт” животного во внешней среде изменяется в зависимости от того, какими щупальцами оно пользуется, т. е. как дифференциально и как далеко оно предвкушает и проектирует свою среду в данный момент».

С. 41 — подчеркнуто красными чернилами: «Имя князя Андрея тотчас вызывает в Наташе ту, единственную среди прочих, доминанту, которая некогда создала для Наташи князя Андрея. Так определенное состояние центральной нервной системы вызывает для человека индивидуальный образ, а этот образ потом вызывает прежнее состояние центральной нервной системы».

С. 40–41 — заметки на полях, сделанные коричневыми чернилами: «Конечно, могущественнѣйшій орган сообщенія со средою это любовь, будет ли это любовь ученого к излюбленной и утраченной идеѣ, или любовь подвижника к утраченной истинѣ и красотѣ, или любовь полая, или любовь матери и воспитательницы к ребенку, или, наконец, любовь к лицу Христову. Лицо становится здѣсь подлинным органом жизни. Вы — мой орган, орган моей жизни. Когда вы со мной, поет моя душа, и тем болѣе душа моя умирает, когда Вас нѣтъ со мной. Рахиль не может утѣшиться, ибо дѣтей ея нѣтъ! И в этом мое счастье, но и моя катастрофа. Любовь — абсолютное обогащеніе жизни, которое однако съѣдает ее и истощает во всѣх других направленіях. Истощено и угнетено в человекѣ все, за исключеніем захватившаго его образа. — Но дальновиднѣйшій из органов сообщенія с міром человекѣ — это совѣсть. Перед лицом ее, и с ея точки зренія переоцѣнивается объективно всякая любовь. Ибо ради любви создана и образовалась совѣсть. И ею же она только живет. Заглянуть наиболее далеко и глубоко в то, что следует сдѣлать для любви, — вот вопрос, стимулируемый любовью, ею только и живущій и способный убить соматическаго человекѣ. Это та “буря мыслей” и томленіе, когда сталкивается, вспоминается, встает перед мыслью все пройденное, всѣ выводы и впечатленія жизни, как, должно быть, бывает перед смертью».

С. 43 — коричневыми чернилами на полях сделана заметка: «Всякому напряженному стремленію, всякой доминантѣ дается добиться своего. Но это может быть и губительно для их носителя. И в этом — Суд, т. е. в самом высшем смысле Судьба человека. Переоцѣнка под страхом смерти стремленій и доминант человекѣ — вот совѣсть внутри человека и судьба внѣ его. Страшнѣе же всего не гибель, конечно, самого носителя стремленій, а тѣх других, которые в них захватываются».

С. 45 — красными чернилами на полях написано: «Крайняя неосторожность характеризовать Доминанту, как “сильное” возбужденіе! В. В. Савич говорит даже о «черезмерном возбужденіи» (Основы повед. чел-ка. 1924. С. 15): “такой сильный очаг возбужденія”, “такая сильная доминанта” (с. 20). Можно говорить лишь о “повышенной возбудимости” по сравненію с состояніем покоя. Я надеюсь, что в своей характеристике доминанты я не подал повода для такого упрощеннаго пониманія. Повод к этому дал М. И. Виноградов. Но он не откажется подтвердить то, что я говорил ему по поводу его статьи. Доминанта утерьяла бы для меня весь интерес, если бы дѣло сводилось к элементарной разницѣ по силѣ «доминантных» и «субдоминантных» возбужденій».

Примечания к статье самого А. А. Ухтомского

С. 32 — «В свое время я сделал этот вывод в книге “О зависимости кортикальных двигательных эффектов от побочных центральных влияний”». Имеется в виду магистерская диссертация А. А. Ухтомского, защищенная в 1911 г. и изданная в Юрьеве отдельной книгой. В Рыбинском музее-заповеднике хранится 6 экземпляров диссертации, три из которых содержат пометы автора (РБМ–16611/75, РБМ–16391/126, РБМ–19305) и один (РБМ–10038/10) включает дарственную надпись автора А. А. Золотареву (1879–1950), религиозному философу, краеведу, писателю и публицисту, который учился вместе с Ухтомским в Петербургском университете.

С. 33 — «образ действия» (*лат.*).

С. 36 — «Bahning» — «проторение» (*нем.*), «Summation» — «суммация» (*англ.*), «Reflexforderung» — «усиление рефлекса» (*нем.*).

С. 38 — цитата: Mc. Dougall. Brain, 26 (1903) 153; Mind 15 (1906) 352.

С. 40 — ссылка на слова «говорил в другом месте»: «О том, как слабые посторонние раздражители помогают концентрации внимания на скрытых интересах и содействуют выявлению и подкреплению доминанты, очень определенно говорит Кант: «Изменчивые, подвижные фигуры, которые сами по себе, собственно, не имеют никакого значения, могут приковывать к себе внимание; так, мелькание огонька в камине или капризные струйки и накипь пены в ручейке, катящемся по камням, занимают воображение целыми рядами представлений... и погружают зрителя в задумчивость. Даже музыка того, кто слушает ее не как знаток, например, поэта, философа, может привести в такое настроение, в котором каждый, соответственно своим целям или своим склонностям, сосредоточенно ловит свои мысли и часто овладевает ими и создает такие мысли, которых он никогда так удачно не уловил бы, если бы он одиноко сидел в своей комнате... Английский “Зритель” рассказывает об одном адвокате, который имел привычку во время своей речи вынимать из кармана нитку и безостановочно то наматывать ее на палец, то снова разворачивать. Однажды адвокат противной стороны, большой хитрец, вытащил у него из кармана эту нитку, что привело его противника в крайнее замешательство, так что он говорил совершенный вздор, — про него-то и заговорили, что он потерял нить своей речи» (Иммануил Кант. Антропология, русск. Пер. Соколова. СПб., 1900. С. 49–50).

С. 40 — цитаты приводятся по изданию: Толстой Л. Н. Война и мир. Изд. Сытина. Москва, 1912. Т. II. С. 199, 209.

С. 41 — ссылка: Сеченов И. М. Предметная мысль и действительность. Собрание сочинений. Т. II. Москва, 1908. С. 241.

Сеченов И. М. О предметном мышлении с физиологической точки зрения. Речь на X съезде русск. ест. и врачей 4 янв. 1894. С. 261.

С. 41 — ссылка Ухтомского: «Для самого возникновения условного рефлекса, т. е. для объяснения того, как может прежний центральный акт вызываться по новым и неадекватным рефлекторным поводам, *И. П. Павлов* уже в своей мадридской речи 1903 года предполагал, что соответствующий центр «является в центральной нервной системе как бы пунктом притяжения для раздражений, идущих от других раздражаемых поверхностей» (Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности животных. Москва; Петрогр., 1923. С. 20). Также в стокгольмской речи 1904 года: «тот пункт центральной нервной системы, который во время безусловного рефлекса сильно раздражается, направляет к себе более слабые раздражения, падающие из внешнего или внутреннего мира одновременно на другие пункты этой системы» (там же, с. 40). И еще, в московской речи 1909 года: «если новое, ранее индифферентное раздражение, попав в большие полушария, находит в этот момент в нервной системе очаг сильного возбуждения, то оно начинает концентрироваться, как бы прокладывая себе путь к этому очагу и дальше от него в соответствующий орган, становясь, таким образом, раздражителем этого органа» (там же, с. 72). В последнее время, в новом издании своей «Рефлексологии», *В. М. Бехтерев* говорит также о том, что «более возбуждаемая область обладает вместе с тем и большим притяжением к себе нервной энергии, тормозя другие, стоящие с нею в связи, области... дело идет о притяжении к более возбужденной корковой области возбуждения из других корковых областей» (Общие основы рефлексологии человека. 2-е изд. Москва; Петроград, 1923. С. 161).

С. 42 — «И все же это наслаждение: слышать такое спокойное мышление, как у него» (*нем.*).

Расхождения с публикацией в собрании сочинений (*Ухтомский А. А. Собр. соч. Т. I. Л., 1950. С. 163–172*)

С. 31 — «также» вместо «так же»;

С. 31 — может существенно изменяться, — из возбуждающей может становиться тормозящей для одних и тех же приборов — в зависимости от состояния, переживаемого центром в данный момент (пропущено два тире);

С. 31 — «Возбуждение и торможение это лишь переменные состояния центров в зависимости от условий раздражения, от частоты и силы приходящих к нему импульсов» (нет тире, слово «центров» вместо «центра»).

- С. 32 — «на теплокровном», а не «теплокровного».
- С. 32 — в конце первого раздела разрядкой выделен предпоследний абзац, последний отделен («Что приписывание...»), в конце написано «W. H. Winch», а не «Винш».
- С. 33 — выделено разрядкой «рабочую гипотезу».
- С. 33 — «у моих сотрудников» вместо «моими сотрудниками».
- С. 34 — «в работе М. И-ча» вместо «его работы».
- С. 35 — «Сенсорная спинномозговая Доминанта» («доминанта» с прописной буквы).
- С. 35 — «дал им Head» вместо «Гед».
- С. 36 — «внутри-секреторного» (через дефис, а не слитно).
- С. 36 — «тетанизованного одиночного сокращения» выделено разрядкой.
- С. 36 — «где нерв раздражается одиночными индукционными ударами» обособлено запятыми и тире.
- С. 37 — «нетрудно» написано слитно.
- С. 37 — разрядкой выделено: *«вновь приходящие волны возбуждения в центрах будут идти по направлению главенствующего сейчас очага возбуждения».*
- С. 37 — разрядкой выделено: «Декарту».
- С. 37 — «ресипрокное» вместо «реципрое».
- С. 38 — «Gotch» и «Horsley» вместо «Готч» и «Хорслей».
- С. 38 — «приблизительно» обособлено запятыми.
- С. 38 — «Sherrington» вместо «Шеррингтон».
- С. 39 — «в общем» обособлено запятыми.
- С. 39 — разрядкой выделено: *«множество переменных, калейдоскопически сменяющихся органов предупредительного восприятия, предвкушения и проектирования среды»; «посредством образования доминанты и торможения прочего мозгового поля».*
- С. 39 — «Ferrier», «Wundt», «Dougall», «Ebbinghaus», «Zoneff», «Meumann» вместо «Ферье», «Вунд», «Мак-Дугаллом», «Эббингауз», «Цонефф» и «Меуманн».
- С. 40–41 — выделено разрядкой и после поставлено двоеточие «Первая фаза», «Вторая фаза», «Третья фаза».
- С. 41 — добавлено сверху рукой Ухтомского коричневыми чернилами: «и воспроизвожу доминанты».
- С. 41 — имена И. М. Сеченова и И. П. Павлова выделены разрядкой.
- С. 41 — выделено разрядкой «*маховое колесо*».
- С. 42 — «Freud и его школа» вместо «Фрейд и его ученики».
- С. 42 — «Ludwig o Helmhoitz'e» вместо «Людвиг о Гельмгольце».

С. 42 — запятые поставлены иначе: «Надо ли представлять себе доминанту как топографически единый пункт возбуждения в центральной нервной системе? По всем данным, доминанта в полном разгаре есть комплекс определенных симптомов во всем организме — и в мышцах, и в секреторной работе, и в сосудистой деятельности».

С. 43 — выделено разрядкой: «Кора — орган возобновления и кратко переживания прежних доминант с меньшей инерцией и с целью их экономического сочетания». Слово «попрежнему» вместо «по-прежнему».

1.7. Доклад А. А. Ухтомского «Принцип доминанты» (фрагменты)

Доклад прочитан на пленарном заседании биологического кружка ЛГУ 2 апреля 1927 г. (Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 74+1).

Векториальная определенность движения является результатом доминанты: возбуждение в одном, сопряженное с торможением в другом (л. 9).

...Повышенная возбудимость, повышенная впечатлительность определенной центральной области к раздражителям (л. 10).

...Способность суммировать, накапливать в себе возбуждение — это второй признак. И третий — способность поддерживать его во времени достаточно стойко, не сбиваясь (л. 11).

Название принципа — из 2-го тома книги Рихарда Авенариуса «Критика чистого опыта» (1888–90), но для него доминанта — «не-что исключительное, нечто отходящее от нормы» (л. 14).

...Очень возможно, что этот путь наименьшего сопротивления приведет к весьма большим бедствиям для того, кто тебе дороже всего; они останавливают, тормозят, вступают, может быть, в весьма тяжелую борьбу, в конфликт с низшими центрами и, очевидно, далеко уклоняют поведение от пути наименьшего действия <...> И вот, высшие этажи, эти наиболее дальнозркие и наиболее ориентирующие нас в хронотопе органы, предвидят предстоящую реальность задолго, у больших людей они могут предвидеть в истории за сотни лет, ибо хронотоп гения чрезвычайно обширен, и именно гениальные деятели в своем индивидуальном поведении для себя чаще всего идут по пути наибольшего сопротивления для того, впрочем, чтобы достичь намеченного предмета наилучшим способом и открыть другим это достижение с наименьшей затратой сил (л. 25).

...Главенствующая сфера возбуждения, вектор текущей нашей деятельности, устремлены на определенную, ограниченную группу фактов. И мы несем на себе все последствия одностороннего поведения, мы ответственны за свои абстракции в более или менее близком будущем. Доминанта всегда односторонняя, и тем более, чем она выражена. Вот почему в истории науки столь типичное явление, что абстрактные теории периодически сменяют одна другую, возвращаясь опять к тем же путям, которые были покинуты, казалось на всегда (л. 29).

Ученый схоластического склада, который никак не может вырваться из однажды навязанных ему теорий, кстати и некстати будет совать свою излюбленную точку зрения и исказить ею живые факты в их конкретном значении. Новые факты и люди уже не говорят ему ничего нового. Он оглушен собственной теорией. Известная бедность мысли, ее неподвижность, связанная с пристрастием (л. 30) к тому, чтобы как-нибудь не поколебались однажды уловленные руководящие определения, — однажды избранные координатные оси, на которых откладывается реальность (л. 31).

Ибо ведь только в меру того, насколько каждый из нас преодолевает себя самого и свой индивидуализм, самоупор на себя, ему открывается лицо другого. И с этого момента, как открывается лицо другого, сам человек впервые заслуживает, чтобы о нем заговорили, как о лице (л. 35).

1.8. Отзыв А. А. Ухтомского о дипломной работе Д. Б. Гуркина (фрагменты)

Отзыв А. А. Ухтомского о дипломной работе Д. Б. Гуркина «К вопросу о значении лабильности проводящей системы сердца для торможения блуждающего нерва» (1936–1938) (Оп. 1. Ед. хр. 42. 104 л.)

Параграф 1. Доминанта — настаивает на своем, сопряженное с ассимиляцией (адаптацией) организма к данным среды и данной среды к организму. Это — великолепный инструмент, но и страшный инструмент. Ибо он может вести к самодовольной, хорошо обосновавшей себя праздности, и к действительному узнаванию новых и новых aberrаций бытия, к которым нужно сначала уметь уподобиться,

чтобы затем их лечить! И самоутверждение, и узнавание того, что больше тебя самого — осуществляется через доминанту (л. 3).

6. Психология, как «объясняющая наука».

Психология, как практическая ориентировка в законах жизни. Эсхил, Софокл, Шекспир, Достоевский. Это не «объяснения», не подмена живой реальности абстракциями, но постановка проблем, указание незамеченных вопросов и новых задач (л. 4).

9. Господствующая страсть (мотив) и ее ведущее значение (л. 7).

10. Господствующий интегральный образ (л. 5).

Доминанта ослепляет; но доминанта же и открывает глаза на то, что не видно до сих пор, и что не было бы заметно без нее (л. 10).

18. словом создают установку в себе и словом передают ее другому (л. 11 об.).

20. Поведение создает быт. Быт подкрепляет поведение. Это выражение доминантного цикла. Община незаметно поднимает за собой. Древняя пустынь (л. 12).

23. Отрешиться от двойника, найти Собеседника.

NB. Следование быту наименее связанных собою людей, наиболее свободных от себя самих, наибольших мастеров Собеседования!» (л. 12 об.)

Головной мозг и высшее разумение. А религиозная Истина и христианская вера есть глава всего и идет впереди всего, что есть у человека в жизни!» (л. 20).

М. Горький писал о Толстом: Каждая мысль впивается в душу его, точно клещ (Собр. соч. Т. XVI. Гос. изд. 1924. С. 294). Почти все отмечали чрезвычайную эмоциональную отзывчивость Толстого на текущие впечатления. Он часто плакал, глубоко переживал даже мелочные события текущей общественной жизни. Это, конечно, очень важный момент в его художественном отражении жизни! Каждая мысль его глубоко близка к действительности, ибо сердечна, эмоционально-глубока, от самой психо-физиологической почвы! Здесь великий художник — настоящая противоположность шизофренику и шизотимику с их оскудением способности к эмоциональной впечатлительности, с их абстрактностью в каждом отдельном переживании, с их неустойчивостью и расщепленностью в каждой отдельной реакции! (л. 25).

А. П. Чехов был убежденный представитель интеллигенции с ее установками жизни и ее последовательным индивидуализмом.

В связи с этим он считал, что народный учитель есть призванный воспитатель народа. <...> «Воспитывать народ» — это конечная и, можно сказать, роковая претензия индивидуализма и интеллигенции (л. 26).

Параграф 77. «Как засыхает ветвь, снятая с виноградной лозы, так и желающие оправдаться без Христа» (л. 46 об.).

Я. Эльсберг в Предисловии к Изданию Салтыковской «Истории одного города» (Academia, 1935) излагает свое понимание салтыковской литературной деятельности в том смысле, что Салтыков «умел всю действительность превратить в сатирико-фантастический мир, всю ее обесмыслить» (с. XV). Если бы это было так, то задача и достижение тут не из весьма благодарных. Бессмысленная голова, конечно, все всегда с успехом обесмысливает! Тут Салтыкову приписывают качества Угрюм-Бурчеева с его «нарочитым упразднением естества» (с. 176). Дело Салтыкова было, повидимому, совсем в другом! Оно в попытке образумить самоуверенную глупость!» (л. 49).

У всяческого бытия, у всякого человека есть свой рисунок, выражающий более или менее достаточно его содержание и закон, которым они живут. По отношению к жизни рисунок этот является тем же, чем замкнутая окружность является относительно синусоиды, или чем замкнутые фигуры Ласажу и Савари являются в отношении к соответствующим периодикам и временам. Когда нам удастся уловить рисунок того или иного самого скромного человеческого лица, или кошки, или уголка природы с его пейзажем, это значит, что нам удалось их полюбить, и мы их приветствуем в их действительности, в их течении. Течение вещей или отрывки их бытия относятся к их пребывающему рисунку, как повторяющиеся периодики к своему симплексу или символу. Течение и период являются при этом не обратимостью, как можно было бы думать по симплексу, но лишь повторением фаз и периодов» (л. 87).

Стоящая на месте щука с ее оперативным покоем и изощренною способностью наблюдения... Сократ в ночном оцепенении на Африканской улице с его вслушиванием в пробуждения Демона... Тончайшее сопоставление всех впечатлений пережитого с пронизательным проникновением в смысл текущего для того, чтобы проникнуть в будущее (л. 90 об.).

Параграф 235. «Вот в чем корень западноевропейского идеализма: всякая вера истинна. Это, по смыслу, то же, что и девиз протестан-

стантизма в понимании А. С. Хомякова: приищите себе удобную веру, и будет довольно, ибо всякая вера истинна. Но не всякая «вера» есть уже и истина, но есть вера истинная, когда она вера в Истину; ибо истина бытия познается человеком не иначе, как верою, проэктированной на расстоянии, предвосхищением будущего, совестью. Идеалисты самое состояние веры, энтузиазма и экстаза превращают в суррогат истины. Между тем лишь сущая, достигаемая, определенная по содержанию и, следовательно, обязывающая истина есть истина» (л. 93 об.).

Параграф 267. По возвращении из первого путешествия Л. Н. Толстой пишет (1857): — Мой камень преткновения есть тщеславие либерализма. — По возвращении из второго он отмечает, что привилегированное общество не имеет никакого права воспитывать по-своему народ, который чужд ему (1862)... Толстой возмущается тем, как либералы злоупотребляют словом — народ, воля народа... — Да что они знают о народе? Что такое народ?... Член самого деспотичного народа может быть вполне свободен, хотя может подвергнуться жестокому насилию... Член же конституционного государства всегда раб, потому, что, воображая, что он участвовал в своем правительстве (л. 101 об.) он признает законность всякого совершаемого над ним насилия...» (л. 102).

Вот Салтыков-Щедрин не понимал того, что старинные, гонимые Пошехонской Старины — были люди вполне свободные свободною самою высокою, которая успевала преодолевать все ухищрения «миродержителей века и духов злобы» (л. 102).

1.9. Заметки на полях книг А. А. Ухтомского

Культурное наследие ученого и мыслителя Алексея Алексеевича Ухтомского включает в себя не только записные книжки, дневники, письма, статьи, которые хранятся в Санкт-Петербургском Филиале Архива РАН, но и маргиналии на полях книг из его личной библиотеки. В настоящее время эти книги находятся, кроме архива, в библиотеке Санкт-Петербургского государственного университета и в фонде редкой книги Рыбинского музея-заповедника, а также в частных коллекциях. Частично маргиналии Ухтомского опубликованы, но в некоторых случаях они отъединены от книги, на полях

которой написаны⁷³. Лишь в немногих статьях и изданиях указано, где размещены эти заметки⁷⁴. В книге «Доминанта души» благодаря сотруднику Рыбинского музея-заповедника Ольге Васильевне Ивановой опубликовано чуть менее 200 заметок. Указано, из каких книг они выписаны, но систематизация по тематике и проблематике отсутствует.

1.9.1. Коллекция Рыбинского музея-заповедника

В данную монографию включены маргиналии Ухтомского на полях его книг, которые хранятся в Рыбинском музее-заповеднике (20 книг), некоторые публикуются впервые. Все книги Ухтомского с его заметками, которые хранятся в Рыбинском музее-заповеднике, можно разделить на тематические блоки по следующим наукам: физиология (24 книги), богословие и религия (18 книг), физика (7 книг), математика (6 книг), философия (6 книг), история и социальные науки (6 книг), литература (5 книг), география (3 книги), биология (3 книги), психология (2 книги), медицина (2 книги), искусство (2 книги); этика, логика, химия, стенография (все по 1 книге). Ухтомского интересовали проблемы религии и богословия, философии, истории и литературы.

Из общественно-политических вопросов Ухтомского больше всего волновали проблема народа и интеллигенции, а также судьбы России. Критика интеллигенции, которую мыслитель винил в происшедшей в стране революции, содержится в заметках четырех книг: РБМ-18503, РБМ-19482, РБМ-6921, РБМ-10038/12. Об особенностях русского народа Ухтомский размышлял в заметках, которые оставлены на полях книг РБМ-16327/18, РБМ-18503. Мыслитель отмечал идеализм русского народа, а также его стремление быть самим собой. Наиболее ярко это проявляется, по мнению ученого, у ярославских и нижегородских крестьян [с. 317]. Не идеализируя русского кре-

⁷³ Ухтомский А. А. Заслуженный собеседник : Этика. Религия. Наука: [Сборник] / предисл. Л. В. Соколова, Г. М. Цурикова; примеч., крат. слов. имен и терминов Л. В. Соколов]. Рыбинск: Рыбинское подворье, 1997. 567[2] с.

Ухтомский А. А. Интуиция новости: Письма. Записные книжки. Заметки на полях / предисл. Г. Цуриковой, И. Кузьмичева, с. 3–22; примеч. Л. В. Соколовой. СПб.: Петерб. писатель, 1996. 525[2] с.

⁷⁴ Ухтомский А. А. Доминанта души: Из гуманитарного наследия / А. А. Ухтомский; ред. И. С. Кузьмичев. Рыбинск: Рыбинское подворье, 2000. С. 294–325.

стянина, Ухтомский выделял такие его слабости, как легкомыслие, тщеславие, презрительность к младшему брату, низкопоклонство и раболепие перед сильнейшим, зависть и вороватость [с. 319].

Ухтомского волновала проблема отношений Запада и России. Он критиковал католицизм за то, что в нем проявляется иерархичность власти (РБМ-6962, с. 452–453). Между социализмом и материализмом ученый находил много общего. По его мнению, ожидание великих чудес свойственно для материалистического сознания (РБМ-16327/9), материальное повторимо и имеет смысл лишь настолько, насколько повторимо (РБМ-16732/3), в классовом сознании, по его мнению, проявляется коллективный эгоизм масс (РБМ-16733/3).

О роли старообрядчества в истории Ухтомский размышлял в заметках книг РБМ-6957, РБМ-17483, РБМ-6987, РБМ-10038/12.

Ухтомский обнаруживал такие особенности религиозного сознания, как жизнь сердца, превосходящая знание и опыт (РБМ-16733/1), связь с волевой функцией (РБМ-6952), вера в реальное, а не метафизическое (РБМ-17483), свобода в Боге (РБМ-6952), дух преданности Истине (РБМ-6952). Религия, по его мнению, может дать единую основу сложному мировоззрению (РБМ-16732/3), важнейшие религиозные понятия — это «спасение души» и «благодать» (РБМ-6952).

Проблема личности и принцип доминанты всегда волновали исследователя (РБМ-17175, РБМ-10038/12). Закон заслуженного собеседника (РБМ-16732/3, РБМ-10038/12) и необходимость работы над переделкой себя (РБМ-16327/15) не один раз становились содержанием заметок Ухтомского.

Больше всего маргиналий находится в «Добротолубии» (РБМ-45380), настольной книги ученого, которая хранится в фонде редкой книги Рыбинского музея-заповедника.

1. Добротолубие в русском переводе, дополненное: в 5 т. М.: Изданием Русского на Афоне Пантелеймонова монастыря, 1895. Т. 2. 2-е изд. VI, 5. 760 с. (РБМ-45380).

Маргиналии Ухтомского посвящены таким общественно-политическим проблемам, как народ и интеллигенция, материализм и социализм, судьба России, отношения Запада и России. В своих заметках Ухтомский размышляет об особенностях религиозного сознания, о богословии, о проблеме личности.

По заметкам, сделанным на полях настольной книги ученого — «Добротолубию» — можно увидеть, что духовный рост личности

происходит благодаря приобщению к преданию, к символам, закрепленным в традиции, на высшем этапе — умной молитве и безмолвию. В «Добротолубии» заметки написаны с дореволюционной и послереволюционной орфографией, чернилами красного, черного, синего цвета и простым карандашом. Самая ранняя дата указана на с. 685 — «11 апр. 1900», на с. 130 — «13 авг. 1913», на с. 120 — «Рыбинск 10 авг. 1913», «4 авг. 1913. СПб.» На полях с. 130 написано «10 янв. 1935», на с. 311 также есть дата: «1 февраля 1932», на с. 320 — «2 февр. 1932». Иногда дается указание на церковный праздник: «Духов день / 1913» (с. 59). Ухтомский на полях приводит цитаты из трудов Отцов Церкви и Святых: Григория Богослова, Григория Синаита, Иоанна Златоуста, Макария Великого, Димитрия Ростовского, Серафима Саровского, Тихона Задонского и др. Ухтомский подчеркивает слова, рядом с которыми приписывает: «Восломское правило», — вспоминая жизнь в родной усадьбе Вослома, которая находилась недалеко от Арефино: «Нам надо заботиться как о томъ, чтобы по желанію плотскаго удовольствія не принимать пищи прежде назначеннаго времени, или сверхъ мѣры, такъ и о томъ, чтобы употреблять ее в назначенный часъ, хотя бы и не хотелось; потому что и чрезмѣрное желаніе плотскаго удовольствія и отвращеніе отъ пищи возбуждаются врагомъ нашимъ» [с. 31]. Родословная писателя представлена на нахзаце книги. Ухтомский начинает ее не с Рюрика или Юрия Долгорукого, а с князя Василька Константиновича Ростовского (1209–1238), погибшего в монгольском плену после поражения русских войск на реке Сити, где его принуждали отказаться от христианской веры. Князь-мученик сейчас канонизирован Православной Церковью.

Среди предков ученого в родословной выделены также Иван и Федор, которые были «убиты на Дону», во время Куликовской битвы, Александр, погибший под Конотопом в бою во время русско-польской войны 1657–1667 годов. Был в его роду инок Борис (1619–1621). Завершает Ухтомский родословную записью себя и брата Александра, который, уточняет Ухтомский, «во иночестве Андрей». Есть указание источника родословной: «На этом наша ветвь закончена в росписи 1686 г. поданной стольником князем Михайлом Ухтомским».

Некоторые заметки мыслителя связаны с личными переживаниями. Особенно часто вспоминает Ухтомский свою любимую тетю —

Анну Николаевну Ухтомскую (1832–1898) и своего любимого учителя — Ивана Петровича Долбню (1853–1912) — преподавателя математики Нижегородского кадетского корпуса, а затем профессора и директора Горного института в Санкт-Петербурге. Рядом со словами преп. Исаака Сирина об испытании, которое позволяет «познать своего Промыслителя, ощутить Бога своего и утвердиться в вере в Него» «по силъ выдержанного имъ испытанія», Ухтомский записывает: «тётина болъзнь и кончина для меня. 11 апреля 1900» [с. 685]. На с. 495 «Добролюбия» ученый делится своим воспоминанием об учителе: «И. П. Долбня когда-то, рассматривая портретъ одного известного инока, сказал, что трудно рѣшить, что тутъ самое главное руководить остальнымъ: умъ и сильный духъ, или страсть» [с. 685]. Судя по всему, Ухтомский хотел написать о своем учителе и на полях «Добролюбия» оставил заметку, что он начал бы свои воспоминания следующими словами, которые он подчеркнул: «Видал и неискуснаго ученика, который в присутствіи нѣкоторыхъ людей, хвалился добродѣтелями своего учителя, и, думая присвоить себѣ славу, приобрель вмѣсто того одно безчестіе, когда все сказали ему: “какъ же доброе дерево произвело безплодную вѣтвь”» [с. 544].

Страшным событием для себя и для всей страны Ухтомский считал Октябрьскую революцию, и все время пытался осмыслить эти события. Рядом со словами «Никто никогда не понуждается ко грѣху, хотя бы дурной примѣръ другихъ возбуждалъ его къ тому, если онъ не имеетъ сокрытой въ сердцѣ своемъ матеріи того грѣха» Ухтомский пишет: «что случилось с русским обществом в 1917 г.» [с. 65]. На полях сочинения св. Ефрема Сирина «О борьбе съ гневомъ» Ухтомский пишет: «К нарочитому насаждению духа порочнаго соперничества и соревонования у социалистов» [с. 401].

Ухтомского интересует феномен гениальности, который он понимает как такое соединение с Богом, когда Он будет действовать в человеке. Рядом со словами из сочинения св. Иоанна Кассияна «Борьба съ помыслами и духами злобы» о «совершенном уме, властвующем над своими помыслами» он пишет: «Кто-то сказал: «Гений это вниманіе». Но тамъ это даръ, прирожденное свойство. Здѣсь это предметъ достиженія, — норма жизни, — установка владычественнаго ума над всемъ остальнымъ существомъ» [с. 99]. Падший человек, не отринувший любви, может быть спасен, по мысли св. Ефрема Сирина. Ухтомский размышляет об этом: «Что значит, что

простится грѣхъ, ибо “она возлюбила много”. Любовь сохраняет сердцевину человѣка, а сохранивъ ее она еще может спастись, не смотря на всякое бремя грѣха» [с. 405]. Страх Божий также необходим для спасения: «“Страх Божий” (начало премудрости!) спасителенъ именно тѣмъ, что всецѣло говорит о смиреніи духа» [с. 427].

Вместе со св. Аввой Дорофеем Ухтомский размышляет о природе греха и возможности его преодоления: «От греха смерть, но смерть для того, чтобы грех был не безграничен, ибо смертью истребляется грех» (Диалектика истории по Златоусту)» [с. 602]. На полях сочинения св. Иоанна Кассияна «Борьба съ духомъ гордости» Ухтомский пишет: «Добродетель есть признак свободы; но мы не свободны / по произволу имѣют его или не имѣють. Имѣя его, мы в сферѣ свободы. Но лишь пройдя великіе законы духовнаго роста возможно приобрести его. Законъ же это не отъ меня, но от Бога, сотворившаго небо и землю и Церковь свою» [с. 83].

Способность обрести истинный путь, по мнению Ухтомского, человеком достигается через смирение, исповедание своих грехов. Жизнью нужно располагать не по своему суждению, а по совету преуспевших в борьбе с грехами. Рядом с этими размышлениями св. Иоанна Кассиана Ухтомский пишет: «Это пути победы над самоутверждением в себе и над индивидуализмом европейской культуры» [с. 144]. Добродетели, вслед за преп. Нилом Синайским Ухтомский называет «органами борьбы» [с. 286]. Затем он уточняет: «По преп. Антонию Великому добродетели это органы и вооружения души. По преп. Ефрему это то, что осуществится душою в реальности после совлечения плоти» [с. 339]. Торжество одной страсти может привести к победе других. Ухтомский по поводу этого замечает: «От одной трещинки проливается все содержимое сосуда...» [с. 288]. Рабство ума, его зависимость от страстей ученый называет «разслабленіем, атоніей, разлѣненіем духа» [с. 289]. Рядом со словом преп. Ефрема Сирина «Уроки о покаянии» Ухтомский пишет, как можно избавиться от греховных помыслов: «За “мыслями” в нас целая история с ее инерцией! Поэтому допустить в себя мысли, это уже значит войти в данную реку инерции. Прервать же мысль хотя бы и раз — значит начать овладевать собою» [с. 355].

На следующей странице он цитирует Исаака Сирина: «Исправь сначала волю, — затем будет исправляться “раздражительность”, а потом исправится и ум, т. е. разумение Сущего» [с. 356]. Размыш-

ля о добродетели и свободе, Ухтомский пишет: «Христианская свобода есть не фактъ, который можно дать или не дать кому-нибудь, а добродѣтель, трудом приобретаемая каждым отдѣльнымъ человекомъ» [с. 359]. В конце труда св. Ефрема Сирина о добродетелях Ухтомский делает вывод, размещая его на полях книги: «Добродетели всегда есть нѣчто достигаемое, берущееся усилием, подвигомъ, не дающееся в руки само собою, — новая природа, прогрессирующая отъ силы в силу» [с. 376]. На полях сочинения св. Ефрема Сирина «Уроки о подвижничестве» Ухтомский размышляет о том, какую роль в жизни человека играют добродетели: «“Жизнь” понимается то, как метафизическая сущность (биологія, физиологія), то как добродѣтель в противность мраку невѣденія и смерти, если выводить ее по отношеніи к тому или иному существу (напр. индивидуальной души), то в первом случае врядъ ли когда-нибудь удастся выразить ее, как следствие других метафизических же понятій (ср. Канта и современныхъ біологов); как слѣдствіе из другого, ее надо выводить изъ добродѣтелей, т. е. во второмъ смыслѣ (ср. Ренана)» [с. 441].

По поводу плодов грешников Ухтомский вспоминает сочинение Тихона Задонского «Весна» (Сокр. дух. от міра собир. I, 215) и замечает на полях рядом с сочинением св. Ефрема Сирина «Увещание к покаянію»: «И сейчас ведь, куда ни придет человек, всюду носит с собою и за собою то, что наготовлено им в себе самом! И в святом месте заносится вонь греха!» [с. 331]. Ухтомский верит в возможность изменения человека: «естество наше делаемо есть» [с. 326]. В ответ на описание мучения грешников он пишет: «Кромѣ этого внѣшняго нужно еще нѣчто внутреннее для того, чтобы сложилось убежденіе в этомъ значеніи смерти» [с. 337].

Часто Ухтомский обращается к евангельским образам в своих маргиналиях. Так, рядом с сочинением преп. Нила Синайского «О сребролюбии» ученый пишет о двух состояниях человека как о состоянии сестер Марии и Марфы: «Покой Маріи есть тоже идеальное состояніе. В своемъ мѣстѣ потребень и Марфинъ трудъ» (Ср. Прологъ Янв. 18 д.) [с. 345]. По поводу призыва преп. Нила Синайского «Стенай о ближнемъ грѣшащемъ, чтобъ и о себѣ возстенать; ибо мы всѣ повинны грѣхамъ» Ухтомский замечает: «Не возстенаешь о себѣ, т. е. и не ощутишь грѣха своего, если о грѣхѣ брата подумаешь безъ стенанія! Вот почему надо “не судить”, ибо судъ исключаетъ стенаніе (соболеніе)» [с. 284].

Много размышлений вызывают у мыслителя понятия «душевный», «естественный» и «духовный» человек. Ухтомским подчеркнута в тексте черными и красными чернилами: «Апостол людей поступающих естественно назвал душевными, а поступающих противестественно — плотскими; духовные же суть тѣ, которые и естество преобразуют в дух [с. 342]. Внизу Ухтомский делает заметку карандашом: «К анализу понятия “естественный”» [с. 342]. Понятие плотского соединяется в сознании ученого с эпохой Просвещения [с. 344] и с материализмом. Также Ухтомский размышляет по поводу помыслов, которые признаются за дело: «Это факт психолого-физиологический: часто мысли о событіи, об известной части опыта, есть уже опыт! Для человекѣ факты мысли становятся фактами дѣйствительной реальности (ср. Джэмса). Мысль, съ которою связалось произволеніе стало фактом опыта» [с. 342]. Сверху Ухтомский пишет: «Духъ есть не вещное, а динамическое, дѣятельное начало» [с. 342]. Рядом с описанием грехов в «Уроках о подвижничестве» св. Ефрема Сирина Ухтомский замечает: «Доминанта, обличающая внутреннего человека» [с. 432]. На с. 433 цитирует Григория Богослова: «Материя дана для упражненія свободы». Подчеркивая слова о богоугодной жизни, Ухтомский пишет рядом: «Поставь доминанту на научение доброду, тогда в каждом человекѣ и своем собеседникѣ будешь черпать поучение доброе на доброе для обоих» [с. 443].

Предание и христианская символика нужны тому человекѣ, который «сам опытом узнавать еще несилен» [с. 695]. Символ человек перенимает, не понимая его значенія, но, когда человек коснется его духом, символ «вспыхнет ярким золотым пламенем» [с. 195]. Ухтомский размышляет о духовном возрастаніи вместе со св. Исааком Сирином: «Путь духовной эволюціи в исторіи и в отдельном человекѣ: стало живою явлю уже то, что до сих пор достигалось и росло искусством и символами» [с. 672]. Высшая ступень развитія человекѣ духовного, по Иоанну Лествичнику, сравнивается с «новонасажденным деревом», а душа, «как водное орошеніе, имеет слезы по Богу» [с. 346]. Ухтомский пишет рядом: «Переходъ в нѣкоторое новое состояніе: “новая тварь”» [с. 346].

Очень часто упоминает Ухтомский Иисусову молитву. Рядом с текстом св. Ефрема Сирина «Уроки о подвижничестве» Ухтомский пишет: «Молитва — зеркало духа» [с. 435]. Рядом с «Подвижничестве»

скими наставлениями» св. Исаака Сирина ученый замечает: «Здесь молитва подлинное исследование самого себя, чтение совести» [с. 678]. На полях сочинения св. Иоанна Лествичника Ухтомский записывает: «Для чистой молитвы нужна вѣдь и полная нестяжательность» [с. 529]. Рядом с сочинением преп. Исихия «О трезвении и молитвѣ» Ухтомский пишет красными чернилами: «По Златоусту лице молящегося озаряется благодатью, как восходящим утром солнцем. И ему уже нельзя быть смертным за высоту осияния благодатью!» [с. 166]. Молитва становится проводником для благодати: «Только очисти душу для молитвы, благодать скажется сама собой» [с. 192]. В этом же сочинении ученый подчеркивает слова о страстях, которые восстают на разум, чтобы он им правил. Гневаться можно на сам грех и не согрешать. Рядом Ухтомский пишет: «Какъ управляться съ “цѣлымъ человѣкомъ”. Отцы также часто и постоянно требуют, чтобы разумъ былъ поставленъ владыкою всѣхъ прочихъ силъ души. Чѣмъ же и какъ это отличается отъ “рационалізма”? По плодамъ, во всякомъ случаѣ, различіе огромное, ибо тамъ разумъ со своими отвлеченными формулами на самомъ дѣлѣ всецѣло рабствуетъ прѣдъ другими силами души; здѣсь же онъ «владыка», правящій всею остальнымъ» [с. 184].

По поводу визуальных образов рядом со «Словом о блуде» преп. Нила Синайского Ухтомский вспоминает о законе доминанты: «Появление представлений свидетельствует о сложившейся б. или м. устойчивой группе центров, которая готова разрядиться в порядке доминанты» [с. 236]. Доминанта личности раскрывается в ее речи. Ухтомский подчеркивает слова св. Ефрема Сирина: «Хвалолюбіе служить знакомъ, что мы тщеславны; пріятность явствъ показываетъ, что мы чревоугодники; нерадѣніе обнаруживаетъ, что мы лѣнны; любостыжательность — что не любимъ Христа; зависть возвѣщаетъ, что нѣтъ въ насъ любви; удовольствіе, съ какимъ осуждаемъ другихъ, означаетъ, что полны мы ненависти» [с. 432]. Рядом Ухтомский замечает: «NB. Все есть. Обнаружение по действующим доминантам»; «Доминанта, обличающая внутреннего человека».

На полях «Добролюбия» Ухтомский упоминает трех русских писателей — Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского и И. А. Гончарова, также несколько раз обращается к «Фаусту» Гете. Гончарова ученый относит к писателям-«обличителям», по поводу которых замечает: «Обличители, вроде Гончарова, никогда не думали о том, что врач

должен целить себя прежде всего!» [с. 258]. С этой записью, сделанной карандашом, соседствует чернильная заметка: «Обломовщина как нравственный тип».

У Л. Н. Толстого Ухтомский находит тип праведника, о котором пишет Иоанн Лествичник: «Ничто не приносит столько пользы ближнимъ, какъ смиренный и непритворный нравъ, и такое же слово». Рядом Ухтомский пишет: «Ср. “о. Сергей” у Л. Н. Толстого» [с. 643]. В наставлениях Иоанна Лествичника Ухтомский подчеркивает слова о «любящих Бога», которые мужественно переносят все беды, не теряя упования на Бога. Рядом мыслитель оставляет заметку, в которой цитирует роман Достоевского «Братья Карамазовы»: «М. б. это-то и значит, что “прежде всего надо полюбить жизнь” (Достоевский)» [с. 412].

2. Салтыков-Щедрин М. Е. Полное собрание сочинений. 5-е изд. СПб., 1906. Т. 7–8. 509 с. (РБМ-18503).

На 1-й форз. — запись коричневыми чернилами: «Кн. Алексей Ухтомский // 1910 г. С. Петербургъ»; на форзаце рукой А. А. Ухтомского коричневыми чернилами написано: «И Тургенев, и Гончаров, и Толстой, и Достоевский — все это продолжатели Пушкинско-Гоголевских традиций. Каждый из этих писателей развил в особенности определенную черту из той манеры восприятия жизни, которая была дана Пушкиным и Гоголем. Но ни один из них не тронул из наследия этих отцов предания «Ревизора» и «Мертвых душ». Заполнить этот пробел в традиции, — специально развить и довести до конца дух “Ревизора” и “Мертвых душ”, — было делом Салтыкова-Щедрина. Но в этой специализации и односторонности Салтыкову чужд и непонятен дух того же Гоголя, развившийся в “Переписку с друзьями”. И оттого Салтыков отдался духу фарисея, так и не докопался до духа мытаря! Он остался типическим пророком российской интеллигенции, как ни велик был его талант и как ни пріоткрывал он ему перспективы за пределами фарисейского суждения жизни. Оттого у него так испакощено, до конца непонято церковное мировоззрение, и за одно это российская интеллигенция почитает его “своим” более, чем кого-либо. Рефракторность, невосприимчивость к христианству, вот важнейшие последствия фарисейского духа!». На обороте форзаца карандашом написано: «Какой рефлекс будет доминантным? Сказать, что “более сильный” значит впасть в механический схематизм. Сказать, что “более важный по биологии зная” — значит впасть

в биологический “схематизм” <...> А история развития и культуры направлена на то, чтоб первоначально слабые и не успевшие укорениться рефлексы могли иметь <нрб.> преобладание посреди мощных конкурентов, сделать первым слабое — сильнее после конкурентов». На титульном листе написано карандашом: «В одном и том же мире человек открывает с одной ступени на другую то, что есть, насколько лишь постепенно становится способен видеть то, что есть. Отсюда диалектика сущего для человека. Не говоря о том, что само сущее есть диалектика собеседования». На с. 40 запись коричневыми чернилами: «Здесь Салтыков глубже, чем сам думает! Критика забирает здесь глубже, чем на всѣх прочих страницах автора. Это критика всего благополучнаго европейскаго позитивизма, авенариус-маховскаго экономизма, можно сказать — всей самоутверждающей культуры и науки. Хотел ли автор забрать так глубоко? Ведь тут придется, пожалуй, отказаться от аксиомы, что мы, “дѣти, все-таки лучше отцов”». На с. 193 запись коричневыми чернилами: «Стационарные доминанты: всегда настаивают на своем. Подвижная, динамическая доминанта дает, напротив, перерастание в новое и высшее!».

3. Салтыков-Щедрин М. Е. Полное собрание сочинений. 5-е изд. СПб., 1906. Т. 11–12. 614 с. (РБМ-15756/3).

На 1-й форз. — владельческая запись, коричневыми чернилами: «Кн. Алексей Ухтомскій. 1910 г. С. Петербургъ». На нахзаце план родового имени в Восломе, выполненный карандашом. На с. 274, 277 упоминается дедушка Николай Васильевич. На с. 406 карандашом отчеркнуты строки: «Вотъ коли родишь мнѣ сына, тогда и еще тысячу рублей дамъ <...> А дочь родишь — бѣленькую дамъ. Такой ужь уговоръ». Рядом карандашом написано: «Подобный уговоръ был у А. А. Ухтомскаго с его бабой — Гирсовой». На форзаце записи Ухтомскаго с указанием проблем русской жизни и номера томов, страниц, где эти проблемы поднимаются: образование (XI, 24), дворяне как «вытравители народного быта» (XII, 378), (XI, 293), консерватизм (XI, 254), земство (407), немецкая культура на Руси (XI, 76–77), Распротаков и Чацкий (420), Антихрист (XI, 221, 224) и др. На об. тит. л. запись: «Высшая лабильность личного духа может иногда дать то же, что и раздражительная слабость. Совершенная неустойчивость послѣдней, носительство по всякому вѣтру, постоянное безличное перескакивание съ предмета на предметъ может случайно навести на путь Истины. Так художник, дитя дитем,

театрал<ьный> артист иногда поразительно приближаются к путям, открытым христианской святости. Но дѣло в том, что это озарен<ие> также легко и безотчетно оставляет эти пути, как и <нрб.> набредают на них. Случайно они пришли на них, случайно и уходят с них!» На с. 214 карандашом на полях написано: «Все опоганено и исплевано! Поэтому все уже шаржировано в односторонне перекашивающем зеркале. Вопрос лишь в том, соболезновать ли автору, что он получил право так безвыходно осудить свое прошлое?» На с. 160, где описана жизнь Ахлопиных, Сашеньки и ее бабушки, карандашом вдоль написано: «Русская благодать». Сверху карандашом выписана цитата из сочинения Иоанна Златоуста: «Мирь <...> любящим закон твой, и нѣсть им соблазна».

4. Толстой Л. Н. Посмертные художественные произведения Льва Николаевича Толстого. М.: Издание Толстой А. Л.; Типография Товарищества И. Д. Сытина, 1911. Т. 1. С. 97–160, 225–240 (РБМ-16327/20).

На с. 97, запись: «Тоже ростъ чувства»; 4) с. 112, запись: «Царскій путь»; 5) с. 115, запись: «Да, это один изъ центральныхъ аргументовъ»; 6) с. 136, запись: «Удивительно. Это ведь стоить всего 1905 года со всеми его писателями!»; 7) с. 155, запись: «И. А. В[етюков]».

5. Записки Рыбинского Религиозно-Философского Общества. Рыбинск: «Товарищество Н. Богатов и Е. Кривулин», 1918. Вып. 1. 74 с. (РБМ-19482).

На с. 6 — «Федор Павлович Карамазов и Ко»; с. 7 — «а почему сохраняется? Потому что еще все оторвались гордынею от отеческого предания Христовой жизни»; «И все таки замечательно, что интеллигент остается верен себе и ищет истину по себе! Достоевский им проще и ближе, свободнее, легче! А отцы и церковное предание трудно и слишком обязывает! А ведь нам все хочется сочетать, так или Иоанна (?) с прогулкой и с *partic de plaisir!*»⁷⁵. На с. 18: «Опыт показывает, что необыкновенно легко смешать Разум истинный, для приближения к которому служит инструментом наше разумение, и само это наше разумение, приняв его, само по себе, за самодовлеющий разум! Вот тогда человек говорит себе: «Не Христос Истина, а то, что я думаю о Христе!» И с этого момента уже вся дорога перепорчена до конца! И вот также очень легко перемешать подсозна-

⁷⁵увеселительная прогулка (*фр.*).

тельные и досознательные мотивы жизни и сверхсознательные обязательства ее! То, что от телесной стихии, и то, что от Света Разумного! И тогда врага принимаем за Ангела Светла! Так и приходили прелести и погибель! Отсюда и гностический мистицизм и распутищина!»; «В любви женщины-матери, или воспринявшей в себя сердце матери находишь начало всякого добра, умиления, руководства, любви до смерти».

6. Кэрд. Гегель / Перевод с английского кн. С. Н. Трубецкого. М.: типо-литография Т-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1898. 306 с. (РБМ-6948).

Штамп: «Князь Алексей Ухтомский». Запись на тит. листе: «А. А. Ухтомский 16 мая 1899 С. Петербургъ». В тексте пометы и записи на полях, относящиеся к содержанию книги, сделанные рукой акад. А. А. Ухтомского. Отмечено понятие «природа», «естественный» [с. 20–21], «дух» как «органическое жизненное единство» [с. 41], нравственный закон [с. 136]. «Абсолютную победу» над духом Ухтомский понимает, как «всеобъемлющий предел мысли» [с. 162]. В книге есть заметки, которые касаются личности самого Ухтомского. Так, он отмечает на полях рядом с текстом: «В этом я и сознаю свою работу». Выделенный фрагмент раскрывает цель ученого: «...вынудить научное или практическое сознание <...> преодолеть свое отвлеченное и одностороннее утверждение частных различий и привести его въ соотношеніе къ единству мысли» [с. 167].

7. В память столетия (1814–1914) Императорской Московской Духовной Академии. Сборник статей, принадлежащих бывшим и настоящим членам академической корпорации : в 2 ч. Ч. 2. Сергиев Посад: тип. Св.-Тр. Сергиевой Лавры, 1915. 667 с. (РБМ-16732/3).

На титульном листе Ухтомский написал красными чернилами: «Кн. Алексей Ухтомский / 23 декабря 1917 / Рыбинскъ». Это было время, когда усиливается с его стороны критика никонианства [с. 178, 181, 277, 281, 514]. Одна из главных проблем, которая волнует мыслителя, — это проблема интеллигенции и народа [с. 138–139, 158, 429]. Ухтомский размышляет о природе идеализма [с. 69, 87, 111]. «Идеалисту открывается процесс выявления сущности в вещах, при этом Истина становится опытом» [с. 127, 466–467]. Много заметок посвящено преданию и его роли в Церкви и в жизни [с. 173, 407, 421], в частности: «Главное тут в преодолении эгоцентризма, в освобождении от привычки смотреть через себя и во всех видеть своих двойников. «Чувственное» и «плотское». Это то, что

способно еще и учить пророка, когда тот потеряет путь!» [с. 98]; «Не иначе, как через человека и через живого Собеседника <Христос> благоволил принести к тебе живое Предание!» [с. 438]. «Если в одном пятнышке сознанию удалось уловить порядок и красоту, то и весь опыт, весь мир есть в принципе порядок и смысл и красота. Лишь суметь их открыть!» [с. 78].

8. Новые идеи в философии. Непериодическое издание, выходящее под редакцией Н. О. Лосского и Э. Л. Радлова. Сб. 17. Современные метафизики II. СПб.: Изд-во «Образование», типография Ш. Буссель, 1914. 135 с. (РБМ-6924).

Запись: «А. Ухтомский / Ноябрь 1916 г. / Петроград», подчеркивания в тексте: с. 1–11 и с. 84–111. Заметки Ухтомского в основном обращены к теории познания. На с. 101 запись: «Действительность “мир сам по себе” неизменна; меняются лишь реакции на него, наша оценка и философия его» [с. 101]. Абсолютная истина может быть доступна индивидуальному сознанию, поскольку, замечает мыслитель на полях, существует «выдуманный из абстракций мир, не подвергавшийся столкновению с реальностью» [с. 111]. Ухтомский предлагает свою классификацию истин: «1) истины технологического интереса — приспособляемые к тому, чего мы хотим; 2) истины наличия, которым мы следуем всегда, даже и тогда, когда сопротивляемся им, — формальные истины» [с. 98–99]. Ухтомский пишет на полях о том, что для него является источником «наличных фактов»: «“Природа” — органически условное, отвлеченное объединение существующего (условное воплощение идеи)» [с. 97]. По поводу критики Джемса автором статьи Яковенко Ухтомский пишет: «?? Страшно и читать это о Джэмсе. Плохо рекомендует автора!» [с. 84].

9. Гефтинг Г. Современная философия. М., 1907. 267 с. (РБМ-6945).

Запись на титульном листе чернилами красного цвета: «Кн. Алексей Ухтомский / Декабрь 1911. С. Петерб.». Ухтомский размышляет о философии Вудта, Ренана и Ницше: «Сила синтеза у Канта, “апперцепция” у Вудта» [с. 65]. Вудт делает акцент на том, что «психическая деятельность человека», его «чувственные впечатления и представления» «определяются всей предшествующей историей развития жизни сознания» [с. 25]. На полях книги рядом с утверждением Вудта о том, что «душа — это деятельность, активность», Ухтомский уточняет: «Душа = динамика, нечто принципиально

временное, во времени обусловленное. Оттого, м. б., нѣвозможно “локализовать” ея дѣятельность» [с. 20]. Рядом со словами о том, что «все представления имеют первоначально импульсивный характер» Ухтомский замечает: «Тут и видно, что “представленіе” первоначально есть также рефлекс, активный отвѣтъ на дѣйствительность» [с. 67]. Чем определяются особенности восприятия каждой личности? Ухтомский пишет о «выборѣ, делаемом, в конце концов, по склонности, по чувству, по общему психо-физиологическому состоянію» [с. 83]. В теории познания Ренана и Ницше Ухтомский находит общее и подчеркивает слова Гефтинга о «господстве разума» «как цели мирового развития» и о причастности к этому «геніев и интеллигентных людей, умѣющих цѣнить ихъ» [с. 96]. Данным «целям мира» Ухтомский противопоставляет «святоотеческую идею безконечнаго прогресса» [с. 99] и уточняет: «...В исторіи всего виднѣе рука Божія» [с. 115]. В противоположность прагматизму восприятия Ухтомский определяет «высшіе идеи: любовь, творчество» [с. 107]; «Старый предрассудок говорит: “великіе умы”. Почему умы? Великіе души, — это точнее!». «Богъ истории, или история = Богъ? Здѣсь точка соприкосновенія съ иудаизмом и христіанствомъ» [с. 44]. По поводу философии Ницше Ухтомский замечает: «Любовь к Высокаму была, но не было духа снисхожденія и смиренія. А это воистину коренная бѣда!»; «Отчаянное топтаніе на старых путях, безвыходное повтореніе и вещьное постоянство міра в духе Екклизіаста»; «Даже болѣе: оно неумѣстно и ненужно при процессуальном, динамическом (Діонисійском) воспріятіи Вселенной» [с. 192, XV, XVI]. Ухтомский вслед за Гефтингом выделяет три стадии развития личности, которая сталкивается с какой-либо проблемой: стремление, работа и освобождение [с. 160]. Третья стадия (решение проблемы, в том числе проблемы восприятия) достигается различными путями: реституцией — возобновлением прежнего состоянія — или субституцией — развитием новых состояній или способностей [с. 160–161]. Ухтомский на полях уточняет: «Можно сказать в этих терминах, что христіанское открытіе и усвоеніе истины для человека есть не реституція и подтвержденіе себя, но субституція, и передѣлка себя заново» [с. 161]. «Реальная (не рационалистическая выдуманная) религія и живет всегда преданіем! Преданіе — нормальный органъ религіи (коллективное постиженіе)» [с. 237]. «Символы, образы, уподобленія богословія, как постоянный и неизбежный способ выраженія» [с. 239].

10. Карсавин Л. П. Основы средневековой религиозности в XII–XIII вв. преимущественно в Италии. Петроград, 1915. 360 с. (РБМ-6952).

На тит. листе красными чернилами сделана запись: «Кн. А. Ухтомский / Июнь 1915. Петроградъ». На авантитуле и об. написан черными чернилами отзыв Ухтомского о книге: «Пустынная и каменистая книга, дающая добрый пример того, как, по слову отцов, ничего нѣтъ бесплоднѣ мысли о Боге безъ Бога! Применяясь к слову Исаака Сирина, это “глумящееся вѣдѣніе” о народной религіи, ничему из нее не научающееся и ничего не дающее на потребу людям...»; «В чем авторъ духовно обогатился отъ духовной литературы средневѣковой церкви и в чемъ способенъ быть живымъ и полезнымъ для читателей — это в понятии веры...»; «Что же касается такихъ понятій, как “спасеніе души”, “благодать” и т. д., то здесь эти идеи трактуются с самой мелкой и плоской стороны, стоящей неизмеримо далеко от святоотеческаго их пониманія...». В заметках на полях книги Ухтомский размышляет о вере и метафизике [с. 51], о мифе и легендарном образе [с. 106–107], о святом [с. 257], об идеале [с. 227], о предании [с. 290–291], о миропорядке [с. 302], о свободе: «Настоящий, наиболее эмпирический и отвечающий порядку вещей «дуализм» развивался у отцов церкви задолго от описываемой эпохи, как дуализм Бога и Его миропорядка, с одной стороны, и человеческой свободы, с другой — свободы, которая может быть направлена в колею Божественного миропорядка, но может служить и своей самости [с. 110–111]; «В основе мира — свобода; это, конечно, основная идея религии, которая знает, что лишь искусственное облегченіе мысли или совершенная близорукость побуждают думать, что вне человека в міре есть лишь то, что ниже его, но нѣтъ ничего выше его по природе!» [с. 138–139]. [Об идеи божественной воли]: «Как она лишает человѣка свободы, когда сама она опирается в его сознаниі на его свободу?» [с. 140].

11. Робертсон Д. История христианской церкви от апостольского века до наших дней / пер. А. П. Лопухина. Т. 1. Петроград, 1916. 1083 с. (РБМ-10038/12).

На тит. листе запись: «Кн. Алексей Ухтомский июнь 1917 г. Петроград». Ухтомский на полях книги делает заметки об отношении Церкви и государственности [с. 87, 278], о роли народа в истории [с. 132], о значении предания [с. 148], о социализме, который он соотносит

с империализмом, по его мнению, они утверждают культ государства [с. 171]. Внимательно следит исследователь за тем, как происходит разделение западной и восточной Церкви [с. 204, 577]. Останавливается мысленно на тех именах, которые особенно ему дороги: «Это была эпоха в Риме, родившая преп. Алексія человека Божія!» [с. 306]. Поддержка народом любимого Ухтомским Иоанна Златоуста вызывает следующий отклик: «Народъ — хранитель благочестія и “учащая Церковь”» [с. 365]. Стремясь определить для себя отличие западного мироощущения от восточного, Ухтомский пишет: «Августин — начало западнаго ученія объ “opus operatum” и о магическом дѣйствии Таинства» [с. 397]; «Идея Справедливости уже рѣшительно преобладает над идеей милосердія у Августина!» [с. 400]; «На этих главах у автора начинает сказываться протестанское умаленіе преданія; оттого у него и для него все тут так скучно!» [с. 428]; «Изъ обычнаго на востокѣ подчиненія высших церковныхъ вопросовъ императору развилось западное стремленіе устроить аналогичную власть внутри самой Церкви» [с. 452–453]; «Опять то, что дано было любовію, хотятъ обратить в право!» [с. 507]. Ухтомский считает, что распространение иконопочитанія на Востоке, а не на Западе, объясняется склонностью Востока к символическому мышлению [с. 526].

12. Джэемс У. Психология / пер. И. И. Лапшина. СПб., 1896. 410 с. (РБМ-15756/4).

На с. 111 красным карандашом подчеркнуто: «“Прялка жизни” находится въ нашихъ собственныхъ рукахъ, и мы сами безповоротно предопредѣляемъ свою судьбу. Нѣтъ такого ничтожнаго добродѣтельнаго или порочнаго поступка, который не оставилъ бы въ насъ своего навѣки неизгладимаго слѣда». Рядом вдоль карандашом написано: «тутъ вся этика». На с. 110 внизу простым карандашом написано рукой А. Ухтомского: «Ничто не приноситъ столько пользы людямъ, какъ отсѣченіе своей воли; и поистинѣ от сего человѣкъ преуспѣваетъ болѣе, нежели отъ всякой другой добродѣтели. Между тѣмъ, такое отсѣченіе своей воли и своихъ хотѣній можетъ быть минутное... Отсѣкая такимъ образомъ свое хотѣніе, человѣкъ приходитъ въ навыкъ отсѣкать его и, начиная с малаго, достигаетъ того, что и въ великомъ отсѣкаетъ ее безъ труда и спокойно» (Авва Дорфей, Добротолубіе, II, 604).

13. Миль Д. С. Система логики силлогистической и индуктивной. Изложение принципов очевидности (доказательства)

в связи с методами научного исследования / пер. с 10-го англ. изд-я под ред. В. Н. Ивановского. М., 1897. 781 с. (РБМ-15848).

1-й форз. — владельческая запись, черными чернилами: «Алексей Ухтомский // Рыбинскъ, 13 Августа 1900 г. Выписана еще съ квартиры тети Анны Николаевны Ухтомской въ начале моихъ работъ по кандидатскому»; 1-й тит. л. — владельческая запись, коричневыми чернилами: «А. Ухтомский // 21 Ноября 1897. Сергіевъ Посадъ»; с. I, 121 — владельческая запись, черными чернилами: «21 Ноября 1897. С. П.»; 4) с. 225 — владельческая запись, фиолетовым карандашом: «31 Марта 1898»; с. 321 — владельческая запись, черными чернилами: «22 Октября 1898 г. Стрелецкія Слободы, Моск. губ.»; 6) с. 449 — владельческая запись, черными чернилами: «22 Октября 1898 г. Стрелецкія Слободы, Моск. губ.»; с. 609 — владельческая запись, черными чернилами: «Получено во время моего пребыванія въ Петербурге // Февр.—Іюнь 1899 г.»; 2-й форз. — штампы фиолетовыми чернилами: «Князь Алексей Ухтомский». На с. 31–32 рядом с подчеркнутым текстом сделана запись красными чернилами: «Быть можетъ и имя «естественный» можетъ быть разобрано лишь как относительное. Тогда «природа» будетъ логически отвлеченнымъ именемъ, синонимомъ «естественности». На с. 76 заметка красными чернилами: «Тутъ именно Богъ не опыта, а каузальной теоріи» На с. 153 заметка карандашом: «Разъ ты принялъ чужое высказываніе, оно стало твоимъ опытомъ». На с. 200 заметка карандашом: «Если дедуктивные, или демонстративные науки *in principio*⁷⁶ условны и неистинны, то, значит, богословіе не только временно, но и всегда остается индуктивною наукой».

14. Вундт В. Очерк психологии / пер. Д. В. Викторова; под ред., предисл. и примеч. проф. Н. Я. Грота. М., 1897. 389 с. (РБМ-16327/1).

На тит. л. — владельческая запись, рукой А. А. Ухтомского, черными чернилами: «7/8 Іюля 1898 г. Рыбинскъ». Заметки можно разделить на две группы по времени и технике исполнения: 1) сделанные синим карандашом и 2) черными чернилами. 1) На с. XLV подчеркнута «задается цѣлью изученія чисто психическаго содержанія того или другого субъекта» и приписано вдоль всей страницы: «Самобытность психической причинности»; на с. XX подчеркнута «факты психической жизни человѣчества, документы мысли»;

⁷⁶ В принципе (лат.).

«Не изучали потому, что не умѣли изучать, допрашивать, т. е. психологически экспериментировать»; внизу синим карандашом написано: «Вундт понимает задачу экспериментального изслѣдованія в Психологіи гораздо уже» (с. 30)»; на с. XXXVII подчеркнуто синим карандашом «субъективное толкованіе чужихъ душевныхъ состояній» и ниже написано: «Искусство въ обширномъ смыслѣ (Ср. у Л. Н. Толстого «Что такое искусство»)». На с. 21 подчеркнуто: «не покоющееся содержаніе, но связь процессовъ» и рядом на полях написано: «Существо Энергетики». На с. 24 подчеркнуто «типическомъ значеніи воли для природы психологическаго опыта вообще» и приписано на полях: «Энергетика видится не во всѣхъ фактахъ событія, а не “покоющееся содержаніе”» (с. 21). На с. 11 над словами «она выводит психическіе процессы не изъ другихъ психическихъ процессовъ» сверху приписано черными чернилами: «вообще говоря даетъ центр тяжести теоріи, а не фактамъ душевной жизни». На с. 13 на полях написано: «Такие различія <нрб.> и культъ чист. разума, признавалъ собственно “опыты” лишь въ пространствѣ и времени». На с. 15 к словам «къ физическому способу» приписано «въ виду его простоты?» На с. 20 напротивъ подчеркнутыхъ слов «она утверждаетъ только то, что воля вмѣстѣ съ чувствами и аффектами, тѣсно съ ней связанными, составляетъ такую же неотъемлемую часть психологическаго опыта, какъ ощущенія и представленія» написано на полях: «<нрб.>, какъ необходимый инвентарь научнаго пониманія фактов (Отто Либманъ)». На с. 23 на полях написано: «Здѣсь общій пробный камень для сужденія о достоинствѣ психическихъ “теорій” Геккеля, Молешотта и т. п.» На нахзаце вверху фиолетовымъ карандашомъ написано: «По Авве Моисею: возд<ержаніе> въ пищѣ (2 р. в день), сонъ (6 часов), дѣятельность постоянная, не забавляться, не праздновать, простота одежды».

15. Муретов М. Д. Четвероевангелие. Сравнительные особенности каноническихъ Евангелій по ихъ содержанію, главнымъ мыслямъ и изложенію «Евангелія Иисуса Христа Сына Божія» (Марк. 1, 1). Сергиев Посад, 1915. 40 с. (РБМ-16327/9).

Запись на тит. л. черными чернилами: «Кн[язь] Алексей Ухтомскій // Ноябрь 1915. Петроградъ»; на с. 5 запись красными чернилами: «Мессія (Матфей)»; на с. 6 запись красными чернилами: «Богочеловекъ (Іоаннъ)»; на с. 11 запись простымъ карандашомъ: «Соціалистическое quasi (квази (лат.)) сочувствіе христіанству. Ожиданіе великихъ чудесъ»;

на с. 12 запись простым карандашом: «Ср[авнить] понятія «питанія» и «работы» въ эмпириокритицизме»; на с. 13 запись простым карандашом: «Большее и большее разделеніе чадъ света и чадъ тьмы, да откроются совѣты сердечные и станут явными тайныя помышленія. И это судъ Божій»; на с. 14 запись простым карандашом: «Идея древней жертвы кровавой»; на с. 16 запись простым карандашом: «Это былъ вѣнецъ евангельскаго развитія Апостоловъ. Не удивительно, что, начиная прямо съ этого конца, люди находятъ его не по силамъ себѣ»; на с. 18 запись простым карандашом: «Такъ будетъ и еще разъ при конце времени»; на с. 19 запись красными чернилами: «Торжество вѣры — вѣра в Воскресеніе и победу надъ адомъ и смертью»; на с. 21 запись коричневыми чернилами: «Такое “испытывающее” невѣріе даже ублажается Преданіемъ: “о добраго неверія Фомина” — поется въ Стихирѣ Новой Недели»; на с. 38 запись коричневыми чернилами: «А быть может онъ былъ попросту тотъ, кто въ смиреніи молился: Боже милостив буди мне грѣшному».

16. Струнников А. Вера, как уверенность, по учению Православия. Исследование по вопросу об отношении веры и знания. Ч. 1. Самара, 1887. 176 с. (РБМ-16327/17).

на с. 23 запись: «См[отри] однако о явленіяхъ Божіихъ у Златоуста»; на с. 24 запись кириллическими буквами: «начало преданія съ авраама»; на с. 55 запись: «Ср[авнить] James (Джемс (англ.)): христіанство, по нему, первое выдвинуло жизненное значеніе вѣры, как психическаго органа»; на с. 57 запись карандашаом синего цвета: «верить может тот кто не лишен разума // Писание и передать устно хотели пораженные свидетели летописцы // конечно надо верить тому кто видел и был потрясен умом и добром проповедующих правду и мир // так было во все времена и правда побеждала ложь! // и летописцы были герои, которым можно верить. // Amen (Аминь (зреч.))!».

17. Жорес Ж. Учредительное Собрание (1789–1791). СПб., 1908. 80 с. (РБМ-16327/18).

На 2-й тит. л. — подпись А. А. Ухтомского, коричневыми чернилами. На с. 7 заметка черными чернилами: «Тогда это и будет церковъ в истинном смысле слова — общество по любви и совѣсти, поддерживаемое энергіей воли!». На с. 15 заметка коричневыми чернилами: «Сѣверные наши княжата, вроде Ухтомских, очень долго сохраняли патриархальный феодальный бытъ, и в связи с этим, глубоко отличались духовно от нового питерско-служилого, неверующаго, беспочвен-

наго и ненароднаго барства сосѣдных помещиков». На с. 45 заметка коричневыми чернилами: «У русских людей меньше практицизма, но больше идеализма; революція и была начата здесь не ради «классоваго эгоизма», а ради «спасенія малых сих». На с. 76 заметка красными чернилами: «Русская община на земле есть своего рода историческое чудо, и оно воспитано общиной древне-церковной!» На с. 80 заметка коричневыми чернилами: «Буржуазия не нуждается в религии, ей не нужно какого-нибудь горячаго и безповоротнаго исканія Истины. Ей достаточно домашних суеверій. Истинный мір ея — собственность, наслажденіе здоровьем и легкомысленное “здравомысліе”».

18. Тарле Е. В. Падение абсолютизма в Западной Европе. Ч. 1. СПб., М., 1907. 206 с. (РБМ-16733/3).

На тит. листе коричневыми чернилами написано: «Что такое “абсолютизм”? Всякая земная власть, почитающая и выдающая себя за абсолютную? Тогда сюда относится и социализм!» На с. 45: «Моральная символика, конечно, самое неточное, самое приблизительное из описаній того, каковы законы и постоянства мира. Но это все-таки описанія и констатированіе даннаго постоянства, одного из сложнейших и важнейших постоянств міра и опыта человечества! “Аморалисты” в сущности — продолжатели тѣх, кто ищет сведенія болѣе сложных опытов на предыдущіе, допускающіе большую формальность изложенія». На с. 47 красными чернилами написано: «осознали это люди относительно монарха, но не хотят осознать относительно себя самих! Всегда на себя взглянуть труднее всего!» На с. 159: «Что такое собственно это “классовое самосознание”? Коллективный эгоизм масс!»

19. Baumann Julius, Dr. Die Grundfrage der Religion. Versuch einer auf den realen Wissenschaften ruhenden Gotteslehre. Stuttgart, 1895. 72 с. (РБМ-16733/1).

На тит. л. — владельческая запись, черными чернилами: «А. Ухтомскій // 13 Октября 1899 // С. Петербургъ». На с. 7 запись: «Религія на самом деле живет не априорными Абсолютностями, но особым міром ярких подчас представлений. Их идеализация и окраска “чувством бесконечности” есть доказательство присутствія волевой функции». На с. 12: «Автор боится признанія религіи простым опытом (достаточно достовѣрным содержаніем фактически), считая опытное знаніе слишком субъективным: боится религиознаго субъективизма. Но дѣло в том, что опыт-то и есть по существу самое объективное в поле сознанія.

Кантъ из опыта взял описанный им конфликтъ міра съ чаяніями этич<еского> сознания. И, очевидно, из опыта же, — связь этого конфликта съ религиозным сознанием (это и значитъ, что онъ не называлъ «доказательством» своего описанія идеи б<бытия> Божія)». На с. 23 черными чернилами внизу сделана запись: «всякое духовное содержаніе может быть разсматриваемо и не как религія, и как религія. Послѣднее — всегда более глубоко и развито, как в приложеніи к самым незначительным (сравнительно) событіям жизни, так и по отношенію к историческимъ міроощущеніямъ». На с. 30–31: «Кажется уже эта субъективно-религіозная сторона дает намек на тѣ условия, во имя которых создается объективный, своеобразный “религіозный опыт”: я признаю Бога реальным по тому самому, что онъ удовлетворяет мои недоуменія о жизни. Еще более (объективнѣ): я признаю ад реальным, потому именно, что он меня обязывает, обязывает мою волю. Понятіе “удовлетворенія” еще слишком обусловлено субъективно — предполагаемыми им желаніями. Понятіе же “обязательства” имѣет столь же объективный и безусловный характер, как “фактъ” и “действительность”. Поэтому, что способно меня обязать, то реально для меня (Даны логическіе признаки реальности)».

20. **Klimpert Richard.** Lehrbuch der allgemeinen Physik (Die Grundbegriffe und Grundsätze der Physik). Stuttgart, 1889. 372 с. (РБМ-15756/19).

На 2-й тит. л. — владельческая запись: «5 августа 1897 г., Рыбинскъ». Запись черными чернилами на нахзаце: «Что значит: “вѣровать в Бога”? Значит вѣровать, что несмотря на то, что вокруг тебя враждебные силы, навыки и приемы жизни видимо несравненно сильнѣ и устойчивѣ тебя и твоих идеаловъ, однако все это погибнетъ и обречено к исчезновенію, тогда как идеал твой просвѣтится предъ всѣми и осуществится. “Вѣтер развяѣл их, Израиль же будет во вѣки твердъ, как луна”. Так что Богъ, это не то, что освободитъ и спасетъ тебя от тяготы внѣшняго (Гартман), а то, что осуществляет и осуществит твое добро (идеалы) противъ ихъ антагонистовъ».

Ссылки

1. Ухтомский А. А. Доминанта души: Из гуманитарного наследия / ред. И. С. Кузьмичев. Рыбинск: Рыбинское подворье, 2000. 608 с.
2. Ухтомский А. А. Заслуженный собеседник: Этика. Религия. Наука: сборник / предисл. Л. В. Соколова, Г. М. Цурикова; примеч., крат. слов. имен и терминов Л. В. Соколова. Рыбинск: Рыбинское подворье, 1997. 567[2] с.

3. Ухтомский А. А. Интуиция совести: Письма. Записные книжки. Заметки на полях / предисл. Г. Цуриковой, И. Кузьмичева, С. 3–22; примеч. Л. В. Соколовой. СПб.: Петерб. писатель, 1996. 525 [2] с.
4. Фёдорова Е. А. Тематика и проблематика маргиналий А. А. Ухтомского в собрании Рыбинского музея-заповедника // Книжная культура Ярославского края — 2023: сборник статей и материалов / Ярославская областная универсальная научная библиотека имени Н. А. Некрасова; редкол.: Н. В. Абросимова (отв. ред); под ред. Н. В. Беловой. Ярославль: ЯОУНБ, 2024. С. 91–99.
5. Фёдорова Е. А. Ухтомский о теории познания и русской литературе (по материалам коллекции Рыбинского музея) // Книжная культура Ярославского края — 2022: сборник статей и материалов / Ярославская областная универсальная научная библиотека имени Н. А. Некрасова; под ред. Н. В. Беловой. Ярославль, 2023. С. 60–66.
6. Фёдорова Е. А. Художественная антропология Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого (по заметкам А. А. Ухтомского) // Вестник Ярославской духовной семинарии. 2023. № 6. С. 152–157.

1.9.2. Библиотека Санкт-Петербургского государственного университета

В фонде редкой книги библиотеки Санкт-Петербургского государственного университета хранятся 922 книги из коллекции А. А. Ухтомского. Это научные труды по физиологии, гистологии, фармакологии, психологии, психоанализу, неврологии, нейрофизиологии, зоологии, физике, геологии, медицине, математике, социологии, военной истории, логике, богословию, иконописи. В библиотеку Ухтомского вошли книги по истории Церкви, труды Отцов Церкви (Блаженный Августин, Максим Грек, Иоанн Кронштадтский), философские сочинения В. Розанова, В. Соловьева, Н. Бердяева, Платона, Канта, Гегеля, В. Освальда, труды А. Эйнштейна, Р. Авенариуса. Ученый хранил в своей библиотеке книги о музыканте Бетховене, художнике А. П. Рябушкине, описания московских и костромских храмов (церковь Василия Блаженного, Успенский собор московского Кремля, Ипатьевский монастырь), исторические труды В. О. Ключевского, современник дьяка Ивана Тимофеева, домострой, лицевое житие Алексея человека Божия, Житие Сергия Радонежского, Анны Каширской, оптинского старца Амвросия, Великие Минеи Чети 1899–1910 годов. Мыслителя интересовала и переписка А. Курбского с Иваном Грозным, и сочинения Маркса, Энгельса, Ленина, история старообрядчества и история евреев.

Среди художественной литературы следует выделить «Фауст» Гете, сочинения М. Горького, Г. Успенского, В. Г. Короленко, Н. Г. Чернышевского.

Из полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского, которое Ухтомский приобрел в 1907 году (судя по его записи на титульных листах книг), в библиотеке Санкт-Петербургского университета хранятся т. 1, 4, 6, 9, 10, 14, 23. Мы приводим заметки Ухтомского на полях повестей «Село Степанчиков и его обитатели», «Записки из подполья», романов «Игрок», «Подросток», «Братья Карамазовы». Полное собрание сочинений М. Е. Салтыкова-Щедрина также входило в библиотеку Ухтомского (в библиотеке сохраняются т. 1, 2, 3, 5, 6). Мы публикуем маргиналии Ухтомского на полях романов «История одного города» и «Господа Головлевы».

Некоторые записи Ухтомского связаны с личными переживаниями. Например, на полях романа «Игрок» Ухтомский пишет: «Старая Россия в 1917», а ниже приписывает карандашом: «а я ни на что не нужен! 1927» (с. 497). Напротив текста о признании Полины Алексею Ухтомский пишет красными чернилами: «“Вы этого хотели? Так это есть — родине довольно, и солнце есть!” 28 окт. 1927. Е. И. Б.» (с. 543). Вероятно, Ухтомский вспоминает Елену Исааковну Бронштейн-Шур.

1. Достоевский Ф. М. Село Степанчиково и его обитатели // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 3.: Повести и рассказы. СПб., 1906. 574 с.

«Повидимому Фома Фомич Опискин это тип, навеянный Белинским» (с. 33). «Я и ничего выше меня. Вот центр болезни» (с. 77). «Двойник: в других видит свои пороки, и вместе имеет в них заслуженного собеседника» (с. 85). «Вот самое страшное состояние (Иван Карамазов): в других вкладывает своего двойника, всего же его вовсе не замечает, и потому другого “объективно осуждает”!» (с. 115). «Любовь пронизательнее всего: Настино сердце подсказало правду и будущее» (с. 129). «Униженные и оскорбленные. Во-первых не “обиженные” в своем субъективном сознании, а во-вторых владеющие собой и свободой своей по преимуществу. Оттого открывающие новый опыт, для других...» (с. 193).

2. Достоевский Ф. М. Записки из подполья // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 3.: Повести и рассказы. СПб., 1906. 574 с.

«Никто не побил так метко русскую интеллигенцию, как Ф. М. в этих мемуарах из подполья, побил по щекам как раз тем самым,

чем интеллигенция со своими “вождями” собиралась гордиться...» (с. 344). «Марксисты грезят каким-то “сказкам” из самих себя! Как бы нибудь, да освободиться от себя!» (с. 411). «Хоть раз в жизни почувствовал настоящий опыт, живое!» (с. 410).

3. Достоевский Ф. М. Игрок // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 3.: Повести и рассказы. СПб., 1906. 574 с.

«Как образуется, как зачинается будущая доминанта» (с. 457). «Все русские бары и интеллигенты, оторванные от народа и его вѣры» (с. 462).

«Доказала, что ум не благородный. Подозрение другого говорит о том, что есть в тебе» (с. 475). «Идея соединяется с сильным желанием. Доминанта» (с. 543). «Доминанта зацѣпила за хронотоп, адекватно уловила его содержание в данный момент. И это удивительно, ибо она — его часть! И так получается полная адекватность желаемого и осуществляющегося, — то, что мы называем чудом, ясновидѣніем, прозрѣніем, пророчеством» (с. 544). «Доминанта не только мѣсто наибольшей возбудимости, но и наибольшего усвоения ритма. Это в особенности о сенсорной доминантѣ. Оттого она отзывчива на наибольшее число раздражителей. Так доминанта на своей высотѣ, хронотоп внутри и хронотоп внѣ нѣкоторое время идут в непосредственном совпадении. И тогда естественно пророческое постижение и прозорливость» (с. 543).

4. Достоевский Ф. М. Подросток // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. 6-е изд. Т. 9. СПб.: изд. А. Г. Достоевской, 1906. 530 с.

На тит. листе запись, сделанная Ухтомским красными чернилами: «Кн. Алексей Ухтомский. 25. X. 07. С. Петербург».

«Не гимназія помѣшала идѣе, а идѣя помѣшала гимназіи, помѣшала и университету» (с. 16).

«Идѣя съѣла» (с. 31).

[О Ламберте]: «Отсутствіе оплошности въ нравственном сознании, развитость личности, рефлекторность дѣйствія!» (с. 32).

[О Версилове]: «И тут мудрость выше нашего разума! В безбужное время предоставляется блуднику проповедовать как бы для вящего соблазна! Страшные симптомы!» (с. 36).

[О смерти девочек у Дергачева]: «Рахиль плчеть о дѣтяхъ своихъ и не можетъ (не хочетъ) утѣшиться, ибо ихъ нѣтъ!» (с. 51).

[Аркадий и голос «ничтожества»]: «Таинственный Двойник, заслуженный Собесѣдникъ» (с. 53).

«Оттого, что это нарушало всё их труды и научные их системы, на которые было положено столько невероятного труда!» (с. 54).

[О земле, которая превратится в ледяной камень]: «Замысловатость подчас принимается за разумность! А она так часто кроет за собою безумие! И бессмыслицу разумения, в которой повинен сам человек, ибо что-то пропустил в мир самое главное, пробует же получить законченный смысл из обоварванного остатка!» (с. 54).

«Они, пожалуй, за то больше всего и цeniaт и уважают своих “дьятелей”, что те помогают им закончить трудную лженауку (?) и устроиться без того краеугольного камня, который все разъяснил бы, но который им не желателен» (с. 56).

«У многих современных людей больше всего желание не быть, как все, т. е. выйти из общества! И в то же время тоска по обществу, тоска по бытию. Совмещение того и другого давалось и дается в церкви!» (с. 75).

[Аркадий о нелюбви к людям]: «Двойник Мизантропа!» (с. 82).

«Отсюда и великие инквизиторы, и великие терзатели жизни: “Изъ принципов; революционеры и реформаторы — Тамерланы и Чингисы культуры! Ея обновители, обновители без любви, антихристы!”» (с. 86–87).

«Свобода от непосредственных величнейшей среды, доминанта возбуждения, “своя идея”!» (с. 92).

«К учению о внимании и его воспитании» (с. 92).

«Про “святость труда” и про его божественность могли учить только белоручки...» (с. 99).

[Татьяна Павловна о лакействе Аркадия]: «Интимно, в глубине души своей обидевшийся на всех и на все в мире человек, самоутвержденец по преимуществу, с которым так любят возиться русские интеллигенты и человек из подполья, двойники их» (с. 114).

«Одно из общих мест у Достоевского таково: великие последствия происходят благодаря мелкой случайности; но случайность этого как бы предусмотрительна неким великим разумом Событий и Бытия! Больше всего мы и ищем этого Разума вещей и Бытия! Для него — наука, для него — вся наша жизнь! И только Он признается нами действительно и не призрачно Сущим! Он — искомое нашей мысли, и Он же единственно-подлинное Бытие!» (с. 145).

«Какая страшная опасность таких — заразиться настроением толпы! И сколько таких становится “дѣятелями” в эпоху революцій!» (с. 160).

«Может ли спасти от этого социализм?! “Аще любви не имам, бѣх яко мѣдь звенящая!”» (с. 166).

«Последнія мотивы солѣпсизма и рационалистического индивидуализма» (с. 203).

[Стебельков о втором человеке]: «Опять двойник» (с. 211).

«Татьяна Павловна для Подростка — противоположность двойника, — она его живая совѣсть: все въ немъ провидится с удивительной точностью и, в то же время, все неприятно для него и против его вождедѣній» (с. 246).

«Крайній индивидуализм, противоположеніе себя всему прочему Бытію, зачатки морального солипсизма как предпосылки всяких революціонных, социалистических, анархических замыслов! Однажды, когда-то онъ противопоставилъ себя міру и братіи, оцѣнилъ себя, полюбилъ себя, осудилъ и унижил прочій міръ. И это интимное начало предопредѣлило послѣдующіе разрушающіе результаты въ концѣ» (с. 267).

[О Бьоринге]: «Вызов всему тому, чѣм живут люди, ненависть к тому, что у них слыветъ за хорошее и почтенное» (с. 304).

[О кризисе Аркадия]: «Тут близость ненависти к любви к людям, близость вызова им всѣм, в совокупности, зачатки психологіи революціонера» (с. 311).

«Тут борьба двух принципов: абстракціи, уверенной в том, что все всегда то же самое, и цѣлостнаго воспріятія, всегда новаго и всегда индивидуальнаго опыта дней въ увѣренности, что все это ежеминутное — единственно в своем родѣ и неповторимо!» (с. 334).

«...т. е. любящій жизнь, — жизнь, а не себя и свое самоутверженіе, любящій мудрость любить жизнь» (с. 373).

[Рассказ о купце Скотобойникове]: «А у Л. Тостого с Нехлюдовым это сходит за самую чистую монету! Может быть потому, что автор там уже морализует и поучает, а поэтому близорук, принимая малодушіе за воскресеніе!» (с. 373).

[О Ламберте]: «Слѣдователь в “Преступленіи и наказаніи” — гораздо более опасный двойник и сатана» (с. 374). «Дураки-самодовольцы изучаютъ слѣдователя в “Преступленіи и наказаніи”, как

мастерскій примѣръ для юридическаго подражанія, а не догадываются об истинном замыслѣ автора» (с. 380).

«Совѣсть — пророкъ» (с. 384).

«И вѣдь безъ театра, безъ надуманности, безъ футуристов, а только всего отъ присутствія подлинной правды Божіей!» (с. 386).

«Вниманіе, как устойчивое состояніе, могущее разстроить жизнь и восприимчивость прочаго сознанія» (с. 389).

«Скудость сознанія отъ солипсизма со своею честностью, своимъ страданіемъ, своими интересами, дѣлами и т. д. “Носится с собою, как с писанной торбой”» (с. 423).

«Только думалъ тамъ въ глубинѣ духа, глубже обыденной работы сознанія. Там, гдѣ “вѣковыми колебаніями” нарастает и опускается совѣсть!» (с. 427).

«Революціонеры — несчастные дѣти неблагообразных отцов!» (с. 434).

[О Версилове]: «Мечтательное и всесквѣрное царство антихристово» (с. 437). «Обрѣтаемая желаемая Правда влилась в лицо, — воплотилась, стала конкретною!» (с. 435). «Антиномія коммунизма и буржуазіи и внѣ категорій христіанской культуры» (с. 438). «Второе пришествіе Христово» (с. 442). «Борьба въ человѣкѣ двухъ любей: одной — настоящей (к мамѣ) и другой — спинномозговой (к Катеринѣ Ивановнѣ). Борьба — между свободой и фатумомъ» (с. 476). «Имъ требуется разбить Христа. “Все, чему поклонялось ихъ сердце!”» (с. 476).

[Эпилог]: «?!!! Отсутствие преданія, отсутствие культуры?! Однако, а старообрядческое крестьянство и купечество? Ведь именно в старообрядствѣ подлинное преданіе и культура Руси!» (с. 527).

5. Достоевскій Ф. М. Братья Карамазовы: роман в 4 ч. // Достоевскій Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 14. СПб.: Изд. А. Г. Достоевской, 1904. 472 с.

«Пытались самоутвердиться на святомъ. Зато отнимется у нихъ святой. Самоутверждение на святом, использование и Святого для своего самоутверждения это уже наибольшее из суеверій в самомъ точномъ смыслѣ слова...» (с. 2).

«Не бойся материалистическаго отношенія к себе, т. к. оно можетъ быть полезнымъ реализмомъ. Но бойся какъ огня материалистическаго истолкованія касательно другихъ» (с. 35).

[Напротив Каны Галилейской]: «Приидите, пиво прием новое, не от камне неплодна чудодеемое, но нетления источник» (с. 38).

«Наука начинается и заканчивается стремлением прочесть мысли Божии на небе и в мире. В среднем пути человек читает лишь свои мысли и скорбит о том, что они только свои. Плохо, если перестанет скорбеть и идею которую на этом пути (?) тогда дал не поймет» (с. 89).

«Несет в себе не сознание еще, но уже сложившиеся события, которые уже предрешены. Вот откуда складывается впечатление “рокового” и “фатального»» (с. 88).

«Еще мудрый Л. Н. Толстой говорил, что поверить чуду — значит поверить во все что угодно. У господ это общее!» (с. 129).

«Что такое “предрассудок”? То, что связывает от возможности предаться свободно своим фантазиям, вкусам и инстинктам. Так и понимали в Возрождение» (с. 215).

«Буду святая мучением, коли убьют» (Аннушка). «А все-таки лучше, чтобы не убивали» (Сократ)» (с. 281).

«Собеседник — совесть. К нему обращается, как к последней самопроверке» (с. 298). «Для Ивана Алеша — Собеседник, Смердяков — Двойник. Чего Вы хотите: общества Собеседников или Двойников?» (с. 301).

«Опять Двойники. Собеседники любят друг друга, каковы они есть — узнают друг друга. Двойники влюблены или ненавидят, или то и другое вместе» (с. 306).

6. Салтыков-Щедрин М. Е. Господа Головлевы // Салтыков-Щедрин М. Е. Полное собр. соч. 5-е изд. Т. 1. СПб.: А. Ф. Маркс, 1905. 648 с.

«Доминанта лица вылепившаяся, как дайк выветривания, к старости» (с. 22).

[Портрет Порфирия Головлева]: «Плюшкинъ» (с. 324).

[О Порфирии Головлеве]: «Правда осветила его совесть» (с. 368).

«Вот когда и как человек может это почувствовать! Как и говорить об этом? Лучше умолчать до святого прихода Его!» (с. 373). «Страшный Судъ» (с. 372).

«Но так и нѣтъ “отпущенія”, нѣтъ христіанскаго исхода для грѣха и преступленія, в сознании автора? Слепо и безвыходно кончаются несчастные персонажи! И это оттого, что Христось поминается лишь как отрывок далекаго преданія, в большей своей части отвергнутаго

и законченного собственнымъ духом глумления и осужденія! А съ одними отвлеченными чувствованіями (=78) ужас жизни не побѣждается...» (с. 374).

7. Салтыков-Щедрин М. Е. История одного города // Салтыков-Щедрин М. Е. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 4. СПб.: А. Ф. Маркс, 1906. 700 с.

На об. форзаца: «Спрашивается, отчего и как могло это быть, что целые поколения читателей “Истории одного города” из ее продолжателей упорно не узнавали, и не хотели узнавать в ее городе самих себя? Труднее всего узнать самих себя! Даже и тогда, когда дано совсем адекватное отражение! Ибо всего труднее отдавать отчет в себе самих! И себя самих люди понимают меньше всего! Оттого в сотый раз рассматривая в театре гоголевского “Ревизора”, люди — те самые, которых Гоголь имел в виду, — оказываются склонными делать себе бесплодную карикатуру на кого-то другого, совсем не замечая учащей сатиры на себя!

Могут говорить: Гоголь и еще более Салтыков, писали о своем времени, о современных им людях и событиях. Все это нас не касается! Но вот что надо учесть: и древнееврейские пророки говорили и писали каждый по новой из своих, ему современных конкретных тем и событий в жизни родного народа. Но когда взгляд на эти события становится достаточно глубоким, он видел в них и через них общее и закономерное, предстоящее ему опять и опять в будущем (= 492). Получалась страшная критика не только для современности, но и для будущего, и для бытия, и для себя, и для человечества! Фантастика Салтыкова смотрит в будущее, воспроизводит его до поразительной проникновенности, до ясновидения! Значит, — уже были в его время черты, из которых имело развернуться будущее! Можно сказать, что “История одного города” это паремии к предстоящим торжествам!»

«Тут пропуск: “У нас, сударь, насчет этого такая примета! Коли секут — так уж знаешь, что бунт”» (с. 551).

«Ошибка многих поколений идеалистов и мечтателей» (с. 602).

«Статистическое государство» (с. 621).

«Русский Апокалипсис» (с. 622). «Мир бесконечен и безграничен. В нем можно делать все, что угодно» (с. 627).

«Вот диалектика: Когда невежество становится равносильным знанию!» (с. 632).

«Попытка упразднить историю. Попытка убедить, что в мире <нрз.> обязывающего. Ни к чему не обязывает ни прошлое, ни настоящее, ни стало быть будущее» (с. 634).

8. Салтыков-Щедрин М. Е. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 1. СПб.: А. Ф. Маркс, 1906. 648 с.

На об. тит. листа: «Человеческая трагедия не случайность, она не производится из исторических стечений. Коренится она в самой природе человеческой. И есть люди, в которых эта общечеловеческая трагедия получает как бы состреченное выражение, — такие подчеркнутые люди особенно добры ко всем своим прочим братьям, ибо носят на себе их горя в усугубленной форме. О них нельзя было бы сказать, что они «трагически принимают жизнь», ибо дело все таки не в их особенной организации или особенном способе восприятия мира, а лишь в том, что они глубже и пронизательнее всех прочих видят вещи и связи мира. В то время, как прочие еще находят возможность забываться, танцевать и «развлекаться», этим людям не удастся оторвать глаз от однажды открывшихся страшных перспектив мира. И если трагедия человечества и мира не случайность, если она не происходит из исторических стечений, — то ее и не преодолеть, конечно, какими-нибудь «панацеями» и «программками» вроде «учета и распределения», социалистической «рационализации» и т. п.».

9. Салтыков-Щедрин М. Е. Полн. собр. соч. Издание пятое. Т. 2. СПб.: А. Ф. Маркс, 1906. 542 с.

«Есть у Салтыкова мысли, где он соприкасается с Л. Н. Толстым (Головлевы, Пошехонская старина, «птенцы славы») — и где он соприкасается с Достоевским (Запутанное дело). Важно по обеим линиям выявить его интеллигентские особенности восприятия по сравнению с деревенской традицию, с петербургскими людьми “мокрого снега”» (с. 577).

1.9.3. Из частных коллекций

Достоевский Ф. М. Материалы к роману «Бесы»⁷⁷. Роман в 3 ч.: (Из Записных книжек Ф. М. Достоевского) // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 8. 6-е изд. СПб., 1905. 626 с.

⁷⁷ В Мемориальном Доме-музее А. А. Ухтомского в Рыбинске хранится фотокопия маргиналий Ухтомского на полях этой книги. Цитаты даются по указанному изданию, в круглых скобках номера страниц.

Заметки Ухтомского на полях этой книги можно разделить на три группы: 1) размышления о проблемах божественного бытия, о добре и зле, проблеме свободы (в основном они связаны с Кирилловым); 2) мысли о духовно-нравственной проблематике романа, в том числе о проблеме одержимости бесами (анализируются в основном образы Петра Верховенского и Ставрогина); 3) записи, посвященные проблеме интеллигенции и народа.

Больше всего Ухтомского интересует философия Кириллова. Остановившись на эпизодах встречи Кириллова и Ставрогина, Кириллова и Петра Верховенского, Ухтомский размышляет о причинах отъединения героя-идеолога от божественного бытия. Он считает, что, во-первых, Кириллов не чувствует Бога в своем сердце, он является носителем идеи, которая препятствует его вере: «Когда Бога представляют абсолютно внѣшнимъ для человѣка, онъ становится великимъ мѣономъ»⁷⁸ (с. 104). Кроме того, главным барьером на пути к божественному бытию, по мнению Ухтомского, становится своеволие Кириллова. Он противопоставляет позицию героя и христианский принцип «облечения во Христа», который предполагает послушание и отдавание себя в волю Божию: «Христианское сознание в том, что есть Богъ, и человѣкъ становится богомъ ради Него, — вниманіемъ, послушаніемъ, соединеніемъ, приобщеніемъ Ему» (с. 545). Наконец, замечает Ухтомский, Кириллов видит зло в мире, но не осознает, что божественное бытие связано с добром: «Нравственная ответственность выше этих смерти и жизни. Доброе и есть жизнь. Кириллов же понял пока лишь отрицательное: жизнь сама по себе, вот эта жизнь — сие все есть непременно доброе! Нравственная ответственность, признаніе добра и зла (закона возмездія) законами бытія и значит, что противоположеніе и борьба Добра и Зла выше рубежей наших здѣшнихъ смерти и жизни, земного существования и умиранія!» (с. 491). Под знаком «ноте бене» Ухтомский отмечает: «Надо, чтобы съ прекращеніемъ этого существованія мы переходили въ атмосферу Добраго Бытія, в атмосферу Жизни Вѣчной» (с. 491). Рядом со словами «Меня съела идея» Ухтомский пишет:

⁷⁸ Меон (греч. *μῆν*) — не-сущее, несуществующее, небытие) — философское понятие, передающее представление о всякой неопределенности, противоположности пределу, нетождественности самому себе и потому непостижимое. Иногда меон выступает как относительное небытие, «еще не бытие» [Е. Ф.].

«т. е. не ассимилировалъ ее для себя, не самоутвердился въ ней, но ее ставить выше себя и ею опредѣляется!» (с. 491). И на следующей странице сравнивает произведения Достоевского и Горького: «У Максима Горького въ “Исповѣди” не идея Бога съедаетъ человѣка, но человѣкъ съедаетъ идею Бога, и в этомъ существеннейшая разница его съ Достоевским!» (с. 492).

Петра Верховенского Ухтомский считает одержимым бесом. В сценах, когда этот герой искушает Ставрогина, Эркеля, Юлию Михайловну, Ухтомский прямо соотносит его с нечистой силой: «Бѣсъ — ненавидящій потакатель человѣческихъ вожделеній» (с. 465) (о сцене Ставрогина и Лизы в Скорешниках), «Бѣсъ всегда расчитываетъ на низость в человѣкѣ, — это черта его! И на низости человѣка норовитъ строить свои замки! Это также черта его!» (о разговоре Верховенского и Эркеля) (с. 553); «Человѣкъ заслужилъ своего собесѣдника! Бѣсъ способствуетъ самоутвержденію, самооправданію человѣка съ тѣмъ, чтобы вдругъ бросить его, когда онъ зайдетъ в самую чашу самоутвержденія... Можно задаться вопросомъ *vice versa*⁷⁹: какъ праотцы съ Авраамомъ во главѣ заслужили и могли заслужить собесѣдничества Бога, и что это собесѣдничество имъ давало, к чему влекло, что оно дало в конечномъ счетѣ человѣчеству!» (с. 439) (о беседе Верховенского и Юлии Михайловны).

Размышляя о Степане Тимофеевиче Верховенском, Ухтомский от духовно-нравственной проблематики романа переходит к общественно-политической: «Всѣ сіи “Бѣсы” — плоды своеобразнаго преданія и своеобразной “воспитанности”. И Петръ Степановичъ и Ставрогинъ все люди “воспитанные”, и для каждого корни в его предшественникѣ, в прошедшей жизни отцовъ» (с. 208). Напротив сцены, где Степан Трофимович представляется «профессоромъ» и «учителемъ», Ухтомский на полях пишет: «Вот он, Отрепьев в учителях, учитель новый русскаго народа, воспитавшій, см., в своем собственномъ сыне — бѣса!» (с. 559). Ухтомский поднимает проблему ответственности интеллигенции, которая являлась носителем либеральных западных идей, за разрушение России после Октябрьской революции. По поводу признания губернатора Лемке, что он солидарен с Верховенским, Ухтомский замечает:

⁷⁹ Наоборот (*лат.*)

«Все правительственные чиновники России искони: и миссионеры, и Губернаторы... Для самого русского народа всё мундирщики искони были своего рода тайными масонами — разрушителями, просачивавшимися в жизнь с целью ее разрушения» (с. 281). Еще более резкую мысль Ухтомский записывает полууставом: «“Западники” в своем последнем выражении — рубильщики русских голов ради западных идей!» (с. 192). На полях «Материалов к роману “Бесы”» Ухтомский размышляет, откуда происходит западная ориентация русской интеллигенции: «От онеметившегося правительства, от него же пошло и российское несчастное барство» (с. 610). И внизу страницы оставляет запись: «Посмотрим, к чему приведет социалистическая опека интеллигенции над народом!» (с. 610).

На полях сцены праздника гувернанток Ухтомский противопоставляет интеллигенцию, оторванную от «почвы», представителям народа, которые сохраняют евангельскую Истину: «Очи, затуманенные этими облаками, не могут узреть настоящего Смысла совершающегося. Всё эти гордые собою, разодётые люди были бы страшно удивлены, если бы им сказали, что они не понимают сами, в чём участвуют и что делают! А совсем посторонний мужик, предупрежденный Евангелием и вёрный Ему, видит, что сь ними и куда они идут: «Вся мудрость их поглощена бысть!». Реальность, в которой мы участвуем, в которую вносим свои движение и своею жизнью, бесконечно мудрѣ нашего Ratio! Мы и сами свои поступки начинаем понимать сь трудом, спустя много времени, давно их совершив и совершая, не зная как!» (с. 416). Цитата из 106-го Псалма подчеркивает «смущение в уме» представителей сословия, которое берет на себя миссию учительства. Главный урок, который Ухтомский видит в событиях русской революции, — это неумение и нежелание интеллигенции, которая повела за собой народ, сопротивляться злу, западным идеям, основанным на самоутверждении личности. Противостоять хаосу и разрушению, по мысли ученого, может соборное чувство любви к Богу и своему ближнему, способность осознавать свое грехопадение и выбирать путь покаяния, возвращения в божественное бытие.

Николая Ставрогина Ухтомский считает героем своего времени, выразителем главного в современном ему обществе, который довел до логического конца то, что в нем вызревало давно: «Николай Все-

ловович — “додѣлыватель”, исполнитель, осуществитель того, что всѣ про себя признавали, в себѣ носили, но не рѣшались объявить! На додѣлывателя всѣ накидываются, как на дерзкаго, как на черезчурь смѣлаго, как на потревожившаго тайное больное мѣсто. Ибо такой открываетъ самосознание общества, каково оно есть, открываетъ карриатуру, где другіе консервируютъ “святыню” своего спокойствія, приличія и самоутвержденія» (с. 48).

Духовное падение героя Ухтомский фиксирует на полях, когда происходит сговор Ставрогина с Петром Верховенским: «Они уже “одно”! Между ними уже ничто не неожиданно!» (с. 464); «Въ однажды допущенной, хотя бы и летучей мысли челоуѣкъ уже виновень, уже несеть вину ея, уже зачать съ нею, уже забеременень преступленіем, уже в опасности» (с. 464). Далее Ухтомский проводит параллель между Ставрогиным и Дмитрием Карамазовым: «Тема, подробно развитая в Дмитріе Карамазовѣ и в его винѣ в смерти отца. Челоуѣкъ несеть ответственность и вину за мысль свою» (с. 464). Петр Верховенский становится «двойником» Ставрогина, и Ухтомский формулирует на полях романа закон «заслуженного собеседника»: «Твой собесѣдникъ тоже таковъ, какимъ ты его себѣ заслужилъ! Твой собесѣдникъ, даже и самый обыденно-реальный, однако создан до извѣстной степени и тобою самимъ: это твое “ты”, и слышишь от него то, что уже носишь в своей душѣ, хотя бы въ началкѣ... Другое проходить мимо ушей, к другому ты иммунень! Праведный иммунень к бѣсу!» (с. 204). Таким образом, Ставрогин не смог сопротивляться искушению, поскольку уже нес в себе греховную мысль или, по словам Ухтомского, «зачатки преступленія».

Однако после признания Лизе о том, что он причастен к убийству Лебядкиной, Ставрогин, по мысли Ухтомского, может освободиться от своего двойника-«беса»: «Именно покаяніе для бѣса — величайшая ложь, какую только можетъ напустить на себя челоуѣкъ. Вот эта ликвидация себя, отверженіе своего самоутвержденія с т. зрениа бѣса хуже самоубийства!» (с. 469); «Открытаго покаянія, открытаго самосознанія грѣховности — вот чего болѣе всего не терпитъ бѣсъ-двойникъ! От этого приходитъ в ярость, в крайнее раздраженіе, впадаетъ в болѣзнь и погибаетъ!» (с. 469). Почему же Ставрогин не смог победить в себе «беса-двойника»? В главе «У Тихона» Ухтомский пишет на полях о том, что Ставрогин

не смог найти в себе Бога и не пошел по пути искупления: «Закон преступления и наказания. Крестъ есть этотъ же законъ, но не от мира высшей Справедливости, космической Правды, а от лица самого носителя преступления, хотя бы лишь в своемъ сознаниі! И здесь — естественный переходъ к высшему закону Искупленія и Милосердія» (с. 625). На полях книги рядом со словами Шатова, произнесенными на заседании «наших» Ухтомский пишет: «Историческое преданіе и его мудрость въ отношеніи индивидуальной рационалистической мысли!» (с. 609).

10. Луначарский А. В. Религия и социализм. Ч. 1. СПб.: Шиповник, 1908. 345 с. (Санкт-Петербургский Филиал Архива РАН. Ф. 749. Оп. 3. Ед. хр. 89).

На тит. листе: «Не знаютъ Христа, — оттого не знаютъ и Отца; и тогда не могли написать об Отцѣ ничего кромѣ того, что тут написано, ибо не знаютъ и Утѣшителя, который может их укрѣпить въ Словѣ Христовомъ объ Отцѣ, что Онъ есть Любовь и Единый Благій! Но у них еще нѣтъ, как думается, грѣха противъ Утѣшителя, — ибо они не соглашаются ни на минуту примириться, что Богъ есть и Отец злобы в мірѣ, но предпочитаютъ лучше уже отрицать Отца, чѣмъ идти на древне-языческое кощунство...» (л. 232).

«Позиція марксизма, это позиція пассивнаго присутствованія при совершеніи поразительно мудраго историческаго процесса, который все равно идетъ къ Свету Разума и Добру! Да развѣ это не признакъ онтологическаго Добра, т. е. Божества превышѣ человѣческаго сознания! Не дерзостный человѣческой идеал, а смиренное построение идеала по Духу вселенной — вотъ наше человѣческое дѣло, и дѣло нашего сознания! Нашъ идеаль совпадетъ съ Божественнымъ лишь въ далекомъ будущемъ, когда будетъ новая земля и новое небо!» (л. 237 об.).

«До сих пор у нас одинаково! Но дальшѣ? Дальшѣ другое. У марксистов идетъ далее очень просто: как кончится борьба классов, так и наступит это идеальное царство, когда человѣкъ будетъ свободно ставить идеаль, а Божество будетъ убрано. Принимать идею первичности Зла (?) лишь в классах, в классовых самосознаниях <...> ! Неужели так просто покупается это царство чистой свободы и обожествления человѣка, — лишь свободой от классовой борьбы (л. 237 об.). Что это: счастливая случайность, что мы живемъ въ такомъ мудромъ мірѣ, который всегда и фатально ведетъ

все къ достиженію наилучшаго? Или это значить, что міръ этотъ есть наилучшій изъ возможныхъ? Или, что превышѣ всего есть Богъ — Любовь?» (л. 238).

«Я говорю в том же духѣ: если бы люди не были лучше своихъ государствъ — міръ былъ бы адомъ!» (л. 241).

[Фейербах: исторический прогресс в религии — объективное становится субъективным]: «По моему именно наоборотъ! Субъективное становится объективным, Судь Совѣсти — судомъ Вѣчности, а идеал — реальностью! Это дѣло рели(л. 245)гіознаго сознанія челоувѣчества! Стань же объективным, во-первых, в силе, явно — объективнаго значенія предуказаній совѣсти, дѣло уже очевидно не ограничивается ни челоувѣкомъ, ни челоувѣчествомъ!» (л. 246).

«Радостное и возвышающее душу челоувѣка представленіе о богахъ или богѣ, какъ самомъ лучшемъ, достойномъ, высокомъ существѣ, до какого можетъ додуматься данный народъ въ данную эпоху, идеальная красота бога — не должна не можетъ быть запачкана отвѣтственностью за зло и ужасъ жизни» (с. 82).

«Ср. Достоевскаго: “Богъ есть собирательное лицо всего народа, взятого съ начала и до конца!”» (л. 270).

«Вся высота религіи остается, но міръ перестаетъ быть тиранией, какъ перестаетъ быть и просвещенной монархіей, за которую его упорно хотятъ принимать, несмотря на всѣ муки челоувѣчества (с. 90).

«Без сомненія истинная религіозность и наиболѣе чистое и бескорыстное богослуженіе будетъ именно послѣ всехъ этихъ благъ “знаній метеорологіи”, прикладнаго искусства ея и т. п. Именно (л. 274 об.) тогда-то увидится, поклоняется ли челоувѣкъ Богу, какъ Истинѣ, “Несравненной Красотѣ”, — какъ Григорій и Василій, или его религія вся сводится на корыстное ожиданіе себѣ благ!» (л. 275).

«Выраженіе идеала. Это очень хорошо!» (л. 281). «Только избѣгайте поддѣлокъ, идолопоклонства, фантомовъ вмѣсто идеаловъ! Не смѣшивайте и въ шутку Люцифера со Христомъ! Да и ничего не пробуйте ставить на мѣсто Христа» (л. 282).

«Это правда, что дѣло коренится в том, нужно, или не нужно челоувѣку, любить онъ, или не любить, — это предрѣшаетъ вопросъ, будетъ ли духъ его расти и развиваться, или будетъ уходить извѣстное идеальное стремленіе. Но тутъ, в этомъ фактѣ нужности или ненужности еще далѣко вѣдь отъ какой-нибудь морально логической

ясности и самоочевидности, безусловной первоначальной самооправданности предъ Лицемъ Совѣсти и Истины! Нетъ, его сомнение надлежит изучить самостоятельно и подвергнуть (л. 272 об.) анализу в себѣ! Конечно спокойному мещанину Богъ нуженъ лишь по далекой традиции! Спокойному профессору и еще того теплѣе и яснѣ безъ Бога посредине его самодовольства! Это “подсознательные предпосылки философіи”, но эти субъективные предпосылки так и надо будет изучать, как таковые! Больше ничего строить на них будетъ нельзя!» (л. 273).

1.10. Библиография работ об Ухтомском

сост. Е. А. Фёдорова

1. А. А. Ухтомский в воспоминаниях и письмах / сост. Ф. П. Некрылов. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1992. 205 с.
2. Айрапетьянц Э. Ш. Академик Алексей Алексеевич Ухтомский. К 90-летию со дня рождения. М.; Л.: Наука, 1965. 63 с.
3. Амбурладзе Р. В., Берлов Д. Теория хронотопа и представления современной философии о пространстве и времени // Учение А. А. Ухтомского и современная наука. СПб., 2000. С. 3–4.
4. Андреева В. Г. Доминанты жизни и поведения Николая I в повести Л. Н. Толстого «Хаджи-Мурат» // Филологические чтения. Человек. Текст. Дискурс: V Всероссийская с международным участием научная конференция, посвященная 80-летию со дня памяти Алексея Алексеевича Ухтомского, 23–24 сентября 2022 г. / сост. Е. А. Фёдорова; Яросл. гос. ун-т имени П. Г. Демидова. Ярославль: Филигрань, 2022. С. 18–30.
5. Аршавский И. А. Роль А. А. Ухтомского — ученого и личности в создании физиологической школы Ленинградского университета. М.: Наука, 1971. 13 с.
6. Аршавский И. А. Мы все равноправны друг перед другом (воспоминания об А. А. Ухтомском. Смысл и судьба доминанты нравственности). Рига, 2002. 285 с.
7. Ашимбаева Н. Т. Двойник или «заслуженный собеседник». Некоторые вопросы поэтики Достоевского в свете взглядов А. А. Ухтомского на человека и его отношения с окружающим миром // Достоевский и мировая культура. СПб., 1999. № 13. С. 123–131.
8. Батуев А. С., Соколова Л. В. А. А. Ухтомский и русская культура // Российский физиологический журнал им. И. М. Сеченова. 1999. Т. 85. № 5. С. 706–708.

9. Батуев А. С., Соколова Л. В. О соотношении биологического и социального в природе человека // Вопросы психологии. 1994. № 1. С. 81–92.
10. Бикташева Н. Н. Академик А. А. Ухтомский в дни ленинградской блокады // XIX Золотаревские чтения: материалы научной конференции (22–23 ноября 2022 г., Рыбинск) / Департамент культуры Ярославской области, Рыбинский музей-заповедник. Рыбинск, 2022. С. 311–315.
11. Бикташева Н. Н. Новые сведения о роде князей Ухтомских // XVI Золотаревские чтения. Материалы научной конференции, 25–26 октября 2016 г. Рыбинск: Рыбинский музей-заповедник. 2016. С. 281–291.
12. Бикташева Н. Н. Первая мировая война в переписке академика А. А. Ухтомского // XV Золотаревские чтения. Материалы научной конференции, 6 ноября 2014 г. Рыбинск: Рыбинский музей-заповедник, 2014. С. 55–59.
13. Бикташева Н. Н. Поиски истины братьев Ухтомских // XIV Золотаревские чтения. Материалы научной конференции, 27 ноября 2012 г. Рыбинск: Рыбинский музей-заповедник, 2012. С. 3–11.
14. Варущенко Л. Вослома и ее обитатели // Рыбинск. 1995. № 24. С. 9–10.
15. Варущенко В. Р. На пути к Заслуженному собеседнику // Рыбинские известия. 26.06.2004. С. 6.
16. Варущенко В. Р. На пути к Заслуженному собеседнику // Рыбинские известия. 03.07.2004. С. 3.
17. Варущенко В. Р. На пути к Заслуженному собеседнику // Рыбинские известия. 10.07. 2004. С. 2
18. Варущенко В. Р. На пути к Заслуженному собеседнику // Рыбинские известия. 17.07. 2004. С. 2.
19. Васильев Л. П. Принцип доминанты в психологии // Вестник ЛГУ. 1950. № 9. С. 32–43.
20. Виноградова О. Н. Восприятие А. А. Ухтомским доминанты Л. Н. Толстого // Филологические чтения. Человек. Текст. Дискурс: V Всероссийская с международным участием научная конференция, посвященная 80-летию со дня памяти Алексея Алексеевича Ухтомского, 23–24 сентября 2022 г. / сост. Е. А. Фёдорова; Яросл. гос. ун-т имени П. Г. Демидова. Ярославль: Филигрань, 2022. С. 87–93.
21. Воронцов Б. Н. Эстетические взгляды А. А. Ухтомского // X Золотаревские чтения. Материалы научной конференции, 19–20 октября 2004 г. / под ред. А. М. Селиванова. Рыбинск: Рыбинский музей-заповедник, 2004. С. 98–101.
22. Вострцова Л. Н. А. А. Ухтомский и искусство // Художественное творчество. Вопросы комплексного изучения. Л.: Наука, 1982. С. 126–132.
23. Голубева Л. Н. Этика духовного общения: А. А. Ухтомский и А. А. Золотарев // VI Золотаревские чтения. Тезисы докладов научной конференции, 21–22 января 1997 г. / под ред. А. М. Селиванова (отв. ред.),

- М. В. Васильева, Л. В. Барабанова. Рыбинск: Рыбинское подворье, 1996. С. 25–27.
24. Даренский В. Ю. Философия А. А. Ухтомского как экзистенциальная герменевтика // Философский полилог: Журнал Международного центра изучения русской философии. 2019. Вып. 2 (6). С. 46–58.
 25. Достоевский в средней и высшей школе: проблемы и новые подходы / Фёдорова Е. А., Бесогинова С. А., Капустина С. В., Моторин А. В., Шалина М. А. / под науч. ред. Е. А. Фёдоровой. СПб.: Изд-во РХГА, 2021. 604 с.
 26. Зинченко В. П. Наука о мышлении (Часть 2) // Психологическая наука и образование. 2002. Т. 7. № 2. С. 5–20.
 27. Иванова О. В. Мужская гимназия в жизни А. А. Ухтомского: у истоков творчества // XI Золотаревские чтения. Материалы научной конференции, 16 ноября 2006 г. / под ред. Ю. Г. Саловой, И. Ю. Шустровой. Рыбинск: Рыбинский музей-заповедник, 2006. С. 205–207.
 28. Иванова О. В. «Самое родное место на земле...» // VII Золотаревские чтения: тезисы докладов научной конф. (23–24 нояб. 1998 г.) / под ред. А. М. Селиванова. Рыбинск: Рыбинское подворье, Рыбинский музей-заповедник, 1998. С. 45–46.
 29. Иванова О. В. Некрополи князей Ухтомских на рыбинской земле // XVIII Золотаревские чтения. Материалы научной конференции, 26–27 ноября 2020 г. Рыбинск: Рыбинский музей-заповедник, 2020. С. 126–134.
 30. Иванова О. В. Обзор религиозных изданий из библиотеки академика А. А. Ухтомского // VI Золотаревские чтения. Тезисы докладов научной конференции, 21–22 января 1997 г. / под ред. А. М. Селиванова (отв. ред.), М. В. Васильева, Л. В. Барабанова. Рыбинск: Рыбинское подворье, 1996. С. 22–24.
 31. Иванова О. В. «Где Бог привел родиться...» [о Восломе — месте рождения А. А. Ухтомского] // Рыбинские известия. 1993. 3 августа. С. 2–3.
 32. Иванова О. В. Связи А. А. Ухтомского с Рыбинским научным обществом // VIII Золотаревские чтения. Тезисы докладов научной конференции, 16–17 октября 2000 г. / под ред. А. М. Селиванова. Рыбинск: Рыбинское подворье, Рыбинский музей-заповедник, 2000. С. 90–92.
 33. Капустина С. В. «Господа Головлевы» М. Е. Салтыкова-Щедрина в критике А. А. Ухтомского // Проблемы исторической поэтики. 2024. Т. 22. № 1. С. 176–194.
 34. Каткова Е. А. Педагогические идеи А. А. Ухтомского как ресурс становления профессиональной культуры педагога // Вестник Вятского университета. 2012. № 3 (3). С. 122–127.
 35. Любарец В. В. «Закон заслуженного собеседника» в произведениях Ф. М. Достоевского «Неточка Незванова» и «Маленький герой» //

- Филологические чтения. Материалы VI Всероссийской научной конференции «Филологические чтения», посвященной 75-летию со дня рождения Иосифа Абрамовича Стернина (1948–2022). Ярославль, 28–29 апреля 2023 года / сост. Е. А. Фёдорова, ред. М. В. Шаманова. Ярославль, 2023. С. 98–107.
36. Меркулов В. Л. Алексей Алексеевич Ухтомский. Очерк жизни и научной деятельности (1875–1942). М.; Л.: Наука, 1960. 315 с.
 37. Меркулов В. Л. О влиянии Ф. М. Достоевского на творческие искания А. А. Ухтомского // Вопросы философии. 1971. № 11. С. 116–121.
 38. Николаев Н. И. Печатный Пролог с записями А. А. Ухтомского из собрания М. С. Лесмана // Труды отдела древнерусской литературы. СПб.: Ин-т рус. лит-ры (Пушкинский Дом) РАН. 1996. Т. 50. С. 818–824.
 39. Николаев Н. И. Академик князь А. А. Ухтомский как деятель и мыслитель старообрядчества // Труды отдела древнерусской литературы. СПб.: Ин-т рус. лит-ры (Пушкинский Дом) РАН. 2016. Т. 64. С. 576–586.
 40. Николаев Н. И. Академик Князь А. А. Ухтомский и история древнерусской литературы // Книги и книжная культура в Западной Европе и России до начала Нового времени: сб. в честь Александра Хаимовича Горфункеля. М.; СПб., 2019. С. 584–602.
 41. Овчинникова А. К. К вопросу о проблеме целостности в трудах А. А. Ухтомского // Вопросы философии. 1959. № 1. С. 139–148.
 42. Петрицкий В. Их место здесь, в Рыбинске [О судьбе некоторых книг из библиотеки А. А. Ухтомского] // Рыбинские известия. 1996. 25 октября. С. 3.
 43. Резник С. Е. Против течения. Академик Ухтомский и его биограф: документная сага с мемуарным уклоном. СПб.: Алетей, 2015. 364 с.
 44. Романов А. В. А. А. Ухтомский // Рыбинск в судьбах замечательных людей. Рыбинск, 1997. С. 79–80.
 45. Саленко О. Ю. Хронотоп и доминанта как категории изучения индивидуального стиля (на примере изучения стихотворений А. Фета, А. Апухтина, К. Фофанова) // Филологические чтения. Человек. Текст. Дискурс: V Всероссийская с международным участием научная конференция, посвященная 80-летию со дня памяти Алексея Алексеевича Ухтомского, 23–24 сентября 2022 г. / сост. Е. А. Фёдорова; Яросл. гос. ун-т имени П. Г. Демидова. Ярославль: Филигрань, 2022. С. 262–268.
 46. Селевко Г. К. Энциклопедия образовательных технологий: в 2 т. М.: Народное образование, 2005.
 47. Симонов П. А. Роль доминанты и условного рефлекса в организации поведения // Доминанта и условный рефлекс. М., 1978. С. 152–168.
 48. Соколова Л. В. Значение наследия А. А. Ухтомского для гуманитарных наук // Филологические чтения. Человек. Текст. Дискурс: V Всероссий-

- ская с международным участием научная конференция, посвященная 80-летию со дня памяти Алексея Алексеевича Ухтомского, 23–24 сентября 2022 г. / сост. Е. А. Фёдорова; Яросл. гос. ун-т имени П. Г. Демидова. Ярославль: Филигрань, 2022. С. 7–10.
49. Соколова Л. В. А. А. Ухтомский и современность: роль образа в формировании биосоциокультурного пространства человека // Психология образования в поликультурном пространстве. 2012. № 4, 20. С. 146–161.
 50. Станевко С. «Только жизнь для других дает настоящую ценность и смысл жизни» (говорил Ухтомский) // Анфас. 2010. № 33 (август). С. 6–7.
 51. Степанова А. «...Труд над собой и ради другого» // Анфас. 2002. № 346. С. 6.
 52. Столбун Ю. В. Психическая доминанта академика А. А. Ухтомского. Тверь; Ярославль: Лилия Принт, 2003. 520 с.
 53. Ткаченко А. С., Иванов Д. О., Березкина Е. Н. Философско-антропологический аспект учения А. А. Ухтомского о доминанте // Педиатр. 2018. Т. 9, № 3. С. 128–136.
 54. Трохина А. А. А. Ухтомский. Жажда собеседника // Среда. 2009. № 9 (65). С. 24–25.
 55. Ухтомский А. А. Доминанта души : из гуманитарного наследия. — Рыбинск: Рыбинское подворье, 2000. 608 с.
 56. Ухтомский А. А. Заслуженный собеседник: Этика. Религия. Наука. — Рыбинск: Рыбинское подворье, 1997. 576 с.
 57. Ухтомский А. А. Интуиция совести: Письма. Записные книжки. Заметки на полях. СПб.: Петербургский писатель, 1996. 528 с.
 58. Ухтомский А. А. Статьи и выступления разных лет. Заметки на полях / сост. Л. В. Соколова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2015. 736 с.
 59. Фёдорова Е. А. Диалогичность слова в рассказе о выборе веры князем Владимиром (по А. Ухтомскому) // Вестник Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2016. № 3 (94). С. 66–68.
 60. Фёдорова Е. А. Доминанта души и хронотоп Раскольникова: от «Двойника» к «Собеседнику» (по А. Ухтомскому) // Социальные и гуманитарные знания. 2016. Т. 2. № 4 (8). С. 327–332.
 61. Фёдорова Е. А. «Пороговое» состояние личности и формирование новой доминанты: А. А. Ухтомский и Ф. М. Достоевский // Филологические чтения. Человек. Текст. Дискурс: V Всероссийская с международным участием научная конференция, посвященная 80-летию со дня памяти Алексея Алексеевича Ухтомского, 23–24 сентября 2022 г. / сост. Е. А. Фёдорова; Яросл. гос. ун-т имени П. Г. Демидова. Ярославль: Филигрань, 2022. С. 327–335.

62. Фёдорова Е. А. Принцип доминанты в образах героев романа «Бесы» Ф. М. Достоевского (в свете этического учения А. А. Ухтомского) // Проблемы исторической поэтики. 2023. № 21 (1). С. 161–182.
63. Фёдорова Е. А. Проблема «двойника» в творчестве Я. П. Полонского и Ф. М. Достоевского (по терминологии А. А. Ухтомского) // Я. П. Полонский: творчество, судьба, эпоха (посвящается 195-летию со дня рождения поэта): сб. науч. ст. по материалам междунар. научн.-практ. конф., 27–29 мая 2015 года / сост. и науч. ред. Т. В. Федосеева; Ряз. гос. ун-т имени С. А. Есенина. Рязань, 2015. С. 209–217.
64. Фёдорова Е. А. Проблема Другого в повести «Двойник» Ф. М. Достоевского (А. Ухтомский и М. Бахтин) // Достоевский и современность. Материалы XXX Международных Старорусских чтений 2015 г. / отв. ред. С. Л. Шараков; Новгородский музей-заповедник. Великий Новгород, 2016. С. 190–196.
65. Фёдорова Е. А. Телеологический сюжет в романах «Капитанская дочка» А. С. Пушкина и «Война и мир» Л. Н. Толстого // Проблемы исторической поэтики. 2023. Т. 21. № 4. С. 102–129.
66. Фёдорова Е. А. Тематика и проблематика маргиналий А. А. Ухтомского в собрании Рыбинского музея-заповедника // Книжная культура Ярославского края — 2023: сборник статей и материалов / Ярославская областная универсальная научная библиотека имени Н. А. Некрасова; редкол.: Н. В. Абросимова (отв. ред); под ред. Н. В. Беловой. Ярославль: ЯОУНБ, 2024. С. 91–99.
67. Фёдорова Е. А. Художественная антропология Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого (по заметкам А. А. Ухтомского) // Вестник Ярославской духовной семинарии. 2023. № 6. С. 152–157.
68. Фёдорова Е. А., Державина С. Е. Нравственная проблематика водевилей Н. А. Некрасова (по учению А. А. Ухтомского) // КАРАБИХА: историко-литературный сборник (выпуск XVIII) / Государственный литературно-мемориальный музей-заповедник Н. А. Некрасова «Карабиха» / Михайлова М. А., Нанковский М. А., Оторочкина А. Е. Ярославль: ООО «Академия 76», 2023. С. 31–40.
69. Фёдорова Е. А., Капустина С. В. Диалог Н. В. Гоголя и М. Е. Салтыкова-Щедрина: аксиологический аспект // VI Всероссийская научная конференция «Филологические чтения — 2023» / сост. Е. А. Фёдорова, ред. М. В. Шаманова. Ярославль, 2023. С. 187–195.
70. Фёдорова Е. А., Любарец В. В. Мечтатель и подпольный герой М. Ю. Лермонтова и Ф. М. Достоевского в свете этического учения А. А. Ухтомского // Два века русской классики. 2023. Т. 5, № 2. С. 50–71.
71. Хализев В. Е. Интуиция совести (теория доминанты А. А. Ухтомского в контексте философии и культурологии XX века) // Евангельский текст

- в русской литературе XVIII–XX веков. Вып. 3. Петрозаводск, 2001. С. 21–42.
72. Хализев В. Е. Нравственная философия Ухтомского // Новый мир. 1998. № 2. С. 222–229.
73. Хализев В. Е. Учение А. А. Ухтомского о доминанте и ранние работы М. М. Бахтина // Бахтинский сборник. Вып. 2. / отв. ред. Д. Куянджич, В. Л. Махлин. М., 1992. С. 70–86.
74. Шлюпикова А. В. Академик Алексей Алексеевич Ухтомский. 1875–1942 [предисл. А. Иванова]. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1968. 88 с.
75. Яковлева Т. Школа доминанты по Ухтомскому [освоение наследия Ухтомского в школе № 19] // Рыбинск. 1994. № 65. С. 6–7.

Раздел 2

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПО СОЧИНЕНИЯМ Д. И. ЧИЖЕВСКОГО

2.1. Д. И. Чижевский: личность, биография, творчество

А. В. Тоичкина

Дмитрий Иванович Чижевский (1894–1977) — религиозный философ, филолог-славист, историк церкви — родился 23 марта (4 апреля по н. ст.) 1894 года в Александрии на Херсонщине в дворянской семье. В 1911–1913 гг. учился на физико-математическом факультете Петербургского университета, увлекался астрономией. Потом перевелся на историко-филологический факультет Киевского университета, где оказался в кругу учеников В. Н. Перетца, в частности дружески общался с О. Бургартом. Здесь же он познакомился с В. В. Зеньковским и Г. И. Челпановым, слушал лекции Н. О. Лосского. В студенческие годы участвовал в меньшевистском движении, за что в 1916 г. был арестован. В 1918 г. был членом Центральной рады, но выступал против выхода Украины из состава Российской империи. С 1920 г. преподавал в Киевском университете, читал курс общего языкознания на Высших женских курсах в Киеве. 13 апреля 1921 г. под угрозой расстрела покинул страну (нелегально пересек польскую границу).

В Германии Чижевский продолжил философское образование под руководством Г. Риккерта, К. Ясперса, Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, Р. Кронера. С 1924 г. Чижевский преподавал философию в Украинском высшем педагогическом институте имени М. П. Драгоманова в Праге. С 1927 г. он стал профессором и заведующим кафедрой философии этого института. В 1929 г. по совместительству в качестве доцента и экстраординарного профессора работал в Украинском свободном университете. В это время он участвует в Семинарии А. Л. Бема по изучению Достоевского при Русском народном университете в Праге, в заседаниях Пражского лингвистического кружка.

В 1920-е гг. Чижевский становится известен в научных кругах, благодаря своим трудам по философии и литературоведению. В 1932 г. ученый был приглашен в университет Галле и получил звание доктора философии. Там он преподавал русский язык в 1932–1945 годах. В 1934 г. защитил диссертацию на тему «Гегель в России». Во время Второй мировой войны Чижевский принимал участие в антифашистском движении. Но в июне 1945 г. он вынужден был покинуть Галле накануне занятия его Советской армией.

В 1945–1949 гг. Чижевский возглавлял Семинар славистики Марбургского университета. В это время, как пишет В. Янцен, «наряду с М. Фасмером Чижевский играет заметную роль в разработке долгосрочной “славянистической стратегии” западногерманских университетов, является признанным авторитетом, к мнению которого прислушиваются при назначении новых преподавателей и профессоров славистики» [Чижевский, 2007, с. 8]. Однако, в силу интриг и неблагоприятной политической ситуации, ученый вынужден был уехать в США.

В 1949–1956 гг. по приглашению Р. О. Якобсона он работал гостевым лектором славистики в Гарвардском университете (Массачусетс, США). В Америке Чижевский чувствовал себя чужим. Его отношения с Якобсоном и руководством кафедры не сложились, поэтому, когда Чижевский получил приглашение возглавить отделение славистики в Гейдельберге, он вернулся в Германию. С 1956 по 1964 год возглавляет кафедру славистики в Гейдельбергском университете, читает курсы по философии и лингвистике в разных университетах.

В 1956–1977 гг. Чижевский возглавил созданный им Институт славистики в Гейдельберге (до 1967 г.). Также он работал профессором в Гейдельбергском, Франкфуртском (1964) и Кельнском университетах (1964–1977). Педагогическая деятельность была делом всей жизни ученого, при этом она была теснейшим образом связана с его научной работой. Лекции и семинары являлись непосредственными источниками научных трудов слависта. Курсы и темы семинаров поражают разнообразием и широтой охвата материала в преподавательской деятельности Чижевского [Чижевский, 2007, с. 723–766]. Он подготовил целый ряд специалистов и заложил перспективы развития немецкой славистики на ряд десятилетий вперед. Его монография «История русской литературы XIX века»

(том 1 — «Романтизм»; том 2 — «Реализм»), вышедшая в 1964–1967 гг., является одним из свидетельств того курса лекций, который он читал в эти годы в немецких университетах. Как писал Юрий Иваск¹, «Чижевский был суровым педагогом, некоторые даже говорят — слишком суровым. Но теперь, при всеобщем понижении академического уровня на всем Западе, иногда поневоле вздыхаешь по его суровости. Ведь явно не всех можно допускать до серьезной семинарской работы» [Чижевский, 2007, с. 494].

В 1960-е гг. работы ученого «приобретают мировую известность: в изданном к его 70-летию втором юбилейном сборнике “Orbis Scriptus” (1966) принимают участие гуманитарии почти всего мира, за исключением советских коллег. Он избирается председателем *Немецкого союза преподавателей славистики, действительным членом Гейдельбергской академии наук, а затем и Хорватской академии наук в Загребе*» [Чижевский, 2007, с. 9].

Умер Д. И. Чижевский в Гейдельберге 18 апреля 1977 г. В некрологе по случаю смерти ученого его друг Эрнст Бенц² писал: «Он был ученым необычно широкого диапазона научных исследований. Их предметом были литературы на всех славянских языках. В этой области он занимался славянской филологией во всем объеме: не только историей языка и грамматической структурой отдельных славянских языков, но и их литературными жанрами в различных областях прозы и поэзии, а также духовно-историческим значением различных славянских литератур, включая области философии и богословия, и различными слоями литературного выражения — высокой литературой, народной литературой, научной литературой, мистической и назидательной литературой» [Чижевский, 2007, с. 483].

Его ученики отмечали его «любящее и оценивающее сердце, которое в необъятно огромном царстве духа умело отличать ценное от никчемного, плевелы от пшеницы, смертельный яд от питательного хлеба и освежающего вина» (Л. Мюллер) [Чижевский, 2007, с. 485].

¹ Ю. П. Иваск (1907–1986) — поэт второй волны эмиграции, аспирант Д. И. Чижевского в Гарвардском университете (1952–1954).

² Э. Бенц (1907–1978) — протестантский священник, богослов и историк церкви, друг Чижевского.

Ростислав Плетнев³ писал о Чижевском: «Обладая огромной работоспособностью, Дмитрий Иванович был защитником духовности в человеке. <...> Наш ученый возмущался тем, что под словом «человек» — антропос стали разуметь наименее человеческое в человеке — его материальное бытие» [Чижевский, 2007, с. 490].

«История духа» Д. И. Чижевского

Д. И. Чижевский разработал оригинальный подход и методологию в сфере сравнительного славянского литературоведения. Он сам определял свой подход как «история духа». «Науки о духе» возникли в Германии на исходе XIX века. В частности, В. Дильтей в своих сочинениях подвел философскую базу, определив культуру как сферу выражения духовных и психологических переживаний человека. В немецкой гуманитарной науке этот подход получил широкое распространение. Чижевский разрабатывал свой вариант «истории духа» на ниве славяно-германской компаративистики. Его культурологическая модель включает в себя как историю русской мысли (упомянем, к примеру, его 2-томный труд “Russische Geistesgeschichte”, Hamburg, 1959, 1961), так и историю литературы (“Literaturgeschichte”). Есть у Чижевского и работы по исследованию проблем славянских языков и искусств. Ученого занимали противоречия бытования «литературного факта» в истории культуры. Он стремился выработать единый универсальный подход, который можно было бы соединять с различными методологиями в исследовании своеобразия художественных форм. Его задача была создать динамическую модель истории развития духа европейских, в частности славянских народов, воплощенную в истории национальной культуры. Чижевский впитал в себя опыт русской религиозной философии, он внимательно следил за достижениями советского литературоведения. В эмиграции его учителями были видные представители русской религиозной философии — Н. О. Лосский, В. В. Зеньковский, С. Л. Франк. Вместе с тем для него оказался важен опыт немецкой философии XIX–XX веков. Так он был страстным гегельянцем. Затем в эмиграции его учителями стали известные немецкие

³ Р. В. Плетнев (1903–1985) — славист, литературовед, исследователь творчества Достоевского, специалист по истории русской литературы. Плетнев был в дружеских отношениях с Чижевским со времен их сотрудничества в Семинарии А. Л. Бема.

философы Э. Гуссерль и Р. Кронер. «История духа» Чижевского соединяет в себе две традиции: традицию русской религиозной и немецкой философий. В своих историко-литературных работах ученый раскрывает онтологический смысл поэтики образа и духовные законы истории литературы [Тоичкина, 2024].

В. В. Янцен пишет о том, что «история духа» Чижевского является целостной моделью исторического бытия культуры [Янцен, 2008, с. 17–18]. Универсальность подхода Чижевского предопределена его увлечением Гегелем (укажем здесь на работы Чижевского, вышедшие в 1929 г.: «Гегель и французская революция», «Гегель и Ницше»). Но при этом ученый был сосредоточен на конкретных произведениях истории литературы. На это обращает внимание Н. С. Надъярных: «в центре, согласно феноменологическому принципу, — конкретное явление, имя, контекстуальное же их освещение способствует более четкому обнаружению ростков оригинального художественного сознания» [Надъярных, 2005, с. 91]. Чижевский соединяет универсализм Гегеля с феноменологическим методом Гуссерля. Для него было важно понятие «система» [Тоичкина, 2016, с. 140–152].

В «истории духа» Чижевского есть любимые персоналии, которым он посвятил значительную часть работ. К таким авторам относятся известный украинский философ Г. С. Сковорода (1722–1794), чешский религиозный мыслитель и педагог Я. А. Коменский (1592–1670). Особое место в научной деятельности слависта заняло изучение творчества таких писателей, как А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, Ф. И. Тютчев, Ф. М. Достоевский [Mnich, 2021, с. 247]. Работы, посвященные этим авторам, связаны между собой подходом и отдельно взятыми наблюдениями (см. авторитетные исследования специалистов [Янцен, 2008]; [Марченко, 2016]; [Мних, 2021]; [Надъярных, 2005]; [Валявко, 1997]; [Васильева, 2008], [Тоичкина, 2017]). Чижевский рассматривает творчество этих авторов в сложном диалоге с ведущими стилями их эпох (в частности, барокко, романтизма и реализма). Он обнаруживает целостность художника, анализируя духовный смысл тропов, фигур и символов, которые автор использует. Как пишет Иваск, «Дмитрий Иванович говорил, что он много дал бы за ключ к ритмам Гоголя, но вместе с тем ему импонировало то, что сложная гоголевская “музыка” ускользает от анализа. Ведь всякое истинное творчество не может быть полностью разъяснено. Чижевский знал: компьютеры тут не помогут» [Чижевский, 2007, с. 493].

Библиография Чижевского насчитывает около 900 единиц [Чижевский, 2007, с. 772–807], [Mnich, 2021, с. 473–572]. Она включает в себя статьи, заметки, монографии ученого на разные темы и по многим направлениям гуманитаристики. Но все его работы внутренне связаны тем «углом зрения», который позволял слависту исследовать духовный смысл жизни человека, воплощенный в мировоззрении и стиле различных эпох в истории культуры.

Ссылки

1. Валявко І. Осмислення філософії Григорія Сковороди в працях Дмитра Чижевського // Сковорода Григорій: образ мислителя. Київ: Інститут Філософії НАН України, 1997. С. 196–211.
2. Васильева М. А. А. Л. Бем, П. М. Бицилли, Д. И. Чижевский: Метод «мелких наблюдений» // А. Л. Бем и гуманитарные проекты русского зарубежья: международная конференция, посвященная 120-летию со дня рождения. 16–18 ноября 2006 г./ сост., науч. ред. М. А. Васильева. М.: Русский путь, 2008. С. 113–135.
3. Марченко О. В. FABULAE SELECTAE. М.: Асхань, 2016. 208 с.
4. Mnich R. «Рецептивная эстетика» Дмитрия Чижевского. Siedlce: Wydawnictwo Naukowe Instytutu Kultury Regionalnej I Badan Literackich im. Franciszka Karpińskiego, 2021. 588 с.
5. Надъярных Н. С. Дмитрий Чижевский. Единство смысла. М.: Наука, 2005. 366 с.
6. Тоичкина А. В. Понятия «система» в работах Д. И. Чижевского о Я. А. Коменском и Г. С. Сковороде // Поиск гармонии в мире хаоса: Ян Амос Коменский и современная философия образования: Материалы международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 3–4 июня 2015 г.) / ред. С. Марчукова, Р. Мних. СПб.: Петершуле, 2016. С. 140–152.
7. Тоичкина А. В. Сковорода, Коменский, Сведенборг и Достоевский в работах Д. И. Чижевского о мистиках // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. Т. 18. Вып. 2, 2017. С. 145–156.
8. Тоичкина А. В. Аксиологические основы метода Д. И. Чижевского в его работах о Г. С. Сковороде и Н. В. Гоголе // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2024. 2 (53). С. 234–241.
9. Чижевский Д. И. Избранное: в 3 т. Т. 1: Материалы к биографии (1894–1977) / сост., вступ. ст. В. Янцен; коммент. В. Янцена и др. М.: Библиотека-фонд «Русское Зарубежье»; Русский путь, 2007. 848 с.
10. Янцен В. В. Неизвестный Чижевский: обзор неопубликованных трудов. СПб.: Изд-во РХГА. 2008. 162 с.

2.2. Д. И. Чижевский о России и Европе

Е. А. Фёдорова

Дмитрий Иванович Чижевский не просто ученый-славист, он является учеником Н. О. Лосского, В. В. Зеньковского, Г. И. Челпанова, а также Э. Гуссерля, К. Ясперса, Г. Риккерта, Р. Кронера, М. Хайдеггера [Ермичев, с. 170]. Главной интенцией русской духовности Чижевский считал «онтологизм». Из триединства диалектики, онтологизма и символизма, по его мнению, может произрасти достойное русской истории философское будущее, вероятно, на путях соединения диалектики и феноменологии [Ермичев, с. 176]. Вопрос о бытии, считает Чижевский, в русской философии понимается как вопрос о человеческом бытии [Чижевский, 2002, с. 184]. Онтологизм он обнаруживает в центральной идее Федорова о «воскресении умерших», символизм — почти в духе Шеллинга и немецких романтиков — у Лосева [Чижевский, 2002, с. 184–185]. Но противопоставление западничества и славянофильства в русской философской мысли после Достоевского, по мнению Чижевского, невозможно, поскольку Достоевский вышел на уровень синтеза, и в его «русской идее» произошло объединение и примирение односторонних национальных идей [Чижевский, 2002, с. 178].

Прот. В. В. Зеньковский в своих воспоминаниях сетовал по поводу того, что Д. И. Чижевский, будучи одним из талантливейших студентов философского семинара Киевского университета, где преподавал сам Зеньковский до 1917 года, не состоялся как философ. «Филологическая стихия, очень яркая в нем (ср. его первоначальные этюды о Гоголе), помешала его философскому творчеству», — делает вывод Зеньковский [Чижевский, 2007, с. 245].

Если даже согласиться с этим мнением, то очевидно, что исследование истории русской литературы позволило Чижевскому подойти к осмыслению философии истории России, поскольку в древнерусской словесности с самого начала существования уже проявляла себя историософская мысль (см. «Слово о Законе и Благодати» и др.).

В своей работе «На темы философии истории» (1925) Чижевский утверждает, что каждый народ имеет свою судьбу, в которой выражается «надчеловеческое» и «наиндивидуальное» в истории [Чижевский, 2009, с. 474–475]. Внезапное изменение судьбы народа,

по мнению Чижевского, может произойти под действием Благодати, которая является «силой, которая разбивает, прорывает тесный круг исторической необходимости — силы традиции, прошлого и судьбы» [Чижевский, 2009, с. 476–477]. На этот «прорыв» можно надеяться, но его невозможно предсказать наверняка. Поэтому историческое сознание должно быть не оптимистичным, а трагическим, ведь человек не совершенное существо, в котором все гармонично. В историческом движении не может быть гарантий, считает Чижевский. Но если нет постоянной живой воли, в сознании трагизма исторических перспектив, если нет движения, то судьба народа «неподвижно окаменевают». Поэтому необходимо «брать на себя вину, чтобы, может быть, и достичь цели, идти на риск, чтобы получить надежду на победу» [Чижевский, 2009, с. 478].

В своей рецензии на работу Чижевского «Гегель у славян» (1934) С. Л. Франк обращает внимание на то, что Чижевский утверждал особое значение философии Гегеля в России. В связи с гегелевской философией, по его мнению, просыпается русская мысль, происходит ее разделение на отдельные направления, в страстной борьбе с философией Гегеля пробуждается самосознание в русской философской мысли [Чижевский, Избранное: в 3 т., с. 688–689]. Франк соглашается с Чижевским в том, что Гегель не оказал влияния на Достоевского, но утверждает, что для обоих мыслителей, немецкого и русского, «идея является укорененной в онтологической закономерности мысли потенцией, действующей в жизни человечества в качестве мощной космической силы, причем непосредственные душевные события образуют своего рода медиум и инструмент для непреложного диалектического развертывания идеальных сил» [Чижевский, Избранное: в 3 т., с. 689]. Различие между Гегелем и Достоевским Франк видел в том, что у Гегеля главная тема — это судьбы народов, а у Достоевского — трагедия конкретной личности как носителя идеи [Чижевский, Избранное: в 3 т., с. 689].

В работе «Достоевский и западноевропейская философия» (1931) Чижевский называет Достоевского тем мыслителем, который «разрушил стену между русской мыслью и европейской» [Чижевский, 2010, с. 264]. Влияние Гегеля на Достоевского, по его мнению, могло осуществляться через мироощущение петрашевцев [Чижевский, 2010, с. 265]. О Гегеле Достоевский беседовал с А. Суловой, Н. Н. Страховым, В. С. Соловьевым [Чижевский, 2010, с. 266]. По мнению Чижевского,

в критике «рационалистического» взгляда на мир, в отрицании примата логических элементов сущности человека Достоевский идет тем же путем, что и западноевропейские критики немецкого идеализма — Кант, Гегель, затем Ницше [Чижевский, 2010, с. 272].

Рассмотрим работу Д. И. Чижевского «Гегель в России» (1939) с точки зрения влияния на творчество Достоевского философии Гегеля и предвосхищение в произведениях великого русского писателя идей Ницше. Чижевский относил к представителям «почвенничества» как своеобразной форме гегельянства Ф. М. Достоевского, Ап. Григорьева и Н. Н. Страхова. Николай Николаевич Страхов (1828–1896), по мнению исследователя, был наиболее системным последователем Гегеля. О значении Гегеля Страхов писал в 1860–70-х гг. в своих статьях [Чижевский, 2007, с. 304–305]. Гегельянство рассматривалось Страховым как «связная, стройная система необычайной глубины и высоты» [Чижевский, 2007, с. 305]. Признавая главным достижением Гегеля его «Логику», Страхов соглашался с ограничением сферы значения философии Гегеля Хомяковым [Чижевский, 2007, с. 306]. Страхов видел Гегеля как звено в цепи развития немецкого идеализма — от Канта к позднему Шеллингу [Чижевский, 2007, с. 307].

Самое главное достижение Гегеля у Страхова, по мнению Чижевского, состоит в представлении «об историческом развитии как о смене ряда образов духа, ряду служащих духу народов» [Чижевский, 2007, с. 308]. По мнению мыслителя, в русской традиции обычно недооценивалась религиозная составляющая философии Гегеля, на что обратил внимание Страхов [Чижевский, 2007, с. 309].

Чижевский полагает, что «эвклидовский разум» Ивана Карамазова Достоевский заимствовал из полемики Страхова с русскими «спиритами» (в черновике романа «Братья Карамазовы» черт ссылался на «философию Страхова») [Чижевский, 2007, с. 309].

Фейербаха, из философии которого вырзела философия Ницше, Страхов относил к левому крылу гегельянства. Чижевский утверждает, что Страхов предрек появление идей Ницше и считал, что мысли о сверхчеловеке и идея «вечного возвращения» относятся к глубоким идеям [Чижевский, 2007, с. 318–319]. Но если Страхов думал, что идея сверхчеловека выступит в биологическом аспекте, то Достоевский выдвинул на первый план интеллектуальные и этические стороны «сверхчеловечества» [Чижевский, 2007, с. 319].

Учение о «вечном возвращении», по мнению Чижевского, имеет своим источником античную традицию [Чижевский, 2007, с. 320]. Любопытно, что Чижевский упоминает «шлиссельбуржца» Н. А. Морозова, который в 1870-е годы развил натуралистическое учение о вечной повторяемости событий в мире [Чижевский, 2007, с. 321].

«Русское просвещение» 1860-х годов Чижевский воспринимает как «глубокий социальный радикализм», логическую форму, которая опирается на убеждение в совершенной «одноэтажности» бытия: «высшие сферы бытия выводятся из низших» [Чижевский, 2007, с. 281]. Антиисторический характер русского просвещения Чижевский видит в том, что прошлое и настоящее для русских мыслителей заменено их собственными конструкциями [Чижевский, 2007, с. 282].

Ссылки

1. Ермичев А. А. Предваряя рубрику // Россия и современный мир. 2002. № 1 (34). С. 170–176.
2. Чижевский Д. И. Гегель в России. СПб.: Наука, 2007. 411 с.
3. Чижевский Д. И. Достоевский и западноевропейская философия / публ. А. В. Тоичкиной // Достоевский и мировая культура. 2010. № 27. С. 264–272.
4. Чижевский Д. И. Избранное: в 3 т. Т. 1: Материалы к биографии (1894–1977) / сост., вст. ст. В. Янцева; коммент. В. Янцева. М.: Русское Зарубежье; Русский путь, 2007. 848 с.
5. Чижевский Д. И. На темы философии истории [1925] // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 2006–2007 год / под ред. М. А. Колерова и Н. С. Плотникова. М.: Модест Колеров, 2009. С. 469–479.
6. Чижевский Д. И. Современная русская философия / публ. А. А. Ермичева // Россия и современный мир. 2002. № 1 (34). С. 177–185.

2.3. Д. И. Чижевский о Страхове и Достоевском

А. В. Тоичкина

Д. И. Чижевский высоко оценивал деятельность и научное наследие Н. Н. Страхова (1828–1896). Ученый всячески продвигал тезис о значении страховских сочинений для истории русской философии и литературы. Работы Чижевского о Страхове непосредственно связаны с исследованием творчества Ф. М. Достоевского. Рассматривая отношения Достоевского и Страхова, Чижевский

неоднократно отмечал, что Страхов на протяжении ряда лет был «философским информатором» писателя [Чижевский, 2007, с. 302], что, несмотря на многие личные несогласия, они составляли единый лагерь в идеологической борьбе своего времени, в частности в сражениях с просвещенцами. Для них обоих главный вопрос — вопрос о ценности человеческой личности — был непосредственно связан с вопросом о вере в Бога. Напряженный диалог и общение со Страховым, по наблюдениям Чижевского, являются одним из важных источников произведений Достоевского⁴.

Круг работ Чижевского о Страхове невелик, но занимает знаковое место в ряду его исследований творчества Достоевского⁵. Кроме того, идеи, сформулированные в этих работах, важны для понимания подхода и метода Чижевского. Упомянем следующие статьи. В 1936 году во втором томе сборника памяти Николая Осипова «Жизнь и смерть» (под редакцией Альфреда Бема) Чижевский публикует статью «К проблеме бессмертия у Достоевского. (Страхов — Достоевский — Ницше)»⁶. Предваряют эту статью три небольшие работы, в которых рассматриваются разные аспекты этой темы. Вышли эти заметки в известном издании Фасмера “Zetschrift für slavische Philologie”: “Der Teufel Ivan Karamazovs und N. N. Strachov” [Tchizewsky, 1933a], “Die Philosophie Ivan Karamazovs und Strachov” [Tchizewsky, 1933b], “Dostojewskij und Strachov” [Tchizewsky, 1936]⁷. В 1939 году Чижевский издает на русском языке монографию «Гегель в России»⁸, в которой целая глава посвящена Н. Н. Страхову. Сюжет Достоевского — Страхова — Ницше в этой главе также вполне обозначен.

В 1946–1947 годах появляются два варианта брошюры Чижевского о Достоевском и Ницше: “Strachov — Dostojewskij — Nietzsche (Bemerkungen zum Problem der Beziehungen Nietzsches zu Dostojewskij)” (1946) и “Dostojewskij und Nietzsche. Die Lehre von der ewigen

⁴ У нас об этом писал в свое время и А. С. Долинин в известной статье «Достоевский и Страхов» [Долинин, 1989, с. 234–270].

⁵ Всего Чижевский посвятил Достоевскому 36 статей и 12 рецензий.

⁶ См. мою библиографию работ Чижевского о Достоевском: [Тоичкина, 2010, с. 53–57].

⁷ См. мою публикацию переводов этих заметок на русский язык: [Чижевский, 2014, с. 104–115].

⁸ Немецкий вариант текста вышел в 1934 году.

Wiederkunft” (1947) [Tchizewsky, 1947]⁹. Первый вариант Чижевский распечатал в 25 экземплярах на печатной машинке, второй ему удалось издать в серии “Deus et Anima”. Эти две немецкие работы являются расширенными вариантами русскоязычной статьи «К проблеме бессмертия» 1936 года [Чижевский, 1936]. Наиболее полным и законченным является последний немецкий вариант 1947 года. Различия в текстах немецкой и русской редакций состоят в том, что в варианте 1947 года изменено название и добавлена первая главка, несколько изменены абзацы, введен еще один абзац (с кратким изложением биографии Страхова)¹⁰, обновлен аппарат ссылок.

Еще одно обращение к теме Достоевского и Страхова мы найдем в известном труде Д. И. Чижевского “Russland zwischen Ost und West. Russische Geistesgeschichte II. 18–20. Jahrhundert”, который вышел в 1961 г. [Tschizewskij, 1961a, с. 100–103]. В этом же году под редакцией Чижевского вышло второе издание тома «Гегель у славян» (“Hegel bei den Slaven”) с немецким вариантом текста брошюры Чижевского «Гегель в России» (по сравнению с русским изданием в немецком расширены параграфы про И. А. Ильина и А. Ф. Лосева [Tschizewskij, 1961b, с. 360–370]).

В этих работах Чижевский рассматривает один и тот же круг тем и идей, которые непосредственно восходят к философии Гегеля. Это темы просвещения и просвещенчества, центрального положения человека в мире (в природе и истории) и «высшего человека» (или «сверхчеловека»), «эвклидова ума» (рациональной логики), «вечного повторения», «геологического переворота» и диалектики («необходимого минуса»). Чижевский рассматривает «обертонны смыслов», которые приобретают эти темы в философских трудах Страхова и в творчестве Достоевского (от повести «Двойник» к «Братьям Карамазовым»)¹¹. Тема Страхова и Достоевского

⁹ См. мою публикацию перевода этой статьи: [Чижевский, 2012].

¹⁰ Владимир Янцен объясняет возникновение второго варианта текста тем, что на снятии фамилии Страхова с обложки настаивал Владимир Шилкарский, издавший брошюру в своей научно-популярной немецкой серии (аргументация: «Страхова в Германии никто не знает — это конечно лишний серьезный повод говорить о нем *в тексте*, но не упоминать его в заглавии»). См.: [Янцен, 2008, с. 138–139].

¹¹ См. работы: [Тоичкина, 2011a], [Тоичкина, 2011b], [Тоичкина, 2012], [Тоичкина, 2013].

в трудах Чижевского соотносится с философскими трудами Ницше, но восходит, безусловно, к Гегелю.

Гегель — одна из центральных фигур в истории европейской философии и культуры XIX–XX веков. Страхов был гегельянцем и посвятил Гегелевой философии ряд своих статей. Достоевский интересовался Гегелем, о чем существует ряд свидетельств современников. Но и сам Чижевский тоже был гегельянцем. И для того, чтобы оценить вклад ученого в мировую славистику (его подход, который он сам обозначал как «история духа»), необходимо, по крайней мере, указать на ключевые моменты в его понимании философии Гегеля.

Для Чижевского Гегель — «колоссальная фигура». Но существующие трактовки его философии по Чижевскому — это «воображаемый», а не подлинный Гегель. Как пишет И. И. Евлампиев, «<...> в XIX в. Гегеля понимали очень по-разному, это проявлялось в борьбе двух школ его идейных наследников. Левые гегельянцы утверждали, что под оболочкой религиозной философии Гегеля скрыт атеизм, предполагающий замещение Бога человеком. Правые гегельянцы, напротив, выдвигали на первый план религиозный аспект философии Гегеля, его представление о господстве в истории и в человеческом обществе Абсолютного Духа, который являлся “видоизменением” традиционного представления о Боге» [Евлампиев, 2017, с. 326]. В 1910 г. Виндельбрант выступил с речью о возрождении гегельянства (“Wiedergeburt des Hegelianismus”). И связано это выступление было с новым этапом изучения Гегеля в европейской философии. В русской философии Гегель тоже оказался востребованным. Так событием стала книга И. А. Ильина «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека» (1918). Чижевский книгу Ильина оценивал неоднозначно. Так он писал, что в книге Ильина «дано чрезвычайно интересное истолкование “Философии” Гегеля как учения о конкретности бытия. Это истолкование обозначает в общем и целом понимание Гегеля как идеал-реалиста и интуитивиста». Но при этом Чижевский констатирует, что «Ильин не гегельянец; из системы Гегеля он устраняет схематику диалектического построения как случайный элемент системы; он вскрывает целый ряд не преодоленных Гегелем трудностей» [Чижевский, 2007, с. 382]. В целом Чижевский видел задачу современной ему философии в создании работы, «долженствующей

показать Гегеля во весь его действительный рост» [Чижевский, 2005, с. 220]. Собственно о Гегеле ученым написано немного работ. В частности, это статьи «Гегель и французская революция» и «Гегель и Ницше» (обе вышли в 1929 г.). Определяющей для научных интересов Чижевского была тема «Гегель у славян» (и один из аспектов этой темы — «Гегель в России»). Эта тема проходит через всю научную биографию ученого. Работы о Гегеле, конечно, не только дают определенный материал для оценки восприятия Чижевским Гегеля, но и важны для анализа историософских оснований подхода и методологии ученого. Помимо указанных работ, Чижевский написал ряд рецензий на книги, посвященные философии Гегеля.

Статьи о Гегеле 1929 года составляют концептуальное единство. Чижевский в них рассматривает важные для его методологии положения. В статье «Гегель и французская революция» он анализирует соотношение исторического факта и философских умозрений в системе Гегеля, т. е. «судьбу образа французской революции в теоретических работах Гегеля». Чижевский в статье показывает, «что этот образ с самого начала связан у Гегеля с двумя соседствующими — Просвещением и Наполеоном, что Гегелю в разные периоды его жизни эти три образа представлялись очень разными и, в частности, менялась их оценка.<...> Французская революция явилась самым сильным *переживанием* Гегеля и, как видно из роли развития образа Революции в его ранних произведениях, была самой первой, непосредственно данной представительницей логической категории *отрицания*. Двойственность идеи и силы, «революционной мысли» и революционного поступка, теоретического отрицания и реально-го уничтожения Гегель *видел* в революции» [Чижевский, 2005, с. 336]¹². Чижевский констатирует «онтологизацию» всей системы Гегеля в его все возрастающем стремлении исследовать не только смысл, идеальную сторону бытия, но и сами реальные связи и отношения. «Диалектика становится из диалектики полярного движения диалектикой линейного перехода — не через пропасть, которая разделяет утверждение и отрицание, а между соседними и лишь противоположными по содержанию явлениями реальности. <...> Диалектика Гегеля — это “свободная система”, ни один конкретный образ в ней не занимает определенного, твердо закрепленного места, —

¹² Перевод с украинского мой. — А. Т.

смысл ни одного исторического, ни одного реального явления не открывается только с одной стороны, только в одной плоскости. “Конкретность” — это значит тоже многогранность и многовидность» [Чижевский, 2005, с. 337]. Такое понимание диалектики Чижевский положит в основание своей культурологической системы — «истории духа»¹³. Сравнительная история славянских литератур будет строиться как динамическая модель, развивающаяся путем чередования историко-культурных эпох по принципу «теории волн» (от Античности до Модернизма). Теория отрицания Гегеля методологически будет задействована исследователем на разных уровнях. Для Чижевского отрицание — значимая категория, ибо оно «может быть и весьма содержательно богатым и многосторонним», когда доходит «до внутреннего расчленения и до самораскрытия» [Чижевский, 2007, с. 280]. Не случайно в конце жизни Чижевский еще раз вернется к вопросу о типах отрицания у Гегеля [Tschizewskij, 1975, с. 475–476]. Специфические виды отрицания он находил в философии Ницше и творчестве Достоевского.

В статье «Гегель и Ницше» Чижевский подводит теоретическую базу и в плане своего подхода, и в плане разработки темы Достоевского и Страхова. Его концепция Просвещения строится на «Феноменологии духа» Гегеля, но рассматривается в перспективе положений Ницше. Чижевский сам констатирует принципиальные различия между философами: «Что касается философских идей, то Гегеля можно назвать “конструктором систем”. Ницше при этом является выразителем “философии жизни”, которая не признает никакой систематизации и обретает соответствующую форму воплощения лишь в афоризме; Гегель — “рационалист”, “панлогист”; философия Ницше — иррациональная, релятивистская <...>; Гегель — философ протестантизма, Ницше — воинственный атеист и “антихристианин”. Сыновья одного века, они своей противоположностью были как будто призваны выявить всю широту диапазона философской

¹³ Так Д. И. Чижевский в известной ответной речи на поздравление его с 70-летием Ф. Степуна сказал следующее: «Приехав впервые 13 мая 1921 года в Гейдельберг, я составил список своих предполагаемых исследований. К настоящему времени почти все из него опубликовано» [Янцен, 2007, с. 467]. Это высказывание, безусловно, не исключает момента развития и становления ученого, но указывает на специфику эволюции Д. И. Чижевского, предопределенность «планом» его научных исследований и созданной им «истории духа».

мысли целого столетия» [Tchijewsky, 1929, с. 321]¹⁴. И, тем не менее, для Чижевского важно подвести теоретическую базу под идею преемственности: «Мы же придерживаемся той точки зрения, что Ницше кровно связан с “немецким идеализмом” в целом и с философией Гегеля в частности» [Tchijewsky, 1929, с. 322–323]. Отдельно выделяет он вопросы о «диалектике» и «релятивизме», и об иерархии человеческих типов. Чижевский видит у Ницше «материализацию диалектики», которая «уже подается не как теория логических противоречий, а как теория эволюции *во времени*» [Tchijewsky, 1929, с. 328]. Речь идет об идее становления во времени (у Гегеля — «движение» идей вне времени). «Релятивизм» Ницше оказывается важен для Чижевского и его «истории духа». В частности, идея, что «каждой эпохе свойственна своя истина, своя логика, своя философия» стала определяющей для концепции историко-культурных эпох. «В истории противоположные истины бьются одна против другой» [Tchijewsky, 1929, с. 328]. Этот принцип заложен в теории волн: каждая последующая историко-культурная эпоха отрицает предыдущую. У Гегеля же любая конкретная истина становится абсолютной. В то время как по Ницше все относительные истины заканчивают тем, что выявляют свой ошибочный характер. Для Гегеля история идей — это «Пантеон Духа», для Ницше — она «ряд ошибок и безумств; пройдя через бесконечные временные пространства, разум не создал ничего, кроме ошибок» [Tchijewsky, 1929, с. 329]. Чижевский констатирует принципиальные различия между релятивизмом Гегеля и Ницше. В вопросе же иерархии человеческих типов, как он пишет, «Ницше ближе всего подходит к немецкому идеализму, в частности, к Гегелю» [Tchijewsky, 1929, с. 330].

Далее Чижевский рассматривает проблему сверхчеловека (“Übermensch”). С его точки зрения концепция Ницше вырастает из этической проблематики немецкого идеализма, в частности, поиска морального идеала в конкретном, в высшем человеческом типе в противовес человеческой посредственности. «Проблема этики выдвигается Ницше как задание “поднять” человека над современным типом, “превзойти” человека, превзойти ее не ради идеала, который находится вне- и над- реальным миром, а заради “высшего” типа человека» [Tchijewsky, 1929, с. 330–331]. Сам термин “Übermensch”,

¹⁴ Перевод с французского мой — А. Т.

по наблюдениям Чижевского, был употреблен в философском понимании именно в гегельянстве. Ученый показывает родство гегелевского понимания «морального идеала»: «Гегель выявил абстрактный и “пустой” характер моральных правил, отсутствие в них позитивного содержания. Как и Гегель, Ницше объясняет немощность морали, одной и той же “для всех”, выдумывая “схематического человека”, представляемого. В то время как Гегель, чтоб наполнить абстрактные формы реальным содержанием, прибегает к идее Бога, Ницше, вслед за Фейербахом, взывает к “потребности”» [Tchijewsky, 1929, с. 336]. Соответственно Ницше противопоставляет «сверхчеловека» как человеческий тип, современному человеку и «человеку прошлого». Метафоры Ницше выражают ту же мысль силы и онтологической стабильности, он характеризует человека «вершинного», «сильного», «могучего», с «чувством земли», с «целью» запросов, «сверхприродного», — почти к таким же терминам прибегает Гегель — «сила» и «другая природа» [Tchijewsky, 1929, с. 337]. Гегеля и Ницше, — протестантскую теологию и «антихристианское» безбожие — разделяет бездна. Но при всех этих колоссальных различиях, сравнивая Гегеля и Ницше, Чижевский показывает, как левое гегельянство смыкается с философией Ницше. Эта концепция Чижевского важна для понимания его работ о Достоевском, Страхове и Ницше, в которых он рассматривает проблему бессмертия, «высшего человека», «вечного повторения», исходя из своих философских разработок.

Круг работ Чижевского о Страхове и Достоевском является только одним направлением в разработанной ученым истории славяно-германских литератур. «История духа» Чижевского, как междисциплинарный подход к исследованию в сравнительном аспекте духовной истории славян, в плане источников характеризуется синтезом философских традиций. Этот подход глубоко философичен и теоретичен. И. В. Валявко пишет, что Чижевский «в целом принимает гегелевскую концепцию развития философии, с ее основными тезисами: каждая философская система является лишь шагом в постижении Абсолюта; философия отражает в себе изменения, происходящие во всех сферах культуры; процесс развития философии является движением через противоположности». Но в эту концепцию ученый включает аспект национальности, которая, «согласно его убеждению, оказывает существенное влияние

на «структурные элементы» философских идей» [Валявко, 2015, с. 101]. В 1920–1930-е гг. Чижевский пытался теоретически решить противоречие между гегелевской философией Абсолюта и характером национальной истории литературы и философии (упомянем его «Нариси з історії філософії на Україні»). В 1950–1960-е гг. в рамках его монографий, посвященных историям славянских литератур, ему удалось соединить гегелевскую концепцию с опытом феноменологии Гуссерля.

Чижевский создавал свою «историю духа» на стыке разных подходов. С одной стороны, он опирался на немецкую традицию. Так, «история духа» как культурологическая модель восходит к философии Дильтея. Выше мы говорили о значении Гегеля для Чижевского. У Ницше он заимствовал идею становления и теорию символа, у Гуссерля — метод феноменологии. Чижевский прошел через опыт «фундаментальной онтологии» Хайдеггера. Его учителями были Р. Кронер и К. Ясперс. С другой стороны, Чижевский принадлежал к плеяде русских религиозных философов, и среди его учителей были Н. О. Лосский, В. В. Зеньковский, С. Л. Франк. Он на протяжении своей жизни находился в эпицентре религиозно-философской и литературоведческой жизни эмиграции, участвовал в Пражском семинарии А. Л. Бема, в Пражском лингвистическом кружке, в семинаре «Поэтика и Герменевтика», в международных съездах славистов. Именно синтетический характер «истории духа» Чижевского как подход к изучению сравнительной истории славянских литератур предопределил его сложность и многоаспектность. Так, в плане методологии Чижевский объединяет диалектику и феноменологию, при этом используя инструменты конкретных филологических школ (например, формализма). Чижевским написано около 900 работ. Так, в последней библиографии его работ, собранной и опубликованной Романом Мнихом, указывается 894 позиции [Мних, 2021, с. 473–588]. И это тоже не полная библиография трудов ученого. Огромная работа, проделанная Чижевским по изучению славянских литератур, с трудом поддается систематическому анализу. Тем не менее мы можем, с опорой на оценку Гегеля Чижевским, обозначить определяющие направления. В частности, принципиально важным является для Чижевского вопрос о немецком влиянии на славянские литературы. Немецкое влияние в истории культуры рассматривается им как проникновение в национальные славянские литературы немецкой

мистики. Для него и философия Гегеля важна как систематическое философское осмысление протестантской теологии. В его концепции мистицизм (речь идет об истории немецкой мистики) рассматривается как особая форма мышления [Погорілий, 1999], которое стремится познать бытие в реальном и трансцендентном измерениях¹⁵. Законы религиозной жизни по Чижевскому надконфессиональны и наднациональны. И это направление анализа приводит к тому, что Чижевский прочитывает сравнительную историю славянских литератур как мистерию Духа, как историю личных отношений с Богом таких видных представителей славянских народов, как Сковорода, Коменский, Гоголь и Достоевский (национальная культура как воплощение Божьего глагола, как диалог народа с Богом). И в этой истории Гегель для него важен как проводник, который перевел на язык философской систематики («чистой философии») свои собственные интуитивные откровения Абсолютного Духа, предложив уникальную методологию познания. Следуя за Гегелем, Чижевский видел свою задачу в том, чтобы создать такой подход, который позволил бы нейтрализовать различие между исследователем и внешним предметом его познания, описать Абсолют как единство действительности, охватывающей в себе все противоположности. Этот подход и метод оригинальным образом был воплощен Чижевским в его «истории духа» на материале славяно-германской компаративистики.

Ссылки

1. Валявко И. В. Дмитрий Иванович Чижевский и его исследования по истории философии (к 120-летию со дня рождения) // Философский журнал. 2015. Т. 8. № 1. С. 95–106.
2. Долинин А. С. Достоевский и другие. Л.: Художественная литература; Ленинградское отделение, 1989. 480 с.
3. Евлампиев И. И. Русская философия в европейском контексте. СПб.: Изд-во РХГА, 2017. 468 с.
4. Mnich R. «Рецептивная Эстетика» Дмитрия Чижевского. Siedlce: ELPIL, 2021. 588 с.
5. Погорілий А. О. Дмитро Чижевський як історик філософії: автореф. дис. ... канд. філософ. наук. Київ, 1999. 15 с.

¹⁵ «Ум рефлексивный, интуитивно-спекулятивный, диалектический является высшим уровнем интеллектуального постижения, поскольку воплощает в себе трансцендентальное сознание» [Погорілий, Лісовий, 2008,с. 504].

6. Погорілий А. О., Лісовий В. С. Д. Чижевський: філософські дослідження // Історія української філософії. Київ: «Академвидавництво», 2008. С. 501–523.
7. Тоичкина А. В. Достоевский, Страхов, Ницше в «истории духа» Д. И. Чижевского // Вестник Русской христианской гуманитарной академии 2012. № 13 (2). С. 145–153.
8. Тоичкина А. В. «И как пишет критик Страхов...» (Тема спиритизма в публицистике Ф. М. Достоевского, Н. Н. Стрхова и в романе «Братья Карамазовы») // Достоевский и журнализм / под ред. В. Н. Захарова, К. А. Степаняна, Б. Н. Тихомирова. “Dostoevsky Monographs”. Вып. 4. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 299–315.
9. Тоичкина 2011а — Тоичкина А. В. Философия Ницше в «истории духа» Д. И. Чижевского // Wspolczesna Komparatystyka w wymiarze hermeneutycznym. Colloquia Literaria Sedlcensia. Studia Minora. Volumen III. Siedlce, 2011. S. 43–48.
10. Тоичкина 2011б — Тоичкина А. В. Концепция просвещения в работах Д. И. Чижевского о Достоевском // Вестник РХГА. 2011. № 12. Вып. 3. С. 199–208.
11. Чижевский Д. К проблеме бессмертия у Достоевского (Страхов — Достоевский — Ницше) // Жизнь и смерть. Сборник памяти д-ра Николая Евграфовича Осипова под редакцией А. Л. Бема, Ф. Н. Досужкова и Н. О. Лосского. Т. 2. Прага, 1936. С. 26–38.
12. Чижевский Д. Richard Kroner. Vom Kant bis Hegel, Bd. I. Von der Vernunftkritik zur Naturphilosophie. Tüb. 1921. Стр. 612 // Логос: Международный ежегодник по философии культуры. 1925. Кн. 1. — репр. изд. М.: Территория будущего, 2005. С. 219–225.
13. Чижевский Д. И. Гегель в России. СПб.: Наука, 2007. 409[1] с.
14. Чижевский Д. И. Шиллер и «Братья Карамазовы» (вступ. статья: А. В. Тоичкиной, В. В. Янцен; перевод: С. П. Кравца, В. В. Янцена; библиография: А. В. Тоичкиной (при содействии Р. В. Мниха) // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 19. СПб.: Наука, 2010. С. 14–55.
15. Чижевский Д. И. Достоевский и Ницше. К учению о вечном возвращении (1947) // Вестник РХГА. 2012. Т. 13. Вып. 2. С. 132–144.
16. Чижевский Д. И. Черт Ивана Карамазова и Н. Н. Страхов / пер. М. Кармановой, публ. и коммент. А. В. Тоичкиной // Вопросы философии. 2014. № 5. С. 110–115.
17. Чижевський Д. Гегель і французька революція (До біографії та історії філософського розвитку Гегеля // Наукові Записки Українського Педагогічного Інституту у Празі. 1929. № 1. С. 469–504.
18. Чижевський Д. Філософські твори у чотирьох томах. Київ: «Смолюскіп», 2005. Т. 4. 512 с.

19. Tchijewsky D. Hegel et Nietzsche // Revue d'Histoire de la Philosophie. 1929. No. 3. P. 321–347.
20. Čyževskij 1933a — Čyževskij D. Literarische Lesefrüchte II: (10) Der Teufel Ivan Karamazovs und N. N. Strachov // Zeitschrift für slavische Philologie. 1933. X (¾). S. 388–390.
21. Čyževskij 1933b — Čyževskij D. Literarische Lesefrüchte II: (11) Die Philosophie Ivan Karamazovs und Strachov // Zeitschrift für slavische Philologie. 1933. X (¾). S. 395–396.
22. Čyževskij D. Literarische Lesefrüchte IV: (37) Dostojevskij und Strachov // Zeitschrift für slavische Philologie XIII (1/2), 1936. XIII (1/2). S. 70–72.
23. Tschizewskij D. Dostojevskij und Nietzsche. Die Lehre von der ewigen Wiederkunft. Kleine Schriften aus der Sammlung “Deus et anima“. 1. Schriftenreihe. 1947. Bd. 6. 16 s.
24. Tschizewskij 1961a — Tschizewskij D. Dostoevskij und die “Bodenständigkeit“ // Russland zwischen Ost und West. Russische Geistesgeschichte II. 18–20. Jahrhundert. Hamburg, 1961. S. 100–103.
25. Tschizewskij 1961b — Hegel bei den Slaven. Hrsg. von D. Tschizewskij. Hermann Gentner Verlag Bad Homburg vor der Höhe, 1961. 487 s.
26. Tschizewskij D. Typen der Hegelschen Negation // Poetik und Hermeneutik. 1975. Bd. 6. München, 1975. S. 475–476.
27. Янцен 2007 — Д. И. Чижевский. Материалы к биографии (1894–1977) / сост., вступ. ст. В. В. Янцена; коммент. В. В. Янцена и др. М.: Библиофонд «Русское Зарубежье»-Русский путь, 2007. 848 с.
28. Янцен В. В. Неизвестный Чижевский. Обзор неопубликованных трудов. СПб.: РХГА, 2008. 162 с.

2.4. Понятие стиля в исследованиях Д. И. Чижевского. Творчество А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского

А. В. Тоичкина

Д. И. Чижевский разработал свой подход в области исследования истории литературы. Так, он рассматривал истории славянских литератур в контексте общеевропейского процесса смены историко-культурных эпох, каждая из которых создавала свой неповторимый стиль. Чижевский описывал историю культуры, используя «теорию культурных волн» (в истории литературоведения она и упоминается зачастую под условным, конечно же, названием «маятника Чижевского»). Схема развития изображается в виде волны, каждая

культурно-историческая эпоха и ее стиль обозначены пиком волны: Античность, Средневековье, Возрождение, Барокко, Классицизм, Романтизм, Реализм, Модернизм (неоромантизм). Сам Чижевский неоднократно указывал на то, что этой теорией можно пользоваться с большим количеством оговорок в отношении конкретных фактов истории культуры, творческих миров значительных авторов, их произведений, событий истории культур конкретных наций (в частности, славянских)¹⁶. Обосновывал он также и диалектический характер смены одной эпохи другой: каждая последующая эпоха идеологически и стилистически отрицает предыдущую. И каждая новая эпоха оглядывается назад, через голову отрицаемой предшественницы обращается к родственной эпохе в истории. Так, к примеру, романтизм, отрицая классицизм, обращается к эстетике и религиозным верованиям эпох барокко и средневековья, а реализм, отрицая романтизм, использует философию и эстетику классицизма, возрождения и античности. Чижевский пришел к выводу, что история культуры представляет собой в целом диалектическое взаимодействие двух типов стилей, один из которых тяготеет к ясности, простоте, гармоничности форм и композиции, другой — к сложности, витиеватости и избытку стилистических украшений. Конечно же, теория «историко-литературных эпох» широко использовалась и отечественными специалистами (правда, по политическим причинам, без ссылок на работы Д. И. Чижевского), такими, к примеру, как В. М. Жирмунский, Д. С. Лихачев или А. В. Михайлов и др. Но принципиальное отличие исследований Д. И. Чижевского состояло в подходе к изучению развития истории национальной культуры как к воплощению духовных, религиозных, философских исканий данного народа. Так, например, эпоху романтизма он изучал сквозь призму соотношения эстетического канона эпохи и стиля конкретного автора. В работах, посвященных творчеству писателей эпохи романтизма, славист систематизировал и описывал аспекты, характерные для религиозно-философских представлений и поэтики романтизма в славянских литературах. Чижевский указывал на избирательный характер влияния на славянских авторов западноевропейской культуры.

¹⁶ См., например, его работы: Д. Чижевський. 1) Культурно-історичні епохи. Авґсбург: УВАН, 1948; 2) Початки і кінці історико-культурних епох // Віра і знання: Праці Науково-Богословського інституту УПЦ в ЗДА. Нью-Йорк, 1954. С. 13–21.

Деятели славянского романтизма выбирали из широчайшего спектра европейских духовных направлений идеи и стилистические средства, преобразовывали и переосмысливали их так, что создавалась оригинальная культурная традиция [Чижевский, 1983, с. 107–108]. В дальнейшем эта традиция продуцировала развитие национально-государственного самосознания и задавала определенные общественно-политические векторы развития. «Западные влияния», по мысли Чижевского, способствовали формированию у славян собственной культуры, характерной особенностью которой стала религиозно-философская ее направленность.

Понятие «стиль» является ключевым для Д. И. Чижевского. С одной стороны, он рассматривает стиль в историческом плане как «стиль эпохи» (от Античности до Модернизма) и обосновывает «теорию волны» как принцип развития истории культуры. С другой стороны, Чижевский рассматривает проблему индивидуального стиля (в частности, для писателей Нового времени, т. е. писателей с ярко выраженными авторскими стилями). И в этом случае он опирается на разработки отечественных и немецких ученых. Так, для него актуальной была формулировка Э. Эльстера: «Стиль — это сумма подчиненных объединяющей норме средств выражения, в которых обнаруживается эстетическая концепция и преобразующая сила творящего» [Бургард, 1915, с. 9]. Стиль по Эльстеру «рождается в подсознательных глубинах нашего духа», а это значит, что «истинный стиль всегда внутренний» [Бургард, 1915, с. 9]. Есть «стиль восприятия» и «стиль изложения». Стиль восприятия обнаруживается в том, как автор схватывает, преобразовывает и обогащает собранный материал, стиль изложения — в том, как автор содержание своего внутреннего мира облекает в образы и формы. Преобразовательная способность автора обнаруживается двумя путями: 1) внешним, в самой форме стиля; сюда относятся ритм, гармония, музыкальность, составляющие предмет обсуждения метрики; 2) внутренним, в тех частных особенностях, на которых обнаруживается умение расчлнять, регулировать данный материал; эти характерные особенности сказываются, например, в преобладании реплик, предложений, в умении оттенить главное от второстепенного и т. п. «Исследуя стиль того или иного писателя, мы натываемся то на общие черты, характеризующие своею наличностью все творчество данного лица, то на особенности, которые проявляются только

в частном, единичном. Причем как общие, так и частные свойства делятся на эстетические и психологические. Объективность признаков авторского стиля зачастую предопределяется историко-культурной эпохой и эстетической программой, которую выбирает автор» [Бургард, 1915, с. 10–11].

Творчество А. С. Пушкина и концепция романтизма в работах Д. И. Чижевского

Исследования творчества Пушкина появляются у Чижевского в юбилейном 1937 году. В немецких журналах выходят его статьи «Пушкин между романтизмом и классицизмом», «Пушкин и романтизм», «Заметки о Пушкине», «Германо-славистическая пушкиниана в “Звеньях”». В 1939–1941 гг. выходят такие обзоры ученого, как «Новые исследования Пушкина» (I–II). В 1949 — статья «Пушкин и русский язык». В период работы слависта в Гарвардском университете (1953), Чижевский подготовил и опубликовал издание романа Пушкина «Евгений Онегин» со своим комментарием и предисловием¹⁷. В 1954–1955 гг. ученый печатает на английском и русском языках статью «К морю», стихотворение Пушкина, рукопись второй редакции» и заметку «Новое о Пушкине, Лермонтове и Гоголе». Глава о творчестве Пушкина была написана Чижевским для его монографии на немецком языке «История русской литературы XIX века» (первая часть «Романтизм» вышла в 1964 г.). В монографии Чижевского «Сравнительная история славянских литератур» (1968) Пушкину уделено значительное место в главе о славянском романтизме.

Творчество Пушкина Чижевский рассматривает в контексте своей концепции стиля эпохи романтизма. Но он все время фиксирует несоответствия стиля Пушкина ведущему стилю эпохи. Так, в «Истории» ученый представляет Пушкина как центральную фигуру русского романтизма, при этом отмечает неоднозначность этого утверждения: «Как и для всех выдающихся поэтов, границы одной какой-то

¹⁷ Комментарий Чижевского вызвал болезненную реакцию у В. В. Набокова, который в это время работал над своим комментарием к «Евгению Онегину» Пушкина. Об этом сюжете существует своя литература: А. Гершенкрон. Рукотворный памятник // Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве Владимира Набокова. М.: Новое Литературное Обозрение, 2000. С. 396–416.; Черкасов В. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин» в освещении Чижевского и Набокова // Миргород. 2018. № 2 (12). С. 23–48.

школы были для него узки. Но доминировал в его творчестве все-таки романтический дух» [Tschizewskij, 1964, с. 50]. Соответственно, по мысли слависта, исследовать творчество Пушкина необходимо с позиций сложного соотношения стиля эпохи и индивидуального авторского стиля. В главе анализируемой монографии дается краткий очерк биографии Пушкина, рассматриваются классицистические особенности его ранней поэзии, далее — поэтика южных поэм как байронических («свободная форма»), лирические отступления, внесюжетные вставные картины, диалог с читателем, таинственность и неясность в развитии действия, фрагментарность и незавершенность произведений).

Своеобразие и оригинальность в художественном раскрытии исторической тематики ученый рассматривает, анализируя трагедию Пушкина «Борис Годунов» и повесть «Капитанская дочка». Отдельно он останавливается на поэтических особенностях «Евгения Онегина». В связи с темой Петра анализирует поэмы «Полтава» и «Медный всадник». Обращается к теме сказок Пушкина и их источникам. Пишет о символах, которые использует Пушкин в «Маленьких трагедиях» (так чума у Пушкина — «символ опасности, которая возникает в жизни каждого человека, но, помимо этого, она “таит” для “сердца смертного” “наслажденье”, которое невозможно объяснить» [Tschizewskij, 1964, с. 64]). Отмечает стилистическую неповторимость «Повестей Белкина», и отдельный параграф посвящает особенностям пушкинского стихосложения, многообразию тем, размеров и типов рифм.

В плане тематическом, по наблюдению Чижевского, Пушкин принадлежит эпохе романтизма. Но стилистически его творчество выходит за рамки эстетических требований эпохи. Глава в монографии построена на сюжете эволюции стиля Пушкина от классицизма к романтизму и реализму. При том, что Чижевский не любил реализм (в частности, из-за политизации этого понятия в советском литературоведении), он видел в стиле Пушкина проявления стиля реализма. Так, он опирался на тезис Р. О. Якобсона, что главным тропом в стиле романтизма является метафора, а в реализме — метонимия. И в статье «Что такое реализм?» (1964) Чижевский приводит пример именно из Пушкина. Он разводит два способа изображения: метафорический и метонимический: «Наряду с метафорическими методами изображения употребляются и иные: уводящие

нас от объекта к иному предмету не сходному с первым, но с ним “соседствующему”, близкому в пространстве или времени» [Чижевский, 1964, с. 140]. Этот способ сводится или к указанию на отдельные черты, «входящие в состав» объекта или к указанию на «обстановку» объекта, его прошлое и на его будущее. «Пушкин вместо “девы-розы” лицейских стихотворений видит позже перед собой “стройную, бледную и семнадцатилетнюю девицу”, “воспитанную на французских романах” (“Метель”). Таков же, но более яркий и богатый чертами портрет Татьяны Лариной в “Евгении Онегине”. Быт и характер Онегина раскрывается Татьяне, посещающей оставленное им имение, в деталях и мелких чертах:

“...забытый в зале / Кий на бильярде отдыхал, / На смятом канapé лежал / Манежный хлыстик <...> / И лорда Байрона портрет, / И столбик с куклою чугунной / Под шляпой с пасмурным челом, / С руками сжатыми крестом <...> / И гряда книг <...>» [Чижевский, 1964, с. 140].

Но этот анализ не приводит Чижевского к заключению о том, что Пушкин писатель-реалист. Образы снов, природы, ночи, тему безумия у Пушкина Чижевский рассматривает в контексте стиля эпохи романтизма. В славянских литературах, по наблюдениям Чижевского, в значительной степени была воспринята немецкая органическая философия, в частности труды Шеллинга. Действительность воспринималась и познавалась как живое целое, средоточие духа. Первичной силой познания была признана интуиция. Поэзия создавалась романтиками при помощи интуиции и становилась источником познания. Разум оказывался несостоятельным средством проникновения в глубины души. Так, романтики оправдывали состояние безумия (как в повести Н. А. Полевого «Блаженство безумия», или в «Медном всаднике» А. С. Пушкина). Ведь безумие позволяет человеку избавиться от контроля разума и освобождает внутренние силы души. Душа же человека всегда пребывает на грани двух миров, она, по выражению Тютчева, «бьется на пороге // как бы двойного бытия». К «ночной стороне души» романтики относили вдохновение, таинственные предчувствия, мечты, видения, экстазы, магнетизм, галлюцинации, сомнамбулизм, эпилепсию. Сновидения тоже, по их мнению, воплощали «ночную сторону души». И у Пушкина понятие сна наполнилось целой гаммой характерных для романтиков значений: «творческие сны», «сны поэзии святой», «поэтический сон»,

«сон пустой». «Сон» ассоциируется у Пушкина с мечтой, забвением, призраком и даже бредом. Вещие сны (с характерной для них стилистически пестрой лексикой) выполняют сюжетообразующую функцию в таких произведениях писателя, как «Борис Годунов», «Евгений Онегин», «Медный всадник», «Капитанская дочка», «Метель», «Пиковая дама» [Tschizewskij, 1968, с. 14–16].

Натурфилософия Шеллинга оказала влияние и на образ природы у романтиков, который тесно связан с образом ночи. Природа — живая целостность; ее существование символически связано с бытием в ней человека. Так, образ моря у Пушкина становится символом душевного беспокойства, движения преходящего мира [Чижевский, 1956, с. 14–15]. Природа — бездна, стихия, хаос, родственная душевному складу человека.

Из романтических жанров Чижевский особо выделяет «байронический эпос»: «К жанру “байронических”, или вольных, не скованных классицистическим каноном поэм, относятся самые выдающиеся произведения славянских литератур» [Tschizewskij, 1968, с. 22]. К ним ученый относит и «Евгения Онегина» Пушкина. Специфику романтической драмы он рассматривает, обращаясь к своеобразию поэтики «Бориса Годунова» и «Маленьких трагедий» Пушкина. Русская баллада, которая возникла на этапе перехода от классицизма к романтизму, отличается народным сюжетом и языком. У Пушкина примерами таких баллад стали «Жених» (1825) и «Утопленник» (1828). Любимым жанром романтиков была литературная сказка. У Пушкина источники литературных сказок можно найти среди европейских народных сказаний (так, Чижевский отмечает, что сюжет «Сказки о золотом петушке» Пушкин мог взять из «Легенд Альгамбры» В. Ирвинга, а «Сказки о рыбаке и рыбке» — у братьев Гримм) [Tschizewskij, 1968, с. 25]. Высокий образец исторического романа Чижевский видел в «Капитанской дочке» Пушкина и «Тарасе Бульбе» Гоголя.

Останавливается Чижевский и на переосмыслении романтиками темы любви: любовную страсть они оправдывали и приписывали ей силу очистительного огня. У Пушкина в «Метели» и «Египетских ночах» любовь отождествляется с судьбой человека (но в «Евгении Онегине» тема любви решается иначе, на стыке романтизма и реализма). Романтики стали новаторами и в плане разработки национальных языков. Так Пушкин в «Евгении Онегине» свободно

использует заимствования из западноевропейских языков: «Но панталоны, фрак, жилет, // Всех этих слов на русском нет» [Tschizewskij, 1968, с. 32].

С литературным языком связаны художественные приемы романтиков: метафоры, антитезы, персонификации, фольклорные эпитеты, стилизации, аллитерации, парадоксальный сюжет с двойной причинностью, оригинальная композиция, жанровая специфика, романтическая ирония, символы (все, что существует, является знаком чего-то другого). «Вольная форма», жанр фрагмента, «строфы» без текста, затемненные места, — все эти приемы использует в своем творчестве вслед за романтиками Пушкин. Связан этот арсенал средств с концепцией художника, который должен творить по вдохновению, не ограничивая себя никакими правилами, и представлением о ничтожности мира перед лицом вечности и Абсолюта. Чижевский отдает дань значению романтизма в творчестве Пушкина. Но это не мешает ему видеть и отступления поэта от канона романтической эстетики, его внутреннюю независимость от ведущего «стиля эпохи».

Подход Чижевского позволяет рассмотреть во всей своей неоднозначности индивидуальный авторский стиль Пушкина, который не укладывается в рамки романтизма как ведущего стиля эпохи. Многие из его наблюдений, как и сам метод анализа, помогают нам и сегодня прикоснуться к «вечным ценностям», воплощенным в творчестве А. С. Пушкина.

Творчество Н. В. Гоголя в исследованиях Д. И. Чижевского

Далее мы рассмотрим концепцию творчества Гоголя, разработанную Чижевским, учитывая при этом авторитетные исследования специалистов [Янцен; Марченко; Мних; Надъярных; Васильева; Воропаев].

Самым главным для Чижевского в его «истории духа» (так определял он созданную им модель развития культуры) был религиозный смысл произведений и духовный путь их авторов. Подход Чижевского — явление системное и синтетическое¹⁸. Он опирался при

¹⁸ О системности «истории духа» как культурологической модели Чижевского см. [Тоичкина, 2016].

создании своей культурологической модели, с одной стороны, на философию Гегеля, с другой — на свою интерпретацию феноменологии Гуссерля. Метод анализа Чижевского вырабатывался в рамках школы русских формалистов и Пражского лингвистического кружка. Важны были для него герменевтические практики и методологии. Статьи, посвященные биографии и творчеству Н. В. Гоголя, написаны в рамках этого синтетического религиозно-философского подхода. Исходя из концепции стиля историко-культурных эпох Чижевский относил творчество Гоголя к эпохе романтизма. Но так же, как и в случае с Пушкиным, Чижевский рассматривал стиль Гоголя в рамках понятия индивидуального стиля большого автора, который находится в сложном взаимодействии с ведущим стилем эпохи и не укладывается в полной мере в эстетику романтизма.

По воспоминаниям современников, Гоголь был любимым писателем Д. И. Чижевского [Янцен, с. 46]. Тема Гоголя появилась в трудах Чижевского во второй половине 1920-х гг. в его работах по истории философии на Украине. В 1930-е гг. он пишет рецензии на книги Н. В. Горлина «Н. В. Гоголь и Э. Т. А. Гофман» (1933), А. Белого «Мастерство Гоголя» (1938), В. В. Гиппиус «Гоголь. Материалы и исследования» (1939). В 1937–1938 гг. выходят немецкоязычный и русскоязычный варианты статьи Чижевского «О “Шинели” Гоголя». Во второй половине 1940-х гг. славист публикует в цикле «Плоды чтения» заметки «Словарь Гоголя» (1942, 1947), предисловие к немецкому изданию «Мертвых душ» (1949). В 1950-е гг. издает такие фундаментальные статьи о писателе, как «Неизвестный Гоголь» (1951) и «Гоголь: художник и мыслитель» (1952). Из рецензий значимым становится разбор трех книг о Гоголе: В. Ермилова (1952), В. Сечкарева (1953) и «Огонь вещей» А. Ремизова (1954) [Чижевский, 1955, с. 277–288]. В 1955 г. Чижевский публикует статью о Гоголе в «Энциклопедії українознавства Наукового Товариства ім. Т. Г. Шевченка» (1955). Небольшую заметку о двух письмах Гоголя (архивные разыскания Чижевского) ученый издал в 1956 г. на русском и немецком языках. В 1960-е гг. вышли его немецкоязычная монография «История русской литературы XIX века» (первая часть, 1964 г., в ней помещена глава о Гоголе), русскоязычная статья, посвященная биографии писателя, — «Две родословных Гоголя» (1965), статья на немецком «Сковорода — Гоголь» (1968). В 1970-е гг. на немецком была опубликована заметка «Украинизмы у Гоголя» (1976) и (уже

после смерти автора) статья «Замечания к повестям Гоголя» (1978)¹⁹. Известно, что Чижевский работал над книгой о Гоголе, которую так и не завершил (существует рукопись части немецкого варианта книги, посвященной биографии писателя [Янцен, с. 46–63]). Библиография опубликованных работ Чижевского о Гоголе — статей, рецензий, глав монографий — включает 28 позиций [Чижевский, 2015, с. 388–390].

Рассмотрим, как решал Чижевский вопрос о соотношения религиозных воззрений Гоголя с его творческим методом. Для слависта было важно проследить, как в стиле писателя воплотилось его понимание смысла искусства.

В 1966 г. под редакцией Чижевского в томе 12-й серии “*Forum Slavicum*” на немецком языке вышел сборник статей «Гоголь, Тургенев, Достоевский, Толстой: о русской литературе XIX века». В этот сборник Чижевский включил три свои статьи о Гоголе, которые сам очень ценил: 1. «Неизвестный Гоголь»; 2. «Гоголь: художник и мыслитель»; 3. «О композиции “Шинели” Гоголя». В этих статьях Чижевский фактически изложил свою концепцию понимания Гоголя как мыслителя и художника. Но одной из первых работ о Гоголе стала глава в украинской монографии Чижевского 1931 г. «Нариси з історії філософії на Україні». Глава VII «Микола Гоголь (На шляху до вічної краси)» была написана Чижевским в соавторстве с его учеником Л. Мыколаенко²⁰ и в дальнейшем предопределила подход и методологию исследования в статьях о Гоголе. По мысли исследователей, Гоголь в творчестве реализует свою религиозно-философскую проповедническую интенцию с его призывом: «Будьте не мертвые, а живые души. Нет другой двери, кроме указанной Христом, и всяк, прелазай иначе, есть тать и разбойник» [Чижевский, 1983, с. 102]. Именно поэтому Гоголь ставит сердечный порыв

¹⁹ В обзоре русских зарубежных работ о Гоголе В. А. Воропаев рассматривает статьи Чижевского «О “Шинели” Гоголя», «Неизвестный Гоголь», «Две родословные Гоголя», «“Да” и “нет” у Гоголя» [Воропаев, с. 105–107]. Р. В. Мних анализирует круг работ Чижевского о Гоголе в своей монографии, отдельно останавливается на заметке Чижевского «Гоголь и Польша» [Мних, с. 372–385].

²⁰ Про работу Мыколаенко Чижевский в марте 1933 г. писал в письме Ф. Либу: «Посылаю Вам статью моего ученика Миколаенко о Гоголе... Гоголь, конечно, несколько идеализируется, то есть не замечаются трагические противоречия его мировоззрения. Но эту точку зрения я считаю более правильной, чем ложное понимание Гоголя, предлагаемое, например, Владимиром Ильиным...» [Янцен, с. 49].

выше чувства долга и обязательств («обнимаю силою любви моей»). Источником всего есть любовь, и сами мы — «творение Божьей любви». Живую душу и труд во имя ее ставит Гоголь целью писательской работы [Чижевский, 1983, с. 104]. С этим связаны оптимизм и вера Гоголя в человека и литературу. «Гимн Красоте Небесной был благодарностью Гоголя за жизнь» [Чижевский, 1983, с. 106]. Но в «Нарисах» 1931 г. Чижевский (как и Мыколаенко) рассматривает Гоголя как явление в истории украинской духовной традиции. В дальнейшем он изменил свою точку зрения. Так, в монографии ученого «Історія української літератури» (1956) нет раздела о Гоголе²¹, зато такой раздел был им написан для первой части «Истории русской литературы» (1964). И в основном круге статей Гоголь рассматривается по преимуществу как русский писатель.

Итак, три статьи были отобраны самим Чижевским для его издания. Наиболее ранняя из них — «О “Шинели” Гоголя» (в немецком варианте «Про композицию “Шинели” Гоголя») вышла в «Современных записках» № 67 за 1938 г. 23 мая 1936 г. Чижевский писал А. Л. Бему: «Я только что закончил статью о “Шинели”, как кажется, с совершенно новой точки зрения» [Янцен, с. 49]. На немецком языке эта статья вышла в начале 1937 г. в журнале М. Фасмера в рубрике “Gogol’-Studien” [Čyževskij, 1937, с. 63–94]. Немецкий вариант статьи обширнее русского, в нем есть фрагменты, которые отсутствуют в русскоязычном тексте (к примеру, развернутый анализ темы «задоров» в немецком варианте включает в себя рассмотрение не вошедших в окончательный текст четвертой главы «Евгения Онегина» Пушкина строчек:

«У всякого своя охота / Своя любимая забота — / Кто целит в уток из ружья, / Кто бредит рифмами, как я, / Кто бьет хлопущей мух нахальных, / Кто правит в замыслах толпой, / Кто забавляется войной, / Кто в чувствах нежится печальных, / Кто занимается вином — / И благо смешано со злом» [Čyževskij, 1937, с. 63–94]).

Тема «задоров» у Сковороды, Гоголя, Пушкина и Горация в дальнейшем станет предметом отдельного рассмотрения в статье Чижевского «Гоголь и Сковорода» [Čyževskij, 1968, с. 317–326].

²¹ В «Історії» Чижевский рассматривает Гоголя как представителя «русской школы» в украинской литературе XIX в.

Статья Чижевского о «Шинели» достаточно изучена. Упомянем, к примеру, работы Н. С. Надъярных и М. А. Васильевой. Так, М. А. Васильева характеризует метод мелких наблюдений А. Л. Бема, который использовал Чижевский при анализе повести «Шинель» [Васильева 2008, с. 121–123]²². Н. С. Надъярных подробно останавливается на прочтении Чижевским повести Гоголя через анализ повтора слова «даже» [Надъярных, с. 221–228]. Сам славист указывает в статье еще и на актуальный для него метод медленного чтения М. О. Гершензона. Однако метод Гершензона в плане интерпретации предполагал установку на субъективность восприятия читателя, чего Чижевский старательно избегал. Именно поэтому он обращается к источникам произведения.

В VI разделе статьи «О “Шинели” Гоголя» Чижевский рассматривает вопрос о шинели как главном предмете привязанности Акакия Акакиевича в контексте религиозных взглядов Гоголя, читавшего «Добролюбие» и занятого проблемами «духовного делания», подвига духовной борьбы. «Тема “Шинели”, — пишет Чижевский, — воспламенение человеческой души, ее перерождение под влиянием — правда очень своеобразной — любви» [Чижевский, 1938, с. 189]. Гоголь показывает, что любовь может быть не только к великому и прекрасному, но и к повседневному, прозаическому, и, мало того, — «к ничтожному объекту» [Чижевский, 1938, с. 189]. Это одна из центральных идей в художественных произведениях Гоголя — «у каждого человека свой “задор”, своя страсть, свое увлечение». По замечанию слависта, в истории литературы эта тема встречается в поэзии Горация, европейского и украинского барокко.

Кроме того, это «тема одного из “виршей” мистика Григория Сковороды, вирша, известного, вероятно Гоголю хотя бы из “Наталки Полтавки” Котляревского (писателя, из которого он берет часть эпиграфов к “Сорочинской ярмарке”» [Чижевский, 1938, с. 189–190]. Речь идет об известной песне Сковороды «Всякому городу свой нрав и права». «Сковорода дает в своем “вирше” <...>, после нескольких вступительных строк, противопоставляющих пестроте интересов и увлечений “света” (“всяка имеет свой ум голова, всякому сердцу своя есть любовь, всякому горлу свой вкус есть...”», “однодумство”

²² См. также вступительную статью М. А. Васильевой к ее публикации работы Чижевского в журнале «Дружба народов» [Васильева, 1997, с. 199–205].

духовного увлечения автора (“а мне одна только в свете дума, а мне одно только нейдет с ума...”)» [Чижевский, 1938, с. 190]. Мысль о смерти предопределяет духовный смысл «вирша» Сковороды. Гоголь в «Мертвых душах» дает свою панораму человеческих «задоров»:

«У всякого есть свой задор: у одного задор обратился на борзых собак; другому кажется, что он сильный любитель музыки и удивительно как чувствует все глубокие места в ней; третий мастер лихо пообедать; четвертый сыграть роль хоть одним вершком повыше той, которая ему назначена; пятый, с желанием более ограниченным, спит и грезит о том, как бы пройтись на гулянье с флигель-адъютантом, напоказ своим приятелям, знакомым и даже незнакомым <...>» [Гоголь, Т. 5, с. 26].

По мысли слависта, все эти страсти, увлечения, «задоры» направлены на «ничтожные объекты» [Чижевский, 1938, с. 190]. В «Невском проспекте» Гоголь изображает выставку вещей, воплощающих идею «задоров»: «щегольский сюртук с лучшим бобром», «греческий прекрасный нос», «превосходные бакенбарды», «пара хорошеньких глазок и удивительная шляпка», «перстень с талисманом на щегольском мизинце», «ножка в очаровательном башмачке» [Гоголь, Т. 3, с. 11]. «Но в “Шинели”, — пишет Чижевский, — задор героя — ниже всего, что мы видим в других местах у Гоголя» [Чижевский, 1938, с. 190]. Смысл такого изображения проясняется в контексте переписки Гоголя 1840–1842 гг., когда была написана «Шинель».

В это время Гоголя волновал вопрос о том, можно ли прикреплять свое существование к вещам «внешнего мира» [Чижевский, 1938, с. 191]. В письме к Данилевскому от 20 июня 1843 г. Гоголь резко противопоставляет внешнюю и внутреннюю жизнь. Надо иметь «неподвижный якорь», так как все вещи в мире обречены на гибель, человек должен иметь внутри «центр, на который, опершись, мог бы он пересилить и самые страдания в горе жизни». Внешняя жизнь «есть противоположность внутренней, когда человек под влиянием страстных увлечений влечется без борьбы потоками жизни <...>» [Гоголь, Т. 9, с. 202].

Отдача себя внешнему миру приводит к потере «центра», т. е. Бога. Здесь Чижевский вспоминает богословский трактат Я. А. Коменского “Centrum securitatis” (1625), посвященный утверждению идеи Бога как главной опоры в жизни человека. На этот трактат

указывает О. В. Марченко [Марченко, 2016, с. 43]. Но открытым остается вопрос о значении этого произведения для повести Гоголя. Понятие “*Centrum securitatis*” непосредственно отсылает к одному из важнейших в вероисповедательном плане произведений Я. А. Коменского — “*Centrum securitatis*, или Основание истинной безопасности”. То есть: ясное представление о том, что в едином Боге и в смиренном подчинении всем его волям заключается только истинный покой, безопасность и наслаждение этой настоящей жизни» — теологический трактат Я. А. Коменского в 13 главах (1625). Трактат был посвящен Рафаэлю Лещинскому в благодарность за то, что он принял преследуемых членов Братства в своих поместьях в Лешно. В этом произведении Коменский показывает, что все в мире проистекает от Бога. Так, он приводит рисунок: «дерево мудрости», видимые части которого укоренены в Боге невидимыми частями. Дерево — эмблема живого цельного знания, исходя из розенкрейцеровской пансофии — «от Единого, через все, к Единому». Еще одно изображение — это колесо. За многообразием явлений скрывается изначальная простота. Несчастья постигают людей в отпадении от Бога. Коменский указывает три пути возвращения к Богу — бдительность, смирение и молитва [Komensky, с. 19–159]. Чижевский, как известно, в середине 1930-х гг. активно работал на ниве комениологии. Так, в 1935 г. он нашел считавшийся утерянным труд Коменского «Всемирный совет об исправлении дел человеческих».

Как у Коменского, так и у Гоголя (по мысли Чижевского) человек теряет себя и гибнет вследствие утраты центра, утраты идеи Бога²³. И это главная тема гоголевских «Петербургских повестей». В «Шинели» герой гибнет от «ничего». «Его страстное увлечение направлено на ничтожный, негодный объект — и у него нет центра, опираясь на который он мог бы противостоять миру, пересилить и самые страдания и горе жизни» [Чижевский, 1938, с. 192]. Мир ловит человека «мелочами, <...> повседневностью, жалкими, урезанными от грошевого жалования грошами, шинелью. Если человек всю душою запутался в этих мелочах, ему несть спасения. Сюжет “Шинели” — своеобразное обращение евангельской притчи о “лепте вдовицы”: как лепта, грош, может быть великою жертвою, так и мелочь, шинель, может быть великим искушением (мысль из “Добротолубия”).

²³ См. также: [Васильева, 2008, с. 127–128].

Не только Бог, но и черт соответственно ценит такую лепту» [Чижевский, 1938, с. 193]. В трагическом финале повести Чижевский видел «мнимую победу над смертью земной любви», то есть победу злого духа над человеческой душой: «Не смешна, а страшна гоголевская история “бедного чиновника”!» [Чижевский, 1938, с. 194]²⁴. В свою очередь, Скворода в одном из своих сочинений писал о «клеякой стихийности мира» [Зеньковский, 1991, с. 77]²⁵.

Чижевский при анализе «Шинели», используя герменевтические методы «медленного чтения» Гершензона и «мелких наблюдений» Бема, подчиняет эти методы историко-литературной по своей сути задаче. Его занимает вопрос о смысле повести, что Гоголь хотел ею сказать. Так, он пишет, что ни Белинский, ни Достоевский не поняли «Шинель» Гоголя и неверно истолковали ее смысл. Вместе с тем обозначенный исследователем вопрос об источниках повести выходит за рамки собственно историко-литературной задачи. И если сочинения Сквороды, Котляревского и Горация входили в круг чтения Гоголя, то вопрос, был ли Гоголь знаком с трактатом Коменского, остается открытым. Требовала отдельного исследования и ремарка о чтении Гоголем «Добротолубия», что Чижевский и сам прекрасно понимал. Так, 2 ноября 1930 г. он писал Ф. Либу: «Шор интересовался “Добротолубием”. Я бы тоже охотно получил один из томов, так как занят важной темой: “Гоголь и Добротолубие” (мысль заняться этой темой уже сейчас пришла в тот момент, когда я узнал, что Шор получит от Вас “Добротолубие”» [Янцен, с. 47–48].

Чижевский возвращается к проблеме понимания Гоголя и в статье «Гоголь как художник и мыслитель» (1952), приуроченной к 100-летию со дня смерти писателя. Статья вышла на английском языке²⁶.

Обозначим положение, которое существенно для всего круга работ Чижевского о Гоголе. Чижевский категорически возражал против устойчивого в гоголеведении представления о религиозном

²⁴ См. на современном этапе полемику Ю. Барабаша с М. Вайскопфом по поводу сопоставления Чижевским темы страсти у Гоголя и Сквороды: [Барабаш, с. 359].

²⁵ «Клейкие тенеты мира» [Марченко, с. 44]. На своей могиле Скворода завещал написать эпитафию: «Мир ловил меня, но не поймал».

²⁶ Gogol': Artist and Thinker [Čuževskij, 1952, с. 261–278]. В настоящем исследовании мы опираемся на текст публикации Янцена в журнале «Вопросы философии» [Чижевский, 2010, с. 118–129], в которой представлен неизвестный ранее русский вариант статьи, обнаруженный ученым в архиве Чижевского.

кризисе, пережитом Гоголем, о «гибельном влиянии отца Матвея Константиновского», о реализме как творческом методе писателя и т. д. Вслед за Гиппиусом и Зеньковским²⁷ он утверждал религиозную целостность личности писателя. Чижевский объяснял трагизм жизни Гоголя непреодолимым в принципе конфликтом между природой мысли и природой слова в эстетическом целом: «любой мыслитель сталкивается с принципиальной неадекватностью всякого словесного оформления мысли», это «конфликт слова и идеи, содержания и формы» [Чижевский, 2010, с. 118]. При этом Чижевский отмечал, что «самое художественное оформление и мысль Гоголя полны внутренних противоречий» [Чижевский, 2010, с. 119]. И необычный язык Гоголя («самый неправильный русский язык») подчинен задачам выражения «глубоких и продуктивных противоречий, основанных на силе творческой интуиции, с одной стороны, и силе ищущей мысли — с другой». Гоголь создавал свой язык: «Ему звучал какой-то особый язык, вероятно, такой, на котором не говорят нигде в этом мире» [Чижевский, 2010, с. 120]. И именно в этот «неземной язык» писатель претворял и переплавлял элементы, заимствованные из «земных языков». Такое творческое отношение к языку характерно, по замечанию исследователя, для писателей эпохи романтизма.

Чижевского на протяжении всех лет работы над гоголевской темой очень занимал вопрос о языке писателя, в частности значение украинизмов в творчестве Гоголя. 2 июня 1942 г. он писал А. Л. Бему по поводу своих планов написать книгу о писателе и опубликовать «главу об украинизмах Гоголя»: «<...> меня особенно интересуют “скрытые” украинизмы позднейшего периода. Например, “Яичницын”, как собирался себя перекрестить Яичница. “Товарищи отсоветовали, говорят, будет похоже на “собачий сын”. Но московское и петербургское произношение “Яишницын” на собачий сын мало похоже. Конечно, Гоголь произносил “Яичницын”. — Или ругательство Ноздрева (Чичикову, отказывающемуся играть в шашки) — “печник гадкий”. Печник как русское ругательство неизвестно. Но это, вероятно, только перевод украинского “пічкур” (лежебока,

²⁷ В частности, Чижевский высоко ценил книгу В. В. Гиппиуса «Гоголь» (1924) и труд В. В. Зеньковского «Н. В. Гоголь» (1961). Он писал об этом в некрологе памяти В. В. Зеньковского в 1964 г. [Чижевский, 2007, с. 824].

лежащий на печи). Таких мест довольно много. Немало и неверных приставок к глаголам, особенно легко путаемых “иностранцами”. Главная тема книги: Гоголь как чужестранец — в школе, в России, в Италии, на земле, в кругах, в которых он вращался и т. д.» [Янцен, с. 50]. Заметка Чижевского об украинизмах Гоголя в итоге вышла на немецком языке и только в 1976 г.; содержала в себе лишь небольшие фрагменты материала, собранного ученым. Как скрытые украинизмы в этой заметке рассматриваются: имя Вий (от укр. «вія» — «реница»), «печник гадкий» (от укр. «пічкур»), «схватился со стула» (от укр. «схопився зі стільця»), «он меня понравил» (от укр. «він мене уподобав») [Tschizewskij, 1976, с. 401–405].

В статье «Гоголь как художник и мыслитель» Чижевский рассматривал «парадоксы стиля писателя», т. е. художественные приемы Гоголя. Так, он анализировал «антитетический оксюморон» («прочные дрожки без одной рессоры», «молодая горячая лошадь... 17 лет от роду» и т. д.) и приходил к выводу, что фигура в некотором смысле оказывается пародией на «конциденцио оппозиорум», совпадение противоположностей во всяком истинном бытии» (традиционный прием религиозной литературы) [Чижевский, 2010, с. 121]. Далее шли примеры гипербол («вареники величиной в шляпу», «клопы, кусающие как собаки» и т. д.) и «гиперохе», которые у Гоголя оказываются «средством характеристики ничтожного» («усы, никаким пером, никакою кистью неизобразимые», «имя, которое даже трудно было припомнить» и т. д.). Гиперохе, по наблюдению Чижевского, — «носитель функции характеристики высокого и святого» и «употребление этого приема в таком смысле восходит в конечном счете к «отрицательному богословию» отцов церкви, в частности, к “Ареопагитикам”» [Чижевский, 2010, с. 122]. Вопрос, который ставил ученый, состоял в следующем: «В чем же смысл этих парадоксов гоголевского стиля? Каково их значение в системе художественных приемов и в сфере идеологии Гоголя?» [Чижевский, 2010, с. 122]. Чижевский отвечал на этот вопрос так: «переключение функций художественных приемов — пародическое употребление гипербол и гиперохе, оксюморонное применение «конциденцио оппозиорум» — у Гоголя несомненно своеобразный способ показать ничтожество, небытийственность, иллюзорность низшего земного бытия» [Чижевский, 2010, с. 122]. Чижевский пишет о том, что Гоголь создал свою систему «натуральной стилистики»

[Чижевский, 2010, с. 123] — систему приемов, которые вскрывают иллюзорность и ничтожность этого мира. В эту систему включаются такие приемы, как слияние сна и действительности — образы Петербурга, или Парижа у Гоголя; прием «реализации метафоры»: «действительность оказывается то скрытой за метафорой, сравнением, то попросту превращается в нее» [Чижевский, 2010, с. 124]. Вот один из примеров, который приводит Чижевский: «в окне помещался сбитеньщик с самоваром из красной меди и лицом таким же красным, как самовар, так что издали можно было подумать, что на окне стояло два самовара, если б *один самовар* не был с черною как смоль бороною». Фантастический мир у Гоголя «раскрывает свою иллюзорность уже тем, что все оказывается только похожим на что-то иное и при том, по большей части “низшее”» [Чижевский, 2010, с. 125]. Чижевский указывает на особый прием Гоголя — использования «метафоры вниз», «т. е. сравнение высшего с низким — в особенности людей с животными или даже предметами» [Чижевский, 2010, с. 125].

Но смысл этих всех приемов не в уничтожающей все и вся сатире: «Гоголь видел задачу искусства, в частности искусства слова, вовсе не в разрушении и уничтожении. Искусство призвано не к разрушению, а к созиданию: искусство должно быть «нечувственной ступенью к христианству». А это означает для Гоголя не разрушение, а улучшение, не уничтожение, а преобразование существующего» [Чижевский, 2010, с. 125]. Основная идея христианского мировоззрения Гоголя, по мысли слависта, — идея «преображения», «направления к добру». Мир земной «только испорчен». Дальше Чижевский выходит опять к теме «задоров»/страстей: «И конечно, главное для Гоголя — не внешнее, юридическое, социальное преобразование мира, но преобразование каждого отдельного человека, то возрождение, которое должно было стать темой дальнейших частей “Мертвых душ”. Уже в первой части «поэмы» эта тема намечена» [Чижевский, 2010, с. 126]. Чижевский пишет о неудаче проповеди Гоголя, не услышанной современниками и потомками. Но, по его мнению, Гоголя нельзя понять, если не проанализировать «неразрывное сплетение в творческой личности писателя художника и мыслителя» [Чижевский, 2010, с. 126].

Изучение источников религиозных взглядов Гоголя приводит Чижевского в 1940-е гг. к парадоксальной гипотезе: Гоголь «может

оказаться приверженцем Бенгеля!» [Янцен, с. 52]²⁸. Статью «Неизвестный Гоголь» (1951) Чижевский посвятил вопросу о природе религиозности Гоголя, о «скрытой жизни» писателя²⁹. Для него идеалом биографии Гоголя была биография «внутренняя», «духовная биография»³⁰. 9 января 1951 г. он писал Л. Мюллеру: «Только что написал статью о “неизвестном Гоголе” для одного хорошего американского журнала. Хотя она была мне заказана, я не знаю, как она переведена, выйдет ли и когда. Первая часть посвящена формальным вопросам — и здесь мне пришлось отделять Гоголя от реализма: их отождествление (Гоголь = реализм) — “само собою разумеющаяся” точка зрения в американской литературе. Вторую часть я посвятил четырем неясным моментам в духовной истории Гоголя: “Портрету”, его отношениям с польскими иезуитами в Риме, его отношению к Фоме Кемпийскому и сходству его “Выбранных мест...” с произведениями голландских, английских и американских сект или с ирелигиозными Франклином и Юстусом Мёзером (у которых религиозность не проявляется явно)» [Янцен, с. 53–54].

В статье Чижевский подчеркивает одиночество Гоголя³¹, его чуждость современному обществу («он не примкнул ни к одному из духовных течений, с которыми была тогда связана вся русская культурная жизнь: он не стал ни западником, ни славянофилом, ни политическим радикалом, ни украинофилом, одним словом, остался идеологически “всем чужим”, даже своим ближайшим друзьям и почитателям» [Чижевский, 1951, с. 135]). Ученый объясняет этот факт тем, что писатель, по сути, был человеком «иного времени, иной культурной эпохи», эпигоном «Александровской эпохи». «Именно поэтому он, с одной стороны, “отстал” от своего времени,

²⁸ Тема значения для Гоголя немецкой pietistской традиции И. А. Бенгеля и И. Г. Юнга-Штиллинга отражена в работах Чижевского о значении сочинений немецких мистиков для славянских литератур. В частности, Чижевский прослеживал историю восприятия в России такого эсхатологического сочинения, как «Победная песнь» Юнга-Штиллинга. В статье «Неизвестный Гоголь» Чижевский рассматривает это произведение «в качестве вероятного источника сюжета о близком пришествии антихриста в первой редакции повести “Портрет”» [Гольденберг, с. 92].

²⁹ Гоголя Чижевский, очевидным образом, трактовал как мистика (о понимании мистической традиции Чижевским см. [Тоичкина, 2017]).

³⁰ Этот тезис Чижевский подчеркивал в своей рецензии на книгу В. Сечкарева о Гоголе [Чижевский, 1955, с. 281–282].

³¹ См. подробный анализ статьи: [Васильева, 2010, с. 165–176].

с другой, “опередил” его. В “отсталости” Гоголя отчасти и причина его идеологических “провидений”, предвосхищение им идей Достоевского, эстетики символизма, некоторых религиозных мотивов, появляющихся снова только у современных русских философов» [Чижевский, 1951, с. 136].

Чижевский ставит вопрос об источниках религиозных воззрений писателя. «Религиозный утопизм» и «эсхатологические чаяния» Гоголя по Чижевскому могут быть связаны со знакомством писателя с трудами мистика Юнга-Штиллинга. Пишет Чижевский и о влиянии католических сочинений, в частности «Подражания Христу» Фомы Кемпийского, о чтении Гоголем святоотеческих сочинений, о слиянии в его взглядах проблем экономических и религиозных (Чижевский связывает последний вопрос с этикой протестантизма). В целом же он стремится показать склонность Гоголя «увлекаться различными течениями и идеями — и затем покидать их» [Чижевский, 1951, с. 149], что тоже характерно для людей Александровской эпохи. И анализ фактов внутренней биографии Гоголя приводит его к выводу о надконфессиональном характере религиозных воззрений писателя [Чижевский, 1951, с. 142]. Этот вывод, скорей всего, был близок самому Чижевскому.

Книгу о Гоголе Чижевский так и не издал. В начале 1950-х гг., судя по письмам, книга была написана. Так, сохранился план русскоязычного³² варианта труда. Чижевский предполагал издать книгу «Гоголь. Писатель — художник и мыслитель» объемом около 300 страниц. В процессе ее написания он обработал, как он писал М. М. Карповичу, «весь многочисленный новый материал, изданный после 1924 г. (чего нет ни у Набокова, ни у Лаврина, и, конечно, нет в Советской России)» [Янцен, с. 60]. По плану книга должна была состоять из 13 глав, которые включали в себя материал по биографии, главу об исторических и эстетических сочинениях Гоголя, анализ творчества и религиозного мировоззрения писателя, темы Гоголя-политика и гоголевских традиций (Белинский — Чернышевский и Шевырев — Андрей Белый) [Янцен, с. 61–62]. Отдельные главы

³² Сам Чижевский писал в письме М. М. Карповичу «Книгу о Гоголе я не могу печатать на другом языке, так как перевод цитат Гоголя испортит все» [Янцен, с. 61]. Однако немецкий вариант книги тоже был им написан (сохранилась часть рукописи).

были посвящены «Мертвым душам» и «Выбранным местам из переписки с друзьями». Рукопись книги в настоящее время не найдена.

Тем не менее концепцию личности и творчества Гоголя мы можем восстановить по опубликованным статьям Чижевского³³, в которых ученый неизменно отстаивал идею целостности великого писателя. Исследуя стиль художественных произведений через кропотливый анализ тропов и фигур, он показывал, как в художественной материи воплощается религиозное мировоззрение автора. Об актуальности наследия Чижевского в этом аспекте свидетельствуют современные гоголеведы. В частности, В. Ш. Кривонос пишет, что в современном гоголеведении «не исчезла из обихода и процедура разделения гоголевского творчества на две половины, только теперь исследовательские предпочтения чаще отдаются Гоголю — автору духовной прозы в ущерб Гоголю — комическому писателю. Труднее всего дается современному гоголеведению осознание сложного единства Гоголя, то есть того феномена, который удачно был назван объемом творческой личности, доступным объемному же пониманию» [Кривонос, с. 62]. В связи с пониманием Чижевским религиозной жизни Гоголя А. Х. Гольденберг пишет, что славист наметил «принципиально новый научный подход к проблеме гоголевской эсхатологии». Так, речь идет о необходимости описания «конкретных источников соответствующих гоголевских образов и идей». Исследователь отмечает, что «задачи, поставленные Чижевским полвека назад, всерьез начали решаться в гоголеведении сравнительно недавно» [Гольденберг, с. 92].

Впрочем, подход и методология Чижевского не сводимы к вопросу об источниках. За его подходом стоит религиозно-философская концепция эстетики. Так, в статье «Шиллер в России» он рассматривает религиозный характер понятия «прекрасного» у немецкого поэта: «сфера красоты в понимании Шиллера приближается к религиозной. Прекрасное близко к святому, и именно этот характер прекрасного в жизни, если его почувствует “вандал” (рационалист), откроет ему многостороннее богатство того, чего он не способен в жизни понять и оценить, а если почувствует это прекрасное-

³³ Необходимо еще упомянуть главу о Гоголе в «Истории русской литературы» Чижевского [Tschizewskij, 1964, с. 97–113]. В этой главе славист последовательно рассматривает жизнь и творчество писателя.

священное в жизни варвар, дикарь, буруемаемый страстью, он отнесется к жизни с уважением и любовью, которые удержат его от безудержного служения своей страсти» [Чижевский, 1956, с. 116]. Анализируя тему влияния Шиллера на русскую культуру, ученый выделяет четыре мотива: «1. Мысль о *высшем призвании искусства*, удовлетворяющего всем потребностям духа, служащего и познанию, и морали, и религии. 2. Идея *синтеза, слияния, идеалов добра, правды, святости в красоте*; подчеркну: именно о *слиянии* этих сфер идет речь у шиллерианцев, в то время как разные формы кантианства, позитивизма и других течений пытаются *разграничить*, четко разделить “сферы влияния” добра, правды, святости и красоты, причем последней остается на долю по большей части весьма скромная по объему и значению “провинция духа”. 3. Идея синтеза духовных сфер часто принимает форму требования «синтетической», *целостной культуры* и “целостной личности” (в жизни которой не отсутствует эстетический элемент), как носителя культуры. 4. Представление о “смягчающей”, примиряющей, успокаивающей *роли красоты* и художественного творчества. И больше: красота “спасает” или должна “спасти” человека, а то и весь мир» [Чижевский, 1956, с. 117]³⁴. Так, у Гоголя Чижевский находит «шиллерианские» мотивы, в частности, мотив «эстетического утопизма» (определение В. В. Зеньковского).

Гоголь, как отмечает ученый, своими художественными произведениями «хочет возродить Россию: от постановки “Ревизора” он ожидает такого “возрождения”. По временам он чувствует недостаточность эстетического принципа: трагедия “Невского проспекта” в конфликте красоты и зла, хотя красота как будто и должна “спасти мир” (позднейшая формула Достоевского), но красота (героиня рассказа) “брошена в бездну” какой-то “адской силой”... И еще в “Переписке” Гоголь видит и главную основу всей русской жизни и высшее ее проявление именно в русской поэзии. В “Переписке” — и его религиозно-эстетическая утопия с ее идеалом очень родственным шиллеровской “божественной идиллии”. Именно искусству, по мнению Гоголя, “предстоят теперь другие дела”, чем чистое художественное творчество, — искусство представляется Гоголю орудием борьбы за “Царство Божие”. И формулировка

³⁴ Выделения курсивом Чижевского.

Гоголем своего идеала в этот период: “пропеть гимн верховной Небесной Красоте” — показывает, как глубоко эстетический мотив укоренился в его мировоззрении» [Чижевский, 1956, с. 119].

Чижевский рассматривает эстетику как религиозный феномен в ее исторических воплощениях. С этим связан надконфессиональный характер его «истории духа». В рамках своего подхода он сумел преодолеть противоречие между «вечным» и «временным». В рецензии на книгу П. М. Бицилли «Очерки теории исторической науки» (Прага, 1925) он писал: «Мне представляется, что спецификум исторического бытия возможно найти только на пути анализа времени, — “историческое время” отлично ото всякого иного времени, — напр., данного нам в физических или биологических процессах; отлично *по своей структуре*, — поэтому, только исходя из своеобразия исторического времени возможно раскрыть своеобразие исторического бытия» [Надъярных, с. 347].

Для Чижевского абсолютную ценность представляет «подлинно временно-текущее историческое бытие, а не те “ценности” надисторического характера, которые в историческом процессе “реализуются”» [Надъярных, с. 348]. В этом он опирается на опыт Гегеля, на не впервые вскрытую им специфическую текучесть и временную растяженность «всех вообще реализуемых ценностей». И вслед за Бицилли он пишет о том, что именно христианство и заложило «возможность осмысления временно-преходящего, как абсолютно-ценного» [Надъярных, с. 348]. Утверждение «безграничного своеобразия исторического бытия» требует, по мысли Чижевского, от ученых выработки «эстетико-индивидуализирующего подхода», «символической интерпретации» и «интуитивного метода». «Символические отношения соединяют в себе временность и вневременность. Отсюда следует сделать вывод, что своеобразие исторического бытия — в синтезе в нем временности и вневременности» [Надъярных, с. 351]³⁵.

Изучение источников как метод исследования религиозной жизни художников эпохи предполагался у Чижевского синтезом историко-литературного и религиозно-философского подходов. Так зачастую он описывал генезис явления по принципу «духовно-исторической типологии» (к примеру, в статье 1968 г. «Гоголь — Скворода» ученый тему «страстей / “задоров”» у Гоголя, Пушкина

³⁵ Выделения курсивом Чижевского.

и Сквороды выводит к Горацию [Šyževskij, 1968, с. 317–326.]). Этот метод позволял описать религиозные истоки поэтики произведений автора, в частности через исследование духовно-исторического генезиса тропов и фигур (т. е. индивидуального художественного стиля), что и давало возможность анализа «целостной личности» писателя в неразрывном единстве его мировоззрения и творчества. Индивидуальный стиль Гоголя рассматривается им при помощи этого метода в сложном соотношении с ведущим стилем эпохи. Наследие ученого сохраняет научную актуальность и на сегодняшний день. К сожалению, его работы у нас недостаточно известны, в частности немецкоязычные работы Чижевского о Гоголе не переведены и не изданы.

Концепция реализма в исследованиях Д. И. Чижевского

Понятие реализма (как одно из понятий в ряду стилей, определяющих историко-культурные эпохи) возникло в процессе развития истории литературы и компаративистики в конце XIX — начале XX века и приобрело особое звучание в истории литературоведения XX века. Конечно, значимость и популярность понятия реализм были предопределены политической и идеологической ситуацией, в частности противостоянием двух социально-политических систем: социалистического и капиталистического блоков. И именно реализм оказался одним из центральных понятий, вокруг которого кипели не только научные, но и идеологические страсти.

Понятие реализма занимает особое место в «истории духа» Д. И. Чижевского. В грандиозной фреске истории культуры ученого «эпоха реализма» — одно из важных явлений в цепи смены эпох и их стилей. Сам Чижевский следующим образом разъяснял специфику своего подхода в своей немецкой монографии 1959–1961 годов «Русская история духа»: «*Чем занимается история духа?* На этот вопрос можно ответить тавтологически: “историческим развитием духа”. Что такое “историческое развитие”, мы хотим считать в общем и целом известным. Однако слово “дух” требует разъяснения, которое здесь должно быть дано по возможности кратко и просто. Под духом (которым занимается история духа) мы понимаем сознание человеком сущности своего бытия. Каждый человек обладает таким сознанием, однако оно также может быть расплывчатым и неопределенным. К содержанию этого сознания относится представление

человека о том, какое место он занимает в кругу других людей, в природе (“в космосе”) и в сверхъестественном мире (в том случае, если признается существование такового), наконец, в каких отношениях он находится с прошлым и будущим. История духа может занимать таким сознанием только тогда, когда оно либо сформулировано отвлеченно, либо может быть приведено к отвлеченной формулировке посредством исследования. Поскольку историк духа чаще имеет дело с написанным словом (реже с устной традицией) как со своим источником, он может надеяться, что такая отвлеченная формулировка может быть получена посредством интерпретации. Также и в случаях, когда объектом истории духа являются материальные памятники, она может иногда приходиться к понятийному пониманию духа, действующего через эту материю» [Tschizewskij, 1959, с. 7–8]³⁶.

Принципиально важным является метод исследования Чижевского. Создавая «историю духа» (от древности до XX века), ученый использует индуктивный метод: он идет от анализа литературных фактов (в частности, изучения их стиля) к концепции историко-культурных эпох и их взаимодействий. Отрицая *рационализирующую* философию истории, для которой «все специфически историческое остается <...> “неким неподдающимся рационализации остатком”» (П. М. Бицилли), Д. И. Чижевский на основе гегелевской диалектики вырабатывает свою диалектическую «философию истории», вносящую процессуальность и временную обусловленность в самую сферу ценностей [Надъярных, 2005, с. 348]. «Стихия исторического» являлась для Чижевского воплощением духовных ценностей данной национальной культуры в данную эпоху ее развития. Для него конкретные исторические формы ее бытования и являлись непосредственным и абсолютно ценным предметом исследования.

«Что такое реализм?»³⁷

Чижевский в своих исследованиях неоднократно обращается к вопросу о сущности реализма как историко-культурной эпохи и стиля, выражающего ее идеологию. В статье 1964 года он пишет:

³⁶ Перевод М. Д. Кармановой.

³⁷ Так называется статья Чижевского, посвященная этому вопросу. См. также следующие работы ученого о реализме: [Чижевский, 2003] ; [Tschizewskij, 1967, с. 9–17, 175–177]; [Tschizewskij, 1968, с. 48–80].

«Очевидно, сущность реализма <заключается. — А. Т.> не в материале, т. е. не в действующих лицах, сюжетах, мотивах, пейзажах и обстановке, взятых из действительности, а в каких-то стилистических приемах, отличающих реализм (в частности русский) от литературного стиля иных эпох». Далее славист пишет: «“Определение” реализма: “изображение действительности, как она есть на самом деле” не только неясно, но является совершенно недопустимой тавтологией, — ведь слова “как она есть на самом деле” равнозначны словам “как она есть в действительности”. Таким образом, это “определение” является только мнимым разъяснением понятия. Мы имеем дело с основной трудностью определения реализма: сначала надо выяснить, что же такое “действительность” и как ее понимают реалисты» [Чижевский, 1964, с. 133–134]. По мнению ученого, «реализм нельзя связывать с определенным философским или религиозным мировоззрением» [Чижевский, 1964, с. 135], как и с определенными политическими (революционными, народническими) течениями: «Те сторонники реализма, которые хотели бы вычеркнуть из реалистов всех верящих в “миры иные”, и “реакционеров”, рискуют остаться только с Решетниковым, Помяловским, Слепцовым (и даже зубоскалом Николаем Успенским). Нельзя отрицать литературного дарования писателей этого типа, но, конечно, не им обязан русский реализм своим мировым значением!» [Чижевский, 1964, с. 136]. «Реализм (как и классицизм) допускает в свои ряды представителей различных мировоззрений» [Чижевский, 1964, с. 136]. Отрицая единство идеологии, Чижевский указывает на единство реалистического стиля, в основе которого — метод изображения действительности. Описание действительности по замечанию Чижевского невозможно в принципе, «ведь описание должно состоять в перечислении *всех* признаков подлежащего описанию объекта, а всякий отрезок действительности, как бы он ни был мал, обладает *бесконечным*³⁸ множеством черт и признаков» [Чижевский, 1964, с. 136]. Речь может идти только об «*изображении*» объектов и событий. «“Изображение” же возможно только потому, что поэт или писатель может заменить перечисление признаков объекта указанием только на *некоторые характерные*, яркие, существенные его признаки. Он имеет право сделать выбор из содержания объекта

³⁸ Здесь и далее курсив Чижевского.

и дать многостороннюю, но, конечно, не “исчерпывающую” его характеристику (если слово “исчерпать” понимать в буквальном смысле: — исчерпать без остатка), так как каждый, самый незначительный отрезок действительности неисчерпаем. Выборка предлагаемых читателю в изображении объекта признаков делается с какой-то определенной точки зрения, предмет изображается в какой-то “перспективе”. Всякое “изображение” не есть отражение действительности, но своего рода “стенограмма”, сокращенная запись о действительности» [Чижевский, 1964, с. 137].

Далее Чижевский рассматривает два способа изображения объектов в литературе: *метафорический* (по сходству) и *метонимический* (уводящий нас от объекта к иному предмету, не сходному с первым, но с ним «соседствующему», близкому в пространстве или времени). «Своеобразие реализма именно в том, что он, едва ли не впервые в таких размерах, пытается освободиться от метафорического способа изображения и отдает решительное предпочтение метонимическим средствам»³⁹ [Чижевский, 1964, с. 141]. Дальше Чижевский рассматривает именно это формообразующее свойство реалистического стиля. «Реализм, как сказано, пытался освободиться от метафорических средств изображения, в основе которых лежит представление о иерархическом строении мира. Как мы видели это представление сохранено многими реалистами (Достоевским, Толстым, Лесковым, Тургеневым и т. д.). Но даже и они включились в систему реалистического стиля».

У Достоевского реализм как способ художественного изображения состоит в том, что писатель «говорит о Боге, о Христе и вере не непосредственно, но путем изображения веры и неверия, переживания своих героев: Алеши и Зосимы, Ивана, Ракитина и Смердякова и др., т. е. как-то косвенным путем (“modo oblique”). Как будто бы только такой взгляд со стороны, подглядывание через повседневность, через душу героя, позволяет реалистам, верующим в существование “миров иных”, говорить о них и открыть их читателю» [Чижевский, 1964, с. 142]. У других авторов «среда» становится в центре внимания», особенно писателей с социологическими интересами. «Со средой бытие отдельного человека связано, по мнению

³⁹ Чижевский ссылается на тезис Р. О. Якобсона. См.: Якобсон Р. О художественном реализме // Якобсон Р. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. С. 387–393.

позитивистических социологов, чрезвычайно тесно. За счет социологического интереса следует отнести знаменитую формулу “среда заела”! И если Достоевский не верит в *зависимость* индивидуума, в частности, верующего христианина, от среды, то и он полагает, что индивидуум тесно *связан* со средой: “Каждый за все и за всех виноват” — именно выражение этого убеждения, в известном смысле “обращение” тезиса позитивистов в духе идеалистического христианского миропонимания.<...> А представление о всемогущей среде принадлежит к основным социальным верованиям русского интеллигента того времени» [Чижевский, 1964, с. 143].

Вопрос о причине возникновения того или иного характера является одним из основных требований, предъявляемых к реалистическому изображению действительности. «Отсюда все “предыстории” героев в романах: Обломова, Лаврецкого, братьев Карамазовых. Достоевский, правда, и здесь в известном смысле исключение: в его романах есть “двойная причинность” — кроме объяснений характера и действий героев причинами этого мира, эти же черты и события объясняются (вернее, осмысляются; причины “этого мира” очень часто бессмысленны!) входя в связь и отношения “миров иных”: Иван Карамазов, конечно, “сошел с ума!” (в связях этого мира), но он же “прозрел” (глазами своего черта) истины высшего мира... Но для реалистов — и для Достоевского — совершенно необходимо такое внимание к связям и отношениям этого мира, какого никогда не требовали от себя писатели-романтики и еще меньше — писатели (ныне не читаемые) классицизма и — в русской литературе слабого — барокко. В поэтическом рисунке реалиста все должно быть “мотивировано”, только мотивировка создает в эпоху реализма впечатление правдоподобия, которое требуется от реалистического произведения (“правдоподобие” не есть соответствие действительности, но только иллюзия такого соответствия).<...> Теперь мотивировано, и именно “метонимически”, причинами, лежащими в той же плоскости бытия должно быть все: и “типичные” характеры и события (напр. у Тургенева) и характеры и случаи исключительные, стоящие на грани нормального (у Достоевского и Лескова)» [Чижевский, 1964, с. 144]. Чижевский в рассмотрении вопроса о реализме Достоевского-художника остается верен своему подходу религиозного историка: он видит как зависимость художественного метода писателя от эпохи реализма с ее позитивистическими установками, так и своеобразие глубоко

религиозного миропонимания писателя, воплотившегося в индивидуальном и своеобразном стиле, который сам Достоевский определил как «реализм в высшем смысле».

Реализм Достоевского в исследовании Д. И. Чижевского

В работах о Достоевском Чижевский сосредотачивается на своеобразии и духовном смысле его реализма. В статьях 1920–1930-х годов («Шиллер и Братья Карамазовы», «К проблеме двойника», «Достоевский-психолог», «К проблеме бессмертия (Достоевский — Страхов — Ницше)» и др.) ученый рассматривает чрезвычайно важные духовные проблемы: об онтологическом смысле и ценности конкретного существования каждой личности, об иерархичности душевного склада человека, о бессмертии и вере, о религиозном смысле истории. В известной статье 1929 года «К проблеме двойника» Чижевский следующим образом определяет своеобразие стиля Достоевского-реалиста: «<...> художественный стиль Достоевского построен на взаимопроникновении “натуралистических” и ирреалистических элементов. Проза и пошлость жизни причудливо сплетаются с фантастикой, натуралистический рисунок — с пафосом отвлеченной идеи, трезвенное устремление к реальности — с экстагическим ясновидением запредельного. И сила Достоевского — в том, что эти полярно-противоположные, “противоречивые” элементы у него не просто смешаны, но сплетены и сращены в органическое единство. Нет сомнения, что этот стиль связан и с литературными традициями (Гофман, Гоголь, Диккенс, Бальзак) и с глубинами личных переживаний Достоевского. Здесь для нас существенно, что *реально-психологический* анализ Достоевского в то же время может быть назван “*трансцендентально-психологическим*”, “*смысловым*”, и что все реальные события, весь *сюжетный рисунок* в целом и в деталях является одновременно и разворачиванием *идеологической конструкции*, иногда чрезвычайно сложной и стройной. Для наших дальнейших анализов особо существенен именно этот дуализм смысловых плоскостей разворачивания сюжета» [Чижевский, 1929, с. 11–12]⁴⁰.

Наиболее полно исследование творчества Достоевского подано в главе о писателе во второй части немецкой монографии Д. И. Чи-

⁴⁰ Курсив Чижевского.

жевского «История русской литературы XIX века», которая называется «Реализм» [Tschizewskiĭ, 1967, с. 72–92]. Остановимся более подробно на этой работе ученого. Глава включает в себя три основных направления: краткая биография писателя, обзор творчества от «Бедных людей» до «Братьев Карамазовых», анализ свойств поэтики писателя (композиция, стиль, язык, символика, природа, идеология). Надо сказать, что это единственная из работ Чижевского, которая охватывает все творчество Достоевского. В ряду его достоевсковедческих работ⁴¹ много внимания уделено «Братьям Карамазовым»; отдельные статьи посвящены «Двойнику», психологизму творческого метода писателя («Достоевский-психолог»), философским источникам произведений («Достоевский и западноевропейская философия», «Проблема бессмертия: Достоевский — Страхов — Ницше», «Достоевский и просвещение»). В части работ Чижевский анализирует публицистику Достоевского и отдельные главы из «Дневника Писателя», нередко обращается к «Бесам» [Тоичкина, 2010, с. 5–11].

В главе о Достоевском в монографии 1967 года Чижевский уже в обзоре произведений писателя обозначает принципиальные проблемы его художественного мировидения. Анализируя раннее творчество, Чижевский пишет: «Достоевский, кажется, намеренно пошел путем “освобождения” художественного произведения от трудностей сюжета и освещения связанных в нем событий во *внешнем* мире, чтобы перенести центр тяжести изложения на душевные переживания [речь идет о «Хозяйке». — А. Т.]». Этот перенос привел писателя на грань «взрыва границ “физиологических очерков” “натуральной школы” и превращения их в “психологические”». Мрачный образ Петербурга и герои-чиновники, казалось бы, можно отнести к традиции «натуральной школы». «Но в его повестях преобладают уже его собственные — хотя тогда еще и довольно скромные — “открытия”. С будущим Достоевским-“философом” молодого Достоевского связывает, например, проблема свободы (см. уже в “Хозяйке” проблему свободы “слабого человека”) и проблема человеческого существования: последнее не обеспечивается ни чисто психофизиологической устойчивостью, ни страстью, ни рассудком, ни, как выяснится позже, силой воли. Но и существование внешнего мира

⁴¹ См. мою библиографию работ Чижевского о Достоевском, составленную при содействии Р. В. Мниха [Чижевский, 2010, с. 53–57].

неясно и обманчиво: Достоевский подчеркивает это образом призрачного города Петербурга, который в любой момент грозит исчезнуть подобно видению (в повести “Слабое сердце”). Этот образ восходит к романтическим описаниям (Гоголя и отчасти Пушкина) [Tschizewskij, 1967, с. 77]⁴².

Большие романы Достоевского Чижевский относит к древнему жанру дидактических романов: «Жанр этот почти того же возраста, что и сама литература. Старейшими славянскими романами этого жанра являются переводные дидактические романы византийской литературы (“Стефанит и Ихнилат”, “Варлаам и Иоасаф”, “Мудрый Ахикар”, “История семи мудрецов” и т. д.). Поэтика этого жанра получила дальнейшее развитие в XVII–XVIII вв. (ср. Свифт, Ж.-Ж. Руссо), причем дидактический материал излагался чаще всего без значительных помех для развития сюжета в виде высказываний действующих лиц. Русские переводчики (например, “Аргениса” Баркляя и “Телемаха” Фенелона) и подражатели (например, классицист М. Херасков или романтик В. Одоевский) не развили этого жанра. Но он был еще распространен, так что В. Белинский, случалось, писал о нем. Достоевский оживил и обновил дидактический роман: он создал жанр “полифонического романа” (М. Бахтин). Дидактический материал у него теснейшим образом связан с действием романа. Но поучительный материал дан, с одной стороны, как вывод из действия романа, который читатель должен сделать сам, с другой стороны, содержится в высказываниях действующих лиц и, наконец, во вставках (таких, как сжато реферированная статья Раскольникова, воспоминания старца Зосимы и “Легенда о Великом Инквизиторе”, автором которой является Иван Карамазов и т. д.). Достоевский не дает никаких *окончательных* ответов на поставленные в его романах вопросы; поэтому его “дидактические романы” отличаются особенно от “тенденциозных романов” Льва Толстого». Романы писателя оставляют впечатление скорее спора о проблемах, которые еще не решены и для автора. Образы героев концентрируют в себе проблемы «философского и религиозного искания, чаще всего тоже остающегося без окончательного результата» [Tschizewskij, 1967, с. 78–79].

⁴² Перевод В. Янцена. Целиком перевод этой главы монографии Чижевского дается в приложении к исследованию. Выделения подчеркиванием в цитатах Чижевского.

Чижевский следующим образом формулирует центральную проблему романного творчества Достоевского: «“Вечной” проблемой, которой занимался Достоевский, был вопрос о роли силы воли в “экономии существования” души, вопрос, который он затронул уже в “Преступлении и наказании”» [Tschizewskij, 1967, с. 82]. Сквозь призму этой проблемы рассматривает ученый романы «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы». Рассматривая проблематику «Бесов», в частности образ Ставрогина, Чижевский указывает следующие моменты: «Человеком сильной воли в романе является центральная фигура Николая Ставрогина, благородного молодого человека, обладающего физической красотой, богатством и духовной силой». Однако «“онтологически” этот господствующий над столь многими людьми Ставругин близок к “нулевой отметке существования”, а в конце ему не остается никакого иного выхода, как покончить жизнь самоубийством, и не потому, что он подвергается внешним преследованиям (правительством, подобно уже арестованным революционерам; Петр Верховенский заблаговременно уезжает), но потому, что душевно он совершенно *пуст*. Примеры силы воли, приводимые Достоевским, не всегда убедительны, отчасти они свидетельствуют о душевном заболевании и лишь отчасти объясняются отсутствием духовного полюса, вокруг которого могла бы вращаться жизнь его души. В первой, опубликованной в журнале редакции, упоминалось и видение Ставругиным чёрта. При публикации книги писатель это место опустил. Достоевский не говорит в романе, что духовным полюсом, которого не хватает Ставругину, должна была быть религиозная вера!» [Tschizewskij, 1967, с. 83–84].

Чижевский указывает на отсутствие зримого для читателя позитивного полюса в романе. Кажется, что писатель изображает негативный образ русского общества: «Вся жизнь губернского города носит в романе характер фантастического маскарада, полного призрачных фигур; многие сцены так же невероятны, как и в “Идиоте”, а некоторые (бал) еще более невероятны, поскольку в них принимает участие не только небольшая группа действующих лиц, но и широкие круги общества, “весь город”...». Мрачная картина в романе ничем не смягчается, кроме «неопределенной веры в здоровые духовные силы русского народа». Ученый пишет, что «положительных воззрений Достоевский здесь не дает и можно говорить

о попытке автора воздействовать “отрицательно дидактически”][Tschizewskij, 1967, с. 84–85].

Далее Чижевский достаточно подробно останавливается на «Братьях Карамазовых». В центре проблематики романа исследователь видит вопрос о типе «высшего человека»⁴³: «Одной из главных тем романа является психологическая типология: три человеческих типа воплощены в трех братьях Карамазовых и, как неоднократно подчеркивает в романе сам Достоевский, они стоят в прямой связи с человеческими типами “христианского поэта” Шиллера» (Достоевский соединяет типологию «Писем об эстетическом воспитании» и типологию «Разбойников» Шиллера). Но вопрос о «высшем» человеческом типе в романе остается открытым: «монах Зосима и его ученик Алёша Карамазов, по-видимому, стоят к этому типу ближе всего». Достоевский показывает, что в каждом человеческом типе живут свои высшие душевные силы, но также скрываются и различные опасные «угрозы». «Многообразие человеческих типов показывается прежде всего через нравственные действия соответствующих людей». Особенно занимают Достоевского рационалисты, представленные в романе в различных образах: «прежде всего в Иване Карамазове, которого Достоевский представляет читателю как человека, судящего и *осуждающего* всех других действующих лиц романа, в том числе и своего собственного отца». После убийства отца Иван чувствует моральную ответственность за преступление, совершенное слугой Смердяковым, под бессознательным влиянием Ивана. Неприятие героем мира, который, с его точки зрения, не имеет смысла, выражается в его поэме «Легенде о Великом Инквизиторе» и в рассуждениях чёрта. Чёрт подтверждает бессмысленность бытия теорией «вечного возвращения», которая предвосхищает философские воззрения Ницше. «Ничтожнейшим рационалистом (просвещенцем *sui generis*) как раз является убийца, лакей Смердяков, но и современное общество (что демонстрируется в различных сценах, например, в сцене заседания суда), по мнению Достоевского, разделяет мысли примитивного просвещенства» [Tschizewskij, 1967, с. 86]. Планы продолжения романа показывают, по мысли Чижевского, что «роман Достоевского *не* решил еще окончательно

⁴³ Об этом он уже писал в своей статье «Шиллер и “Братья Карамазовы”» (1929).

поставленную здесь проблему «высшего человека», не решил он ее и по мнению автора!» [Tschizewskij, 1967, с. 87].

Рассматривая композиционное и стилистическое своеобразие поэтики Достоевского, Чижевский обозначает следующие моменты:

- своеобразие в построении сюжетов: «В основе романов Достоевского лежат довольно простые сюжеты, развитие которых лишь изредка усложняется перипетиями и побочными линиями. Криминальные сюжеты романов тоже едва ли подходят для того, чтобы вызывать и усиливать напряженное внимание читателя, ибо то, что произошло в действительности, открыто сообщается читателю: только в последнем из своих романов Достоевский решает некоторые “загадки” задним числом. Содержание всех романов имеет чисто психологическую природу. Всегда имеется ряд конфликтов и разбирательств между людьми различных типов и прежде всего между носителями различных мировоззрений: правда, столкновение идей связано с личными конфликтами людей. Этот “полифонический характер” (М. Бахтин) или многоголосая “оркестровка” (Д. Чижевский) романов едва ли позволяет нам признать удачной характеристику произведений Достоевского как “романов-трагедий” (Вячеслав Иванов) <...>» [Tschizewskij, 1967, с. 87];
- дидактический характер романов, который выражается в теоретических вставках — иногда только в речах действующих лиц или же в их письменных обращениях, их исповедях, трактатах или поэтических произведениях; отдельно Чижевский обозначает проблему источников: «Говоря об источниках, мы вовсе не имеем в виду “влиятельный” или “заимствованный”. Достоевский мог реагировать на какие-то импульсы, в основном оставаясь почти всегда самостоятельным...» [Tschizewskij, 1967, с. 88];
- образ фиктивного повествователя;
- своеобразный язык: «Достоевский работает с разнообразными *слоями языка*, начиная с бесхитростного и бесцветного языка протокола через патетический язык, напоминающий полный энтузиазма романтизм (Гоголя и даже Марлинского), до поучительного и назидательного, иногда даже елейного и ханжески-благочестивого языка. О каком бы языковом слое ни шла речь, предпочтение постоянно отдается разговорному стилю и в плавной и в “психически-заикающейся” речи

героев. Она всегда индивидуально окрашена (ср., например, язык Кириллова в “Бесах”») [Tschizewskij, 1967, с. 88];

- разнообразие эпитетов: «Более всего Достоевский ценит эпитеты, которые, правда, весьма различны, начиная с просто гиперболически усиливающих (*величайший, чрезвычайный, сильнейший, важнейший* и т. д.) до оригинальных (*германокосоротый* и т. д.). Особенно он любит “обесценивающие” и уничижительные прилагательные (*ленивый, грязный, уродливый, вонючий, злобный* и т. д.), а также “презрительно”-уменьшительные формы. Редки неологизмы, чаще всего, правда, довольно “сильные” (ср. *второстепенность, накидчивость, одноидейность, кумирный, расстановочно*, и особенно глаголы: *капризиться, напроворить, вызлиться, безлесить, разжениться, намечтать* и т. д.). Многие странные выражения (он меня *дерзнул*, вместо — *ударил*) основываются на записях Достоевским народных фраз и выражений. Метафоры редки, важнее символически использованные образы» [Tschizewskij, 1967, с. 88–89];
- система символов: «Уже с ранних повестей Достоевский имеет определенную склонность вырабатывать систему мощно воздействующих символов, к которой относятся и некоторые типичные для его произведений “общие места”. К ним принадлежит (связанный с влиянием Пушкина и “натуральной школы”) образ растворяющегося в ничто в ночном тумане города (Петербург), а также описания Петербурга особенно в дождливую ночь (ср. “Слабое сердце”, “Двойник” и т. д.). Сюда же относится символ “сатанинской природы” как “злого насекомого” (например, вши или паука), образа, очевидно, восходящего к Шиллеру (R. Matlaw)». Перевороты в душе человека, по мнению слависта, связаны с достаточно редкими у Достоевского образами природы (в частности, с образом заката солнца с “косыми лучами”, или просто с “солнечным лучом” у Раскольникова и Мышкина). “Муравейник” стал символом “коллективизма”, т. е. такого общежития людей, которое подавляет или игнорирует их духовную индивидуальность, “кристальный дворец” (со Всемирной лондонской выставки) стал символом социализма, “угол” — символом самоизоляции человека, “Наполеон” — воплощением

(действительно или мнимо) “сильного человека” и т. д.» [Tschizewskij, 1967, с. 89].

Прием двойничества Чижевский рассматривает тоже как средство символизации художественных смыслов. Он пишет о «параллелизации двух человеческих типов, человеческих судеб или отдельных действий (ср. Соня и Дуня в “Преступлении и наказании”, “подросток” и Ламберт в “Подростке”, Иван и Смердяков в “Братьях Карамазовых”). Такое проведение параллелей иногда разворачивается в двойничество (“Двойник”, Ставрогин и множество внутренне зависимых от него людей в “Бесах”, Иван и Смердяков), мотив, заимствованный, вероятно, у Э. Т. А. Гофмана. И отдельные черты людей, по-видимому, имеют символическое значение (голубой цвет в связи с Катериной в “Хозяйке”))» [Tschizewskij, 1967, с. 89]. Чижевский видит в этих новаторских принципах символизации открытия в поэтике реалистического изображения; отдельно Чижевский останавливается на символическом характере немногочисленных описаний природы, на психологической природе портретов героев;

- «прием оркестровки» у писателя (повторения в различных контекстах важных для автора идей) позволяет представить идеи как бы независимыми от людей и их носителей, а это обозначает «принципиальную двуслойность изображения в романах Достоевского: все, что происходит с действующими лицами, имеет высший смысл и вечное значение. И Достоевскому действительно удалось поставить в своих романах вечные и общечеловеческие вопросы (что не значит, будто ответы он считал общезначимыми и окончательными!)» [Tschizewskij, 1967, с. 90].

Чижевский не устает повторять, что «центральной проблемой Достоевского является человек, его двойная сущность (в сердце человека Дьявол с Богом борется)». А предпосылками существования человека являются религиозная вера («без которой всякий человек опустился бы до “нулевой отметки существования”»), и источники его творческой силы («семена идей приходят к нам “из иных миров”») [Tschizewskij, 1967, с. 90]. Возвращается ученый и к проблеме красоты, к ее сомнительной многозначности. Также он останавливается на теме ценности свободы, которая может вырождаться в «сатанинское

своеволие». Проблема свободы в работах Чижевского о Достоевском всегда рассматривается в связи с проблемой теодицеи, вопросом о существовании зла и страдания (особенно незаслуженными страданиями детей) в созданном Богом мире. Так, он пишет, что «из двух возможностей создания мира либо как “бесперебойного” и для всех людей счастливого мира, в котором не было бы свободы, или мира, где людям в качестве высшего блага была бы подарена свобода, которой они как “конечные и ограниченные существа” могут и злоупотребить (опускаясь до злобного произвола), Бог мог выбрать только последнюю возможность (эта мысль в размышлениях о Достоевском развита особенно Н. Бердяевым)» [Tschizewskij, 1967, с. 91].

К центральным проблемам Достоевского относит славист вопрос о вине всякого человека «за все и за всех»; вопрос о философском смысле творчества Достоевского Чижевский тоже обозначает как проблему: эволюция художника, воплощенная в его творческих исканиях, не позволяет рассматривать все его произведения как единство, «представляющее собой завершенную и гармонизированную систему мысли (как это делает Р. Лаут и другие немецкие авторы)» [Tschizewskij, 1967, с. 91].

В рассматриваемой главе монографии ученого сведены вместе основные результаты кропотливой исследовательской работы Чижевского по изучению творчества Достоевского. Славист в рассмотрении вопроса о реализме Достоевского-художника остается верен своему подходу религиозного историка: он видит как зависимость художественного метода писателя от эпохи реализма с ее позитивистическими установками, так и своеобразие глубоко религиозного миропонимания писателя, воплотившегося в индивидуальном и своеобразном стиле, который сам Достоевский определил как «реализм в высшем смысле». Понятие стиля в трудах о творчестве Достоевского (как и в трудах о Пушкине и Гоголе) работает в двух планах: стиль эпохи находится в сложных и неоднозначных отношениях с индивидуальным художественным стилем автора.

Ссылки

1. Барабаш Ю. Вибрані студії: Сковорода. Гоголь. Шевченко. Київ: Видавничий дім «Києво-Могилянська Академія», 2006. 744 с.
2. Бургард т О. Новые горизонты в области исследования поэтического стиля (Принципы Э. Эльстера). Киев, 1915. 66 с.

3. Васильева М. А. А. Л. Бем, П. М. Бицилли, Д. И. Чижевский: Метод «мелких наблюдений» // А. Л. Бем и гуманитарные проекты русского зарубежья: международная конференция, посвященная 120-летию со дня рождения. 16–18 ноября 2006 г./ сост., науч. ред. М. А. Васильевой. М.: Русский путь, 2008. С. 113–135.
4. Васильева М. А. «Шинель» и пересечение параллелей // Дружба народов. 1997. № 1. С. 199–205.
5. Васильева М. А. Статья Дмитрия Чижевского Неизвестный Гоголь и ее «неизвестный» контекст // *Colloquia Litteraria Sedlcensia*. Т. IV. Дмитрий Чижевский и европейская культура. Дрогобич: Siedlce, 2010. С. 165–176.
6. Воропаев В. А. Гоголь Николай Васильевич (1809–1952) // Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918–1940. Т. 4.: Всемирная литература и русское зарубежье. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. С. 95–117.
7. Гоголь Н. В. Собрание сочинений: в 9 т. / сост. и коммент. В. А. Воропаева, И. А. Виноградова. М.: Русская книга, 1994.
8. Гольденберг А. Х. Ад и Рай Гоголя (к проблеме интерпретации творчества писателя в критике Русского Зарубежья) // Н. В. Гоголь и Русское Зарубежье: Пятые Гоголевские чтения. Сб. докл. / под общ. ред. В. П. Викуловой. М.: КДУ, 2006. С. 89–101.
9. Зеньковский В. В. История русской философии. Т. 1. Часть 1. Л.: «ЭГО», 1991. 221 с.
10. Кривонос В. Ш. Поворот или надрыв? (Поздний Гоголь в исследованиях Русского Зарубежья) // Н. В. Гоголь и Русское Зарубежье: Пятые Гоголевские чтения. Сб. докл. / под общ. ред. В. П. Викуловой. М.: КДУ, 2006. С. 55–65.
11. Марченко О. В. Творчество Николая Гоголя и Григория Сковороды в трудах Дмитрия Чижевского // Марченко О. В. *FABULAE SELECTAE*. М.: Асхань. 2016. С. 35–48.
12. Mnich R. «Рецептивная эстетика» Дмитрия Чижевского. Siedlce: Wydawnictwo Naukowe Instytutu Kultury Regionalnej i Badan Literackich im. Franciszka Karpińskiego, 2021. 588 с.
13. Надъярных Н. С. Дмитрий Чижевский. Единство смысла. М.: Наука, 2005. 366 с.
14. Тоичкина А. В. Чижевский о Достоевском (к проблеме определения метода интерпретации Чижевского) // *Dostoevsky Studies. New Series*. 2010. Vol. 14. P. 5–11.
15. Тоичкина А. В. Понятия «система» в работах Д. И. Чижевского о Я. А. Коменском и Г. С. Сковороде // Поиск гармонии в мире хаоса: Ян Амос Коменский и современная философия образования: Материалы международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург,

- 3–4 июня 2015 г.) / ред. С. Марчукова, Р. Мних. СПб.: Петершуле, 2016. С. 140–152.
16. Тоичкина А. В. Сковорода, Коменский, Сведенборг и Достоевский в работах Д. И. Чижевского о мистиках // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2017. Т. 18. Вып. 2. С. 145–156.
 17. Янцен В. В. Неизвестный Чижевский: обзор неопубликованных трудов. СПб.: Издательство РХГА, 2008. 162 с.
 18. Komenský J. A. Centrum securitatis // Dílo Jana Amosa Komenského. Praha, 1978. Т. 3. Р. 19–159.

Труды Д. И. Чижевского

1. Чижевский Д. К проблеме двойника. (Из книги о формализме в этике) // О Достоевском. Прага, 1929. С. 9–38.
2. Чижевский Д. «Морю», стихотворение Пушкина, рукопись второй редакции // Русский литературный архив / под ред. М. Карповича и Дм. Чижевского. Нью-Йорк, 1956. С. 5–39.
3. Чижевский Д. Что такое реализм? // Новый Журнал. 1964. № 75. С. 131–147.
4. Чижевский Д. И. О «Шинели» Гоголя // Современные записки. 1938. № 67. С. 172–195.
5. Чижевский Д. И. Неизвестный Гоголь // Новый Журнал. 1951. Т. 27. С. 126–158.
6. Чижевский Д. И. Три книги о Гоголе // Новый Журнал. 1955. Т. 41. С. 277–288.
7. Чижевский Д. И. Шиллер в России // Новый Журнал. 1956. Т. 45. С. 109–135.
8. Чижевский Д. И. Шиллер и «Братья Карамазовы» (вступ. статья: А. В. Тоичкина, В. В. Янцен; перевод: С. П. Кравца, В. В. Янцена; библиография: А. В. Тоичкина (при содействии Р. В. Мниха) // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 19. СПб.: Наука, 2010. С. 14–55.
9. Чижевский Д. И. Избранное: в 3 т. Т. 1.: Материалы к биографии (1894–1977) / сост., вступ. ст. В. В. Янцена; коммент. В. В. Янцена и др. М.: Библиотека-фонд «Русское Зарубежье»; Русский путь, 2007. 848 с.
10. Чижевский Д. И. Гоголь как художник и мыслитель (публикация и комментарий В. Янцена) // Вопросы Философии. 2010. № 1. С. 118–129.
11. Чижевський Д. Нариси з історії філософії на Україні (друге видання). Мюнхен: В-во Спілки Української Молоді, 1983. Серія: Монографії. Ч. 34. 175 с.
12. Чижевський Д. І. Д. І. Чижевський (Чижевський, Tschizewskij, Čuževskij) про Гоголя. Уклала О. В. Тоїчкіна. Гоголезнавчі студії. 2015. Вип. V (22), Ніжин: ФОП Лукьяненко В. В. ТПК «Орхідея». С. 388–390.
13. Чижевський Д. Реалізм в українській літературі. Київ: Видавничий центр «Просвіта», 2003. 117 с.

14. Čyževskij D. Gogol'-Studien. Zur Komposition von Gogol's «Mantel»// Zeitschrift für slavische Philologie. 1937. No. 14/1–2. S. 63–94.
15. Čyževskij D. Gogol': Artist and Thinker // The Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the U. S. New York. 1952. No. 4/2. S. 261–278.
16. Tschizewskij D. Das Heilige Rußland. Russische Geistesgeschichte I. 10.–17. Jahrhundert. Hamburg, 1959. 170 s.
17. Tschizewskij D. Das Heilige Rußland. Russische Geistesgeschichte II. 18.–20. Jahrhundert. Hamburg, 1959. 174 s.
18. Tschizewskij D. Vergleichende Geschichte der slavischen Literaturen. I. Walter de Gruyter&Co. Berlin, 1968. 31 s.
19. Tschizewskij D. Vergleichende Geschichte der slavischen Literaturen. II. Walter de Gruyter&Co. Berlin, 1968. 31 s.
20. Čyževskij D. Skovoroda — Gogol'// Die Welt der Slaven, 1968, 13/3. S. 317–326.
21. Tschizewskij D. Russische Literaturgeschichte des 19. Jahrhunderts. 2 Bände. Band I: Die Romantik. Forum Slavicum. München, 1964. 184 s.
22. Tschizewskij D. Russische Literaturgeschichte des 19. Jahrhunderts. 2 Bände. Band II: Der Realismus. Forum Slavicum. München, 1967. 210 s.
23. Tschizewskij D. Zu den Ukrainismen Gogol's // Heinz Dieter Pohl und Nikolai Sahnikow (Hrsg.): Opuscula slavica et linguistica. Festschrift für Alexander Issatschenko (= Schriftenreihe Sprachwissenschaft, Universität für Bildungswissenschaften, Klagenfurt). Klagenfurt: Verlag Johannes Heyn, 1976. S. 401–405.

2.5. Д. И. Чижевский о Н. В. Гоголе и Ф. М. Достоевском

Е. А. Фёдорова

В своей рецензии на курс истории русской литературы Д. И. Чижевского В. И. Кулешов обращает внимание на специфику понимания Чижевским романтизма и реализма. Для этого мыслителя главное достоинство романтизма заключается в «идеологическом и эстетическом единстве», что он не обнаруживает в реализме [Чижевский, 2007, с. 699]. Поэтому к романтикам Чижевский относит Гоголя и Пушкина, к реалистам-бытописателям — Гончарова и Островского. Творчество Салтыкова-Щедрина он рассматривает через призму своего учения о гротеске [Чижевский, 2007, с. 698]. Толстой и Лесков, по мнению Чижевского, считают сферой действительности религиозную сферу [Чижевский, 2007, с. 699]. Для Достоевского — это

«человеческая душа, другой мир, произрастающий из Божьего семени», для Тургенева — «неумолимая судьба» [Чижевский, 2007, с. 700]. Для «плоского реализма» свойственно, по мнению Чижевского, пристрастие к биографическому изучению героев, отвращение к метафоре и пристрастие к метонимическим стилевым средствам [Чижевский, 2007, с. 701].

Для Дмитрия Ивановича Чижевского Гоголь и Достоевский — это писатели-мыслители, поэтому для понимания их произведений необходимо осуществлять историко-философский анализ, подобно тому, как это сделал С. Л. Франк. В статье «С. Л. Франк как историк философии и литературы» (1954) Чижевский определяет задачу интерпретатора художественного произведения как способность схватить «предметное чувство» поэта [Надъярных, с. 216]. Именно такой подход позволяет увидеть в поэзии Тютчева не пантеизм, а стремление выразить «откровение Божества» [Надъярных, с. 218]. Погружение в мрак хаоса и восхождение души к Божественному Чижевский вслед за Франком видит также в творчестве Гоголя и Достоевского.

При анализе повести «Шинель» Чижевский поднимает проблему «диалектического отношения между подлинным и неподлинным существованием» [Надъярных, с. 221]. Обращаясь к повторам в повести, Чижевский размышляет об алогизмах повествования, логических срывах, неосуществленных ожиданиях читателя как комическом эффекте. Все это позволяет раскрыть «драматизм личностного бытия Акакия Башмачкина в контексте ничтожности (неподлинности) бытия повседневности» [Надъярных, с. 222]. Картина обесмысливания личностного бытия раскрывается в субъективном взгляде на мир героя Гоголя снизу вверх (частица «даже») и в проблеме поиска места «лишних людей» [Надъярных, с. 223]. Главным в повести Гоголя исследователь видит проблему духовной борьбы и выделяет мгновение просветления Башмачкина перед смертью как открытие Истины, пришедшей к герою свыше [Надъярных, с. 225]. Познание Бога у Гоголя — это самопознание. Такая мелочь, как шинель, становится искушением для человека, приводит его к грехопадению, обнаруживает «задор», через который страсть овладевает душой человека. Р. В. Мних утверждает, что главный герой всех повестей Гоголя — это нечистый дух, который воспламеняет душу человека своеобразной страстью, не согласовывая ее с истинным назначением человека и его онтологическим местом в мире [Мних, с. 272].

М. А. Васильева подчеркивает значение финала повести, где происходит возмездие за грех стяжательства героя, за «домостроительство» шинели [Васильева, с. 204]. Главный герой повести «Шинель», по мнению Чижевского, символически связан со многими смыслами: с антропологией вещи, мистическим отношением к миру (внешний и внутренний человек, микрокосмос и макрокосмос), с философией Абсолюта и проблемой ничто в философии [Мних, с. 376]. Обнаруживая «двойника» и заглядывая в бездну, человек оказывается перед выбором: божественное бытие или ничто, небытие.

В «Мертвых душах» Гоголя Чижевский находит противопоставление двух страстей («широкая страсть» и «ничтожная страстишка»), которые движут человеком. В своем единстве они не просто руководят человеческими поступками, но становятся «страшными властелинами» всего человеческого существа, всей его жизни [Мних, с. 377].

В работе «Неизвестный Гоголь» (1951) Чижевский рассматривает комедию «Ревизор» как символическую драму, в которой губернский город — это символ человеческой души. Этот мотив Гоголь находит в проповедях Иоанна Златоуста [Мних, с. 272, 281]. Заявленная в поэме «Ганц Кюхельgarten» идея мимолетности земного перед лицом вечности становится жизненной программой творчества писателя [Мних, с. 280]. По мнению Чижевского, магистральными темами в творчестве Гоголя становятся проблема человеческих страстей и тема пошлости как обязательной составляющей русской жизни [Мних, с. 280].

В 1952 году Чижевский выступил в Нью-Йорке с лекцией «Гоголь как художник и мыслитель». Главная проблема была поставлена исследователем как трагический конфликт слова и идеи, содержания и формы в сознании и творчестве Гоголя [Чижевский, 2010, с. 118]. Поскольку Гоголя привлекала языковая бессмыслица, его можно считать родоначальником «заумного языка» русских футуристов, утверждает исследователь [Чижевский, 2010, с. 120]. Особенностью поэтики Гоголя Чижевский считает использование вида гиперболы — «гиперохе» (гипербола, служащая для описания высокого и святого) — для характеристики «нижнего бытия». Источником исследователь считает «отрицательное богословие» Отцов Церкви, восходящее к «Ареопагитикам» [Чижевский, 2010, с. 122]. Это не пародия, считает Чижевский, а «своеобразный способ показать ничтоже-ство, небытийственность, иллюзорность низшего, земного бытия»

[Чижевский, 2010, с. 122]. Призрачная действительность у Гоголя раскрывается с помощью приема «реализации метафор»: она скрыта то за метафорой, сравнением, то просто трансформируется в нее. В результате Чичиков превращается в крепость, Петр Петрович Петух — в арбуз, а мир расплывается в ничто, в котором все оказывается не тем, что есть. Мир раскрывает свою иллюзорность уже тем, что все оказывается похожим на что-то иное и притом, по большей части, низшее [Чижевский, 2010, с. 124–125]. Поэтику Гоголя Чижевский соотносит с его идеалами и целью — способствовать преображению человека. Для этого читатель должен увидеть за ничтожным и искаженным миром истинную реальность, Царство Благодати [Чижевский, 2010, с. 126]. Смех разоблачает ничтожество этого мира, а слово проповедника должно стать путеводителем в Вечность. Неудачу Гоголя-проповедника Чижевский видит в отсутствии у него прямолинейности и устойчивости и в оторванности от духовных интересов своих современников [Чижевский, 2010, с. 127].

В 1974 году Чижевский выступил на семинаре «Поэтика и герменевтика» в г. Бад Хомбурге с докладом «Сатира или гротеск», в котором он раскритиковал позицию исследователей, которые причисляют произведения Гоголя к сатирическим. По его мнению, основное содержание и смысл произведений Гоголя выражены в форме гротеска, отражающего в искусстве, в отличие от сатиры, не конкретное, но общее [Мних, с. 317].

Итогом изучения наследия Гоголя Чижевским становится глава об этом писателе в «Истории русской литературы». Исследователь сравнивает Гоголя и Пушкина на разных уровнях, отмечая высокое мастерство стилизации в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» по сравнению с «Повестями покойного Ивана Петровича Белкина» [Мних, с. 280].

Р. В. Мних обращается к изысканиям Чижевского в области родословной Ф. М. Достоевского. В украинском сборнике духовных песен «Богогласник» (Почаев, 1790) Чижевский обнаружил покаянные духовные стихи предка великого русского писателя, фамилия которого «Достоевский» отражена в акростихе песни. Андрей Достоевский, дед писателя, был униатским священником [Мних, с. 368–371].

В 1956 году Чижевский издал в Нью-Йорке два письма Гоголя и отрывок черновика «Записок из Мертвого Дома» Достоевского [Мних, с. 535].

В работах Чижевского «К проблеме двойника у Достоевского» (1929) и «Достоевский-психолог» (1933) поднимается проблема этического рационализма. Исследователь анализирует стиль Достоевского и находит у него взаимопроникновение «натуралистических» и ирреалистических элементов [Надъярных, с. 231]. Силу Достоевского Чижевский видит в органическом единстве этих противоположных элементов. Особенно ярко это проявляется в повести «Двойник». «Двойник» Голядкина вырастает из его души и вытесняет его из всех сфер жизни, «подменяет» его на службе и в частной жизни. Кульминацией Чижевский считает фрагмент, когда в жутком сне Голядкина-старшего «двойники» умножаются бесчисленно. Онтологическая неустойчивость личности проявляется и в образе Ставрогина («ни холоден, ни горяч») и в образе Ивана Карамазова («отвлеченность» этического рационализма) [Надъярных, с. 234]. Поскольку личность индивидуальна и неповторима, она должна занимать свое место в жизни. Этический рационализм понимает только любовь к человеку вообще, но не к конкретному человеку. Отношения между людьми должны, по мнению Чижевского, строиться на принципе неосуждения. Смыслообразующей в антропологических воззрениях Чижевского является мысль «о пограничности человека в мире», человек как «микрокосмос» отражает вечную борьбу между добром и злом в мире. Причину раздвоенности личности Чижевский видит в том, что она подчиняет свою жизнь рационалистической конструкции, идее, социальной роли, должности или же чрезмерно привязывается к чему-либо земному [Надъярных, с. 236].

В 1966 году Чижевский выступил на семинаре в городе Линдау и провел дискуссию, посвященную сопоставлению дидактической литературы Толстого и Достоевского. По мнению исследователя, Достоевский предлагает читателю определенные проблемы, не разрешая их, в отличие от Толстого, который навязывает свою точку зрения читателю [Мних, с. 311].

В рецензии на книгу А. Бема «Тайна личности Достоевского» (1928) Д. И. Чижевский соглашается с автором исследования, что специфичность «творчества Достоевского надо искать в некотором своеобразном укладе его личности в ранние годы его жизни» [Чижевский, 2005, с. 352]. Этот уклад жизни мыслитель определяет как «мечтательство». Мечты и сны воплощают скрытые, неосознанные стремления и переживания, в которых раскрываются «обе бездны» —

и небеса и «бездна содомская». А. Бем считает, что художественная структура ранних произведений Достоевского близка психологической структуре сна [Чижевский, 2005, с. 353]. Особенно удачным считает Чижевский анализ повести «Хозяйка», который показывает, как все переживания Ордынова колеблется между реальностью и мечтой. При анализе романа «Игрок» А. Бем обращается к биографическому методу, в частности к материалу дневника А. Суловой.

Недостатки исследования А. Бема Чижевский видит в установлении аналогов между «Хозяйкой» Достоевского и «Страшной мезью» Гоголя, а также в обращении к традиции Гофмана в творчестве Достоевского. По мнению Чижевского, влияние Гоголя исследователем преувеличено, а параллели между Гофманом и Достоевским («Ошибки» и «Хозяйка») проведены не полностью [Чижевский, 2005, с. 354]. Общими в мировоззрении Гофмана и Достоевского Чижевский считает «обостренное чувство таинственного в жизни и бытии и обостренную боязнь “потерять себя”» [Чижевский, 2005, с. 355]. В рецензии на книгу А. Бема Чижевский ставит перед современной ему наукой проблему русского «мечтательства» и проблему «реализма» Гоголя и Достоевского [Чижевский, 2005, с. 356].

В статье «Достоевский и западноевропейская философия» (1931) Чижевский пишет о философии «подсознательного» Гофмана и Достоевского как о науке о «темной стороне души» [Чижевский, 2010(б), с. 268]. В творчестве великого русского писателя Чижевский обнаруживает силу «надсознательного», высшей сферы, из которой «приходят в душу человека экстатические откровения» [Чижевский, 2010(б), с. 269]. Художественное творчество, утверждает исследователь, это «предчувствие, пророчество, предвидение», источником которого является Бог [Чижевский, 2010(б), с. 269]. Сон открывает видящим его «глубочайший смысл действительности», это источник морального и религиозного откровения, поскольку этическому сознанию человека открывается то, что он не может заметить в действительности [Чижевский, 2010(б), с. 269–270]. Отсутствие живой любви к конкретному человеку приводит этический субъект к полному одиночеству. Так происходит со Ставрогиным и Иваном Карамазовым [Чижевский, 2010(б), с. 271]. Без любви к Богу невозможна любовь к ближнему, утверждает Чижевский вслед за Достоевским. Абсолютные корни человеческого существа таятся в его вере [Чижевский, 2010(б), с. 271–272].

Ссылки

1. Васильева М. «Шинель» и пересечение параллелей // Дружба народов. 1997. № 1. С. 199–205.
2. Мних Р. В. «Рецептивная эстетика» Дмитрия Чижевского / Roman Mních. Siedlce: Instytut Kultury Regionalnej i Badan Literackich im. Franciszka Karhinsritgo, 2021. 588 с.
3. Надъярных Н. С. Дмитрий Чижевский. Единство смысла. М.: Наука, 2005. 366 с.
4. Чижевский Д. И. А. Бем. Тайна личности Достоевского // Надъярных Н. С. Дмитрий Чижевский. Единство смысла. М.: Наука, 2005. С. 352–356.
5. Чижевский Д. И. Гоголь как художник и мыслитель / публ. и комм. В. Янцена // Вопросы философии. 2010. № 1. С. 118–129.
6. Чижевский Д. И. Достоевский и западноевропейская философия / публ. А. В. Тоичкиной // Достоевский и мировая культура. 2010. № 27. С. 264–272.
7. Чижевский Д. И. Избранное: в 3 т. Т. 1.: Материалы к биографии (1894–1977) / сост., вст. ст. В. В. Янцева; коммент. В. В. Янцева. М.: Русское Зарубежье; Русский путь, 2007. 848 с.
8. Чижевский Д. И. О «Шинели» Гоголя / публ. М. Васильевой // Дружба народов. 1997. № 1. С. 206–218.
9. Чижевский Д. И. Трубецкой и Достоевский / публ. В. Янцена // Достоевский и мировая культура. 2013. № 30. Ч. 1. С. 439–447.
10. Чижевский Д. И. Шиллер и «Братья Карамазовы» / публ. А. В. Тоичкиной, В. В. Янцен // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 19. СПб.: Наука, 2010. С. 23–53.

2.6. Д. И. Чижевский. Пушкин⁴⁴

пер. А. В. Тоичкиной

10. В центре внимания всей эпохи, однако, находится *Александр Сергеевич Пушкин* (1799–1837). Как это бывает с великими поэтами, он не вписывается в узкие рамки определенной школы. И все же в его творчестве и поэтической эволюции так много элементов

⁴⁴ Перевод с немецкого выполнен А. В. Тоичкиной по изданию: Tschizewskij D. Russische Literaturgeschichte des 19. Jahrhunderts. I. Die Romantik. Eidos Verlag München, 1964. S. 50–72. В предисловии к 1 тому монографии Чижевский благодарит своих учеников Хельгу Браунер, Уте Дрансфельд, Урсулу Фритчке, Гизелу Хердер, Габриэль Сельге и доктора Йогена Шрепфера за помощь в подготовке текстов его лекций к изданию.

подлинно романтического духа, что его легче понять в контексте его эпохи, чем, скажем, Достоевского с его «реализмом» или польского постромантика Киприана Норвида из романтического или «позитивистского» течения, вроде польского аналога русского реализма.

Пушкин родился в Москве, но впоследствии постоянным местом жительства его родителей стал Петербург. Родовитая дворянская семья, не отличавшаяся богатством, не смогла дать сыну блестящего воспитания, но, по крайней мере, окружила его культурной атмосферой, которая отвечала его ранним интеллектуальным склонностям. Отец его интересовался литературой, был поэтом-любителем, а его дядя Василий Львович, которого мы уже знаем (гл. II, 10), чувствовал себя поэтом по призванию. Наконец, его мать приходилась внучкой генералу петровского времени Ганнибалу, абиссинцу по происхождению, и племянницей еще более знаменитого адмирала Ганнибала. Она, еще сохранившая некоторые черты своего деда-иностранца, получила соответствующее времени французское воспитание. Ее личные письма, сохранившиеся до наших дней, свидетельствуют о литературном образовании.

Будущий великий русский поэт уже в детстве разделял литературные интересы своего отца и дяди и видел, как поэты, в том числе и Н. М. Карамзин, приходили в дом его родителей. По-видимому, сначала он писал стихи по-французски, и отцовская библиотека, которой он охотно пользовался, также содержала преимущественно книги на французском языке. В школе он получил прозвище «Француз». Эта школа, закрытый Лицей в Царском Селе, куда Пушкин был принят по протекции в тринадцать лет, на самом деле предназначалась для детей знатных семей и должна была готовить молодежь к «важным» отраслям государственной службы. Для Пушкина это строго закрытое учебное заведение, воспитанники которого носили униформу, имело значение, выходящее за рамки простого изучения предметов обучения. Среди одноклассников были молодые люди в равной мере с ним интересовавшиеся литературой, хотя ни один из них не происходил из «высокородной» семьи⁴⁵. Теоретические и практические занятия по «поэтике», которая по старому обычаю

⁴⁵ В Лицее учились дети из знатных семей, например, А. М. Горчаков был из известного княжеского рода Горчаковых.

еще была предметом преподавания в школе, давал безобидный классицист Н. Ф. Кошанский. Некоторые из этих молодых поэтов позже принадлежали к пушкинскому поэтическому кругу, в первую очередь барон Дельвиг и прибалтийский немец Вильгельм Кюхельбекер. Их работы появлялись в рукописных школьных журналах, которые частично сохранились. Стихи лицеиста Пушкина, составляющие почти четверть всего его стихотворного собрания, в первую очередь относятся к классицизму, хотя и в позднем его проявлении, а затем все больше и больше приближаются к стилю французских элегий. Комедия, роман и повесть, некоторые из которых Пушкин написал в соавторстве с другими поэтами, не сохранились. Показательно, что Пушкин и его друзья писали стихи на русском языке. Несмотря на то, что Державин считался в лицее величайшим русским поэтом, влияние карамзинской школы, и прежде всего Жуковского, должно было постепенно проникать в него. На переходном экзамене в январе 1815 г. среди гостей был Державин, в присутствии которого Пушкин должен был прочитать стихотворение, которое было одним из немногих его опытов в одической поэзии. Оно было написано в слегка архаичном стиле и упоминало имя Державина, который выглядел заинтересованным и, возможно, восторженным⁴⁶. Но вскоре Пушкин при личной встрече познакомился с Жуковским, что имело большое значение для его дальнейшего развития. Эта встреча представляет собой важный этап в его поэтической эволюции. В 1816 году Пушкин был принят в общество «Арзамас». Хотя он не мог присутствовать на заседаниях арзамасцев, но все же завязал переписку с Петром Вяземским. В том же году он встретил Карамзина и познакомился с П. Я. Чаадаевым (глава VII, 3), который в то время был еще гвардейским офицером. Общественное мнение, безусловно, все еще было под впечатлением от Наполеоновских войн; однако мы почти ничего не знаем о той реакции, которую эти войны вызвали в лицее⁴⁷.

⁴⁶ Речь идет о стихотворении «Воспоминания в Царском Селе» (1815), которое Пушкин написал по предложению проф. Галича для переходных экзаменов. Пушкин прочитал это стихотворение 8 января в присутствии многочисленных гостей, среди которых был и Державин.

⁴⁷ В лицейском стихотворении «Воспоминания в Царском Селе» и потом в незавершенном стихотворении 1836 г. «Была пора: наш праздник молодой...», написанном к 25-й годовщине окончания Царскосельского Лицея, Пушкин запечатлел переживания событий Отечественной войны 1812 г.

Назначение на должность в Министерстве иностранных дел не означало для Пушкина чрезмерной нагрузки. Он мог свободно посвятить себя поэтическому творчеству и, к сожалению, бурной жизни со своими друзьями, которую тщетно пытались оправдать панегирические описания биографов. По крайней мере, за эти годы Пушкин еще больше укрепил свои связи с литературными кругами. Деятельность «Арзамаса» в это время подходила к своему концу.

Поэтическое творчество Пушкина теперь постепенно отрывается от традиций классицизма. Самое значительное его произведение этого времени — сказочная поэма «Руслан и Людмила» (начата, согласно несколько сомнительному утверждению Пушкина⁴⁸, еще в Лицее и законченная в 1820 году). Произведение лишь приблизительно напоминает тип героико-комической поэмы XVIII века, но в большей степени указывает на образцы легких французских поэм, которые мы находим у Лафонтена, Вольтера, Грессета и т. д. — также через «Оберона» Виланда — и, возможно, также находится под некоторым влиянием Ариосто. Далекий от массивной грубости русской героико-комической поэмы некоего Василия Майкова и других представителей этого жанра, он ближе к изящной «Душеньке» И. Богдановича (1778) и более серьезной «Бахариане» (1803) М. Хераскова, аналогу столь же масонской «Волшебной флейты». Некоторые сцены обнаруживают влияние только что вышедшего первого тома «Истории» Карамзина (1818)⁴⁹. Некоторые мотивы взяты из русских сказок, и, возможно, в основе произведения лежит замысел Жуковского 1814 года⁵⁰. История приключений героя, Руслана, который после свадебного пира отправляется на поиски похищенной колдуном жены, Людмилы (дочери киевского князя

⁴⁸ П. И. Бартенев сохранил предание, что юный поэт писал стихи поэмы на стенах комнаты, куда был помещен в наказание (Бартенев П. И. О Пушкине. М., 1992. С. 93).

⁴⁹ В феврале 1818 г. вышли первые тома «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, которые послужили важным источником при создании поэмы Пушкиным. Так, поэт заимствовал из «Истории» имена соперников Руслана: Рагдай, Ратмир и Фарлаф.

⁵⁰ Замысел поэмы связан с литературной программой «арзамасских литераторов», выдвинувших идею создания национальной лироэпической поэмы, что отразилось в планах «Владимира» В. А. Жуковского и «Русалки» К. Н. Батюшкова (см.: Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 5 т. / сост. и автор примеч. С. А. Фомичев. Т. 2. СПб., 1993. С. 600).

Владимира), сама по себе была бы вполне безобидна, если бы Пушкин не обогатил повествование запоминающимися яркими картинами, выразительными образами, вкрапленными иногда красивыми пейзажными описаниями и выразительными эпитетами, характерными и для его поздних работ, которые часто служат приемом олицетворения вещей: «падут ревнивые одежды», «замки безжалостных дверей». Оживляют и хорошо выполненные сравнения (например, испуганного героя с неуклюжим актером), и тонкая ирония, которая серьезные ситуации в большинстве случаев делает безобидными (например, не совершенное героиней самоубийство). Пролог, добавленный во втором издании (1828), создает необоснованную иллюзию более тесной связи с русскими сказками. Но эту связь можно найти только в некоторых идиомах и в иногда неприемлемой для классицизма простонародности языка, в которой также упрекали Пушкина даже доброжелательные критики. Возражали против таких слов, как «удавлю», «щекотит», «чихнул», «рукавица» и т. д.⁵¹ Поэма, тем не менее, не является окончательным разрывом с классицизмом.

Точно так же и в отдельных стихотворениях нельзя обнаружить окончательного отхода от классицистического наследия. Хотя Батюшков, удивленный лаконичным стихотворением «У Юрьева» Пушкина («Любимец ветренных Лаис» 1820), ощущал его поэтическое величие, он еще не чувствовал существенного отличия его от своих собственных позднеклассицистических произведений. Замечательное стихотворение «Деревня» (1819) с его риторически удачными ремарками, направленными против крепостничества, также содержит мало нового стилистически, а стихотворение «Вольность» (1817), изменившее судьбу Пушкина, представляет собой классическую оду, о чем автор свидетельствует намеками на образцы французского классицизма. Не только политическая антимонархическая направленность этой оды (сопоставление Наполеона и Павла I) погубила Пушкина, но и его многочисленные, отчасти, вероятно, утраченные политические эпиграммы и демонстративное публичное проявление его свободолюбия привели к тому, что он вызвал недовольство власти. Только благодаря заступничеству влиятельных покровителей, в том числе Жуковского, он избежал более сурового наказания,

⁵¹ Речь идет об отзыве критика «Вестника Европы» (1820, № 11).

и, таким образом, был отправлен на юг в качестве чиновника с довольно неопределенным заданием. Для этого его начальник в Министерстве иностранных дел, государственный секретарь И. Каподистрия (грек по происхождению) написал Пушкину характеристику, которую его первый начальник на Юге, генерал Инзов, должен был счесть хорошей рекомендацией.

11. Это вынужденное путешествие значительно расширило кругозор Пушкина. По пути он встретил образованное семейство генерала Раевского, с которым вместе совершил поездку на Северный Кавказ и в Крым. Бессарабия, где он должен был выполнять свои служебные обязанности, отнимавшие мало времени, стала для него экзотической страной, о которой только и мог мечтать русский романтик: румынское (молдавское) дворянство с его полувосточным стилем жизни, греческие беженцы, которые снова начали борьбу против турок, еврейские и армянские купцы, бродячие цыгане, давали ему богатый материал для его творчества. Посещение Одессы, полувосточного города с третью итальянского населения, в котором была даже итальянская опера, еще больше обогатило его впечатления. Весной 1823 года Пушкину, опять же в качестве чиновника, удалось переехать в Одессу. В этих экзотических краях он даже встретил поэтов, знакомство с которыми не было бессмысленным для его дальнейшего развития, такими как романтики А. Ф. Вельтман и В. И. Туманский. Последний был хорошо знаком с западноевропейской литературой. Он также не только знал петербургских друзей Пушкина, но и был в Париже близко знаком с Кюхельбекером. Кроме того, Пушкин бывал в польском обществе Одессы и, как и в Бессарабии, встречался с наиболее видными представителями декабристов.

Незадолго до этого, а также во время путешествия он читает Байрона (вероятно, во французском переводе), Шекспира и Андре Шенье. Одно из первых стихотворений в новом стиле — элегия «Погасло дневное светило» (1820). По содержанию она напоминает «Прощание Чайльд-Гарольда с родиной». В обращении к морю и парусам своего корабля поэт иносказательно прощается с прежней жизнью и предлагает типичную для поэзии раннего русского романтизма тему «разочарования» в жизни (слово «разочарование», впрочем, не встречается в стихотворении). Уже здесь мы сталкиваемся с лаконизмом образа и такой силой выражения, которые трудно

найти в ранних стихотворениях Пушкина. Пребывание в Одессе в 1824 году завершается стихотворением «К морю», которым поэт прощается с морем; его свободный дух олицетворяют Наполеон и Байрон, умершие в 1821 и 1823 годах, но, возможно, в этом стихотворении намечается и отход от сильного влияния Байрона. Эти скупые двенадцать строк вряд ли являются удовлетворительным ответом на просьбу Вяземского посвятить поэму погибшему Байрону. Пушкин использует слова «романтического» семантического поля меньше, чем Вяземский в цитируемых стихотворениях. Тем не менее он придает своему словарному запасу специфическую романтическую окраску: к морю обращаются, ожидают и получают от него ответы или даже призывы, подсказки («ты ждал, ты звал»). Море сначала называют «стихией» («стихия»), слово, которое в русском языке имеет несколько иное значение, чем в немецком, и другие наименования, как «бездна»). «Стихия», прежде всего, персонифицирована, наделена душевными качествами: свободой («свободная стихия»), гордостью («блещешь гордою красой»), своенравием («прихоть») и, в сравнении с духом Байрона, мощью, глубокой и зловещей («могуч, глубок и мрачен»), стремительностью («ничем неукротим»)⁵². Показательно и другое стихотворение, законченное примерно в то же время: «Разговор книгопродавца с поэтом», которое характеризует Пушкина как поэта-романтика. Здесь уже звучит более поздняя тема — одиночество поэта и его безразличие к успеху у толпы («чернь»).

12. Самое важное из произведений Пушкина тех лет — это «Южные поэмы», создание которых продолжается и завершается поэтом на севере. Показательна уже их тематика: «Кавказский пленник» (экзотика), «Бахчисарайский фонтан» (такая же экзотика), «Братья-разбойники» (разбойничья романтика), «Цыгане» (естественный свободный человек). Кроме того, поэт начал работу над «романом в стихах» «Евгений Онегин» (см. 14 раздел ниже). Летом 1824 года Пушкин был выслан с юга из-за конфликта с губернатором Р. Воронцовым, который в то время считался либералом, и сослан

⁵² Чижевский посвятил этому стихотворению Пушкина отдельное исследование: Чижевский Д. И. «Морю», стихотворение Пушкина, рукопись второй редакции // Русский литературный архив / под ред. М. Карповича и Дм. Чижевского. Нью-Йорк, 1956. С. 5–39.

в родительское имение в Псковской губернии, где он должен был оставаться до 1826 года.

Первые три «Южных поэмы» могут быть почти без ограничений названы «байроническими», прежде всего из-за их формы. На протяжении десятилетий они служили образцом для русской эпической поэзии (В. Жирмунский). Их основные черты можно вкратце охарактеризовать следующим образом:

1. «Свободная форма»; описание событий концентрирует внимание на отдельных эпизодах, между которыми есть пробелы, которые воображение читателя должно заполнить.

2. Лирические отступления автора и другие «вставки» и вкрапления (описания природы, людей и т. д. играют большую роль).

3. Стихотворение приобретает характер интимной беседы с читателем, к которому часто обращаются в отступлениях, или беседы в присутствии читателя с героями поэмы, которым автор задает такие вопросы, в которых он обвиняет, выражает сочувствие и т. д.

4. В нем упоминаются интимные, неизвестные читателю эпизоды, настроения и переживания автора или его друзей и знакомых.

5. Популярна некоторая загадочная неясность даже в сюжете, но еще больше в отдельных эпизодах.

6. «Свободная форма» часто намеренно подчеркивается фрагментарным характером целого или подделывается ссылками на якобы пропущенные части поэмы. В ранних поэмах Пушкина эти черты намеренно сильно подчеркнуты.

Первая поэма «Кавказский пленник» (1820–1821) распадается на ряд ярких сцен. В черкесский аул приезжает черкес с русским пленником, которого сразу же рекомендуют как беженца из цивилизованного мира («отступник света») и как друга природы («друг природы»), которого заманили в чужой край «радостным видением свободы». Ночью появляется черкесская девушка и приносит ему кувшин с кумысом. Без объяснений и переходов она уже изображена как подруга пленника. В первой части поэмы прекрасные горные пейзажи, картины жизни и борьбы с завоевателями этого «вольнолюбивого народа» занимают значительное место. Вторая часть содержит беседы пленника с черкешенкой: заключенный признается девушке, что он — жертва страстей и несчастной любви, что «счастье для него умерло». Глубоко тронутая черкешенка помогает ему бежать. Но когда пленник достигает другого берега дикой реки и оглядывается

назад, то он девушки больше не видит, «И при луне в водах плеснувших / Струистый исчезает круг» — так автор намекает на самоубийство героини. Очевидно, сюжет довольно утонченный, хотя отдельные сцены слабо связаны между собой. Гениальность автора более всего проявляется в отдельных красивых местах, стоящих рядом с более слабыми, и в таких образах, как в созданной поэтом черкесской песне или в заключительном описании возвращения пленника «к своим»: «Тропой далекой / Освобожденный пленник шел, / И перед ним уже в туманах / Сверкали русские штыки, / И окликались на курганах/ Сторожевые казаки». Краткий эпилог восхваляет завоевательную борьбу России на Кавказе, к большому неудовольствию Вяземского, который в остальном бурно приветствовал это произведение⁵³.

Не ранее 1825 года⁵⁴ могло быть написано произведение меньшего объема, вернее фрагмент поэмы «Братья-разбойники», в которой в мрачных тонах изображается побег двух братьев из тюрьмы и гибель одного из них.

Третья поэма, «Бахчисарайский фонтан» (1821–1823), повествует о бывшем дворце крымскотатарского хана (на самом деле этот «фонтан» был всего лишь медленно капающий «фонтан слез») и напоминает о трагедии ревности в гареме хана. Бывшая любимая жена хана, грузинка, «устраняет» христианскую пленницу, предмет новой страстной любви хана; победительница будет казнена. Воспоминания о Крыме завершают поэму, в которой сюжет только намечен. Основное содержание — встреча двух женщин и монолог грузинки.

Идеологически более значимой является последняя поэма «Цыгане» (1824), опубликованная только в 1827 году (она содержит важнейший мотив «Пушкинской речи» Достоевского). Герой здесь, в свою очередь, является беглецом от «мира», но его бегство вызвано не только личными переживаниями (Алеко «преследуется законом»); его также отталкивает «тип мира», который воплощает

⁵³ С. А. Фомичев пишет о судьбе черкешенки: «Обретя свою судьбу, отличную от обычаев вольного племени, героиня неминуемо должна погибнуть. Поэтому эпилог поэмы, вызывавший, в частности, недоумение Вяземского, принципиально важен: в нем, по мысли Пушкина-романтика, запечатлено будущее Кавказа, уже соприкоснувшегося с цивилизацией <...>» (Пушкин А. С. Указ. соч. С. 603).

⁵⁴ На титулах в изданиях отрывка 1827 г. Пушкиным было помечено: «Писано в 1822 году» (Пушкин А. С. Указ. соч. Т. 2. С. 604).

в себе городская культура. Стремясь к желанной, но непонятной ему самому свободе, Алеко влюбляется в цыганку Земфиру. Ценности, которые он привносит в их любовь, в основе своей остаются представлениями покинутого им «мира». Он находит свое место в обществе первобытного народа, но когда Земфира изменяет ему, он убивает ее и своего соперника и изгоняется из цыганской общины. Наряду с двумя главными характерами важную роль играет отец Земфиры, который рассказывает в поэме о своей жизни. Прежде всего, описание цыганской жизни является органической частью произведения. Этим описанием начинается действие, прощальная речь старого цыгана завершает поэму. «Дикая» (в смысле «изначальная») свобода — это своего рода «золотой век», возможно, идеализация первобытного состояния человечества, как у Руссо. Трагическая вина Алеко в том, что он «хочет свободы только для себя»; подобно раненому журавлю, которого товарищи оставляют одного, он остается одиноким и брошенным в пустыне, изгнанным даже из общины первобытного народа.

Пушкин находит в этой поэме новые краски и средства, начиная с описания пестрой жизни в цыганском таборе при помощи нагромождения слов, «беспорядочного» перечисления («каталога» по терминологии Э. Р. Курциуса) и заканчивая совершенно сценическими диалогами. «Иностранное тело» в произведении остается прекрасный рассказ старого цыгана о якобы сосланном в Бессарабию Овидии. Но, возможно, эта легенда уже указывает на более поздние переживания Алеко, который, благодаря силе памяти, внутренне так привязан к своей родине, что, даже если бы он не совершил преступления, он не смог бы навсегда расстаться со своей родиной, «миром». Эпilog разрушает веру в счастье «бедных детей природы» — тему, к которой позже вернулся Пушкин, — и включает в себя намек на изгнание самого Пушкина.

«Южные поэмы» вызвали живой отклик как у сторонников, так и у противников романтизма. Вяземский написал введение к «Бахчисарайскому фонтану». В нем он развивает несколько смутное представление о романтизме по немецким образцам, известным ему лишь поверхностно. На юге, кроме того, появилась кощунственная поэма Пушкина «Гавриелиада». Несмотря на некоторые красоты выражения, сегодня она печатается в популярных изданиях произведений Пушкина только из-за ее пригодности для антирелигиозной

пропаганды. Жанрово она принадлежит к героико-комической поэме, но по легкости и изяществу языка превосходит «Руслана и Людмилу».

13. После изгнания на север Пушкин живет по большей части недалеко от Петербурга. Он продолжает находиться под пристальным наблюдением полиции и поначалу чувствует себя очень одиноким, хотя вскоре находит общество среди соседей. Время от времени его навещают старые товарищи по Лицею, в том числе Дельвиг и будущий декабрист Пущин, и он знакомится с более молодым поэтом, дерптским студентом Н. Языковым (см. гл. III, 22). К этому времени относятся более ста писем литературного содержания, часть из которых адресованы Жуковскому и Вяземскому. Для дальнейшего творчества Пушкина имело значение знакомство с народной поэзией. Сказки его старой няни играют в этом большую роль.

Как и все русское читающее общество его времени, Пушкин много занимался «Историей государства Российского» Карамзина. Теперь он нашел в ней материал, подходящий для исторической драмы: начало междуцарствия в XVII веке. Как стало известно совсем недавно, эта тема привлекла внимание гамбургского композитора начала XVIII века И. Маттезона, который написал оперу «Борис Годунов, или коварством достигнутый трон» (1710)⁵⁵; в начале XIX в. Шиллер осмысливал тот же материал, работал над драмой «Дмитрий». Пушкин превращает событие свержения последнего законного царя Бориса Годунова в драму в стиле Шекспира.

Эта тема приобрела необычную литературную привлекательность. Несколько поэтов пробовали свои силы в завершении незаконченной шиллеровской драмы. В России впоследствии появились различные редакции обработки того же материала, особенно последняя часть «Трилогии» А. К. Толстого. Также «Борис Годунов» Пушкина обрел в Генри фон Хайзелере хорошего немецкого переводчика, который написал и собственную пьесу «Дети Годунова». Наконец, нельзя не упомянуть постановку «Бориса Годунова» Мусоргского, которая является одной из самых значительных русских опер.

Следуя старой и, вероятно, ошибочной традиции, Карамзин считал, что Борис обеспечил себе царский престол преступлением;

⁵⁵ Эта опера считается первой оперой на русский сюжет; впервые исполнена лишь в 2007 году.

он якобы приказал убить последнего сына Ивана Грозного, малолетнего царевича Димитрия. Но вскоре явился мститель в образе загадочного тогда и поныне «Лжедмитрия», который появился в Польше, начал борьбу против царя Бориса и победил его; вскоре после этого он сам погиб в Москве, что повлекло тяжелые смутные времена в России. Однако Пушкин эти последствия не рассматривает.

Форма его драмы, состоящей из двадцати трех сцен, иногда очень коротких, была совершенно необычной для русской сцены и впоследствии редко ставилась. Она была запрещена к постановке до 1870 года⁵⁶ — не считая трудностей, возникших из-за цензуры. Как произведение для чтения «Борис Годунов» вскоре приобрел необычайную популярность.

В пьесе нет главного героя, потому что рядом с царем Борисом присутствует и судьба и характер Лжедмитрия, которые являются предметом изображения в нескольких сценах. А в некоторых других сценах героем является народ. Всего Борис появляется в шести сценах, Лжедмитрий — в восьми. Другие персонажи, которые — в отсутствие Бориса или Дмитрия — играют роль в прологе или для связи между отдельными сценами, должны были быть представлены в пяти сценах, и, наконец, в оставшихся четырех сценах появляется народ, который также присутствует на сцене в двух других эпизодах. Московские придворные, в том числе не совсем исторический Пушкин, составляют отдельную группу. Кроме того, поэт смешивает «шекспировское», но до тех пор не разрешенное в русской драме, серьезное с комическим элементом; две сцены можно охарактеризовать как неизменно комичные. Кроме того, Пушкин допускает, чтобы некоторые его герои в драме, написанной в стихотворной форме, вели разговоры в прозе. Показательно большое количество остроумных высказываний, некоторые из которых стали общеизвестными. Язык прост; Пушкин избегает слов «высокого стиля» и лишь изредка вставляет архаично звучащие слова и еще реже целые идиомы. Часто ему достаточно употребления устаревшего союза «чтобы». Язык каждого персонажа имеет индивидуальную окраску.

⁵⁶ Трагедия Пушкина «Борис Годунов» была опубликована с цензурными сокращениями в конце декабря 1830 года с датой издания 1831. Поставлена на сцене только в 1866 г. До 1866 г. трагедия была запрещена для представления на сцене. С цензурными изъятиями и сокращениями была поставлена впервые 17 сентября 1870 г. на сцене Мариинского театра артистами Александринского театра.

В то время как Пушкин видит, что судьба царя Бориса омрачена муками «нечистой совести», Лжедмитрий для него — всего лишь дерзкий авантюрист; в основе его стремления к царской короне лежит не что иное, как стремление к власти. Второстепенные персонажи, хитрые и эгоистичные бояре, польские магнаты, честолюбивая Марина, впоследствии жена Лжедмитрия, и духовенство пластически характеризуются в кратких диалогах. За событиями стоит народ, перемену настроения которого царь тоже чувствует. Его таинственная роль проявляется в последней сцене, завершающей драму жутким молчанием перед лицом убийства боярами малолетнего сына царя Бориса, царя Федора. Возможно, две фигуры, не вмешивающиеся активно в события, призваны символизировать высшую земную и небесную справедливость: летописец Пимен, через которого преступление передано будущим поколениям, и «юродивый во Христе», который может говорить все, что угодно, и приравнивает царя Бориса к царю Ироду в Евангелии — ведь вся трагедия основана на предпосылке, что Борис взшел на престол в результате убийства малолетнего царевича Димитрия. Драма Пушкина представляла собой столь вопиющий разрыв с русской театральной традицией, что поначалу ее прочтение вызвало ожесточенное сопротивление даже у его друзей.

14. Не менее необычным был эпический «роман в стихах» «Евгений Онегин»⁵⁷. Пушкин начал писать его в Бессарабии в мае 1823 года и постепенно публиковал по главам, пока осенью 1830 года не завершил восьмой главой. Вполне естественно, что за эти семь лет произошло интеллектуальное развитие поэта, но в целом он сохранил единство стиля.

Содержание романа несколько странное; вместо одного речь идет сразу о двух несчастных влюбленных. Молодой человек Евгений Онегин покидает столицу, где провел свою юность в разгаре светской

⁵⁷ В 1953 г. Чижевский издал «Евгения Онегина» А. С. Пушкина со своей вводной статьей и комментарием (Cambridge, 1953). Комментарий Чижевского вызвал болезненную реакцию у В. В. Набокова, который в это время работал над своим комментарием к произведению поэта. Набоков ревниво назвал комментарии Чижевского и Н. Бродского «бездарными компиляциями». См. литературу по этой теме: А. Гершенкрон. Рукотворный памятник // Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве Владимира Набокова. М., 2000. С. 396–416.; Черкасов В. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин» в освещении Чижевского и Набокова // Миргород. 2018. № 2 (12). С. 23–48.

жизни, чтобы поселиться в имении, унаследованном от дяди. Там в него влюбляется Татьяна, дочь семьи соседей; Онегин отвергает ее любовь; он принадлежит к «разочарованным», типичным представителям поколения 1820-х. Вскоре он уезжает из деревни, потому что на дуэли, вызванной пустяком, он убил своего друга и жениха сестры Татьяны Ольги, поэта Ленского. Через несколько лет он снова встречается в Петербурге Татьяну, которая вышла замуж за генерала и из провинциальной девушки превратилась в светскую даму. Онегин влюбляется в нее, но теперь Татьяна отвергает его любовь.

Роман по-прежнему относят к типу «байронической поэмы». Сначала мы имеем дело со «свободной формой» («даль свободного романа»), которая позволяет автору сосредоточить внимание читателя на отдельных эпизодах, оставляя на время без внимания развитие двух главных персонажей. Это не осталось незамеченным благонамеренными критиками. Так, описания Петербурга, помещицкой жизни Онегина и семьи Татьяны, но прежде всего «силуэты» многочисленных лиц, проходящих перед глазами читателя, обрисованные лишь мимоходом, являются убедительным свидетельством высокого мастерства автора. Здесь следует упомянуть и о лирических излияниях, которые зачастую занимают несколько строф. Особенно интересны высказывания Пушкина о поэзии, в которых есть даже полемические заострения, например, против Кюхельбекера, и его замечания по различным общим вопросам. Некоторые строфы изображают, между прочим, духовные интересы различных кругов общества и поколений и, таким образом, приобретают прямо-таки характер духовно-исторической хроники. Так мы знакомимся с кругом чтения Онегина и Татьяны, темами разговоров между Онегиным и Ленским, бывшим студентом Геттингена, и поэзией Ленского, которая примерно соответствует элегической поэзии Пушкина с 1817 года. Из старших русских поэтов выделяются Ломоносов, Фонвизин, Княжнин, Озеров, из современников Шишков, Шаховской и из «новых» названы или процитированы Жуковский, Катенин, Вяземский, Дельвиг, Кюхельбекер, Языков, Боратынский; в качестве чтения из старшего поколения названы Ричардсон и Руссо; поколение Татьяны читает мадам Коттин, г-жу де Крюденер, г-жу де Сталь и, вероятно, также Гете («Вертер»). Современники Онегина очень любят романтическую литературу: Ч. Р. Мэтьюрин, М. Г. Льюис, Ч. Нодье, конечно же, В. Скотт и Дж. Г. Байрон. Ленский читает

Шиллера и, вероятно, «Эдду» («отрывки из северных поэм»), Онегин обращается к Мармонтелю и Фонтенелю, Гердеру, Мандзони, Адаму Смиту, П. Бейлю, Гиббону; кроме того, Пушкин упоминает или цитирует древних поэтов Овидия, Гомера, Тибулла, далее Тассо и Петрарку — целая литературная энциклопедия служит для характеристики героев и их времени! Воспитание Онегина, сельская жизнь его потомственного дяди и юность матери Татьяны также не забыты. Время от времени Пушкин показывает картины из жизни крепостных, например, няню Татьяны и крестьян Онегина. Встречаются и многочисленные личные намеки.

Это красочное изобилие легко уместить в «байронической поэме». Свободная форма подчеркивается еще и тем, что Пушкин опускает отдельные строфы или строки. В более поздних изданиях он даже вычеркивает уже опубликованные строфы, но оставляет их место в тексте или номер. Несколько замечательных строф из удаленной главы, посвященные путешествию Онегина после его злополучной дуэли, были опубликованы Пушкиным отдельно. Для нас интересен биографический источник (пребывание в Одессе). Насколько близок этот роман по содержанию жизни автора, видно уже из того, что Онегин представлен читателю как хороший знакомый Пушкина.

Как и в остальных «байронических поэмах» Пушкина, в романе немало привычных обращений к читателю, действующим лицам и даже сочинению («иди же к Невским берегам, новорожденное творенье»), как и внутренних диалогов автора. С этим связан легкий юмор и элементы пародии (например, в стихах Ленского) или пародийное использование традиционных эпических форм; вместо того, чтобы, как требовалось, в начале произведения, указание эпического сюжета находится в конце предпоследней главы:

Я классицизму отдал честь —
хоть поздно, а вступленье есть.

Пушкин создал для своего романа особую четырнадцатисложную строфу, но это не вариант сонета, рифмы чередуются по схеме: 9а, 8В, 9а, 8В. 9с, 9с, 8D. 8D, 9е, 8F, 8F, 9е, 8G, 8G, что во многих случаях соответствует ходу мысли поэта. В первом четверостишии (квартете) указывается тема строфы, в двух последующих она

разворачивается, в двух последних строках зачастую заканчивается шуткой или серьезной сентенцией.

Язык стихотворения отточен до мелочей, он является прямо-таки квинтэссенцией стиля выражения, который Пушкин использовал в своих ранних поэмах и лирических стихах. Поэт намеренно использует слова из повседневной речи (брегет, фрак, жилет и т. д.), прозаизмы и иностранные слова. Рифмы на иностранные слова с юмористической окраской, такие как:

И бесподобный Грандисон,
который нам наводит сон...

Особенно многочисленны они в последней (8-й) главе, где употребляются также слова, которые Пушкин наполнил новым смысловым содержанием; однако неологизмы у него почти не встречаются. Слово «мятущийся» — первоначально «мятежный» — приобретает у Пушкина значение «взволнованный», имея в виду душевные переживания, и характеризует эти переживания как «глубокие и искренние»; родственное значение имеет слово «трепетный» — трепетный, обозначающий нежные душевные волнения. Слово «обман» приобретает у Пушкина эстетическое значение в смысле немецкого «хороший обман» («schöner Trug»); об увлечении поэзией говорится:

с каким живым очарованьем
пьет обольстительный обман.

Слова семантических полей «движение» (наряду с «трепетным», например, «бурный», «волнение» и т. д., «живой», возможно, по французскому образцу) ассоциируются с реальными, искренними и глубокими переживаниями, точно так же, как слова семантического поля «тепло» («огонь», «тепло», «пламя», «жар» и прилагательные от них образованные, а также другие болезненные явления, характеризующиеся такими словами, как «горячка», «бред» и т. д.); однако это не ново (уже античное: «*vir ardens*», «*anima inflammata*»⁵⁸, или древнерусское: «теплые слезы» — «горячие слезы раскаявшегося грешника» и т. д.). Антонимы к этим словам также приобретает метафорический смысл. Значимым является слово «сон» (сон

⁵⁸ «Горящий человек», «воспаленная душа» (лат.).

и сновидение) — это синоним всех переживаний «ночной стороны души». Можно сравнить: «сны поэзии святой — / среди поэтического сна — / и сердца трепетные сны — / кто странным снам не предавался — / и в сладостный, безгрешный сон / душою погрузился он — / исполнены страстей и лени / и снов задумчивых души».

В связи с этим мы читаем о «глубинах души», о «глубинах сердца» и т. д. Новую, позитивную окраску приобретают такие слова, как «страсть», «безумие». В отличие от Вяземского, впрочем, как и от других романтиков, Пушкин не нагромождает слова из этих семантических полей, и все же мы часто читаем такие строфы, как: «[Татьяна] ...одарена / Воображением *мятежным*, / умом и волею *живой* / и *своенравной* головой, / и *сердцем пламенным, и нежным...*»

Или поэт пишет про себя: «Любви *безумную тревогу* / я безотрадно испытал. / Блажен, кто с нею сочетал / *горячку рифм*: он тем удвоил / *поэзии священный бред...*»

Примечательны эпитеты Пушкина, которые оживляют или персонифицируют предметы: так, детская кукла «послушная», кубик шулера — «услужливый», лорнет — «взыскательный», «ревнивый», «разочарованный», «невнимательный», «неотвязчивый». Такие неожиданные обороты, вероятно, признавались строгими архаистами катахрезами⁵⁹.

«Евгений Онегин» — одно из самых красивых произведений, подаренных Пушкиным русской поэзии. Одно то, что он нарисовал картину русского общества двух знаменательных десятилетий (1810–1830), является большой заслугой поэта. Кроме того, Пушкин привнес в свой роман различные элементы своего мировоззрения и взгляд на жизнь, но было бы преувеличением желание найти в нем непосредственное «наставление», своего рода мораль. В других своих сочинениях Пушкин также высказывает свои идеи о жизни и искусстве.

Последующие попытки поэта продолжить «Евгения Онегина» ни к чему не привели; пожалуй, наиболее удачным является описание кружков декабристов и их времени (вероятно, Онегин должен был соприкоснуться с этими кружками). К сожалению, от этой так называемой «Десятой главы» романа до нас дошли только фрагменты.

⁵⁹ Катахреза — троп или стилистическая ошибка, неправильное или необычное употребление сочетаний слов с несовместимыми буквальными лексическими значениями.

15. Позже Пушкин также писал и планировал эпические произведения. Помимо двух небольших юмористических эпоей «Граф Нулин» (1825) и «Домик в Коломне» (1830) и эпической переделки шекспировской «Меры за меру» («Анджело», 1833) особого значения заслуживают две исторические поэмы.

«Полтава» (1828), написанная за несколько дней⁶⁰, изображает трагическую любовь юной Марии Кочубей к украинскому гетману Мазепе, который показан в поэме как честолюбивый эгоист. Он вступил в союз с Карлом XII и в 1709 году потерпел сокрушительное поражение под Полтавой вместе со шведским королем от Петра Великого, который также фигурирует в поэме. Мария сходит с ума, когда Мазепа казнит ее отца, и только в своем безумии она понимает, что Мазепа — чудовище по своей истинной сути, запятнанное кровью. Безумие также относится к ночным сторонам души и делает безумца ясновидящим; оно позволяет увидеть то, чего не может увидеть обычный человек. Связь любовной трагедии с исторической картиной не выгодна ни одному из мотивов, хотя поэма, опять же построенная на байроническом принципе, содержит множество прекрасных мест и ярко воплощает некоторые важные для Пушкина мысли. К ним относится высокое мнение поэта о роли, которую Петр Великий играет в русской истории. Тем не менее, поэма заканчивается пессимистическим эпилогом о бренности исторического величия.

И снова царь Петр — один из героев поэмы «Медный всадник» (1833). Тема связана с большим наводнением 1824 года в Петербурге, которому С. П. Шевырев посвятил стихотворение «Море спорило с Петром» («Петроград», 1829). Как и в «Полтаве», Пушкин соединяет в поэме размышления о великом историческом деянии Петра с описанием личной трагедии маленького человека. Чиновник Евгений потерял в этом наводнении все свое счастье, свою невесту, с которой надеялся провести тихую мещанскую жизнь. Евгений сходит с ума — и «прояснились в нем страшно мысли». Он выражает протест против царя Петра, человека, известный памятник которому изображается в образе «медного всадника». Как и Мария Кочубей, Евгений видит дальше и глубже, чем когда-либо мог видеть

⁶⁰ Работа над поэмой начата в конце июня 1828 г. в Петербурге, а окончена в тверском имени П. А. Осиповой-Вульф 27 октября 1828 г. (См.: Пушкин А. С. Указ. соч. Т. 2. С. 606).

в здравом уме. Он спрашивает о будущем России, которую «строитель чудотворный» «поднял на дыбы» над пропастью и которая теперь куда-то несется и неизвестно где остановится. Конфликт частной судьбы с исторической необходимостью, возможно, и является проблемой Евгения, который с того самого момента, как взбунтовался перед памятником Петру, слышал позади себя «тяжелый топот» медного всадника. Пушкин, кажется, во введении, которое он посвящает прекрасной и величественной столице, и в различных местах поэмы решительно защищает дело великого царя. Хотя Шевырев, напротив, будучи славянофилом, несколько скептически оценивает поступок Петра. Пушкин в своем стихотворении полемизирует и с великим польским поэтом Мицкевичем, в произведениях которого Петербург трактуется довольно дурно⁶¹. Позже Пушкину пришел в голову план написать историю Петра Великого; из сохранившихся заметок видно, что ему многое пришлось бы изменить в своем панегирическом отношении к этому царю.

«Медный всадник» также по форме является значительным произведением искусства, в первую очередь из-за часто отмечаемого «динамичного характера» изображения. На двух страницах представлена трогательная картина застройки Петербурга на жалкой пустоши и описан распорядок дня и года в столице. Море, борющееся за власть с царем, изображено как живое существо: подобно хищнику, оно нападает на Петербург и снова отступает, небрежно бросая свою добычу.

Наряду с эпическими поэмами у Пушкина стоят его «народные сказки». Они показывают, что его отношение к фольклору еще не характеризуется тем высоким уважением и некоторой переоценкой, которые мы позже встретим у русских романтиков. Как и Жуковский, Пушкин работает не только с истинно русскими сказочными мотивами, но и с зарубежными народными и художественными сказками. В «Сказке о попе и о работнике его Балде» он использует русский мотив побитого черта. В нем используется оригинальная техника стиха, которая также встречается во фрагменте о медведице. В «Сказке о царе Салтане» и в «Сказке о мертвой царевне» в красивых, но отнюдь не народных стихах, также обрабатываются русские мотивы,

⁶¹ См. стихотворение А. Мицкевича «Памятник Петру Великому» (1832, «Дзяды, из отрывка части III»).

в то время как «Сказка о рыбаке и рыбке» восходит к известной сказке братьев Grimm. Пушкин знал сказки братьев Grimm по французскому переводу. Тема «Золотого петушка» взята из книги «Альгамбры» американского поэта Вашингтона Ирвинга (1832). Несколько раз пытался Пушкин в своих сказках использовать народный русский стих. Вопрос о том, что в литературных сказках может быть действительно «народным», заслуживает отдельного рассмотрения.

Царь Николай не позволил опубликовать «Медного всадника», поскольку ему некоторые места показались подозрительными. Он, так сказать, «амнистировал» Пушкина после подавления восстания декабристов, принял его лично и теперь сам хотел играть роль его цензора. Эта «милость» вскоре обернулась постоянной угрозой, проявившейся уже в запрете «Бориса Годунова»⁶². Но вскоре Пушкин оказался еще теснее привязан к царскому двору. В 1831 году он женился на красавице Наталье Гончаровой. По его словам, по этой причине в тридцать два года ему выпала «честь» стать камер-юнкером (звание, которое обычно носили только молодые дворяне), чтобы он мог представить свою жену ко двору. Это новое положение принесло ему новые отношения в обществе и, по сути, больше врагов, чем друзей. В 1837 году конфликт из-за ревности к Д'Антесу, авантюристу, усыновленному голландским посланником, привел к дуэли, в которой Пушкин был смертельно ранен. Этот роковой спор был основан на недоразумении; Пушкин ошибочно принял Д'Антеса за отправителя оскорбительного анонимного письма.

16. Как и в «Медном всаднике», Пушкину в своих «маленьких трагедиях» удалось воплотить духовное содержание в высокохудожественной форме. Это «Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери», «Каменный гость» и «Пир во время чумы» (все 1830).

«Каменный гость» — это попытка в четырех коротких сценах заново переосмыслить старую тему гибели Дона Гуана. Пушкин знал нравоучительную переработку Мольера и, возможно, также текст оперы Моцарта. Однако его Дон Гуан — духовно одаренный человек, поэт, трагическая кончина которого не наказание за его грехи, а следствие его искренней любви к Донне Анне.

⁶² После первоначального запрета на публикацию «Бориса Годунова» Пушкин повторно обратился к царю перед женитьбой и получил разрешение печатать «под его собственной ответственностью» (Пушкин А. С. Указ. соч. Т. 2. С. 616).

«Пир во время чумы» — это вольная переработка эпизода из поэмы английского поэта Джона Вильсона (1785–1854) «Чумной город» (“The City of the Plague”). Пушкин превращает чуму в символ опасностей, с которыми сталкивается в жизни каждый человек, но, помимо этого, опасность таит «неизъяснимое наслаждение» для «сердца смертного»: «Есть упоение в бою, / и бездны мрачной на краю, / и в разъяренном океане, / среди грозных волн и бурной тьмы, / и в аравийском урагане, / и в дуновении чумы. / Все, все, что гибелью грозит, / Для сердца смертного таит / Незыблемы наслажденья...»

В конце концов, священнику удается заставить хотя бы одного из участников трапезы «глубоко задуматься».

В последние годы своей жизни Пушкин усердно изучал английскую литературу на языке оригинала, но он ошибочно утверждал, что его «Скупой рыцарь» перевод несуществующего произведения У. Шенстона⁶³. Эта «маленькая трагедия» пытается дать духовную интерпретацию скупости.

Что не подвластно мне? Как некий демон
отселе править миром я могу —

говорит «скупой рыцарь», глядя на свои неиспользованные сокровища. Но ему не нужно осознавать свою силу: «Я знаю мощь мою: с меня довольно / Сего сознания...» — исповедует он. Тем не менее скупость способна разрушить самые простые человеческие отношения, в данном случае между отцом и сыном. Таким образом, Пушкин намекает на проблему, которую Достоевский впоследствии неоднократно рассматривал не как социальную, а как психологически понимаемую нищету.

Последняя из небольших драм, «Моцарт и Сальери», затрагивает эстетическую проблему; Пушкин исходит из легенды о том, что Моцарт был отравлен своим венским коллегой Сальери из зависти. Однако у Пушкина Сальери не завидует успехам Моцарта, а скорее видит опасность для искусства в его оригинальном, неподражаемом творчестве, которое он сам считает почти коммерческой работой, основанной

⁶³ С. А. Фомичев указывает, что отсылка к несуществующему произведению Шенстона связана с тем, что Пушкин хотел скрыть автобиографический мотив пьесы (скупость отца, безобразная ссора с ним поэта в 1824 г.) (Пушкин А. С. Указ. соч. Т. 2. С. 620).

на строгой теории. Творения Моцарта могут пробудить в людях только бессильную тоску, но не оплодотворить творчество других художников.

Два более крупных драматических произведения остались фрагментами. «Русалка» — это история девушки, брошенной князем, которая находит смерть в реке и становится русалкой. План дальнейших действий нам неизвестен. «Сцены из рыцарских времен», вероятно, должны были стать драмой Пушкина «Фауст». Ее героини — изобретатель пороха Бертольд Шварц и изобретатель печатного искусства, то есть те силы, которые в представлении Пушкина создали новый мир. В завершенной части фрагмента появляется только Шварц; главный герой — городской певец Франц⁶⁴. Эти два фрагмента, а также ряд небольших драм, в том числе одна о папессе Иоанне, которая, возможно, также должна была появиться в последней упомянутой работе, содержат множество красивых с точки зрения художественного языка мест, но нам известно лишь о нескольких случаях запланированного продолжения сюжета.

17. Пушкин оставил после себя ряд прозаических произведений. У нас есть различные критические и личные заметки, относящиеся к его молодым годам. Но его эволюция, по-видимому, шла от поэзии к прозе. Однако из этого вряд ли можно сделать какие-либо «исторические» выводы общего характера, как будто поэзия всегда эволюционирует от стиха к прозе.

Еще в 1827 году Пушкин работал над романом «Арап Петра Великого», посвященным основателю его рода Ганнибалу (см. параграф 9). Пушкин не закончил полностью седьмую главу. Арап, учившийся в Париже, вызывается царем в Петербург, что дает возможность автору описать жизнь в новой столице. Петр Великий находит для арапа невесту из хорошей боярской семьи. Как должен был развиваться сюжет, к лучшему или к худшему, мы не знаем. Возможно, Пушкин хотел изобразить супружескую трагедию, которую действительно пережил его предок, но также возможно, что невеста должна была полюбить своего арапа, которого поэт изображает одним из самых лучших людей в окружении Петра Великого, как Дездемона — своего Отелло. Фрагмент отличается хорошим, ясным языком и лаконичным

⁶⁴ По замечанию Пушкина, «Пьеса кончается размышлениями и появлением Фауста на хвосте дьявола (изобретение книгопечатания — своего рода артиллерия)» (Пушкин А. С. Указ. соч. Т. 2. С. 621).

изложением, которое динамично разбавляется разговорами. Сам Пушкин опубликовал только две главы романа (1829 и далее).

В 1831 году вышел томик «Повести покойного Ивана Петровича Белкина, изданные А. П.». Хотя Пушкин посвятил «автору» биографическую заметку, все пять повестей были написаны им самим. Говорят, что Белкин слышал их от разных людей, чья манера рассказывать соответствует каждому произведению. «Выстрел» рассказан полковником. Герой этой новеллы вполне мог бы появиться в байронической поэме: на дуэли он оставляет за собой один выстрел до тех пор, пока не встретит своего противника, не выказавшего страха, в качестве счастливого супруга. Однако демоническому герою достаточно замешательства и страха противника и его молодой жены, и он отказывается от своего выстрела.

Еще два рассказа, «Метель» и «Станционный смотритель», имеют романтическую тематику. Первый — это, в сущности, совершенно невероятная история «роковой» любви. Снежная буря мешает жениху вовремя приехать в церковь, и его место у алтаря занимает другой, предназначенный судьбой, мужчина, который лишь случайно, спустя долгое время, снова встречает свою жену. Сюжет «Станционного смотрителя» всегда неправильно понимают. Проезжающий офицер похищает дочь смотрителя, который представляет ее судьбу по образцу притчи о блудном сыне. Он умирает от отчаяния, и дочь потом может только оплакивать отца на его могиле, очевидно, как богатая жена похитителя. В фабулах обоих рассказов есть некоторые пробелы и неясности, поскольку они относятся к стилю романтической прозы и стихотворных рассказов.

«Гробовщик» — это пародия на романтический рассказ ужасов: гробовщику по ночам являются его бывшие клиенты, которых он в чем-то обманул. Но явления оказываются картинками из снов после веселого вечера.

«Барышня-крестьянка» по тону еще напоминает Карамзина. Говорят, что одна знатная дама рассказала Белкину сентиментальную идиллию, в центре которой молодой сын помещика и героиня, одетая как крестьянская девушка.

Для всех повестей Белкина характерен необычайно лаконичный, содержательный язык, в котором есть только короткие придаточные предложения и нет излишних эпитетов и метафорических украшений. Таким образом, повествование почти соответствуют тому идеалу,

добиться которого самим классицистам не удалось. Это типичные короткие рассказы: «Гробовщик» занимает всего около восьми страниц, «Барышня-крестьянка» — около двадцати, а трое других — по двенадцати страниц каждый. С них начинается традиция современного русского рассказа.

Пушкин также написал несколько более крупных повестей, которые можно назвать романами, хотя автор не использовал это название. Он опубликовал романтическую повесть «Пиковая дама» (1834)⁶⁵, которая тематически непосредственно связана с Достоевским: бедный офицер-инженер Герман (возможно, Германн)⁶⁶ хочет узнать у старой графини секрет трех карт, известных только ей, которые обязательно дадут победить в игре. Однако старуха умирает раньше от ужаса при виде пистолета, которым угрожал ей злоумышленник. Покойницей она предстает перед Германом и сообщает ему названия трех карт. Но секрет не может ему помочь, так как он по ошибке не поставил свои деньги на туза во время игры, но сделал ставку на пиковую даму. Герман кончает безумием. Этот сюжет переплетается с любовным мотивом; для такого сложного сюжета Пушкину требуется всего двадцать пять страниц.

Настоящий роман, который, впрочем, тоже занимает всего сто тридцать страниц, — это «Капитанская дочка» (1836). В нем Пушкин использовал свою работу по истории Пугачевского восстания (1773 г. и далее, см. ниже). В центре сюжета — молодой офицер, который любит дочь коменданта небольшой крепости в Оренбургской области, убитого повстанцами. Ради этой девушки он отправляется в путешествие на территорию, захваченную Пугачевым, и потом подозревается в том, что перешел на сторону Пугачева. Из исторических личностей на сцену выходит только Пугачев. Императрица Екатерина II появляется только в заключительной главе романа. Возможно, именно поэтому Пушкину удалось в ограниченном пространстве повести воссоздать образы исторических событий с «точкой зрения червяка»⁶⁷ с необычайной запоминаемостью.

⁶⁵ Написана в 1833 г.

⁶⁶ Германом называется русский герой; поскольку он описан как немец, можно, вероятно, предположить, что его фамилия Германн (прим. Д. И. Чижевского).

⁶⁷ «Взгляд червяка» — это термин, используемый для описания просмотра объекта (перспектива просмотра) с точки зрения, которая находится ниже нормально-го уровня глаз.

Две другие более крупные работы остались незаконченными и опубликованы посмертно. Одна из них — разбойничий роман «Дубровский». Молодой дворянин, подобно Михаэлю Кольхаасу⁶⁸, становится грабителем, потому что хочет отомстить за несправедливость, причиненную его отцу несправедливым приговором. С этим сюжетом, в свою очередь, связана история любви, поскольку герой влюбляется в дочь своего врага. Пушкин закончил только первый том романа, во втором томе герой, вероятно, должен был отправиться за границу. В остальном о содержании запланированного продолжения ничего не известно.

Второе произведение, из которого была написана лишь небольшая часть, называлось «Египетские ночи». Царица Клеопатра якобы продала свою любовь ценой смерти: после одной ночи она потребовала казни своего возлюбленного. Пушкин «дал» импровизатору прочитать стихотворение на эту тему; говорят, что среди слушателей тогдашнего Петербурга была женщина, которая могла подражать Клеопатре. Дальнейшее действие не развито.

Кроме того, сохранились многочисленные планы Пушкина и даже начало романа. Некоторые из них очень интересны, например, приписываемая Белкину «История села Горюхина», которая, вероятно, была вдохновлена пародийной «Историей Нью-Йорка» Вашингтона Ирвинга⁶⁹ и, как и ее образец, содержит социальные мотивы.

Следует отметить, что темы и отдельные мотивы творчества Пушкина неизменно принадлежат романтической традиции: разбойники (Дубровский, как и Пугачев), художники (итальянский импровизатор и противопоставленный ему русский Поэт в «Египетских ночах»), видения и ясновидческие сны (наряду с «Пиковой дамой» и в «Капитанской дочке»), но, прежде всего, парадоксальные сюжеты (особенно «Метель», «Станционный смотритель» и «Египетские ночи») всегда лаконично представлены. Прежде всего, в некоторых рассказах Белкина и романах мы встречаем только короткие фразы и скудные поэтические украшения, что редко встречается в русской литературе.

⁶⁸ Герой новеллы Генриха фон Клейста «Михаэль Кольхаас» (1810).

⁶⁹ Речь идет о сатирическом произведении американского писателя Вашингтона Ирвинга «История Нью-Йорка от сотворения мира до конца голландской династии, рассказанная Дидрихом Никербокером» (1809).

18. Пушкин, вероятно, рано почувствовал себя «профессиональным писателем». В XVIII веке журналистика не считалась благородным занятием. Карамзин на какое-то время решился на профессиональную деятельность в качестве журналиста. В XIX веке мы уже встречаемся с журналистами из дворянских кругов. «Полярная звезда» Рылеева и Бестужева, «Мнемозина» князя Вл. Одоевского — одни из первых признаков новой оценки журналистской профессии. Князь П. Вяземский был постоянным сотрудником журнала Н. Полевого. Пушкин, который уже в ранние годы писал многочисленные черновики критических эссе, в 1829–30 гг. принимал активное участие в «Литературной газете» А. Дельвига. Однако сотрудничество с журналом московских романтиков не состоялось. Его попытки основать собственный журнал увенчались успехом только в предпоследний год его жизни: в 1836 году он стал издателем ежеквартального журнала «Современник». Можно наблюдать, как в процессе развития творчества Пушкина все более усиливалась роль прозы, как поэтической, так и публицистической.

Помимо многочисленных литературно-критических заметок и эссе, Пушкин также редактировал чужие тексты. Сюда относятся воспоминания американца Джона Теннера, который был похищен индейцами в детстве и позже вернулся в цивилизованный мир, далее рассказы о судебном процессе молодой женщины из Нюрнберга Марии Шонинг, которая несправедливо обвинила себя в преступлении, чтобы «спастись» от нищеты и нужды с помощью смертной казни, и, наконец, воспоминания о том, как французский офицер участвовал в кампании Петра Великого против турок (1711 г.). «История пугачевского бунта» (1834, в двух томах) представляет собой попытку исторического труда. К частично журналистским работам Пушкина относится описание его путешествия на Кавказ в 1829 году («Путешествие в Арзрум»), в котором, однако, серьезные репортажные и поэтические задачи сочетаются с пародиями на Шатобриана. В то время как критические и полемические очерки стилистически довольно разнообразны, то более крупные непоэтические прозаические произведения близки пушкинским повестям.

По поводу задуманной «Истории Петра I» в наследии Пушкина сохранились только собранные им материалы.

19. Конечно, следует ценить Пушкина прежде всего как лирического поэта и особо отметить его место в истории русской поэзии.

Подлинно пушкинские элементы впервые встречаются в его юношеских «элегиях», с которыми перекликаются многие более поздние стихотворения. Затем он разрабатывает вместо жалоб на потерянную молодость (в восемнадцать лет) и вместо неопределенной тоски (в этом роде, «темно и вяло», он позже напишет стихи Ленского) все более четкие, хотя часто и необычные образы с определенными, точно выбранными и четко очерчивающими предмет выражениями.

Последующие поколения особенно отметили ясность и прозрачность лирики Пушкина. Только поэтому его законными преемниками считались такие поэты, как А. Н. Майков, а позднее даже А. Н. Апухтин и им подобные, которые в своих благозвучных, гладких стихах достигали определенной конкретности изображения. Спустя полвека своеобразие пушкинского творчества назвали также «реализмом». Мы вернемся к этому позже.

Именно лирику Пушкина, в отличие от его эпических произведений («поэм»), едва ли можно охарактеризовать несколькими словами. Важны отдельные черты, проходящие через всю его поэзию со времен южной ссылки. Начало нового времени ознаменовано окончательным разрывом с поэтикой классицизма. Во-первых, это означает отказ от традиционных жанров. Классические формы разрушаются, их место занимает, например, свободная форма «байронической поэмы»; даже фрагменты сочинений Пушкина являются совершенными произведениями искусства, такие, как «Какая ночь, Мороз трескучий», «Альфонс садится на коня» (воссоздание фантастической новеллы А. Потоцкого «Рукопись, найденная в Сарагосе»), далее четверостишия «Напрасно я бегу к сионским высотам» (подражание первой главе из «Прогресса паломника» Джона Баньяна⁷⁰) или также «Два чувства дивно близки нам», восьмистрочный стих, из которого завершены только первые четыре строки. Завершенные лирические стихи также загадочным образом открывают бесконечные перспективы. В некоторых случаях Пушкин называл свои опубликованные стихи «фрагментами» (отрывками), в других содержание требует «продолжения», в некотором смысле оно

⁷⁰ Джон Баньян (John Bunian, 1628–1688) — английский писатель, баптистский проповедник, автор аллегории «Путешествие Пилигрима из Этого Мира в Тот, Который должен прийти» (1678–1684).

выходит за рамки непосредственно высказанного (см. «Поэт»: «Пока не требует поэта...»). Даже последние строчки некоторых стихотворений предполагают продолжение, например, из-за отсутствия рифмованной строки.

Формы стихотворных размеров в поэзии Пушкина не особенно разнообразны. Преобладающим является четырехстопный ямб, структура которого изменяется только в результате выпадения одного из четырех акцентов. Не менее чем в двадцати пяти процентах в строках отсутствует ударение в третьей стопе, поэтому строка выглядит примерно так:

XX'XX'XXXX'(X)

Пропуск ударения встречается и в других стопах, например:

...его' приме'р други'м нау'ка... XX'XX'XXXX'X

...пока' не тре'бует поэ'та... XX'XX'XXXX'X

...о'н малоду'шно погруже'н... X'XXX'XXXX'

...неотходя' ни ша'гу про'чь... XXXX'XX'XX'

Трохей и трехсложные размеры стиха встречаются реже, и самым редким является анапест. Рифмы, за редким исключением, точны, так что Пушкин наполовину в шутку сетовал на «бедность» русской рифмы. Строфическое деление выполняется не всегда.

Краткость выражения, очевидно, обусловлена намерением автора, о чем свидетельствуют многочисленные сокращения первоначальных черновиков и оставление уже готовых строк, которые сам поэт часто считает настолько удачными, что использует их снова в другом месте. Этот лаконичный способ выражения является характерной чертой поэзии пушкинского времени (см. ниже с. 71).

Поэтическую тематику Пушкина трудно охарактеризовать, поскольку он ценит именно ее многообразие: поэт — это «эхо», дающее свой поэтический отклик на все на свете («Эхо», 1831). Типично романтические темы нередки (ср. также V, 12). Среди них можно назвать «ночную сторону природы»: ночью душа человека находит свой ответ или, по крайней мере, ищет его (ср. «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы», 1830, фрагменты «Скажи мне ночь...», 1825, и даже призыв к зимней ночи «Весна, весна, пора любви...», 1827). Конечно, поначалу ночь является лишь фоном для более глубоких душевных волнений («Ночь», 1823, «Ненастный день потух», 1824), но важнее то, что в более значимых произведениях она часто становится фоном событий. Человека зачастую рассматривают

как странника в этом мире, примером чего часто является жизнь самого поэта («Телега жизни», 1823, «Зимняя дорога», 1826, «Бесы», 1830; последнее стихотворение, кстати, написано не зимой, и некоторые строки явно напоминают «Метель» Вяземского из цикла «Зимняя карикатура», 1828). Сновидение также относится к числу романтических тем. Для зрелого поэта оно, как уже подчеркивалось (см. выше), является символом более глубоких, более значительных душевных волнений (ср. «Разговор книгопродавца с поэтом», 1824, «Фонтану Бахчисарайского дворца», 1824, уже обсуждавшееся переосмысление слова «сон»). Сновидение открывает человеку его более глубокую сущность («Пиковая дама» и пропущенная сцена в «Борисе Годунове») или даже обладает ясновидческой силой (сон Татьяны в «Евгении Онегине» или сон Гринева в «Капитанской дочке»). Даже безумие, которое также открывает глубины души, и слово «безумный» приобретает положительное значение, например, уже в 1820 году в «Погасло дневное светило», в «Пускай увенчанный любовью красоты», 1824, в «Под небом голубым страны своей родной», 1826, и особенно в «Не дай мне Бог сойти с ума», 1833). Последнее, упомянутое стихотворение — это идеализация безумия. Конечно, и безумцы имеют значение в более крупных произведениях, особенно Евгений в «Медном всаднике». Особую категорию составляют многочисленные стихотворения, посвященные призванию, предназначению и бытию поэта, которые создают типично романтический образ поэта с разных точек зрения. Во многом показательным является стихотворение «Пророк» (1826), в котором Пушкин изображает призвание поэта в библейских образах, чрезвычайно умело используя церковнославянскую лексику. Он также не стесняется использовать редкие церковнославянские слова (например: «влачиться», «персты», «зеница», «отверстый», «глагол» в значении «слово») и использует морфологически архаичные формы («гад морских» — род. п. множ. ч., или «виждь» — императив). Подобная поэтическая игра с лексическими группами слов, чуждыми романтическому литературному языку, встречается у Пушкина и в других местах (ср. фольклорные лексические элементы в сказках, «испанская лексика» в различных стихотворениях, церковнославянские элементы, которые все еще присутствуют, например, в «Отцах-пустынниках» 1836 года и в различных сценах «Бориса Годунова» и т. д.).

Пушкин пишет баллады (литературный жанр, характерный для русского романтизма); его часто занимают фантастические («нуминозные»⁷¹) баллады, противоречащие классицистической поэтике жанра. В этом и в его склонности к стилизации, в обращении к Востоку, к средневековым людям, к народному сказочнику или Данте и Байрону видны формальные стороны пушкинской поэзии, принадлежащие к еще только развивавшейся в то время стилистике русского романтизма. Однако, как уже было сказано, Пушкина нельзя полностью понять в рамках романтизма.

Другие формальные черты его поэзии включают стремление к сжатости изложения и выражения и фрагментарности формы. Метафоры и эпитеты не перегружают его произведения; со временем он отходит от пышного, перифрастического стиля своей юности и старается точно обозначать вещи. Но его выражение, несмотря на всю его сжатость, остается оригинальным и сложным по содержанию. Сравним: «в тревоге пестрой и бесплодной / большого света и двора... / ратник, вольностью венчанный, / исчезнувший, как тень зари (Наполеон) / мучим казнию покоя (Наполеон) / ...беззаконная комета / в кругу расчисленном светил... / на немые стогны града / полупрозрачная наляжет ночи тень... / воспоминание безмолвно предомной / свой длинный развивает свиток...» (Другие примеры см. выше.)

Недаром Пушкин говорит о себе: «мой своенравный гений».

2.7. Д. И. Чижевский. Лермонтов⁷²

пер. А. В. Тоичкиной

4. Однако типичным поэтом этого времени является *Михаил Юрьевич Лермонтов* (1814–1841), которого долгое время упоминали в одном ряду с Пушкиным, хотя эта оценка в настоящее время

⁷¹ Нуминозность (лат. Numen — божество, воля богов) — понятие, характеризующее важнейшую сторону религиозного опыта, связанного с интенсивным переживанием таинственного и устрашающего божественного присутствия.

⁷² Перевод с немецкого выполнен А. В. Тоичкиной по изданию: Tschizewskij D. Russische Literaturgeschichte des 19. Jahrhunderts. I. Die Romantik. Eidos Verlag München, 1964. S. 122–128. В предисловии к 1 тому монографии Чижевский благодарит своих учеников Хельгу Браунер, Уте Дрансфельд, Урсулу Фритчке ГизелуХердер, Габриэль Сельге и доктора Йогена Шрепфера за помощь в подготовке текстов его лекций к изданию.

считается несколько завышенной⁷³. Говорят, что шотландские предки Лермонтова по отцовской линии, существование которых не совсем достоверно, прибыли в Россию в XVII веке⁷⁴. Его мать происходила из знатного рода Арсеньевых. Лермонтов родился в Москве и после смерти матери воспитывался бабушкой. Он начал писать стихи в раннем возрасте с огромной продуктивностью, чему способствовала его блестящая память. Среди его ранних стихов иногда встречаются просто «монтажи» из отдельных строк современных поэтов: Пушкина, Языкова, Козлова и т. д. Знание трех европейских языков мало вдохновляло молодого поэта, если не считать знакомства с Байроном. Меланхолические тона его лирических юношеских стихотворений, мрачные краски и трагические финалы 15 (!) поэм, написанных до 18-летнего возраста поэта, в которых демонические герои уничтожают себя и окружающих, наиболее характерны для поэзии раннего Лермонтова. Он сам себе испортил остаток жизни. С 1830 по 1832 год он учился в Московском университете, но не наладил, однако, никаких связей со своими коллегами, среди которых, как мы знаем теперь, имелись также значительные личности. Можно объяснить, что у него не вызывали интерес занятия у второразрядных профессоров. В 1832 г. он променял университет на Петербургское кавалерийское училище⁷⁵, где он провел два, как он сам позже говорил, «страшных года» среди примитивных искателей удовольствий, от которых, по его мнению, он был обязан не отставать, написав несколько порнографических поэм, которые превосходят по грязи все, что только можно себе представить, и в то же время поэтически несовершенны⁷⁶. Одновременно, однако, он писал и серьезные

⁷³ В. Г. Белинский в своих критических статьях рассматривал Лермонтова как центральную фигуру послепушкинского этапа русской литературы. В настоящее время в отечественном литературоведении Лермонтов рассматривается как крупнейший после Пушкина писатель (см. Вацуру В. Э. Лермонтов Михаил Юрьевич // Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь. М., 1994. Т. 3. С. 329–338).

⁷⁴ Согласно родовым преданиям, основателем рода явился шотландский офицер Георг (Юрий) Лермонтов, XVII в., а в целом род восходит к полубогатырскому шотландскому поэту и прорицателю Томасу Рифмачу, прозванному “Learmonth” (см. Вацуру В. Э. Указ. соч. С. 330).

⁷⁵ Школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров.

⁷⁶ Лермонтов в грубо натуралистическом виде отразил быт закрытого военного учебного заведения «в обцененных т. н. юнкерских поэмах — «Петергофский праздник», «Уланша», «Госпиталь» — все 1834 г.» (Вацуру В. Э. Указ. соч. С. 331).

стихотворения, которые распространились лишь позже. Собственно, публике он стал известен только в 1837 г., благодаря стихотворению, написанному на смерть Пушкина, пламенному обличению общества и людей, которые были виноваты, по мнению Лермонтова, в смерти Пушкина. За это стихотворение он поплатился переводом в полк на Кавказ, где он ранее бывал на курортах с бабушкой⁷⁷. Там же теперь создавались и дальнейшие произведения, некоторые из которых были сразу же опубликованы, в том числе и отрывок из прозаического романа «Герой нашего времени».

Пребывание его в Петербурге после возвращения продлилось недолго, так как в 1840 году он снова был сослан на Кавказ за дуэль с сыном дипломата⁷⁸. Но и на этот раз он смог там писать стихи. Еще в 1840-м вышел том, в который вошли 28 его «лучших» произведений⁷⁹. В 1841-м ему был предоставлен отпуск, но получить увольнение из армии ему не удалось, и летом он был вынужден вернуться на фронт. Летом 1841-го он находился во время своего отпуска на водном курорте в Пятигорске, где он, очевидно, намеренно спровоцировал знакомого ему офицера колкостью в ответ на вызов на дуэль и погиб в этом поединке. Говорят, что его верный товарищ, вероятно опасавшийся преследований, сжег все его бумаги⁸⁰. Император на известие о смерти поэта, которого он особенно ненавидел, отреагировал словами: «Собаке — собачья смерть».

5. Стихотворения Лермонтова вскоре обрели переводчика на немецкий язык в лице Фридриха Боденштедта, который перевел также несколько небольших стихотворений, не известных в оригинале (и якобы недавно найденных).

Лирические стихотворения Лермонтова написаны не все на одном уровне, что и понятно, так как большинство из них было

⁷⁷ Лермонтов ездил с бабушкой на воды на Кавказ летом 1825 г.

⁷⁸ В феврале 1840 г. на балу у графини Лаваль возник конфликт Лермонтова с сыном французского посланника Э. Барантом, что привело к новой ссылке поэта в действующую на Кавказе военную часть.

⁷⁹ В 1840 г. в Петербурге отдельным изданием вышел сборник М. Ю. Лермонтова «Стихотворения», который включал 26 стихотворений, поэму «Мцыри» и «Песню про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова». Этот сборник — «результат очень строгого и взыскательного отбора. Наследие Лермонтова к 1840 г. включало уже около 400 стихотворений, около 30 поэм, не считая драм и неоконченных прозаических сочинений» (Вацуру В. Э. Указ. соч. С. 334).

⁸⁰ Источник не установлен.

создано поэтом в возрасте от 14 до 16 лет. Можно легко доказать их характер как «монтажа» из чужих строк. Строки из произведений Пушкина повторяются снова и снова, особенно в ранних «кавказских» поэмах («Черкесы», но также и «Кавказский пленник» и т. п.); даже И. И. Дмитриев используется при описании битвы в «Черкесах» (IX раздел), и 2-я часть байронического «Корсара» заканчивается 4 строками из «Евгения Онегина», в 3-й части той же поэмы (строка 15 и сл.) мы находим 8 строк из оды Ломоносова (1746). Однако обе поэмы относятся к 1828 году, как и «Кавказский пленник», в котором мы встречаем строки из Пушкина, Козлова и Марлинского. Но Лермонтов и позже писал стихотворения, в чем-то перекликающиеся со стихотворениями Пушкина и других поэтов: например, «Ветка Палестины» (1837), расширенный вариант небольшого стихотворения Пушкина, или «Пророк» (1841) — это своего рода продолжение пушкинского стихотворения с тем же самым названием и т. д. Однако неверно думать (как это делал Белинский), что Лермонтов, полагая, что время Пушкина уже решило все проблемы формы, заботился только о содержании своих стихотворений. В действительности Лермонтов ввел разные новые формальные черты: мы часто встречаем у него дактилические рифмы, которые принадлежали раньше к особым тонкостям (у Дельвига); он обращается также и к анакрузам — первым слогам строк, которые не обязательно строго должны соответствовать ритмичной схеме (что, кстати, делал и Подолинский). Трехсложные стихотворные размеры занимают у Лермонтова гораздо большее место, чем у Пушкина и его современников. Он пишет легкую поэму («Тамбовская казначейша» — 1838) в строфах «Евгения Онегина» и часто использует октавы, пожалуй, также подражая Пушкину.

Но для Лермонтова характерен, возможно в противоположность к свободным формам ранних романтиков, строфический строй лирических произведений, которые написаны в большинстве случаев по определенному, строго выдержанному плану, — это можно увидеть в таких небольших стихотворениях, как знаменитый «Парус» (1832), «Ангел» (1831), «Пленный рыцарь» (1840). В последнем стихотворении, как это часто бывает и в других произведениях, содержание данной в начале метафоры «раскрывается» постепенно в отдельных строках: рыцарь закован «в каменный панцирь» (это

высокие стены тюрьмы), его щит не пробьют ни стрелы, ни мечи («чугунные двери темницы»), его конь бежит, «и никто им не правит» (время) и т. д. Часто две части стихотворения образуют параллель или антитезу (ср. «Волны и люди» — 1831), либо целые стихотворения представляют собой длинные периоды, отдельные части которых образуют так же параллели друг к другу (как известные стихотворения «Молитва» — 1837, «Когда волнуется желтеющая нива» — 1837, «Она поет» — 1837). Более длинные стихотворения построены таким же образом: «Поэт» (1838), в котором в качестве метафор поэзии используется сначала кинжал, а затем колокол и широко развиваются обе метафоры. Эту тенденцию к плановой структуре можно обнаружить и в, казалось бы, очень личных и интимных стихотворениях, а также в написанных по случаю стихотворениях светским дамам или в прекрасной поэме памяти погибшего на Кавказе Александра Одоевского (1839).

Столь же характерна и тематика стихотворений Лермонтова. Ни один поэт пушкинского времени не употребляет так часто слово и тему⁸¹, что, конечно, может быть связано с опытом личных переживаний поэта, с тоской по далекому родному краю, где бы он ни находится, с демоном, который идентифицируется теперь с поэтом; часто две фигуры упоминаются или даже ставятся в центр стихотворения, а именно Байрон и Наполеон. Ряд стихотворений характеризуется пессимистическим отношением поэта к современности: поэт не только гонимый пророк, но он также не ожидает от своего поколения плодотворных мыслей или гениальных произведений, и эта характеристика оказывается еще безнадежнее в конкретном плане: «пустая или мрачная» современность, равнодушие к добру и злу, неспособность к борьбе и «случайность в любви и в ненависти», связанные с «тайным холодом в крови»...⁸² То, что поэт ожидал «из пламя и света рожденное слово»⁸³ в ответ на проблемы современности, представляется следствием непоследовательности и противоречивости его мировоззрения, как и все оптимистичные нотки, которые иногда звучат в поэзии Лермонтова.

⁸¹ Речь идет о «тюремной лирике» Лермонтова. Так, находясь под арестом в 1837 г., он пишет стихотворения «Сосед», «Узник» и др.

⁸² Речь идет о «Думе» Лермонтова (1838).

⁸³ Цитата из стихотворения Лермонтова «Есть речи значенье» (1839).

Как стилист поэт ценит эпитеты, которыми он характеризует явления, как только немногие поэты до него. Он так же тщательно выбирает образные выражения, которые встречаются почти в каждом стихотворении и представляют собой те же поэтические перлы, что и у других романтиков, столь же непригодные для того, чтобы стать пословицами, как и выражения его романтических предшественников, не исключая Пушкина (ср. крылатые слова Грибоедова!).

6. Лермонтов написал большое количество объемных поэм, которые остались, однако, незавершенными. По крайней мере 15 из них должны быть отнесены к юношеским произведениям, которые, как уже говорилось, представляют собой отчасти поэтические компиляции и которые, вопреки разнообразию своей тематики, воплощают образы героев с сильными страстями, губящих окружающих и самих себя. Что может быть интересно, так это, вероятно, периодическое использование формы повествования, в которой герой говорит от первого лица (ср. уже у Пушкина в «Братьях-разбойниках»).

Но и поэмы зрелого периода поэта разнообразны. По крайней мере, шесть из них полностью или частично завершены. Два произведения совершенно выбиваются из стиля юношеских сочинений поэта: это легкая поэма «Тамбовская казначейша» (см. выше), невероятная история поставленной на карту и проигранной жены чиновника, и значительная поэма «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника⁸⁴ и удалого купца Калашникова» (1837), народный стиль и размер которой Лермонтов взял из собрания былин Кириши Данилова (опубликовано в 1818 г.). Эта поэма — дальнейший шаг на пути романтиков в использовании *подлинного* фольклора. Речь идет об «опричнике», человеке из особенной гвардии Ивана Грозного, который оскорбил жену купца Калашникова, после чего последний убил опричника в поединке на глазах у царя, а затем сам был казнен.

Из других поэм выделяется и вышеупомянутая поэма «Мцыри» (по-грузински: монах), исповедь мальчика, сбежавшего из монастыря, и скитавшегося на воле по Кавказским горам; так же «Сашка», запечатленная в видеоизмененных октавах (станцах) история

⁸⁴ Об «опричнике» см. главу об Иване Грозном в любом учебнике по русской истории (прим. Д. И. Чижевского).

юношеского становления «вымышленного современника» Лермонтова, «лишнего человека», который более достоин этого определения, чем Онегин. Только начата была поэма, которая, как кажется, должна была стать похожей историей развития, а именно историей становления современницы, увиденной глазами демона («Сказка для детей», 1840). Но наиболее важным для поэта стал, пожалуй, план поэмы «Демон» (различные редакции до 1841)⁸⁵. Демон должен был внутренне преобразиться через любовь к грузинской девушке. План поэмы несколько раз менялся и в итоге привел, пожалуй, к эволюции байроновского демона, если не в лучшую сторону, то, по крайней мере, к ясному осознанию им вины своего добровольного одиночества. Возможно, Лермонтов был окончательно разочарован темой этой поэмы, которую удалось напечатать за границей только после его смерти в 1856 г.

7. Лермонтов также написал несколько пьес. Опять же четыре из них — (в том числе даже такие более поздние, как «Два брата» — 1836) можно охарактеризовать как результаты процесса юношеского брожения: в них снова действуют герои с огромными и необузданными страстями. Завершенная трагедия «Маскарад» (1835/36) — это зловещая трагедия ревности: демонический герой Арбенин убивает по ложному подозрению свою жену; и когда он узнает о ее невиновности, он сходит с ума. Стихотворная форма напоминает «Горе от ума» Грибоедова (некоторые места звучат как подражание стихам Грибоедова). Замысловатая интрига, построенная на совпадениях и путаницах, четко развита; однако характеры действующих лиц натянуты. Некоторые персонажи и детали интриги напоминают «Испытание» Марлинского и повесть О. Сенковского («Предубеждение»). Хотя Лермонтов ввел мотив возмездия (безумие Арбенина) после того, как пьеса была запрещена, чтобы смягчить цензуру, этот запрет не был снят, так что трагедия впервые была поставлена лишь в 1862⁸⁶.

8. Новаторским вкладом Лермонтова в русскую литературу стали, прежде всего, его прозаические сочинения. Из ранних, незавершенных произведений, заслуживает внимание роман эпохи восстания

⁸⁵ Лермонтов завершил работу над поэмой в 1839 г.

⁸⁶ Первый раз «Маскарад» Лермонтова поставили в 1852 году в бенефисе актрисы М. Валберховой в Александринском театре. Запрет на полную постановку пьесы в театре был снят цензурой в 1862 г.

Пугачева «Вадим» (1832–34?) с героем-монстром и демоническим злодеем Вадимом, который преследует своей ненавистью семью помещика⁸⁷. Не законченным остался большой социальный роман «Княгиня Лиговская» (вероятно, 1836).

Большая поэзия зрелого периода — это «Герой нашего времени» (1837–1840). Когда в 1840 году произведение вышло в свет, автор назвал его романом, а не сборником повестей. Однако роман распадается на четыре отдельных повести: «Бэла» и «Тамань» (а также включенный в первый рассказ в качестве приложения очерк о вымышленном повествователе, который, как говорят, передал тогда автору дневник героя романа, Печорина) образуют первую часть, «Княжна Мэри» и «Фаталист» — вторую часть романа. О смерти Печорина сообщается во вступлении к его дневнику.

Лермонтов, очевидно, видел в Печорине типичного представителя своего несчастного и бездарного поколения. В рукописи содержится характеристика Печорина, которая отсутствует в напечатанном тексте: «Если верить тому, что каждый человек имеет сходство с каким-нибудь животным, то конечно Печорина можно было сравнить только с тигром; то сильный и гибкий, ласковый и мрачный, великодушный или жестокий, смотря по внушению минуты, всегда готовый на долгую борьбу, иногда обращенный в бегство, но не способный покориться, не скучающий один в пустыне с самим собою, а в обществе себе подобных требующий беспрекословной покорности: по крайней мере таков, казалось мне, должен был быть его характер физический [sic! — Д. Ч.]». Душа его, однако, «или покоряется природным склонностям, или борется с ними, или побеждает их: от этого злодеи, толпа и люди высокой добродетели: в этом отношении Печорин принадлежал к толпе, и если он не стал ни злодеем, ни святым — то это я уверен от лени»⁸⁸.

Поэтому борьба Печорина со своей природой — одна из тем двух любовных историй, повестей «Бэла» и «Княжна Мери». Бэла — это

⁸⁷ «История семьи Вадима, разоренной и униженной помещиком Палицыным, превращает его в мстителя за свой род; физическое уродство и отверженность героя обращают бушующую в нем стихию личной мести против всего мироздания» (Петрунина Н. Н. Вадим // Лермонтовская Энциклопедия. М., 1981. С. 76–77).

⁸⁸ Лермонтов М. Ю. Полное собрание сочинений в пяти томах. М.; Л., 1937. Т. 5. С. 453–454.

кавказская возлюбленная Печорина, которую он похитил и которую у него снова украл один из ее земляков, черкес Казбич, а затем убил. В этой повести Печорин появляется только в рассказе простого армейского офицера, Максима Максимовича, которому посвящены несколько страниц в приложении к повести. Лермонтову пришлось столкнуться с трудностями, возникшими при введении вымышленного рассказчика, который должен сообщать о переживаниях другого человека и который должен неоднократно ссылаться на случайные наблюдения и подслушанные разговоры. Здесь возвращается тема Марлинского о взаимоотношениях двух нравственных мировоззрений: первобытного народа и «цивилизованного мира»! В «Княжне Мери» Лермонтов позволяет говорить самому Печорину, и становится очевидным, что он может действовать только разрушительно на окружающих: он встречает на кавказском курорте свою прежнюю, все еще в него влюбленную, подругу Веру, которой он приносит — без любви — дальнейшие страдания; прежде всего, однако, он хочет завоевать — также без любви — юную княжну Мери, но только для того, чтобы разрушить ее счастье с влюбленным в нее Грушницким, который оказывается чем-то вроде пародии на байронических героев. Грушницкий погибает на дуэли, и Печорин, для которого все приключение теперь завершено, отправляется к месту службы, в «скучную крепость» в горах. Самохарактеристика Печорина, которую он дает в разных местах этого дневника, соответствует приведенным выше строкам, исключенным Лермонтовым из романа, хотя они и не даны теми же словами. Небольшой рассказ «Тамань» изображает приключение Печорина в местечке, расположенном на Азовском море, где он встречает контрабандистов. И, наконец, «Фаталист» — рассказ об эпизоде, который подтверждает фаталистические представления Печорина: один из офицеров, приятелей Печорина, пытается застрелиться на глазах у офицеров роты, чтобы доказать свою веру в судьбу; заряженный пистолет дает осечку, но тем же самым вечером этого «фаталиста» убивает пьяный казак.

Из других прозаических рассказов следует упомянуть незавершенную и написанную в стиле Э. Т. А. Гофмана и Вл. Одоевского новеллу «Штосс» — это сходство может быть оспорено более поздними исследованиями. («Штосс» — это имя действующего лица и название игры в карты).

Проза Лермонтова далее развивает традицию, созданную Пушкиным; однако задача Лермонтова облегчалась тем, что он воздерживался от стилизации, какой бы незначительной она ни была в творчестве Пушкина. Язык «Капитанской дочки» наиболее близок его стилю прозы. Сдержанность Пушкина в использовании поэтических средств, прежде всего эпитетов, Лермонтов не перенимает полностью⁸⁹, но его язык, безусловно, повлиял своей чистотой, ясностью и простотой на лучшие образцы прозы русского реализма, особенно на ранние произведения Л. Толстого и поздние произведения Тургенева.

2.8. Д. И. Чижевский. Достоевский⁹⁰

пер. В. В. Янцена

1. Биография и произведения. — 2. Ранние повести. — 3. Их отношение к «натуральной школе». — 4. Дальнейшие повести. — 5. «Преступление и наказание». — 6. Дидактические элементы. — 7. «Идиот». — 8. «Бесы». — 9. «Братья Карамазовы». — 10. Композиция. — 11. Стиль. — 12. Символика. — 13. Природа. — 14. Идеология.

1. Не все детали биографии Достоевского до сих пор удовлетворительно разрешены. Спорен уже характер его отца Михаила

⁸⁹ Лермонтов «синтезирует разные методы и формы как прозаического, так и поэтического повествования, создавая на их основе социально-психологический роман нового типа» (Вацуро В. Э. Пушкин // Лермонтовская Энциклопедия. М., 1981. С. 458).

⁹⁰ Глава из учебного пособия: *D. Tschizewskij. Ruisische Literaturgeschichte des 19. Jahrhunderts. Bd. II: Realismus. Wilhelm Fink Verlag München-Allach 1967. S. 72–92.* Перевод В. В. Янцена. Комментарий и подготовка текста А. В. Тоичкиной. В рамках данной главы монографии есть некоторые неточности в изложении Д. И. Чижевским фактов биографии Ф. М. Достоевского. Возможно они связаны с характером его работы над монографиями в 60–70-е годы. Как вспоминает Ренате Лахманн, «Чижевский в то время писал исключительно из накопившегося в памяти багажа знаний. Факты, даты, цитаты время от времени нуждались в правке» (Р. Лахманн. Мои встречи с Дмитрием Чижевским // Дмитрий Чижевский и европейская культура. Дрогобич — Siedlce, 2010. С. 31). В предисловии ко второму тому «Истории русской литературы (Реализм)» Чижевский благодарит своих коллег и учеников Уте Дрансфельд, Ингу Лансон-фон Шлик, д-ра Габриэле Сельге и, прежде всего, Урсулу Фритче и д-ра Хорст-Юргена Герика.

Достоевского: он был учеником униатской духовной семинарии, украинец, позднее сбежавший из этой семинарии, чтобы изучать в Москве медицину⁹¹. Там он стал врачом в городской больнице. Неизвестно, скупость ли или недостаточное жалование были виной тому, что он послал двух своих сыновей — Михаила (1820–1864) и Федора (род. в 1821) учиться в военное училище. После посещения французского пансиона в Москве Федор Михайлович переехал в Петербург, в тамошнее Инженерное училище (1838–1843), где у него все же были заинтересованные литературой однокашники (например, Д. В. Григорович, см. гл. XI⁹²). О литературных интересах молодого Достоевского мы узнаем довольно много из его переписки с братом. Упоминаются, между прочим, Гомер, Шекспир, Шиллер, Э. Т. А. Гофман, Гете (произведения которых они знали чаще всего из французских переводов), Виктор Гюго и др. Литературные его работы того времени не сохранились.

После непродолжительной службы Достоевский подал в отставку и полностью посвятил себя литературе. О его тогдашней жизни нам известно очень немногое. Во всяком случае, в 1845 году он смог опубликовать свою первую повесть «Бедные люди»⁹³, сразу сделавшую его знаменитым. Прежде всего его восторженно приветствовали поэты и критики (например, Некрасов, см. гл. VIII, и Белинский). Но эта первоначальная восторженность после выхода более крупных повестей Достоевского «Двойника» (1846) и особенно «Хозяйки» (1847; в немецком переводе озаглавлена также «Die heilige Leidenschaft» — «Святая страсть») сменилась безмерным разочарованием. Уже в 1846 году писатель познакомился с социалистом М. В. Буташевичем-Петрашевским (1821–1866), приняв затем участие в его «дискуссионном кружке» (как бы это общество назвали сегодня), а также еще в одном кружке, в котором бывали и другие писатели. Революция 1848 года страшно напугала

⁹¹ М. А. Достоевский с 1802 по 1808 год обучался в православной духовной семинарии при Шаргородском Николаевском монастыре, основанном в 1717 году униатами. В 1809 году М. А. Достоевский вступил в московское отделение Императорской медико-хирургической академии. Завершил обучение в 1813 году (см. об этом, например: Л. И. Сараскина. Достоевский. М., 2011. С. 37–45).

⁹² Чижевский дает ряд ссылок на дальнейшие главы монографии.

⁹³ Роман Достоевского «Бедные люди» вышел в январе 1846 года в изданном Н. А. Некрасовым «Петербургском сборнике».

царя Николая, сторонника абсолютной монархии и status quo в Европе, и поэтому члены кружка Петрашевского по доносу одного из его участников были арестованы весной 1849 года. Роль Достоевского в деятельности этого кружка нам известна не полностью (*возможно*, он принадлежал к его радикальному крылу), но, во всяком случае, он относился к тем его членам, которых приговорили к смертной казни, а затем на месте казни помиловали. Достоевский получил четыре года сибирской каторги. Его как раз находившийся в печати роман «Неточка Незванова» остался незавершенным.

С каторги он был освобожден в 1854 году и затем отправлен служить рядовым в полк, находившийся в южной Сибири. Уже в 1855 году он стал офицером, женился на вдове мелкого чиновника (о которой мы знаем мало определенного)⁹⁴, сумел в 1859 году получить отставку и вернуться в европейскую часть России. Сначала он поехал в Тверь, затем ему был разрешен въезд и в столицы. Он расстался со своей женой, вскоре затем умершей⁹⁵. В 1861–65 годах при активном сотрудничестве своего брата Михаила (получившего известность в качестве новеллиста «натуральной школы» и переводчика и формально считавшегося издателем журналов, см. выше гл. II) он издавал журналы «Время» (закрыт по малозначительному поводу в 1863 году⁹⁶) и «Эпоха» (издание которого было прекращено из-за недостатка подписчиков⁹⁷). Брат Достоевского Михаил умер в 1864 году.

Развитие политических взглядов и симпатий Достоевского в это беспокойное время русской духовной жизни (1855–1865) неясно: к сотрудничеству в своих журналах он привлек нескольких бывших участников кружка Петрашевского, но одновременно обращался и к таким скорее консервативным идеологам-одиночкам, как философ Н. Страхов и поэт и критик А. Григорьев. Обе его подружки того

⁹⁴ Достоевский обвенчался с М. Д. Исаевой (Констант) в Кузнецке 6 февраля 1857 года.

⁹⁵ В мае 1863 года Достоевский отвозит жену во Владимир, а в августе отправляется в заграничное путешествие и возвращается в Петербург 21 октября того же года. 11 ноября Достоевский с женой переезжают в Москву. М. Д. Достоевская умерла от чахотки 15 апреля 1864 года в кругу близких.

⁹⁶ Журнал «Время» был запрещен в мае 1863 года по приказу министра внутренних дел П. А. Валуева за статью Н. Н. Страхова «Роковой вопрос».

⁹⁷ Достоевский вынужден был прекратить издание «Эпохи» из-за долгов (см.: Летопись жизни и творчества Достоевского 1821–1881. СПб., 1994. Т. 2. С. 23–30).

времени — А. Корвин-Круковская и П. (или А.) Сулова^{98*} — были близки к радикальным кругам. Его поездка за границу, во время которой он посетил в Лондоне Герцена, оставила у него почти исключительно негативные впечатления о Европе. Себя и своих ближайших сотрудников он рассматривал как «почвенников», которые, не примыкая к славянофилам, хотели отыскать для России свой *собственный* духовный путь.

Но вскоре писатель был вынужден на несколько лет уехать в Европу. Необходимость оплачивать долги, возникшие из-за закрытия журнала и долгов неожиданно умершего брата, привела его на грань долговой тюрьмы. Чтобы избежать этой опасности, после второй женитьбы в 1867 году⁹⁹ он отправился за границу, живя до 1871 года после посещений Швейцарии, Италии и Чехии преимущественно в Дрездене в довольно стесненных обстоятельствах, он был постоянно вынужден писать в спешке, подгоняемый необходимостью зарабатывать литературной деятельностью.

После возвращения в европейскую часть России (1859) Достоевский опубликовал «Записки из Мертвого дома» (1861–1862) в виде воспоминаний не тождественного с автором заключенного (в этой книге мы постоянно называем лишь важнейшие произведения), два больших рассказа — «Дядюшкин сон» и «Село Степанчиково», а также два романа — «Униженные и оскорбленные» (1861) и «Преступление и наказание» (1866, в немецком переводе часто имеющее название «Раскольник»). В Дрездене появляются два следующих романа: «Идиот» (1868)¹⁰⁰ и «Бесы» (1871, в переводах этот роман имеет и иные названия, но, пожалуй, самым удачным является избранное для постановки Камю название «Одержимые»)¹⁰¹.

⁹⁸ Сулову звали Аполлинарией, но она называла себя Полиной (примеч. Д. И. Чижевского).

⁹⁹ Второй женой Достоевского стала А. Г. Сниткина.

¹⁰⁰ Достоевский начал писать роман «Идиот» в Женеве в 1867 году и работал над ним весь 1868 год, переезжая из Женевы в Веве (май 1868), потом в Милан (сентябрь 1868), а затем во Флоренцию (декабрь 1868). Во Флоренции работа над «Идиотом» была завершена (январь 1869).

¹⁰¹ Работу над «Бесами» писатель начал в Дрездене (весна–лето 1870), продолжил в Петербурге (лето–осень 1871), закончил в Старой Руссе и в Петербурге (май–ноябрь 1872).

Вторая жена Достоевского, Анна Григорьевна (1846–1918), благодаря своей практичности и деловитости, внесла значительный вклад в упрочение его материального положения. Вернувшись в 1871 году в Петербург, он мог теперь без помех работать над своими произведениями: только в 1875 году выходит роман «Под-росток» (по-немецки среди прочих носящий также название «Ein Werdender»¹⁰², через пять лет начинает выходить роман «Братья Карамазовы», завершение которого следует лишь в начале 1881 года¹⁰³. В конце 1880 года Достоевский произнес в Москве по поводу юбилея Пушкина речь, произведшую общее глубокое впечатление¹⁰⁴. В начале 1881 года Достоевский умер от заболевания легких, которое, вероятно, получил во время пребывания на каторге¹⁰⁵. Помимо художественных произведений Достоевский несколько раз издавал ежемесячник «Дневник Писателя»¹⁰⁶, который заполнял в основном собственными статьями. Этот журнал и некоторые романы, прежде всего мысли, развитые в «Бесах», а также то обстоятельство, что писатель публиковал свои романы в «реакционном» журнале, не могли, разумеется, ничего изменить еще в начале 60-х годов во время выхода двух его журналов в выраженном отрицательном отношении [к нему] широких кругов читателей, придерживавшихся радикальных социально-политических взглядов. И критика Достоевского до самой его смерти была в основном негативной и характеризовавшейся отсутствием понимания. Только на похоронах писателя выяснилось, что среди молодежи у него были, если и не сторонники, то, по крайней мере, многочисленные почитатели. Петербургский же митрополит отказал в просьбе похоронить

¹⁰² Человек, находящийся в процессе становления (прим. переводчика).

¹⁰³ «Братья Карамазовы» начали выходить в «Русском вестнике» в феврале 1879 года. Эпизод романа появился в свет в ноябрьском номере «Русского вестника» в начале декабря 1880 года. 9 декабря 1880 года вышло отдельное издание «Братев Карамазовых» в 2 томах.

¹⁰⁴ 8 июня 1880 года Достоевский выступил с речью о Пушкине на заседании Общества любителей российской словесности, которая вызвала восторг слушателей.

¹⁰⁵ Достоевский умер 28 января 1881 года. Диагноз врачей: «разрыв легочной артерии». Ряд лет он страдал хронической эмфиземой легких.

¹⁰⁶ «Дневник Писателя» Достоевский издавал в 1873, 1876, 1877. Единственный номер «Дневника» за 1880 год с Пушкинской речью вышел летом этого года, последний — 31 января 1881, уже после кончины автора.

Достоевского на монастырском кладбище: Достоевский-де всего лишь романист, не написавший «ничего особенного»¹⁰⁷. Так и ушел он из жизни «писателем второго сорта».

2. Здесь мы не можем дать подробного анализа всех произведений Достоевского и детально остановиться на его идеологии. Существенно проследить развитие стилистики его произведений.

Три важнейших повести раннего Достоевского образуют восходящую линию. В их своеобразии можно отметить многочисленные влияния различных писателей, прежде всего Гоголя. Но известного высказывания «Все мы вышли из “Шинели” Гоголя» нет ни у самого Достоевского, ни в воспоминаниях о нем. Оно, очевидно, принадлежит французскому дипломату, многократно писавшему о России, но побывавшему в России только после смерти Достоевского: Мельхиору де Вогюэ¹⁰⁸. Между тем не исключено, что это высказывание восходит к аутентичному устному преданию о Достоевском. Достоевский действительно занимался Гоголем.

«Бедные люди» так же, как и «Шинель» Гоголя, — повесть о мелком чиновнике. Но в то время как герой Гоголя (см. том I, гл. IV, § 12) испытывает душевное потрясение из-за необходимости покупки новой шинели, Достоевский изображает пробуждение человеческих чувств у своего — похожего на героя Гоголя — стареющего мелкого чиновника Макара Девушкина через знакомство

¹⁰⁷ По воспоминаниям А. В. Богданович, митрополит Новгородский и Петербургский Исидор сказал, что «Достоевский — простой романист, что ничего серьезного не написал, что он помнит похороны Некрасова, которые описывались, — было много всякого рода демонстраций, нежелательных в стенах Лавры и проч.» (Богданович А. В. Три последние самодержца. М.; Пг., 1924. С. 44). После непосредственного вмешательства К. П. Победоносцева, для похорон писателя в Лавре было безвозмездно предоставлено место. Ночь с 31 января по 1 февраля гроб с телом Достоевского находился в церкви Святого Духа Александро-Невской Лавры и Псалтырь над ним читали студенты, «дрожащим от волнения голосом, вкладывая душу в каждое произносимое ими слово» (см.: Сараскина Л. И. Достоевский. М., 2011. С. 773–775).

¹⁰⁸ Известный писатель и историк литературы Эжен Мельхиор де Вогюэ (1848–1910) в своих статьях и книгах о русской культуре использовал это высказывание без конкретной отсылки к автору. См. об истории этой фразы: С. А. Рейсер. К истории формулы «все мы вышли из гоголевской “Шинели”» // Вопросы литературы. 1968. № 2; Бочаров С., Манн Ю. «Все мы вышли из гоголевской “Шинели”» // Вопросы литературы. 1968. № 6. С. 183–185; Волков В. Задание со звездочкой* // Литература. 2007. № 6.

с девушкой Варенькой Доброселовой, бедствовавшей в большом городе. Мы встречаемся с ними в тот момент, когда Макар Девушкин начинает заботиться о Вареньке, хотя и сам располагает лишь весьма скудным жалованьем. Чтобы не давать повода для сплетен, они поддерживают связь только в переписке. Мелкий чиновник употребляет в своих письмах довольно беспомощный разговорный язык, Варенька — хороший литературный язык, которым она прежде всего в сверхдлинном письме описывает свои детство и юность. Переписка, продолжающаяся с начала апреля до конца сентября (не считая воспоминаний Вареньки) и составляющая около 100 страниц, дает Макару возможность подробно описать свое бедственное положение на службе, свои стесненные жилищные обстоятельства и свою материальную нужду: чаще без жалоб и с сознанием совершенной нормальности своей ситуации. Характеризуется в письмах и узость его духовного горизонта. В письмах Макара Достоевский весьма тактично показывает, как в стареющем одиноком маленьком человеке одновременно с заботой о Вареньке пробуждается подлинная (и безнадежная) любовь, вплоть до последнего письма, завершающегося воплем отчаяния: Варенька выходит замуж за человека, которого не любит и не может полюбить, и вынуждена покинуть столицу.

Невероятность формы — вряд ли «бедные люди» способны вести такую длинную переписку — и часто сентиментальное настроение едва ли имеет значение при сжатости разворачивающегося без особых перипетий сюжета.

Дальнейший шаг на своем пути писатель сделал в «Двойнике» — повести, в которой непосредственно чувствуется влияние Гоголя в прямых созвучиях с деталями гоголевского стиля. Это опять повесть о мелком чиновнике, примыкающая в основном к «Запискам сумасшедшего» и «Носу» Гоголя. В ней описывается история сумасшествия Якова Петровича Голядкина, с которым мы впервые встречаемся, когда он теряет расположение своего прежнего начальника и благодетеля и вынужден расстаться с надеждой жениться на его дочери Кларе. Судьба Голядкина описывается человеком (фиктивным рассказчиком), который сам стоит не на много выше своего героя, но в некоторых местах способен подниматься от уровня беспомощного рассказа с бесконечными повторениями до тонкого психологического описания. Решающий кризис наступает с появлением

в присутственном месте «двойника» и однофамильца героя, вытесняющего его «из всех отношений в жизни», прежде всего со службы (некоторые сцены напоминают «Крошку Цахеса» Гофмана) и нагло и с презрением относящегося к герою. При этом остается даже неясным, не в фантазии ли только героя существует «Голядкин-второй» (так понял повесть и художник А. Кубин, создавший для ее издания 1922 года адекватные иллюстрации). Что сумасшествие Голядкина связано с укорами совести о прямо не упоминаемом чувстве вины (вероятно, из-за не сдержанного обещания жениться), отмечается лишь совершенно вскользь.

Достоевский особенно ценил эту повесть и переработал ее после возвращения из ссылки, не выделив отчетливее основной темы: высказанного уже Гоголем положения — человеческая сущность связана с тем, что каждый человек должен иметь свое *собственное* место в мире. «Двойник» Достоевского открывает перед глазами читателя и сознанием Голядкина его «заменяемость», и именно понимание этого разрушает душу мелкого чиновника¹⁰⁹.

Это, конечно, *социальная* проблема, превращаемая Достоевским в *психологическую* точно так же, как он сделал это с проблемой бедности в «Бедных людях». В следующей повести «Хозяйка» социальная проблема была вообще исключена, что, вероятно, более всего и возмутило первоначально благосклонного к Достоевскому критика Белинского.

Герой «Хозяйки» совершенно иного происхождения: это молодой ученый, историк церкви Ордынов. Переключка с Гоголем и Э. Т. А. Гофманом относится здесь только к отдельным сценам и эпизодам повествования. Вероятно, это *самое* первое совершенно оригинальное произведение Достоевского. Правда, повесть почти бессюжетна, но не в смысле «физиологического очерка» «натуральной школы», а потому что границы между действительностью, фантазией и сном в ней почти полностью размыты. Герой представляет новый в русской литературе тип мечтателя. Гоголь уже намечает возможность такого человеческого типа в образах своих художников (Пискарева в «Невском проспекте», а — отчасти — и Чарткова в «Портрете»). Ордынов не знал мира, живя только своей наукой,

¹⁰⁹ Чижевский подробно анализировал этот вопрос в статье «К проблеме *Двойника*» (1929); существуют русский и немецкий варианты этой работы.

состоявшей для него в творческом (тесно родственном искусству) постижении идей. В начале повести он снимает комнату в квартире странной пары, очевидно из народа: старого мужчины и красивой молодой женщины по имени Катерина. Вскоре Ордынов заболевает. Во время своей болезни он переживает любовь к Катерине, с которой — действительно ли или во сне? — ведет продолжительные интимные разговоры, выслушивая ее странные признания. Старый мужчина якобы убил родителей Катерины, а ее увел с собой: рассказ ее звучит как выдумка, как композиция из народных сказок и песен о разбойниках. Если Катерина действительно все это рассказывает и Ордынов этот рассказ не во сне услышал, нельзя сказать, идет ли речь о действительных событиях или о поэтических фантазиях. Старик был уже, казалось, готов отпустить Катерину на свободу. Но она не следует за Ордыновым, а остается со стариком. Последний может обосновать это и психологически: «Дай ему волюшку, слабому человеку, — сам ее свяжет, назад принесет»¹¹⁰. Это первые наброски позднейших идей Достоевского. После болезни Ордынов уже не находит этих странных двух людей на своей прежней квартире. Краткое заключение повести Достоевский использует с целью сделать образы исчезнувших еще более загадочными. Кем же был старик — мужем или отцом Катерины? Старообрядцем, по некоторым намекам, — или членом шайки воров и контрабандистов, раскрытой в том же доме?

3. Достоевский, кажется, в этих трех повестях намеренно пошел путем «освобождения» художественного произведения от трудностей сюжета и освещения связанных с ним событий во *внешнем* мире, чтобы перенести центр тяжести изложения на душевные переживания (дальнейший шаг на этом пути находим во фрагменте незавершенного романа «Неточка Незванова»). В этом смысле он находится на пороге взрыва границ «физиологических очерков» «натуральной школы» и превращения их в «психологические». Мрачный в целом образ Петербурга и герои-чиновники, возможно, относятся здесь к традиции «натуральной школы». Подготовка же психологического романа тогда еще для Достоевского — полуосознанное намерение. Но в своих повестях он гигантскими шагами приближается к этому

¹¹⁰ Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л., 1972–1990. Т. 1. С. 317.

новому жанру. Чему-то он научился у своих предшественников¹¹¹: Гоголя, Э. Т. А. Гофмана, Бальзака (тогда вышел его перевод «Евгении Гранде»), Гюго и, возможно, у Диккенса. Но в его повестях преобладают уже его собственные — хотя тогда еще и довольно скромные — «открытия». С будущим Достоевским-«философом» молодого Достоевского связывает, например, проблема свободы (см. уже в «Хозяйке» проблему свободы «слабого человека») и проблема человеческого существования: последнее не обеспечивается ни чисто психофизиологической устойчивостью, ни страстью, ни рассудком, ни, как выяснится позже, силой воли. Но и существование внешнего мира неясно и обманчиво: Достоевский подчеркивает это образом призрачного города Петербурга, который в любой момент грозит исчезнуть подобно видению (в повести «Слабое сердце»). Этот образ восходит к романтическим описаниям (Гоголя и отчасти Пушкина).

4. К этой последней теме писатель вернулся в двух своеобразных повестях, опубликованных после его возвращения из Сибири. В ссылке с помощью немца-чиновника, барона Врангеля, он познакомился с философией и сначала хотел писать философское сочинение. Может быть, не стоит сожалеть о том, что он этого не сделал, но во всех его позднейших произведениях философские мотивы очень сильны. Двумя повестями, о которых здесь идет речь, были «Дядюшкин сон» и «Село Степанчиково», опубликованные в 1859 году. Конечно, они были задуманы, а, может быть, и вчерне написаны гораздо раньше¹¹².

«Дядюшкин сон» — безрадостная, оставляющая тяжелое впечатление история одного конфликта, в котором, с одной стороны стоит живой, любящий человек — молодая девушка, с другой — «дядюшка», старый князь, физически состоящий почти только из всякого рода запасных частей своего тела, а духовно вряд ли способный отличать реальность от сна. Правда, запланированное матерью замужество дочери с этой живой развалиной расстраивается, но в кратком эпилоге мы встречаем эту девушку, уже нашедшую вход в «высшее общество» через «счастливое замужество» с генерал-

¹¹¹ В оригинале: «мастеров», вероятно, в смысле «учителей». — *Примеч. переводчика.*

¹¹² «Село Степанчиково» и «Дядюшкин сон» Достоевский создавал в Семипалатинске в 1857–1859 гг.

губернатором, но по-человечески такую же одинокую, какой бы она, конечно, была в обществе своей матери и дядюшки-князя.

Несколько оптимистичнее заключение «Села Степанчикова» (которое в действительности должно было называться «поместьем»)¹¹³. И здесь рассказчик встречается с группой живых и отчасти симпатичных людей, духовный мир которых так же полон иллюзий, как и духовный мир героев «Дядюшкиного сна» (и часто героев у Гоголя). Помещик, добродушный и действительно добрый, — как и его мать, — человек, слепо верит «русскому Тартюфу», Фоме Опискину, держащему всю семью на поводу, умея типичным для русских образом импонировать окружению не только своим мнимым благочестием, но и прежде всего своей мнимой ученостью и мудростью... Другие жители усадьбы преследуют различные иллюзорные и никуда не ведущие цели. Хотя в ходе рассказа русский Тартюф и не устраняется, но все же по крайней мере обезвреживается, остро сатирически изображенный маленький мир повести оставляет впечатление собрания людей, гоняющихся за теньями и не умеющих найти выхода из этого пустого занятия.

И в этих повестях Достоевский остается последователем Гоголя, представляющим ту же самую игру людей с теньями во многих произведениях (ср. Т. I, IV, § 9 сл.).

Высказывалось предположение, — ныне, конечно, считающееся ложным, — что «русский Тартюф» был своеобразной пародией на Гоголя в роли учителя жизни (Ю. Тынянов)¹¹⁴. В действительности в речах Фомы Опискина можно увидеть пародию на назидательную литературу как таковую. Особой близости именно к назидательным произведениям и письмам Гоголя мы в рассуждениях Опискина не находим.

5. Большие романы Достоевского, начиная с «Преступления и наказания», относятся к жанру дидактических романов. Жанр этот почти того же возраста, что и сама литература. Старейшими славянскими романами этого жанра являются переводные дидактические романы византийской литературы («Стефанит и Ихниллат», «Варлаам и Иоасаф»), «Мудрый Ахикар», «История семи мудрецов» и т. д.)!

¹¹³ Подтверждений этому факту обнаружить не удалось.

¹¹⁴ Имеется в виду известная статья Ю. Тынянова «Достоевский и Гоголь (к теории пародии)» (1921).

Поэтика этого жанра получила дальнейшее развитие в XVII–XVIII вв. (ср. Свифт, Ж.-Ж. Руссо), причем дидактический материал излагался чаще всего без значительных помех для развития сюжета в виде высказываний действующих лиц. Русские переводчики (например, «Аргениса» Баркляя и «Телемаха» Фенелона) и подражатели (например, классицист М. Херасков или романтик В. Одоевский) не развили этого жанра. Но он был еще распространен, так что В. Белинский, случалось, писал о нем. Достоевский оживил и обновил дидактический роман: он создал жанр «полифонического романа» (М. Бахтин). Дидактический материал у него теснейшим образом связан с действием романа. Но поучительный материал дан, с одной стороны, как вывод из действия романа, который читатель должен сделать сам, с другой стороны, содержится в высказываниях действующих лиц и, наконец, во вставках (таких, как сжато реферированная статья Раскольниковова, воспоминания старца Зосимы и «Легенда о Великом Инквизиторе», автором которой является Иван Карамазов и т. д.). Достоевский не дает никаких *окончательных* ответов на поставленные в его романах вопросы; поэтому его «дидактические романы» отличаются особенно от «тенденциозных романов» Льва Толстого (к такому пониманию был недавно близок Ф. Степун).

Но характерны дальнейшие черты дидактических романов Достоевского: с одной стороны, действующие лица необычно срастаются, сплавляются с представляемыми ими идеями, можно было бы почти сказать — они являются «воплощенными идеями», если бы писатель не обладал искусством изображать и этих как бы «одержимых» своими идеями людей живыми людьми (это, вероятно, следующая ступень такого изображения типов, которое пытался дать еще Гоголь); с другой стороны — и в этом, пожалуй, самое существенное своеобразие Достоевского — с самого начала представители всех точек зрения, в том числе и тех, которые сам Достоевский решительно отвергал, собственно, мировоззренчески «равноправны» и писатель пытается обосновывать их взгляды по возможности сильными и убедительными аргументами и дать им по возможности четкое изложение. Так дидактический роман становится видом философской беседы и идеологической борьбы равным по своим истокам диалогу. Достоевский изобретает даже самых сильных противников: таких глубокомысленных представителей философского «просве-

щения» (об этом понятии см. в моей «Истории русской мысли» т. II, с. 87 сл.)¹¹⁵, как Иван Карамазов, или такого атеиста, как Кириллов, русская философская литература и публицистика в действительности не знала! Естественно, встречаются у Достоевского и идеологические карикатуры (как, скажем, Смердяков или некоторые революционеры в «Бесах»), в целом же его дидактические романы оставляют впечатление спора о проблемах, которые *еще не* решены и для автора, образы философского и религиозного искания, чаще всего тоже остающегося без окончательного результата.

Нельзя просто предполагать, что Достоевский уже тогда, когда он писал «Преступление и наказание», имел законченное религиозное мировоззрение. Диспуты его героев, напоминающие «агоны»¹¹⁶ античных трагедий, являются, пожалуй, определенными отражениями процессов, происходивших в душе самого Достоевского. Для изучения этой проблемы его письма дают сравнительно мало материала. Больше можно узнать из ставших за последние десятилетия известными набросков к его романам, в которых находится масса указаний на дальнейшие не решенные еще вопросы или более-менее ясные намеки на открывавшиеся перед писателем пути, по которым он в своих опубликованных произведениях все же *не* пошел.

6. «Преступление и наказание» (1866; этому роману предшествовали два произведения: «Записки из Мертвого дома», 1861–1862, воспоминания фиктивного рассказчика о сибирской каторге, и роман «Униженные и оскорбленные», 1861) — роман с вполне простым и прозрачным сюжетом типа ставших позднее столь популярными «криминальных романов», отличающийся от этого жанра прежде всего тем, что вся проблематика заключается не во внешнем мире, не в «косвенных уликах», но переносится в душу преступника. Раскольников убивает процентщицу не для того, чтобы спастись от своей нищеты, а по «теоретическим основаниям», поскольку сильному человеку, якобы, «все позволено». Точно так же раскрытие его преступления осуществляется приставом следственных дел Порфирием Петровичем психологическим путем,

¹¹⁵ Tschizewskij D. Russland zwischen Ost und West. Russische Geistesgeschichte II. 18–20. Jahrhundert. Hamburg, 1961.

¹¹⁶ Борьба, состязание, словесный спор, столкновение мнений. — *Примеч. переводчика.*

так же как и многие другие герои Достоевского являющимся едва ли существовавшим в действительности мастером психологического анализа: Раскольников принуждается к признанию тем, что Порфирий разжигает лишь теплившиеся в душе Раскольникова искры сомнения в его собственной силе.

Основная мысль статьи Раскольникова о праве «сильного человека» (эта тема была намечена еще Пушкиным с той же самой аллюзией на Наполеона в «Евгении Онегине» II, 14; подобные же мысли мы находим у романтиков и в других местах) часто, собственно, не совсем справедливо связывалась с идеей «сверхчеловека» у Ницше.

Во всяком случае, Раскольников не показывает себя действительным представителем наполеоновского типа. Достоевский все же не дает ему пасть из-за «простых угрызений совести». Вся широко изображенная атмосфера — семья Мармеладова, Соня, прежде всего нищетой и бессердечностью матери принужденная к проституции, — указывают преступнику на христианский путь. Сопоставление двух выброшенных из общества людей, убийцы и проститутки за чтением Евангелия еще не несет решения проблематики, стоящей перед Раскольниковым и Достоевским. Обращение Раскольникова упоминается в эпилоге как еще *незавершенный* процесс. О дальнейшем его развитии не говорится вообще ничего.

7. Следующий роман, «Идиот» (1868), является результатом долгих размышлений автора над его содержанием, фиксированных в набросках: герой, эпилептик^{117*}, должен был по некоторым наброскам закончить преступлением. В окончательной редакции он превратился в образ, который Ницше взял за основу своего Христа (в «Антихристе»). «Идиот» же, князь Мышкин, является — согласно высказываниям самого автора — скорее «синтезом» Христа и Дон Кихота. Той чертой идиота, которую Ницше в своем произведении «Антихрист» считает характеристикой Христа, является его неспособность переносить *чужое* страдание (Э. Бенц¹¹⁸). На ней

¹¹⁷ Достоевский страдал эпилепсией. Возникла ли у него эта «священная болезнь» в Сибири или он с молодости страдал ею, относится к многочисленным неясным моментам биографии Достоевского. (Прим. Д. И. Чижевского).

¹¹⁸ Видимо, речь идет о работе Э. Бенца «Идеи Ницше об исследовании христианства» в «Zeitschrift für Kirchengeschichte» 56 (1937) (отдельное издание. Stgt. 1937).

основываются дружелюбие и готовность Мышкина к помощи, доведенные до совершенного альтруизма. Но полное незнание мира приводит его, как и Дон Кихота, ко всем тем трагическим осложнениям, причиной которых он является в романе и следствием которых оказываются повторные приступы его неизлечимого уже душевного недуга.

Само начало романа (вся его первая часть) является композиционным шедевром, вершин которого автор никогда более не достигал: в изложение событий одного дня с чрезвычайным мастерством вплетены характеристики всех действующих лиц, не оттесняющие на задний план, но обогащающие дальнейшими чертами образ главного героя. Прежде всего показывается, как его человечность в конце концов способна располагать к себе каждого человека. А в ряде дальнейших эпизодов нравственный характер идиота очерчивается и определяется ближе и точнее. Не остается без внимания и его духовная высота: она выражается прежде всего в более поздней сцене, когда на приеме у генерала Епанчина он высказывает свои мысли о вопросах, мучивших тогда славянофилов и западников, да и самого Достоевского (не следует, однако, все слова Мышкина считать мнениями Достоевского! И в других его романах нельзя смешивать взгляды героев с воззрениями автора)... Душевное непостоянство, может быть, вообще безвольного человека, или же человека, воля которого постоянно нарушается и парализуется из-за его безграничного альтруизма, лежит в основе всего трагического развития сюжета.

Отсюда возникают все осложнения действия: прежде всего «двойная любовь» Мышкина (лишь внешне напоминающая романтическую), подлинная непосредственная любовь к Аглае Епанчиной и смешанная с состраданием любовь к куртизанке Настасье Филипповне. Эта двойная любовь рвет душу героя, а бедная Настасья платит за нее жизнью: ее убивает соперник Мышкина, купец Рогожин.

Таким образом, идеал «положительно прекрасного человека», который Достоевский хотел представить в образе Мышкина, очевидно, не может выдержать груза действительности. Действительность романа часто оказывается нереальной фантазмом (подобно заключительной сцене первой части, когда Настасья бросает в огонь 100 000 рублей Рогожина, сцене на даче Мышкина, бегству Настасьи с Рогожиным от церкви, в которой она должна была венчаться

с Мышкиным и т. д.). Разноцветный ряд человеческих типов включает, по признанию самого автора, многие «фантастические фигуры», начиная с циничного нигилиста Ипполита и его спутников и заканчивая генералом Иволгиным, чьей невероятной лжи едва ли найдутся аналоги в мировой литературе, не исключая и Гоголя... Все это, взятое вместе с психопатологическими сторонами (например, переживаниями Мышкина накануне его эпилептического припадка [так называемой «аурой»] и т. д.) и для Достоевского не новыми, но важными типами: примитивно-страстным купцом Рогожиным и «хищной женщиной», Настасьей Филипповной, создает атмосферу, которая не встречается более в других романах Достоевского.

8. Романом, пытающимся дать ответы на актуальные вопросы современности и общечеловеческие нравственные проблемы, являются «Бесы», — роман, оказавшийся спорным не только в момент его появления, но и десятилетиями позднее. Достаточно вспомнить о том, что Горький еще в XX в., даже в годы революции не раз говорил о «вредности» этого романа. «Бесы» принадлежали к «реакционным», а точнее к «антиреволюционным» романам, которых было немало и ни один из которых не пережил своего времени, в том числе и два романа такого значительного писателя, как Лесков.

«Вечной» проблемой, которой занимался Достоевский, был вопрос о роли силы воли в «экономии существования» души, вопрос, который он затронул уже в «Преступлении и наказании». «Актуальные» события, которыми Достоевский занимался в «Бесах» и которые в свою очередь предоставили ему уголовный сюжет, состояли в странном и, собственно, единственном в своем роде эпизоде революционного движения, эпизоде, вновь поставившем его перед вопросом о мировоззренческих предпосылках тогдашнего русского революционного движения. Эти предпосылки — специфически русское рационалистическое просвещение — он пытается обычным для его романов образом анализа и критики включить в «полифонию» человеческих голосов.

Криминальный сюжет романа взят из современной хроники революционного движения: уже во время работы над романом Достоевский познакомился с сообщениями о процессе Нечаева (1871). Нечаев попытался теснее сплотить маленькую группу революционеров, которую он ввел в заблуждение относительно величины и силы своей организации и своего собственного положения в ней, убийством

мнимого агента полиции Иванова, то есть общей виной. И другие детали деятельности Нечаева (прокламация от имени не существовавшей в действительности организации и т. п.) Достоевский взял из сообщений о процессе. Деятельность Нечаева, исключительный случай в революционном движении того времени, стала основой той части произведения, которую сам Достоевский называл памфлетом.

Но еще до знакомства с сообщениями прессы о судебном разбирательстве Достоевский набросал «план» своего памфлета: из первых записей писателя выясняется еще более, чем из окончательной редакции, что основной мыслью романа должно было стать доказательство, что просветители и революционеры 60-х годов (представленные в образе Петра Верховенского) были не только физически, но и духовно наследниками поколения 40-х годов (отец Верховенского — представитель этого поколения и носит в набросках фамилию типичного представителя 40-х годов Грановского). Многочисленные, в основном неясные намеки на определенных лиц 40-х и 60-х годов рассеяны по разным местам романа. Тургенев карикатурно изображен в романе писателем Кармазиновым.

Правда, следует обратить внимание, что сильно достается не только революционерам. Образованные представители старшего поколения тоже ничем не лучше: прежде всего совершенно ничтожные представители начальства, начиная с губернатора Лембке и заканчивая мелкими чиновниками и офицерами, они не только не могут ничего, т. е. никаких духовных ценностей противопоставить революционному движению, но и умственно неполноценны... Один славянофил (Шатов) чист нравственно, но его идеи и сама его религиозная вера — всего лишь выросшие на национальном чувстве *желания верить* и попытки «заставить» себя обратиться к вере. Подлинно «хорошими» людьми являются возможно не очень интеллигентный офицер и ходящая от дома к дому продавщица религиозной литературы. Единственным действительно верующим человеком является не совсем нормальная женщина (Марья Тимофеевна). В таких безнадежно-мрачных красках еще никто не рисовал русскую действительность!

Этот роман ни в коем случае не является «ключевым романом», как это иногда утверждается. Достоевский соединяет с карикатурой и сомнительной генеалогией людей 60-х годов также две упомянутых выше мысли.

Человеком сильной воли в романе является центральная фигура Николая Ставрогина, благородного молодого человека, обладающего физической красотой, богатством и духовной силой. Все другие фигуры романа каким-то образом зависимы от него: мать его живет только для него, три других женщины в романе, компаньонка Даша, благородная Лиза и не совсем нормальная Марья Тимофеевна Лебядкина (с которой Ставрогин тайно обвенчан) — все влюблены в него и преданы ему. Но что еще важнее — все мужские фигуры романа тоже зависимы от него духовно, являются отображениями его сильного ума: например, теоретик атеизма Кириллов, славянофил Шатов (который в качестве жертвы играет роль Иванова из процесса Нечаева)^{119*}, Нечаев романа — Петр Верховенский, а отчасти также в качестве параллели к родной матери — духовный отец и воспитатель Ставрогина, человек 40-х годов Степан Верховенский, родной отец Петра.

Нечаев-Петр Верховенский видит в Ставригине, во всяком случае, сильного человека, который мог бы сыграть в революции роль «узурпатора». Но и беглый каторжник Федька убивает Марию Тимофеевну и ее брата в убеждении, что исполняет задание Ставрогина.

Однако «онтологически» этот господствующий над столь многими людьми Ставригин близок к «нулевой отметке существования», а в конце ему не остается никакого иного выхода, как покончить жизнь самоубийством, и не потому, что он подвергается внешним преследованиям (правительством, подобно уже арестованным революционерам; Петр Верховенский заблаговременно уезжает), но потому, что душевно он совершенно *пуст*. Примеры силы воли, приводимые Достоевским, не всегда убедительны, отчасти они свидетельствуют о душевном заболевании и лишь отчасти объясняются отсутствием духовного полюса, вокруг которого могла бы вращаться жизнь его души. В первой, опубликованной в журнале редакции, упоминалось и видение Ставригиным чёрта. При публикации книги писатель это место опустил. Достоевский не говорит в романе, что духовным полюсом, которого не хватает Ставригину,

¹¹⁹ Достоевский опустил при публикации очень интересные наблюдения Шатова о различных вопросах, содержащиеся в набросках. Они еще больше подчеркнули бы продуктивную духовную силу Ставригина, к мыслям которого восходят (прим. Д. И. Чижевского).

должна была быть религиозная вера! Вообще религиозные мотивы в «Бесах» слабы как ни в каком другом романе Достоевского^{120*}.

Вся жизнь губернского города носит в романе характер фантастического маскарада, полного призрачных фигур; многие сцены так же невероятны, как и в «Идиоте», а некоторые (бал) еще более невероятны, поскольку в них принимает участие не только небольшая группа действующих лиц, но и широкие круги общества, «весь город»... Эти невероятные сцены кажутся Достоевскому тем более характерными, что они разыгрываются в обществе, в общем и целом живущем в сознании своей «просвещенности» и действия согласно разумным, рациональным принципам. Критика этих принципов осуществляется почти исключительно при изображении психологии и идеологии революционеров: их отрицания всякой необоснованной (примитивными) логическими доказательствами традиции, включая не только религию и философию («метафизику»), но и принципы человеческого общества, семьи и государства. Аллюзии на произведения русских просветителей: Чернышевского, Писарева, Зайцева или слегка измененные цитаты из их сочинений могли сделать понятной для читателя того времени сущность возражений Достоевского; он широко отождествляет с просветителями 60-х годов и людей 40-х годов, намекая также на Герцена, Белинского, Грановского и их современников. Отрицание «неразумной» традиции с необходимостью ведет к утопизму в политике (ожидание предстоящих вскоре социальных преобразований, невыполнимая и невыносимая для человека программа всеобщего уравнивания и диктаторского руководства всей публичной и частной жизнью) и к фантастике в философии культуры (отрицание «эстетики», морали, религии и т. д., которые объявляются либо совершенно ненужными, либо возводятся к эгоистическим инстинктам человека). Старшее либеральное поколение беспомощно по отношению к этим

¹²⁰ Характерный (и включенный в обработку Каю) эпизод — «исповедь» Ставрогина перед живущим в монастыре бывшим епископом Тихоном — Достоевский опустил по желанию редакции журнала. Этот эпизод должен был подчеркнуть духовную силу Ставрогина, который не стыдится публично признаться в отвратительном преступлении. Тихон обращает внимание Ставрогина на то, что побудительным мотивом его исповеди является не искреннее покаяние, а его гордость. Достоевский *не* восстановил этого все же важного для понимания романа эпизода в последующих изданиях (прим. Д. И. Чижевского).

воззрениям и не способно противопоставить им никакого убедительного мировоззрения.

Эта мрачная картина, собственно, ничем не смягчается, кроме неопределенной веры в здоровые духовные силы русского народа. Положительных воззрений Достоевский здесь не дает и можно говорить о попытке автора воздействовать «отрицательно дидактически».

9. В 1875 году Достоевский опубликовал роман «Подросток», над которым мог работать спокойно, медленно и без внешнего давления. Здесь дидактические элементы выступают гораздо сильнее^{121*}. В 1879–1881 годах вышел самый большой по объему и самый сложный по идеологическому содержанию его роман «Братья Карамазовы». Это снова криминальный роман, одновременно содержащий обширный дидактический материал и на протяжении длинных отрывков оставляющий совершенно без внимания сжатый сюжет. Трое молодых братьев Карамазовых, дети старого развратника Федора Павловича, относятся к трем различным человеческим типам: старший, Дмитрий, бывший офицер, — «дикий» необузданный человек, управляемый лишь своими страстями; второй, Иван, образованный мыслитель, рационализм которого, правда, далек от примитивного просвещения; младший, Алёша, «христианский юноша», живущий послушником в монастыре у «старца», монаха Зосимы. Конфликт между отцом и Дмитрием, полагающим, что может претендовать еще на значительную сумму, находящуюся во владении отца, обостряется тем, что оба они ищут благосклонности одной и той же провинциальной гетеры (в свою очередь относящейся к типу «хищных женщин»). Когда же старого Карамазова убивают, все улики свидетельствуют о вине Дмитрия, хотя в действительности старика убил и ограбил его лакей Смердяков (возможно, тоже бывший сыном старого Федора Карамазова). Суд присяжных заседателей признает Дмитрия виновным. В сложной ткани прекрасно построенного, но по своей архитектонике многослойного романа большую роль играют многочисленные побочные лица, прежде всего женщины.

Одной из главных тем романа является психологическая типология: три человеческих типа воплощены в трех братьях Карамазовых

¹²¹ Этот роман часто считался неудавшимся, что вряд ли справедливо (см. об этом книгу Н. J. Gerigk: Versuch über Dostoevskijs „Jüngling“, Forum Slavicum, 4. Band, München 1965) (прим. Д. И. Чижевского).

и, как неоднократно подчеркивает в романе сам Достоевский, они стоят в прямой связи с человеческими типами «христианского поэта» Шиллера (в «Письмах об эстетическом воспитании»; Достоевский соединяет с этой типологией и типологию «Разбойников» Шиллера)¹²², но на вопрос о «высшем» человеческом типе окончательного ответа не дается: монах Зосима и его ученик Алёша Карамазов, по-видимому, стоят к этому типу ближе всего. Между тем Достоевский показывает, что в каждом человеческом типе живут какие-то высшие душевные силы, но также скрываются и различные опасные «угрозы». Все мужские фигуры состоят в различных связях с женщинами романа, тоже имеющих совершенно различные характеры. Многообразие человеческих типов показывается прежде всего через нравственные действия соответствующих людей. Особенно интересны для Достоевского рационалисты, выступающие здесь в различных образах: прежде всего в Иване Карамазове, которого Достоевский представляет читателю как человека, судящего и осуждающего всех других действующих лиц романа, в том числе и своего собственного отца. После убийства отца Иван чувствует свою моральную ответственность за содеянное слугой Смердяковым, которому Иван, может быть, действительно, бессознательно помог. Неприятие Иваном мира, который, якобы, не имеет смысла, выражается в его «Легенде о Великом Инквизиторе» и в мыслях чёрта, являющегося ему в видении и подкрепляющего бессмысленность бытия теорией «вечного возвращения», предвосхищающей воззрения Ницше¹²³. Ничтожнейшим рационалистом (просвещенцем *sui generis*) как раз является убийца, лакей Смердяков, но и современное общество (что демонстрируется в различных сценах, например, в сцене заседания суда), по мнению Достоевского, разделяет мысли примитивного просвещенства.

¹²² См. статью Д. И. Чижевского «Шиллер и “Братья Карамазовы”» // Zeitschrift für slavische Philologie. Band VI (1/2). Leipzig 1929, S. 1–42 (публикацию перевода этой статьи на русский язык см.: Достоевский. Материалы и исследования. Т. 19. СПб., 2010. С. 23–53). Эта же тема рассмотрена им в работе: Шиллер в России // Новый Журнал. Книга XLV. 1956. С. 109–135.

¹²³ См. статью Чижевского «К проблеме бессмертия у Достоевского (Страхов — Достоевский — Ницше)» // Жизнь и смерть. Сборник памяти д-ра Николая Евграфовича Осипова под редакцией А. Л. Бема, Ф. Н. Досужкова и О. Лосского. II. Статьи памяти Н. Е. Осипова. Прага, 1936. С. 26–38.

Сюжет [романа] связан с побочными мотивами. Изображается прошлое Карамазова и отчасти некоторых других лиц. В таких отступлениях Достоевский является типичным реалистом («метонимическая» композиция). Показывается, как отец и Дмитрий добиваются, соревнуясь, благосклонности Грушеньки. Но у Дмитрия есть невеста, Катерина Ивановна, сердце которой он завоевал своим благородством. По складу души она более соответствует скорее Ивану, который, возможно, уже любит ее. Алёша изображается с больной девушкой, Лизой Хохлаковой, и с «мальчиками», гимназистами. Наконец, рядом с родным отцом Алёши, старым развратником, стоит его духовный отец, монах Зосима, смерть которого приносит Алёше известное религиозное разочарование. Описание судебного заседания является шедевром Достоевского: он убедительно использует изложение частного случая для характеристики всего тогдашнего русского общества. Дмитрия на основании косвенных улик приговаривают к длительному каторжному сроку. Смердяков признает свою вину перед Иваном, передает ему награбленные деньги и совершает самоубийство. Но показанию Ивана о признании Смердякова суд не верит, тем более что Иван является на процесс уже нервнобольным человеком (в предшествующую ночь ему являлся черт, ведший с ним философские беседы).

Достоевский собирался изобразить судьбы своих героев в следующем романе. Дмитрий, вероятно, должен был бежать с каторги. Алёша — стать революционером, и это между прочим показывает, что последний роман Достоевского *не* решил еще окончательно поставленную здесь проблему «высшего человека», не решил он ее и по мнению автора!

10. Выясняя композиционное и стилистическое своеобразие романов Достоевского, можно отметить ряд примечательных черт.

В основе романов Достоевского лежат довольно простые сюжеты, развитие которых лишь изредка усложняется перипетиями и побочными линиями. Криминальные сюжеты романов тоже едва ли подходят для того, чтобы вызывать и усиливать напряженное внимание читателя, ибо то, что произошло в действительности, открыто сообщается читателю: только в последнем из своих романов Достоевский решает некоторые «загадки» задним числом. Содержание всех романов имеет чисто психологическую природу. Всегда имеется ряд конфликтов и разбирательств между людьми различных типов

и прежде всего между носителями различных мировоззрений: правда, столкновение идей связано с личными конфликтами людей. Этот «полифонический характер» (М. Бахтин) или многоголосая «оркестровка» (Д. Чижевский)¹²⁴ романов едва ли позволяет нам признать удачной характеристику произведений Достоевского как «романов-трагедий» (Вячеслав Иванов): сущностное родство романов Достоевского с драмой выражается в преобладании диалогов (а иногда и во вполне сценических монологах) и напряженных массовых сцен, почему и вполне понятны многочисленные сценические обработки этих романов (множество русских, но и западные обработки Камю и Адамова). Это родство выражается далее в концентрации действия или его важных частей на кратких отрезках времени, в продолжении которых скрещиваются различные линии развития действия и разные человеческие судьбы одновременно испытывают роковое обострение — а некоторые лица впервые встречаются (ср. конец первой части «Идиота» или встречу всех членов семьи Карамазовых в келье старца Зосимы в начале романа и т. д.). Но всего этого отнюдь недостаточно, чтобы называть романы Достоевского трагедиями!

Дидактический характер романов выражается в теоретических вставках — иногда только в речах действующих лиц или же в их письменных обращениях, их исповедях, трактатах или поэтических произведениях (исповеди Ставрогина и Ипполита в «Идиоте» или признания Зосимы, биография Зосимы Алеши Карамазова, «трактаты» Раскольникова или Шигалева в «Бесах», произведения Ивана Карамазова — «Поэма», «Геологический переворот» и «Легенда о Великом Инквизиторе», повесть Кармазинова-Тургенева, а также некоторые письма героев). Чрезвычайно многочисленны упоминания писателей, мыслителей и художников, часто это только аллюзии на их произведения или легко узнаваемые цитаты. В набросках эти элементы были еще более многочисленными. А еще больше о прямых или косвенных источниках произведений Достоевского можно узнать путем анализа текстов — работа, которая далеко еще не завершена. Говоря об источниках, мы вовсе не имеем в виду «влияний» или «займований». Достоевский мог реагировать на какие-то импульсы, в основном оставаясь почти всегда самостоятельным... (см. далее § 12!).

¹²⁴ См. уже упоминавшуюся работу Д. И. Чижевского: «Шиллер и “Братья Карамазовы”» // Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 2010. С. 27.

Дидактические элементы романов часто многократно во время действия, а окончательно в конце романов, так сказать, «отодвигаются в сторону» «катастрофами». Окончательная катастрофа зачастую оставляет после себя на сцене многочисленные трупы и выброшенные из жизни каторжников или сумасшедших.

В романах имеет место вообще широко распространенное введение нетождественного автору фиктивного повествователя — иногда границы между этим рассказчиком и автором романа неясны (например, в «Бесах»). Заимствования из современной действительности (газеты, устные сообщения) и из исторических сочинений используются довольно суверенно и даже своевольно. Язык чрезвычайно разнообразен, отчасти восходя к заметкам с каторги и прочим наблюдениям Достоевского. Поэтому Достоевский работает с разнообразными *слоями языка*, начиная с бесхитростного и бесцветного языка протокола через патетический язык, напоминающий полный энтузиазма романтизм (Гоголя и даже Марлинского), до поучительного и назидательного, иногда даже елейного и ханжески-благочестивого языка. О каком бы языковом слое ни шла речь, предпочтение постоянно отдается разговорному стилю и в плавной и в «психически-заикающейся» речи героев. Она всегда индивидуально окрашена (ср., например, язык Кириллова в «Бесах»).

11. Более всего Достоевский ценит эпитеты, которые, правда, весьма различны, начиная с просто гиперболически усиливающих (*величайший, чрезвычайный, сильнейший, важнейший* и т. д.) до оригинальных (*германо-косоротый* и т. д.). Особенно он любит «обесценивающие» и уничижительные прилагательные (*ленивый, грязный, уродливый, вонючий, злобный* и т. д.), а также «презрительно»-уменьшительные формы. Редки неологизмы, чаще всего, правда, довольно «сильные» (ср. *второстепенность, накидчивость, одноидейность, кумирный, расстановочно*, и особенно глаголы: *капризиться, напроворить, вызлиться, безлестить, разжениться, намечтать* и т. д.). Многие странные выражения (он меня дерзнул, вместо — ударил) основываются на записях Достоевским народных фраз и выражений. Метафоры редки, важнее символически использованные образы.

12. Уже с ранних повестей Достоевский имеет определенную склонность вырабатывать систему мощно воздействующих символов, к которой относятся и некоторые типичные для его произведений

«общие места». К ним принадлежит (связанный с влиянием Пушкина и «натуральной школы») образ растворяющегося в ничто в ночном тумане города (Петербург), а также описания Петербурга особенно в дождливую ночь (ср. «Слабое сердце», «Двойник» и т. д.). Сюда же относится символ «сатанинской природы» как «злого насекомого» (например, вши или паука), образа, очевидно, восходящего к Шиллеру (R. Matlaw)¹²⁵. Перевороты в душе человека (часто к лучшему, по крайней мере призывы к такому перевороту) связаны с в общем-то редкими у Достоевского образами природы, а именно: образом заката солнца с «косыми лучами солнца», иногда просто с «солнечным лучом» (у Раскольникова и Мышкина). «Муравейник» стал символом всякого «коллективизма», т. е. такого общежития людей, которое подавляет или игнорирует их духовную индивидуальность, «кристальный дворец» (со Всемирной лондонской выставки) стал символом социализма, «угол» — символом самоизоляции человека, «Наполеон» — воплощением (действительно или мнимо) «сильного человека» и т. д.

Не менее символическое значение имеет и параллелизация двух человеческих типов, человеческих судеб или отдельных действий (ср. Соня и Дуня в «Преступлении и наказании», «подросток» и Ламберт в «Подростке», Иван и Смердяков в «Братьях Карамазовых»). Такое проведение параллелей иногда разворачивается в двойничество («Двойник», Ставрогин и множество внутренне зависимых от него людей в «Бесах», Иван и Смердяков), мотив, заимствованный, вероятно, у Э. Т. А. Гофмана¹²⁶. И отдельные черты людей, по-видимому, имеют символическое значение (голубой цвет в связи с Катериной в «Хозяйке»).

Эта символика предоставляет новые возможности реалистического изображения, сознательно или неосознанно заимствованные потом различными писателями.

13. Характерно малое значение описаний природы. Они имеют исключительно то или иное символическое значение (см. § 12). Внешний облик человека тоже лишь изредка изображается пластично. Чаще

¹²⁵ Имеется в виду работа R. E. Matlaw. "The Brothers Karamazov": Novelistic Technique. 'S-Gravenhage, 1957.

¹²⁶ Чижевский подробно писал об этом в статье «К проблеме двойника» (Из книги о формализме в этике) // О Достоевском. Сборник статей I / под ред. А. Л. Бема. Прага, 1929. С. 9–38.

всего имеем лишь психологическую характеристику, дающую первоначально только основные черты, развиваемые затем по ходу действия... До сих пор существует еще множество малоосвещенных проблем стиля Достоевского, например, его юмор, особенно своеобразии довольно большого количества юмористических элементов в его произведениях. Юмор его часто «жесток», что вполне индивидуально. Дальнейшие проблемы здесь упомянуты быть не могут.

14. Для философских мотивов своего творчества Достоевский использует особый прием «оркестровки» (ср. выше § 5): высказывания о существенных для него в положительном или отрицательном смысле темах вкладываются в уста различных лиц. Тем самым проблема сначала *подчеркивается*. Одновременное представление ее разными по характеру и мировоззрению людьми указывает на различные аспекты проблемы, намечая *различные* возможные решения. Например, проблема «высшего человека» упоминается различными героями «Братьев Карамазовых» и поскольку Достоевский считает типом высшего человека своего рода «ангельское» существование, а тип этот скорее всего представлен Алёшей, последнего оба его брата, госпожа Хохлакова и ее дочь Лиза всерьез и в шутку называют «ангелом» и «херувимом». Учение Шиллера о типах (в «Письмах об эстетическом воспитании») имеет большое значение для типологии героев романа — и поэтому все герои напоминают читателю о Шиллере: даже едва ли начитанный Карамазов-отец упоминает Шиллера, но и все три брата, а позднее на заседании суда и прокурор и защитник. То же происходит с иначе истолкованной проблемой «высшего человека» («Наполеон») в «Преступлении и наказании» или в утверждении, что всякий за все и за всех виноват... Таким же образом Достоевский подчеркивает — прежде всего в «Братьях Карамазовых» — значение красоты (которая «спасет мир») и ее амбивалентного, многозначного характера (см. выше § 5)¹²⁷.

Таким образом идеи представляются как бы независимыми от людей и их носителей. Но это означает принципиальную двуслойность изображения в романах Достоевского: все, что происходит с действующими лицами, имеет высший смысл и вечное значение. И Достоевскому действительно удалось поставить в своих романах

¹²⁷ См.: Чижевский Д. И. Шиллер и «Братья Карамазовы». С. 33–51.

вечные и общечеловеческие вопросы (что не значит, будто ответы он считал общезначимыми и окончательными!).

В истории литературы мы можем лишь перечислить вопросы и ответы Достоевского, их же анализ должны отложить до другого случая. Прежде всего центральной проблемой Достоевского является человек, его двойная сущность (в сердце человека Дьявол с Богом борется) и предпосылки его существования (религиозная вера, без которой всякий человек опустился бы до «нулевой отметки существования»), и источники его творческой силы (семена идей приходят к нам «из иных миров»). Важной проблемой является также красота, с одной стороны, не подлежащая сомнению, с другой же — сомнительная и многозначная. И еще выше ценность свободы, которая тоже сомнительна и может вырождаться в «сатанинское своеволие». Проблема свободы теснейшим образом связана с проблемой теодицеи: почему возможно, что созданный Богом мир допускает незаслуженное страдание (например, детей) и жестокость людей? Из двух возможностей создания мира — либо как «бесперебойного» и для всех людей счастливого мира, в котором не было бы свободы, либо мира, где людям в качестве высшего блага была бы подарена свобода, которой они как «конечные и ограниченные существа» могут и злоупотребить (опускаясь до злобного произвола), — Бог мог выбрать только последнюю возможность (эта мысль в размышлениях о Достоевском развита особенно Н. Бердяевым). И наконец к центральным проблемам Достоевского относится также вопрос о вине всякого человека «за все и за всех». Но ни в коем случае нельзя отдельные высказывания героев Достоевского считать его «назидательными» мнениями (как это делают Бердяев и В. Розанов)^{128*}.

Мы смогли лишь упомянуть эти вопросы и ответы Достоевского и вынуждены были, наряду с другими отчасти важными произведениями, обойти молчанием даже самое характерное теоретическое произведение писателя «Записки из подполья» (1864), произведение, которое как раз прежде всего и посвящено проблеме доведенной до прозола свободы. Это произведение (название которого по-немецки — «Erinnerungen aus einem Kellerloch» и т. п. — передано лишь весьма приблизительно) — с одной стороны, пример диалектики Достоев-

¹²⁸ Ницше, рисовавший в «Антихристе» свой образ Христа с князя Мышкина (Эрнст Бенц, см. § 7), впал в ту же ошибку! (прим. Д. И. Чижевского).

ского, которая (подобно платоновской) прежде всего исследует возможность вырождения идей; с другой стороны, «Записки» имеют особое значение и для духовного развития Достоевского, поскольку видно, что в 1864 году Достоевский еще был очень далек от достигнутого позже в последнем романе, сравнительно гармоничного (хотя, конечно, и не окончательного) мировоззрения! Поэтому нельзя не только все мнения героев Достоевского — какими бы положительными они ни были, как, скажем, мнения Алеши Карамазова — считать за мнения самого писателя, но нельзя и все его произведения рассматривать как единство, представляющее собой завершенную и гармонизированную систему мысли (как это делает Р. Лаут¹²⁹ и другие немецкие авторы). Этот призыв к осторожности важен особенно потому, что Достоевского так часто пытаются представлять философом, а иногда и называть «пророком» («пророчества» которого, однако, по столь многим вопросам оказались ложными). Следовало бы также указать на связь Достоевского с его экспертами по философским вопросам: в Сибири это был барон Врангель, в 60-е годы Н. Н. Страхов, влияние которого, однако, чувствуется еще и в «Братьях Карамазовых», в последние годы жизни Достоевского — тогда еще юный Владимир Соловьев, черты характера которого, якобы, отчасти определили образ Алеши. От этих доверенных лиц, а не из *собственного* чтения Достоевский мог познакомиться с некоторыми идеями Канта (ср. вышедшую недавно интересную брошюру Я. Голосовкера)¹³⁰.

Интересны также суждения Достоевского о своем собственном творчестве: противопоставляя свой «идеализм» реализму, он в другом месте отвергал также характеристику себя как «психолога», желая быть «реалистом в высшем смысле». Как мы видели, некоторые черты у Достоевского и у других русских реалистов были общими. Было бы важно подвергнуть основательному анализу и теоретико-литературные воззрения и литературно-критические замечания Достоевского. Между тем нельзя рисовать его как писателя той же краской, как и мыслителя.

¹²⁹ Речь идет о книге Р. Лаута «Философия Достоевского» (Мюнхен, 1950).

¹³⁰ Имеется в виду издание: Я. Э. Голосовкер. Достоевский и Кант: Размышления читателя над романом «Братья Карамазовы» и трактатом Канта «Критика чистого разума». М., 1963.

2.9. Библиография исследований о Д. И. Чижевском и сочинений Д. И. Чижевского

сост. А. В. Тоичкина

Исследования о Д. И. Чижевском

1. Бондарчук М. Истоки философской символики в трудах Дм. Чижевского пражского периода (I–V): (На примере сочинений Г. С. Сквороды) // Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Сб. докладов. Прага, 1995. С. 428–436.
2. Васильева М. А. А. Л. Бем, П. М. Бицилли, Д. И. Чижевский: Метод «мелких наблюдений» // А. Л. Бем и гуманитарные проекты русского зарубежья: международная конференция, посвященная 120-летию со дня рождения. 16–18 ноября 2006 г. / сост., науч. ред. М. А. Васильевой. М.: Русский путь, 2008. С. 113–135.
3. Васильева М. А. Статья Дмитрия Чижевского «Неизвестный Гоголь» и ее «неизвестный» контекст // Colloquia Litteraria Sedlcensia. T. IV. Дмитрий Чижевский и европейская культура. Дрогобич. Siedlce, 2010. С. 165–176.
4. Васильева М. А. Чижевский Д. И. // Литературная энциклопедия Русского Зарубежья (1918–1940). М., 1997. Т. 1: Писатели русского Зарубежья. С. 435–437.
5. Лисовый В. С. Дмитрий Иванович Чижевский: Онтология, гносеология, философия культуры // Философская и социологическая мысль. 1994. № 5/6. С. 4–17.
6. Магидова М. Достоевский в трудах пражский ученых-эмигрантов (А. Бем, Н. Осипов, Д. Чижевский) // Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Сб. докладов. Прага, 1995. С. 197–213.
7. Марченко О. В. Творчество Николая Гоголя и Григория Сквороды в трудах Дмитрия Чижевского // Марченко О. В. FABULAE SELECTAE. М.: Асхань. 2016. С. 35–48.
8. Mnich R. «Рецептивная эстетика» Дмитрия Чижевского. Siedlce: Wydawnictwo Naukowe Instytutu Kultury Regionalnej I Badan Literackich im. Franciszka Karpińskiego, 2021. 588 с.
9. Надъярных Н. С. Дмитрий Чижевский. Единство смысла. М.: Наука, 2005. 366 с.
10. Осовский О. Е. Книга М. М. Бахтина о Достоевском в оценке литературоведения русского зарубежья // Бахтинский сборник. М., 1991. Вып. 2. С. 379–385.

11. Степун Ф. А. Дмитрий Иванович Чижевский // Русская мысль. 1964. С. 4.
12. Тоичкина А. В. Чижевский о Достоевском (к проблеме определения метода интерпретации Чижевского) // *Dostoevsky Studies. New Series*. 2010. Vol. 14. S. 5–11.
13. Тоичкина А. В. Концепция просвещения в работах Д. И. Чижевского о Достоевском // Вестник РХГА. 2011. № 12. Вып. 3. С. 199–208.
14. Тоичкина А. В. «И как пишет критик Страхов...» (Тема спиритизма в публицистике Достоевского, Н. Н. Страхова и в романе «Братья Карамазовы») // Достоевский и журнализм / под ред. В. Н. Захарова, К. А. Степаняна, Б. Н. Тихомирова. “Dostoevsky Monographs”. Вып. 4. СПб., 2013. С. 299–315.
15. Тоичкина А. В. Реализм Достоевского в исследованиях Д. И. Чижевского // *Dostoevsky Studies*. 2013. Vol. 17. S. 23–36.
16. Тоичкина А. В. Философский контекст статьи Д. И. Чижевского «К проблеме двойника» (К методологии исследования ученого) // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2014–2015 / отв. ред. Н. Ф. Гриценко. М.: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2015. С. 415–423.
17. Тоичкина А. В. Сюжет «Двойника» Достоевского в исследованиях В. В. Виноградова и Д. И. Чижевского // *Dostoevsky Studies. New Series*. 2016. Vol. 20. S. 59–70.
18. Тоичкина А. В. Сковорода, Коменский, Сведенборг и Достоевский в работах Д. И. Чижевского о мистиках // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2017. Т. 18, Вып. 2. С. 145–156.
19. Тоичкина А. В. Научный метод Д. И. Чижевского (на материале его работ 1920–1930-х годов) // Девятые и Десятые Андреевские чтения. Славянские литературы и литературные взаимосвязи. Сборник статей по материалам XLVI и XLVII Международных филологических конференций 13–22 марта 2017 г., 19–28 марта 2018 г., г. Санкт-Петербург / СПбГУ. Филол. факультет; отв. ред. О. В. Гусева. СПб.: ВВМ, 2018. С. 54–66.
20. Тоичкина А. В. Аксиологические основы научного метода Д. И. Чижевского в его работах о Ф. М. Достоевском («Легенда о великом инквизиторе») // Человек. Текст. Дискурс. Филологические чтения. V Всероссийская с международным участием научная конференция, посвященная 80-летию со дня памяти Алексея Алексеевича Ухтомского 23–24 сентября 2022 года / сост. Е. А. Фёдорова. Ярославль: Филигрань, 2022. С. 309–316.
21. Тоичкина А. В. Аксиологические основы метода Д. И. Чижевского в его работах о Г. С. Сковороде и Н. В. Гоголе // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2024. № 2 (53). С. 234–241.

22. Тоичкина А. В. Понятие «система» в работах Д. И. Чижевского о Я. А. Коменском и Г. С. Сковороде // Поиск гармонии в мире хаоса: Ян Амос Коменский и современная философия образования: Материалы международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 3–4 июня 2015 г.) / ред. С. Марчукова, Р. Мних. СПб.: Петершуле, 2016. С. 140–152.
23. Чижевский Д. И. Избранное: в 3 т. Т. 1.: Материалы к биографии: (1894–1977) / сост., вст. ст. В. В. Янцена; коммент. В. В. Янцена и др. М.: Библиотека-фонд «Русское Зарубежье», Русский путь, 2007. 848 с.
24. Янцен В. В. Н. А. Бердяев: Письмо Д. И. Чижевскому // Новый журнал. Нью-Йорк. Март 2007. С. 212–216.
25. Янцен В. В. Неизвестный Чижевский: обзор неопубликованных трудов. СПб.: Изд-во РХГА, 2008. 162 с.
26. Янцен В. В. О судьбе книжных собраний и архивов Дмитрия Ивановича Чижевского в Германии // Записки Русской академической группы в США. 2003. С. 135–163.
27. Янцен В. В. Об иррациональном в истории: Биографические заметки к переписке С. Л. Франка и Д. И. Чижевского (1932–1937, 1947 гг.) // Русский Берлин (1920–1945). Международная научная конференция 16–18 декабря 2002 г. / сост. М. А. Васильева, Л. С. Флейшман. М., 2006. С. 304–354.

Сочинения Д. И. Чижевского

• *о творчестве А. С. Пушкина*

1. Чижевский Д. И. «Морю», стихотворение Пушкина, рукопись второй редакции // Русский литературный архив / под ред. М. Карповича и Дм. Чижевского. Нью-Йорк, 1956. С. 5–39.
2. Čyževskij D. Puškin medzi romantizmom a klasicizmom // Slovenské Pohľady. 1937. 1. S. 36–41; 2. S. 75–83.
3. Čyževskij D. Puškin und die Romantik // Slavische Rundschau. 1937. 9. S. 69–80.
4. Čyževskij D. Puškin und die Romantik // Germanoslavica. 1937. 5/1–2. S. 1–31.
5. Čyževskij D. Bemerkungen zu Puškin // Germanoslavica. 1937. 5/1–2. S. 71–75.
6. Čyževskij D. Germano-slavistische Puškiniana in “Zvenja” // Germanoslavica. 1937. 5/1–2. S. 76–77.
7. A. S. Pushkin: Evgenij Onegin. A Novel in Verse. The Russian Text, edited with Introduction and Commentary by D. Č. Cambridge, Mass. (Harvard University Press), 1953.
8. Tschizewskij D. Puschkin und die russische Sprache // Solange Dichter leben. Puschkin-Studien. Herausgegeben von A. Luther Krefeld. Scherpe-Verlag, 1949. S. 179–197.

9. Tschizewskij D. Neues über Puškin, Lermontov und Gogol' I. Zeitschrift für slavische Philologie. 1955. 23/2, S. 385–398.
10. Tschizewskij D. Russische Literaturgeschichte des 19. Jahrhunderts. I. Die Romantik. Eidos Verlag München, 1964. S. 50–72.

• *о творчестве Н. В. Гоголя*

1. Чижевский Д. Две родословных Гоголя // Новый Журнал. 1965. Т. 78. С. 71–78.
2. Чижевский Д. Неизвестный Гоголь // Новый Журнал. 1951. Т. 27. С. 126–158.
3. Чижевский Д. О «Шинели» Гоголя // Современные Записки. 1938. Т. 67. С. 172–195.
4. Чижевский Д. Три книги о Гоголе // Новый Журнал. 1955. С. 277–288.
5. Čyževskij D. Gogol': Artist and Thinker // The Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the U. S. New-York. 1952. 4/2. S. 261–278.
6. Čyževskij D. Skovoroda — Gogol' // Die Welt der Slaven. 1968. 13/3. S. 317–326.
7. Tschizewskij D. Russische Literaturgeschichte des 19. Jahrhunderts. 2 Bände. Band 1: Die Romantik (Forum Slavicum. 1). München, 1964. (о Гоголе: С. 97–113)
8. Tschizewskij D. Gogol's Ja und Nein // Archiv für das Studium der neueren Sprachen und Literaturen. 1978. Braunschweig. 215. Bd. 130. Jahrgang 2. S. 347–355.

• *о творчестве Ф. М. Достоевского*

1. Чижевский Д. Достоевский — психолог // О Достоевском II. Сборник статей под редакцией А. Л. Бема. Прага: 1933. С. 51–72.
2. Чижевский Д. К проблеме бессмертия у Достоевского. (Страхов — Достоевский — Ницше) // Жизнь и смерть. Сборник памяти д-ра Николая Евграфовича Осипова под редакцией А. Л. Бема, Ф. Н. Досужкова и Н. О. Лосского. II. Статьи памяти Н. Е. Осипова. Прага, 1936. С. 26–38.
3. Чижевский Д. К проблеме двойника (Из книги о формализме в этике) // О Достоевском. Сборник статей I / под ред. А. Л. Бема. Прага, 1929. С. 9–38.
4. Чижевский Д. Масарик и Достоевский // Центральная Европа. Ежемесячник № 2. Прага, 1931. С. 87–92.
5. Чижевский Д. Отрывок черновика «Записок из Мертвого дома» Достоевского // Русский литературный архив / под ред. М. Карповича и Дм. Чижевского. Нью-Йорк, 1956. С. 59–81.
6. Чижевский Д. Словарь личных имен у Достоевского / Составлен А. Л. Бемом, С. В. Завадским, Р. В. Плетневым и Д. И. Чижевским под общей

- редакцией А. Л. Бема. Ч. I: Произведения художественные // О Достоевском II. Сборник статей под редакцией А. Л. Бема. Прага, 1933. С. I–VIII (предисловие), 1–89.
7. Čyževskij D. Schiller und die “Brüder Karamazov” // Zeitschrift für slavische Philologie. Band VI (1/2). Leipzig, 1929. S. 1–42.
 8. Čyževskij D. Folkloristisches zu Dostojevskij // Dostojevskij-Studien. Gesammelt und herausgegeben von D. Čyževskýj. Reichenberg, 1931. S. 113–116.
 9. Čyževskij D. Dostojevski i zapadno-evropska filozofija // Нова Европа. № 4. Zagreb, 1931. S. 232–238.
 10. Čyževskij D. Manuscripts of Dostoevsky and Turgenev at Harvard // Harvard Library Bulletin. Cambridge (Mass) 1955. 9/3. S. 410–415.
 11. Tschizewskij D. Literarische Lesefrüchte XI: (99) Swedenborg, Kvitka-Osnov'janenko, Dostojevskij // Zeitschrift für slavische Philologie. Band XIX (2). Leipzig, 1947. S. 348–371.
 12. Tschizewskij D. Dostojewskij // Dmitrij Tschizewskij, Russische Literaturgeschichte des 19. Jahrhunderts. II. Der Realismus. Forum Slavicum Band 1. München, 1967. S. 72–92.
 13. Tschizewskij D. Dostojewskij und die Aufklärung. Tübingen, 1975. 30 s.

Раздел 3

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

3.1. Программа духовно-нравственного воспитания в средней школе для 5–10 классов

Е. А. Фёдорова, В. В. Любарев

А. С. Пушкин

5 класс. (4 ч.) «Сказка о мёртвой царевне и о семи богатырях».

Сюжетный мотив спасения в сказке. Понятие греха как отступления от нравственных заповедей. Гордость как основа человеческих пороков. Образы царицы и царевны как воплощения гордости и смирения. Зависть как печаль о благополучии другого, антитеза любви к ближнему. Красота, кротость и доброта в образе царевны. Богатырство как единство силы и справедливости, готовность на самопожертвование во имя ближнего и высших ценностей. Образы богатырей и Елисея.

6 класс. (6 ч.) Роман «Дубровский».

История дружбы и вражды Троекурова и Дубровского. Гордость героев как причина их разъединения. Гордость и бунтарство, жажда мести Владимира Дубровского. Противостояние Владимира и Троекурова. История любви Владимира и Маши. Нравственный выбор Маши. Смысл финала романа. Прозрение Владимира и его отказ от мщения.

7 класс. (4 ч.) «Повести Белкина» («Станционный смотритель»).

Проблема отцов и детей. Внешний конфликт (Вырин и Минский) и внутренний конфликт (Дуня). Образ «маленького человека» в повести. Мотив «блудного сына». Финал повести. Образ дороги как символ судьбы личности и страны. Интерпретация повести в фильме С. Соловьёва (1972).

8 класс. (6 ч.) **«Моцарт и Сальери».** Роман **«Капитанская дочка».**

Особенности драматургии А. С. Пушкина. Проблема судьбы как Суда Божьего. Тема греха как отступление от нравственных заповедей и добродетели. Внутренний конфликт Сальери (совести и рассудка) как его наказание.

Роман «Капитанская дочка». Сюжетные мотивы становления, испытания и выбора. Тема семьи. Проблема свободы личности и народа. Первый круг испытания Гринева. Свобода как своеволие. Понятие о двойственности природы человека. Зурин и Швабрин как двойники Гринева. Нравственные уроки Савельича и Маши Мироновой. Внешний и внутренний конфликт в повести. Восстание Пугачева. Семья Мироновых как образец семьи. Понятие героического (капитан Миронов). Традиция последнего целования, плач по убитому воину (традиции древнерусской воинской повести). Образ Пугачева и Петра Гринева: спор о свободе. Маша Миронова как авторский идеал. Прототип Маши Мироновой — Прасковья Луполова. Симметричность композиции. Смысл названия романа. Сон Гринева как выражение авторской идеи произведения.

9 класс. (10 ч.) Стихотворения. **«Отцы пустынноики и жены непорочны...»**, **«Пророк».** Поэма **«Медный всадник».** Роман в стихах **«Евгений Онегин».**

Поэма «Медный всадник». Человек и история в поэме. Образ Петербурга. Образ Евгения в поэме. Образ Петра I в поэме. Конфликт личности и государства.

Роман в стихах «Евгений Онегин» как новаторское произведение. Образы Владимира Ленского и Евгения Онегина как две ступени развития образа автора. Образ Татьяны Лариной как авторский идеал. Взаимоотношения главных героев.

Н. В. Гоголь

5 класс. (2 ч.) Повесть **«Ночь перед Рождеством»** из сборника «Вечера на хуторе близ Диканьки».

Фольклорная и христианская основа произведения. Сюжет искушения и его преодоления. Кузнец Вакула и черт как антиподы. Вакула — иконописец и певчий в хоре, церковный староста. Искушение Вакулы страстью-любовью. Оксана и сюжет преображения. Рождественный хронотоп.

7 класс. (3 ч.) Повесть «Тарас Бульба».

Историческая и фольклорная основа повести. Запорожская Сечь: братство и православная вера как духовная основа общины. Сюжетные мотивы искушения и выбора. Сопоставление Остапа и Андрия. Искушение Андрия любовью-страстью к польке. Измена братству и вере. Понятие страсти как извращения любви. Формирование доминанты как иллюстрация учения о прилоге Нила Сорского. Остап и Тарас как богатыри, защитники Отечества и веры. Нравственный выбор Остапа. Героическая смерть Тараса. Житийная основа повести — Житие Евстафия Плакиды.

8 класс. (6 ч.) Повесть «Шинель». Комедия «Ревизор».

Н. В. Гоголь. Повесть «Шинель»: тема, идея, особенности конфликта. Образ маленького человека в произведении. Акакий Башмачкин как хранитель традиции. Отношение Башмачкина к своему труду. Проблема милосердия. Искушение Башмачкина мечтой о материальном. Смысл финала. Прозрение Башмачкина перед смертью. Интерпретация повести в кинофильме А. Баталова.

Комедия «Ревизор» как сатира и изображение нравственных пороков. Сюжет, композиция, особенности конфликта. Система образов как проявления пороков. Образ Хлестакова. Понятие «хлестаковщина».

9 класс. (8 ч.) Поэма «Мёртвые души».

Святоотеческое учение об иерархическом строении человека: естественный (душевный) — плотской — духовный уровни. Учение А. А. Ухтомского о доминанте. Судьба как проявление доминанты личности и народа. Образы статические и динамические в поэме. Понятие страсти как отступление от добродетели. Проявление «плотского» в помещиках: Манилов — отсутствие духовной цели, Коробочка — закрытость, ограниченность, страх перед жизнью, Собакевич — грубость и индивидуализм, Ноздрев — авантюризм, страсть к риску, игре, Плюшкин — страсть к накопительству. В Плюшкине и Чичикове — сохранение естественного закона (дружба и любовь). Способность Чичикова к рефлексии, к самоконтролю и самоанализу. Динамическая модель личности и мира: движение к христианскому идеалу. Образ России, народа и автора в поэме.

Значение народной музыки. Образ дороги как символ судьбы человека и Отечества: торжество плотского — стихийное движение тройки, победа духовного — Тройка-птица, полет.

М. Ю. Лермонтов

5 класс. (2 ч.) Стихотворение «**Бородино**».

Диалог солдата-новобранца и старого воина как диалог Собеседников, постигающих Истину. Основа данной народной оды — героический эпос древнерусской словесности («Сказание о Мамаевом побоище» и др.). Единение русского народа и проявление Промысла Божьего. Богатырство и сила духа русского народа, единство и цельность русского национального характера. Мотив братства и военного товарищества.

7 класс. (4 ч.) «**Молитва**» («В минуту жизни трудную...», 1839) и другие. «**Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова**».

«Молитва» — стихотворение, посвященное М. А. Щербатовой (А. О. Смирнова-Россет). Тема одиночества в лирике поэта. Проблема гармонии. Ощущение Бога не разумом, а чувством, душой. Утоление душевной муки и очищение души.

«**Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова**». Историческая основа произведения. Фольклорная основа: варианты исторической песни о Мазеppе Темрюковиче (Кирши Данилова). Повествование от лица гусяpов. Калашников как русский богатырь и Кирибеевич как разбойник, бусурманин. Понятие чести и Семьи как Малой Церкви, Дома. Трехчастная композиция: зачин, три части, концовка. Числовая символика: три героя, три гусяpя, три дня и три ночи. Образ Солнца (царь, муж, Христос). Образ земли как опоры богатыря. Могила Калашникова на перекрестке, в середине креста.

8 класс. (2 ч.) Поэма «**Мцыри**».

Поэма «Мцыри» как романтическое произведение. Проблема свободы. Сюжетные мотивы выбора и грехопадения. Кольцевая композиция. Конфликт внешний и внутренний. Мцыри и его движение от гордости к смирению. Зооморфная символика. Поединок с барсом как поединок со зверем в себе. Очищение от гордыни исповедью.

Библейский эпиграф: свобода выбора личности. Книга Пророка Ионы как библейская основа поэмы. Притча о блудном сыне.

9 класс. (11 ч.) «**Молитва**» («Я, Матерь Божия, ныне с молитвою...», 1837). Роман «**Герой нашего времени**».

«Молитва странника» — стихотворение, посвященное В. А. Лопухиной. На фоне последовательных отрицаний происходит утверждение темы любви, мольбы о прощении, желаниа блага возлюбленной. Умиротворенность и музыкальность стихотворения.

Конфликт личности с окружающим миром в сфере любви, дружбы, жизни общества. Проблема судьбы как нравственного выбора личности. Сюжетные мотивы испытания, выбора, грехопадения, искупления. Двойственность образа Печорина. Двойники Печорина: Грушницкий, Вернер, Вулич. Вера как Собеседник Печорина. «Бэла» и «Фаталист» как полюсы романа. Поиск героем нравственной программы жизненного поведения (И. И. Виноградов). Композиционный принцип «двойной хронологии». Композиция романа: движение от человека «внешнего» к человеку «внутреннему». Путь героя как путь души.

М. Е. Салтыков-Щедрин

7 класс. (2 ч.) Сказки (две по выбору). «**Пропала совесть**», «**Премудрый пискарь**» и другие.

Совесть как внутренний голос, собирающий все впечатления от жизни рода, судящий и указывающий жизненную дорогу (А. А. Ухтомский). Пискарь как образ замкнутого на себе Двойника, идущего к саморазрушению.

10 класс. (3 ч.) Роман-хроника «**История одного города**» (не менее двух глав по выбору). Главы «О корени происхождения глуповцев», «Опись градоначальникам», «Органчик», «Подтверждение покаяния» и другие.

«История одного города» как сатирическое произведение с элементами антиутопии. Глава «О корени происхождения глуповцев». Собираательные образы градоначальников как Двойников («Опись градоначальникам», «Органчик», «Подтверждение покаяния» и др.) Интерпретация романа в кинофильме С. Овчарова «Оно» (1989).

Ф. М. Достоевский

8 класс. (2 ч.) «**Белые ночи**» (одно произведение по выбору).

Споры о герое: Мечтатель — слабая или сильная личность? Нравственный выбор героя. Евангельская основа произведения. Образ Петербурга. Символика названия. Интерпретация повести в кинематографе: И. Пырьев (1959), Л. Висконти (1957), Р. Брессон (1971).

10 класс. (10 ч.) Роман «**Преступление и наказание**».

«Сон смешного человека» — рассказ о петербургском герое, его падении и возрождении. «Преступление и наказание» — идеологический, философский роман и роман-диалог. Образ Петербурга через доминанту Раскольникова. Три фазы формирования замысла Раскольникова на преступление как самоутверждение. Идея о праве сильной личности. Раскольников и его «двойники»: Лужин и Свидригайлов. Образ Сонечки Мармеладовой и проблема нравственного идеала, искупления милосердием. Евангельские мотивы и образы в произведении. Сны Раскольникова и Свидригайлова как самораскрытие героев. Роль финала. Проблема возрождения героя.

Л. Н. Толстой

5 класс. (5 ч.) Рассказ «**Кавказский пленник**».

Историческая основа, рассказ-быль, тема, идея. Жилин и Костылин: сравнительная характеристика образов. Нравственный облик героев. Готовность Жилина на самопожертвование во имя друга. Евангельская основа повести.

6 класс. (2 ч.) Повесть «**Детство**» (главы).

Тематика и проблематика повести. Образы родителей как антиподы: европейский тип и русский тип. Наталья Николаевна как авторский идеал. Смирение и покорность героини воле Божией. Образы Карла Иваныча и Натальи Савишны как Собеседников маленького героя. Значение образа юродивого Григория. Образ сада как символ утраченного земного рая.

7 класс. (3 ч.) Рассказ «**После бала**».

Тема жестокости и сострадания. Проблема двойственности человека. Церковный календарь в рассказе. Нравственный выбор главного героя.

8 класс.(2 ч.) «**Отрочество**» (главы).

Пробуждение «плотского» человека в подростке. Глава «Затмение». Внутренний и внешний конфликты в повести. Движение главного героя от самоутверждения к согласию с другими. Нехлюдов как Собеседник главного героя.

10 класс. (15 ч.) Роман-эпопея «**Война и мир**».

Роман-эпопея и семейная хроника. «Мирь» как Вселенная и народ, община. Нравственные устои. «Мысль семейная» в романе «Война и мир»: Ростовы и Болконские. Нравственно-философские взгляды Л. Н. Толстого. Андрей Болконский: движение от Двойника к Собеседнику. Наташа Ростова: искупление греха милосердием. Марья Болконская и Николай Ростов: духовная личность и «естественный» человек. Духовные искания Пьера Безухова. Отечественная война 1812 года в романе «Война и мир». Бородинское сражение как идейно-композиционный центр романа. Образы Кутузова и Наполеона как антиподы: самоутверждение и самоотвержение. «Мысль народная» в романе «Война и мир». Основа произведения — героический эпос древнерусской словесности («Сказание о Мамаевом побоище» и др.). Традиция последнего целования, белые рубахи ополченцев как символ очищения и готовности вступить в Царствие Небесное. Единение русского народа и проявление Промысла Божьего. Образ Платона Каратаева и евангельская основа романа. Аллюзии к древнерусской словесности (воинская повесть) и творчеству Пушкина («Капитанская дочка»). Символический образ солнца и его косых лучей в романе. Значение творчества Л. Н. Толстого в отечественной и мировой культуре. Экранизации романа С. Бондарчуком (1967) и Р. Дорнгельмом (2007).

3.2. Феномен «богатырство» в свете этического учения А. А. Ухтомского (на материале сказок А. С. Пушкина и М. Е. Салтыкова-Щедрина)

С. В. Капустина

Пласт аксиологически ориентированных исследований феномена «богатырство» значительно пополнился в первые десятилетия XXI века. В частности, он терминологически идентифицировался

как индивидуально-авторский концепт, аккумулирующий ценностные установки русских литераторов. На материале творчества Н. В. Гоголя (см.: [Капустина, 2023]), Ф. М. Достоевского (см.: [Капустина, 2022]), А. К. Толстого (см.: [Аржанцева, 2024]) и др. восстанавливались ядерные значения указанного мыслеобраза, среди которых: «духовная сила» («сила от Бога»), «служение», «братство», «предстательство», «жертвенность», «будничное подвижничество». Вполне очевидно, что такая «смысловая эссенция», художественно воплощенная национальными писателями и поэтами, сформировалась благодаря их пристальному вниманию к героическому эпосу; ориентированностью на исконно народные и ментально коренные образы святорусских богатырей.

Иной же материал для исследования аксиологии богатырства был избран А. С. Мироновым, в работах которого рассматриваются «все известные науке записи былин» [Миронов, 2023, с. 42]. Обратившись к широчайшему источниковедческому ареалу, А. С. Миронов сосредоточился на выявлении «для каждой эпической ситуации “аксиологической доминанты”, определяющей ценностные предпочтения персонажа» [Миронов, с. 42]. Разнообразие былинных контекстов позволило ученому выявить положительные и отрицательные импульсы таких доминант героев, как «честь “внешних” объектов», «соборная слава богатырства», «богатырский дар» и «сердце богатырское». Принципиально важным считаем его указание на методологическую основу исследования: «...опираемся здесь на концепцию доминанты как психологического понятия, предложенную психофизиологом А. А. Ухтомским» [Миронов, с. 43].

Обозначенная А. С. Мироновым концепция А. А. Ухтомского, думается, весьма продуктивна для анализа аксиологии не только былинных, но и сказочных героев. Еще более презентативно ее потенциал раскрывается при выявлении богатырских доминант в авторской сказке. Выбор такого иллюстративного материала — с его схематичными сюжетными линиями, четкими интегральными образами, небольшим количеством ценностно маркированных ситуаций — способствует контаминации двух ранее обозначенных подходов — концептного и доминантного — к изучению феномена «богатырство».

Например, выявление доминант героев в «Сказке о спящей царевне и о семи богатырях» позволяет, во-первых, составить пред-

ставление об их аксиологических приоритетах; во-вторых, реконструировать ядерные смыслы индивидуально-авторского концепта А. С. Пушкина. Следует заметить, что в литературоведческих штудиях уже были предприняты попытки реконструкции концепта «богатырство» на материале произведений классика [Половникова, 2022], однако до сих пор в достаточной мере не изучались как запечатленные в его сказках православные доминанты воинского братства, так и предпосылки их художественной экспликации. Важно, что пушкинское восприятие духовности былинных защитников Руси во многом отозвалось в творчестве его последователей, будто бы сакрализовавших богатырскую силу, отождествивших ее с православным противостоянием бесовщине (см.: [Капустина, 2014]).

Примечательно, что создатель закона доминанты, А. А. Ухтомский, часто обращался для его иллюстрации к литературным примерам. А. С. Пушкина он считал «гениальным переводчиком и толмачом» русского народа [Ухтомский, 1996, с. 452], одним из отцов того предания в литературе, которое было развито Н. В. Гоголем, Ф. М. Достоевским, Л. Н. Толстым. Полагаем, понимание богатырства как святорусского воинства, оплота духовной крепости и самоотреченного служения братьям во Христе было одной из значимых составляющих этого предания.

Для доказательства выдвинутого тезиса считаем целесообразным проанализировать «Сказку о мертвой царевне и о семи богатырях» в координатах этического учения А. А. Ухтомского. Характерология героев А. С. Пушкина дополняется значимыми нюансами при применении к содержанию произведения законов о двойнике и заслуженном собеседнике. Напомним, что, по А. А. Ухтомскому, в двойничестве пребывает тот, кто сосредоточивается на эго-доминантах, замыкается в скорлупе собственных страстей, утрачивает возможность полноценно воспринимать другого человека; путь *собеседования* же открывается тому, кто искренне *сопереживает*, *сострадает*, *сочувствует* иному лицу, абстрагируется от его восприятия сквозь «я»-призму.

Выразительным образом двойника в «Сказке...» выступает царица-мачеха, чрезмерное самолюбие которой проявляется через самолюбование в зеркальце. Последнее и служит, по А. А. Ухтомскому, визуализацией того «экрана между человеком и себе-

седником» [Ухтомский, 1996, с. 176], который закрывает героине путь спасения вовне, предопределяет ее внутреннее саморазрушение гордостью и ревностью. Волшебное зеркальце для царицы — вещный суррогат собеседника («С ним одним она была / Добродушна, весела...» [Пушкин, 1950, с. 459]), отражающий ее открытость искушающей тьме и усугубляющий духовное бремя двойничества.

Противоположность героини-двойника — собеседующая с положительными персонажами сказки молодая царевна. Рожденная в Навечерие Рождества Христова («... в сочельник в самый, в ночь» [Пушкин, 1950, с. 458]), она живет по заветам Христа и, подобно Ему, воскресает после насильственной смерти. Духовная красота юной девушки отражается на ее внешности: «Белолица, черноброва, / Нраву кроткого такого» [Пушкин, 1950, с. 460]; проявляется в праведном поведении: «Засветила Богу свечку...» [Пушкин, 1950, с. 463], «Закрасневшись, извинилась» [Пушкин, 1950, с. 463], «От зеленого вина / Отрекалася она» [Пушкин, 1950, с. 464]; вызывает любовь в добрых сердцах: «Та <Чернавка. — *примеч.* С. К. >, в душе ее любя, / Не убила, не связала» [Пушкин, 1950, с. 461]; «Всех нас семеро, тебя / Все мы любим...» [Пушкин, 1950, с. 465].

Характеристиками, данными иным лицам, будто бы дополняется духовный портрет самой царевны. Войдя в терем богатырей и обнаружив его православное убранство, героиня составляет мнение о них, но подспудно аттестует и себя: «Видит девица, что тут / Люди добрые живут» [Пушкин, 1950, с. 463]. Собеседование царевны и богатырей начинается с первых минут их встречи. Как и подобает православным христианам, они воспринимают друг друга связанными духовным — братско-сестринским — родством: «Коли красная девица, / Будь нам милая сестрица» [Пушкин, 1950, с. 462].

Собеседование смиренномудрой красавицы и благочестивых богатырей не нарушается последующим бытом: «Им она не прекословит, / Не перечут ей они» [Пушкин, 1950, с. 465]. А. С. Пушкин, описывая жизнь царевны под богатырской защитой, словно находит емкий и лаконичный синоним понятию А. А. Ухтомского «собеседование» — «согласие»: «И согласно все опять / Стали жить да поживать» [Пушкин, 1950, с. 466]. Девица становится «хозяйюшкой <...> / В терему» [Пушкин, 1950, с. 464–465], богатыри же тради-

ционно оберегают родную землю от вражеских нашествий: «Братья дружною толпою / Выезжают погулять <...> Руку правую потешить, / Сорочина в поле спешить, / Иль башку с широких плеч / У татарина отсечь, / Или вытравить из леса / Пятигорского черкеса» [Пушкин, 1950, с. 464].

Показательно, что богатырство в сказке изображено как духовно цельное, не распадающееся на атомы индивидуализма православное воинское братство, внутри которого непрерываемо действует закон собеседования. Полюбив царевну и желая построить с нею «малую церковь», семь богатырей не конкурируют друг с другом, не пытаются по отдельности завоевать ее сердце, не строят козней и интриг. Они вместе обращаются к избраннице с общей просьбой: «Помири нас как-нибудь: / Одному женою будь» [Пушкин, 1950, с. 465]. После отказа героини ее собеседники также не поддаются искушению мести или ревности — они смиренно просят прощения и продолжают чтить ее как сестру во Христе.

Обнаружив отравленную царевну, богатыри смягчают «горсть душевную» соборной молитвой. Впечатленные живоподобием умершей сестрицы, они на три дня откладывают «обряд печальный» похорон, а после, будто бы лелея надежду на нетленность ее красоты и избавление от вечного сна, оставляют ее в хрустальном гробе в пустой горе. Именно этот гроб будет разрушен силою любви царевича Елисея, которая так же, как и у православных богатырей, укрепляется святой молитвой: «Помолясь усердно Богу, / Отправляется в дорогу» [Пушкин, 1950, с. 462]. Упование героев сказки на Творца и Искупителя — суть их внутреннее собеседование с миром Горним и предпосылка соборного собеседования в мире дольнем. Через венчание с воскресшею сестрицей богатырей Елисей также становится их духовным братом.

Следовательно, в сказке А. С. Пушкина богатырство представлено как православное собеседование с братьями во Христе, ориентированное на их защиту и спасение. Дружина святорусских воинов крепка панцирем православной веры, ограждающим их от междоусобных распрей и проявлений двойничества. Однако далеко не у всех продолжателей «пушкинско-гоголевского предания» [Ухтомский, 1996, с. 485] аналогичное восприятие феномена «богатырство». Например, в сатирической сказке М. Е. Салтыкова-Щедрина «Богатырь», напротив, эксплицировано самоограждение героя от народа.

Сатирически клейменное М. Е. Салтыковым-Щедриным богатырство лишается основ соборности и собеседования, приобретает явные черты индивидуализма и двойничества. Богатырь осмеян темным родословием («Баба-Яга его родила, вспоила, вскормила, выхолила...») [Салтыков-Щедрин, 1974, с. 192]) и «подвигами», несущими лишь разрушения («...видит, один дуб стоит — он его с корнем вырвал; видит, другой стоит — он его кулаком пополам перешиб») [Салтыков-Щедрин, 1974, с. 193]). Он будто бы создан по образному лекалу Мокия Кифовича — псевдо- или горобогатыря из поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души». А. А. Ухтомский отмечает тяготение младшего сатирика к старшему: «...специализировать и развить до конца дух «Ревизора» и «Мертвых душ», — это было уделом Салтыкова-Щедрина» [Ухтомский, 1996, с. 485]. Но если Н. В. Гоголь изображал духовно бессильного, но физически монументального Мокия Кифовича в предупреждение соотечественникам, взывал к богатырству на Руси с целью вернуть ее в лоно Православия (подробнее см.: [Капустина, 2023]), то М. Е. Салтыков-Щедрин зло осмеивал образ русского национального героя, глумился над его высоким предназначением. Объясняя аксиологический диссонанс двух сатириков, А. А. Ухтомский отмечал: «Но <...> Салтыкову стал чужд и непонятен дух того же Гоголя, выразившийся в “Переписке с друзьями”, дух святого сомнения в себе, поднявшийся до сожжения сатиры над людьми! Выхода из сатиры у Салтыкова нет — в нем сатира посягает на всех и всё» [Ухтомский, 1996, с. 485] (подробнее об аксиологическом аспекте диалога Н. В. Гоголя и М. Е. Салтыкова-Щедрина с читателем см.: [Фёдорова, 2023]).

Сатирик, видя прототипом героя сказки русское самодержавие [Салтыков-Щедрин, 1974, с. 471], изображает абсурдной возможность собеседования народа с крепко спящим наместником Бога на земле (Богатырем). Салтыков-Щедрин помещает своего персонажа в душло, где тот, двойнически замыкается, а народ оставляет напрасно ожидать защитника в «лихое безвременье»: «...всю тысячу лет оная страна всеми болями переболела, и ни разу Богатырь ни ухом не повел, ни оком ни шевельнул, чтобы узнать, отчего земля кругом стоном стонет» [Салтыков-Щедрин, 1974, с. 193–194].

В сказке А. С. Пушкина народ и богатыри скреплены узами братства во Христе, открыты к разным граням спасительного разгово-

вания. В сатирическом же повествовании М. Е. Салтыкова-Щедрина между боящимся своего псевдозащитника народом и гниющим в вечном сне богатырем то, что А. А. Ухтомский называл «экраном между человеком и собеседником», т. е. скорлупа двойничества, визуализированная в кору тысячелетнего дуба. Как видим, А. С. Пушкин изображает феномен «богатyrство», открывая его аксиологическую перспективу, которая дает импульс для творчества собеседникам поэта — национальным литераторам (Н. В. Гоголю, Ф. М. Достоевскому, Л. Н. Толстому), ратующим за духовное здоровье России. М. Е. Салтыков-Щедрин же искажает явление «богатyrство», видя в его основе то двойничество, которое, по слову А. А. Ухтомского, закрывает для самого писателя «выход из сатиры», подчеркивает «авторскую неукрепленность во Христе» [Капустина, 2024, с. 189].

Ссылки

1. Аржанцева Т. В. Технология «медленного чтения» русской классики на занятиях по РКИ / Т. В. Аржанцева, С. В. Капустина // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2024. Т. 10, № 1. С. 170–184.
2. Капустина С. В. Феномен богатyrства в трактовке Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2014. № 12. С. 233–243.
3. Капустина С. В. «Богатyrство» и «Рыцарство» в концептосфере Ф. М. Достоевского // Достоевский — 2021: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 200-летию со дня рождения писателя, Москва, 19–20 ноября 2021 года. М.: Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, 2022. С. 60–64.
4. Капустина С. В. К вопросу о переводе единиц концептосферы Н. В. Гоголя: богатyrство или heroism? // Два века русской классики. 2023. Т. 5, № 4. С. 16–33.
5. Капустина С. В. «Господа Головлевы» М. Е. Салтыкова-Щедрина в критике А. А. Ухтомского // Проблемы исторической поэтики. 2024. Т. 22, № 1. С. 176–194.
6. Миронов А. С. Аксиологические доминанты в системе ценностей русского эпического героя // Проблемы исторической поэтики. 2023. Т. 21, № 2. С. 38–65.
7. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1950 Т. IV: Поэмы. Сказки. 552 с.

8. Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: в 20 т. М.: Художественная литература, 1974. Т. 16: Сказки. 527 с.
9. Ухтомский А. А. Интуиция совести: письма. Записные книжки. Заметки на полях. СПб.: Петербургский писатель, 1996. 528 с.
10. Фёдорова Е. А. Диалог Н. В. Гоголя и М. Е. Салтыкова-Щедрина с читателем: аксиологический аспект / Е. А. Фёдорова, С. В. Капустина // Филологические чтения: материалы конференции, Ярославль, 28–29 апреля 2023 года / сост. Е. А. Фёдорова, ред. М. В. Шаманова. Ярославль: Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова, 2023. С. 187–195.

3.3. Школьное изучение романа А. С. Пушкина «Дубровский» в свете этических законов А. А. Ухтомского

С. В. Капустина

Федеральная рабочая программа основного общего образования по предмету «Литература» рекомендует изучать роман А. С. Пушкина «Дубровский» в 6-м классе. На страницах школьных учебников одно из самых психологически выразительных произведений классика тенденциозно трактуется в контексте социальных противоречий начала XIX века. Отмеченное сосредоточение современных авторов учебной литературы на «социально-моральном расщеплении людей из дворянства» [Коровина, 2012, с. 61] в пушкинском произведении можно расценить как отзвук его советской интерпретации.

Так, одним из авторитетных методических ориентиров для учителей-словесников 70–80-х годов XX века была книга В. Г. Маранцмана «Роман А. С. Пушкина “Дубровский” в школьном изучении» [Маранцман, 1974], в которой судьба благородного разбойника трактовалась «как следствие всей системы социальных отношений» [Маранцман, 1974, с. 16], определялась «социальным бытом, эпохой» [там же]. Вражда героев-отцов и невозможность брака героев-детей объяснялись, прежде всего, разницей их положения в обществе, противопоставлением бедности и богатства. С подачи Б. В. Томашевского, посвятившего обстоятельную статью параллелям «Дубровского» и «Валентины» Жорж Санд, пушкинский текст стали

жанрово идентифицировать как *социальный роман*, тем самым словно недооценивая его глубочайшее духовно-нравственное содержание.

Завеса социального будто бы скрывала внутреннюю полновесность романских персонажей, сужала объемность их характеров до силуэтных черт. Например, В. Г. Маранцман, называя Троекурова психологически сложным героем, все равно считал его «виновником разорения и смерти <...> Андрея Гавриловича Дубровского» [Маранцман, 1974, с. 17]. Полагаем, эта излишне категоричная оценочность, отразившаяся и в современных учебных материалах, корректируется при моделировании этической перспективы романа А. С. Пушкина.

Для воссоздания этико-психологических траекторий, по которым движутся герои «Дубровского», рационально обратиться к учению А. А. Ухтомского о доминанте. Выдающийся физиолог и мыслитель-богослов, настаивал, что принцип доминанты — камертон любого мировосприятия: «...мы видим во встречном человеке преимущественно то, что по поводу встречи с ним поднимается в нас, но не то, что он есть. А то, как мы толкуем себе встречного человека (на свой аршин), предопределяет наше поведение в отношении его, а значит и его поведение в отношении нас» [Ухтомский, 1996, с. 413]. Принцип доминанты лег в основу сформулированных А. А. Ухтомским законов о двойнике (довлеющей солипсичности, излишней самозамкнутости, невозможности сосредоточиться на другом лице) и заслуженном собеседнике («...каждый видит в мире и людях то, чего искал и чего заслужил. И каждому мир поворачивается так, как он того заслужил» [А. А. Ухтомский, 1996, с. 437]). Трактовка сюжетов русской классики сквозь призму выведенных А. А. Ухтомским законов позволила найти новые штрихи в духовных портретах известных литературных героев, взглянуть под иным углом на суть их внешних и внутренних конфликтов (подробнее см.: [Капустина, 2024], [Фёдорова, Капустина, 2023], [Фёдорова, 2023] и др.).

Принцип доминанты открывает возможность более широко рассмотреть обязательный для школьной программы вопрос о нравственной проблематике романа «Дубровский», уйти от клишированной полнотности при характеристике его главных героев, понять, как с этической точки зрения соплагаются трагедии «отцов» и «детей».

Такой подход продуктивен для школьного анализа художественного текста тем, что нацеливает обучающихся на всестороннее рассмотрение характера / проблемы, стимулирует развитие критического мышления шестиклассников, предостерегает их от поверхностных оценок и безапелляционных суждений.

В школьных учебниках образы Кирила Петровича Троекурова и Андрея Гавриловича Дубровского традиционно аттестуются как социальные оппозиты, однако критерии антистетичности персонажей представляются неоднородными. Например, Г. С. Меркин утверждает, что А. С. Пушкин противопоставляет «*знатному и богатому Троекурову бедного, но гордого старика Дубровского*» [Меркин, 2012, с. 164–165]. Нередко характеристика старших героев романа выстраивается по принципу полярности: *положительный / отрицательный (жертва / убийца)*. Однако в предконфликтной истории взаимоотношений Троекурова и Дубровского эксплицированы доминанты, которые будто бы меняют местами условные «плюс» и «минус».

Троекуров, несмотря на «барскую праздность» [Пушкин, 1950, с. 217], избалованность и невоздержанность, был способен открывать для себя *равного*, концентрироваться на *другом лице*. Он «уважал Дубровского» [Пушкин, 1950, с. 218]; искренне желал поправки дел своего друга, предлагая ему покровительство [Пушкин, 1950, с. 219]; допускал родство с ним через брак Маши и Владимира. Однако Андрей Гаврилович предпочитал оставаться «бедным и независимым» [Пушкин, 1950, с. 219], поскольку был одержим гордостью — выразительным проявлением двойничества. Хозяин Кистеневки сосредоточивался исключительно на себе, решительно и нетерпеливо отвергал *равного*, жажда возвыситься над тем, кто видел *лицо* в нем. Прозрев «ограниченность ума» [Пушкин, 1950, с. 217] Троекурова и пользуясь его благосклонностью, гордец Дубровский позволял себе принижать то, что было дорого для приятеля. Весьма провокационно прозвучал его отказ от возможного соединения их семейств: «...мой Володька не жених Марии Кириловне. Бедному дворянину, каков он, лучше жениться на бедной дворяночке, чем сделаться приказчиком избалованной бабенки» [Пушкин, 1950, с. 219]. Возможно, первоначальное обозначение дочери Троекурова по имени-отчеству тонально завуалировало для отца обращенное к ней же пренебрежительное «избалованная бабенка». Возможно, Кирила

Петрович по «ограниченности ума» упустил язвительную колкость провокатора. Но всего вероятнее, думается, то, что Троекуров в силу безмерного уважения, сочувствия и доверия к другу даже не допускал мысли об обидной подоплеке в его словах.

Андрей Гаврилович Дубровский, ведомый, по А. А. Ухтомскому, «духом Антихриста», т. е. «самонадеянным, гордым, превознесенным в своих собственных глазах, но, в конце концов, таким глупым, бес- сильным духом надмевающейся человеческой “самости”» [Ухтомский, 1996, с. 38], напротив, видел обидное посягновение на собственную свободу даже в бескорыстной заботе. Ущемленная бедностью гордость старика побуждала его провоцировать других, демонстрировать свое положение «вне закона» [Пушкин, 1950, с. 220], — и тем самым будто бы сильнее отрываться от мира, глубже удаляться в скорлупу собственного двойничества. Доминанта гордости породила в нем зависть, которая и стала как сильнейшим импульсом для «нечаянного случая» на псарне, так и спусковым крючком для грядущих трагедий романа.

Примечательно, что Троекуров, видя хмуращегося «от некоторой зависти» [Пушкин, 1950, с. 220] Дубровского, осведомляется о причинах его недовольства и называет завистника *братом*. В этом обращении вновь проявляется то, что Кирила Петрович не подозревает о разгорающемся адовом пламени в душе Дубровского; воспринимает в качестве собеседника идеализированный образ друга-брата — следовательно, и сам открывается как положительный персонаж. На едкую фразу Дубровского «...вряд людям вашим житье такое ж, как вашим собакам» [Пушкин, 1950, с. 221] Троекуров не реагирует; «дерзкое замечание своего холопа» простодушно расценивает как шутку и громко смеется; демонстративный отъезд Андрея Гавриловича замечает только за ужином. Гнев Кирилы Петровича просыпается лишь после прочтения письма Дубровского, возжелавшего самолично *судить* псаля Парамошку, т. е., по понятиям адресата, «идти на Троекурова!» [Пушкин, 1950, с. 222].

Категории «суд» и «совесть» — ризома этических смыслов романа «Дубровский». Сцена в присутствии уездного суда изображается А. С. Пушкиным в параллели внешнего и внутреннего, дольного и горного. «Продажная совесть чернильного племени» [Пушкин, 1950, с. 226] подтверждает победу истца, но по переходе к Троекурову Кистеневки «совесть его ропщет» [Пушкин, 1950, с. 242].

А. А. Ухтомский определяет совесть (или «со-весть») как «таинственный, судящий голос внутри нас, собирающий в себе все источники и порядки ведения, все унаследованные впечатления от жизни рода, и предупреждающий особыми волнениями и эмоциями высшего порядка о должных последствиях того, что сейчас делается перед нами» [Ухтомский, 1996, с. 458]. Отвлечшись от доминанты мести, Кирила Петрович ощущает горечь победы, укор неподкупного внутреннего судии. Усовестившийся Троекуров с благой вестью о примирении отправляется к Дубровскому, в безумных глазах которого предстает олицетворением катастрофы, всадником кистеневского апокалипсиса.

Как видим, в границах одной сюжетной линии сосуществуют разные доминанты, сквозь призму которых формируется отношение героев как к другому лицу, так и к самим себе. Преодолевший жажду мести Троекуров вновь концентрируется на Дубровском: желает восстановить согласие с ним, вернуть не по совести отсуженную Кистеневку. Доведенный же гордостью до безумия Андрей Гаврилович не способен найти выход из поглотившего его двойничества. Он самостоятельно домысливает цель визита Троекурова, не допуская даже вероятности благородных мотивов последнего. Старик Дубровский судит своего обидчика как гордеца и манипулятора, не подозревая, что за эти грехи уже вершится Страшный Суд над ним самим.

Доминанта гордости Дубровского-отца не умирает вместе с ним, а трансформируется в доминанту мести у его сына. Наследник жаждет «кровавого подвига» над Троекуровым, однако не совершает задуманного, поскольку, как отмечает Н. П. Жилина, «...ветхозаветное стремление к мести сменяется в нем новозаветным состоянием прощения» [Жилина, 2007, с. 333]. Ставший разбойником Владимир Андреевич прощает того, кто некогда усоевистившимся приезжал к его отцу за миром и прощением. Сменой доминант у младшего Дубровского движет сила любви: месть уступает прощению тогда, когда Владимир обретает заслуженного собеседника в лице Маши Троекуровой: «Вы прошли мимо меня, как небесное видение, и сердце мое смирилось. <...> Я отказался от мщения как от безумства» [Пушкин, 1950, с. 297].

Таким образом, роман «Дубровский» в свете учения А. А. Ухтомского открывается как глубокое этико-психологическое произведение, имеющее безусловную ценность в духовно-нравственном воспитании школьников.

Ссылки

1. Жилина Н. П. «Мария» в аксиологическом контексте произведений А. С. Пушкина // Духовный потенциал русской классической литературы. М.: Русский мир, 2007. С. 321–336.
2. Капустина С. В. «Господа Головлевы» в критике А. А. Ухтомского // Проблемы исторической поэтики. 2024. Т. 22. № 1. С. 176–194.
3. Литература. 6 класс: учебник для общеобразовательных учреждений: в 2 ч. / под ред. В. Я. Коровиной. М.: Просвещение, 2012. Ч. 1. 304 с.
4. Литература. 6 класс: учебник для общеобразовательных учреждений: в 2 ч. / авт.-сост. Г. С. Меркин. М.: ООО «Русское слово — учебник», 2012. Ч. 1. 344 с.
5. Маранцман В. Г. Роман А. С. Пушкина «Дубровский» в школьном изучении: пособие для учителя. Л.: Просвещение, 1974. 111 с.
6. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. / под ред. Б. В. Томашевского. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1950. Т. 6: Художественная проза. 815 с.
7. Ухтомский А. А. Интуиция совести: письма. Записные книжки. Заметки на полях. СПб.: Петербургский писатель, 1996. 528 с.
8. Фёдорова Е. А., Капустина С. В. Диалог Н. В. Гоголя и М. Е. Салтыкова-Щедрина с читателем: аксиологический аспект // Филологические чтения: материалы VI Всероссийской научной конференции «Филологические чтения» / сост. Е. А. Фёдорова, ред. М. В. Шаманова. Ярославль: Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова, 2023. С. 187–195.
9. Фёдорова Е. А. Телеологический сюжет в романах «Капитанская дочка» А. С. Пушкина и «Война и мир» Толстого // Проблемы исторической поэтики. 2023. Т. 21. № 4. С. 102–129.

3.4. Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский о детстве и отрочестве

Е. А. Фёдорова, В. В. Любарев

3.4.1. Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский о детстве

Русские философы начала XX в. (особенно В. С. Соловьев), рассматривая религиозные взгляды Толстого и Достоевского, выходят на проблему сотериологии в их романах [Шовина, 2007, с. 20]. Исследовательские работы А. П. Скафтымова позволяют увидеть в романах Толстого «Война и мир» и Достоевского «Идиот» иерар-

хическую шкалу телеологически направленных ценностей [Скафтымов, 2007, с. 134–137]. Кроме того, данный исследователь предполагает, что в автобиографической трилогии Толстого также раскрывается телеологический принцип тематической композиции [Скафтымов, 2017, с. 134–137].

Концепция детства у Толстого в критике традиционно воспринимается как ассоциация с «земным раем», с периодом жизни, когда человек находится в состоянии гармонии с собой и с окружающим миром. Так, К. А. Нагина находит в дневнике Толстого воспоминания о матери, связанные с садом, который в повести «Детство», по ее мнению, становится символом «утраченного рая» [Нагина, 2011, с. 142]. С образом сада, действительно, связаны воспоминания Толстого и Достоевского о детстве, проведенном в русской усадьбе с садом-парком. Для Толстого — это Ясная Поляна, для Достоевского — Даровое. Между тем следует заметить, что повесть «Детство» Л. Н. Толстой создавал с 1851 по 1852 год, будучи на Кавказской войне. Над рассказом «Маленький герой» Ф. М. Достоевский работал в 1849 году, находясь в Петропавловской крепости и ожидая суда над собой по делу петрашевцев (его первое название — «Детская сказка»). Оба произведения создавались в ситуации близости смерти. Примечательно, что в них большое количество автобиографических деталей. Казалось бы, авторы обращаются к самому светлому периоду жизни, чтобы найти в нем источник для преодоления трудностей в настоящем. Однако, если мы обратимся к сюжету произведений, то увидим, что их объединяют мотивы испытания и нравственного выбора. Толстой и Достоевский показывают, что даже маленький человек не отличается безгрешной природой, его выбор не всегда может привести к спасению.

Чтобы рассмотреть художественную антропологию Толстого и Достоевского, необходимо обратиться к этическому учению Алексея Алексеевича Ухтомского (1875–1942), который сформулировал принцип доминанты, использовал категории Двойника и Собеседника, обращаясь к материалу романов Толстого и Достоевского. В своей статье «Доминанта как рабочий принцип нервных центров» (1923) Ухтомский показал принцип действия доминанты как своеобразной призмы, сквозь которую смотрит на мир человек, и описал три фазы формирования доминанты личности на примере пробуждения любви у Наташи Ростовской к князю Андрею Болконскому.

В Рыбинском историко-архитектурном и художественном музее в фонде редкой книги хранится экземпляр журнала с этой статьей, на полях которой Ухтомский размышляет о доминанте, которая определяет судьбу человека: «Всякому напряженному стремлению, всякой доминантѣ дается добиться своего. Но это может быть и гибельно для их носителя. И в этом — Суд, т. е. в самом высшем смысле Судьба человека. Переоцѣнка под страхом смерти стремлений и доминант человекѣ — вот совѣсть внутри человека и судьба внѣ его» [Прим. 4, с. 43].

Вслед за преп. Иоанном Лествичником Ухтомский считает, что человеку дан «естественный» закон, который выражается в любви и совести человека. В личности этот закон может столкнуться с «плотской» природой человека. Помочь сделать правильный выбор человеку может совесть: «...Любовь — абсолютное обогащение жизни, которое однако съѣдает ее и истощает во всѣх других направлених. Истощено и угнетено в человекѣ все, за исключеніем захватившаго его образа. — Но дальновиднѣйшій из органов сообщенія с міром человекѣ — это совѣсть. Перед лицом ее, и с ее точки зренія переоцѣнивается объективно всякая любовь. Ибо ради любви создана и образовалась совѣсть. И ею же она только живет. Заглянуть наиболее далеко и глубоко в то, что следует сдѣлать для любви, — вот вопрос, стимулируемый любовью, ею только и живущій и способный убить соматическаго человекѣ. Это та “буря мыслей” и томленіе, когда сталкивается, вспоминается, встает перед мыслью все пройденное, всѣ выводы и впечатленія жизни, как, должно быть, бывает перед смертью» [Прим. 4, с. 41–42].

Если обратиться к родителям Николеньки, то автор подчеркивает разницу между их культурными доминантами с помощью одной детали. И. В. Мотеюнайте видит различие между отцом-европейцем Николеньки и его православной матерью, которое раскрывается в отношении к юродивому Грише: глядя на него, мать видит его вериги, а отец — грязные ноги [Мотеюнайте, с. 1999]. В рассказе «Маленький герой» муж m-me M также назван «европейцем» [Прим. 1, с. 275].

Композиция повести Толстого «Детство» выстраивается вокруг темы смерти: начинается произведение с мысли Николеньки о смерти маменьки [Прим. 2, с. 12], завершается — ее подлинной смертью. Пророчество о грядущем горе исходит от странника

и юродивого Гриши, который, по замечанию рассказчика, войдя в дом Николеньки, вздыхал и плакал, что «по мнению тех, которые верили в его способность предсказывать, предвещало какую-нибудь беду нашему дому» [Прим. 2, с. 42]. Молитва Гриши, свидетелем которой становится Николенька, вызывает у него «благоговение» и остается в памяти на всю жизнь, особенно последнее восклицание героя: «Да будет воля Твоя!» [Прим. 2, с. 44]. Мотив смерти звучит в воспоминаниях матери Николеньки, Натальи Николаевны, о смерти ее отца, которую предрек юродивый Кириуша [Прим. 2, с. 28].

Образ матери, которая научила сына молиться, сакрализуется: «любовь к ней и любовь к Богу как-то странно сливались в одно чувство» [Прим. 2, с. 54]. Наталью Николаевну называют «ангелом» Наталья Савишна [Прим. 2, с. 94, 101], Мими [Прим. 2, с. 98], бабушка [Прим. 2, с. 104]. Способом раскрытия личности героини у Толстого становится прекрасная улыбка маменьки и ее лучистые глаза [Прим. 2, с. 17]. Образ княжны Марьи Болконской в романе «Война и мир» коррелирует с образом Натальи Николаевны, поскольку у них есть общий прототип — это мать самого автора, Л. Н. Толстого.

В рассказе Достоевского «Маленький герой» образ m-me М создается путем аналогии: ее «тихие, кроткие черты» напоминают «светлые лица итальянских мадонн» [Прим. 1, с. 273]. Эта героиня также идеализируется: ее рассказчик сравнивает с «сестрами милосердия в жизни», которые благодаря «состраданию и всепрощению» оказываются готовы к подвигу самопожертвования [Прим. 1, с. 273]. Таким образом, в обоих произведениях Толстого и Достоевского создаются идеальные женские образы, доминантой которых является любовь и самопожертвование.

Няня Николеньки Иртеньева, Наталья Савишна, рассказывает, что во время болезни у Натальи Николаевны, матушки Николеньки, было видение, после которого она поняла, что смерть неизбежна [Прим. 2, с. 92]. Она принимает свою судьбу и пишет мужу: «покоримся воле Его», «Да будет Его святая воля!» [Прим. 2, с. 91, 92]. Своих детей она оставляет под покровительство Пресвятой Богородицы: «Мать Божия, не оставь их!..» [Прим. 2, с. 95]. Эта тема материнского благословения становится одной из ведущих в повести «Детство».

Еще одним человеком, который близок авторскому идеалу и принимает волю Божию, становится няня Наталья Савишна. Она говорит Николеньке о судьбе его матери: «Его святая воля! Он затем и взял ее, что она достойна была, а Ему добрых и там нужно» [Прим. 2, с. 100]. Как мать Николеньки и как юродивый Гриша, она предчувствует смерть и начинает готовиться к ней спокойно и безропотно [Прим. 2, с. 105]. То, что она не боялась смерти, а приняла ее, как благо, рассказчик объясняет тем, что она исполнила закон Евангелия: «Вся жизнь ее была чистая, бескорыстная любовь и самоотвержение» [Прим. 2, с. 107].

По мнению О. В. Железовой, Николенька Иртеньев на балу включается в своеобразный турнир с соперниками за выбранную им даму [Железова, 2019]. В рассказе Ф. М. Достоевского «Маленький герой» ситуация испытания героя похожа. Когда главный герой побеждает своего соперника, укрощая коня, он сам чувствует «что-то рыцарское» в своем поведении, окружающие называют его «Тогенбургом» [Прим. 1, с. 286–287]. Мотив рыцарского подвига подчеркивается тем, что Маленький герой участвует со своей дамой сердца в домашнем спектакле, где разыгрывают сцены из средневековья «Госпожа замка и ее паж» [Прим. 1, с. 277]. Вместе с тем вспоминается и русский богатырь Илья Муромец [Прим. 1, с. 284]. Главным испытанием для обоих героев становится умение понять другого человека и помочь ему, забывая о самоутверждении. Ситуация усложняется тем, что Маленький герой «тогда не понимал всего» [Прим. 1, с. 292], но любовь к его даме сердца позволила ему помочь ей, стать для нее Собеседником.

Опираясь на труды Отцов Церкви (в основном Иоанна Лествичника и Исаака Сирина), Ухтомский определяет «естественного» (душевного) человека как поступающего по своей природе, несущего в себе любовь и добродетель, но не овладевшего теми добродетелями, которые даются человеку его духовной деятельностью. «Плотской» человек действует против своего естества, а духовный — «естество преобразует в дух». Низшая, «плотская» природа человека может выразиться в его Двойнике. Для Ухтомского Двойник — это барьер между человеком и миром, который возникает из-за того, что человек сосредотачивает доминанту своей души на себе. Из-за этого всё негативное, что есть в человеке, переносится на другого. Человек видит в другом своего Двойника. Перенесение «центра

тяжести» открывает человеку «категорию лица»: он видит высшую ценность в своем ближнем. Освобождение от Двойника помогает человеку подняться на другой уровень коммуникации, который Ухтомский называет «собеседованием». «Закон заслуженного собеседника» означает, что мы получаем в жизни тех собеседников, которых заслужили.

Если человек эгоцентричен, он будет видеть вокруг Двойников: «Везде, где человек осуждает других, он исходит из своего Двойника» [Ухтомский, 2022, с. 409]. Понятия Двойник и Собеседник очень тесно связаны с категорией лица — пониманием другого человека как цельной личности, имеющей собственные интересы, взгляды и специфические черты. Ухтомский замечает: «...пока человек не освободился еще от своего Двойника, он, собственно, и не имеет еще Собеседника, а говорит и бредит сам с собой; и лишь когда он пробьет скорлупу и поставит центр тяготения на *лице другого*, он получает впервые Собеседника» [Ухтомский, 2022, с. 403]. Собеседник появляется в тот момент, когда человек сосредоточивается на другом «лице», становится более чутким к реальному миру, как бы отодвигая своё «я» на второй план. Человек расширяет границы своего мировосприятия — он готов меняться ради любви к другому [Ухтомский, 2022, с. 411].

В рассказе «Маленький герой» муж «прекрасной дамы» видит во всех своих Двойников: «Вся природа, весь мир для них не более как одно великолепное зеркало, которое и создано для того, чтоб мой божок беспрерывно в него на себя любовался и из-за себя никого и ничего не видел» [Прим. 1, с. 276]. Прекрасная блондинка, подруга m-me M, которую рассказчик называет «тиранкой», тоже сначала из-за своего эгоцентризма не замечает, что мальчик «в первый раз в жизни испытал серьезное горе, оскорбление, обиду» [Прим. 1, с. 282]. Только увидев подвиг мальчика и оценив его чувства, «тиранка» становится другом и Собеседником для него.

Маленький герой свой главный подвиг совершает, когда его никто не видит, когда он не думает о том, что его оценят. Наградой становится для него поцелуй его Прекрасной дамы, после которого завершается его детство.

Однако в повести «Детство» Толстого Николенька не всегда выдерживает испытания, которые ему посылаются. Познакомившись с Сережей, мальчик боится ему не понравиться, начинает ему подра-

жать во всем, а Сережа, замечает рассказчик, бессознательно и тиранически пользуется своей властью в детских отношениях [Прим. 2, с. 68]. Николенька, следуя за своим кумиром Сережей, проявляет жестокость по отношению к Иленьке Грапу [Прим. 2, с. 73], позволяет иронично отозваться о своем любимом учителе Карле Ивановиче [Прим. 2, с. 80], на похоронах матери он осознает, что к его горю «примешивалось самолюбивое чувство» [Прим. 2, с. 97]. Однако рассказчик, обнаруживая временную дистанцию между собой нынешним и тем мальчиком, который вспоминает давние события, таким образом очищает свою душу. Тема исповеди и материнского благословения, по мнению О. В. Железовой, являются основными в повести [Железова, 2019].

В рассказе Достоевского по мере развития сюжета мы наблюдаем становление главного героя как личности. Последним фактором взросления героя становится взятая им ответственность за репутацию и судьбу m-me M: «А между тем, в этом нет сомнения, внезапное обнаружение тайны было бы ужасом, громовым ударом в ее жизни» [Прим. 1, с. 291]. Мы видим, что у героя «категория лица» окончательно сформирована, поскольку он переживает за героиню настолько, что забывает о себе. Мальчик возвращает письмо и радуется вместе с m-me M: «M-me M жадно читала письмо, и, по разгоревшимся ее щекам, по сверкавшему, слезящемуся взгляду, по светлому лицу, в котором каждая черточка трепетала от радостного ощущения, я догадался, что счастье было в этом письме и что развеяна как дым вся тоска ее. Мучительно-сладкое чувство присосалось к моему сердцу...» [Прим. 1, с. 294]. Завершается история с письмом пробуждением нравственного чувства героя: «Я закрыл руками лицо и, весь трепеща, как былинка, невозбранно отдался первому сознанию и откровению сердца, первому, еще неясному прозрению природы моей...» [Прим. 1, с. 295]. Эта способность отдаться верному нравственному чувству проявляется после того, как мальчик слышит «неумолкаемый концерт тех, кто “не жнут и не сеют”, а своевольны, как воздух» [Прим. 1, с. 292–293]. Эта аллюзия к Евангелию напоминает о необходимости человеку отдаваться воле Божией: «Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их?» (Матф. 6: 26).

Толстой продолжает исследование «доминанты души» маленького человека в следующей части своей трилогии — «Отрочество».

В это время, которое писатель называет «пустыней», когда подросток разрывает связи с окружающими и страдает от одиночества, ему на помощь приходит доминанта, сформированная в детстве. Рассказчик показывает, что Николенька может сочувствовать другим людям и даже забывать о себе. Карл Иванович рассказывает Николеньке о своей судьбе перед тем, как покидает их дом. Рассказчик передает историю Карла Ивановича со всеми особенностями его речи, смешением немецкого и русского языка, сохранением евангельских аллюзий. Карл Иванович соотносит свои испытания с Господними Страстями: «мне, как сыну Божию, некуда преклонить свою голову» [Прим. 3, с. 25]. Также пробуждает сочувствие в душе мальчика любовь слуг Машы и Василия. Николенька пытается понять Машу, которую любит первой любовью: «Долго я смотрел на Машу, которая, лежа на сундуке, утирала слезы своей косынкой, и, всячески стараясь изменять свой взгляд на Василья, я хотел найти ту точку зрения, с которой он мог казаться ей столь привлекательным» [Прим. 3, с. 54]. Благодаря форме повествования от первого лица и ретроспекции, читатель погружается во внутренний мир маленьких героев, переживает их страхи и избавляется от них, следуя Евангельской заповеди любви к ближнему и желанию следовать воле Божией. Таким образом, телеологический сюжет в обоих произведениях включает мотивы испытания, выбора героя и движение к спасению, которое начинается с сочувствия другому и самоотвержения. В обоих произведениях наблюдается стремление героя следовать Евангельской Истине.

Примечания

1. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. / редкол.: В. Г. Базанов (отв. ред.) и др.; Т. 2: Повести и рассказы, 1848–1859 / ред. А. С. Долинин, Е. И. Кийко; примеч. Н. М. Перлиной, Н. Н. Соломиной. Л.: Наука, 1972. 527 с.

2. Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 22 т. М.: Художественная литература. Т. 1.: Детство, 1978. С. 11–107.

3. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. / под общ. ред. В. Г. Черткова. М.: Художественная литература, Т. 2. 1935. 411 с.

4. Ухтомский А. А. Доминанта как рабочий принцип нервных центров // Русский физиологический журнал имени И. М. Сеченова. М.; Пг., VI (1–3), 1923. С. 31–45 (РБМ-17175).

Ссылки

1. Арденс Н. Н. Достоевский и Толстой: учебное пособие для студентов факультета русского языка и литературы. М.: Московский гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина, 1970. 371 с.
2. Бурсов Б. К. Толстой и Достоевский // Вопросы литературы. 1964. №. 7. С. 66–92.
3. Евлампиев И. И. Спор о роли личности в истории: роман Ф. Достоевского «Подросток» против романа Л. Толстого «Война и мир» // Парадигма: философско-культурологический альманах. 2019. №. 30. С. 48–76.
4. Жарова А. А. Формы творческой полемики Ф. М. Достоевского с Л. Н. Толстым: автореф. ... канд. филол. наук. М., 2012. 19 с.
5. Железова О. В. Возрастные инициации в повести Л. Н. Толстого «Детство» // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2019. № 1 (33). С. 126–132.
6. Кукуева А. А. Лев Толстой и Федор Достоевский: история сопоставительного изучения // Известия Дагестанского педагогического университета. 2007. № 1. С. 97–100.
7. Мегаева К. И. Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой (романы 60–70-х годов): учебное пособие по спецкурсу. Махачкала, 2002. URL: <https://refdb.ru/look/1157330-pall.html> (дата обращения: 03.08.2023).
8. Мотеюнайте И. В. Образ юродивого Гриши как знак русской культуры в повести Л. Н. Толстого «Детство» // Славянский альманах. 1999. С. 293–298.
9. Нагина К. А. Сад и Бог в произведениях Л. Толстого и Ф. Достоевского // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. № 7 (13). С. 139–147.
10. Скафтымов А. П. Поэтика художественного произведения. М.: Высшая школа, 2007. 535 с.
11. Скафтымов А. П. Образ Кутузова и философия истории в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» (подготовительные материалы) // Евгений Александрович Маймин и его время. Материалы Международной научной конференции. Псков, 2017. С. 128–140, URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38035580> (дата обращения: 07.07.2023).
12. Шовина Е. Н. Осмысление представлений о бессмертии в русской религиозной философии конца XIX века: Ф. М. Достоевский, В. С. Соловьев, Л. Н. Толстой: автореф. ... канд. философ. наук. Мурманск, 2007. 22 с.
13. Ухтомский А. А. От двойника к собеседнику. СПб.: Питер, 2017. С. 376–442.
14. Emerson C. Tolstoy and Dostoevsky: Seductions of the Old Criticism. LeoTolstoy. Edited and with an introduction by Harold Bloom. Philadelphia, Chelsea House publishers, 2003. Pp. 101–123.

15. Galkin A. B. Death or Immortality? Dostoevsky versus Tolstoy. Leo Tolstoy. Edited and with an introduction by Harold Bloom. Philadelphia, Chelsea House publishers, 2003. Pp. 179–195.
16. Gudonienè V. Chelovek Dostoevskogo i Tolstogo. Gudonienè, Vida. Iskusstvo psikhologicheskogo povestvovaniia (Ot Turgeneva k Buninu). Vil'nius, VPU leidykla, 1998 Pp. 66–86.
17. Moss W. G. Russia in the Age of Alexander II Tolstoy and Dostoevsky. London, Anthem Press, 2002. 295 p.

3.4.2. Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский об отрочестве

Проблема аксиологического подхода к исследованию темы отрочества в произведениях Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского в современной науке недостаточно изучена. Попытку сопоставить антропологические взгляды писателей в свете их системы ценностей осуществили в разное время Я. С. Билинкис и А. А. Казаков. В процессе духовного роста Николенки, считает Я. С. Билинкис, в период отрочества сыграла важнейшую роль не только дружба, но и общение с другими людьми (Натальей Савишной, Карлом Ивановичем), «расширяющее человеческую душу». Толстой показывает, по существу, общение с Другим, поскольку в Другом открывается герою Толстого целый мир [Билинкис, с. 31–32]. Я. С. Билинкис противопоставляет сочинениям Толстого произведения Достоевского, который не стремился выразить «состояния своих героев через конкретность их жестов, поз, манеры общаться», обходится без конкретных подробностей внешнего облика [Билинкис, с. 16].

А. А. Казаков сопоставляет ценностную архитектуру произведений Толстого и Достоевского, опираясь на методологию М. М. Бахтина. Модель авторской активности Толстого, по его мнению, антидиалогична, в отличие от модели Достоевского, исследователь возводит ее к «Поэтике» Аристотеля, к философии Декарта: «У Толстого прибыльность авторского участия основывается не на полномочиях Другого, а на востребованности твоего Я в этом мире. Каждый с позиции Я соучаствует в наполнении мира смыслом, в прояснении жизни, в придании реальности бытийной напряженности, в сотворении мира» [Казаков, с. 142]. Автор, по мнению Казакова, берет на себя функцию прояснения реальности и участвует в сотворении мира, как будто от него зависит, будет небытие или бытие [Казаков, с. 142].

Более точной видится нам позиция А. П. Скафтымова, который в трилогии Толстого видел проблему поиска путей спасения личности. Исследовательские работы А. П. Скафтымова позволяют увидеть в романах, повестях Толстого и Достоевского иерархическую шкалу телеологически направленных ценностей [Скафтымов, с. 134–137]. Это противоречит мнению А. А. Казакова о том, что ценностные смыслы рождаются у Толстого по мере погружения в жизнь.

Интерес к трилогии Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность» в российской науке возрастает к 50–60-м гг. XX в. Исследователей интересует преимущественно тема формирования личности, но в рамках господствующей тогда идеологии почти все обращают внимание на роль среды и изображение сословных противоречий. Однако вопреки социологическому подходу, в это время происходит также интенсивное осмысление нравственной проблематики произведений Толстого. Например, И. В. Чуприна рассматривает детство и отрочество как два противоположных этапа развития человека: «Детство берется как положительная фаза, когда природное добро представляется Толстому в чертах “кроткого приятия мира и любви к людям”»; отрочество представляет как бы отрицание предыдущего, когда под влиянием искажающих факторов происходит затмение глубиной доброй душевной сущности» [Чуприна, с. 13–14]. Одной из причин, исказивших детский верный взгляд на мир, исследователь считает «умствования» Николеньки, усвоение им «ложных нравственных понятий» [Чуприна, с. 15].

В. Г. Одинокоев поднимает проблему поиска героем Толстого нравственного идеала [Одинокоев, с. 3]. Если в «Детстве» общение с няней Натальей Савишной пробуждает в нем любовь к простому человеку, в котором он ценит «искренность, чистоту и силу чувства», то в «Отрочестве» образ Нехлюдова, несущий идею нравственного самоусовершенствования, по мнению Одинокоева, не так однозначен, как образ Натальи Савишны [Одинокоев, с. 6]. Исследователь обнаруживает в мыслях и поступках Нехлюдова ложь и жестокость [Одинокоев, с. 6]. Н. П. Лощинин выделяет в образе Натальи Николаевны черты характера Марии Николаевны Толстой, матери автора, которая оказала благотворное влияние на сына, обращает внимание на то, что мать Николеньки пробуждает в нем интерес к музыке [Лощинин, с. 16, 22]. Нехлюдова этот исследователь воспринимает как героя,

открывающего Николеньке мир самоанализа и стремления к добродетели, к нравственному совершенствованию [Лощинин, с. 28].

Л. Я. Круглик обращает внимание на проблему семейного воспитания в трилогии Толстого и рассматривает формы и средства психологического анализа [Круглик, с. 7, 11]. Ведущую роль в раскрытии внутреннего мира героя, по мнению исследователя, играют внутренние монологи, которые меняются в «Отрочестве»: постепенно они обогащаются социальным содержанием и затрагивают «важнейшие и наиболее болезненные вопросы человеческой жизни» [Круглик, с. 12]. Л. Я. Круглик в главе «Мечты» из повести «Отрочество» видит кульминацию лейтмотива трилогии, которая связана с темой нравственного обновления человека [Круглик, с. 13]. Символом обновления становится, по мнению исследователя, образ весны [Круглик, с. 15].

В 1970-е гг. исследователи отказываются от узких социологических представлений своих предшественников. Так, Я. С. Билинчис в книге о новаторстве Толстого утверждает, что «человек у Толстого больше, шире любых внешних воздействий, любых установленных определений <...> он сам *создает* свои отношения с миром» [Билинчис, с. 6]. Он обращает внимание на раздел «Именинник» «Дневника Писателя» Достоевского за 1877 г., в котором тот высоко оценил главу «Затмение» из повести «Отрочество» и увидел в ней «чрезвычайно серьезный психологический этюд над детской душой, удивительно написанный». Объединяют двух писателей, по мнению ученого, «вопросы о самой природе человека», размышления о бессмертии души как единения с вечностью и путями человечества [Билинчис, с. 6, 29]. Анализ черновых редакций повести, осуществленный Билинчисом, доказал, как тщательно Толстой работал над изображением «переходных состояний» человека, что его интересовали проблемы соотношения психического и физиологического, что он искал характерные для данной личности способы выражения чувств, «жизни души» [Билинчис, с. 10, 12–13].

В современной науке к теме отрочества обращаются такие исследователи, как А. Ф. Цирулев, Н. И. Городилова и др. А. Ф. Цирулев доказывает, что цель автора трилогии — «воспроизвести главные ступени становления и развития всякой личности вообще» и показать движение героя от «счастья тщеславия» к «счастью добродетели» [Цирулев, с. 28]. Н. И. Городилова считает, что Толстой

создает тип совестливого человека, склонного к рефлексии, и в трилогии происходит движение от «я» к миру [Городилова].

Тема отрочества в творчестве Ф. М. Достоевского рассматривается В. А. Михнюкевичем, Н. А. Азаренко, Т. Н. Созиной, А. В. Бабук и др. Так, Т. Н. Созина исследует гуманистическое мышление Достоевского и выделяет категорию «трогательного», связанную, по ее мнению, с сентиментальным пафосом, который она обнаруживает в диалогах Коли Красоткина и Илюши Снегирева, в беседах мальчиков с Алешей Карамазовым,двигающихся к согласию друг с другом: «Категория трогательного позволяет обнажить самые глубокие мысли, скрывающиеся в каждодневном общении людей, и показать, как в особую минуту откровения эти мысли могут на какое-то мгновение слиться в унисон» [Созина, с. 138].

В. А. Михнюкевич исследует христианское мировоззрение Достоевского и предлагает свою типологию детских образов героев Достоевского. Исследователь считает, что Коля Красоткин и Илюша Снегирев, герои книги «Мальчики» из романа «Братья Карамазовы», относятся к «гордым» персонажам [Михнюкевич, с. 23]. Изучая апокрифические «Евангелия детства», Михнюкевич обнаруживает черты Христа-отрока из «Евангелия Фомы» в обоих героях: это превосходство персонажей над окружением, строгость суждения [Михнюкевич, с. 25], утверждает, что дети у Достоевского осмысляются как предвестники «золотого века», двенадцать детей вокруг Алеши Карамазова в финале романа символизируют «будущую вселенскую Церковь» [Михнюкевич, с. 26]. А. В. Бабук останавливает внимание на «онтологизме страдания» в романе Достоевского [Бабук, с. 85].

В данной статье мы предлагаем проанализировать процесс духовных исканий героев-отроков Толстого и Достоевского с помощью этического учения Алексея Алексеевича Ухтомского (1875–1942) — русского религиозного мыслителя и ученого. В своих исследованиях он обращался к творчеству названных классиков.

В Рыбинском государственном историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике хранится часть библиотеки А. А. Ухтомского с его заметками на полях книг. Ученый сформулировал принцип доминанты, к которому обращаются сейчас во всех гуманитарных дисциплинах. Доминанта — это устойчивая характеристика деятельности личности, главенствующие направления мысли и деятельности человека. Фазы формирования доминанты мыслитель

показывает в своей статье о доминанте на примере Наташи Ростовской на балу: «Имя князя Андрея тотчас вызывает в Наташе ту, единственную среди прочих, доминанту, которая некогда создала для Наташи князя Андрея. Так определенное состояние центральной нервной системы вызывает для человека индивидуальный образ, а этот образ потом вызывает прежнее состояние центральной нервной системы» [Ухтомский 1923, с. 41]. На полях этой статьи Ухтомский рассуждает о судьбе и Высшем суде: «Всякому напряженному стремлению, всякой доминанте дается добиться своего. Но это может быть и гибельно для их носителя. И в этом — Суд, т. е. в самом высшем смысле Судьба человека. Переоценка под страхом смерти стремлений и доминант человека — вот совесть внутри человека и судьба вне его» [Ухтомский 1923, с. 41].

На полях своей настольной книги «Добролюбие» Ухтомский делает заметки о «естественном» законе для человека. Исследователем подчеркнуто в поучениях Ефрема Сирина: «Апостол людей поступающих естественно назвал душевными, а поступающих противоестественно плотскими; духовные же суть те, которые и естество преобразуют в дух [Добролюбие, с. 342]. Внизу Ухтомский делает заметку карандашом: «К анализу понятия “естественный”» [Добролюбие, с. 342].

Ухтомский вслед за преп. Иоанном Лествичником считает, что «греха и страсти нет в природе человека». Напротив, слов о том, что «любовь и добродетель естественно присущи нашей природе» Ухтомский пишет: «“Естественный нравственный закон” (зачатки его еще у животных!)». А затем подчеркивает красными чернилами и отмечает знаком «NB»: «Но что касается до чистоты, безгневия, смиренного мудрия, молитвы, бдения, поста и всегдашнего умиления, то сии добродетели выше естества. Некоторым из них научили нас люди своим примером; образцами других были для нас Ангелы; а иных учитель и дарователь есть Сам Бог Слово» [Добролюбие, с. 506].

Можно утверждать, что на трех этапах становления личности раскрывается ее природа: в детстве в человеке преобладает «естественный» закон, в отрочестве проявляется плотская природа человека, а в юности, борясь со своими страстями, личность развивает в себе духовное начало.

Отрочество является для ребенка сложным периодом, в котором начинается формирование собственных взглядов и интересов. Под-

росток стремится обрести самостоятельность в своих суждениях, стать как можно более независимым в поступках. Зачастую это приводит к отчуждению от окружающего мира. В подобной ситуации оказываются Николенька Иртеньев в «Отрочестве» (1854) и Коля Красоткин в «Братьях Карамазовых» (1880). Однако обращение к «лицу другого» помогает им выйти из состояния конфликта с действительностью.

Начало поры отрочества у Николеньки связано с новым мироощущением. Во время переезда в Москву происходит его разговор с Катенькой, из которого он узнает о разнице в их положении и том, что им придется расстаться и жить порознь: «Мне в первый раз пришла в голову ясная мысль о том, что не мы одни, то есть наше семейство, живем на свете, что не все интересы вертятся около нас, а что существует другая жизнь людей, ничего не имеющих общего с нами...» [Толстой, с. 15]. Увидев, как страдает бабушка из-за смерти дочери, матери Николеньки, мальчик сопереживает ей: «...чувство подобострастного уважения и страха, которые я к ней [к бабушке] испытывал, заменились состраданием...» [Толстой, с. 16].

Однако вскоре Николенька ощущает, как между ним и членами его семейства начинает возникать «невидимая преграда». Николенька чувствует разницу между собой и старшим братом Володей — «по годам, наклонностям и способностям» [Толстой, с. 16]. Поскольку между героем и рассказчиком существует дистанция, то это объясняется рассказчиком уже с позиции времени «самолюбием» героя [Толстой, с. 16]. В главе «Старший брат» показано, как уязвленное самолюбие Николеньки доставляет ему душевные терзания: «Проходя мимо Володи, несмотря на то, что мне хотелось подойти и помириться с ним, я надулся и старался сделать сердитое лицо» [Толстой, с. 18]. Гордость мешает подростку попросить прощения у брата, хоть он и понимает, что поступил неправильно, разбив его фарфоровые и хрустальные украшения: «Глаза наши встретились, и я понял, что он понимает меня, и то, что я понимаю, что он понимает меня; но какое-то непреодолимое чувство заставило меня отвернуться» [Толстой, с. 18]. Только встречное движение брата, который просит у него прощения, заставляет Николеньку побороть себя и извиниться.

У подростка изменяется отношение к женщине настолько, что рассказчик даже отказывается описывать горничную Машу, поскольку

уверен, что воспринимал ее образ в отрочестве искаженно из-за своего «воображения». Также рассказчик замечает, что герой безо всякого основания обвиняет Сонечку в измене: «Не знаю, на каком основании называл я ее мысленно *изменницею*, так как она никогда не давала мне обещания выбирать меня, а не Сережу; но я твердо был убежден, что она самым гнусным образом поступила со мною» [Толстой, с. 38].

Желание переступить запретную черту, привлечь к себе внимание окружающих девочек оказывается у Николеньки так сильно, что он начинает совершать проступки один за другим. Рассказчик замечает по этому поводу, что он «находился в раздраженном состоянии человека, проигравшего более того, что у него есть в кармане, который боится счесть свою запись и продолжает ставить отчаянные карты уже без надежды отыграться, а только для того, чтобы не давать самому себе времени опомниться» [Толстой, с. 39].

Кульминацией нарастающего отчуждения героя становится его состояние, которое он описывает в главе «Затмение»:

«Бывают минуты, когда будущее представляется человеку в столь мрачном свете, что он боится останавливать на нем свои умственные взоры, прекращает в себе совершенно деятельность ума и старается убедить себя, что будущего не будет и прошедшего не было. В такие минуты, когда мысль не обсуживает вперед каждого определения воли, а единственными пружинами жизни остаются плотские инстинкты, я понимаю, что ребенок, по неопытности, особенно склонный к такому состоянию, без малейшего колебания и страха, с улыбкой любопытства, раскладывает и раздувает огонь под собственным домом, в котором спят его братья, отец, мать, которых он нежно любит» [Толстой, с. 40–41].

Однако после падения в следующей главе «Мечты» автор показывает, как Николенька испытывает «комплекс Иова», в нем пробуждается религиозное чувство, он обращается с вопросом к Богу: «Я кажется не забывал молиться утром и вечером, так за что же я страдаю?» [Толстой, с. 43].

Конфликт с гувернером St.-Jérôme рассказчик объясняет тем, что Николенька испытал унижение. Рассказчик замечает во французском воспитателе «противоположные русскому характеру отличительные черты легкомысленного эгоизма, тщеславия, дерзости и невеже-

ственной самоуверенности» и видит цель наставника в самоутверждении. Именно этим объясняется то, что Николенька не мог обрести в этом герое «собеседника».

Рассудок, рефлексия, которая развивается в одиночестве, Толстой в повести называет «ничтожной пружиной моральной деятельности». Рассказчик показывает крайности исступления, до которых может дойти подросток, который увлекается философствованием: «Но ни одним из всех философских направлений я не увлекался так, как скептицизмом, который одно время довел меня до состояния близкого сумасшествия» [Толстой, с. 56].

Прежние авторитеты для мальчика теряют былую значимость. Так, например, меняется мнение героя об отце, когда он видит, как быстро отец от воспоминания о рано ушедшей из жизни жене переходит к флирту с горничной. Николенька погружается в свой внутренний мир, закрываясь от близких людей. В нем пробуждаются зависть, обида и гордость.

В повести Толстого «Отрочество» чувство гордости, задетого самолюбия и обиды сталкивается с доминантой мальчика, которая вызывает у него стыд и вину перед окружающими за свое поведение и поступки. Николенька стремится закрыться от близких людей: «По мере того как усиливается конфликт героя с миром, растет и разочарование в нем. Как следствие — остро переживаемое чувство одиночества, отчуждения от мира» [Городилова, с. 9]. На протяжении всей повести возникают различные ситуации, в которых подростку приходится бороться со своими «нечистыми, самолюбивыми помыслами»: зависть к успехам брата, ненависть к французскому гувернеру, снижение авторитета отца в глазах мальчика. Н. И. Городилова отмечает, что «во многом это состояние гнева, обиды, ненависти рождено равнодушным отношением взрослых к миру подростка: чувствительный и впечатлительный герой, не справляясь с эмоциями, не находит поддержки и слов сочувствия у близких, занятых собой и мало озабоченных его душевными переживаниями» [Городилова, с. 9].

Однако рассказчик показывает, что Николенька может сочувствовать другим людям и даже забывать о себе. Карл Иванович рассказывает Николеньке свою историю перед тем, как они вынуждены расстаться из-за желания бабушки уволить его. Мальчик внимательно слушает, рассказчик передает историю Карла Ивановича со всеми особенностями его речи, смешением немецкого и русского языка. Карл

Иваныч использует евангельские аллюзии, свои мытарства он соотносит с Господними страданиями: «мне, как сыну Божию, некуда преклонить свою голову» [Толстой, с. 25]. Также пробуждает сочувствие в душе мальчика любовь Маши и Василия. Николенька сочувствует Маше и пытается понять ее: «Долго я смотрел на Машу, которая, лежа на сундуке, утирала слезы своей косынкой, и, всячески стараясь изменять свой взгляд на Василья, я хотел найти ту точку зрения, с которой он мог казаться ей столь привлекательным» [Толстой, с. 54].

Подготовка к поступлению в университет заставляет главного героя «Отрочества» выйти из своего «подполья». В главе «Я» Николенька меняет отношение к гувернеру: «St.-Jérôme доволен мною, хвалит меня, и я не только не ненавижу его, но, когда он иногда говорит, что с *моими способностями, с моим умом* стыдно не сделать того-то и того-то, мне кажется даже, что я люблю его» [Толстой, с. 67]. Таким образом, мы можем говорить о «Двойнике» в лице St.-Jérôme — подросток ненавидел его, считая, что это чувство взаимно. Процесс превращения из Двойника в Собеседника относится и к брату главного героя. Если изначально Николенька думал, что Володя пытается всячески оскорбить его (эпизод с голландскими рубашками), то к концу повести их отношения становятся приятельскими.

Окончательно исцеляет Николеньку от «недостатков отрочества» дружба с Нехлюдовым. Движение к согласию с другими начинается с беседы «душа в душу»: «Души наши так хорошо были настроены на один лад, что малейшее прикосновение к какой-нибудь струне одного находило отголосок в другом» [Толстой, с. 71]. Нехлюдов предлагает Николеньке, ценя его искренность, быть всегда откровенными друг с другом, и это становится выходом из своеобразного «подполья» героя. Кроме того, рассказчик подчеркивает, что Нехлюдов устремляет героя к идеалу.

Подобное (по Толстому) духовное возрастание мы можем заметить и в отношении юных героев «Братьев Карамазовых». В книге «Мальчики» внимание Достоевского уделено двум героям — Коле Красоткину и Илюше Снегиреву. Оба они воспитывались одним родителем (второй рано ушел из жизни). В Коле автором и самим героем признается эгоцентризм и самолюбие: «Главное, был очень самолюбив. Даже свою маму сумел поставить к себе в отношения подчиненные, действуя на нее почти деспотически» [Достоевский, Т. 14, с. 463]. Алеше Карамазову он сообщает, что бьет мальчиков из своего окру-

жения, а они его «обожают» [Достоевский, Т. 14, с. 479]. Смурову он заявляет, что никому не позволит анализировать свои поступки и идет к Илюше Снегиреву по своей воле в отличие от других мальчиков, которых, как он замечает, туда «приташил» Алеша Карамазов [Достоевский, Т. 14, с. 472]. Он признается Смурову, что не познакомился с Алешей Карамазовым, поскольку в иных случаях любит «быть гордым» [Достоевский, Т. 14, с. 473].

Авторский голос соединяется с голосом Коли, когда повествуется о его «подвиге»: одиннадцатилетний подросток поспорил со старшими мальчиками, что ляжет между рельсами и пролежит так до тех пор, пока поезд не проедет над ним. Вот как об этом говорится в тексте романа: «Главное, эти пятнадцатилетние слишком уж задирали пред ним нос и сперва даже не хотели считать его своим товарищем, как “маленького”, что было уже нестерпимо обидно» [Достоевский, Т. 14, с. 463]. В этом высказывании кавычками выделено чужое слово, в нем используется речевой жанр возражения, противоречия. По мнению А. В. Скиперских, такой отчаянный поступок Коли связан с его моральными страданиями: «Коля Красоткин из “Братьев Карамазовых” удостоверяет своих одноклассников в том, что способен лечь под проходящий поезд. Экспериментальный характер боли заключается в ее незначительности по сравнению с моралью, с ответственностью за данное обещание. Страдания собственного тела перманентны по сравнению с более длительными и фундаментальными душевными муками» [Скиперских, с. 170–171].

Однако, когда Коля видит, как тяжело мать переживает его шалость, то меняет свое отношение к происшедшему: «Он поклялся на коленях перед образом и поклялся памятью отца, как потребовала сама госпожа Красоткина, причем “мужественный” Коля сам расплакался, как шестилетний мальчик “от чувств”, и мать и сын во весь тот день бросались друг другу в объятия и плакали сотрясаясь» [Достоевский, Т. 14, с. 465].

Коля признает влияние на него Ракитина, называет себя социалистом, повторяет слова Ракитина, горделиво утверждает, что «любит поговорить с народом» и умеет с ним говорить, доказывает Смурову, что он любит «расшевелить дураков во всех слоях общества», когда шутит над глупым мужиком на базаре [Достоевский, Т. 14, с. 474]. Алеше Карамазову рассказывает, как надоумил глупого парня колесом телеги раздавить голову гуся [Достоевский, Т. 14,

с. 496]. Авторская ирония заключается в том, что после торжества Коли над глупым мужиком, он беседует с умным крестьянином, и ему приходится признаться, что он потерпел фиаско, поскольку «нарвался на умника» [Достоевский, Т. 14, с. 477].

Перед встречей с Алешей Карамазовым Коля переживает, что мал ростом и что некрасив лицом. Внутренний монолог сменяется авторским словом, в котором тот возражает своему герою: «Что же до лица, то было оно вовсе не “мерзкое”, напротив, довольно миловидное, бледное, беленькое, с веснушками. Серые, небольшие, но живые глазки смотрели смело и часто загорались чувством» [Достоевский, Т. 14, с. 478].

Алеше Карамазову Коля рассказывает историю своих отношений с Илюшей Снегиревым, в частности, сообщает, что, когда мальчики подружились, Илюша был «горд», но Коле «предан рабски» [Достоевский, Т. 14, с. 480]. Коля признается, что хотел «вышколить» мальчика, поэтому так резко обошелся с ним из-за его проделки с Жучкой, которой научил его Смердяков. Илюша, в свою очередь, переживает такое же состояние, в котором находится Николенька Толстого, «затмение»: бунтует, кричит, что будет всех собак кормить булавками, потом бросает камни в Алешу Карамазова, желая его брату, Дмитрию, отомстить за унижение отца, наконец, нападает с ножиком на Красоткина и ранит его в ногу. Все это приводит Илюшу к нервному срыву и горячке. Встреча с тяжело больным Илюшей раскрывает Коле его неправоту: «с горестным удивлением» он всматривался в изменившееся лицо больного мальчика [Достоевский, Т. 14, с. 488]. Неожиданное известие Коли о том, что Жучка жива, подействовало «мучительно и убийственно» на больного мальчика, этого Коля не мог понимать, как замечает автор [Достоевский, Т. 14, с. 91].

Внутренние противоречия Коли ярко проявляются в эпизоде встречи с больным Илюшей Снегиревым. Коля из-за желания выдрессировать собаку и услышать похвалу долгое время не посещал больного мальчика. Несмотря на попытки удовлетворить свое самолюбие, Коля не может противиться состраданию, которое возникает при виде умирающего Илюши, способен покаяться и осознать свою вину:

«Не говорите мне! Вы меня растравляете. А впрочем, мне поделом: я не приходил из самолюбия, из эгоистического самолюбия и подлого самовластия, от которого всю жизнь не могу избавиться, хотя всю жизнь

ломаю себя. Я теперь это вижу, я во многом подлец, Карамазов» [Достоевский, Т. 14, с. 503].

Беседа Коли Красоткина с Алешей проходит так же, как разговор Николеньки с Нехлюдовым. Коля признается Алеше: «Потому что и Вы точно я» [Достоевский, Т. 14, с. 50].

Примечательно, что оба подростка предаются серьезным философским размышлениям, однако Красоткин не самостоятельно познает новые идеи: на него оказал отрицательное влияние Ракин. Н. И. Городилова отмечает, что Толстой не признавал ум «как средство познания мира», «способствующее заглушению природного добра» [Городилова, с. 9]. Достоевский включает в беседу Алеши и Коли автобиографическую аллюзию: «И если хотите, я не против Христа. Это была вполне гуманная личность, и живи Он в наше время, Он бы прямо примкнул к революционерам и, может быть, играл бы видную роль»; «Это еще старик Белинский тоже, говорят, говорил...» [Достоевский, Т. 14, с. 500]. Алеша Карамазов, за которым угадывается автор, печалится о Коле, который слишком рано познакомился с атеистическими и социалистическими идеями: «Мне только грустно, что прелестная натура, как ваша, еще и не начавшая жить, уже извращена всем этим грубым вздором» [Достоевский, Т. 14, с. 504]. Так, углубленное познание мира с помощью рассудочного постижения истины в обоих произведениях ведет к негативным последствиям.

Достоевский показывает, как пагубное влияние взрослых на мир подростков разрушает детские души. Иван Карамазов, отказывающийся принимать Божий мир из-за страданий детей, убеждающий Алешу, что никакую будущую гармонию нельзя принять даже из-за одной слезинки ребенка, виновен в смерти Илюши, как и Дмитрий Карамазов. Смердяков следует за Иваном, как верный слуга, он принимает его идею, что «все дозволено», и он учит Илюшу «забаве»: дать собаке хлеб, в которую воткнута игла. Илюша только после своего поступка осознает весь его ужас и не может простить себе, как он думает, смерти собаки.

В романе Достоевского, как и в повести, средством выхода из состояния отчуждения становится дружба. Коля Красоткин находит собаку, которая чуть не погибла из-за проступка Илюши, он посещает больного друга, как и другие мальчики, и Илюша умирает в состоянии внутренней гармонии. Алексей Карамазов становится

тем человеком, который обнаруживает внутренний конфликт Коли и помогает найти из него выход. Коля во всем признается новообретенному другу, который становится «собеседником». Внутренний конфликт разрешается. Подросток из-за переполняющих его чувств плачет, признается, что был не прав, однако уже несколько не боится показаться смешным. Алеша отмечает прекрасные чувства Коли: «...вы вот теперь не постыдились же признаться в дурном и даже смешном» [Достоевский, Т. 14, с. 504]. В эпилоге Коля говорит Алеше: «...я желал бы умереть за все человечество, а что до позора, то все равно: да погибнут наши имена» [Достоевский, Т. 15, с. 190]. Эти слова Коли после похорон Илюши Алеша Карамазов повторит у камня и назовет это желание принести себя в жертву ради других одним из лучших.

Важно отметить, что в рассматриваемых произведениях Толстого и Достоевского явно выражен телеологический сюжет, который включает в себя мотивы испытания, выбора, движения к спасению [Фёдорова, с. 107–124]. Слова, которые произносит отец Илюши («Аще забуду тебе, Иерусалиме» [Достоевский, Т. 14, с. 507] в контексте телеологического сюжета и эпиграфа к роману, следует понимать, как призыв не забывать о проявлении духовного начала в человеке.

Движение к спасению у Красоткина появляется в тот момент, как он проникается сочувствием к Илюше и осознает, что его попытки самоутвердиться негативно повлияли на здоровье больного друга. Коля избавляется от эгоизма и старается навещать Илюшу как можно чаще. Смерть мальчика становится ключевым моментом в жизни подростка. Эпизод с клятвой у камня в эпилоге романа свидетельствует о том, что Коля Красоткин направляет вектор своего духовного движения к спасению.

Николенька идет несколько иным путем, однако и он жаждет спасения души. Нехлюдов показывает подростку идеал добродетели, подразумевающий стремление человека постоянно совершенствоваться, а также искренне и с участием выслушивает его рассуждения, помогая исповедаться. Так Николенька вновь «возвращается» к людям и находит тот идеал, к которому начинает свое движение.

Таким образом, внутренний конфликт Николеньки в «Отрочестве» и Коли в «Братьях Карамазовых» одинаков по своей структуре. Рациональное познание мира, вызванное испытанием в виде погруже-

ния в философию, одиночество и эксперимент над собой мешает мальчикам обратиться к «жизни сердца». Желание понравиться другим или протест, бунт против окружающих приводит героев Толстого и Достоевского к состоянию «затмения», торжеству «плотского» человека. Выходом из этого состояния, фактором духовного возрастания личности становится внимание к другому человеку, сострадание, что и помогает подросткам справиться с гордостью и самолюбием.

Источники

1. Добротолубие в русском переводе, дополненное: в 5 т. 2-е изд. М.: Изданием Русского на Афоне Пантелеймонова монастыря, 1895. Т. 2. 760 с.
2. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкин. дом). Л.: Наука, 1972–1990.
3. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 т. Т. 2 / под общей ред. В. Г. Чертова. М.: Худож. лит., 1935. 411 с.
4. Ухтомский А. А. Доминанта. СПб.: Питер. 2022. 512 с.
5. Ухтомский А. А. Доминанта как рабочий принцип нервных центров // Русский физиологический журнал имени И. М. Сеченова. Т. VI. (Вып. 1, 2, 3). М.; Пг., 1923. С. 31–45.

Ссылки

1. Бабук А. В. Художественная антропология детства в литературе XIX в. Минск: БГУ, 2018. 144 с.
2. Билинкис Я. С. Новаторство Л. Н. Толстого в трилогии «Детство», «Отрочество», «Юность». Ленинград: РГПУ имени А. И. Герцена, 1973. 40 с.
3. Городилова Н. И. Эпическая картина мира в трилогии Л. Н. Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. № 9. С. 5–12.
4. Казаков А. А. Ценностная архитектоника произведений Л. Н. Толстого: к проблеме «антидиалогической» феноменологии эстетического события // Сибирский филологический журнал. 2014. № 4. С. 134–143.
5. Круглик Л. Я. Реализм трилогии Л. Н. Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность»: автореф. ... канд. филол. наук. М., 1961. 19 с.
6. Лощинин Н. П. «Детство», «Отрочество», «Юность» Л. Н. Толстого. Проблематика и художественные особенности. Тула: Тульское книжное издательство, 1955. 48 с.

7. Михнюкевич В. А. Поэтика детских образов Ф. М. Достоевского в контексте «народного христианства» // Вестник Челябинского государственного университета. Серия 2. Филология. 1994. № 1. Т. 2. С. 21–28.
8. Одинокое В. Г. Трилогия Л. Н. Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность»: автореф. ... канд. филол. наук. М., 1953. 15 с.
9. Скафтымов А. П. Поэтика художественного произведения. М.: Высшая школа, 2007. 535 с.
10. Скиперских А. В. Между Господом и господином: дискурс боли в текстах Ф. М. Достоевского: политико-культурное измерение // PolitBook. 2015. № 4. С. 166–170.
11. Созина Т. Н. «Трогательное» как способ проявления авторского голоса в романе «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 9. С. 134–138.
12. Цирулев А. Ф. «Поэтическая идея» в трилогии Л. Н. Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность» // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2011. № 3. С. 27–32.
13. Чуприна И. В. Трилогия Л. Н. Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность» в свете идейной и литературной жизни 40–50-х годов: автореф. ... канд. филол. наук. Саратов, 1952. 27 с.
14. Фёдорова Е. А. Телеологический сюжет в романах «Капитанская дочка» и «Война и мир» // Проблемы исторической поэтики. 2023. № 4. С. 102–129.

3.5. А. С. Пушкин и Л. Н. Толстой о судьбе России в романах «Капитанская дочка» и «Война и мир»

Е. А. Фёдорова

В русских романах XIX в. на первый план выходит проблема личности, ищущей смысл жизни и определяющей свое место в судьбе России. Все чаще современные исследователи обращаются к историческому смыслу произведений русской литературы, в том числе романов Достоевского и Толстого [Полтавец], [Сорокина], [Бражников], [Феномен эпического романа]. В основном исследователи доказывают, что «мысль народная» в русском романе неотделима от «мысли христианской» в ее православном значении [Феномен эпического романа, с. 59]. Но в некоторых случаях происходит замена понятия «исторический» понятием «мифопоэтический» и смешиваются христианские аллюзии с фольклорно-мифопоэтическими [Ибатуллина].

В зарубежной науке наблюдается стремление осмыслить христианские особенности мироощущения Толстого [Givens], [Christesen], исследуется художественная антропология писателя [Гудонене]. Так, американский исследователь Джон Гивенс раскрывает апофатический характер божественной любви к врагу, которая возникает у князя Андрея к страдающему Курагину [Givens, с. 136], и отказывает в подобной любви Наташе к Пьеру Безухову, считая ее эгоистичной и корыстной [Givens, с. 142].

В целом можно отметить, что в российской и зарубежной науке наблюдается стремление исследовать творчество Толстого как христианского писателя, размышляющего о судьбе Отечества. Так, В. Б. Ремизов цитирует предсмертное послание Толстого Славянскому съезду, где высказывается мысль о том, что началом единения христианского мира станет объединение славян [Ремизов, с. 628].

Проблема «Толстой и Пушкин» рассматривается многими авторами, среди них — Б. М. Эйхенбаум, А. Г. Цейтлин, В. З. Горная, Э. Г. Бабаев, Е. А. Маймин и др. [Вершинина, с. 144]. В основном исследователи останавливаются на таком принципе изображения человека, как «текучесть» [Эйхенбаум, с. 176], находят общие черты поэтики писателей, лишь иногда сопоставляют жанровую специфику их романов [Вершинина, с. 149]. «Капитанская дочка» при этом обычно сравнивается с повестью «Хаджи Мурат», роман «Война и мир», по мнению большинства критиков, создается под влиянием «Евгения Онегина» [Эйхенбаум, с. 167], [Л. Н. Толстой и А. С. Пушкин: сопричастность..., с. 108].

Влияние творчества Пушкина на романы Толстого отмечают почти все исследователи. В личной библиотеке Толстого сохранилось около 10 изданий произведений Пушкина (от 1857 до 1908 гг.), которые Толстой постоянно перечитывал [Полосина, с. 20]. Сразу после выхода романа «Война и мир» в свет известный критик Н. Н. Страхов поднял проблему примирения необходимости и свободы в этом произведении [Страхов, с. 347] и нашел истоки романа Толстого в «Капитанской дочке», но при этом жанр романа был определен им только как «семейная хроника», что неизбежно привело к ограничению интерпретации этого произведения [Страхов, с. 296]. В 1999 г. в Туле состоялись XXV Толстовские чтения, которые были посвящены сопоставлению идей, образов Пушкина и Толстого. На этой международной конференции поднимались вопросы России и Европы

в осмыслении Пушкина и Толстого (С. Н. Соколова, В. С. Лыкова), проблема свободы воли в понимании авторов (Н. В. Волохова), ставился вопрос о художественной реализации в «Капитанской дочке» темы нравственного выбора в онтологическом аспекте (А. С. Путеев) [Л. Н. Толстой и А. С. Пушкин: сопричастность..., с. 310–311, 165–169, 70–73]. Вместе с тем не было предложено ни одного конкретного сопоставительного анализа «Капитанской дочки» и «Войны и мира».

Традиционный русский роман Пушкина и Толстого ближе всего к греческому роману, где показано испытание героя страданиями или соблазнами [Бахтин, 1979, с. 202]. Онтологическая проблематика этих произведений восходит к трудам Платона, который разрабатывал мифологему «игры с Судьбой». В диалоге «Пир» Платон утверждал, что стремление к Благу — это Любовь, которая дарит человеку бессмертие. Однако русский роман, основанный на традиционных ценностях, в большей степени ориентирован на телеологический принцип русской словесности, который А. П. Скафтымов обнаружил в романах Л. Н. Толстого «Война и мир» и Ф. М. Достоевского «Идиот» [Скафтымов, с. 23–87, 182–217]. В статье «Тематическая композиция романа “Идиот”» (1922–1923) выделенный исследователем телеологический принцип «открывает взаимосвязь композиционных частей произведения, определяет восходящие доминанты и среди них последнюю завершающую точку, которая, следовательно, и была основным формирующим замыслом автора» произведения [Скафтымов, с. 24]. В статье «К вопросу о соотношении теоретического и исторического рассмотрения в истории литературы» (1923) Скафтымов определяет задачу теоретического анализа произведения — «установление иерархической скалы телеологически направленных ценностей» [Темяков, с. 64]. Телеологический принцип организации системы образов исследователь обнаруживает не только в романе «Война и мир», но и в трилогии Л. Н. Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность» [Новикова, 2017, с. 134–137]. В статье «Образ Кутузова и философия истории в романе “Война и мир”» Скафтымов подчеркивает, что «верное нравственное чувство» помогает Кутузову понять духовный смысл события и подчинить свою личную волю «внеличным, народным целям, сообразно исторической необходимости» [Скафтымов, с. 193, 217].

Аксиологический подход к художественному тексту ученого и мыслителя Алексея Алексеевича Ухтомского (1875–1942) предпо-

лагает использование понятий «доминанта», «категория лица». В этическом учении Ухтомского принцип доминанты определяет картину мира личности: «Человек подходит к миру и к людям всегда через посредство своих доминант, своей деятельности. Старинная мысль, что мы пассивно отпечатлеваем на себе реальность, какова она есть, совершенно не соответствует действительности. Наши доминанты, наше поведение стоят между нами и миром, между нашими мыслями и действительностью» [Ухтомский, 1996, с. 249]. Проявляющаяся в деятельности человека доминанта, по мысли ученого, определяет его судьбу: «Человек творит новое в мире, благовествуя на свой страх Бога миру, но это же новое и судит его» [Ухтомский, 1996, с. 27].

Чтобы исключить негативное развитие событий, человек, по мнению Ухтомского, совершает нравственный выбор, который предполагает перенесение с себя на другого человека доминанты как активной установки, определяющей мысли и поступки человека. Отказ от эгоцентризма, самовоспитание Ухтомский считает важнейшей нравственной задачей личности: «Освободиться от своего Двойника — вот необыкновенно трудная, но и необходимейшая задача человека! В этом переломе внутри себя человек впервые открывает «“лица” помимо себя и вносит в свою деятельность <...> новую категорию лица» [Ухтомский, 1996, с. 251].

Человек может быть носителем нескольких доминант, в ситуации кризиса он может восстановить в себе прежнюю доминанту или формировать новую. Помочь выстроить ценностные векторы человеку может предание, которое сохраняется в Церкви, и символы, воспринимающиеся человеком интуитивно, но пробуждающие в нем духовное начало.

В русских романах XIX в., созданных на основе традиционных православных ценностей, обнаруживается телеологический принцип организации композиции. Как древнерусский книжник в летописи или воинской повести стремится уловить Замысел Божий о мире и раскрыть его своим соотечественникам [Мелихов, с. 27], судьба героя зависит от воли Божией [Мелихов, с. 29], так и целью создателей русской классической литературы является определение предназначения русского человека и России как хранилища соборности, православных ценностей. Автор показывает нравственный выбор героя, в основе которого лежит самопожертвование, Провидение часто помогает этому герою.

В. С. Непомнящий обозначает авторскую позицию в повествовательных произведениях Пушкина как определяемую «перспективой христианского идеала, которую новоевропейская логика» назвала «обратной» [Непомнящий, с. 55] и определяет художественный метод Пушкина — «онтологический реализм», поскольку в мире Пушкина раскрывается «осмысленный и духовный порядок Творения» и показаны драматические взаимоотношения человека с этим порядком [Непомнящий, с. 50]. В. Н. Захаров подобный творческий метод определяет как «христианский реализм», позволяющий раскрыть историческую реальность и одновременно мистический смысл происходящих событий [Захаров, с. 10].

В статье о втором томе «Истории Русского Народа» Н. А. Полевого (1830–1831) Пушкин называет христианство «величайшим духовным и политическим переворотом нашей планеты», при этом, замечает писатель, уму человеческому невозможно «предвидеть случая <...> мощного, мгновенного орудия провидения»¹.

На первом этапе испытания «двойниками» Петра Гринева становятся Зурин, обучающий его игре на деньги, и Швабрин, высокомерно относящийся к окружающим. Дистанция, которая разделяет повествователя и молодого Гринева-повесу, позволяет автору дать нравственную оценку себе преждему: «...вел себя как мальчишка, вырвавшийся на волю» (*Пушкин*, т. 6, с. 400).

И даже после дуэли со Швабриным Гринев признается, что в его клевете видел «досаду оскорбленного самолюбия и отвергнутой любви» (*Пушкин*, т. 6, с. 439), т. е. он понимал своего соперника, испытывая подобные чувства. Как Швабрин, Гринев любит Машу Миронову сначала страстной любовью, поэтому готов нарушить отцовскую волю. Помогает восстановить систему ценностей герою Маша Миронова, которая не может пойти против воли родителей: «Видно, мне не судьба... Родные ваши не хотят меня в свою семью. Буди во всем воля Господня! Бог лучше нашего знает, что нам надобно» (*Пушкин*, т. 6, с. 443).

¹ Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 22 т. М.: Худож. лит. Т. 4.: Война и мир. С. 141. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Толстой* и указанием тома и страницы в круглых скобках.

Изменение сюжета происходит, когда судьба героя соединяется с судьбой Отечества. Нравственный выбор Гринева окончательно отделяет его от Швабрина. Сначала он чувствует себя защитником Маши: «Сердце мое горело. Я воображал себя ее рыцарем» (*Пушкин*, т. 6, с. 461). Затем Гринева решает принять смерть, но не присягать самозванцу. В этот момент он забывает о себе, молясь о судьбе близких: «Мне накинули на шею петлю. Я стал читать про себя молитву, принося Богу искреннее раскаяние во всех моих прегрешениях и моля его о спасении всех близких моему сердцу» (*Пушкин*, т. 6, с. 465).

В борьбе чувства и разума Гринева выбирает чувство, но это нравственное чувство. В своем письме Маша Миронова обращается к нему не как к жениху, а как носителю доброго сердца: «Богу угодно было лишить меня вдруг отца и матери: не имею на земле ни родни, ни покровителей. Прибегаю к вам, зная, что вы всегда желали мне добра, и что вы всякому человеку готовы помочь...» (*Пушкин*, т. 6, с. 491).

Кроме того, героиня передает угрозу Швабрина, что ее судьба будет подобна судьбе Лизаветы Харловой. Когда после освобождения Маша по-прежнему напоминает Петру Гринева о необходимости следовать воле родителей, он ей уже не противоречит (*Пушкин*, т. 6, с. 515).

Еще один выбор делает Гринева, когда вновь решает не говорить о причине своего возвращения к Пугачеву, чтобы не вмешивать в эту историю Машу Миронову. Выбор героя дарит ему внутренний покой, делает по-настоящему свободным: «Я прибегнул к утешению всех скорбящих и, впервые вкусив сладость молитвы, изливаемой из чистого, но растерзанного сердца, спокойно заснул, не заботясь о том, что со мною будет» (*Пушкин*, т. 6, с. 528). Теперь уже Маша Миронова отправляется к императрице просить за жениха. Сюжетный параллелизм, симметричность композиции позволяет автору выстроить этическую перспективу.

Включение в роман плача жены по коменданту крепости Миронову — это следование традиции воинской повести [Трофимова]. М. В. Мелихов отмечает, что на последнем этапе трансформации воинской повести в произведениях этого жанра воплощается концепция «просвещенного монарха» [Мелихов, с. 30].

Прототипом Маши Мироновой является двадцатилетняя Прасковья Григорьевна Луполова, которая отправилась пешком из Ишима

в Петербург, чтобы просить императора помиловать ее отца и позволить ему вернуться из сибирской ссылки. В Тобольске Прасковья Луполова получила паспорт, в котором было написано: «Капитанская дочка». История этой девушки получила отражение в произведениях нескольких авторов: французская писательница София Мария Коттен создала роман, который был переведен на русский язык и стал популярен в России (он был в библиотеке Ухтомского). Кроме того, подвигу этой девушки посвятили свои произведения Ксавье де Местр и Доницетти. Уже после создания романа Пушкина Н. А. Полевой написал драму «Параша Сибирячка» (1840) [Тахо-Годи].

В романе «Капитанская дочка» нет «двух правд», поскольку автор показывает правоту капитана Миронова, остающегося верным присяге, его супруги, которая разделяет с ним его судьбу («Вместе жить, вместе и умирать») (Пушкин, т. 6, с. 458)).

Василиса Егоровна в ответ на упреки, что она вмешивается в дела супруга, напоминает, что муж и жена «един дух и едина плоть» (Пушкин, т. 6, с. 432). Эти слова перекликаются с убеждением Савельича, который поступает как свободный человек, движимый этическим выбором. Когда Гринев предлагает Савельичу покинуть его, чтобы не подвергать себя опасности, его слуга остается с ним (Пушкин, т. 6, с. 496). После освобождения Маши Мироновой Гринев вновь просит Савельича оставить его, но охранять Машу как его будущую жену, тот соглашается и даже говорит, что будет просить родителей Петра согласиться на эту женитьбу (Пушкин, т. 6, с. 522). «Савельич не раб», — замечал Ф. М. Достоевский по этому поводу². Воины, как замечает древнерусский книжник, готовы испить чаши меда и есть гроздья виноградные («медвяныа чаши питии и сотеблиа виннаго ясти»), т. е. готовы благодаря праведной смерти оказаться в Царствии Небесном. Об этой же традиции «последнего целования» пишет Пушкин в «Капитанской дочке», когда описывает прощание капитана Миронова с женой: «Поцелуемся ж и мы, — сказала, заплавав, комендантша. — Прощай, мой Иван Кузмич. Отпусти мне, коли в чем я тебе досадила» (Пушкин, с. 163).

² Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексева, Н. В. Поньрко. СПб.: Наука, 1999. Т. 6: XIV — середина XV века. [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4982> (дата обращения: 12.07.2023).

Общее настроение единодушия Безухов называет скрытым чувством «теплоты патриотизма» (*Толстой*; т. 6, с. 216, 218, 237), которое во время сражения на батарее Раевского превращается на лицах воинов в молнии «разгорающегося огня» — его чувствует и сам Пьер в своей душе (*Толстой*; т. 6, с. 243, 244). В решающий момент боя солнце «било косыми лучами прямо в лицо Наполеона» (*Толстой*; т. 6, с. 248), словно было на стороне русских войск. Образ солнца также является символом Божественной помощи в древнерусской словесности. В «Сказании о Мамаевом побоище» говорится, что князю Дмитрию Ивановичу перед Куликовской битвой «солнце добръ сияеть»³.

Благословление Дмитрий Донской от преп. Сергия Радонежского получает в день св. Флора и Лавра. В плену Пьер Безухов слышит от Платона Каратаева молитву св. Флору и Лавру (*Толстой*; т. 7, с. 53). По мнению О. В. Сливацкой, Платон Каратаев «одарил Пьера расширенным сознанием», после чего «были убраны преграды между душой Пьера и живой жизнью» [Сливацкая, с. 84]. Платон Каратаев открывает Пьеру возможность жизни по Евангельской Истине, он становится для главного героя «олицетворением духа простоты и правды», при этом в авторской речи повторяется слово «благообразие»: «...главная прелесть его рассказов состояла в том, что в его речи события самые простые, иногда те самые, которые не замечая их, видел Пьер, получали характер торжественного благообразия» (*Толстой*; т. 7, с. 55).

Встречи Андрея Болконского с Наташей, Марьи Болконской — с Николаем Ростовым, Пьера Безухова — с Платоном Каратаевым показывают сцепление судеб героев на фоне общей судьбы русского народа, решающим событием для которого становится Бородинское сражение. Битва на Бородинском поле происходит 26 августа 1812 года (по новому стилю — 7 сентября). Князь Николай Болконский умирает 15 августа — в день Успения Пресвятой Богородицы. Соответственно, встречи героев происходят между Успением и Рождеством Пресвятой Богородицы. Толстой особенно отмечает

³ Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексева, Н. В. Поньрко. СПб.: Наука, 1999. Т. 6: XIV — середина XV века. [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4982> (дата обращения: 12.07.2023).

дату 8 сентября (21 сентября), после которой происходит встреча Безухова с Каратаевым (*Толстой*; т. 7, с. 41). Авторы коллективной монографии «Феномен эпического романа» обращают внимание на молебен перед образом Смоленской Божьей Матери и утверждают, что «Божественное Провиденье осеняет благодатью только верующий народ, связанный в единый организм христианской любовью» [Феномен эпического романа, с. 99]. Напомним, что в воинской повести перед боем всегда происходит молебен. Бородинское сражение и народное единение противопоставляется богучаровскому бунту, в котором обнаруживается «тень пугачевщины» [Феномен эпического романа, с. 87].

Перенос доминанты с себя на «лицо другого» происходит у Пьера Безухова также благодаря встрече с изменившейся Наташей Ростовой. Смерть Андрея Болконского, а затем гибель младшего брата и поддержка матери, переживание личного и общего горя так меняет героиню, что Пьер ее сначала не узнает. Когда же он позволяет себе признаться, что любит ее, и видит возможность ответной любви, герой пребывает в таком состоянии счастья, что окружающие это чувствуют и ценят, даже старшая княжна и попавший в плен итальянец. Уже после этих событий Пьер размышляет о том, что все суждения, которые он составил о людях в этот период времени, остались для него навсегда верными (*Толстой*; т. 7, с. 243). Толстой включает в роман аллюзию к «Капитанской дочке», используя прецедентное имя и прецедентную ситуацию. Пьер (Петр) спрашивает своего слугу Савельича (!), хочет ли он освобождения от крепостной зависимости, и слышит в ответ: «Зачем мне, ваше сиятельство, воля?» (*Толстой*; т. 7, с. 237).

В конце романа Пьер и Наташа создают семью, в которой преобладает «благообразие». Их беседа друг с другом переходит из внутренней речи во внешнюю, благодаря тому, что многие мысли героев разделяет автор, происходит диалог Толстого с читателем:

«— Ты знаешь, о чем я думаю? — сказала она. — О Платоне Каратаеве. Как он? Одобрил бы тебя теперь?»

Пьер несколько не удивился этому вопросу. Он понял ход мыслей жены.

— Платон Каратаев? — сказал он и задумался, видимо искренне стараясь представить себе суждение Каратаева об этом предмете. — Он не понял бы, а впрочем, я думаю, что да.

— Я ужасно люблю тебя! — сказала вдруг Наташа. — Ужасно! Ужасно!

— Нет, не одобрил бы, — сказал Пьер, подумав. — Что он одобрил бы, это нашу семейную жизнь. Он так желал видеть во всем благообразии, счастье, спокойствие, и я с гордостью показал бы ему нас» (*Толстой*; т. 7, с. 306).

Пророческий сон Петра Гринева создавался Пушкиным с ориентацией на очерк С. Т. Аксакова «Буран», который был напечатан в 1830 г. в журнале «Денница» (его сотрудником был Пушкин) [Путеводитель по Пушкину, с. 182]. Аксаков утверждал, что он описал в очерке подлинную историю, которая произошла в Оренбургской губернии с обозом подвод зимой во время бури.

Хозяева подвод разделились на две группы: старики предлагали переждать буран, полагаясь на волю Божию и помощь человеческую, а молодые люди решили на своих конях найти дорогу. После того, как буран затих, утром другой обоз обнаружил засыпанных снегом стариков, и они были спасены, а тела молодых людей, не захотевших полагаться на волю Божию, были обнаружены весной, когда растаял снег.

В «Капитанской дочке» в сцене пророческого сна Гринева, который имеет ключевое значение в произведении, расширяется его семантика благодаря образам-символам. Из сна Гринева «выросли» сны героев Достоевского: Раскольников до и после преступления (топор и кровь как символы надвигающегося насилия) и Мити Карамазова (дорога как символ судьбы). Движение кибитки по дороге показано как путь русского человека, как судьба России вообще: «Лошади тяжело ступали по глубокому снегу. Кибитка тихо подвигалась, то въезжая на сугроб, то обрушаясь в овраг и переваливаясь то на одну, то на другую сторону. Это похоже было на плавание судна по бурному морю» (*Пушкин*, т. 6, с. 408).

В романе Толстого есть замечание о том, что «солдат в движении также окружен, ограничен и влеком своим полком, как моряк кораблем, на котором он находится» (*Толстой*; т. 4, с. 340). Перед описанием взятия Москвы Толстой замечает: «Корабль идет своим громадным независимым ходом...» (*Толстой*; т. 6, с. 356).

В древнерусском искусстве корабль означает спасение, Церковь, Царство Божие на земле, что соответствует Псалтири:

«И воззваша ко Господу, внегда скорбѣти имъ, и отъ нуждъ ихъ изведе я: и повелѣ бури, и ста въ тишину, и умолкоша волны его» (Пс. 106:28–29).

Таким образом, в романах Пушкина и Толстого семья, согласие, единение вокруг Евангельской Истины занимают центральное положение. Этическое учение А. А. Ухтомского предполагает изменение человека: он может или вернуться к себе прежнему, к сформированной у него в детстве доминанте, или перестроить себя заново. В декабре 1937 г. Ухтомский в одном из писем размышляет о самоутверждении, которое мешает выйти на уровень собеседования с другим человеком, чтобы постичь в нем Образ Божий: «Двойник становится как экран между человеком и его собеседником, подменяя последнего двойником <...>. И нужен обыкновенно немалый труд, прежде чем экран будет пробит к собеседнику в его подлинном содержании...» [Ухтомский, с. 176].

Народ можно рассматривать как соборную личность, в которой в кризисный момент испытания проявляется или доминанта, ведущая к самоутверждению — «безобразия» (бунт, «бессмысленный и беспощадный»), или доминанта, определяющая его «благообразие» (народная война во имя спасения нации и ее религии). Русский роман XIX в., представленный образцовыми произведениями Пушкина и Толстого, обращает читателя к спасению. Телеологический сюжет включает мотив испытания народа или героя. Способность совершить нравственный выбор приводит его к расширению пространства, соединению временного и вечного в его сознании, при этом происходит символизация предметного мира (появляются образы движения и света). Этот сюжет может включать в себя мотив просьбы о помощи, который реализуется в молитве героя. О том, что молитва услышана, свидетельствует разрешение сложной ситуации, помощь Провидения. Однако выбор может означать и самоутверждение героя, что ведет его к понимаю «безобразия» происходящих процессов в душе. В этом случае он будет видеть вокруг себя «двойников». Оппозиция «безобразия» — «благообразия» раскрывает духовно-нравственный идеал Пушкина и Толстого. Главным для народа и личности является соборное спасение. В процессе духовного очищения или духовного роста важную роль играет предание, которое сохраняет духовные доминанты русского

народа. Такую доминанту несут герои Пушкина — Петр Гринев и Маша Миронова, герои Толстого — Андрей Болконский и Наташа Ростова. Сложнее искать свой путь героям, у которых не было перед глазами примера отца, живущего по нравственным законам, — это Пьер Безухов. Им помогают герои, несущие христианские идеалы (Платон Каратаев).

В романах Пушкина и Толстого прослеживаются традиции древнерусской воинской повести: провиденциальная концепция истории, ориентация на церковный календарь, молитва перед началом боя, «последнее целование», плач о погибшем воине и символы грядущего Царствия Небесного. Можно увидеть традиции агиографической литературы: указание юродивого на нравственную ошибку, свет как выражение духовного в личности. Народ (мирь) в романах «Капитанская дочка» и «Война и мирь», уподобляется семье или Церкви, обращенной к Евангельской Истине, и спасается Красотой Христовой.

Ссылки

1. Бахтин М. М. К исторической типологии романа // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров. М.: Искусство, 1979. С. 199–209.
2. Бочаров С. Г. Роман Л. Н. Толстого «Война и мир». М.: Худож. лит., 1987. 156 с.
3. Бражников И. Л. Русская литература XIX–XX вв. Историсофский текст: монография. М.: Прометей: МГПУ, 2011. 240 с.
4. Вершинина Н. Л. Пушкин и Толстой // Проблемы пушкиноведения: сб. науч. тр. Л., 1975. С. 144–149.
5. Гей Н. К. Проза Пушкина: поэтика повествования. М.: Наука, 1989. 270 с.
6. Гершензон М. О. Мудрость Пушкина. Томск: Водолей, 1997. 287 с.
7. Гудонене В. Человек Достоевского и Толстого // Искусство психологического повествования (от Тургенева к Бунину). Вильнюс: Изд-во Вильн. гос. ун-та, 1998. С. 66–86.
8. Есаулов И. А. Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. ун-та, 1995. 288 с.
9. Захаров В. Н. Христианский реализм в русской литературе (постановка проблемы) // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2001. Вып. 6. С. 5–20.
10. Ибатуллина Г. М. Историсофский миф в контекстах русской литературы XIX века: И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский, Н. С. Лесков, Л. Н. Толстой: монография. М.: ФЛИНТА, 2022. 160 с.

11. Кибальник С. А. Художественная философия Пушкина. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. 199 с.
12. Л. Н. Толстой и А. С. Пушкин: сопричастность идей, образов, судеб: материалы XXV Международных Тостовских чтений. Тула: Изд-во ТГПУ имени Л. Н. Толстого, 1999. 320 с.
13. Макогоненко Г. П. «Капитанская дочка» А. С. Пушкина. Ленинград: Худож. лит., 1977. 108 с.
14. Мелихов М. В. Древнерусские воинские повести: проблемы сюжетосложения и идейно-художественная трансформация жанра в литературной и рукописной традиции XV–XVIII вв.: автореф. ... д-ра филол. наук. СПб., 2003. 32 с.
15. Непомнящий В. С. Феномен Пушкина и исторический жребий России. К проблеме целостной концепции русской культуры // Пушкин и современная культура. М.: Наука, 1996. С. 31–70.
16. Петрунина Н. Н. Проза Пушкина (пути эволюции) / отв. ред. академик Д. С. Лихачев. Л.: Наука, 1987. 334 с.
17. Полтавец Е. Ю. Основные мифопоэтические концепты «Войны и мира» Л. Н. Толстого в свете мотивного анализа: дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 198 с.
18. Полосина Л. Н. Л. Н. Толстой и А. С. Пушкин: сравнительная история личных библиотек // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2018. Т. 160. Кн. 1. С. 17–28.
19. Путеводитель по Пушкину. СПб.: Академический проект, 1997. 432 с.
20. Ремизов В. Б. Толстой и Достоевский. Братья по совести. М.: РГ-Пресс, 2019. 688 с.
21. Скафтымов А. П. Нравственные искания русских писателей. М.: Художественная литература, 1972. 543 с.
22. Сливницкая О. В. «Война и мир» Л. Н. Толстого: проблемы человеческого общения. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. 192 с.
23. Соколова Л. В. А. А. Ухтомский и комплексная наука о человеке. СПб.: Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та, 2010. 316 с.
24. Сорокина Т. Е. Современный русский роман как явление историософской идеи // Культурная жизнь Юга России. 2011. № 1 (39). С. 66–68.
25. Страхов Н. Н. Литературная критика: сб. ст. / вступ. ст. и сост. Н. Н. Скатова, коммент. В. А. Котельникова. СПб.: Изд-во РХГИ, 2000. 464 с.
26. Тахо-Годи М. А. «Капитанская дочка» А. С. Пушкина и «Молодая сибирячка» Ксавье де Местра // Дарьял. 2004. № 4 [Электронный ресурс]. URL: https://www.darial-online.ru/material/2004_4-taho-god/?ysclid=lkw3r4vz8k619832470 (дата обращения: 12.07.2023).

27. Темяков В. В. Письма А. П. Скафтымова к П. Н. Сакулину // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2011. Т. 11. Вып. 3. С. 63–66.
28. Трофимова Н. В. Особенности формы и стилистики плачей в летописных воинских повестях // Вестник славянских культур. 2014. № 1 (31). С. 141–142.
29. Ухтомский А. А. Интуиция совести: письма. Записные книжки. Заметки на полях. СПб.: Петербургский писатель, 1996. 528 с.
30. Феномен эпического романа в русской литературе второй половины XIX века: И. А. Гончаров, И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский: монография / В. Г. Андреева, А. В. Гулин, Н. Л. Ермолаева, С. К. Казакова, Ю. В. Лебедев, В. И. Мельник, Н. Г. Михновец; под науч. ред. В. Г. Андреевой. Кострома: Изд-во Костромского гос. ун-та, 2022. 512 с.
31. Эйхенбаум Б. М. Пушкин и Толстой // Литературный современник. 1937. № 1. С. 136–147.
32. Givens J. The Image of Christ in Russian Literature: Dostoevsky, Tolstoy, Bulgakov, Pasternak. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2018. 346 p.
33. Christesen N. “Light” and “Enlightment” in Tolstoy’s Works // Proceedings and Papers of the 10th Congress; Held at the University of Auckland 2–9 Febr. 1966. Auckland, 1966.

3.6. «Мертвые души» Н. В. Гоголя и «Господа Головлевы» М. Е. Салтыкова- Щедрина: аксиологический подход

С. В. Канустина

В XX веке появляются исследования, в которых творческим приоритетом Гоголя-сатирика определяется не *бытописание*, а *типописание*, направленное на постижение духовных основ личности. Так, Г. К. Щенников утверждал, что Н. В. Гоголь отмечал типичность своих персонажей, но типичность не социальную, а национальную и даже общечеловеческую [Щенников, с. 13]. Гоголевские чтения, которые ежегодно проводит Дом Гоголя в Москве, объединяют многих зарубежных исследователей (из Италии, Болгарии, Чехии, Словакии, Сербии и др.), по-разному осмысливающих духовно-нравственную проблематику творчества русского писателя.

Интерес к творчеству Гоголя за рубежом возник во многом благодаря критикам Русского Зарубежья — А. М. Ремизову, И. И. Лапшину, Г. А. Мейеру, Д. И. Чижевскому и др., предложившим отказаться от взгляда на Гоголя как сатирика, представителя «натуральной школы», и обратившимся к эсхатологическим мотивам его творчества. Так, Д. Чижевский рассматривал «Мертвые души» как произведение, не связанное с общественным движением, и находил его источники в апокалиптическом романе [Чижевский, 2002]. Г. Мейер обращался к проблеме художественной антропологии Гоголя и видел духовную ошибку писателя-сатирика в том, что тот перестал отличать живого человека от его пороков [Мейер].

Современных китайских исследователей привлекает духовная проза Гоголя, которую они сопоставляют с конфуцианством и даосизмом [Сун], [Лю]. Сун Иньнань, например, утверждает, что Чичиков нарушил принцип соответствия человека своему месту [Сун, с. 81]. Сербский критик В. Бранко обнаруживает амбивалентность демонических образов Гоголя [Бранко], а его соотечественник Л. Милентиевич сопоставляет Плюшкина с Чартковым и приходит к выводу, что Гоголь в «Мертвых душах» стремится направить душу человека к очищающему свету [Милентиевич, с. 279]. Итальянский критик А. Рипеллино исследует символическую географию Гоголя [Ripellino], Р. Джулиани размышляет о типах русского писателя, созданных на итальянской почве [Giuliani]. Шведский исследователь Н. Хокансон, отдавая дань политической сатире Гоголя, ее фольклорным истокам, обращает внимание и на психологическую и метафизическую проблематику его творчества [Håkansson].

Интерес к творчеству М. Е. Салтыкова-Щедрина за рубежом появляется после переводов романа «Господа Головлевы» — в середине XX века. В Германии и Польше Щедрина в основном воспринимают как носителя просветительских идей, последователя европейских сатириков, который обращается к русскому материалу [Келейникова]. Немецкий исследователь Г. Куперфершмидт видит в политической сатире Салтыкова-Щедрина продолжение сатиры Гоголя [Kupterechmldt]. Иудушку Головлева французские критики А. Дальма, Ж. Бонамур и др. считают шекспировским героем и интернациональным типом [Келейникова, с. 39]. Активно исследуется мифопоэтика Салтыкова-Щедрина, раскры-

вается символический подтекст его произведений [Ehre]. Современный словацкий исследователь А. Репонь, отмечая, что Гоголь и Салтыков-Щедрин посещали одни и те же европейские страны (Германию, Францию, Швейцарию) и находились под влиянием европейской культуры, противопоставляет этих писателей. Если у Гоголя, считает А. Репонь, Россия показана как храм, а дорога символизирует ее движение в будущее, то у Салтыкова-Щедрина дорога становится символом остановившейся жизни, связанной со смертью [Репонь].

Полярностью суждений о ценностных ориентирах русских сатириков отличается и отечественная критическая литература. Так, в литературоведении рубежа XX–XXI веков предпринимаются попытки обнаружить черты православной аксиологии в наследии Салтыкова-Щедрина, приводящие одних исследователей к утверждению его тяготения к столпам русской православной словесности, сокрытого «под видимой поверхностью “социального обличительства”» [Есаулов, с. 10]; других — к заключению о том, что «Щедрин не был ортодоксальным писателем — ни в политическом, ни тем более в религиозном смысле» [Назаренко].

Осуществлению аксиологического подхода к произведениям Гоголя и Салтыкова-Щедрина могут способствовать труды русских мыслителей XX века — А. А. Ухтомского и Д. И. Чижевского, — особенно сосредоточившихся на проблеме двойника в русской литературе. Ухтомский, полагаясь на разработанный им же принцип доминанты, замечает, что «человек видит реальность такую, каковы его доминанты, т. е. главенствующие направления его деятельности. Человек видит в мире и в людях предопределенное его деятельностью, т. е. так или иначе самого себя» [Ухтомский, 2020, с. 397]. Чижевский словно уточняет мысль своего предшественника: «Двойник, вторгаясь в “Я” человека, показывает этим несамостоятельность, несостоятельность, неуверенность, нетвердость этического бытия этого человека» [Чижевский, 2015, с. 442]. Невыполнение жизненного назначения приводит личность к потере своего онтологического места, отпадению от Бога. Этическая функция появления двойника сходна, по мнению мыслителя, с этической функцией смерти, уходу в ничто [Мних, с. 406–407].

Определить ценностные ориентиры Салтыкова-Щедрина могут помочь записи известного русского физиолога и мыслителя Алексея

Алексеевича Ухтомского, оставленные им на страницах книг, которые сейчас хранятся в Санкт-Петербургском университете и в Рыбинском музее-заповеднике. Среди его заметок есть уже опубликованное размышление о преемственности между творчеством Н. В. Гоголя и М. Е. Салтыкова-Щедрина: «И Гончаров, и Тургенев, и Толстой, и Достоевский — все это продолжатели пушкинско-гоголевского предания. Каждый из них развил в особенности определенную черту, определенную сторону из манеры восприятия и художественной передачи по Пушкину и Гоголю. Но ни один из них не тронул (или почти не тронул) эту сторону в предании отцов, — специализировать и развить до конца дух “Ревизора” и “Мертвых душ”, — это было уделом Салтыкова-Щедрина. Но, в этой специализации до односторонности, Салтыкову стал чужд и непонятен дух того же Гоголя, выразившийся в “Переписке с друзьями”, дух святого сомнения в себе, поднявшийся до сожжения сатиры над людьми! Выхода из сатиры у Салтыкова нет — в нем сатира посягает на всех и все» [Ухтомский, с. 484–485].

Для того, чтобы постичь суть этого высказывания, необходимо сопоставить героев поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» и романа М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы», найти общее между созданными в этих произведениях типами, увидеть перспективы, которые раскрываются перед героями, и установить, обнаруживаются ли среди персонажей обоих классиков динамические личности, способные измениться к лучшему. В качестве материала, способствующего осуществлению аксиологического подхода к текстам, избраны этическое учение А. А. Ухтомского и его заметки на полях романа «Господа Головлевы», который входил в личную библиотеку ученого и сейчас хранится в Санкт-Петербургском университете (эти заметки еще не опубликованы), а также опубликованные работы Д. И. Чижевского.

Н. Аристов обратил внимание на изображение Гоголем негативного иноземного влияния на русских людей: Манилов, подражая европейцу, готовит своих детей в дипломаты, Ноздрев проигрывает имущество, как «западный игрок» [Гоголь и Православие, с. 378, 414]. И. А. Виноградов, обнаружив поведенческое сходство между героями являющей «всю Русь» поэмы и петербургскими типами из предшествующих повестей писателя («Портрет», «Шинель»), предположил, что «разгадка указанного соответствия кроется, видимо,

в том, что рисует Гоголь в первом томе поэмы не столько саму русскую жизнь, сколько ее болезни и “уродства”. А потому не русское, а отклонение от русского — чаще всего “цивилизованное”, западное, уродливо привившееся на русской почве, — и олицетворяют собой герои “Мертвых душ”» [Виноградов, с. 321]. Так, определяющим для характера «образованнейшего» Манилова является соблюдение всевозможных светских приличий, «следование тому европейскому “комильфо”, которое стало в России “сильнее всяких коренных постановлений”» [Виноградов, с. 322]. Ноздрев доводит до «классического совершенства» пустое времяпрепровождение [Виноградов, с. 324]. Собакевич является носителем «гордости и тщеславия (обязанным во многом <...> “европейскому нашему воспитанию”» [Виноградов, с. 325]. Образ Плюшкина раскрывает авторское представление «о вещизме и мелочности современного, “цивилизованного” века». Примечательно, что «искажения русской жизни, воплощенные в образе Коробочки» (страх, суеверие, подозрительность, склонность к сибаритству), по мнению исследователя, «казались Гоголю менее опасными и воспринимались им скорее как некая недостаточность, могущая быть восполненной в будущем» [Виноградов, с. 323]. Вершиной же отрицательного характерологического обобщения в «Мертвых душах» ученый представляет Павла Ивановича Чичикова. И. А. Виноградов, вслед за Д. С. Мережковским, настаивает на «европейской сути характера» этого героя (вещизме и жажде обогащения), формирующей тип приобретателя [Виноградов, с. 327] и соглашается с мнением Г. К. Щенникова, считавшего, что религией Чичикова становится богатство [Щенников, с. 14].

Показательно, однако, что свою «религию» сребролюбия Чичиков часто пытается скрыть под видом обращения к Божественному Промыслу. Резюмируя договоренность с Маниловым, он произносит: «Итак, если нет препятствий, то с Богом можно бы приступить к совершению купчей крепости»⁴. В диалоге с Коробочкой обращения Чичикова к Богу становятся более частотными. Причина этого,

⁴ Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем: в 17 т. / под ред. В. А. Воропаева, И. А. Виноградова. М.; Киев: Издательство Московской Патриархии, 2009. Т. 5, 2009. С. 35. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Гоголь* и указанием страницы в круглых скобках.

думается, в том, что сама помещица в первой же реплике к неожиданному гостю, восклицает: «В какое это время вас Бог принес!» (*Гоголь, с. 45*) — тем самым отчасти открывая внимательному слушателю собственные аксиологические ориентиры. Эта фраза будет продублирована помещицей: «Какое-то время послал Бог: гром такой — у меня всю ночь горела свеча перед образом» (*Гоголь, с. 46*). Еще раз отметив про себя религиозность героини, Чичиков как манипулятор будет строить последующие фразы с подчеркнутым упованием на Бога и бытовым Его славословием. Это намеренно созданное ценностное «эхо» собеседницы Чичиков особенно контрастно соединит с выражением собственных прагматических целей в реплике-просьбе: «На всё воля Божья, матушка! <...> против мудрости Божией ничего нельзя сказать... Уступите-ка их [умерших. — *Примеч. К. С.*] мне, Настасья Петровна?» (*Гоголь, с. 50*). Потерпев фиаско на почве «христианского человеколюбия», Чичиков «решился попробовать, нельзя ли ее навести на путь какую-нибудь иною стороною» (*Гоголь, с. 52*), то есть искутить своей «религией», которой героиня также оказалась не чужда. Коробочка, читающая молитву перед гаданием на картах, — воплощение профанного Православия, симбиоз веры и суеверия, воззваний к Высшему и радению за низменное. Именно поэтому Чичикову удастся соблазнить почитательницу выгоды деньгами и, таким образом, достичь своей цели.

Для каждого приобретателя из «Мертвых душ» важны деньги и выгода, но лишь двое — Чичиков и Плюшкин — служат им как божеству. Это обстоятельство определяет необходимость изучить интегральные черты указанного типа и выявить его дифференцирующие оттенки, которые, возможно, могли бы развиваться в творчестве последователей Н. В. Гоголя, в частности, М. Е. Салтыкова-Щедрина. Подробный анализ типа приобретателя уже осуществлялся в гоголеведческих штудиях. Например, Е. Ю. Коржова, обращаясь к психологии литературных персонажей «Мертвых душ», отнесла Чичикова, Коробочку, Собакевича и Плюшкина к типу «приобретатели», ориентированному на материальные ценности; Манилова — к типу «созерцатели», ориентированному на ценность покоя; Ноздрева — к типу «богатыри», ориентированному на ценность действия [Коржова]. Иными семантическими ударениями обогащается типология героев Н. В. Гоголя в свете этического учения А. А. Ухтомского.

В начале своего пути Чичиков солипсичен, поэтому ему, по мнению Ухтомского, некуда скрыться. Подстрекая помещиков к участию в мошеннической схеме, Чичиков видит в них своих двойников, ориентированных исключительно на себя и свою доминанту приобретения. Гоголевский герой, подобно зеркалу, стремится обнажить все слабости оппонентов, оставаясь при этом сосредоточенным на своей главной цели — выгодной покупке мертвых душ.

Поворотным моментом походов Чичикова, спровоцировавшим отвлечение от собственного «я» и проблеск ориентации *на другого*, становится встреча с Плюшкиным. Н. В. Гоголь художественно обозначил этот переход значимым допущением, будто бы пробивающим скорлупу двойника-приобретателя: «...если бы Чичиков встретил его [Плюшкина. — *Примеч. С. К.*] так принаряженного, где-нибудь у церковных дверей, то, вероятно, дал бы ему медный грош» (*Гоголь*, с. 113).

Хронотопом встречи Чичикова и Плюшкина определяется будничность первого: жизненные линии героев пересекаются в одной точке, от которой возможно прямое либо реверсивное движение младшего помещика по пути старшего. Чичиков будто бы ставится на распутье: продолжить пребывать в скорлупе приобретения и обречь себя на такое мертвенное будущее, которое переживает Плюшкин в настоящем, или пробить ее состраданием к другому — и в перспективе приобщиться радостям живой жизни, которыми было наполнено далекое прошлое его собеседника. Ведь именно Плюшкин, единственный из всех помещиков, показан в динамике. Мы узнаем его прошлое (раньше был просто рачительным хозяином) и видим свет на его лице, когда он вспоминает приятеля юношеских лет.

Намеки на выбор Чичиковым дальнейшего пути Н. В. Гоголь прорисовывает пунктирно. Одним из таких штрихов представляется, например, то, что договор с Плюшкиным становится в рамках видимого сюжета последним для Чичикова перед юридическим завершением купчих. Другим — то, что идея приобретения после процедуры оформления сделки отчасти уступает место идее о женитьбе. И с этим И. П. Золотусский связывает положительную перспективу смены приоритетов у истого копейкопклонника: «Пусть он жаждет умножения капитала. Пусть шкатулка и спрятанные в ней

ассигнации для него дороже всего. Но на что предназначены эти деньги? Они копяты им для будущего, подразумевающего *созидание*» [Золотусский, с. 12]. Мысли о дочери градоначальника рождают в Чичикове «поэта». Он, подобно герою евангельской притчи о блудном сыне, имеет шанс вернуться к Истине. Положительную перспективу этого персонажа предрекает и Р. Г. Назиров, расслышавший в 11-й главе I тома «Мертвых душ» «намек на будущее исправление Чичикова», а именно то, что только в связи с ним в поэме «вводится тема любви» [Назиров, с. 213]

В. Ш. Кривонос находит общую черту у всех героев, кроме Чичикова, — внешнюю и внутреннюю неподвижность, за которой скрывается онтологическая пустота [Кривонос, с. 172]. Чичиков, по мнению исследователя, изображен с использованием обратной перспективы, что доказывает возможность его преобразования [Кривонос, с. 176].

Д. И. Чижевский утверждает, что Чичикова нельзя назвать дельцом и прагматиком, поскольку он замечтался о губернаторской дочке и предался размышлениям о совершенно безразличных для него и не имеющих никакого практического значения минувших судьбах «мертвых душ» [Чижевский, 2002, с. 765]. Следует отметить, что размышления о мертвых душах и о юношах, которые должны нести лучшее с собой в будущее, сближают Чичикова и Гоголя. Сокращение дистанции между автором и героем доказывает то, что Чичиков после встречи с Плюшкиным желает избавиться от своего двойника, т. е. оказывается на пороге новой жизни.

Проблему преемственности между Гоголем и Щедриным исследователи решают по-разному. Е. Н. Строганова, начиная с повести «Противоречия», находит в произведениях Салтыкова-Щедрина гоголевского «маленького человека», а также многие типы Достоевского [Строганова]. И. Б. Павлова сопоставляет героев Щедрина и Достоевского, восходящих к гоголевским персонажам, останавливаясь на их кратковременной способности дать нравственную оценку происходящему [Павлова]. Л. В. Чернец в творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина находит заимствованных у Гоголя персонажей, которые становятся собирательными образами. Так, в «Письмах к тетеньке» говорится о том, что Собакевич женился на Коробочке после смерти своей супруги и таким образом в их потомках «соеди-

нилось умение выщепивать копейку с искусством сцепиться и не выпускать рубля» [Чернец, с. 141]. Особенно часто обращался Салтыков-Щедрин к типу Ноздрева как «энергичному администратору» [Чернец, с. 135]. А. С. Бушмин выделяет следующие приемы развития чужих образов: осовременивание уже готовых героев и их полемическое переосмысление [Бушмин]. Л. В. Чернец вслед за И. В. Немыкиной находит два способа развития гоголевских типов Салтыковым-Щедриным: редукция или упрощение и углубление или усложнение, психологизация характера [Чернец, с. 143]. П. В. Белова рассматривает проблему «среднего человека» Щедрина в различных модификациях, особенно выделяя героев из народной среды и демократической интеллигенции [Белова]. Добавим, что наиболее продуктивным способом развития гоголевского типа является соединение черт разных гоголевских героев в новом персонаже младшего писателя-сатирика. Кроме того, в героях Салтыкова-Щедрина проступают черты архетипических образов, среди которых следует выделить евангельского блудного сына.

В романе Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы» притча о блудном сыне приходит в голову Степке-балбесу, который возвращается к матери после растрченного наследства. Одновременно он воспринимает это возвращение как Страшный Суд. Тема Страшного Суда усиливается по мере накопления преступлений обитателей имения Головлевых и разрешается в финале романа, где сообщается о гибели последних представителей этого рода. На полях романа, который был в личной библиотеке Ухтомского, ученый вспомнил гоголевских накопителей-«удачников» — Чичикова и Хлестакова, а Порфирия Головлева сравнил с Плюшкиным.

Симптоматично, что главы, впоследствии составившие роман «Господа Головлевы», предназначались для сатирического цикла рассказов под названием «Благонамеренные речи». В этом заголовке автор обыграл концепцию произведения, будто бы намекнув на сведение высшего смысла понятия «Благо» к таким бездуховным реалиям социального характера, как приобретательство и чиновничество. В цикле разными средствами подчеркивалось упование провинциальных помещиков России 60–70-х годов не на Благо как Власть Небесную, а на благо как следствие трепета и лояльности перед властью земной. В романе же «Господа Головлевы» уже с первых строк звучит «эхо» осуетненной «благонамеренности»: одно из

Имен Бога искажается в мыслях и чаяниях Арины Петровны Головлевой. Пораженная известием о том, что сын из-за долгов продал купленный ею дом в Москве, головлевская владычица трижды восклицает: «Это — родительское-то благословение!», а позже сокрушается из-за чрезмерно низкой цены последнего: «Мерзавец! За восемь тысяч родительское благословение спустил!»⁵ Само допущение Головлевой «конвертации» материнского благословения в денежные средства не только свидетельствует о доминанте приобретательства в сознании героини, но и предопределяет трагедии ее детей. Так, «блудный сын» не находит любви и прощения в родительском доме.

Арина Петровна — номинальная мать в духовном плане: она не просит предстательства за своих чад у Всевышнего и Богородицы, не оберегает их молитвой. Для Головлевой они всего лишь «были одною из тех фаталистических жизненных обстановок, против совокупности которых она не считала себя вправе протестовать, но которые тем не менее не затрагивали ни одной струны ее внутреннего существа» (*Щедрин*, с. 11). Арина Петровна сосредоточена исключительно на себе и на «округлении головлевского имени» (*Щедрин*, с. 11). Шаги Головлевой к освобождению от двойника совпадают с осознанием вины перед сыном, духовно заблудшим Степкой-балбесом, которого она обрекла на трагический финал.

Первая «буря <...> в душе матери» спровоцирована смертью сына Степана и разведенной по этому поводу Порфирием «безнадежной канителью»: «“Проклян! Проклян! Проклян!” — все решительнее да решительнее повторяет про себя Арина Петровна» (*Щедрин*, с. 85), — и в этом стремлении ее бунт против упрощения потери банальным пустословием Иудушки; отзвук той материнской вины, которая доселе была ей неведома; первая искренняя сосредоточенность *на другом* лице. После повторения ситуации (Порфирий Головлев отказывает в помощи сыну Володе) и явственного шепота его второго сына Петеньки «Убийца!» «...перед глазами ее что-то

⁵ Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 20 т. /под ред. С. А. Макашина. М.: Художественная литература, 1965–1977. Т. 13. 1972. С. 8. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Щедрин* и указанием страницы в круглых скобках.

вдруг пронеслось, словно тень Степки-балбеса» (*Щедрин*, с. 131). И именно в этот момент Арина Петровна, некогда также причастная к смерти сына, увидела своего двойника-Иудушку и захотела от него избавиться.

Арину Петровну Головлеву следует воспринимать как персонаж постгоголевского периода русской литературы. В этом образе М. Е. Салтыков-Щедрин развил черты героев «Мертвых душ»: в ней отозвалось чичиковское умение «насквозь понимать не только малейшие телодвижения, но и тайные помыслы» оппонентов (*Щедрин*, с. 7); плюшкинское скопидомство, доходившее до попрека куском и даже мора голодом («Арина Петровна, из экономии, держала детей впроголодь» (*Щедрин*, с. 12); сестру Владимира Михайловича корила каждым куском, съедаемым за обедом, и каждым поленом дров, употребляемых для отопления ее комнаты (*Щедрин*, с. 29). «След» же Коробочки в образе госпожи Головлевой трансформировался в губительную неукрепленность в вере. Коробочка, несмотря на наличие по-европейски модной маски сибаритства, не утратила связи с верой в Бога. Хотя перед глазами гоголевской небокоптительницы Лики Святых сменяются личинами на игральных картах, преодолеть эту неразборчивость при «простодушном богомольстве» все же остается возможным.

Искоренению же духовной неразборчивости в Арине Петровне препятствует «горячка приобретения» (*Щедрин*, с. 65), провоцирующая хозяйку головлевского имения обращаться к Богу напоказ, режиссировать выгодные для себя сцены с наигранным упованием на Творца и Искупителя. То, что номинальным Православием Головлева вуалирует идолопоклонничество мамонне, подтверждается смешением ритуалов («Помолившись Богу и вымывшись в баньке, Арина Петровна почувствовала себя несколько умиротворенною» (*Щедрин*, с. 9) и бессилием перед собственным двойником. Показательно, что источником жестокости Иудушки-отца американская исследовательница Дж. Кэминер называет именно отречение Арины Петровны от традиционной роли матери-жертвенницы и сосредоточение на доминанте приобретательства [Kaminer, с. 546]. В свете этой каузальной связки проклятие, первоначально адресуясь другим, возвращается самой госпоже Головлевой.

Важным проявлением *развития и специализации* гоголевских типов у М. Е. Салтыкова-Щедрина видится то, что госпожа

Головлева — русский характер не в перспективе очищения от наносных псевдоидеалов, а в каждом текущем моменте ее земной жизни. Если Коробочка, по И. А. Виноградову, тяготеет к воплощению лишь временного «западного, уродливо привившегося на русской почве» (*Щедрин*, с. 321), то Головлева будто бы и сама олицетворяет ту «русскую почву», которая рождает тип «лицемера чисто русского пошиба» (*Щедрин*, с. 101). Салтыков-Щедрин настаивает на национальной предрасположенности этого типа: «мы не имеем надобности лицемерить ради каких-нибудь общественных основ, ибо никаких таких основ не знаем, и ни одна из них не прикрывает нас. Мы существуем совсем свободно, то есть прозябем, лжем и пустословим сами по себе, без всяких основ» (*Щедрин*, с. 103). Характеризуя Иудушку Головлева, писатель подчеркивает бессознательность его русского лицемерия, в отличие, например, от осознанно лгущих «Тартюфа или любого современного французского буржуа» (*Щедрин*, с. 101).

«Двойником» Арины Головлевой становится ее любимый сын Порфирий, которого она же в период «фанатичной погони за благоприобретением» (*Щедрин*, с. 11) уже обозначила как *своего* «будущего злодея» (*Щедрин*, с. 18). Стихийное лицемерие Головлева, как и Чичикова, обусловлено тем, что этот герой «был невежествен без границ, сутяга, лгун, пустослов и, в довершение всего, боялся черта» (*Щедрин*, с. 101). Соединение религии и суеверия, сакрального и бытового (Коробочка) сочетается в герое с бессмысленной скупостью (Плюшкин), пустословием и пустомыслием (Манилов), бессодержательной деятельностью (Ноздрев).

При этом Порфирий-кровопивушка уповает на Бога не из любви к Нему, а из страха одержимости тьмою. На формирование такой доминанты Головлева, безусловно, оказала влияние «“сказка” о благоприобретении» (*Щедрин*, с. 39) — самозабвенно и многократно пересказанное Ариной Петровной предание о собственных победах в накоплении и преумножении капитала. Порфирий Владимирович внял сути материнских заветов, фатально трансформировав форму их выполнения. «Вуалью» благоприобретательства Иудушки стала не призрачная забота о семье, а красноречивое оправдание собственных страстей волей Всевышнего. Его пустословие направлено не на обретение другого лица, а на уничтожение последнего. Вспомним признание Евпраксеюшки: «А я ведь не слушаю! <...>

Я ведь смотрю на него. Он говорит, а я смотрю да этим временем про свое думаю» (*Щедрин*, с. 162). Именно эта героиня разгадала, что «Иудушка, в строгом смысле, не разговаривает, а “тиранит”» (*Щедрин*, с. 201).

В свете такого наблюдения важно, что тирания «истого идолопоклонника» ослабевает после смерти его единственного слушателя — Арины Петровны: «Агония Иудушки началась с того, что ресурс празднословия, которым он до сих пор так охотно злоупотреблял, стал видимо сокращаться» (*Щедрин*, с. 201). С уходом матери Иудушка ощутил внутреннюю пустоту, возжаждал ближнего — и с этого момента перед героем возник его последний собеседник, Аннинька. Именно ее, приехавшую в Головлево умирать, впервые жалеет Порфирий Владимирович: «Бедная ты! Бедная ты моя!» (*Щедрин*, с. 260). И это проявление сочувствия дает надежду на возрождение грешника. Но, как справедливо замечает В. Н. Захаров, для Головлева «Светлое Воскресение не наступило — воскрешения героя не произошло» [Захаров, с. 119].

Ухтомский видит в описании внешности Порфирия Головлева подобие гоголевского героя. На полях романа он оставляет запись «Плюшкин» рядом с портретом героя: «въ засаленномъ халатѣ, изъ котораго мѣстами выбивалась уже вата; онѣ былѣ блѣдень, нечесанъ, обросъ какой-то щетиной вмѣсто бороды»⁶ [С.-Щ., с. 324]. Следуя за своим предшественником, Салтыков-Щедрин показывает изменение Иудушки: как в Плюшкине, в нем на мгновение пробуждается «какая-то искорка», когда возвращается его сын [С.-Щ., с. 291]. Он начинает сознавать свою вину перед покойной матерью: «И вдругъ ужасная правда освѣтила его совесть» [С.-Щ., с. 368]; «А вѣдь я передъ покойницей-маменькой... вѣдь я ее ...» [С.-Щ., с. 371]. Сверху Ухтомский пишет чернилами: «Ср. Исаака Сирина о муках раскаянія любви» и «Страшный Судъ». Испытывая муки совести, герой чувствует потребность покаяться: «Надо на могил-

⁶ Далее цитаты из романа, подчеркнутые Ухтомским, приводятся по изданию, которое было в его личной библиотеке, а в настоящее время хранится в Санкт-Петербургском университете: Салтыков М. Е. (Н. Щедрин). Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 1. СПб.: Издание А. Ф. Маркса, 1905. 648 с. В квадратных скобках после «С.-Щ.» указывается номер страницы.

ку к покойнице маменьке проститься сходить» [С.-Щ., с. 261]. Это происходит в канун Страстной пятницы, после чтения Евангелия о страстях Господних.

Но рядом с упоминанием «искорки» в душе Иудушки Ухтомский замечает на полях: «логически, но дѣйствующее начало, дающее точку опоры, хотя и ложную! И причина ложной религіозности не въ физиологіи, а въ психологическомъ (нравственномъ) фактѣ» [С.-Щ., с. 261]. По поводу молитвы Иудушки перед объяснением с Улитой, разрыв с которой Головлев объясняет покорностью «воле святой», исследователь просто недоумевает: «Что же онъ называль “молитвою”? Что это было за психологическое состояніе? Как это укрепило его на предательство?» [С.-Щ., с. 300–301]. Наконец, когда Салтыков замечает по поводу последних дней Иудушки, что «ни в прошломъ, ни в настоящемъ не оказывалось ни одного нравственного устоя, за который можно было бы удержаться», Ухтомский пишет рядом: «Ой, в этом-то повинен и сам автор!» [С.-Щ., с. 366].

Авторская позиция поясняется отмеченной «специализацией до односторонности духа “Ревизора” и “Мертвых душ”» М. Е. Салтыковым-Щедриным. Если Н. В. Гоголь и в сатире, и в духовной прозе был сосредоточен на поиске путей преображения России, то его последователь предпочел стезю одностороннего и безжалостного ее обличения. Создатель «Мертвых душ» уповал на богатство родной земли, жаждал отыскать соразмерный этому исконно русскому феномену художественный образ, в «Выбранных местах из переписки с друзьями» прямо завещал соотечественникам стать духовными богатырями на всяком будничном поприсе. Духовный свет щедринских персонажей ограничивается лишь искрой, как у Плюшкина, мгновенно затухающей в мире пустоты и обособленного двойничества. Этот тезис подтверждает и справедливое замечание Н. Е. Щукиной о том, что, несмотря на насыщенность произведения М. Е. Салтыкова-Щедрина евангельскими мотивами и пасхальной символикой, в нем «отсутствует образ Спасителя», который «уничтожается в романе и на бытовом (иконы), и на бытийном уровне» [Щукина, с. 35].

Особенное значение в романе имеет образ Степки-балбеса. Именно этот герой прозвал младшего брата Иудушкой. Именно он, во-

преки приписываемому скудоумию, чутко прозрел природу Порфирия, за что последний, будто бы подтверждая справедливость сравнения, в предсмертном безумии «мстил братцу» [С.-Щ., с. 217]. М. Е. Салтыков-Щедрин выразительно подчеркивает разницу в трагедиях головлевских наследников противопоставлением физического и духовного разрушения: «Подобно тому, как оба брата его умерли, одержимые запоем, так точно и он страдал тою же болезнью. Только это был запой иного рода — запой праздномыслия» [С.-Щ., с. 215].

Неудивительно, что перед старшим сыном испытывает свою вину госпожа Головлева, поскольку с него начался процесс уничтожения и вырождения рода. Судьба Иудушки будто бы проецируется на судьбу того, кто дал ему это прозвище: как Степка-балбес, он начинает сходить с ума и, подобно старшему узнику Головлева, уходит из дома в одном халате. Кольцевая композиция подчеркивает движение героев Салтыкова-Щедрина по кругу.

Р. Г. Назиров отмечает и иной — более глубинный — генетический синтез духа Иудушки, основанный на том, что в его образе «совмещены психологические доминанты всех центральных персонажей "Мертвых душ"», обрекшие его на «запоздалое раскаяние злого человека», которое «не сможет ничего изменить в жизни» [Назиров, с. 229]

А. А. Ухтомский видит причину невозможности преобразования героя в авторской позиции: «Но такъ и нѣтъ “отпущенія”, нѣтъ христіанскаго исхода для грѣха и преступленія, в сознаніи автора? Слѣпо и безвыходно кончаютъ его несчастные персонажи? И это оттого, что Христось понимается лишь как отрывокъ далекаго преданія, в большей своей части отвергнутаго и запакощеннаго собственнымъ духомъ глумленія и осужденія! А съ одними “отвлеченными чувствованіями” (=78), ужасъ жизни не побѣждается» [С.-Щ., с. 374]. Следовательно, Ухтомский считает, что Салтыков-Щедрин показывает душевные, но не духовные чувства, называет их «ложными религиозными».

Таким образом, можно утверждать, что Салтыков-Щедрин в романе «Господа Головлевы» создает новые типы, развивая черты гоголевских героев. В госпоже Головлевой соединяется умение Чичикова манипулировать другим человеком, жадность и бессмысленное накопительство Плюшкина, суеверие и формальное

соблюдение религиозных обрядов Коробочки. Ее сын, Порфирий Головлев, не только наследует эти черты от матери, но и отличается пустословием и пустомыслием Манилова и бессодержательной деятельностью Ноздрева. Салтыков-Щедрин показывает в Порфирии Головлеве загоревшуюся «искру» в душе, как в гоголевском Плюшкине, но она быстро гаснет, как отмечает автор, так как нет ни одного нравственного устоя, на который можно опереться герою. По мнению Ухтомского, в этом виноват сам писатель, который идею обличения пороков русской жизни и русского человека ставит выше христианского предания. В романе Салтыкова-Щедрина Степика-балбес сравнивается с блудным сыном, которому вопреки евангельской традиции не уготовано спасение. Его историю повторяет один из сыновей Порфирия и сам Иудушка Головлев. Это повторение судьбы блудного сына, не нашедшего приюта в родительском доме, пробуждает чувство вины у Арины Петровны Головлевой перед смертью и толкает ее на проклятие Порфирия. Иудушка, в свою очередь, в канун Страстной пятницы, жаждет обрести прощение, испытывая вину перед матерью, которую раньше времени свел в могилу. Ухтомский, комментируя сюжетные повороты романа на полях своей книги, считает, что религиозные чувства автор подменяет душевными движениями героев. Гоголь призывал Россию к пробуждению, предрекал ей спасительное богатейство и верил в светлую перспективу соборности братьев во Христе. Салтыков-Щедрин показал преобразование личности в виде кратковременной вспышки, сомневаясь, что в русском поле остался жив человек.

Ссылки

1. Белова Т. В. Принципы изображения человека в русской литературе середины XIX века (М. Е. Салтыков-Щедрин и Ф. М. Достоевский). Тверь: Издатель Кондратьев А. Н., 2013. 142 с.
2. Бранко В. Образ демона в произведениях Н. В. Гоголя и М. А. Булгакова // Шестнадцатые Гоголевские чтения. М., 2016. С. 281–286.
3. Бушмин А. С. Художественный мир Салтыкова-Щедрина. Избранные труды / под ред. Д. С. Лихачева, В. Н. Баскакова. Л.: Наука, 1987. 465 с.
4. Виноградов И. А. Гоголь — художник и мыслитель: христианские основы мирозерцания. М.: ИМЛИ РАН «Наследие», 2000. 448 с.

5. Воропаев В. А. Николай Гоголь: опыт духовной биографии. М.: Православный паломник, 2008. 319 с.
6. Гоголь и Православие / сост. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева; вст. ст. и примеч. И. А. Виноградова. М.: Отчий дом, 2004. 528 с.
7. Есаулов И. А. Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 1995. 288 с.
8. Захаров В. Н. Проблемы исторической поэтики. Этнологические аспекты. М.: Издательство «Индрик», 2012. 264 с.
9. Золотусский И. П. «Я человек, ваше сиятельство». Комментарий к «Похождениям Чичикова». Угостительный помещик // Литература в школе. 2014. № 6. С. 9–12.
10. Келейникова Н. М. Сатира М. Е. Салтыкова-Щедрина в западноевропейской литературе и критике: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 1992. 51 с.
11. Коржова Е. Ю. Духовная лестница Н. В. Гоголя: личность и творчество. СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2009. 615 с.
12. Кривonos В. Ш. «Мертвые души» Гоголя: пространство смысла. М.: Флинта; Наука, 2018. 320 с.
13. Лю Хунбо. Н. В. Гоголь и его творчество сквозь призму теории Инь-Янь // Двадцатые Гоголевские чтения. М., 2020. С. 71–78.
14. Милентиевич Л. «Мертвые души» в «Петербургских повестях» Гоголя // Шестнадцатые Гоголевские чтения. Новосибирск, 2016. С. 273–280.
15. Мейер Г. Трудный путь (Место Гоголя в метафизике российской литературы) // Трудный путь. Зарубежная Россия и Гоголь: Из наследия рус. эмиграции / сост., авт. вступ. ст. М. Д. Филин. М.: Русский Мир, 2002. С. 262–277.
16. Мних Р. Философ Дмитрий Чижевский (полемические заметки) // Ежегодник Дома русского зарубежья им. А. Солженицына 2014–2015. М.: Дом русского зарубежья им. А. И. Солженицына, 2015. С. 396–414.
17. Назаренко М. М. Мифопоэтика М. Е. Салтыкова-Щедрина («История одного города», «Господа Головлевы», «Сказки»): дис. ... канд. филол. наук. Киев, 2002. 201 с.
18. Назиров Р. Г. Традиции Гоголя и Пушкина в русской прозе XIX века. Сравнительная история фабул // Назировский архив. 2020. № 4 (30). С. 34–261.
19. Павлова И. Б. Тема семьи и рода у Салтыкова-Щедрина в литературном контексте эпохи. М.: ИМЛИ РАН: Наследие, 1999. 152 с.
20. Репонь А. Гоголь и Салтыков-Щедрин о Западе и России (европейские впечатления) // Семнадцатые Гоголевские чтения. М., 2017. С. 196–198.

21. Строганова Е. Н. Роман М. Е. Салтыкова-Щедрина «Современная идиллия»: Диалог с современниками и предшественниками. М.: Флинта; Наука, 2017. 200 с.
22. Сун Инънань. Конфуций и Гоголь: диалог о гуманитарных идеях через столетия // Десятнадцатые Гоголевские чтения. М., 2019. С. 79–82.
23. Ухтомский А. А. Доминанта. СПб.: Питер, 2020. 512 с.
24. Ухтомский А. А. Интуиция совести. СПб.: Петербургский писатель, 1996. 525 с.
25. Чернец Л. В. О типах персонажей в русской литературе XIX в. М.: МАКС Пресс, 2018. 212 с.
26. Чижевский Д. И. К проблеме двойника у Достоевского. Попытка философской интерпретации // Ежегодник Дома русского зарубежья им. А. Солженицына 2014–2015. М.: Дом русского зарубежья им. А. И. Солженицына, 2015. С. 424–460.
27. Чижевский Д. И. Неизвестный Гоголь // Трудный путь. Зарубежная Россия и Гоголь. М., 2002. С. 734–765.
28. Щеников Г. К. Русский человек глазами первых писателей-реалистов // Филологический класс. 2005. № 13. С. 8–15.
29. Щукина Н. Е. Символика пасхального цикла в романе М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы» // Art Logos. 2019. № 4 (9). С. 35–44.
30. Ehre M. A. Classic of Russian Realism: Form and Meaning in “The Golovlyovs” // Saltykov-Shchedrin’s “The Golovlyovs”: A Critical Companion / Ed. by I. P. Foote. Evanston (IL): Northwestern University Press: The American Association of Teachers of Slavic and East European Languages, 1997. (Ser. “Northwestern / Aatseel Critical Companions to Russian Literature”). Pp. 101–118.
31. Giuliani R. La “meravigliosa” Roma di Gogol. La città, gli artisti, la vita culturale nella prima metà dell’Ottocento Roma, 2002. 276 [7] p.
32. Hakansson N. Fönstret mot öster. Rysk skönlitteratur i svensk översättning 1797–2010 meden fallstudie av Nikolaj Gogols svenska mottagande. Ruin, 2012. 347 p.
33. Kaminer Jenny, A Mother’s land: Arina Petrovna Golovlyova and the economic restructuring of the Golovlyov family // Slavic and East European Journal, 2009, vol. 53, No. 4, pp. 543–565.
34. Kupterchmidt H.-G. Saltykow-Stschedrin. Philosophisches Wollen and schriftstellerische Tat, VeB Max Niemeyer Verlag. Halle (Saale), 1958. 121 p.
35. Ripellino A. M. Gogoliana // L’Arte della fuga. A cura di R. Giuliani, Napoli, Cuida, 1988. 412 p.

3.7. Методические разработки занятий для средней школы по творчеству

**А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова,
М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ф. М. Достоевского
и Л. Н. Толстого**

В. В. Любарец

3.7.1. Роман А. С. Пушкина «Капитанская дочка»: Петр Гринев и Емельян Пугачев, 8 класс

Цели урока: раскрыть характер главного героя романа, рассмотреть его взаимоотношения с Пугачёвым, ввести понятие нравственного выбора применительно к роману, познакомить учащихся с учением А. А. Ухтомского.

Планируемые образовательные результаты:

Предметные: формирование потребности в систематическом чтении как средстве познания мира и себя в этом мире; формирование умений воспринимать, анализировать, критически оценивать и интерпретировать прочитанное, осознавать художественную картину жизни, отраженную в литературном произведении; формирование умения учащихся анализировать художественный текст через выяснение мотивов и причин поступков героев;

Метапредметные: самостоятельно формулировать обобщения и выводы по результатам проведённого наблюдения, анализа; воспринимать и формулировать суждения, выражать эмоции в соответствии с условиями и целями общения; выражать себя (свою точку зрения) в устных текстах; ставить себя на место другого человека, понимать мотивы и намерения другого, анализируя примеры из художественной литературы; осознанно относиться к другому человеку, его мнению, размышляя над взаимоотношениями литературных героев;

Методы и формы обучения: групповая работа, самостоятельная работа, анализ выбранных эпизодов, беседа;

Оборудование: интерактивная доска, презентация, карточки;

Учебник: Литература: 8 класс: учебник: в 2 ч. / В. Я. Коровина, В. П. Журавлев, В. И. Коровин. 12-е изд., перераб. М.: Просвещение, 2023. Ч. 1. 415 с.

Тип урока: объяснение нового материала.

Этапы	Деятельность учеников и учителя		Время
<p>I. Организационный этап. Актуализация темы урока.</p>	<p>— Здравствуйте, ребята! Чтобы перейти к теме сегодняшнего урока, нам необходимо вспомнить эпиграф к первой главе произведения. Как он звучит? (Береги честь смолоду). Как вы понимаете слово «честь?» (<i>Ответы учеников</i>). Обратимся к «Большому толковому словарю» под редакцией С. А. Кузнецова.</p> <p>1. Совокупность высших морально-этических принципов личности (честность, порядочность, добросовестность и т. п.); сохранение собственного достоинства и уважения личного достоинства другого. Человек чести. Родиться без чести, без совести (о человеке крайне не порядочном). Понятие чести. Долг чести (такой, от выполнения которого зависит сохранение личного достоинства).</p> <p>2. Хорошая, незапятнанная репутация, доброе, честное имя.</p> <p>3. Почёт, уважение. Большая ч. Невелика ч. Воздать, оказать ч. кому-л. (оказать уважение). Жить в чести, в почёте (пользоваться уважением).</p> <p>4. О том, кем или чем гордятся. Писатели — ч. и слава нашей родины.* Кобылица молодая, честь кавказского тавра (Пушкин).</p> <p>— В каком значении это слово употребляется в произведении? Кому из героев даётся наставление «береги платье снову, а честь смолоду»? (<i>Петр Гринёв</i>). Верно! Сегодня мы с вами поговорим о жизненном пути Петра Гринёва и его непростой «дороге чести».</p>		<p>5 минут</p>
<p>II. Работа с текстом повести</p>	<p>— Условно становление личности главного героя можно разделить на несколько этапов: жизнь в родительском доме, дорога до места службы, жизнь в Белогорской крепости и взаимодействие с Пугачёвым. Каждый этап содержит ключевые события, которые так или иначе влияют на мировоззрение Петра. Разделимся на 4 группы для поиска основной информации в тексте. Как только вы её найдёте, мы попробуем проанализировать динамику развития личности главного героя. После чтения подумайте о том, какая информация для вас оказалась уже знакомой, какая новой, а какая непонятной. (<i>Раздаются карточки с ключевыми сюжетными вопросами</i>). На работу 7 минут, вы можете выделять фрагменты текста карандашом в учебнике.</p>		<p>25 минут</p>
	<p>КАРТОЧКА 1</p>	<p>Вопросы для обсуждения в классе</p>	
	<p>— Семья Петра Гринёва: кратко опишите биографию отца и матери, их мировоззрение. Выпишите заветы отца.</p>	<p>— Какую роль сыграли заветы отца в жизни главного героя? — Как вы можете оценить воспитание Петра? Его образование?</p>	

Этапы	Деятельность учеников и учителя		Время
	<p>— Воспитание главного героя: дворовые мальчишки, Савлыч, Бопре, мать, отец.</p> <p>— Детали текста, указывающие на уровень образования Петра.</p>	<p><i>Краткий вывод:</i> Петр воспитывался в рус- ле дворянских традиций, не имел высокого образо- вания. Наставлениями отца герой руководствовался в течение всей жизни — он дал ему представления о чести мундира, дворян- ской чести. «Под его надзором на две- надцатом году выучился я русской грамоте и мог очень здраво судить о свой- ствах борзого кобеля». «Я жил недорослем, гоняя голубей и играя в чехарду с дворовыми мальчишками. Между тем минуло мне шестнадцать лет. Тут судь- ба моя переменялась».</p>	
	<p>КАРТОЧКА 2</p>		
	<p>— Встреча с Зуриным. Ссора с Савельичем.</p> <p>— Эпизод с вожатым. Чем благодарит его Петр, реакция Савельича.</p> <p>— Впечатления от Белогорской крепости.</p> <p>— Дуэль. Поведение Петра.</p>	<p>— Какие черты характера Петра раскрываются в эпизоде с Зуриным и Савельичем?</p> <p>— Какой вывод мы можем сделать на основе впечатлений героя от Белогорской крепости? (<i>разочарование</i>)</p> <p>— Какие черты характера Петра раскрываются в эпизоде с дуэлью?</p> <p><i>Краткие выводы:</i> Петр проявил легкомыслие, однако признал свою ошибку. Он совестливый и добрый человек, который не поскупился вознаградить вожака — за добро платят добром. Во сне мы можем видеть грядущие события в метафорической форме. Белогорская крепость поначалу разочаровала героя, однако там он познаёт истинные понятия о любви, чести, дружбе. Происходит духовное взросление Гринёва. Твердость намерения жениться.</p>	

Этапы	Деятельность учеников и учителя		Время
	КАРТОЧКА 3	Вопросы для обсуждения в классе	
	<p>— Чувства Петра перед сражением (гл. 9). Как он ведет себя во время вторжения бунтовщиков?</p> <p>— Какой выбор стоял перед главным героем? О чем он размышлял и к какому выводу пришёл?</p>	<p>— Что вы можете сказать о поведении Петра во время сражения и перед ним? Какие душевные качества он проявил?</p> <p>— Какими принципами руководствовался Петр в своем выборе? Согласны ли вы с решением героя? Аргументируйте свой ответ.</p> <p><i>Краткие выводы:</i> Герой проявляет твердость духа, храбрость, стойкость, не изменяет своим принципам, несмотря на обстоятельства, остаётся верен своей любви. В критической ситуации Петр ведет себя рассудительно, пытается искать выход, не впадает в отчаянье.</p>	
	КАРТОЧКА 4	Вопросы для обсуждения в классе	
	<p>— Встреча с Пугачёвым (гл. 11). Бурлацкая песня и реакция Петра.</p> <p>— Какие чувства испытывал Петр при прощании с Пугачёвым?</p>	<p>— Какие, на ваш взгляд, выстраиваются отношения между двумя героями?</p> <p>— Какие черты характера Петра раскрываются в этих двух эпизодах?</p> <p><i>Краткий вывод:</i> Пётр честен и прямолинеен, несмотря на то, что его жизнь стоит под угрозой. Он остается верен своему долгу и своей любви до конца жизни. «Жизнию моей рад бы я заплатить тебе за то, что ты сделал. Только не требуй того, что противно чести моей и христианской совести».</p>	
	<p>— (Учитель спрашивает у нескольких человек, какая информация оказалась новой, какая была знакома, какая — неизвестна). Таким образом, мы проследили постепенное становление личности Петра Гринёва, увидели его взросление и превращение из неопытного юноши в настоящего мужчину, готового следовать зову долга и сердца даже перед лицом смерти.</p>		

Этапы	Деятельность учеников и учителя	Время
	<p>Некоторые исследователи (Макогоненко, Петрунина) отмечают, что Пугачев для Петра стал «вожатым по жизни». Согласны ли вы с этим утверждением? (<i>Ответы учеников</i>). Чтобы найти ответ на этот вопрос, обратимся к калмыцкой сказке, которую Пугачев рассказывает главному герою (<i>Глава II</i>).</p> <p>«— Слушай, — сказал Пугачев с каким-то диким вдохновением. — Расскажу тебе сказку, которую в ребячестве мне рассказывала старая калмычка. Однажды орел спрашивал у ворона: скажи, ворон-птица, отчего живешь ты на белом свете триста лет, а я всего-навсего только тридцать три года? — Оттого, батюшка, отвечал ему ворон, что ты пьешь живую кровь, а я питаюсь мертвечиной. Орел подумал: давай попробуем и мы питаться тем же. Хорошо. Полетели орел да ворон. Вот завидели палую лошадь; спустились и сели. Ворон стал клевать да похваливать. Орел клюнул раз, клюнул другой, махнул крылом и сказал ворону: нет, брат ворон; чем триста лет питаться падалью, лучше раз напиться живой кровью, а там что бог даст! — Какова калмыцкая сказка?</p> <p>— Затейлива, — отвечал я ему. — Но жить убийством и разбоем значит по мне клевать мертвечину. Пугачев посмотрел на меня с удивлением и ничего не отвечал. Оба мы замолчали, погружаясь каждый в свои размышления».</p> <p>— Как вы понимаете смысл сказки и слова Гринёва «но жить убийством и разбоем значит по мне клевать мертвечину»? (<i>Ответы учеников</i>). На основе этого, мы можем сделать вывод: у героев разные взгляды на свободу и смысл жизни. Если Пугачев отстаивает свободу как своеволие и утверждает «поэзию бунта», то Петр Гринев прямо ему говорит: «Я природный дворянин; я присягал государыне императрице: тебе служить не могу». В ответ на калмыцкую сказку, рассказанную Пугачевым, в которой жажда власти и воли заслоняет все остальное («там что Бог даст!»), Гринев возражает: «Но жить убийством и разбоем значит по мне клевать мертвечину».</p> <p>Еще один аргумент в пользу того, что Пугачев не может быть «вожатым по жизни» для Гринёва мы можем найти в следующем фрагменте текста.</p> <p>«— Нет, — отвечал он, — поздно мне каяться. Для меня не будет помилования. Буду продолжать как начал. Как знать? Авось и удастся! Гришка Отрепьев ведь поцарствовал же над Москвою»</p>	

Этапы	Деятельность учеников и учителя	Время
	<p>— Гришка Отрепьев, он же Лжедмитрий I, был беглым монахом. Пушкин обращается к этому образу в трагедии «Борис Годунов». Для Пугачева Отрепьев является идеалом, его не волнует участь самозванца («А знаешь ты, чем он кончил? Его выбросили из окна, резали, сожгли, зарядили его пеплом пушку и выпалили!»).</p> <p>Если Гринёв придерживается принципов чести при любых обстоятельствах и остается верен императрице до конца, то Пугачев заведомо вступает на ложный путь, решаясь жить под чужой личиной.</p> <p>— Для того, чтобы лучше понять взаимоотношения героев, вспомним сон Петра (<i>Глава II</i>). Как вы думаете, можно ли назвать сон символическим? Почему? (<i>Предвещает грядущие события.</i>) Как главный герой относится во сне к Пугачёву? (<i>Он отказывается «целовать ручку» и принимать благословение, пытается убежать, им овладевает ужас; наиболее точно отношения героев выражают следующие слова: «Страшный мужик меня ласково кликал.»</i>) Таким образом, мы можем говорить о неоднозначности отношений, выстраивающихся между героями: Пугачёв уважает Петрушу за честность, прямолинейность, доброту, верность данной присяге. Петруша же, в свою очередь, относится к Пугачеву с опасением: Гринёв был свидетелем того ужаса, который происходил в крепости во время вторжения бунтовщиков, поэтому он понимает, что самозванцу ничего не будет стоить убить его.</p> <p>— В главе 11 Петр оказывается в ситуации нравственного выбора. Ребята, как вы можете истолковать это понятие? (<i>Нравственный выбор — осознанно принятое человеком решение; выбор между добром и злом, правдой и ложью, бескорыстием и выгодой.</i>)</p>	
<p>III. Учение А. А. Ухтомского</p>	<p>— Спасибо за активность! Сейчас мы попробуем посмотреть на роман под несколько иным углом, через аксиологическое учение А. А. Ухтомского. Аксиология — это наука о ценностях.</p> <p>Алексей Алексеевич Ухтомский (1875–1942) — советский физиолог, создатель учения о доминанте, академик АН СССР. Родился в Ярославской губернии, в семье бывшего военного. Он является нашим земляком. Обожал свою тётю, Анну Николаевну Ухтомскую, которая его воспитывала, считал её праведницей.</p> <p>В 13 лет Алексей поступил в Нижегородский кадетский корпус. Там же открыл для себя математику, которую полюбил на всю жизнь, увлекся философией, психологией, этикой и литературой. Позднее, во время учёбы на словесном отделении Московской духовной академии, в круг его интересов вошла физиология.</p>	

Этапы	Деятельность учеников и учителя	Время
	<p>Окончив академию, он отказался от церковной карьеры, планируя дальше изучать физиологию. Ухтомский понял, что его призвание — это келья с наукой, и поступил в Петербургский университет на естественное отделение математического факультета. Учёный считал, что человек целостен, поэтому, занимаясь его биологией и физиологией, можно исследовать и душевные и духовные процессы, которые в нём происходят. Главным его научным открытием стал принцип доминанты. Давайте попробуем разобраться в нём и применить в анализе поведения героев романа в различных ситуациях.</p> <p>Поступки и мысли человека определяет направление его доминанты. Это своеобразная призма, очки если хотите, сквозь которую он видит мир. Если для человека главное — это он сам, его интересы, он окажется в одиночестве, так как будет видеть вокруг лишь отражение себя самого, что в итоге приведет к разрушению. Если же человек сможет забыть о себе и увидеть ценность в другом человеке, он найдет собеседника, который поможет ему лучше понять самого себя и других. Давайте же попробуем применить новые знания на практике.</p> <p>— Как раскрывается доминанта личности Петра Гринёва в ситуации испытания? Можно ли назвать его выбор нравственным? Что можно сказать о доминанте личности Пугачёва? (Раздаются карточки с отрывком и вопросами.)</p> <p>«Очередь была за мною. Я глядел смело на Пугачева, готовясь повторить ответ великодушных моих товарищей. Тогда, к неопisanному моему изумлению, увидел я среди мятежных старшин Швабрина, обстриженного в кружок и в казацком кафтане. Он подошел к Пугачеву и сказал ему на ухо несколько слов. “Вешать его!” — сказал Пугачев, не взглянув уже на меня. Мне накинули на шею петлю. Я стал читать про себя молитву, принося богу искреннее раскаяние во всех моих прегрешениях и моля его о спасении всех близких моему сердцу. Меня притащили под виселицу. “Не бось, не бось”, — повторяли мне губители, может быть и вправду желая меня ободрить. Вдруг услышал я крик: “Постойте, okayнные! погодите!..” Палачи остановились. Гляжу: Савельич лежит в ногах у Пугачева. “Отец родной! — говорил бедный дядька. — Что тебе в смерти барского дитяти? Отпусти его; за него тебе выкуп дадут; а для примера и страха ради вели повесить хоть меня старика!”. Пугачев дал знак, и меня тотчас развязали и оставили».</p>	10 минут

Этапы	Деятельность учеников и учителя	Время
	<p>«Пугачев взглянул на меня быстро. “Так ты не веришь, — сказал он, — чтоб я был государь Петр Федорович? Ну, добро. А разве нет удачи удалому? Разве в старину Гришка Отрепьев не царствовал? Думай про меня что хочешь, а от меня не отставай. Какое тебе дело до иного-прочего? Кто ни поп, тот батька. Послужи мне верой и правдою, и я тебя пожалую и в фельдмаршалы и в князья. Как ты думаешь?” — Нет, — отвечал я с твердостью. — Я природный дворянин; я присягал государыне императрице: тебе служить не могу. Коли ты в самом деле желаешь мне добра, так отпусти меня в Оренбург. Пугачев задумался. “А коли отпущу, — сказал он, — так обещаешься ли по крайней мере против меня не служить?” — Как могу тебе в этом обещаться? — отвечал я. — Сам знаешь, не моя воля: велят идти против тебя — пойду, делать нечего. Ты теперь сам начальник; сам требуешь повиновения от своих. На что это будет похоже, если я от службы откажусь, когда служба моя понадобится? Голова моя в твоей власти: отпустишь меня — спасибо; казнишь — бог тебе судья; а я сказал тебе правду».</p> <p><i>(В Пугачеве существуют две доминанты, которые поочередно сменяют друг друга. Показательна встреча Гринёва с Пугачевым, когда он окружен своими советниками — Белобородовым и Хлопушей.</i></p> <p><i>Хлопуша в ответ на призыв Белобородова казнить Гринёва возражает ему: «Конечно и я грешен, и эта рука повинна в пролитой христианской крови. Но я губил противника, а не гостя...»)</i></p> <p>— Ребята, как вы думаете, сталкиваются ли доминанты в Гринёве? Аргументируйте свой ответ. <i>(Ответы учеников)</i>. Да, в Петре тоже сосуществуют две доминанты. Мы можем увидеть их в эпизоде с Зуриным, в котором герой проигрывает 100 рублей, и в эпизоде, в котором Петр готов жениться на Марье Ивановне. Первые испытания свободой Гринёв не проходит, однако по мере духовного взросления, меняется и доминанта героя.</p> <p><i>Дополнительно можно использовать метод «Шесть шляп».</i> Задание — высказать разное отношение к Пугачёву.</p> <ul style="list-style-type: none"> • Белая шляпа (Какие факты о жизни Пугачева вы можете найти в тексте?) • Желтая шляпа (Какие положительные черты в образе Пугачёва вы можете обнаружить?) • Черная шляпа (Какие негативные черты в образе Пугачёва вы можете обнаружить?) • Красная шляпа (Какие эмоции у вас вызывает Пугачёв?) 	

Этапы	Деятельность учеников и учителя	Время
	<ul style="list-style-type: none"> Зеленая шляпа (Какой бы могла быть жизнь Пугачёва, если бы его не казнили?) Синяя шляпа (Подведите итог: является ли образ Пугачева положительным или отрицательным?) 	
IV. Рефлексия	<ul style="list-style-type: none"> — Какое мнение у вас сложилось о главном герое романа? — Какие эпизоды романа вам запомнились больше всего? — Достигли ли мы цели урока? 	3 минуты
V. Домашнее задание	Учебник, с. 191. Задание номер 7. Подготовьте тезисный план для ответа на вопрос.	1 минута

Ссылки

1. Фёдорова Е. А. Телеологический сюжет в романах «Капитанская дочка» и «Война и мир» // Проблемы исторической поэтики. 2023. № 4. С. 102–129.
2. Каргополов И. С. План-конспект урока по литературе в 8-м классе на материале повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» // Молодой ученый. 2019. № 46 (284). С. 275–277.
3. Мельникова Е. А. Урок литературы в 8-м классе: А. С. Пушкин «Капитанская дочка». Истоки формирования личности Гринёва. [Электронный ресурс]. URL: <https://urok.1sept.ru/articles/674496> (дата обращения: 21.04.2024).
4. Масыкина С. Г. А. С. Пушкин «Капитанская дочка»: образ главного героя. Петр Гринёв — жизненный путь героя, формирование характера. [Электронный ресурс]. URL: <https://infourok.ru/konspekt-uroka-na-temu-aspushkin-kapitanskaya-dochka-obraz-glavnogo-geroia-petr-grinev-zhiznenniy-put-geroia-formirovanie-harakt-3287347.html> (дата обращения: 21.04.2024).
5. Тихонова Д. В. Конспект урока по литературе для 8 класса. «Формирование характера Петра Гринёва и понятие человека чести». [Электронный ресурс]. URL: <https://multiurok.ru/files/konspekt-uroka-po-literature-dlia-8-klassa-formiro.html> (дата обращения: 21.04.2024).
6. Чебунина Н. В. Цикл уроков по произведению А. С. Пушкина «Капитанская дочка». [Электронный ресурс]. URL: <https://nsportal.ru/shkola/literatura/library/2021/02/21/tsikl-urokov-po-proizvedeniyu-a-s-pushkina-kapitanskaya-dochka> (дата обращения: 21.04.2024).
7. Беляева Н. В. Уроки литературы в 8 классе. Поурочные разработки: учеб. пособие для общеобразоват. организаций. 2-е изд. М.: Просвещение, 2017. 256 с.
8. Черняев Н. И. «Капитанская дочка» Пушкина. Историко-критический этюд. [Электронный ресурс]. URL: <http://pushkin-lit.ru/pushkin/articles/chernyaev-kapitanskaya-dochka/glava-vosmaya.htm> (дата обращения: 21.04.2024).

3.7.2. Повесть Н. В. Гоголя «Шинель»: анализ образа главного героя, 8 класс

Цели урока: познакомить учащихся с историей создания повести, раскрыть её проблематику; проанализировать образ главного героя; ввести понятие нравственного выбора применительно к роману, познакомить учащихся с теорией А. А. Ухтомского.

Планируемые образовательные результаты:

Предметные: изучение и закрепление литературоведческих терминов; развитие навыков работы с текстом, анализа художественного произведения, выразительного чтения; формирование эстетических идеалов учащихся;

Метапредметные: самостоятельно формулировать обобщения и выводы по результатам проведённого наблюдения, анализа; воспринимать и формулировать суждения, выражать эмоции в соответствии с условиями и целями общения; выражать себя (свою точку зрения) в устных текстах; ставить себя на место другого человека, понимать мотивы и намерения другого, анализируя примеры из художественной литературы; осознанно относиться к другому человеку, его мнению, размышляя над взаимоотношениями литературных героев;

Методы и формы обучения: лекция, анализ выбранных эпизодов, беседа;

Оборудование: интерактивная доска;

Учебник: Литература: 8 класс: учебник: в 2 ч. / В. Я. Коровина, В. П. Журавлев, В. И. Коровин. 12-е изд., перераб. М.: Просвещение, 2023. Ч. 1. 415 с.

Тип урока: объяснение нового материала.

Этапы	Деятельность учеников и учителя	Время
I. Организационный момент. Актуализация темы урока	— Здравствуйте, ребята! На уроке мы познакомимся с повестью Н. В. Гоголя «Шинель», которую вы ранее прочитали, и попробуем проанализировать её с помощью теории доминанты А. А. Ухтомского. Чем вам запомнилось произведение? Что больше всего впечатлило? <i>(Ответы учеников.)</i> Отлично!	2 минуты
II. Учение А. А. Ухтомского	— Сейчас мы познакомимся с аксиологическим учением А. А. Ухтомского, а затем попробуем посмотреть на повесть под несколько иным углом. Аксиология — это наука о ценностях. Алексей Алексеевич Ухтомский (1875–1942) — советский физиолог, создатель учения о доминанте, академик АН СССР.	

Этапы	Деятельность учеников и учителя	Время
	<p>Родился в Ярославской губернии, в семье бывшего военного. Он является нашим земляком. Обожал свою тётю, Анну Николаевну Ухтомскую, которая его воспитывала, считал её праведницей.</p> <p>В 13 лет Алексей поступил в Нижегородский кадетский корпус. Там же открыл для себя математику, которую полюбил на всю жизнь, увлекся философией, психологией, этикой и литературой. Позднее, во время учёбы на словесном отделении Московской духовной академии, в круг его интересов вошла физиология. Окончив академию, он отказался от церковной карьеры, планируя дальше изучать физиологию. Ухтомский понял, что его призвание — это келья с наукой, и поступил в Петербургский университет на естественное отделение математического факультета. Учёный считал, что человек целостен, поэтому, занимаясь его биологией и физиологией, можно исследовать и душевные и духовные процессы, которые в нём происходят.</p> <p>Главным его научным открытием стал принцип доминанты. Давайте попробуем разобраться в нём и применить в анализе поведения героев романа в различных ситуациях. Поступки и мысли человека определяет направление его доминанты. Это своеобразная призма, очки если хотите, сквозь которые он видит мир. Если для человека главное — это он сам, его интересы, он окажется в одиночестве, так как будет видеть вокруг лишь отражение себя самого, что в итоге приведет к разрушению.</p> <p>Если же человек сможет забыть о себе и увидеть ценность в другом человеке, он найдет собеседника, который поможет ему лучше понять самого себя и других.</p> <p>— Есть ли вопросы? Запомните эти два направления доминанты — они нам понадобятся при анализе текста. Теперь узнаем, как создавалось одно из знаковых произведений русской литературы.</p>	10 минут
III. Работа с текстом	<p>— Как вы думаете, что могло лежать в основе истории об Акакии Акакиевиче? (<i>Ответы учеников.</i>) На самом деле, в основе творческой истории произведения лежит «канцелярский» анекдот. Так, Павел Васильевич Анненков пишет:</p> <p>«Однажды при Гоголе рассказан был канцелярский анекдот о каком-то бедном чиновнике, страстном охотнике за птицей, который необычайной экономией и неумолимыми, усиленными трудами сверх должности накопил сумму, достаточную на покупку хорошего лепажевского ружья рублей в 200.</p> <p>В первый раз, как на маленькой своей лодочке пустился он по Финскому заливу за добычей, положив драгоценное ружье перед собою на нос, он находился, по его</p>	30 минут

Этапы	Деятельность учеников и учителя	Время
	<p>собственному уверению, в каком-то самозабвении и пришел в себя только тогда, как, взглянув на нос, не увидел своей обновки. Ружье было стянуто в воду густым тростником, через который он где-то проезжал, и все усилия отыскать его были тщетны. Чиновник возвратился домой, лег в постель и уже не вставал: он схватил горячку. Только общей подпиской его товарищей, узнавших о происшествии и купивших ему новое ружье, возвращен он был к жизни... Все смеялись анекдоту, имевшему в основании истинное происшествие, исключая Гоголя, который выслушал его задумчиво и опустил голову. Анекдот был первой мыслию чудной повести его «Шинель».</p> <p>По словам Юрия Манна, талант Гоголя развивался стремительно. После написания сборников «Арабески» и «Миргород» (оба вышли в 1835), взгляд писателя на жизнь стал серьезнее и печальнее. Гоголь начал искать такие «сюжеты», которые помогли бы раскрыть царящие в обществе пороки и «несправедливости». Таким образом, «канцелярский анекдот», услышанный Гоголем в середине 1830-х, упал на подготовленную почву. В сознании писателя началась подспудная, многолетняя работа... В 1841 г. повесть «Шинель» была в основном написана. Вы видите теперь, прочитав повесть, насколько отошел Гоголь, если можно так выразиться, от первоисточника. Зерно анекдота, конечно, сохранилось: некое чрезвычайное событие в жизни бедного чиновника, потеря им очень важной и дорогой для него вещи. Но конкретное протекание события и его исход, облик главного персонажа — все это под пером Гоголя претерпело решительные изменения. — Итак, «канцелярский» анекдот послужил отправной точкой в размышлениях о судьбе и жизни бедного чиновника. На ваш взгляд, какой тип литературного героя представлен в повести? (<i>Маленький человек.</i>) В каком произведении А. С. Пушкина мы с ним встречались? (<i>Станционный смотритель.</i>) Что общего между этими двумя героями? (<i>примитивность существования, низкое социальное положение, смиренность и т. д.</i>) Молодцы! Прочитайте термин. Какие черты маленького человека в нем отражены? (<i>Ответы учеников.</i>) «Маленький человек» — это «ряд разнообразных персонажей в русской литературе XIX в., объединённых общими признаками: низкое положение в социальной иерархии, бедность, незащищённость, что обуславливает особенности их психологии и сюжетную роль — жертвы социальной несправедливости и бездушного государственного механизма. Им свойственны страх перед жизнью, приниженность, кротость, которая, однако, может соединяться с ощущением несправедливости существующего»</p>	

Этапы	Деятельность учеников и учителя	Время
	<p>порядка вещей, с уязвлённой гордостью и даже кратковременным бунтарским порывом, как правило не приводящим к изменению сложившейся ситуации».</p> <p>— Хорошо, спасибо за активность! Теперь обратимся непосредственно к тексту повести и попробуем проанализировать характер и поведение главного героя до приобретения шинели и после. (<i>Беседа по вопросам, частично-поисковый метод.</i>)</p> <p>— Как главный герой получил имя? Что нам говорит его фамилия? Можем ли мы сказать, что его судьба была изначально predetermined? Найдите в тексте описание внешности героя.</p> <p>— Какой чин имел главный герой? Как относились к Акакию Акакиевичу в департаменте? Что мы можем сказать о сравнении героя с мухой? Как называется этот литературный приём? (<i>Литота.</i>) Как вы думаете, любил ли герой свою работу? (<i>Аргументируйте свой ответ цитатами из текста.</i>) Почему он не смог «переменить заглавный титул да переменить кое-где глаголы из первого лица в третье»? Отлично!</p> <p>— Откройте учебник на с. 324. Прочитайте отрывок со слов «Но ни одного слова не отвечал на это...» до слов «...даже в том человеке, которого свет признает благородным и честным». Почему отношение молодого человека к Акакию Акакиевичу изменилось? Можем ли мы говорить о том, что молодой человек оказался в ситуации нравственного выбора? (<i>Доминанта молодого человека изменила направление «на другого»: он проникся сочувствием к бедному одинокому чиновнику, которому постоянно приходится терпеть насмешки окружающих.</i>)</p> <p>— Что мы можем сказать про образ жизни Акакия Акакиевича, его распорядок дня?</p> <p>— Прочитайте <i>по ролям</i> отрывок из повести, в котором герой приходит первый раз к портному с просьбой зашить капот. Какой вывод мы можем сделать о манере его речи? (<i>Косноязычие.</i>)</p> <p>— Подведем промежуточный итог. Акакий Акакиевич ничем не примечательный бедный чиновник девятого класса, жизнь которого сосредоточена исключительно на работе в департаменте. Коллеги не питают к нему уважения, в связи с чем Башмачкин постоянно подвергается насмешкам и издёвкам. Духовный мир героя скуден, в нём существует только интерес к переписыванию. Его распорядок дня всегда одинаков, а любое незначительное изменение в повседневных занятиях заставляет героя испытывать тревогу.</p>	

Этапы	Деятельность учеников и учителя	Время
	<p>— Теперь давайте подумаем, как меняется жизнь Акакия Акакиевича после покупки шинели. (<i>Отношение коллег, самооощущение, желание сделать что-то непривычное. Приведите примеры из текста.</i>) Какое значение имела шинель для героя? (<i>Жена, смысл жизни.</i>) Обратите внимание на такой фрагмент: «Он вынул шинель из носового платка, в котором ее принес». Как называется использованный литературный приём? (<i>Алогизм.</i>) Таким образом, жизнь Акакия Акакиевича с покупкой шинели преобразуется, у него появляется ощущение собственной значимости, больше уверенности в себе.</p> <p>— Перескажите эпизод с кражей. Какие чувства испытывает главный герой после утраты шинели?</p> <p>— Прочитайте эпизод, в котором главный герой посещает частного. Что меняется в поведении Башмачкина? (<i>«Так что наконец Акакий Акакиевич раз в жизни захотел показать характер.»</i>)</p> <p>— Хорошо! Что вы можете сказать о характере «значительного лица»? Почему автор не указывает ни его имени, ни фамилии? Как он относится к людям, имеющим чин ниже, чем его собственный? А выше? Как вы думаете, почему? (<i>«Так уж на святой Руси все заражено подражанием, всякий дразнит и корчит своего начальника.»</i>) Расскажите о встрече Акакия Акакиевича со «значительным лицом».</p> <p>— Что вы можете сказать о доминанте «значительного лица», меняет ли она свое направление? (Мы можем говорить о том, что доминанта меняет направление, однако «значительное лицо» не может в полной мере проявлять сострадание или сочувствие из-за своего социального статуса. Герой считает, что должен соответствовать ему: «Сострадание было ему не чуждо; его сердцу были доступны многие добрые движения, несмотря на то, что чин весьма часто мешал им обнаруживаться».</p> <p><i>Фантастическое появление призрака производит на него сильное впечатление. Мы можем видеть еще одно подтверждение изменения направления доминанты: «Это происшествие сделало на него сильное впечатление. Он даже гораздо реже стал говорить подчиненным: «Как вы смеете, понимаете ли, кто перед вами?»; если же и произносил, то уж не прежде, как выслушавши сперва, в чем дело.»</i></p> <p>— Как умирает главный герой? Какие события происходят после его смерти? Как вы думаете, почему возмездие совершается в фантастических обстоятельствах? «В полиции сделано было распоряжение поймать мертвеца</p>	

Этапы	Деятельность учеников и учителя	Время
	<p>во что бы то ни стало, живого или мертвого, и наказывать его, в пример другим, жесточайшим образом, и в том едва было даже не успели? — как называется использованный литературный приём? (<i>Гротеск.</i>) Молодцы! Теперь давайте попробуем сформулировать проблематику (<i>учащиеся предлагают варианты</i>).</p> <p>— Таким образом, мы видим, как маленький человек сталкивается с равнодушием общества, оказываясь при этом совершенно беззащитным. К смерти Акакия Акакиевича приводит глубокое потрясение от человеческой жестокости и безразличия: «Исчезло и скрылось существо, никем не защищенное, никому не дорогое, ни для кого не интересное». Помимо этого, гибель героя свидетельствует об утрате ценности жизни человека в социуме, в котором гораздо большее значение имеет чин и статус.</p> <p>— Какое у вас сложилось мнение об Акакии Акакиевиче? Маленький никчемный человек или человек с чистым сердцем? Аргументируйте свой ответ (<i>дискуссия</i>).</p> <p>— Так, мы с вами выявили еще одну важную проблему, над которой размышляет автор в повести — проблема человека, смысл жизни которого сосредоточен на вещи. Это своеобразная духовная деградация личности. Повесть входит в цикл «Петербургские повести» и практически все названия произведений, которые в него входят, вещечентричны: Невский проспект, Нос, Портрет, Шинель. Гоголь за гротескной сущностью предмета, вещи, телесной реалии сумел разглядеть человеческое в человеке, обозначить масштаб его духовности.</p> <p>— Молодцы, спасибо за активную работу! Как вы думаете, а как относится рассказчик к своему герою? (<i>Ответы учеников.</i>) В каких эпизодах появляется ирония, а в каких — сочувствие рассказчика к герою? (<i>Ответы учеников.</i>) На ваш взгляд, равен ли рассказчик автору? Почему?</p>	
IV. Рефлексия	<p>— Что нового вы узнали на уроке?</p> <p>— Изменилось ли ваше отношение к повести после урока?</p>	2 минуты
V. Домашнее задание	Учебник, с. 350, рубрика «Размышляем о прочитанном», задание 2.	1 минута

Ссылки

1. Беляева Н. В. Уроки литературы в 8 классе. Поурочные разработки: учеб. пособие для общеобразоват. организаций. М.: Просвещение, 2017. 256 с.
2. Ваапова Г. С. Гуманистический смысл повести Н. В. Гоголя «Шинель». [Электронный ресурс]. URL: <https://multiurok.ru/files/konspekt-uroka-gogol-shinel.html> (дата обращения: 23.04.2024).
3. Гоголь Н. В. Шинель: Повесть / послесл. Ю. Манна. М.: Детская литература, 1985.

- Капустина С. В. Образ Башмачкина в духовных координатах Н. В. Гоголя (приглашение к дискуссии) // Вопросы русской литературы. 2013. № 26 (83). С. 37–45.
- Стригачева Т. Н. Система уроков по повести Н. В. Гоголя «Шинель» в 8 классе. [Электронный ресурс]. URL: https://урок.рф/library/uroki_po_povesti_nvogolya_shinel_142527.html (дата обращения: 23.04.2024).
- Ткаченко Л. В. Урок по повести Н. В. Гоголя «Шинель». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.1urok.ru/categories/14/articles/44136> (дата обращения: 23.04.2024).

3.7.3. Роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»: анализ главы «Княжна Мери», 9 класс

Цели урока: раскрыть характер Печорина, рассмотреть его взаимоотношения с другими героями, ввести понятие нравственного выбора применительно к роману, познакомить учащихся с учением А. А. Ухтомского.

Планируемые образовательные результаты:

Предметные: формирование потребности в систематическом чтении как средстве познания мира и себя в этом мире; формирование умений воспринимать, анализировать, критически оценивать и интерпретировать прочитанное, формирование умения учащихся анализировать художественный текст через выяснение мотивов и причин поступков героев;

Метапредметные: самостоятельно формулировать обобщения и выводы по результатам проведённого наблюдения, анализа; воспринимать и формулировать суждения, выражать эмоции в соответствии с условиями и целями общения; выражать себя (свою точку зрения) в устных текстах; ставить себя на место другого человека, понимать мотивы и намерения другого, анализируя примеры из художественной литературы; осознанно относиться к другому человеку, его мнению, размышляя над взаимоотношениями литературных героев;

Методы и формы обучения: беседа по вопросам, работа в группах, анализ выбранных эпизодов, фронтальная работа;

Оборудование: текст произведения

Учебник: Литература: 9-й класс: учебник: в 2 ч. / В. Я. Коровина, В. П. Журавлев, В. И. Корвин, И. С. Збарский; под ред. В. Я. Коровиной. М.: Просвещение, 2023.

Тип урока: объяснение нового материала.

Этапы	Деятельность учителя и учеников	Время
I. Организационный момент. Актуализация темы урока	— Здравствуйте, ребята! На уроке мы продолжаем работу с романом М. Ю. Лермонтова. Сегодня обратимся к главе «Княжна Мери» и попробуем проанализировать некоторые эпизоды с помощью теории доминанты А. А. Ухтомского. Чем вам запомнилась данная глава? Что больше всего впечатлило? <i>(Ответы учеников.)</i> Отлично!	2 минуты
II. Учение А. А. Ухтомского	— Сейчас мы с вами познакомимся с аксиологическим учением А. А. Ухтомского, а затем попробуем посмотреть на повесть под несколько иным углом. Аксиология — это наука о ценностях, Алексей Алексеевич Ухтомский (1875–1942) — советский физиолог, создатель учения о доминанте, академик АН СССР. Родился в Ярославской губернии, в семье бывшего военного. Он является нашим земляком. Обожал свою тётю, Анну Николаевну Ухтомскую, которая его воспитывала, считал её праведницей. В 13 лет Алексей поступил в Нижегородский кадетский корпус. Там же открыл для себя математику, которую полюбил на всю жизнь, увлекся философией, психологией, этикой и литературой. Позднее, во время учёбы на словесном отделении Московской духовной академии, в круг его интересов вошла физиология. Окончив академию, он отказался от церковной карьеры, планируя дальше изучать физиологию. Ухтомский понял, что его призвание — это келья с наукой, и поступил в Петербургский университет на естественное отделение математического факультета. Учёный считал, что человек целостен, поэтому, занимаясь его биологией и физиологией, можно исследовать и душевные и духовные процессы, которые в нём происходят. Главным его научным открытием стал принцип доминанты. Давайте попробуем разобраться в нем и применить в анализе поведения героев романа в различных ситуациях. Поступки и мысли человека определяют направление его доминанты. Это своеобразная призма, очки если хотите, сквозь которую он видит мир. Если для человека главное — это он сам, его интересы, он окажется в одиночестве, так как будет видеть вокруг лишь отражение себя самого, что в итоге приведет к разрушению. Если же человек сможет забыть о себе и увидеть ценность в другом человеке, он найдет собеседника, который поможет ему лучше понять самого себя и других. — Есть ли вопросы? Запомните эти два направления доминанты — они нам понадобятся при анализе текста. Теперь обратимся непосредственно к тексту романа.	10 минут

Этапы	Деятельность учителя и учеников	Время
<p>III. Работа с текстом</p>	<p>— Как организовано повествование в главе «Княжна Мери»? (<i>Дневник, от первого лица.</i>) С помощью чего раскрывается характер главного героя? (<i>Через взаимодействие с другими героями, дневниковые записи.</i>) С какими героями в течение продолжительного времени взаимодействует Печорин? (<i>Вера, Вернер, Грушницкий, Мери.</i>) Хорошо! Разделимся на 4 группы, чтобы проследить, какие черты характера Печорина проявляются в общении с этими героями. У каждой группы будет перечень вопросов, ответы на которые нужно найти в тексте. Как только вы закончите работу, мы вместе обсудим результаты. После чтения подумайте о том, какая информация для вас оказалась уже знакомой, какая новой, а какая непонятной. На задание 10 минут.</p> <p>Первая группа. Печорин и Грушницкий.</p> <ol style="list-style-type: none"> 1) Почему Печорин неприязненно относится к Грушницкому? 2) Какие характеристики даёт Печорин Грушницкому? 3) Есть ли в тексте эпизоды, в которых поведение Печорина похоже на поведение Грушницкого? 4) Как ведут себя участники дуэли? 5) Искренен ли герой в монологе перед дуэлью? 6) Мог ли Печорин поступить иначе и предотвратить дуэль? 7) Испытывает ли Печорин торжество после победы в дуэли? <p>Вторая группа. Печорин и Мери.</p> <ol style="list-style-type: none"> 1) С какой целью Печорин добивался любви Мери? 2) Какие черты характера мы можем отметить в Мери в эпизоде с переправой? Как раскрывается Печорин? 3) Почему Печорин отвергает Мери? 4) Есть ли эпизоды, в которых Печорин сочувствует героине? 5) Был ли Печорин близок к тому, чтобы влюбиться в Мери? 6) Какие характеристики даёт Печорин Мери? 7) Как Печорин проявляет себя в общении с Мери? <p>Третья группа. Печорин и Вернер.</p> <ol style="list-style-type: none"> 1) В чём схожи и в чём различны герои? 2) Что ценит Печорин в Вернере? 3) Почему Печорин и Вернер не стали друзьями? 4) Как Вернер отнесся к дуэли? 5) Почему так холодно расстаются оба героя? 6) О чём разговаривали Вернер и Печорин? 7) Можно ли считать героев друзьями? <p>Четвертая группа. Печорин и Вера.</p> <ol style="list-style-type: none"> 1) Почему из всех женщин Печорин выделял Веру? 	<p>30 минут</p>

Этапы	Деятельность учителя и учеников	Время
	<p>2) Почему при воспоминании о Вере сердце Печорина билось сильнее?</p> <p>3) Чем Вера отличается от Мери?</p> <p>4) Любит ли Печорин Веру?</p> <p>5) Как Печорин и Вера познакомились?</p> <p>6) Как вы думаете, мог ли Печорин сделать Веру счастливой?</p> <p>7) Что нового в Печорине открывают его отношения с Верой?</p> <p><i>Учитель спрашивает у нескольких человек, какая информация оказалась новой, какая была знакомой, какая неизвестной. Зачитывание и обсуждение результатов работы.</i></p> <p>— Ребята, как вы воспринимаете понятие «нравственный выбор»? (<i>Нравственный выбор — это осознанно принятое человеком решение, это выбор между добром и злом, правдой и ложью, бескорыстием и выгодой.</i>) В каких эпизодах, по вашему мнению, Печорин оказывается в ситуации нравственного выбора? Какие решения он принимает?</p> <p>— Молодцы! Обратимся к некоторым эпизодам и попробуем проанализировать их с помощью учения А. А. Ухтомского, чтобы глубже разобраться в мотивации поступков героя. Внимательно прочитайте следующий отрывок.</p> <p>«Я не обращал внимания на ее трепет и смущение, и губы мои коснулись ее нежной щечки; она вздрогнула, но ничего не сказала; мы ехали сзади; никто не видал. Когда мы выбрались на берег, то все пустились рысью. Княжна удержала свою лошадь; я остался возле нее; видно было, что ее беспокоило мое молчание, но я поклялся не говорить ни слова — из любопытства. Мне хотелось видеть, как она выпутается из этого затруднительного положения.</p> <p>— Или вы меня презираете, или очень любите! — сказала она наконец голосом, в котором были слезы. — Может быть, вы хотите посмеяться надо мной, возмутить мою душу и потом оставить... Это было бы так подло, так низко, что одно предположение... о нет! не правда ли, — прибавила она голосом нежной доверенности, — не правда ли, во мне нет ничего такого, что бы исключало уважение? Ваш дерзкий поступок... я должна, я должна вам его простить, потому что позволила... Отвечайте, говорите же, я хочу слышать ваш голос!.. — В последних словах было такое женское нетерпение, что я невольно улыбнулся; к счастью, начинаю смеркаться. Я ничего не отвечал.</p>	

Этапы	Деятельность учителя и учеников	Время
	<p>— Вы молчите? — продолжала она, — вы, может быть, хотите, чтоб я первая вам сказала, что я вас люблю?.. Я молчал...</p> <p>— Хотите ли этого? — продолжала она, быстро обратясь ко мне... В решительности ее взора и голоса было что-то страшное...</p> <p>— Зачем? — отвечал я, пожав плечами.</p> <p>Она ударила хлыстом свою лошадь и пустилась во весь дух по узкой, опасной дороге; это произошло так скоро, что я едва мог ее догнать, и то, когда она уж присоединилась к остальному обществу. До самого дома она говорила и смеялась поминутно. В ее движениях было что-то лихорадочное; На меня не взглянула ни разу. Все заметили эту необыкновенную веселость. И княгиня внутренно радовалась, глядя на свою дочку; а у дочки просто нервический припадок: она проведет ночь без сна и будет плакать. Эта мысль мне доставляет необъятное наслаждение: есть минуты, когда я понимаю Вампира... А еще слышу добрым малым и добиваюсь этого названия!»</p> <p>— Как раскрывается доминанта личности Печорина в этом эпизоде? Аргументируйте свой ответ. (<i>Печорин понимает, что стал причиной страданий Мери, однако вместо сочувствия он испытывает удовольствие. Мы видим проявление эгоцентричности героя. Его доминанта обращена к себе.</i>)</p> <p>«Солнце уже спряталось в черной туче, отдохавшей на гребне западных гор; в ущелье стало темно и сыро. Подкумок, пробираясь по камням, ревел глухо и однообразно. Я скакал, задыхаясь от нетерпенья. Мысль не застать уже ее в Пятигорске молотком ударяла мне в сердце! — одну минуту, еще одну минуту видеть ее, проститься, пожать ей руку... Я молился, проклинал плакал, смеялся... нет, ничто не выразит моего беспокойства, отчаяния!.. При возможности потерять ее навски Вера стала для меня дороже всего на свете — дороже жизни, чести, счастья! Бог знает, какие странные, какие бешеные замыслы роились в голове моей... И между тем я все скакал, погоняя беспощадно. И вот я стал замечать, что конь мой тяжелее дышит; он раза два уж спотыкнулся на ровном месте... Оставалось пять верст до Эссентуков — казачьей станицы, где я мог пересесть на другую лошадь. Все было бы спасено, если б у моего коня достало сил еще на десять минут! Но вдруг поднимаясь из небольшого оврага, при выезде из гор, на крутом повороте, он грянулся о землю. Я проворно соскочил, хочу поднять его, дергаю за повод — напрасно: едва слышный стон вырвался сквозь стиснутые его зубы; через несколько минут он издох;</p>	

Этапы	Деятельность учителя и учеников	Время
	<p>я остался в степи один, потеряв последнюю надежду; попробовал идти пешком — ноги мои подкосились; изнуренный тревогами дня и бессонницей, я упал на мокрую траву и как ребенок заплакал»</p> <p>— Как раскрывается доминанта личности Печорина в этом эпизоде? Аргументируйте свой ответ. Какой вывод о доминанте главного героя мы можем сделать? (<i>Доминанта личности меняет направление, обращается к другому — к Вере. Герой ставит её выше себя: «При возможности потерять ее навеки Вера стала для меня дороже всего на свете — дороже жизни, чести, счастья!».</i> Помимо этого, следует добавить что в Вере он видит личность, он способен ей сочувствовать.)</p> <p>— Теперь подумаем, можем ли мы говорить о двойственности и неоднозначности натуры главного героя? В чём она проявляется? (<i>Ответы учащихся.</i>) Хорошо. Мы с вами проследили, как Печорин проявляет себя во взаимоотношениях с другими героями. Поговорим о его философии жизни, обращаясь к тексту романа. Каковы взгляды Печорина на дружбу, любовь? Можем ли мы говорить о том, что Печорин обладает такими чертами как эгоцентричность и гордость? Что в понимании героя значит «счастье»? (<i>Насыщенная гордость.</i>) Как вы понимаете это выражение? Что приносит герою удовольствие? Как он оценивает сам себя в дневнике? О чем нам говорит его самооценка?</p> <p>— В чем заключается смысл его жизни? («...зачем я жил? Для какой цели я родился? А, верно, она существовала, и, верно, было мне назначение высокое, потому что я чувствую в душе моей силы необъятные... Но я не угадал этого назначения, я увлёкся приманками страстей пустых и неблагодарных; из горнила их я вышел твёрд и холоден как железо, но утратил навеки пыл благородных стремлений — лучший цвет жизни».) Почему Печорин не может обрести смысл жизни? (<i>Ответы учащихся.</i>) В. Г. Белинский относит Печорина к типу «лишнего человека». Согласны ли вы с этим утверждением? (<i>Ответы учащихся.</i>) Обратимся к характеристике главного героя романа, которую дает В. Г. Белинский: «Этот человек не равнодушно, не апатически несёт своё страдание: бешено гоняется он за жизнью, ища её повсюду; горько обвиняет он себя в своих заблуждениях. В нём неумолчно раздаются внутренние вопросы, тревожат его, мучат, и он в рефлексии ищет их разрешения: рассматривает каждое движение своего сердца, рассматривает каждую мысль свою». Следует также добавить, что герой, несмотря на усердную внутреннюю работу и рефлексию, является болезненным порождением своей эпохи, поэтому оказывается бездейтелен в обществе. Действительность не может предложить ему настоящего «дела».</p>	

Этапы	Деятельность учителя и учеников	Время
IV. Рефлексия	<p>Метод «Шесть шляп». Задание — высказать разное отношение к Печорину.</p> <p>Белая шляпа (Какие факты о жизни Печорина мы узнаем из главы?);</p> <p>Желтая шляпа (Какие положительные черты в Печорине вы можете выделить?);</p> <p>Черная шляпа (Какие негативные черты в Печорине вы можете выделить?);</p> <p>Красная шляпа (Какие эмоции у вас вызывает Печорин?);</p> <p>Зеленая шляпа (Как могла бы сложиться жизнь Печорина, если бы он не умер по дороге из Персии?);</p> <p>Синяя шляпа (Подведите итог: является ли Печорин отрицательным или положительным персонажем?).</p> <p>— Что нового вы узнали на уроке?</p> <p>— Изменилось ли ваше отношение к главному герою после анализа главы «Княжна Мери»?</p> <p>— Чему вы научились на уроке?</p> <p>— Понравился ли вам урок?</p>	2 минуты
V. Домашнее задание	Прочитать главу «Фаталист».	1 минута

Ссылки

1. Беляева Н. В. Уроки литературы в 9 классе. Поурочные разработки: пособие для учителей общеобразоват. организаций. М.: Просвещение, 2014. 368 с.
2. Колесникова А. А. Печорин в отношениях с Вернером, Верой, княжной Мери. [Электронный ресурс]. URL: <https://urok.1sept.ru/articles/566312> (дата обращения: 11.06.2024).
3. Любарец В. В., Фёдорова Е. А. Мечтатель и подпольный герои М. Ю. Лермонтова и Ф. М. Достоевского в свете этического учения А. А. Ухтомского // Два века русской классики. 2023. Т. 5. № 2. С. 50–71.
4. Мысовских Л. О. Григорий Александрович Печорин — лишний человек или русский экзистенциальный герой? // Культура и текст. 2022. № 2 (49). С. 77–85.
5. Севостьянова Н. В. Самораскрытие характера Печорина в главе «Княжна Мери». [Электронный ресурс]. URL: <https://uchitelya.com/literatura/99840-konspekt-uroka-samoraskrytie-haraktera-pechorina.html> (дата обращения: 10.06.2024)
6. Усыпенко Е. А. Конспект урока. Работа над содержанием главы «Княжна Мери». [Электронный ресурс]. URL: <https://multiurok.ru/files/konspekt-uroka-rabota-nad-soderzhaniem-glavy-kniaz.html> (дата обращения: 11.06.2024).

3.7.4. Роман-хроника М. Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города»: обзорный урок, 10 класс

Цели урока: дать общую характеристику произведения, определить его жанр, проблематику, рассмотреть содержание отдельных глав; ввести понятие нравственного выбора применительно к роману, познакомить учащихся с учением А. А. Ухтомского.

Планируемые образовательные результаты:

Предметные: изучение и закрепление литературоведческих терминов; развитие навыков работы с текстом, анализа художественного произведения; формирование эстетических идеалов учащихся; формирование умений воспринимать, анализировать, критически оценивать и интерпретировать прочитанное, осознавать художественную картину жизни, отраженную в литературном произведении;

Метапредметные: самостоятельно формулировать обобщения и выводы по результатам проведённого наблюдения, анализа; воспринимать и формулировать суждения, выражать эмоции в соответствии с условиями и целями общения; выражать себя (свою точку зрения) в устных текстах;

Методы и формы обучения: фронтальная работа, лекция, беседа, дискуссия.

Оборудование: презентация, проектор, доска, текст романа «История одного города».

Учебник: Литература. 10 класс. В 2 ч. Ч. 2 / Ю. В. Лебедев. М.: Просвещение, 2019. 368 с.

Тип урока: объяснение нового материала.

Этапы урока	Деятельность учителя и учеников	Время
I. Организационный этап. Актуализация темы урока.	— Здравствуйте, ребята! Сегодня на уроке мы познакомимся с романом-хроникой «История одного города» и попробуем проанализировать некоторые эпизоды с помощью теории доминанты А. А. Ухтомского. Читали ли вы другие произведения Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина? <i>(Ответы учеников.)</i> Хорошо! Что больше всего вам запомнилось в романе? Какое он произвел на вас впечатление? <i>(Ответы учеников.)</i>	5 минут
II. Учение А. А. Ухтомского	— Сейчас мы с вами познакомимся с аксиологическим учением А. А. Ухтомского, а затем попробуем посмотреть на роман под несколько иным углом. Аксиология — это наука о ценностях, Алексей Алексеевич Ухтомский (1875–1942) — советский физиолог, создатель учения о доминанте, академик	7 минут

Этапы урока	Деятельность учителя и учеников	Время
	<p>АН СССР. Родился в Ярославской губернии, в семье бывшего военного. Он является нашим земляком. Обо- жал свою тётю, Анну Николаевну Ухтомскую, которая его воспитывала, считал её праведницей.</p> <p>В 13 лет Алексей поступил в Нижегородский кадетский корпус. Там же открыл для себя математику, которую полюбил на всю жизнь, увлекся философией, психоло- гией, этикой и литературой. Позднее, во время учёбы на словесном отделении Московской духовной акаде- мии, в круг его интересов вошла физиология. Окончив академию, он отказался от церковной карьеры, планируя дальше изучать физиологию. Ухтомский понял, что его призвание — это келья с наукой, и поступил в Петер- бургский университет на естественное отделение мате- матического факультета. Учёный считал, что человек целостен, поэтому, занимаясь его биологией и физиоло- гией, можно исследовать и душевные и духовные про- цессы, которые в нём происходят.</p> <p>Главным его научным открытием стал принцип доминан- ты. Давайте попробуем разобраться в нем и применить в анализе поведения героев романа в различных ситуациях. Поступки и мысли человека определяет направление его доминанты. Это своеобразная призма, очки если хотите, сквозь которые он видит мир. Если для человека глав- ное — это он сам, его интересы, он окажется в одиноче- стве, так как будет видеть вокруг лишь отражение себя самого, что в итоге приведет к разрушению.</p> <p>Если же человек сможет забыть о себе и увидеть цен- ность в другом человеке, он найдет собеседника, кото- рый поможет ему лучше понять самого себя и других. — Есть ли вопросы? Запомните эти два направления доминанты — они нам понадобятся при анализе текста. Теперь узнаем, как создавалось одно из знаковых произ- ведений русской литературы.</p>	
<p>III. Работа с текстом</p>	<p>— Михаил Евграфович был хорошо знаком с работой государственного аппарата: он состоял на службе в кан- целярии Военного ведомства, затем в качестве вице- губернатора находился в Твери и Рязани. Свой след оста- вил и горький опыт Вятской ссылки, в которой он ока- зался из-за повести «Запутанное дело» (1848), вышед- шей в разгар революционных событий в Европе.</p> <p>«Вятский опыт государственной деятельности был мучи- телен и парадоксален, — отмечает исследователь Елена Грачёва, — с одной стороны, Салтыков-чиновник в борь- бе с беззаконием бросился наводить порядок и все силы употребил на то, чтобы привести жизнь в соответствие с Законом. С другой стороны, он каждый божий день убеждался в том, что Порядок в его российском варианте есть насилие ничуть не меньшее, чем беззаконие».</p>	<p>28 минут</p>

Этапы урока	Деятельность учителя и учеников	Время
	<p>Многолетняя служебная деятельность Салтыкова дала ему богатый материал для творчества. Вместе с тем писателя угнетало его двойственное положение: формально он был причастен к той правительственной системе, с которой идейно расходился и боролся как сатирик. Ему, человеку революционно-демократических убеждений, становилось все труднее находиться на государственном поприще.</p> <p>В 1868 г. Салтыков-Щедрин, навсегда порвав со службой и отдавшись исключительно литературе, встал вместе с Некрасовым во главе «Отечественных записок». Важно также отметить, что писатель состоял в кружке Петрашевского, членом которого был еще один известный русский писатель — Фёдор Михайлович Достоевский. Салтыков увлечённо читал труды социалистов, однако после ссылки в Вятку, изменил свои убеждения и примкнул к демократическому направлению. Писатель не разделял мнения тех мыслителей, которые считали, что для построения социалистического общества достаточно одного лишь нравственного перевоспитания людей. Салтыков был убежден, что для этого необходима еще и активная общественная борьба угнетенных масс за свои права.</p> <p>«История одного города» была написана в период с 1869 по 1870 г. и опубликована в «Отечественных записках». Роман вызвал бурную реакцию, появилось множество отзывов и критики.</p> <p>Вот некоторые из них:</p> <p>И. С. Тургенев: «На днях получил Вашу “Историю одного города”, прочёл её немедленно. Под своей резко сатирической, иногда фантастической формой, своим злободневным юмором, напоминающим лучшие страницы Свифта, “История одного города” представляет самое правдивое воспроизведение одной из коренных сторон российской физиономии».</p> <p>А. С. Суворин: «Выставляя в таком виде народ, не отделяя его от слоя его эксплуататоров, г. Салтыков приносит такие жертвы, на какие способны разве лишь архивариусы. В самом деле, градоначальники безумны, народ ещё безумнее, градоначальники развратны, народ еще развратнее, градоначальники вислоухи, народ еще более вислоух. Где, какой старик приносит подобное жертвоприношение? Делали ли это Рабле и Свифт в своих бессмертных произведениях, делал ли это Гоголь? Нет, тысячу раз нет, и оно понятно: если отвергать народ, отвергать его здравый смысл и даже простую его житейскую сообразительность, то что же признавать после этого?»</p> <p>Помимо этого, Салтыкова упрекали в ненависти к России, писали, что он высмеивает русскую историю.</p>	

Этапы урока	Деятельность учителя и учеников	Время
	<p>— Ребята, чье мнение ближе вам? (<i>Дискуссия.</i>) Ответ писателя на критику: «Взгляд... на мое сочинение, как на опыт исторической сатиры, совершенно не верен. Мне нет никакого дела до истории, и я имею в виду лишь настоящее. Историческая форма рассказа была для меня удобна потому, что позволяла мне свободнее обращаться к известным явлениям жизни. Может быть, я и ошибаюсь, но во всяком случае ошибаюсь совершенно искренно, что те же самые основы жизни, которые существовали в XVIII в., существуют и теперь. Следовательно, историческая сатира не была для меня целью, а только формой».</p> <p>— Спасибо за ответы! Теперь перейдем непосредственно к «Истории одного города». Как вы понимаете жанр сатирической хроники? (<i>Ответы учащихся.</i>) Из каких документов мы узнаем об истории города Глупова? (<i>Летопись.</i>) Придерживается автор строгих хронологических рамок? (<i>Предметом изображения сатирика является не прошлое, а настоящее, поэтому исторические факты и хронология не являются для него обязательными, используются свободно, по мере необходимости.</i>)</p> <p>Теперь вспомним историю происхождения глуповцев («О корени происхождения глуповцев»). Какую проблему освещает автор? (<i>Народ и самовластие.</i>) Прочитайте отрывок: «Собрав воедино куралесов, гущеседов и прочие племена, головотяпы начали устраиваться внутри, с очевидною целью добиться какого-нибудь порядка. Истории этого устройства летописец подробно не излагает, а приводит из нее лишь отдельные эпизоды. Началось с того, что Волгу толком замесили, потом теленка на баню тащили, потом в кошеле кашу варили, потом козла в соложенном тесте утопили, потом свинью за бобра купили, да собаку за волка убили, потом лапти растеряли да по дворам искали: было лаптей шесть, а съскали семь; потом рака с колокольным звоном встречали, потом щуку с яиц согнали, потом комара за восемь верст ловить ходили, а комар у пошехонца на носу сидел, потом батьку на кобеля променяли, потом блинами острог конопатили, потом блоху на цепь приковали, потом беса в солдаты отдавали, потом небо кольями подпирали, наконец, утомились и стали ждать, что из этого выйдет». Какой литературный прием лежит в основе эпизода? (<i>Гротеск.</i>) Можем ли мы назвать и сам город Глупов городом-гротеском? Вспомните историю его возникновения, есть ли у него границы.</p> <p>— Важно отметить, что для Салтыкова одним из источников для создания романа послужил фольклор разнообразных уголков России. Так, например, в тексте мы можем встретить различные пошехонские поговорки</p>	

Этапы урока	Деятельность учителя и учеников	Время
	<p><i>(Слепороды: в трех соснах заблудились. — За семь верст комара искали, а комар у пошехонца сидел на носу, — На сосну лазили Москву смотреть.)</i> и детали из пошехонских сказок-анекдотов (решето, в котором носят воду). — Поговорим о градоначальниках. Что необычного можно заметить в их описании? <i>(Каждый правитель Глупова уходил из жизни по совершенно нелепой причине: одного заели клопы, другого растерзали собаки, у третьего испортился головной инструмент, пятый пытался понять сенатский указ и умер от натуги и т. д. Каждый образ индивидуален и в то же время типичен. Салтыкова-Щедрина считают новатором в разработке методов сатирической типизации. Фантастические, сатирические и гротескные образы.)</i> Какие наиболее яркие общие черты отличают всех (или большинство) градоначальников, упомянутых в описи? Как вы думаете, являются ли градоначальники портретами исторических личностей? <i>(Это обобщенные образы, однако в фигурах некоторых из градоначальников можно отыскать черты подлинных российских самодержцев. (Так, например, в образе Негодяева есть нечто от Павла I, в фигурах Микаладзе и Грустилова — от Александра I, в Перехват-Залихватском — от Николая I.)</i></p> <p>— Что вы можете сказать о Дементии Варламовиче Брудастом? <i>(«Органчик». В его голове был органчик, который воспроизводил только две фразы: «Не потерплю», «Разорю».)</i> При каких обстоятельствах он появляется в Глупове? Можем ли мы соотнести их с реальными историческими событиями? <i>(Государственный переворот 1762 года: смещение Петра III Екатериной.)</i> С какими настроениями ожидают жители города нового градоначальника? <i>(Надежда. Можно сопоставить с либеральными надеждами общества, которые возникли в связи с приходом ко власти Екатерины II.)</i> Разорвал ли Брудастый глуповцев? Почему? <i>(Власть находится в отрыве от общества, поэтому приобретает таинственный ореол, который превращается в страх (слух о вампиризме).)</i> Какие были результаты его правления? Какой вывод мы можем сделать? <i>(Чтобы править городом не нужно иметь «мозги», какие-то человеческие качества; достаточно двух стандартных фраз. В образе Органчика автор акцентирует глупость, ограниченность и основные черты бюрократизма.)</i></p> <p>Какие художественные приемы использует писатель в главе «Органчик»? <i>(Фантастика и гротеск пародия (пародийные документы), анахронизм, ирония.)</i> Приведите из текста примеры гротеска. <i>(«Говорили, что новый градоначальник совсем даже не градоначальник, а оборотень, присланный в Глупов по легкомыслию»;</i></p>	

Этапы урока	Деятельность учителя и учеников	Время
	<p><i>что он по ночам, в виде ненасытного упыря, парит над городом и сосет у сонных обывателей кровь», «Но перенесем мысль за сто лет тому назад, поставим себя на место достославных наших предков, и мы легко поймем тот ужас, который долженствовал обуять их при виде этих вращающихся глаз и этого раскрытого рта, из которого ничего не выходило, кроме шипения и какого-то бессмысленного звука, непохожего даже на бой часов» и др.)</i></p> <p>— Как вы думаете может ли страх быть твёрдой опорой для правления? Какой ответ нам даёт история Органчика? Как вы понимаете слова: «Ведь не в том дело, что у Брудастого в голове оказался органчик, наигрывавший романсы “Не потерплю!” и “Разорю!”», а в том, что есть люди, которых все существование исчерпывается этими двумя романсами».</p> <p>— Обратимся к главе «Голодный город» и посмотрим на взаимоотношения градоначальника Фердыщенко и глуповцев с помощью учения А. А. Ухтомского. На какой должности состоял Фердыщенко перед тем, как стать градоначальником? Составьте портрет градоначальника (<i>«Петр Петрович, бригадир. Бывший денщик князя Потемкина. При не весьма обширном уме, был кознязычен. Недоимки запустил; любил есть буженину и гуся с капустой. Во время его градоначальствования город подвергся голоду и пожару. Умер в 1779 году от объедения»; часто называют гулявым, летописец неоднократно повторяет, что он был «прост», т. е. глуп.</i>) Почему правление Фердыщенко глуповцы поначалу воспринимали как «благоденствие»?</p> <p>— Вспомните историю отношений между градоначальником, Алёнкой и Дмитрием. Как в деятельности Фердыщенко раскрывается его доминанта? Когда он оказывается в ситуации нравственного выбора и какой выбор делает? (<i>Он действует из эгоистических побуждений, поэтому доминанта направлена на себя. Ему всё равно, какие страдания он причиняет Алёнке и Дмитрию; он отправляет Дмитрия в Сибирь как вора и разбойника, ради того, чтобы «присвоить» себе Алёнку и удовлетворить свои низменные желания. Примечателен в этом отношении эпизод, в котором Фердыщенко оставляет девушку на растерзание толпе. Помимо этого, Фердыщенко не выполняет свою главную функцию — он не заботится о благосостоянии народа.</i>) Что мы можем сказать о доминанте личности Алёнки? (<i>После расставания с мужем она меняет своё направление: «Даже Алёнка начала походя тащить, и вдруг, ни с того ни с сего, стала требовать, чтоб ее признавали не за ямичиху, а за поповскую дочь».</i>)</p>	

Этапы урока	Деятельность учителя и учеников	Время
	<p>— Как вы думаете, какие ценности доминируют в сознании градоначальников? Что для них является главным? <i>(Личные устремления, но не благосостояние народа. Они не выполняют свою основную функцию как градоначальники.)</i> В православии выделяют восемь основных грехов, пороков, которые овладевают человеком: чревообъядение, прелюбодеяние и блуд, сребролюбие, гнев, печаль, уныние, тщеславие, гордость. Они названы в иерархической последовательности. Чревообъядение, блуд — это плотская природа человека. Тщеславие, гордость — это извращение духовной природы человека. Все остальное — душевно-плотская природа человека. Давайте попробуем соотнести их с градоначальниками. На что направлен гротеск в образе Брудастого? <i>(Голова градоначальника фарширована — на плотскую природу человека. Голова напоминает органчик, которые воспроизводит только два слова, — гротеск направлен на душевно-плотскую природу человека. «Не потерплю», «разорю» — эти слова должны вызвать страх, а произносящий их возвышает себя над другими, хотя механизм в голове означает ограниченность человека.)</i> А на что направлен гротеск в образе Фердыщенко? <i>(На плотскую природу человека: блуд, прелюбодеяние, чревообъядение.)</i></p> <p>— Отлично! Какую доминанту, на ваш взгляд имеют сами глуповцы? <i>(Они эгоистичны и неразумны. Безумствуют настолько, что сбрасывают Алёнку с колокольни.)</i> Какие ценности они имеют? <i>(Ответы учащихся.)</i> Какие характерные черты глуповцев мы можем выделить? <i>(Терпение, начальстволюбие.)</i> Какие сословия представлены в произведении? <i>(В образе глуповцев нашли воплощение черты, присущие не тем или иным социально-психологическим характерам или типам, а огромным массам людей, целым сословиям, всему народу. Появление каждого градоначальника они встречают искренним ликованием. Обрушивающиеся на них несчастья воспринимают как нечто должное и о протесте не помышляют. Даже когда глуповцы возмущаются, возмущение их носит столь же нелепый характер.)</i></p> <p>Подведём итог. «История одного города» — это сатира не только на современность, но и на всю историю России. Салтыков-Щедрин всесторонне рассматривает проблему отношений абсолютизма и общества, народа и власти. Каждая из глав книги воссоздает определенную сторону самодержавия, его стратегии и тактики и составляет особой виток условной глуповской истории. Писатель создаёт целую галерею сатирических образов градоначальников, гиперболизируя в них распространенные пороки, однако объектом сатиры становятся не только они, но и сами глуповцы, в которых обнаруживается безответственность и отсутствие единства.</p>	

Этапы урока	Деятельность учителя и учеников	Время
	<p>Салтыков приходит к выводу, что «корень зла» состоит в политической неразвитости масс, в их общественной пассивности, в «бессознательно равнодушном отношении» не только к общенародным интересам, но даже и к тем, которые ближайшим образом затрагивают их собственную жизнь.</p> <p>Ситуации и обстоятельства, из которых складывается «история» города Глупова, при всей их фантастичности, являются обстоятельствами, типичными для абсолютистского государства. Завершается история города Глупова периодом всеобщего нивеляторства и военизации жизни, попыткой всю страну превратить в казарму, а всех жителей в солдат, с утра до вечера марширующих и бьющих в барабан.</p> <p>Вспомним портрет Угрюм-Бурчеева. Чем он необычен? <i>(В нем есть нечто и от вещи (это мужчина с каким-то деревянным лицом), и от зверя (его представление о простоте не переступало далее простоты зверя, обличающей совершенную наготу потребностей), и от образа «нечистой силы» (недаром народная молва присвоила ему звание «сатаны»), и от механизма (страстность была вычеркнута из числа элементов, составлявших его природу, и заменена непреклонностью, действовавшей с регулярностью самого отчетливого механизма.)</i> Какие он имел идеалы? <i>(Прямая линия, отсутствие пестроты, простота, доведенная до наготы.)</i></p> <p>Угрюм-Бурчеев — это монументальный гротескный образ, венчающий собой ту галерею градоначальников, которые удостоены развёрнутого описания. Образ человекоподобный по внешности и глубоко античеловечный по существу. Как назывался город, который хотел основать Угрюм-Бурчеев? Как он выглядел и какие там были заведены порядки? <i>(«Подтверждение покаяния. Заключение».)</i> С каким историческим явлением можно соотнести порядки в Непреклонске? <i>(Аракчеевщина.)</i> Как вы понимаете слово «нивелляторы»? О какой идеологии говорит Салтыков-Щедрин? <i>(Социализм.)</i> Верно! Стремление выстроить по схеме характерно для идеологии социализма. Это и высмеивает Салтыков.</p> <p>В эпизоде вы также можете заметить черты антиутопии — предупреждение о том, что будет, если у власти будут такие градоначальники и им будут подчиняться такие, как глуповцы</p> <p>— Чем заканчивается произведение? Как вы думаете, чем может быть ОНО? <i>(Ответы учеников.)</i> В литературоведении существуют различные точки зрения. Например, «История одного города» отражает историю России, а в русской истории еще не наступил момент всеобщего прозрения. Обосновать и подробно изложить свою точку зрения на вопрос вы сможете в домашнем задании.</p>	

Этапы урока	Деятельность учителя и учеников	Время
IV. Рефлексия	— Продолжите фразы: <ul style="list-style-type: none"> • сегодня на уроке я узнал... • сегодня я научился... • меня удивило... • мне захотелось... 	3 минуты
V. Домашнее задание	Напишите свой вариант трактовки финала романа, приведите не менее трех аргументов из текста.	2 минуты

Ссылки

1. Грачёва Е. Н., Востриков А. В. Царские кудри и барская спесь: из комментариев к «Истории одного города» // Щедринский сборник. Вып. 5.: Салтыков-Щедрин в контексте времени. М.: МГУДТ, 2016. С. 45–49.
2. Дубинская Н. А. Замысел, история создания «История одного города». [Электронный ресурс]. URL: <https://videouroki.net/razrabotki/zamysiel-istoriia-sozdaniia-istoriia-odnogho-ghoroda.html> (дата обращения: 08.05.2024).
3. Евглевская Е. И. Литература в 10-м классе. М. Е. Салтыков-Щедрин. «История одного города». [Электронный ресурс]. <https://urok.1sept.ru/articles/575702> (дата обращения: 08.05.2024).
4. Купич А. А. Замысел, история создания «Истории одного города». Своеобразие жанра, композиции. Образы градоначальников. Элементы антиутопии в «Истории одного города». Эзопов язык. [Электронный ресурс]. URL: <https://nsportal.ru/shkola/literatura/library/2020/04/23/zamysel-istoriya-sozdaniya-istoriiodnogo-goroda-svoeobrazie> (дата обращения: 10.05.2024)
5. Русский язык и литература: Литература: 10 кл.: поуроч. разработки: пособие для учителей общеобразоват. организаций / Ю. В. Лебедев, А. Н. Романова. М.: Просвещение, 2013. 256 с.
6. Фёдорова Е. А. Кто такие «пошехоны»? (по материалам пошехонского фольклора) // Ученые записки НовГУ имени Ярослава Мудрого. 2022. № 3 (42). С. 332–336.
7. Хасанова Г. Л. Салтыков-Щедрин «Глупов и глуповцы» (урок по роману «История одного города»). [Электронный ресурс]. URL: <https://nsportal.ru/npo-spo/gumanitarnye-nauki/library/2014/01/02/saltykov-shchedringlupov-i-glupovtsy-urok-po-romanu> (дата обращения: 08.05.2024).
8. Николаев Д. П. Сатира Щедрина и реалистический гротеск. М.: Художественная литература. 1977. 358 с.

3.7.5. Достоевский в кинематографе: принцип доминанты А. А. Ухтомского

Цель: показать, как действует принцип доминанты, сформулированный А. А. Ухтомским, в киноверсиях романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание».

Задачи: обсудить киноверсии романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» и их концепции; актуализировать знания о понятиях «режиссер», «кинооператор», «кинокритик» и показать основные принципы работы в этих сферах; познакомить учащихся с аксиологическим учением А. А. Ухтомского; рассмотреть, как работает принцип доминанты в тексте романа, сравнить с киноверсиями.

Оборудование: проектор, компьютер, мультимедийный экран, информационные карточки.

Этапы	Деятельность учителя и учеников	Время
I. Организационный момент. Актуализация темы урока.	— Добрый день, дорогие друзья! Алексей Алексеевич Ухтомский (1875–1942) — известный ученый-физиолог, сформулировал принцип доминанты, к которому теперь обращаются во всех гуманитарных науках, на материале произведений Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого. Сегодня мы будем говорить об экранизациях романа Достоевского «Преступление и наказание», используя этот принцип.	2 минуты
II. Обсуждение киноверсий романа	— Что такое киноэкранизация? Какие возможности есть у режиссера? <i>Киноэкранизация — это образная интерпретация литературного текста, его перевод на язык другого искусства. Экранизации литературных первоисточников несут на себе отпечаток не только личности режиссера-интерпретатора, но и той эпохи, в которую они были созданы.</i> <i>Режиссер общается со зрителем посредством киноязыка, который обладает рядом особенностей, ведь кино — единственный вид искусства, в котором точка зрения обладает подвижностью. Зритель может смотреть на вещи и события глазами героя или же с точки зрения наблюдателя со стороны. Кроме того, киноискусство обращается к категории времени, которая лежит в основе картины мира автора.</i> — Можно ли утверждать, что романы Достоевского сценичны? <i>Произведения Ф. М. Достоевского привлекают внимание многих кинорежиссеров. Р. Г. Круглов считает, что это объясняется кинематографичностью романа Достоевского, которая выражается в ориентации на настоящее</i>	10 минут

Этапы	Деятельность учителя и учеников	Время
	<p><i>время, обилие диалогов, дискретности композиции (это напоминает монтаж), наличия внутреннего плана, символизации реального, синтетичности языка (включает разные типы повествования, вставные жанры).</i></p> <p><i>Казалось бы, если произведения писателя отличаются кинематографичностью, то создать киноадаптацию Достоевского просто, однако перевод произведений Достоевского на язык другого искусства должен проходить с учетом задачи, которую ставит перед собой режиссёр.</i></p> <p>— Чем отличаются известные отечественные киноверсии романа Достоевского «Преступление и наказание»? В 1969 году Л. А. Кулиджанов создал кинофильм «Преступление и наказание», который вошел в золотой фонд отечественного кинематографа. Лев Александрович выбрал для экранизации романа «Преступление и наказание» черно-белое изображение. Оператор Вячеслав Михайлович Шумский ориентировался на графические иллюстрации М. Добужинского и гравюры В. Фаворского. Кулиджанов попробовал сохранить сюжет в максимальной полноте, однако он пожертвовал самым важным для романа эпизодом, в котором Соня читает Раскольникову из Евангелия о воскресении Лазаря, поскольку этот эпизод не вписывался в рамки советского атеистического сознания. Нет в фильме и эпилога романа, в котором Раскольников после Светлого Христова Воскресения и говения показан на пороге новой жизни.</p> <p>— Какую проблему романа Достоевского подчеркивает в своей киноверсии Л. И. Кулиджанов?</p> <p><i>Таким образом, режиссер поднимает проблему преступления и наказания, а не возрождения личности.</i></p> <p>— Почему эпизод чтения Евангелия важен в романе Достоевского?</p> <p><i>Обращение к тексту Достоевского позволит убедиться в том, что сцена чтения Евангелия в романе показана объемно: глазами Раскольникова, Сони и автора. Чтение вечной книги сопровождается авторским комментарием, где есть замечание, что было темно и все мешалось перед глазами Сони, т. е. читатель смотрит на мир глазами героини. А далее голос автора соединяется с голосом героини и усиливает звучание евангельского слова. Речевой жанр исповеди переходит в проповедь, большое значение имеют авторский курсив и отмеченные автором паузы в речи героини: «Иисус говорит ей: воскреснет брат твой. Марфа сказала Ему: знаю, что воскреснет в воскресенье, в последний день. Иисус сказал ей: Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня,</i></p>	

Этапы	Деятельность учителя и учеников	Время
	<p><i>если и умрет, оживет. И всякий живущий и верующий в Меня не умрет во веки». Главные слова в авторском тексте выделены курсивом: «Я есмь воскресение и жизнь» (Иоанн 11: 25). Курсив в указанной и последующей сцене романа показывает, что автор соединяет свой голос с голосом Сони и с Евангельской Истиной.</i></p> <p>— Сравните сцены чтения Соней Евангелия в интерпретации Кулиджанова и Светозарова, а затем с текстом романа.</p> <p><i>В фильме Кулиджанова Раскольников только берет в руки Евангелие и с ужасом узнает, что его принесла Соне Лизавета. В телеверсии Светозарова Соня читает о воскрешении Лазаря, однако ее чтение сопровождается внутренним монологом Раскольникова, т. е. передается его точка зрения. Сцена чтения Евангелия в романе показана объемно.</i></p> <p>— В фильме Кулиджанова нет снов Раскольникова, которые важны в романе, их заменяет повторяющийся сюжет погони полицейских за героем, который становится его кошмаром. Нет в экранизации и снов Свидригайлова. Для чего вводит Достоевский сны героев в роман?</p> <p><i>Сны Раскольникова и Свидригайлова важны для понимания их духовного мира. Без них невозможно понять и символический план романа Достоевского.</i></p> <p>— Символику каких образов Достоевского актуализирует режиссер?</p> <p><i>В фильме Кулиджанова есть мотив боя часов, который преследует Раскольникова: часы всегда отбивают семь часов — это время убийства. В романе Достоевского кошмаром героя становится дребезжащий звук дверного колокольчика квартиры, в которой он совершил убийство. Есть и другие символы. Звон воскресных колоколов во сне Раскольникова после встречи с мещанином означает начало возрождения героя. Об этом же говорит и символика яичной скорлупы на темной лестнице. Что символизирует эта деталь? Грядущую Пасху, о которой мы узнаем в эпилоге? Или это начало рождения нового Раскольникова, который хочет быть «собеседником», а не «двойником» (по терминологии А. Ухтомского). Следует отметить, что Раскольников после этого сна впервые вспоминает о том, что убил не только ростовщицу Алену Ивановну, но и ее невинную сестру Лизавету. Он не может представить, как расскажет о ее убийстве Соне.</i></p> <p><i>В фильме Кулиджанова Раскольников только берет в руки Евангелие и с ужасом узнает, что его принесла Соне Лизавета, об убийстве которой он почти забыл.</i></p>	

Этапы	Деятельность учителя и учеников	Время
	<p><i>В 2007 году Д. И. Светозаров вновь обратился к роману Достоевского и предложил свою телеверсию. Дмитрий Иосифович выбрал актера с европейской внешностью — Владимира Кошевого. Он считал, что Достоевский ориентируется на творчество Стендаля. В телеверсии Светозарова Соня читает о воскрешении Лазаря, однако ее чтение сопровождается внутренним монологом Раскольникова, т. е. передается его точка зрения. Он смотрит в этот момент на Соню как на «юродивую». Текст Евангелия при этом не воспринимается зрителем. Из всех снов Раскольникова режиссер выбирает только первый. Эпилог он считал написанным тенденциозно, поэтому внес в него свои изменения. Действие в эпилоге в фильме Светозарова совершается зимой, а не весной, после Пасхи.</i></p> <p>— Какая авторская мысль не учитывается режиссером? <i>В театральной постановке в Театре Моссовета Юрия Александровича Завадского в 1969 года читалось Евангелие и был показан эпилог. Для этого на перекрестке водрузили крест. Раскольников публично каялся у креста и потом уходил по помосту на каторгу. Был введен еще один герой — Чтец, который читал со сцены последний сон Раскольникова. Сейчас существуют различные технологии, которые могут помочь показать сон о трихинах в театре.</i></p> <p>— Мы с вами уже упоминали про важную роль снов Раскольникова и Свидригайлова в романе. Как раскрывается картина мира во снах Раскольникова? <i>(Ответы обучающихся.) Хорошо! Обратимся к киноадаптации Роберта Вине «Раскольников» (1923). Какие выразительные средства раскрывают внутренний мир Раскольникова?</i></p> <p><i>Немецкий режиссер решил экранизировать роман после того, как побывал на гастролях МХАТа в Германии. Он предложил Григорию Хмаре роль Раскольникова, а декорации к фильму создавал российский художник Андрей Андреев. Р. Г. Круглов считает, что фильм получился сильным из-за парадоксального сочетания реалистической манеры игры актеров и стилистики экспрессионизма театрального художника. Декорации создают тревожную атмосферу, выражают дисгармоничность мироздания Раскольникова, акцентируют внимание на образных смыслах всего изображаемого. Специфическое освещение, зачастую неестественное, грим, прежде всего, особенная бледность ключевых героев, позволяют передать напряженность, драматизм состояния героя. Визуальное выделение отдельных объектов (гротесковый образ мещанина и старухи) и непосредственная визуализация мира человеческого сознания</i></p>	

Этапы	Деятельность учителя и учеников	Время
	<p><i>(воображения, кошмаров и бреда героя)», столкновение света и тени соответствуют экспрессионистской эстетике, согласно которой нужно сосредоточиться на какой-то одной вещи во всей Вселенной, вырвав ее из опосредующих связей с другими объектами. Кошмар героя из фильма Р. Вине содержит гротескные образы меццинина и старухи, которых играет один актер. Таким образом создается символический образ смерти, преследующей героя.</i></p> <p>— Сравните первый и второй сны Раскольникова. Какое чувство вызывает у Раскольникова избивание лошади во втором сне? Герой воспринимает избивание хозяйки во втором сне? Если печальная участь «бедной лошадки» вызывает слезы и протест героя, то избивание хозяйки воспринимается Раскольниковым с недоумением: «Мир перевернулся что ли?» Его картина мира, действительно, перевернулась: вместо сострадания к человеку он испытывает презрение или равнодушие. Однако встреча с Мармеладовым в трагических обстоятельствах и сострадание к этому герою, раздавленному лошадьми, возвращает Раскольникова к себе, каким он был до преступления.</p>	
<p>III. Проектная работа</p>	<p>— Разделимся на группы и поработаем над последним сном Раскольникова. Подумайте, кто из вас хочет попробовать себя в роли режиссера, оператора фильма, а кто хочет выступить в роли кинокритика. Чтобы вы сумели разделиться на группы, я предлагаю прочитать информацию на карточках «Памятка режиссеру», «Памятка оператору», «Памятка кинокритику».</p> <p>«Памятка режиссеру» Режиссер — это творческий специалист, который руководит процессом создания кинофильма. Режиссер определяет общий замысел и стиль произведения, подбирает актеров и сотрудников, работает со сценарием, контролирует съемку, монтирует и сдает готовый продукт. Режиссер — это человек, который воплощает идею в живое действие. Если рассматривать кинофильм как сообщение зрителю, то в нем можно выделить следующие уровни: — распознавание и идентификация визуальных и звуковых объектов, которые появляются на экране (точка зрения, глубина кадра, соотношение зрительного образа и звукового и др.); — совокупность символических обозначений; — совокупность кинематографических систем или киноречь (монтажное соединение, движение камеры и т. д.). (Омон Ж. и др. Эстетика фильма / пер. И. И. Чельшевой. М., 2021. С. 54).</p>	<p>18 минут</p>

Этапы	Деятельность учителя и учеников	Время
	<p>«Памятка оператору»</p> <p>Кинооператор — это специалист, который занимается съемкой видео- и киноматериалов. Он отвечает за создание визуальных образов фильма и должен иметь навыки работы с видеокамерой, знание основных правил кадрирования, света, композиции, а также понимание основ монтажа и постпроизводственного процесса.</p> <p>Виды плана:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Дальний план — снимается с дальнего расстояния и демонстрирует красоту и масштаб местности, здания или животного мира. 2. Общий план — показывает персонажа полностью, с ног до головы. 3. Стандартный средний план — изображает персонажа от линии пояса и выше. 4. Крупный план — персонаж находится близко, чтобы камера могла считать все его эмоции. 5. Детальный план — позволяет во всех подробностях рассмотреть определённые части лица персонажа. 6. Субъективный план — показывает ситуацию с угла зрения персонажа. <p>Виды монтажа:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Линейный монтаж. Сюжет или действие показаны последовательно. Длинные промежутки времени могут быть сокращены, но хронология событий не нарушается. 2. Параллельный монтаж. Этот вид монтажа используют для демонстрации нескольких сюжетных линий, происходящих одновременно. 3. Ассоциативный монтаж. Этот метод монтажа устанавливает связи между разными кадрами или сценами на основе схожих тем, идей, эмоций, цветов, движений или любых других ассоциативных элементов. 4. Контрастный монтаж. Этот метод монтажа использует контраст во всех его аспектах: контраст смыслов, эмоций, визуальных элементов. 5. Монтаж по времени. Видеоматериал записывается или монтируется так, чтобы показать события, происходящие в течение длительного периода времени, в значительно сокращенной форме или наоборот. 6. Ритмический монтаж. В этом случае сцены или кадры синхронизированы с музыкой или другими звуковыми элементами. <p>Виды монтажных соединений:</p> <p>Соединение на взгляде, на движении; на жесте, по оси, вокруг камеры.</p> <p>(Омон Ж. и др. Эстетика фильма / пер. И. И. Чельшевой. М., 2021. С. 54).</p>	

Этапы	Деятельность учителя и учеников	Время
	<p>«Памятка кинокритику» Кинокритик — это специалист, который анализирует кинематографический процесс и рецензирует фильмы. В своих отзывах кинокритик высказывает мнение о достоинствах и недостатках произведения. Важно объективно оценивать режиссерскую, операторскую, актерскую работу и художественные решения. Кинокритика интересует реализация авторской идеи, особенности жанра и оригинальность киноязыка. Работа кинокритиком требует умения выделять уникальные особенности произведения и находить технические, логические, сюжетные ошибки или особенности. Чтобы написать объективную рецензию, нужно обращать внимание на разные аспекты: монтаж, визуальную составляющую, соотношение элементов структуры произведения, внешние и внутренние конфликты персонажей, идею фильма.</p> <p><i>Последний сон Раскольникова:</i> 1. «Он пролежал в больнице весь конец поста и Святую. Уже выздоравливая, он припомнил свои сны, когда еще лежал в жару и бреду. Ему грезилось в болезни, будто весь мир осужден в жертву какой-то страшной, неслыханной и невиданной моровой язве, идущей из глубины Азии на Европу. Все должны были погибнуть, кроме некоторых, весьма немногих, избранных. Появились какие-то новые трихины, существа микроскопические, вселявшиеся в тела людей. Но эти существа были духи, одаренные умом и волей. Люди, принявшие их в себя, становились тотчас же бесноватыми и сумасшедшими. Но никогда, никогда люди не считали себя так умными и непоколебимыми в истине, как считали зараженные. Никогда не считали непоколебимее своих приговоров, своих научных выводов, своих нравственных убеждений и верований. Целые селения, целые города и народы заражались и сумасшествовали. Все были в тревоге и не понимали друг друга, всякий думал, что в нем в одном и заключается истина, и мучился, глядя на других, бил себя в грудь, плакал и ломал себе руки. Не знали, кого и как судить, не могли согласиться, что считать злом, что добром. Не знали, кого обвинять, кого оправдывать. Люди убивали друг друга в какой-то бессмысленной злобе. Собирались друг на друга целыми армиями, но армии, уже в походе, вдруг начинали сами терзать себя, ряды расстраивались, воины бросались друг на друга, кололись и резались, кусали и ели друг друга. В городах целый день били в набат: созывали всех, но кто и для чего зовет, никто не знал того, а все были в тревоге. Оставили самые обыкновенные ремесла, потому что</p>	

Этапы	Деятельность учителя и учеников	Время
	<p>всякий предлагал свои мысли, свои поправки, и не могли согласиться; остановилось земледелие. Кое-где люди сбегались в кучи, соглашались вместе на что-нибудь, клялись не расставаться, — но тотчас же начинали что-нибудь совершенно другое, чем сейчас же сами предполагали, начинали обвинять друг друга, дрались и резались. Начались пожары, начался голод. Все и всё погибало. Язва росла и подвигалась дальше и дальше. Спастись во всем мире могли только несколько человек, это были чистые и избранные, предназначенные начать новый род людей и новую жизнь, обновить и очистить землю, но никто и нигде не видал этих людей, никто не слышал их слова и голоса.</p> <p>2. «Раскольников мучило то, что этот бессмысленный бред так грустно и так мучительно отзывается в его воспоминаниях, что так долго не проходит впечатление этих горячешных грез. Шла уже вторая неделя после Святой; стояли теплые, ясные, весенние дни; в арестантской палате отворили окна (решетчатые, под которыми ходил часовой). Соня, во всё время болезни его, могла только два раза его навестить в палате; каждый раз надо было испрашивать разрешения, а это было трудно. Но она часто приходила на госпитальный двор, под окна, особенно под вечер, а иногда так только, чтобы постоять на дворе минутку и хоть издали посмотреть на окна палаты» [Т. 6. С. 419–420].</p> <p><i>Ребята делятся на две группы. Кинооператоры и режиссеры в течение 5 минут совместно обсуждают концепцию возможной экранизации фрагмента и технологии, которые могли бы использоваться. Кинокритики в течение отведенного времени размышляют о кинематографичности данных фрагментов. Далее кинооператоры и режиссеры представляют свой проект, затем кинокритики высказывают своё мнение. Совместное обсуждение.</i></p> <p><i>В итоге совместной работы обучающиеся предлагают оптимальный способ экранизации данных фрагментов.</i></p>	
IV. Учение А. А. Ухтомского.	<p>Чтобы понять концепцию личности по Достоевскому, необходимо обратиться к теории доминанты А. А. Ухтомского. Алексей Алексеевич Ухтомский (1875–1942) — советский физиолог, создатель учения о доминанте, академик АН СССР. Родился в Ярославской губернии, в семье бывшего военного. Он является нашим земляком. Обожал свою тётю, Анну Николаевну Ухтомскую, которая его воспитывала, считал её праведницей. В 13 лет Алексей поступил в Нижегородский кадетский корпус. Там же открыл для себя математику, которую полюбил на всю жизнь, увлекся философией, психологией, этикой и литературой. Позднее, во время учёбы</p>	10 минут

Этапы	Деятельность учителя и учеников	Время
	<p>на словесном отделении Московской духовной академии, в круг его интересов вошла физиология. Окончив академию, он отказался от церковной карьеры, планируя дальше изучать физиологию. Ухтомский понял, что его призвание — это келья с наукой, и поступил в Петербургский университет на естественное отделение математического факультета. Учёный считал, что человек целостен, поэтому, занимаясь его биологией и физиологией, можно исследовать и душевные и духовные процессы, которые в нём происходят.</p> <p>Главным его открытием стал принцип доминанты. Давайте попробуем применить его при анализе поведения героев романа в различных ситуациях.</p> <p>Поступки и мысли человека определяет направление его доминанты. Это своеобразная призма, сквозь которую он видит мир. Если для человека главное — это он сам, его интересы, он окажется в одиночестве, так как будет видеть вокруг лишь отражение себя самого, то есть двойников, что в итоге приведет к разрушению.</p> <p>Если же человек сможет забыть о себе и увидеть ценность в другом человеке, он найдет собеседника, который поможет ему лучше понять самого себя и других.</p> <p>— Каким образом доминанта определяет поступки человека в романе «Преступление и наказание»? Как можно определить доминанту личности? Можно ли допустить, что это происходит, когда личность осуществляет выбор?</p> <p>— В каком эпизоде мы можем говорить о том, что доминанта Раскольникова изменила направление «на себя» и он видит вокруг двойников?</p> <p><i>После убийства процентщицы Раскольников не может молиться, он все время возвращается к месту и времени преступления. Третий сон Раскольникова раскрывает его модель мира, которая оказывается противоположна той, что была до совершения преступления. Если в первом сне избиение лошади пробуждает боль его сердца, то страшный кошмар о «зверском» истязании хозяйки вызывает у него только рассудочный вопрос: «Что это, свет перевернулся что ли?» [т. 6, с. 91]. Действительно, картина мира в его сознании оказывается искаженной: он неверно судит об окружающих, его сознание порождает новых двойников. Свидригайлов словно выходит из сознания Раскольникова, чье пространство символически сужается до баньки с науками.</i></p> <p>— Смог ли герой избавиться от двойников? В каком эпизоде романа мы можем найти подтверждение?</p> <p><i>Собеседник пробуждается в душе Раскольникова, когда он видит на улице раздавленного лошадьми Мармеладова: сострадание к другому человеку возрождает ту доминанту, которая была сформирована в детстве.</i></p>	

Этапы	Деятельность учителя и учеников	Время
	<p><i>После помощи Мармеладовым и разговора с дочерью Катерины Ивановны, Полей, просьбой помолиться за «раба Родиона» Раскольников испытывает ощущение вдруг прихлынувшей полной и могучей жизни [т. 6, с. 147]. Раскольникову снится сон, в котором сталкиваются символические «коды» Двойника и Собеседника — «черная лестница» и воскресный звон колоколов. Звук дребезжащего дверного колокольчика противопоставляется в этом сне благовесту церковных колоколов. Однако, мысленно возвращаясь к преступлению, Раскольников думает только об убийстве ростовицы, но не вспоминает невинно убиенную Лизавету. И только лицо Сони в момент исповеди напоминает Раскольникову о совершенном преступлении: «...он смотрел на нее и вдруг, в ее лице, как бы увидел лицо Лизаветы. Он ярко запомнил выражение лица Лизаветы, когда он приближался тогда к ней с топором, а она отходила от него к стене, выставив вперед руку, с совершенно детским испугом в лице, точь-в-точь как маленькие дети...» [т. 6, с. 315]. После чтения Евангелия Раскольников говорит Соне, что «дети — образ Христов» и напоминает, что «сих есть Царствие Небесное» [т. 6, с. 252]. С образом Сони связано формирование новой доминанты Собеседника в Раскольникове. Соня читает Евангелие Лизаветы и надевает Лизаветин крест на Раскольникова, идущего с повинной в полицейскую контору. Именно «большое и измученное», «отчаянное» лицо Сони вынудило Раскольникова вернуться в полицейский участок и сделать признание в убийстве ростовицы. В эпилоге после Пасхи Раскольников во сне впервые видит свою идею со стороны, т. е. отчуждается от нее. Если зло определяется, то человек уже различает добро и зло, следовательно, его Двойник вытесняется Собеседником. Встреча с Соней на берегу реки после Светлого Христова Воскресения — это начало новой жизни героя. Образ Сони «пронзает» сердце Раскольникова. Раскольников в целом порыве бросается к ногам Сони так же, как бросился к ногам матери после решения идти с повинной.</i></p> <p>— Сопоставьте процесс духовного преображения Раскольникова в фильмах Л. А. Кулиджанова «Преступление и наказание» и Роберта Вине «Раскольников». Как работает принцип доминанты в киноэкранизациях?</p> <p>— Какой вывод мы можем сделать, основываясь на изученном материале?</p> <p><i>Беседа об интерпретации романа Достоевского в кино и театре позволяет осознать концепцию жизни писателя, для которого быть — это значит преодолевать в себе «двойника» и видеть в другом «собеседника», и самому быть при этом «собеседником».</i></p>	

Этапы	Деятельность учителя и учеников	Время
V. Рефлексия	— Всё ли было понятно на уроке? Остались ли вопросы? — Понравился ли вам урок? — Что нового вы узнали на уроке? — Хотели бы и вы попробовать создать киноадаптацию произведения? Если да, то какого?	5 минут

Ссылки

1. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
2. Фёдорова Е. А. Евангельское слово в романах Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», «Идиот» // Аксиологическое пространство русской словесности: традиции и перспективы изучения: Материалы международной научной конференции «Кусковские чтения. Аксиологическое пространство русской словесности: традиции и перспективы изучения» / сост. М. Михайлова. М.: Издательский центр МГИК, 2019. С. 355–364.
3. Фёдорова Е. А. Киноадаптации романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» на уроках литературы // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2020. № 3 (28). С. 27–29.
4. Фёдорова Е. А. «Пороговое» состояние личности и формирование новой доминанты: А. А. Ухтомский и Ф. М. Достоевский // Филологические чтения. Человек. Текст. Дискурс: Материалы V Всероссийской с международным участием научной конференции, посвященной 80-летию со дня памяти Алексея Алексеевича Ухтомского / сост. Е. А. Фёдорова. Ярославль: Филлигрань, 2022. С. 327–335.

3.7.6. Судьба личности и народа по роману Л. Н. Толстого «Война и мир»: принцип доминанты А. А. Ухтомского

Цель: формирование нравственной доминанты обучающихся.

Задачи: показать, как действует принцип доминанты, сформулированный А. А. Ухтомским, в романе Л. Н. Толстого «Война и мир»; выявить авторское отношение к героям романа Л. Н. Толстого «Война и мир»; сопоставить текст романа с экранизацией, осуществленной Р. Дорнгеймом в 2007 году; пробудить читательское воображение для написания фанфикшна по роману Л. Н. Толстого в соответствии с доминантой героя и автора.

Оборудование: проектор, компьютер, мультимедийный экран, информационные карточки.

Этапы	Деятельность учителя и учеников	Время
<p>I. Организационный момент. Постановка проблемы</p>	<p>— Сегодня мы поговорим о судьбе. Как раскрывается судьба личности и судьба народа в романе Л. Н. Толстого «Война и мир»? Насколько они связаны между собой? В словаре С. И. Ожегова дается следующее значение слова «судьба»: «СУДЬБА, ы, мн. судьбы, судеб и (устар.) судеб, судьбам, ж. 1. <i>Стечение обстоятельств, не зависящих от воли человека, ход жизненных событий</i>. В словаре древнерусского языка есть другие значения: «Судьба — ж. 1. Суд, судебное разбирательство; 2. Решение, приговор, божественный приговор. Не послушаете мене, ни створите заповѣди моихъ, нъ ослушаете ихъ и судьбами твоими [вм.: моими] сътужиться душа ваша [Лев., XXVI, 15]. 3. <i>Божественное установление</i>. 4. <i>Божественное предопределение</i>. 5. <i>Участь, судьба, предназначенная от Бога</i>. Украшайтея духовнаго свѣта образомъ; аще ли же обогатѣте от божественныхъ словесъ поучениемъ, не токмо безрѣшнее будете, но и паче прехвальни сотворите себѣ судьбы. 1652 г.» Словарь русского языка (XI–XVII вв.) / АН СССР, Ин-т рус. яз.; гл. ред. Р. И. Аванесов. М.: Наука, 2008. Вып. 28. С. 272–273.</p>	<p>5 минут</p>
<p>II. Осмысление понятия «судьба» в киноадаптациях «Войны и мира»</p>	<p>В 2007 году австрийский режиссер Роберт Дорнгейм экранизировал роман Л. Н. Толстого «Война и мир». В этой интерпретации добавлены реплики героев, введены стихотворения и песни, в которых звучит одна тема. Послушайте (посмотрите на слайдах) эти фрагменты и скажите, какую проблему поднимает режиссер? О судьбе в каком значении размышляет режиссер? В фильм включена песня на стихи М. В. Зубовой (1791). Ее поет Наташа, а Николай Ростов к ней присоединяется:</p> <p style="text-align: center;"><i>Переменить нельзя предела, Нельзя страсти истребить. Знать, судьба мне так велела, Чтоб в пустыне одной жить.</i></p> <p>Наташа приходит к Элен после театра и слышит декламацию стихов:</p> <p style="text-align: center;"><i>Я не каюсь в том, но знаю, Что на казнь осуждена я роком.</i></p> <p>Перед женитьбой на Элен Пьер говорит: «Это неправильно. Это не моя судьба». Николай Ростов говорит княжне Марье в Богучарове: «Похоже, что сама судьба нас сводит вместе». Соня отпускает Николая Ростова со словами: «Я всегда чувствовала, что не судьба быть нам вместе».</p>	<p>5 минут</p>

Этапы	Деятельность учителя и учеников	Время
	<p>Андрей Болконский говорит перед смертью сестре: «Как странно свела судьба нас. Она смотрит все время за мной». Князь Василий после смерти детей в финале говорит Пьеру: «Ужасно, когда дети умирают раньше родителей. Судьба слишком жестока со мной. Я тоже был жесток с Вами. Простите меня».</p> <p>В финале фильма, когда показана семья Болконских-Ростовых-Безуховых с детьми на лужайке под цветущими деревьями, Пьер произносит слова за кадром: «Вот говорят: лишения, страдания... Если бы мне сказали: хочешь ли оставаться тем, кто был до плена или снова пережить плен? Ради Бога, пусть еще раз плен. Угошайтесь и радуйтесь своей счастливой судьбе. Когда жизнь сбивается с счастливой дорожки, мы думаем, что все пропало. А тут только начинается новое, хорошее. Пока есть жизнь, есть счастье. Это так много. А сколько еще впереди».</p>	
<p>III. Учение А. А. Ухтомского</p>	<p>— Как, по мнению Ухтомского, доминанта личности определяет ее судьбу?</p> <p><i>В 1923 году Ухтомский публикует статью «Доминанта как рабочий принцип нервных центров», где он описывает три фазы формирования доминанты личности на примере пробуждения любви у Наташи Ростовской к князю Андрею Болконскому в романе Л. Н. Толстого «Война и мир». В Рыбинском историко-архитектурном и художественном музее в фонде редкой книги хранится экземпляр журнала с этой статьей [Ухтомский], на полях которой Ухтомский размышляет о доминанте, которая определяет судьбу человека: «Всякому напряженному стремлению, всякой доминантѣ дается добиться своего. Но это может быть и гибельно для их носителя. И в этом — Суд, т. е. в самом высшем смысле Судьба человека. Переоценка под страхом смерти стремлений и доминант человека — вот совесть внутри человека и судьба вне его» [Ухтомский, с. 43].</i></p> <p>— Как соотносятся между собой слова «суд» и «судьба»? Слово «судьба» является важнейшим концептом национальной культуры. В древнерусских памятниках XI века слова «суд» и «судьба» обозначали суд земной и суд Божий, были синонимами и могли заменять друг друга [Зарипова, с. 93]. В Священном Писании судьбы Божии назывались Судом Божиим [Зарипова, с. 94]. С XVI века слово «Судьба» теряет религиозную окраску [Зарипова, с. 96].</p> <p>— Каким образом доминанта определяет судьбу человека в романе Л. Н. Толстого «Война и мир»? Как можно определить доминанту личности? Можно ли допустить, что это происходит, когда личность осуществляет выбор?</p>	<p>5 минут</p>

Этапы	Деятельность учителя и учеников	Время
<p>IV. Работа с системой образов в романе Л. Н. Толстого</p>	<p>— Каких героев можно назвать близкими автору? <i>Семьи Ростовых и Болконских несут черты уклада семьи самого Толстого: у Наташи няню зовут Савишна, а врач у Болконских носит имя Карла Ивановича, как в повести «Детство».</i></p> <p>Андрей Болконский</p> <p>— Как определяет доминанту личности Андрея Болконского Пьер Безухов? Какие доминанты сталкиваются в душе князя Андрея перед Аустерлицким сражением? Что он считает определяющим перед Бородинским сражением?</p> <p><i>«Пьер считал князя Андрея образцом всех совершенств именно оттого, что князь Андрей в высшей степени соединял все те качества, которых не было у Пьера и которые ближе всего можно выразить понятием — силы воли. Пьер всегда удивлялся способности князя Андрея спокойного обращения со всякого рода людьми, его необыкновенной памяти, начитанности (он все читал, все знал, обо всем имел понятие) и больше всего его способности работать и учиться» (т. 1, ч. 1, гл. 6).</i></p> <p><i>«Известие это было горестно и вместе с тем приятно князю Андрею. Как только он узнал, что русская армия находится в таком безнадежном положении, ему пришло в голову, что ему-то именно предназначено вывести русскую армию из этого положения, что вот он, тот Тулон, который выведет его из рядов неизвестных офицеров и откроет ему первый путь к славе!» (т. 1, ч. 2, гл. 12).</i></p> <p><i>«Глядя в глаза Наполеону, князь Андрей думал о ничтожности величия, о ничтожности жизни, которой никто не мог понять значения, и о еще большем ничтожестве смерти, смысл которой никто не мог понять и объяснить из живущих» (т. 1, ч. 3, гл. 19).</i></p> <p><i>«Я тебя с Аустерлица помню... Помню, помню, с знаменем помню, — сказал Кутузов, и радостная краска бросилась в лицо князя Андрея при этом воспоминании... — Иди с Богом своей дорогой. Я знаю, твоя дорога — это дорога чести...», «“У него не будет ничего своего. Он ничего не придумает, ничего не предпримет, — думал князь Андрей, — но он все выслушает, все запомнит, все поставит на свое место, ничему полезному не помешает и ничего вредного не позволит. Он понимает, что есть что-то сильнее и значительнее его воли, — это неизбежный ход событий, и он умеет видеть их, умеет понимать их значение...” На этом же чувстве, которое более или менее смутно испытывали все, и основано было то единомыслие и общее одобрение, которое сопутствовало народному, противному придворным соображениям, избранию Кутузова в главнокомандующие» (т. 3, ч. 2, гл. 16).</i></p>	<p>15 минут</p>

Этапы	Деятельность учителя и учеников	Время
	<p>«— Для меня на завтра вот что: стотысячное русское и стотысячное французское войска сошлись драться, и факт в том, что эти двести тысяч дерутся, и кто будет злей драться и себя меньше жалеть, тот победит. И хочешь, я тебе скажу, что, что бы там ни было, что бы ни путали там сверху, мы выиграем сражение завтра. Завтра, что бы там ни было, мы выиграем сражение! — Вот, ваше сиятельство, правда, правда истинная, — проговорил Тимохин. — Что себя жалеть теперь!..» (т. 3, ч. 2, гл. 25).</p> <p>Наташа Ростова — Как раскрывается Наташа Ростова в своей любви к Андрею Болконскому? Почему она может танцевать под народную музыку? Какая доминанта движет ею в истории с телегами для раненых? Случайно ли происходит ее встреча с раненым Андреем Болконским? <i>«Наташе казалось, что еще когда она в первый раз увидела князя Андрея в Отрадном, она влюбилась в него. Ее как будто пугало это странное, неожиданное счастье, что тот, кого она выбрала еще тогда (она твердо была уверена в этом), что тот самый теперь опять встретился ей и, как кажется, равнодушен к ней. «И надо было ему нарочно теперь, когда мы здесь, приехать в Петербург. И надо было нам встретиться на этом бале. Все это судьба. Ясно, что это судьба, что все это велось к этому. Еще тогда, как только я увидела его, я почувствовала что-то особенное»</i> (т. 2, ч. 3, гл. 22). <i>«Где, как, когда высосала в себя из того русского воздуха, которым она дышала, — эта графинечка, воспитанная эмигранткой-французенкой, — этот дух, откуда взяла она эти приемы, которые ras de ch�le давно бы должны были вытеснить? Но дух и приемы эти были те самые, неподражаемые, неизучаемые, русские, которых и ждал от нее дядюшка»</i> (т. 2, ч. 4, гл. 7). <i>«— Раненые, вот кто! Это нельзя, маменька; это ни на что не похоже... Нет, маменька, голубушка, это не то, простите, пожалуйста, голубушка... Маменька, ну что нам-то, что мы увезем, вы посмотрите только, что на дворе... Маменька!.. Это не может быть!..» «Люди собрались около Наташи и до тех пор не могли поверить тому странному приказанию, которое она передавала, пока сам граф именем своей жены не подтвердил приказа о том, чтобы отдавать все подводы под раненых, а сундуки сносить в кладовые»</i> (т. 3, ч. 3, гл. 16). <i>«— Простите меня за то, что я сделала, — чуть слышным, прерывным шепотом проговорила Наташа и чаще стала, чуть дотрогиваясь губами, целовать руку. — Я люблю тебя больше, лучше, чем прежде, — сказал князь</i></p>	

Этапы	Деятельность учителя и учеников	Время
	<p><i>Андрей, поднимая рукой ее лицо так, чтобы он мог глядеть в ее глаза. Глаза эти, налитые счастливыми слезами, робко, сострадательно и радостно-любовно смотрели на него. Худое и бледное лицо Наташи с распухшими губами было более чем некрасиво, оно было страшно. Но князь Андрей не видел этого лица, он видел сияющие глаза, которые были прекрасны»</i> (т. 3, ч. 3, гл. 32).</p> <p>Марья Болконская — Какая портретная деталь раскрывает «доминанту души» Марьи Болконской? Как показана княжна Марья автором в своем отношении к отцу и брату? Почему Марья Болконская не осталась в Богучарове под покровительством французского генерала? <i>«Зеркало отразило некрасивое, слабое тело и худое лицо. Глаза, всегда грустные, теперь особенно безнадежно смотрели на себя в зеркало. «Она мне льстит», — подумала княжна, отвернулась и продолжала читать. Жюли, однако, не льстила своему другу: действительно, глаза княжны, большие, глубокие и лучистые (как будто лучи теплого света иногда снопами выходили из них), были так хороши, что очень часто, несмотря на некрасивость всего лица, глаза эти делались привлекательнее красоты. Но княжна никогда не видела хорошего выражения своих глаз, того выражения, которое они принимали в те минуты, когда она не думала о себе. Как и у всех людей, лицо ее принимало натянуто-неестественное, дурное выражение, как скоро она смотрелась в зеркало»</i> (т. 1, ч. 1, гл. 22). <i>«Княжна Марья повернулась к брату, и сквозь слезы любовный, теплый и кроткий взгляд ее прекрасных в ту минуту, больших лучистых глаз остановился на лице князя Андрея»</i> (т. 1, ч. 1, гл. 23). <i>«— Против твоей воли Он спасет и помилует тебя и обратит тебя к Себе, потому что в Нем одном и истина и успокоение, — сказала она дрожащим от волнения голосом, с торжественным жестом держа в обеих руках перед братом овальный старинный образок Спасителя с черным ликом, в серебряной ризе, на серебряной цепочке мелкой работы. Она перекрестилась, поцеловала образок и подала его Андрею. — Пожаааауйста, André, для меня... Из больших глаз ее светились лучи доброго и робкого света. Глаза эти освещали все болезненное, худое лицо и делали его прекрасным. Брат хотел взять образок, но она остановила его. Андрей понял, перекрестился и поцеловал образок</i> (т. 1, ч. 1, гл. 25). <i>Княжна Марья надеялась. Она молилась за брата, как за живого, и каждую минуту ждала известия о его возвращении»</i> (т. 2, ч. 1, гл. 7).</p>	

Этапы	Деятельность учителя и учеников	Время
	<p>«Окна комнаты, в которой лежала княжна Марья, были на запад. Она лежала на диване лицом к стене и, перебирая пальцами пуговицы на кожаной подушке, видела только эту подушку, и неясные мысли ее были сосредоточены на одном: она думала о невозвратимости смерти и о той своей душевной мерзости, которой она не знала до сих пор и которая выказалась во время болезни ее отца. Она хотела, но не смела молиться, не смела в том душевном состоянии, в котором она находилась, обращаться к Богу. Она долго лежала в этом положении. Солнце зашло на другую сторону дома и косыми вечерними лучами в открытые окна осветило комнату и часть сафьянной подушки, на которую смотрела княжна Марья». «M-lle Bourienne достала из ридикюля объявление на нерусской необыкновенной бумаге французского генерала Рамо о том, чтобы жители не покидали своих домов, что им оказано будет должное покровительство французскими властями, и подала ее княжне. — Я думаю, что лучше обратиться к этому генералу, — сказала m-lle Bourienne, — и я уверена, что вам будет оказано должное уважение». «Чтобы князь Андрей знал, что она во власти французов! Чтоб она, дочь князя Николая Андреича Болконского, просила господина генерала Рамо оказать ей покровительство и пользовалась его благодеяниями!» — Эта мысль приводила ее в ужас, заставляла ее содрогаться...» (т. 3. Ч. 2, гл. 10).</p> <p>Пьер Безухов — На чем основывалось желание Пьера жениться на Элен? Как менялись их взаимоотношения на протяжении романа? Какие чувства испытывает герой, находясь на батарее? Как раскрывается доминанта Пьера в этом эпизоде?</p> <p>Пьер Безухов и Элен. «Он слышал тепло ее тела, запах духов и слышал скрип ее корсета при дыхании. Он видел не ее мраморную красоту, составлявшую одно целое с ее платьем, он видел и чувствовал всю прелесть ее тела, которое было закрыто только одеждой». «Он знал это в эту минуту так же верно, как бы он знал это, стоя под венцом с нею. Как это будет и когда, он не знал; не знал даже, хорошо ли это будет (ему даже чувствовалось, что это нехорошо почему-то), но он знал, что это будет» (т. 1, ч. 3, гл. 1). «Пьер полтора месяца после вечера Анны Павловны и последовавшей за ним бессонной, взволнованной ночи, в которую он решил, что женитьба на Элен была бы несчастьем и что ему нужно избегать ее и уехать, Пьер после этого решения не переезжал от князя Василья и с ужасом</p>	

Этапы	Деятельность учителя и учеников	Время
	<p><i>чувствовал, что каждый день он больше и больше в глазах людей связывается с нею, что он не может никак возвратиться к своему прежнему взгляду на нее, что он не может и оторваться от нее, что это будет ужасно, но что он должен будет связать с нею свою судьбу»</i> (т. 1, ч. 3, гл. 2).</p> <p><i>«Всякий раз, как нечаянно взгляд его встречался с прекрасными нагими глазами Долохова, Пьер чувствовал, как что-то ужасное, безобразное поднималось в его душе, и он скорее отворачивался»</i> (т. 2, ч. 1, гл. 4).</p> <p><i>«Два соображения исключительно занимали его: виновность его жены, в которой после бессонной ночи уже не оставалось ни малейшего сомнения, и невинность Долохова, не имевшего никакой причины беречь честь чужого для него человека»</i> (т. 2, ч. 1, гл. 4).</p> <p><i>«Солдаты эти сейчас же мысленно приняли Пьера в свою семью, присвоили себе и дали ему прозвище. "Наш барин" прозвали его и про него ласково смеялись между собой». «Как из придвигающейся грозовой тучи, чаще и чаще, светлее и светлее вспыхивали на лицах всех этих людей (как бы в отпор совершающегося) молнии скрытого, разгорающегося огня. Пьер не смотрел вперед на поле сражения и не интересовался знать о том, что там делалось: он весь был поглощен в созерцание этого, все более и более разгорающегося огня, который точно так же (он чувствовал) разгорался и в его душе». «Грозовая туча надвинулась, и ярко во всех лицах горел тот огонь, за разгоранием которого следил Пьер»</i> (т. 3, ч. 2, гл. 31).</p> <p><i>«Солнце взошло светло и било косыми лучами прямо в лицо Наполеона, смотревшего из-под руки на флешу. Дым стлался перед флешами, и то казалось, что дым двигался, то казалось, что войска двигались. Слышны были иногда из-за выстрелов крики людей, но нельзя было знать, что они там делали», «Наполеон, стоя на кургане, смотрел в трубу, и в маленький круг трубы он видел дым и людей, иногда своих, иногда русских; но где было то, что он видел, он не знал, когда смотрел опять простым глазом»</i> (т. 3, ч. 2, гл. 33).</p> <p>Николай Ростов — Какой вывод о характере Николая мы можем сделать, опираясь на его портрет? Какие чувства испытывает герой при встрече с «государем» и чем это обусловлено? Как герой относится к своей службе? Как раскрывается доминанта души Николая при встрече с Соней, княжной Марьей? Что испытывает герой, проиграв крупную сумму? Какой вывод мы можем сделать?</p>	

Этапы	Деятельность учителя и учеников	Время
	<p>«Николай был невысокий курчавый молодой человек с открытым выражением лица. На верхней губе его уже показывались черные волосики, и во всем лице выражались стремительность и восторженность» (т. 1, ч. 1, гл. 8). «Остановившись против Павлоградского полка, государь сказал что-то по-французски австрийскому императору и улыбнулся. Увидав эту улыбку, Ростов сам невольно начал улыбаться и почувствовал еще сильнейший прилив любви к своему государю. Ему хотелось выказать чем-нибудь свою любовь к государю. Он знал, что это невозможно, и ему хотелось плакать. Государь вызвал полкового командира и сказал ему несколько слов. "Боже мой! Что бы со мной было, ежели бы ко мне обратился государь! — думал Ростов. — Я бы умер от счастья"» (т. 1, ч. 3, гл. 8).</p> <p>«Он поцеловал ее руку и назвал ее вы — Соня. Но глаза их, встретившись, сказали друг другу "ты" и нежно поцеловались. Она просила своим взглядом у него прощенья за то, что в посольстве Наташи она смела напомнить ему о его обещании, и благодарила его за его любовь. Он своим взглядом благодарил ее за предельные свободы и говорил, что, так ли, иначе ли, он никогда не перестанет любить ее, потому что нельзя не любить ее» (т. 2, ч. 1, гл. 1).</p> <p>«Ведь он знает, — говорил он сам себе, — что значит для меня этот проигрыш. Не может же он желать моей гибели? Ведь он друг был мне. Ведь я его любил... Но и он не виноват; что ж ему делать, когда ему везет счастье? И я не виноват, — говорил он сам себе. — Я ничего не сделал дурного. Разве я убил кого-нибудь, оскорбил, пожелал зла? За что же такое ужасное несчастье? И когда оно началось?» «О! это ужасно — чувствовать себя так во власти этого человека», — думал Ростов. Ростов понимал, какой удар он нанесет отцу, матери объявлением этого проигрыша; он понимал, какое бы было счастье избавиться от всего этого, и понимал, что Долохов знает, что может избавиться его от этого стыда и горя, и теперь хочет еще играть с ним, как кошка с мышью» (т. 2, ч. 1, гл. 14).</p> <p>«Тут, в полку, все было ясно и просто. Весь мир был разделен на два неровные отдела: один — наш Павлоградский полк, и другой — все остальное. И до этого остального не было никакого дела. В полку все было известно: кто был поручик, кто ротмистр, кто хороший, кто дурной человек, и главное — товарищ» (т. 2, ч. 2, гл. 15).</p> <p>«Мы не чиновники дипломатические, а мы солдаты, и больше ничего, — продолжал он. — Велят нам</p>	

Этапы	Деятельность учителя и учеников	Время
	<p><i>умирать — так умирать. А коли наказывают, так значить — виноват; не нам судить. Угодно государю императору признать Бонапарте императором и заключить с ним союз — значит так надо. А то коли бы мы стали обо всем судить да рассуждать, так этак ничего святого не останется. Этак мы скажем, что ни Бога нет, ничего нет, — ударяя по столу, кричал Николай весьма некстати, по понятиям своих собеседников, но весьма последовательно по ходу своих мыслей» (т. 2, ч. 2, гл. 21).</i></p> <p><i>«Княжна Марья, потерянная и бессильная, сидела в зале, в то время как к ней ввели Ростова. Она не поняла, кто он, и зачем он, и что с нею будет. Увидав его русское лицо и по входу его и первым сказанным словам признав его за человека своего круга, она взглянула на него своим глубоким и лучистым взглядом и начала говорить обрывавшимся и дрожавшим от волнения голосом. Ростову тотчас же представилось что-то романтическое в этой встрече. «Беззащитная, убитая горем девушка, одна, оставленная на произвол грубых, бунтующих мужиков! И какая-то странная судьба натолкнула меня сюда! — думал Ростов, слушая ее и глядя на нее. — И какая кротость, благородство в ее чертах и в выражении!» — думал он, слушая ее робкий рассказ» (т. 3, ч. 2, гл. 13).</i></p> <p>Наташа Ростова — Каким образом раскрываются доминанты Наташи Ростовой и Марьи Болконской? <i>«Он предложил ей тур вальса. То замирающее выражение лица Наташи, готовое на отчаяние и на восторг, вдруг осветилось счастливой, благодарной, детской улыбкой. «Давно я ждала тебя», — как будто сказала эта испуганная и счастливая девочка своей просиявшей из-за готовых слез улыбкой, поднимая свою руку на плечо князя Андрея». (т. 2, ч. 3, гл. 16). «Что с ней сделалось?» — еще удивленнее сказал он сам себе. Князь Андрей с бережливо-нежным выражением стоял перед нею и говорил ей что-то. Она, подняв голову, разругавшись и, видимо, стараясь удержать порывистое дыханье, смотрела на него. И яркий свет какого-то внутреннего, прежде потушенного огня опять горел в ней. Она вся преобразилась. Из дурной опять сделалась такою же, какою она была на бале» (т. 2, ч. 3, гл. 21).</i></p> <p><i>«Наташе казалось, что еще когда она в первый раз увидела князя Андрея в Отрадном, она влюбилась в него. Ее как будто пугало это странное, неожиданное счастье, что тот, кого она выбрала еще тогда (она твердо была уверена в этом), что тот самый теперь опять встретился ей и, как кажется, равнодушен к ней.</i></p>	

Этапы	Деятельность учителя и учеников	Время
	<p>«И надо было ему нарочно теперь, когда мы здесь, приехать в Петербург. И надо было нам встретиться на этом бале. Все это судьба. Ясно, что это судьба, что все это велось к этому. Еще тогда, как только я увидела его, я почувствовала что-то особенное» (т. 2, ч. 3, гл. 22). «Наташа не помнила, как она вошла в гостиную. Войдя в дверь и увидав его, она остановилась. "Неужели этот чужой человек сделался теперь все для меня?" — спросила она себя и мгновенно ответила: "Да, все: он один теперь дороже для меня всего на свете". Князь Андрей подошел к ней, опустив глаза. — Я полюбил вас с той минуты, как увидел вас. Могу ли я надеяться? Он взглянул на нее, и серьезная страстность выражения ее лица поразила его. Лицо ее говорило: "Зачем спрашивать? Зачем сомневаться в том, чего нельзя не знать? Зачем говорить, когда нельзя словами выразить того, что чувствуешь"» (т. 2, ч. 3, гл. 23).</p> <p>«Где, как, когда всосала в себя из того русского воздуха, которым она дышала, — эта графинечка, воспитанная эмигранткой-француженкой, — этот дух, откуда взяла она эти приемы, которые <i>pas de châte</i> давно бы должны были вытеснить? Но дух и приемы эти были те самые, неподражаемые, неизучаемые, русские, которых и ждал от нее дядюшка» (т. 2, ч. 4, гл. 7).</p> <p>«— Маменька, это нельзя; посмотрите, что на дворе! — закричала она. — Они остаются!. — Что с тобой? Кто они? Что тебе надо? — Раненые, вот кто! Это нельзя, маменька; это ни на что не похоже... Нет, маменька, голубушка, это не то, простите, пожалуйста, голубушка... Маменька, ну что нам-то, что мы увезем, вы посмотрите только, что на дворе... Маменька!.. Это не может быть!..» «Люди собрались около Наташи и до тех пор не могли поверить тому странному приказанию, которое она передавала, пока сам граф именем своей жены не подтвердил приказания о том, чтобы отдавать все подводы под раненых, а сундуки сносить в кладовые» (т. 3, ч. 3, гл. 16). «Пути Господни неисповедимы!» — думала она, чувствуя, что во всем, что делалось теперь, начинала выступать скрывавшаяся прежде от взгляда людей всемогущая рука. — Ну, мама, все готово. О чем вы?. — спросила с оживленным лицом Наташа, вбегая в комнату. — Ни о чем, — сказала графиня. — Готово, так поедем. — И графиня нагнулась к своему ридикюлю, чтобы скрыть расстроенное лицо. Соня обняла Наташу и поцеловала ее» (т. 3, ч. 3, гл. 17).</p> <p>«Он понял, что это была живая, настоящая Наташа, и не удивился, но тихо обрадовался. Наташа, стоя на коленях, испуганно, но прикованно (она не могла двинуться) глядела на него, удерживая рыдания. Лицо ее было</p>	

Этапы	Деятельность учителя и учеников	Время
	<p><i>бледно и неподвижно. Только в нижней части его трепетало что-то. Князь Андрей облегчительно вздохнул, улынулся и протянул руку. — Вы? — сказал он. — Как счастливо! Наташа быстрым, но осторожным движением подвинулась к нему на коленях и, взяв осторожно его руку, нагнулась над ней лицом и стала целовать ее, чуть дотрогиваясь губами. — Простите! — сказала она шепотом, подняв голову и взглядывая на него. — Простите меня! — Я вас люблю, — сказал князь Андрей. — Простите... — Что простить? — спросил князь Андрей. — Простите меня за то, что я сделала, — чуть слышным, прерывным шепотом проговорила Наташа и чаще стала, чуть дотрогиваясь губами, целовать руку. — Я люблю тебя больше, лучше, чем прежде, — сказал князь Андрей, поднимая рукой ее лицо так, чтобы он мог глядеть в ее глаза. Глаза эти, налитые счастливыми слезами, робко, сострадательно и радостно-любовно смотрели на него. Худое и бледное лицо Наташи с распухшими губами было более чем некрасиво, оно было страшно. Но князь Андрей не видел этого лица, он видел сияющие глаза, которые были прекрасны» (т. 3, ч. 3, гл. 32).</i></p> <p>Марья Болконская <i>«Зеркало отразило некрасивое, слабое тело и худое лицо. Глаза, всегда грустные, теперь особенно безнадежно смотрели на себя в зеркало. "Она мне льстит", — подумала княжна, отвернулась и продолжала читать. Жюли, однако, не льстила своему другу: действительно, глаза княжны, большие, глубокие и лучистые (как будто лучи теплого света иногда снопами выходили из них), были так хороши, что очень часто, несмотря на некрасивость всего лица, глаза эти делались привлекательнее красоты. Но княжна никогда не видела хорошего выражения своих глаз, того выражения, которое они принимали в те минуты, когда она не думала о себе. Как и у всех людей, лицо ее принимало натянуто-неестественное, дурное выражение, как скоро она смотрелась в зеркало» (т. 1, ч. 1, гл. 22). «Княжна Марья повернулась к брату, и сквозь слезы любовный, теплый и кроткий взгляд ее прекрасных в ту минуту, больших лучистых глаз остановился на лице князя Андрея» (т. 1, ч. 1, гл. 23).</i></p> <p><i>«Против твоей воли Он спасет и помилует тебя и обратит тебя к Себе, потому что в Нем одном и истина и успокоение, — сказала она дрожащим от волнения голосом, с торжественным жестом держа в обеих руках перед братом овальный старинный образок Спасителя с черным ликом, в серебряной ризе, на серебряной цепочке мелкой работы. Она перекрестилась, поцеловала</i></p>	

Этапы	Деятельность учителя и учеников	Время
	<p><i>образок и подала его Андрею. — Пожалуйста, André, для меня... Из больших глаз ее светились лучи доброго и робкого света. Глаза эти освещали все болезненное, худое лицо и делали его прекрасным. Брат хотел взять образок, но она остановила его. Андрей понял, перекрестился и поцеловал образок» (т. 1, ч. 1, гл. 25). «Княжна Марья надеялась. Она молилась за брата, как за живого, и каждую минуту ждала известия о его возвращении» (т. 2, ч. 1, гл. 7).</i></p> <p><i>«Окна комнаты, в которой лежала княжна Марья, были на запад. Она лежала на диване лицом к стене и, перебирая пальцами пуговицы на кожаной подушке, видела только эту подушку, и неясные мысли ее были сосредоточены на одном: она думала о невозвратимости смерти и о той своей душевной мерзости, которой она не знала до сих пор и которая выказалась во время болезни ее отца. Она хотела, но не смела молиться, не смела в том душевном состоянии, в котором она находилась, обращаться к Богу. Она долго лежала в этом положении. Солнце зашло на другую сторону дома и косыми вечерними лучами в открытые окна осветило комнату и часть сафьянной подушки, на которую смотрела княжна Марья. Ход мыслей ее вдруг приостановился.</i></p> <p><i>«Mlle Bourienne достала из ридикюля объявление на нерусской необыкновенной бумаге французского генерала Рамо о том, чтобы жители не покидали своих домов, что им оказано будет должное покровительство французскими властями, и подала ее княжне. — Я думаю, что лучше обратиться к этому генералу, — сказала mlle Bourienne, — и я уверена, что вам будет оказано должное уважение». «Чтобы князь Андрей знал, что она во власти французов! Чтоб она, дочь князя Николая Андреича Болконского, просила господина генерала Рамо оказать ей покровительство и пользовалась его благодеяниями!» — Эта мысль приводила ее в ужас, заставляла ее содрогаться, краснеть и чувствовать еще не испытанные ею припадки злости и гордости. Все, что только было тяжелого и, главное, оскорбительного в ее положении, живо представлялось ей» (т. 3, ч. 2, гл. 10)</i></p> <p>Долохов</p> <p>— Почему Долохова и Соню нельзя назвать близкими автору героями? Однозначны ли они? Каким образом они раскрываются в романе?</p> <p><i>«Долохов был человек среднего роста, курчавый и с светлыми голубыми глазами. Ему было лет двадцать пять. Он не носил усов, как и все пехотные офицеры, и рот его, самая поразительная черта его лица, был весь виден. Линии этого рта были замечательно тонко изогнуты.</i></p>	

Этапы	Деятельность учителя и учеников	Время
	<p><i>В середине верхняя губа энергически опускалась на крепкую нижнюю острым клином, и в глазах образовывалось постоянно что-то вроде двух улыбок, по одной с каждой стороны; и все вместе, а особенно в соединении с твердым, наглым, умным взглядом, составляло впечатление такое, что нельзя было не заметить этого лица. Долохов был небогатый человек, без всяких связей. И несмотря на то, что Анатоль проживал десятки тысяч, Долохов жил с ним и успел себя поставить так, что Анатоль и все знавшие их уважали Долохова больше, чем Анатоля. Долохов играл во все игры и почти всегда выигрывал. Сколько бы он ни пил, он никогда не терял ясности головы. И Курагин и Долохов в то время были знаменитостями в мире повес и кутил Петербурга» (т. 1, ч. 1, гл. 6).</i></p> <p><i>«Мать моя. Моя мать, мой ангел, мой обожаемый ангел, мать», — И Долохов заплакал, сжимая руку Ростова. Когда он несколько успокоился, он объяснил Ростову, что живет с матерью, что ежели мать увидит его умирающим, она не перенесет этого. Он умолял Ростова ехать к ней и приготовить ее. Ростов поехал вперед исполнять поручение и, к великому удивлению своему, узнал, что Долохов, этот буян, бретёр-Долохов, жил в Москве с старушкой матерью и горбатой сестрой и был самый нежный сын и брат» (т. 2, ч. 1, гл. 4).</i></p> <p><i>«Я никого знать не хочу, кроме тех, кого люблю; но кого я люблю, того люблю так, что жизнь отдам, а остальных передам всем, коли станут на дороге. У меня есть обожаемая, неоцененная мать, два-три друга, ты в том числе, а на остальных я обращаю внимание только настолько, насколько они полезны или вредны. И все почти вредны, в особенности женщины. Да, душа моя, — продолжал он, — мужчин я встречал любящих, благородных, возвышенных; но женщин, кроме продажных тварей — графинь или кухарок, все равно, — я не встречал еще. Я не встречал еще той небесной чистоты, преданности, которых я ищу в женщине. Ежели бы я нашел такую женщину, я бы жизнь отдал за нее. А эти!.. — Он сделал презрительный жест. — И веришь ли мне, ежели я еще дорожку жизнью, то дорожку только потому, что надеюсь еще встретить такое небесное существо, которое бы возродило, очистило и возвысило меня. Но ты не понимаешь этого» (т. 2, ч. 1, гл. 10).</i></p> <p>Соня</p> <p><i>«Соня была тоненькая, миниатюрненькая брюнетка с мягким, отененным длинными ресницами взглядом, густою черною косою, два раза обвивавшею ее голову, и желтоватым оттенком кожи на лице и в особенности на обнаженных худощавых, но грациозных</i></p>	

Этапы	Деятельность учителя и учеников	Время
	<p><i>мускулистых руках и шее. Плавностью движений, мягкостью и гибкостью маленьких членов и несколько хитрою и сдержанною манерой она напоминала красивого, но еще не сформировавшегося котенка, который будет прелестною кошечкой»</i> (т. 1, ч. 1, гл. 8).</p> <p>Отечественная война как событие, которое объединяет народ.</p> <p>— Когда доминанты героев совпадают друг с другом и с доминантой народа как соборной личности? Какое событие всех объединяет?</p> <p><i>«Они, может быть, умрут завтра, зачем они думают о чем-нибудь другом, кроме смерти?». И ему вдруг по какой-то тайной связи мыслей живо представился спуск с Можайской горы, телеги с ранеными, трезвон, косые лучи солнца и песни кавалеристов... У помещичьего дома, на левой стороне дороги, стояли экипажи, фургоны, толпы денщиков и часовые. Тут стоял светлейший. Но в то время, как приехал Пьер, его не было, и почти никого не было из штабных. Все были на молитвах. Пьер поехал вперед к Горкам. Въехав на гору и выехав в небольшую улицу деревни, Пьер увидел в первый раз мужиков-ополченцев с крестами на шапках и в белых рубашках, которые с громким говором и хохотом, оживленные и потные, что-то работали направо от дороги, на огромном кургане, обросшем травой. Одни из них копали лопатами гору, другие возили по доскам землю в тачках, третьи стояли, ничего не делая. Два офицера стояли на кургане, распорядясь ими. Увидав этих мужиков, очевидно забавляющихся еще своим новым, военным положением, Пьер опять вспомнил раненых солдат в Можайске, и ему понятно стало то, что хотел выразить солдат, говоривший о том, что всем народом навалиться хотят. Вид этих работающих на поле сражения бородатых мужиков с их странными неуклюжими сапогами, с их потными шеями и кое у кого растегнутыми косыми воротами рубах, из-под которых виднелись загорелые кости ключиц, подействовал на Пьера сильнее всего того, что он видел и слышал до сих пор о торжественности и значительности настоящей минуты»</i> (т. 3, ч. 2, гл. 20).</p>	
<p>V. Оценивание интерпретации романа австрийским режиссером</p>	<p>Какую роль играют отсутствующие в экранизации романа эпизоды?</p> <p>Как раскрываются доминанты души героев в экранизации? Сопоставьте несколько эпизодов из экранизации с текстом произведения.</p> <p>Какое у вас сложилось мнение об интерпретации?</p>	<p>5 минут</p>

Этапы	Деятельность учителя и учеников	Время
	<p>— Какое определение вы можете дать понятию «фанфикшн»? По каким принципам создается такой вид текста?</p> <p><i>Процесс чтения, по Вольфгангу Изеру, состоит из двух базовых операций — антиципации (предвосхищения будущих событий) и ретроспекции (переосмысления уже прочитанного), постоянно модифицирующих горизонт читательских ожиданий. Однако на процесс чтения также оказывают влияние так называемые «зияния» в тексте — нарушения логической связи высказываний, различные пропуски, прерывания мысли, т. к. ни один текст не развивается линейно, непрерывным потоком. «Зияния» дают читателю возможность активизировать свою способность к установлению взаимосвязей.</i></p> <p><i>Фанфикшн как особая область литературного творчества и коммуникации выполняет, таким образом, функцию демонстрации множества индивидуальных читательских интерпретаций произведения, которые в итоге складываются в потенциальный мир авторской картины жизни.</i></p> <p><i>Один из основных принципов построения фанатского текста — прописывание «опущенных сцен», то есть событий, которых в произведении нет, но они подразумеваются или могли бы быть. Читатели-фанаты пишут «продолжения» (как строилась семейная жизнь Николая Ростова и княжны Марьи, например), или же «предисловия» — что было до описанных в романе событий (как проходило раннее детство Наташи Ростовой и т. п.).</i></p> <p>— Есть ли в фильме Р. Дорнгейма добавленные сюжеты? На охоте Наташа на лошади стоит в засаде и вдруг видит волка. Они обмениваются взглядами — Наташа его пропускает. После охоты, глядя на убитого волка, говорит брату: «Я рада, что не увидела его смерти».</p> <p><i>Из французского плена Пьера Безухова освобождает Долохов со своим партизанским отрядом. Они обнимаются: «Петруша!» — «Боже мой! Спасибо тебе!».</i></p> <p>— Итак, мы с вами разобрались в понятии фанфикшн, рассмотрели механизмы его создания. Теперь мы можем попробовать себя в роли авторов фанфикшн! Предлагаю вам дописать эпизод или продолжить повествование о судьбе героев.</p>	
VI. Творческое задание	<p><i>В прятную ночь, при лунном свете, Представит счастливо себе, Что некто есть еще на свете, Кто думает и о тебе!</i></p>	10 минут

Этапы	Деятельность учителя и учеников	Время
	<p><i>Что и она, рукой прекрасной По арфе золотой бродя, Своей гармониею страстной Зовет к себе, зовет тебя! Еще день, два, и рай настанет... Но ах! Твой друг не доживет!</i> (Песня Николая Ростова (1, 17).</p> <p>— Также вы можете написать целую историю, используя перечисленные возможные сюжеты: 1. Николенька во время кризиса видит во сне князя Андрея. 2. Наташа на одном из приемов встречается с Курагиным-инвалидом. 3. Марья Болконская разговаривает с Соней, которая просит у нее совета, уйти ли ей в монастырь. 4. Внук Николая Ростова просит у него благословения идти добровольцем на Крымскую войну. 5. Пьер Безухов узнает, что среди его крепостных оказался брат Платона Каратаева.</p>	
VII. Рефлексия	<p>— Все ли вам было понятно на уроке? Остались ли вопросы? — Что нового вы узнали на уроке? — Понравился ли вам урок? — Изменилось ли ваше представление о романе? — Хотели бы вы начать писать в сфере фанфикшн? По каким произведениям?</p>	

Ссылки

1. Зарипова А. Р. Семантическая эволюция слова «судьба» в истории русского языка // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2015. С. 92–101.
2. Ухтомский А. А. Доминанта как рабочий принцип нервных центров // Русский физиологический журнал имени И. М. Сеченова. М.; Пг., 2023. VI (1–3). С. 31–45.
3. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Художественная литература, 1935–1958.

Раздел 4

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИНТЕРПРЕТАЦИИ РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

4.1. Аксиологический подход к изучению русской классической литературы в высшей школе

А. В. Тоичкина

Д. И. Чижевский (1894–1977) — выдающийся славист XX века. Бесценный вклад Чижевского в науку (по замечанию О. Прицака и И. Шевченко) «составляют его монографии, изданные отдельными книгами или же опубликованные в несколько подач в научных журналах и сборниках. Насыщенные новой информацией, они всегда содержали и теоретические открытия» [Прицак, Шевченко, 1990, с. 97]. Однако Чижевский был не только ученым, но и преподавателем. И если в 1930-е он писал монографии, посвященные специальным научным проблемам (такие, как «Очерки по истории философии на Украине» — 1931, «Философия Сковороды» — 1934, «Гегель в России» — 1939), то в 1940–60-е он пишет и издает целый ряд книг, которые являются фактически учебниками по курсам истории славянских литератур. Особое место среди них занимают такие монографии, как «История древнерусской литературы в XI–XIII веках. Киевская эпоха» (“Geschichte der altrussischen Literatur im 11., 12. Und 13. Jht. Kiever Epoche“ Frankfurt a. M., 1948), «Сравнительная история славянских литератур» — 1952¹, «История украинской литературы (от начала до эпохи реализма)»: первое издание — Украинская Вольная Академии Наук в США, Нью-Йорк, 1956², «История русской литературы с XI века по конец эпохи

¹ В 1952 году эта монография Д. И. Чижевского вышла на английском языке, в 1968 — на немецком. Переведена на украинский язык (Киев, 2005).

² Начал ее Чижевский писать в 1941–1942 гг.: западно-украинский исследователь Н. Гнатышак написал 1-й том «Истории украинской литературы», который и вышел

Барокко» (“History of Russian literature from the Eleventh century to the end of Baroque”) — 1960, «История русской литературы XIX века» (“Russische Literaturgeschichte des 19. Jahrhunderts“) в двух томах, — 1964–1967. В этих монографиях жанр научного исследования синтезирован с жанром учебника.

Чижевский писал свои «Истории» славянских литератур, опираясь на немецкую традицию «истории духа» и феноменологический подход (значимой для него была философия Э. Гуссерля). Его «история духа» строится на философском исследовании генезиса стиля и образов, которые рассматриваются в широком историческом и сопоставительных контекстах. В «Историях» славянских литератур Чижевского преломляется его целостная концепция исторического бытия европейской культуры³. Задача ученого была прочесть историю литератур как единый текст великого произведения о жизни духа европейского мира, осмыслив и обозначив внутренние законы и принципиально важные закономерности пути развития. Он боролся с заниженной оценкой значения славянских литератур и их вклада в европейскую культуру в целом.

В центре его исследований — понятие историко-литературной эпохи как эпохи, в которой господствовал определенный стиль. Ученый сосредоточивается, с одной стороны, на описании идеологии, жанров, формальных особенностей поэтики стиля эпохи в целом, с другой — представляет поэтологический анализ стиля конкретных произведений. В статье 1929 года он пишет: «Каждой эпохе свойственна своя истина, своя логика, своя философия. <...> В истории противоположные истины сражаются одна против другой» [Tschizewsky, 1929, с. 345]⁴. Свою концепцию смены историко-литературных эпох ученый выстраивает на гегелевском принципе единства и борьбы противоположностей: каждая последующая эпоха идеологически и стилистически отрицает предшествующую, но обращается к опыту предыдущей отрицаемой (так, например,

в Праге. Но Н. Гнатышак умер, и Чижевский (по просьбе издателя) продолжил его работу. Второй том вышел через год-другой после первого. См. об этом: [Наенко, 2003, с. 8–9].

³ Об этом пишет Владимир Янцен: [Янцен, 2008, с. 17–18].

⁴ О восприятии Чижевским философии Ницше в 1920–30-е гг. см. мою статью: [Тоичкина, 2013].

эпоха барокко, отрицая возрождение, возвращалась к опыту средневековья).

Для Чижевского в стиле конкретного произведения преломляется стиль эпохи. И стиль произведения — шаг к осмыслению духа эпохи. Так — шаг за шагом — он исследует и описывает духовную историю народа сквозь призму стиля эпох в истории литературы. Подход к истории литературы как к истории смены стилистических направлений восходит, с одной стороны, к киевской школе В. Перетца, с другой — к немецкой формальной литературной школе: К. Фосслера, О. Вальцеля, Ф. Штриха. Его подход позволяет исследовать историю литературы как бы вне заданных идеологических или религиозных рамок и требований.

Главное и самое ценное в истории — «литературный факт» (Ю. Тынянов), литературное произведение. Только исследовав поэтику стиля конкретного произведения, можно подняться на уровень обобщений и заключений об особенностях стилей эпох. Кроме того, произведения первого ряда не существуют у Чижевского в вакууме, в отрыве от процесса развития литературы («он прочел все сохранившиеся памятники» [Надъярных, 2005, с. 54]).

Как исследователь украинской литературы, Д. И. Чижевский явился первооткрывателем эпохи украинского барокко, ввел в научный оборот имена многих авторов и их тексты этого времени⁵. Как пишет О. Мишанич, «Дмитрий Чижевский был первым, кто поставил и начал последовательно исследовать проблему барокко на материале украинской литературы» в условиях полного упадка медиевистики на Украине [Мишанич, 2003, с. 8]. Чижевский доказывает причастность украинского барокко к европейскому⁶. Кроме того, ученый «проследил идейно-тематические и формальные особенности украинской поэзии XVII–XVIII ст. на уровне эстетических требований того времени» [Мишанич, 2003, с. 11]. Это еще один из принципов Чижевского-

⁵ Украинскому барокко посвящены очерки Чижевского: «Літературний український барок» (1941–1944) и монография «Філософія Г. С. Сковороди» (1934).

⁶ Одним из принципов построения «Истории украинской литературы» Чижевского явилось приведение им в соответствие реального процесса развития украинской литературы стилям и эпохам, свойственным развитию европейской культуры. Таким образом, в «Истории» Чижевского украинская литература предстает частью общеевропейского культурного развития.

историка: необходимо рассматривать «литературный факт» по законам эпохи, в которую он возник, а не с позиций эпохи исследования.

В рамках каждой литературной эпохи Чижевский рассматривает литературный процесс в его жанровом и языковом разнообразии. Исследование средств художественного языка (тропов, фигур, топов, аллитерации, эвфонии), композиции, сюжетов, мотивов занимает важное место в процессе стилистического и поэтологического анализа. Для описания эпохи барокко важным для Чижевского становится раздел о стихотворной поэзии. В «Истории украинской литературы» уделяется очень много места развитию стихотворных жанров. Так, одним из «исторических» открытий ученого явились украинские думы. Описывая поэзию барокко, он обращается к формальному анализу, а затем следует ряд иллюстраций: «Под влиянием польского стиха, украинский приобрел в эпоху барокко “силлабическую” стихотворную форму — ритм стиха образовывался определенным количеством слогов в строчке, строка кончалась рифмой, как у поляков “женской”, т. е. с ударением на предпоследнем слоге, лишь в исключениях допускались рифмы “мужские”, с ударением на последнем слоге, и “дактилические”, с ударением на третьем от конца слоге» [Чижевский, 2003, с. 281]. Далее приводятся отрывки из силлабических стихов на тему смерти: на похороны Сагайдачного, на тему смерти у ер. Клементия и Кирилла Транквилиона Ставровецкого с небольшими историко-литературными комментариями.

Чижевский писал А. Л. Бему 21 января 1943 года: «Не знаю, удалось ли мне написать книгу так, чтобы у читателя получилось хотя бы отчасти впечатление, что он познакомился с *самими* произведениями и с эволюцией тематики (я намеренно давал цитаты из разных авторов и произведений на ту же тему и т. д.). Так же написаны и другие части, только в третьей изложении уже не по жанрам, а по авторам — другие времена...» [Надъярных, 2005, с. 83]. Далее (в главе о барочной поэзии) анализируется жанр барочной духовной песни. Речь идет вроде бы о формальном стилистическом анализе. Но сам подбор отрывков из стихов становится инструментом, который позволяет исследователю донести до нас живой голос эпохи, услышать про духовные нужды современников. Так, светская стихотворная поэзия барокко, один из ее разделов — меланхолическая лирика — определяется «вечными» темами: «печаль о счастье, об утраченной молодости, жалобы на судьбу, — иногда индивидуальные ноты пере-

ходят в философскую рефлексию» [Чижевський Д., 2003, с. 286]. Далее снова идут примеры, и исследовательский комментарий тонко отмечает момент, когда «субъективная лирика сливается с религиозной» [Чижевський, 2003, с. 287]. В жанровом разнообразии стихотворной поэзии эпохи барокко просвечивает разнообразие самой жизни Украины этого времени: плачи, политическая лирика, «эпиграммы», «эмблематические» стихи, подробный иллюстрированный анализ стихотворных экспериментов эпохи («віршові іграшки»). Речь вроде бы все время идет о формально-стилистическом анализе, но Чижевский добивается того, что читатель вступает в диалог с текстами, а через них — в диалог с самой исторической эпохой со всеми ее неурядицами, политическими и духовными проблемами, которые в той, или иной мере отразились в произведениях искусства.

Подход исследователя меняется, когда он обращается к украинской литературе XIX века, к стихотворной поэзии 20–30-х годов XIX века, творчеству П. Гулака-Артемовского. В центре исследования — жанр травестийной оды, в котором написаны «Пісні Гараська» Гулака-Артемовского (его переложения од Горация), анализ лексики, а не стихотворного размера: «Перепевы эти всегда переводят основную мысль оды в плоскость вульгарного стиля и вульгарного языка. Степень вульгаризации разная. Любимый язык Гулака-Артемовского — язык пьяниц и шутников, но нет недостатка и в собственно серьезном, лирическом языке» [Чижевський, 2003, с. 380]. Далее Чижевский строит свой анализ на контрасте между серьезным содержанием, скажем, оды Горация, и ее переложением Гулаком («До Пархома»), на контрасте собственно стилистическом, сопоставляя отрывки из разных произведений украинского поэта. Перед нами предстает стилистическое разнообразие поэтических переложений Гулака: будь то послание «До Любки» (вместо Хлои у Горация), переложение басни Красицкого «Пан та собака», переложение высоким стилем псалмов. Как всегда у Чижевского, особое внимание уделяется анализу языка поэтических произведений. Собственно, анализ языка и является для него закономерным основанием анализа литературного стиля.

Н. С. Надъярных так характеризует отношение ученого к произведениям литературы: «Беспристрастность, граничащая с благоговением, трепетность в обращении со словом составляют условие того отношения к тексту, которое строится у него на эрудированности, филологически тонком анализе и лично отфильтрованной

культурологической традиции. Он любит остаться с текстом наедине и, вспахивая эту делянку, не нарушая внутреннего лада, развязывать тончайшую вязь образа, рифмы и аллитерации. <...> Поэтому он и придает тексту функцию “самостоятельно мыслящего устройства” (позднейшая формулировка Ю. М. Лотмана), в чем проявит гибкую прогностичность, а если разобраться, то в лучшем смысле верность традиции» [Надъярных, 2005, с. 53].

Для преподавания курса «Сравнительное славянское литературоведение», который на кафедре славянской филологии СПбГУ читается студентам второго курса магистратуры, безусловную ценность представляет монография Д. И. Чижевского «Сравнительная история славянских литератур». Как писал М. К. Наенко, такого подхода к исследованию сравнительной истории славянских литератур, как предложил в этой монографии Д. Чижевский, «не было ни до, ни после него» [Наенко, 2005, с. 24]. Сам Чижевский указывал не только на научную, но и на «педагогическую цель» своей монографии: «студенты “славянской филологии” должны изучать не только одну литературу (по большей части русскую), но и должны получить представление про все славянские литературы в целом» [Чижевский, 2005, с. 27].

Монография охватывает период от начала Моравской миссии (второй после введения раздел) до эпохи модернизма (12-й раздел). Эпохе «Средневековья» посвящены три раздела (2–4). Отдельно выделены эпохи «Московской литературы XVI–XVII веков» (5-й раздел) и «Гусизма» (6-й раздел). Дальше представлены обзоры следующих эпох: Ренессанс (7-й раздел), барокко (8-й раздел), классицизм (9-й раздел), романтизм (10-й раздел), реализм (11-й раздел), неоромантизм (модернизм) (12-й раздел). Конечно, сама схема — теория историко-культурных эпох / волн, популярная в XX веке, — предусматривает описание процесса развития славянских литератур в контекст развития европейских. И Чижевский стремится к тому, чтобы, с одной стороны, показать историю славянских литератур как европейских, с другой — подчеркнуть их самобытность и своеобразие. Д. И. Чижевский, конечно, мечтал написать «всеобъемлющую сравнительную историю славянских литератур». Монографию, о которой идет речь, он считал «только скромными пролегоменами к ней» [Чижевский, 2005, с. 242].

В начале разделов, освещающих ту или другую историко-литературную эпоху, Чижевский дает список основных авторов, либо

произведений по жанрам. Так для эпохи раннего Средневековья он предлагает систематизацию по жанрам (жития, проповеди, летописи и т. д.), расписывая их по регионам обитания славянских народов: западные, южные, восточные славяне. Когда речь заходит о литературе Нового времени, например, эпохе Романтизма, происходит перечисление авторов, распределенных по народностям: поляки, россияне, чехи, словаки, хорваты, сербы, словенцы, украинцы, лужичане. Список персоналий иногда удивляет (так, Третьяковского, Ломоносова и Державина Чижевский относит к эпохе барокко), но он, как правило, обосновывает свои заключения анализом стиля конкретных произведений авторов. В контексте каждого раздела представлены и характеристика эпохи в целом, и конкретный историко-литературный материал, касающийся наиболее ярких явлений в той или иной славянской литературе этого времени. Предлагает Чижевский и конкретный анализ отдельных взятых текстов (или отрывков из них). Ему важно из мозаики собрать картину, в которой отразилось бы значение, вклад той или иной славянской литературы в европейскую культуру данной эпохи. Исторические законы (как и духовные) развития литературы едины для всех народов Европы. Чижевский в своем исследовании процессов стилистического развития европейских, в частности, славянских литератур, стремился показать неизменность и диалектику этих законов.

Его учебник содержит в себе большой научный и методологический потенциал. Использование пособия позволяет на втором курсе магистратуры активизировать у студентов уже полученные за время обучения на кафедре славянской филологии знания, обобщить их, поднять на новый уровень и наметить дальнейшие перспективы их профессионального становления как славистов.

Ссылки

1. Мишанич О. Дмитро Чижевський як історик давньої української літератури // Чижевський Д. Літературний український барок. Нариси. Харків: Акта, 2003. С. 7–23.
2. Наєнко М. К. Порівняльна славістика в інтерпретації Дмитра Чижевського // Чижевський Д. І. Порівняльна історія слов'янських літератур. Київ: Академія, 2005. С. 7–24.
3. Надъярных Н. С. Дмитрий Чижевский. Единство смысла. М.: Наука, 2005. 366 с.

4. Прицак О., Шевченко И. Памяти Дмитрия Чижевского // *Философская и социологическая мысль*. 1990. № 10. С. 86–99.
5. Тоичкина А. В. Философия Ницше в «истории духа» Д. И. Чижевского // Сравнительно о сравнительном литературоведении: транснациональная история компаративизма. Коллективная монография по материалам русско-французских коллоквиумов 6–7 октября 2009 года и 3–4 октября 2011 года / под. ред. Екатерины Дмитриевой и Мишеля Эспане. М.: ИМЛИ РАН, 2013. С. 332–337.
6. Чижевський Д. Історія української літератури. Київ: Академія, 2003. 568 с.
7. Чижевський Д. І. Порівняльна історія слов'янських літератур. Київ: Академія, 2005. 288 с.
8. Янцен В. В. Неизвестный Чижевский. СПб.: РХГА, 2008. 162 с.
9. Tschizewsky D. Hegel et Nietzsche // *Revue d'Histoire de la Philosophie* 3e Anné Juillet/Septembre. 1929, 3. Paris, pp. 321–347.

4.2. Программа по дисциплине «Сравнительное славянское литературоведение»

М. П. Мальков, А. В. Тоичкина

Цель курса: дать представление о видах и типах литературных связей, общем и особенном в культурах славянского ареала, обоснование понятия славянской этнокультурной общности (на базе данных археологии и антропологии, языкознания, историографии и т. д.) и осознание исторических трансформаций идеи славянского единства.

Задачи курса: ознакомить с основными положениями и достижениями сравнительного славянского литературоведения, с его историей и настоящим, с конкретными исследованиями в области отдельных бинарных и многосторонних связей литератур славянского мира.

Требования к подготовленности обучающегося к освоению содержания учебной дисциплины (пререквизиты).

Практический курс предназначен для студентов, окончивших бакалавриат и обучающихся по программе «Славянская филология».

Перечень компетенций, формируемых при изучении дисциплины. В результате освоения курса студент должен:

— иметь представление об интеграционных и центробежных процессах в развитии славянских литератур, о связях культуры и истории, культуры и политики, культуры и религии;

— ориентироваться в основных течениях современной литературной компаративистики, владеть основными методами сравнительного литературоведческого анализа.

Структура и содержание учебной дисциплины

1. Разделы курса:

- 1.1. Понятие и принципы сравнительного изучения литератур.
- 1.2. Проблемы компаративистики в истории литературоведения.
- 1.3. Славянская этнокультурная общность и исторические преобразования идеи славянской взаимности.

1.4. Сравнительные исследования основных этапов развития славянских литератур.

2. Краткое содержание разделов и тем:

2.1. Понятие и принципы сравнительного изучения литератур.

2.1.1. Общее, частное и сравнительное литературоведение. Системное изучение литературного наследия. Понятия литературоведческого сопоставления, сравнения и типологии. Сравнения, устанавливающие культурные взаимодействия, и сопоставления историко-генетические и историко-типологические.

2.1.2. Сравнительно-исторический метод в литературоведении. Его преимущества и особенности в применении к изучению родственных литератур. Славянская общность в ряду других подобных (романская, тюркская и т. д.) и в контексте мировой культуры.

2.2. Проблемы компаративистики в истории литературоведения.

2.2.1. Школы сравнительного литературоведения — мифологическая, миграционная, историческая. А. Н. Веселовский и сравнительно-историческое изучение литератур в России. Д. И. Чижевский и его «история духа».

2.2.2. Вопросы сходства и национального своеобразия славянских литератур, общего и особенного в трудах отечественных и зарубежных ученых (В. Жирмунский, И. Неупокоева, Д. Лихачев, И. Голенищев-Кутузов — Россия, Д. Дюришин — Чехия, В. Ледницкий, Б. Бялокозович, М. Якубец — Польша и др.).

2.2.3. Место и роль славянских литератур в истории мировой литературы. Теория европоцентризма и ее оппоненты. Понятие «бродячих» сюжетов. Методы идеологической экспансии эпохи тоталитаризма. Частные методы в современном литературоведении. Структурализм в литературной науке, его методология (Ю. М. Лотман). Славянский, европейский и мировой постмодернизм.

Современные виды и формы межнациональных взаимодействий литератур славянских и неславянских народов. Задача исторически объективного изучения национальных литератур после крушения идеологии тоталитаризма.

2.3. Славянская этнокультурная общность и исторические преобразования идеи славянской взаимности.

2.3.1. Славянский этногенез и его изучение в истории и на современном этапе. Славянская общность как конкретно-историческое явление. Основные вехи ее развития. Конфликты и противоречия в трактовке «славянской идеи».

2.3.2. Исторические концепции славянской взаимности. Я. Коллар. Иллиризм (Л. Гай, С. Враз и др.). Польский мессианиззм (А. Товяньский, А. Мицкевич, М. Грабовский и др.).

2.3.3. Религия и судьбы славянских народов. Христианство в славянском мире — православие, католицизм, протестантизм. Ислам и южные славяне.

2.3.4. Политические и этнокультурные аспекты истории славянских народов. Австро-Венгрия, Османская империя, Российская империя и славянская общность. Славянские государства в XIX–XXI вв.

2.4. Сравнительные исследования основных этапов развития славянских литератур.

2.4.1. Славянский мир эпохи Средневековья (IX–XIV вв.). Особенности принятия христианства в славянских землях. Возникновение славянской письменности. Миссия Кирилла и Мефодия. Основы христианской антропологии. Культурно-исторические зоны — восточно-православная и западно-католическая. Направления и этапы изучения средневековых славянских литератур. «Славянские литературы как система» (Д. С. Лихачев). Понятие и роль литературы-посредницы. Предренессансные явления в культуре славян (И. Н. Голенищев-Кутузов). «Монументальный» и «орнаментальный» стили (Д. И. Чижевский).

2.4.2. Славянская культура в XIV–XVIII вв. Исторические судьбы славянских народов в эту эпоху. Литература славянского юга (Далмация, Дубровник). И. Гундулич. Славянская письменность в условиях иноземного и иноверного гнета. Роль устного народного творчества. Понятие неравномерного (ускоренного, замедленного) развития литератур. Классический и неклассический типы развития литератур славянского Юга, Востока, Запада. Ян Кохановский —

крупнейший славянский поэт эпохи европейского Возрождения. Славянское барокко.

2.4.3. Просвещение в славянских странах. Просветители в среде южных славян (Х. Жефарович, П. Павлович, З. Орфелин), культурно-просветительское движение иллиризма (А. Качич-Миошич, С. Враз, И. Мажуранич и др.). Просвещение на славянском западе. Исторические, филологические, фольклористические начинания и инициативы (Й. Добровский, Й. Юнгман, П. Шафарик, Л. Штур). Просветительский классицизм в Польше (Ф. К. Дмоховский, И. Красицкий, А. Нарушевич и др.). Особенности формирования наций, национальных культур, национального самосознания славянских народов. Значение идеи славянской взаимности в условиях национально-освободительной борьбы поработенных народов.

2.4.4. Романтизм в славянских литературах. Герой байронический и романтический славянский. Героико-романтическое возвеличение борцов за свободу. Мицкевичевский «Конрад Валленрод» — «свой среди чужих, чужой среди своих». Общее и особенное в творчестве славян-романтиков (Й. Иованович-Змай, П. Негош, Ф. Прешерн, Г. Раковский, Д. Чинтулов, К. Маха, А. Мицкевич, Ю. Словацкий, З. Красиньский, Т. Шевченко, П. Кулиш и др.). Попытки реконструкции славянского эпоса. Понятие литературной мистификации. Мистификации в славянских литературах, их патриотическая, гражданственная мотивация (В. Ганка, С. Веркович). Романтическое славяноведение (С. Милутинович-Сарайлия, Г. Раковский). Особенности межславянских литературных связей и взаимодействий в период национально-освободительного подъема.

2.4.5. Реализм в славянских литературах. Революционно-демократическая идеология и литература (С. Маркович, Л. Каравелов, Х. Ботев, Э. Дембовский и др.). Сопоставительное рассмотрение реалистического типа художественного обобщения в славянских литературах. Выравнивание уровней развития литератур. Интеграция и синтез жанров. Эпические формы повествования (Ю. И. Крашевский, И. Вазов, Э. Ожешко, А. Ирасек, Б. Немцова, Б. Прус, Г. Сенкевич, И. Франко, И. Нечуй-Левицкий, Панас Мирный и др.). Дифференциация повествовательной прозы, ее внутрижанровые разновидности (крестьянский роман, семейная хроника, роман-биография, исторический роман и т. д.). Реализм как наименее нормативный художественный метод.

2.4.6. Славянские литературы в конце XIX — начале XX в. Эпоха модернизма. Поиски новых художественных, социальных и политических ориентиров. Социалистические идеи в литературном творчестве. Исторические предпосылки возникновения пролетарского искусства. Полемика марксистов (Д. Благоев, И. Волькер, С.-К. Нейман, Ю. Мархлевский и др.) с теоретиками и практиками «чистого» искусства. Сопоставительное рассмотрение творчества славянских модернистов (П. Яворов, Н. Лилиев, О. Бжезина, П. Безруч, И. Краско, М. Ракич, В. Назор, С. Пшибышевский, К. Тетмайер, Л. Украинка и др.). Обогащение поэтики художественного творчества (символика, экспрессия, условность, фантастика и пр.). Эволюция социально-психологической, социально-бытовой, философской, сатирической, деревенской прозы (И. Цанкар, Б. Прус, Н. Райнов, Я. Гашек, К. Чапек, В. Реймонт, Елин Пелин, М. Коцюбинский, О. Кобылянская и др.). Новое в трактовке исторической тематики (А. Ирасек, И. Вазов, С. Выспяньский и др.).

2.4.7. Славянские литературы после Первой мировой войны. Общие закономерности литературного процесса в славянских странах в период межвоенного двадцатилетия. Обогащение традиций реалистического искусства (Г. Караславов, К. Петканов, М. Майерова, И. Ольбрахт, Я. Кратохвил, Л. Кручковский, В. Петров и др.). Жанры пролетарских литератур — поэзия, проза, драматургия, публицистика, литературная теория и критика (Х. Смирненский, Н. Вапцаров, И. Волькер, В. Броневский, А. Цесарец, Т. Павлов, А. Ставар, Б. Крефт и др.). Судьбы модернистских течений (символизм, экспрессионизм, «поэтизм» и пр.). Переход писателей разных творческих направлений на позиции социально ответственного, реалистического искусства (Л. Стоянов, Г. Милев, М. Крлежа, В. Незвал, Ю. Тувим, Я. Ивашкевич, М. Рыльский, Н. Бажан и др.). Борьба с идеологией германского фашизма в канун и во время Второй мировой войны. Литература Сопротивления.

2.4.8. Славянские литературы после Второй мировой войны. Понятия «народная демократия» (1940–1950-е годы), «страны социалистического лагеря» и «социалистические литературы» (1960–1980-е годы). Проблемы периодизации истории славянских литератур второй половины XX в. Тематика творчества — антифашистское сопротивление, героизм народных масс, социалистическое строительство и др. Борьба с администрированием и догматизмом, партийным

диктатом в общественной и духовной жизни (Е. Анджеевский, С. Мрожек, В. Гавел, М. Кундера, Б. Грабал и др.). Тема преступлений сталинизма и партократии («Другой мир» Г. Херлинг-Грудзиньского, «Мой век» А. Вата, «На бесчеловечной земле» Ю. Чапского и т. д.). Крушение тоталитарных режимов в славянских странах Центральной и Восточной Европы.

2.4.9. Современный этап сравнительного изучения славянских литератур. Эпоха постмодернизма. Сепаратистские и интеграционные процессы в славянских культурах посткоммунистической поры. Литература современного славянского постмодернизма (М. Павич, И. Крацохвил, Г. Господинов, А. Гужиньская, А. Либера, Т. Конвицкий, Ю. Андрухович и др.) и характерные черты ее поэтики: жанровая гибридность, пародийность, принцип палимпсеста, использование системы кодов и шифров, обыгрывание мифов, стилей, стереотипов, литературных конвенций и пр. Коммерциализация литературы. Кризисные явления в духовной жизни современного мира. Идеология «общего европейского дома», единого мира. Демократизация общественной и культурной жизни в независимых славянских странах. Достижения и утраты современного славянского литературоведения. Задача объективного воссоздания реального многообразия процессов, характеризующих историю конкретных национальных славянских литератур, их региональных групп и всего славянского мира.

Рекомендуемая литература

Сборники и коллективные монографии:

1. Вечные образы и сегодняшние проблемы в литературе Центральной и Юго-Восточной Европы / отв. ред. И. А. Бернштейн. М.: Наука, 1997.
2. Взаимообогащение литератур / отв. ред. Ю. А. Кожевников, О. К. Россианов. М.: Наука, 1990. 236 с.
3. История всемирной литературы: в 9 т. Т. 8 / отв. ред. И. М. Фрадкин. М.: Наука, 1994.
4. История литератур Восточной Европы после Второй мировой войны: в 2 т. / отв. ред. В. А. Хорев. М., 1995–1997.
5. История литератур западных и южных славян: в 3 т. / ред. кол. Л. Н. Будагова, А. В. Липатов, С. В. Никольский. М.: Индрик, 1997–2001.
6. Литература эпохи формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе: Просвещение. Национальное возрождение / ред. кол. И. А. Богданова, С. В. Никольский, Б. Ф. Стахеев. М.: Наука, 1982. 309 с.

7. Литературные связи и литературный процесс: Из опыта славянских литератур / отв. ред. С. В. Никольский. М.: Наука, 1986. 349 с.
8. Литературный авангард: Особенности развития / Отв. ред. Л. Н. Будагова. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1993. 190 с.
9. На рубеже веков: Проблемы развития славянских и балканских литератур конца XIX — начала XX в.: Материалы конференции, посвященной памяти Е. И. Рябовой и В. В. Витт / отв. ред. Л. Н. Будагова. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1989. 194 с.
10. От конструктивизма до сюрреализма / отв. ред. Е. К. Виноградова, Г. Ф. Коваленко. М.: Наука, 1996. 199 с.
11. Поэзия западных и южных славян и их соседей: Развитие поэтических жанров и образов / отв. ред. Л. Н. Будагова. М.: Индрик, 1996. 224 с.
12. Развитие прозаических жанров в литературах стран Центральной и Юго-Восточной Европы / ред. кол. И. И. Калиганов, А. П. Соловьева, Б. Ф. Стахеев. М.: Наука, 1991. 248 с.
13. Реализм в литературах стран Центральной и Юго-Восточной Европы первой трети XX в.: Художественные поиски. Особенности развития / отв. ред. Л. Н. Будагова. М.: Наука, 1989. 322 с.
14. Славяне и Русь: Проблемы и идеи: Концепции, рожденные трехвековой полемикой, в хрестоматийном изложении. М.: Флинта; Наука, 1999. 488 с.
15. Славянофильство и современность: сб. статей. СПб.: Наука, 1994. 262 с.
16. Славянские литературы в процессе становления и развития: От древности до середины XIX века / отв. ред. А. В. Липатов. М.: Наука, 1987. 334 с.
17. Славянское барокко: Историко-культурные проблемы эпохи / ред. кол. А. И. Рогов, А. В. Липатов, Л. А. Софронова. М.: Наука 1979. 380 с.
18. Специфика литературных отношений: Проблемы изучения общности славянских литератур / ред. кол. Ю. Богданов, Л. Будагова, Д. Дюришин, С. Леснякова, В. Хорев. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1994. 157 с.
19. Сравнительное изучение славянских литератур / ред. кол. М. П. Алексеев, В. И. Злыднев, Л. С. Кишкин, Д. Ф. Марков, С. В. Никольский, М. П. Прийма, А. П. Соловьева. М.: Наука, 1973. 510 с.
20. Функции литературных связей: На материале славянских и балканских литератур / отв. ред. С. В. Никольский. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1992. 312 с.

Монографии:

1. Андреев В. Д. Становление славянской литературы: Болгарская литература. СПб.: Изд-во С-Петербур-го ун-та, 1997. 143 с.
2. Бушмин А. С. Методологические вопросы литературоведческих исследований. Л.: Наука, 1969. 285 с.

3. Голенищев-Кутузов И. Н. Славянские литературы. М.: Художественная литература, 1975. 480 с.
4. Горский И. К. Александр Веселовский и современность. М.: Наука, 1975. 240 с.
5. Дюришин Д. Теория сравнительного изучения литературы. М.: Прогресс, 1979. 318 с.
6. Жирмунский В. М. Сравнительное литературоведение: Восток и Запад. Л.: Наука, 1979. 493 с.
7. Кравцов Н. И. Проблемы сравнительного изучения славянских литератур. М.: Изд-во Моск-го ун-та, 1973. 363 с.
8. Козлов В. П. Тайны фальсификации: Анализ подделок исторических источников XVIII–XX веков. М.: Аспект пресс, 1996. 269 с.
9. Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X–XVII веков: Эпохи и стили. СПб.: Наука, 1998. 206 с.
10. Неупокоева И. Г. История всемирной литературы: Проблемы системного и сравнительного анализа. М.: Наука, 1976. 357 с.
11. Пospelов Г. Н. Стадиальное развитие европейских литератур. М.: Художественная литература, 1988. 206 с.
12. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М.: Академический проект, 2023. 639 с.
13. Топоров В. Н. Предыстория литературы славян: Опыт реконструкции: (Введение в курс истории славянских литератур). М.: РГГУ, 1998. 322 с.
14. Чижевський Д. І. Історія української літератури. Київ: Видавничий центр «Академія», 2003. 568 с.
15. Якобсон Р. О. Основа сравнительного славянского литературоведения // Якобсон Р. О. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. С. 23–79.

4.3. Программа духовно-нравственного воспитания в высшей школе «Аксиологический подход к изучению русской классической литературы XIX века»

Е. А. Фёдорова, С. В. Канустина

Цель дисциплины — формирование умения осуществлять аксиологический подход к произведениям русской литературы XIX века путем выявления национальной специфики отечественной словесности периода ее классического развития и индивидуально-авторской системы ценностей русских писателей. Эта цель достигается путём последовательного решения следующих задач:

- *понимание*: специфики ведущих парадигм художественности (романтизм — реализм) и национальной традиции, которая реализуется в русской классической литературе XIX века;
- *овладение навыками*: анализа духовно-нравственной проблематики произведений русской классической литературы и их интерпретаций в современной культуре;
- *развитие умений*: самостоятельного выявления трансформации духовно-нравственных ценностей в творческих системах современных интерпретаторов.

Содержание дисциплины

Культурно-историческое содержание эпохи 1830–1850 гг. Кризис просветительской философии и эстетики. Возрождение интереса к национальной истории, языку, православию. Место литературы в общественном самосознании. «История духа» Д. И. Чижевского. Возникновение романтизма. Влияние Шеллинга: интуиция — источник познания. Национальная основа романтизма, интерес к фольклору и историческому прошлому. Проблема личности и общества: отдача себя внешнему миру приводит к потере центра. Пути возвращения к Богу: бдительность, смирение, молитва. Искусство — орудие борьбы за спасение. «Эстетический утопизм» (В. Зеньковский). Р. О. Якобсон: главным тропом в романтизме является метафора, в реализме — метонимия. Развитие прозаических жанров. Жанровое многообразие русской литературы.

А. С. Пушкин (1799–1837). Петербургский период: обращение к фольклору (поэма «Руслан и Людмила»). Период южной ссылки: байронический герой («Цыганы»). Конфликт между цивилизацией и природой. Ссылка в Михайловское. Кризис просветительских идей, переход к историческому сознанию. «Борис Годунов» — историческая трагедия нового типа в русской литературе. Национально-историческая и нравственно-философская проблематика пьесы. Пушкин и Шекспир. Пушкин и Карамзин. Древнерусские источники трагедии. Концепция истории. Образы Самозванцев. Выбор личности, который решает ее судьбу и судьбу народа. Поздний период творчества. Духовная лирика («Воспоминание», «Странник», «Отцы пустынноики и жены непорочны»). Роман в стихах «Евгений Онегин» и отражение в нем духовной эволюции Пушкина. Образ автора и образы героев. Татьяна Ларина как авторский идеал. Своеобразие композиции.

«Повести Белкина» — начало русской реалистической прозы. Основа цикла — проблема нравственного выбора личности. Притча о блудном сыне как духовная основа повестей. «Маленькие трагедии» как энциклопедия страстей. Вечные вопросы и вечные образы. Поэма «Медный всадник» и повесть «Пиковая дама». Образ Петра Первого и образ Петербурга. Духовная трагедия Германна: рациональное начало в герое, история его одержимости. Тип игрока, бросающего вызов судьбе. Двойственность Петербурга и его жителей (люди «мокрого снега»). Фантастическое в повести как «надсознательное» (сон Германна). «История Пугачева» и «Капитанская дочка». «Семейная хроника» и роман-воспитание. Испытание Гринева свободой. «Двойники» Гринева: Зуров и Швабрин. «Собеседники» Гринева: Маша Миронова и Савельич. Нравственный выбор героя, определяющий его судьбу. Образ Маши Мироновой как авторский идеал. Симметричная композиция произведения. Образы Пугачева и Екатерины Первой. Символический смысл сна Петра Гринева.

Интерпретации «Бориса Годунова» в кинофильмах С. Бондарчука (1986), В. Мирзоева (2011).

Интерпретации «Моцарта и Сальери» в телевизионном спектакле М. Швейцера (1979), в повести Э. Радзинского «Несколько встреч с покойным господином Моцартом» (1992), в современном литературоведении, например, в учебном пособии Ю. Доманского (2015), «Евгения Онегина» — в современном театре (сценарий Д. Крымова (2023)).

М. Ю. Лермонтов (1814–1841). Ранний период: развитие традиций Пушкина, Байрона, Шиллера, Гете. Драма «Маскарад» и ее связь с «Горем от ума» Грибоедова. Мотивы «маски» и игры. Период зрелого творчества. «Песня о купце Калашникове». Образ русского богатыря. Мотивы чести и защиты Дома, семьи. Семья как малая Церковь.

Проблематика психологического романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Двойственность Печорина. «Двойники» героя: Грушницкий, Вернер. Поэтические лейтмотивы. Поиск героем нравственной программы жизненного поведения (И. И. Виноградов). Композиционный принцип «двойной хронологии». Композиция романа: движение от человека «внешнего» к человеку «внутреннему».

Интерпретация романа в телеспектакле А. Эфроса «Страницы журнала Печорина» (1974), в кинофильме С. Ростоккого «Герой нашего времени» (1967) и в кинофильме Н. Бурляева «Лермонтов» (1986).

Н. В. Гоголь (1809–1852). Ранний период творчества. «Вечера на хуторе близ Диканьки»: романтические и пантеистические особенности мышления. Фольклорная основа. «Страшная месть» и «Хозяйка» Достоевского. «Тарас Бульба» как первая национально-историческая героическая эпопея. Анахронизм: смешение трех веков. Запорожская Сечь и ее ценности: товарищество и православная вера. Мотивы испытания, грехопадения и искупления. Испытание Андрия: учение Нила Сорского о прилоге. Принцип доминанты А. А. Ухтомского. Небесный покровитель Остапа — Евстафий Плакида. Героическая смерть Остапа и Тараса. «Петербургские повести» как цикл о Петербурге — городе-призраке, на грани яви и сна. Человеческая жизнь в ее обыденности, материальности (Башмачкин, Поприщев), в искаженности «плотского» (Ковалев) и в подвижничестве (безымянный создатель портрета). Прозрение героев. Символ и миф. Ранний период творчества. Лиро-эпический характер поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души». Мотив «путешествия», переосмысление традиций жанра «хождения». Композиция поэмы. Основные мотивы. Тема России и ее историческая судьба. Образ дороги. Статические и динамические персонажи (Ю. Манн). «Двойники» Чичикова. Образ автора и образ тройки. Духовная проза Гоголя: «Выбранные места из переписки с друзьями», «Размышления о Божественной Литургии». Интерпретации «Тараса Бульбы» в фильме В. Бортко (2009), поэмы «Мертвые души» в современном театре (сценарий Д. Крымова (2023)) и в современном литературоведении.

Изменение уклада русской жизни в 1860–1870-х гг. Особенности развития литературы. Повышенный идеологизм. Сосредоточенность на общественно значимой проблематике. Реализм предполагает отсутствие идеологического и эстетического единства, описание действительности через характерные яркие признаки. Центром внимания становится среда, но в то же время показана связь с духовным миром.

Жанровое многообразие произведений русского реализма. Романное мышление писателей. Модификации жанра романа в литературе второй половины XIX века: эпистолярный («Бедные люди» Ф. М. Достоевского), сатирический («История одного города», «Господа Головлевы» М. Е. Салтыкова-Щедрина), роман-эпопея

(«Война и мир» Л. Н. Толстого), философский, идеологический роман и роман-синтез («Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Подросток», «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского), роман-хроника («Пошехонская старина» М. Е. Салтыкова-Щедрина). Особенности развития русской прозы 1870–1880-х годов.

М. Е. Салтыков-Щедрин (1826–1889). Салтыков и петрашевцы. «История одного города» как сатирический роман, роман-гротеск. Посветительские начала сатиры Щедрина и его гениальные прозрения. Роль летописной формы повествования. Историческая или неисторическая сатира? Образы градоначальников как «двойников». Два начала в народе. Антиутопические черты в главе о создании города Непреклонска Угрюм-Бурчеевым. Разные толкования финала романа. Споры вокруг романа и авторское истолкование. Роман «Господа Головлевы» как сатирический роман и «семейная хроника». Притча о блудном сыне как евангельская основа романа. Иудушка Головлев и споры о финале романа. Страстная седмица как фон последних событий. «Пошехонская старина» — автобиографическая хроника и социально-бытовой роман. Черты идиллии. Путь Никанора Затрапезного как путь духовного возрастания. Церковный календарь в романе.

Интерпретация романа «История одного города» в фильме С. Овчарова «Оно» (1989).

Л. Н. Толстой (1828–1910). Автобиографическая трилогия как цикл о становлении личности. Николенька Иртеньев и его «двойники» и «собеседники». Роль образа матери Натальи Николаевны, няни Натальи Савишны, учителя Карла Ивановича и друга Нехлюдова в жизни главного героя (сквозные образы всего творчества писателя). Пробуждение «плотского» человека в подростковом возрасте. Глава «Затмение». Внутренний и внешний конфликты в повести. Движение главного героя от самоутверждения к согласию с другими. Нехлюдов как Собеседник главного героя.

Особенности романного мышления писателя. Роман «Война и мир»: историко-философская и духовно-нравственная проблематика, система образов и принципы её организации. Кутузов и Наполеон как два полюса романа. Платон Каратаев и идея «благообразия». Тематическая композиция романа (А. П. Скафтымов). «Мысль народная» и «мысль семейная». Концепция истории. Традиции древнерусской воинской повести. Символика цвета и света в романе.

«Анна Каренина» как «роман конца». «Мысль семейная» в романе. Две сюжетные линии романа. «Двойники» Анны. Символическая основа произведения.

«Смерть Ивана Ильича», «Хозяин и работник»: нравственная проблематика. «Чем люди живы?» и фольклорная основа рассказа. Поздние повести Толстого о праведниках и грешниках: «Отец Сергей», «Фальшивый купон», «Алешка Горшок», «Записки сумасшедшего».

Интерпретации романа «Война и мир» в телефильмах С. Бондарчука (1967) и Р. Дорнгейма (2007). Интерпретация романа «Анна Каренина» в спектакле Анджея Бубеня «Русский роман» (театр имени В. Маяковского).

Ф. М. Достоевский (1821–1881). «Бедные люди»: диалог с Гоголем и Пушкиным. Достоевский и петрашевцы. Проблема личности в ранних произведениях писателя. Мечтатель («Белые ночи»): споры вокруг героя. Интерпретация произведения в кинематографе: Л. Висконти (1957), И. Пырьев (1959), Р. Брессон (1971), А. Богатырев и Т. Воронцовская (2017).

Повести «Двойник» и «Записки из подполья» как новаторские произведения. Новый тип героя — Парадоксалист. Закон «заслуженного собеседника» А. А. Ухтомского, категории Двойник и Собеседник. «Записки сумасшедшего» Гоголя, «Княгиня Лиговская» Лермонтова как источники повести Достоевского. Интерпретация «Записок из подполья» в анимационном фильме Н. Шориной «Сон» (1988).

Особенности художественного метода Ф. М. Достоевского как «реализма в высшем смысле», христианского реализма (В. Н. Захаров). Создание идеологических и философских романов в 1860–1880-х годах. Роман «Преступление и наказание»: художественная структура, особенности повествовательной организации. Движение Раскольников от «двойника» к «собеседнику». «Двойники» Раскольникова: Лужин и Свидригайлов. Соня Мармеладова как «собеседник» героя. Евангельская основа романа. Значение финала романа. Экранизация романа Л. Кулиджановым (1969), Д. Светозаровым (2007), В. Мирзоевым (2023). Театральные интерпретации романа Ю. Завадского (1969), И. Владимировой (1972). Анимационный фильм П. Думалы (2000).

«Идиот» как роман о России: Мышкин и Рогожин, Настасья Филипповна и Аглая символизируют раскол русской жизни. Мышкин

как герой-идеолог (три речи о вере). Финал произведения как катарсис. Интерпретация романа в кинематографии и на телевидении: А. Куросава (1951), И. Пырьев (1958), В. Бортко (2003).

«Бесы» как роман-предупреждение. Ставрогин и его «двойники». Шатов и Кириллов как идеологи-антиподы романа. Сюжетные мотивы грехопадения и искупления. Динамика личности Шатова и Степана Верховенского. «Фауст» Гете и Тургенева — источники романа. Евангельская основа романа. Церковный календарь в романе. Интерпретация романа кинорежиссером В. Хотиненко (2014).

«Подросток» как роман воспитания и идеологический роман, роман «Великой Субботы» (В. Н. Захаров). Идея Ротшильда и идея соборного единения. Версильев и Макар Долгорукий как два вектора движения для Аркадия. Исповедь Аркадия как очищение и начало новой жизни. Сюжетные мотивы испытания, грехопадения и искупления. Притча о блудном сыне и Книга Иова как библейские истоки романа. Церковный календарь в романе. Интерпретация романа в телефильме Е. Ташкова (1983).

«Братья Карамазовы» как вершина творчества Достоевского, итог его духовно-нравственных и творческих исканий. Семейство Карамазовых как образ России. Духовный путь Зосимы как преображение. Сюжетные мотивы испытания, грехопадения и искупления. «Великий инквизитор» и «Кана Галилейская» как два полюса романа. Идея восстановления «падшего человека» на примере судьбы Дмитрия Карамазова. Зосима и Алеша как «собеседники», объединяющие вокруг Истины. Сны и видения героев как проявление «надсознательного». Значение книги «Мальчики». Интерпретации романа в фильмах И. Пырьева (1969), Р. Григорьевой «Мальчики» (1990), П. Зеленки «Карамазовы» (2008).

«Дневник Писателя» как моножурнал и новаторское произведение, творческая лаборатория позднего творчества Достоевского. Интерпретация произведения в телесериале В. Ткачева «Дневник Достоевского» (2019–2021). Повесть «Кроткая» и ее интерпретации в фильмах А. Борисова (1960), Р. Брессона (1969), в анимационном фильме П. Думалы (1985). Рассказ «Сон смешного человека» и его интерпретация в анимационном фильме А. К. Петрова (1992).

Создание новой художественной модели в рассказах А. П. Чехова («Студент», «Скрипка Ротшильда»).

Практические занятия по курсу «Аксиологический подход к изучению русской классической литературы XIX века»

Тема 1. Духовно-нравственная проблематика «Маленьких трагедий» А. С. Пушкина

Цель: рассмотреть проблемы, объединяющие произведения в цикл; выделить сквозные мотивы и «поворотные точки» авторского замысла; соотнести с интерпретациями в театральном искусстве и в современном литературоведении.

1. Литературные источники цикла. Изображение мира в кризисном состоянии.
2. Тема денег и проблема отцов и детей. Сравните Альбера с отцом. Почему чувство Скупого рыцаря, отпирающего сундук с золотом, сравнивается с состоянием убийцы? Почему ему и приятно, и страшно? Какие доминанты можно выделить в герое? Как неожиданно интерпретирует образ Сальери Э. Радзинский в повести «Несколько встреч с покойным господином Моцартом» (1992)? Есть ли у него для этого основания?
3. Сальери: это завистник или «восстановитель гармонии», справедливости (Ю. Доманский)? Какие доминанты сталкиваются в его душе?
4. Дон Гуан: поэт или нарушитель порядка? Способен ли он любить? Какова роль Лауры, Доны Анны в пьесе?
5. Почему в пьесе «Пир во время чумы» звучат две песни: Мери и Вальсингама? Можно ли принять версию М. Швейцера в телеспектакле «Маленькие трагедии» (1979), где режиссер поменял местами две сцены и изменил финал?

Литература

1. Беляк Н. В., Виролайнен М. В. «Моцарт и Сальери»: структура и сюжет // Пушкин. Исследования и материалы. Т. XV. СПб., 1995. С. 109–121.
2. Бочаров С. Г. Сквозной сюжет «Маленьких трагедий» Пушкина // Опыты медленного чтения: коллективная монография / отв. ред. Н. Н. Смирнова. М.: Канон+, 2021. С. 28–41.
3. Доманский Ю. О пушкинской драматургии: Учебное пособие по спецкурсу. М., 2015. 54 с.
4. Карпов И. П., Кудрявцева Р. А. Понятие «совесть» как ценностная натурфикация в произведениях А. С. Пушкина // Вестник Марийского государственного университета. 2022. Т. 16. № 2. С. 252–268.

5. Лотман Ю. М. В школе поэтического слова. М., 1988. С. 131–146.
6. Мочульский К. В. Великие русский писатели XIX в. СПб., 2001. 158 с.
7. Норец М. В., Элькан О. Б. Литература в музыке: опера «Моцарт и Сальери» // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2022. Т. 8. № 4. С. 49–54.
8. Панкратова И. Л. Опыт прочтения «Пира во время чумы» А. С. Пушкина / И. Л. Пакратова, В. Е. Хализев // Типологический анализ литературного произведения. Кемерово, 1982. С. 53–66.
9. Тюпа В. И. «Опыт драматических изучений» // Дарвин М. Н. Циклизация в творчестве Пушкина: Опыт изучения поэтики конвергентного сознания. Новосибирск, 2001. С. 225–268.

Тема 2. Судьба личности и народа в трагедии «Борис Годунов» А. С. Пушкина

Цель: раскрыть авторскую концепцию истории, найти общее в Самозванцах, проследить за трансформацией образов героев в интерпретационном поле оперного искусства и кинематографа.

1. Сравните монолог царя Бориса из трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов» (1825) и из либретто одноименной оперы М. П. Мусоргского (1869). Какие чувства сталкиваются в душе Бориса Годунова? Что меняет в «сцене с курантами» композитор и зачем он это делает?

I. *«Ах! чувствую: ничто не может нас / Среди мирских печалей успокоить; / Ничто, ничто... едина разве совесть. / Так, здравая, она восторжествует / Над злобою, над темной клеветою. / — Но если в ней единое пятно, Единое, случайно завелось, / Тогда — беда! как язвой моровой / Душа сгорит, нальется сердце ядом, / Как молотком стучит в ушах упрек, / И все тошнит, и голова кружится, / И мальчики кровавые в глазах... / И рад бежать, да некуда... ужасно! / Да, жалок тот, в ком совесть нечиста»* (А. С. Пушкин. «Борис Годунов»).

II. *«Уф, тяжело! Дай дух переведу... / Я чувствовал, вся кровь / мне кинулась в лицо / и тяжело опускалась. / О совесть лютая, / как тяжело ты караешь! / Ежели в тебе пятно единое, / единое случайно завелось, / душа сгорит, нальётся сердце ядом, / так тяжело, тяжело станет, / что молотом стучит в ушах / укором и проклятьем... / И душит что-то... (глухо) / Душит... / И голова кружится... / В глазах... дитя... окровавленное! / Вон... вон там, что это? / Там, в углу... / Кольшется, растёт... / Близится, дро-*

*жит и стонет... / (говорком) Чур, чур... / Не я... не я твой лихо-
дей... / Чур, чур, дитя! / Не я... не я... / Воля народа! / Чур, дитя!
Чур! / Господи! / Ты не хочешь смерти грешника, / помилуй душу
преступного / царя Бориса!»* (М. П. Мусоргский. «Борис Годунов»).

2. Как создается характер Григория Отрепьева? Как выражается авторское отношение к этому герою? Зачем в трагедию включается сон Григория? Почему в сцене с патером Черниковским Григорий впервые называется Самозванцем? Почему в сцене с Мариной Мнишек он называется то Самозванцем, то Дмитрием?
3. Какое предложение патриарха Иова не принимает Годунов? Почему? Как с помощью речи монаха Пимена, патриарха Иова и Юродивого раскрывается этическая перспектива трагедии и выражается авторская позиция? Кому противопоставляет Годунова старец Пимен? Почему? Учитывается ли эта позиция в кинофильмах С. Бондарчука (1986), В. Мирзоева (2011)? Какие значимые элементы национального культурного кода упускаются в экранизации Мирзоева?

Литература

1. Баранов С. Ю. «Мнение народное» и «народная молва» в драме А. С. Пушкина «Борис Годунов» // Баранов С. Ю. Статьи о литературе. Вологда, 2024. С. 98–161.
2. Бочкарев В. А. Трагедия А. С. Пушкина «Борис Годунов» и отечественная литературная традиция // Болдинские чтения. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1988. С. 4–13.
3. Захаров В. Н. Шекспиризм в творчестве Пушкина // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 2. С. 235–249.
4. Лотман Л. М., Виролайнен М. Н. «Борис Годунов» // Пушкинская энциклопедия: Произведения. Вып. 1. А–Д. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 138–177.
5. Лотман Л. М. Комментарии // Пушкин А. С. Борис Годунов / предисл., подгот. текста, ст. С. А. Фомичева; коммент. Л. М. Лотман. СПб.: Акад. проект, 1996. С. 117–541.
6. Хализев В. Е. «Борис Годунов»: власть и народ // Хализев В. Е. Ценностные ориентации русской классики. М.: Гнозис, 2005. С. 53–81.
7. Фёдорова Е. А. Телеологический сюжет в произведениях А. С. Пушкина о судьбе России // Русский язык в поликультурном мире: VIII Международная конференция (9–13 июня 2024 г.) / отв. ред. Т. В. Аржанцева, Л. А. Орехова: сб. науч. ст.: в 2 ч. Т. II. Симферополь: Издательский Дом КФУ, 2024. С. 76–80.

Тема 3. «Евгений Онегин» А. С. Пушкина

Цель: восстановить авторское понимание характерологии героев сквозь призму категорий «искушение», «грехопадение», «преображение»; проследить трансформацию пушкинских образов в контексте интермедиальности.

1. Пересечение судеб в романе «Евгений Онегин»: двойники и собеседники.
2. Письма в «Евгении Онегине» как отпечаток аксиологии адресантов.
3. Метафора «второго рождения» в романе А. С. Пушкина как маркер смены доминант. Можно ли считать «незавершенность» произведения намеком на преобразование главного героя?
4. Образ Татьяны Лариной в оперном либретто П. И. Чайковского «Евгений Онегин». Почему в финальной сцене встречи с Онегиным героиня романа А. С. Пушкина «...вздрыгнула и молчит / И на Онегина глядит / Без удивления, без гнева...», а в опере П. И. Чайковского — силится совладать с чувствами: «О Боже, помоги мне скрыть / Души ужасное волненье!». Фиксирует ли контрастное эмоциональное наполнение сцены подмену доминант княгини из первоисточника? Справедливо ли утверждение о том, что П. И. Чайковский искажает заданный А. С. Пушкиным вектор внутреннего движения героини?
5. Диалог автора-повествователя с читателем в свете этического учения А. А. Ухтомского.
6. С чем можно согласиться и с чем трудно согласиться в интерпретации романа Пушкина «Евгений Онегин» Д. Крымовым (2023)?

Литература

1. Крымов Д. Своими словами. Режиссерские экземпляры девяти спектаклей, записанные до того, как они были поставлены. М.: Новое литературное обозрение, 2023. С. 27–75.
2. Мальчукова Т. Г. Изображение характеров в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин» в свете античной и христианской традиций: к постановке проблемы // Проблемы исторической поэтики. 2005. № 7. С. 156–174.
3. Маркович В. М. Пушкин и Лермонтов в истории русской литературы. СПб., 1997. 216 с.
4. Мочульский К. В. Великие русский писатели XIX в. СПб., 2001. 158 с.

5. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: материалы к энциклопедии / ред. М. В. Стрганов. Тверь: Золотая буква, 2003. 499 с.
6. Смирнов А. С. «Слово» героя как предмет изображения в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин» // Известия Смоленского государственного университета. 2021. № 4 (56). С. 24–38.
7. Тарасов Ф. Б. Духовная стратегия поиска смысла жизни в творчестве А. С. Пушкина // Духовный потенциал русской классической литературы: сб. науч. трудов. М.: Русский мир, 2007. С. 270–321.
8. Шоу Т. Проблема единства позиции автора-повествователя в «Евгении Онегине» / под ред. В. М. Марковича и В. Шмида. СПб., 1965. С. 114–131.

Тема 4. «Тарас Бульба» Н. В. Гоголя как героический эпос

Цель: рассмотреть тему искушения и грехопадения персонажей; реконструировать авторское понимание героического характера; выявить черты имагологических трансформаций повести в кинематографе.

1. Почему Гоголь использует прием анахронизма (смещения эпох)? Автор замечает: *«Это был один из тех характеров, которые могли возникнуть только в XV веке»*. История гетмана, зажаренного заживо в медном быке (Семерий Наливайко) относится к XVI веку (казнен в 1597 г.). Главнокомандующим Николай Потоцкий был в 1637–1646 гг. (XVII век).
2. Какие ценности являются приоритетными в Запорожской Сечи? Кому принадлежит фраза *«Нет уз святее товарищества»*? Кто размышляет: *«Известно, какова в Русской земле война, поднятая за веру. Нет силы сильнее веры»*? Чем Тарас Бульба близок автору?
3. Сравните Андрия и Остапа. Почему происходит грехопадение Андрия? Как страсть овладевает его душой? Чего не может простить сыну Тарас Бульба?
4. Почему небесным покровителем Остапа является Евстафий Плакида? Какие черты их объединяют? Что такое «Богатырство» по Гоголю?
5. Можно ли назвать смерть Тараса искуплением его греха детоубийства? Кто говорит об искуплении грехов гибелью за веру: *«Хорошо будет ему там. "Садись, <...> одесную меня! Скажет ему Христос. — Ты не изменил товариществу, бесчестного дела не сделал, не выдал в беде человека, хранил и сберегал мою Церковь"»*?

6. Чем отличается сюжет кинофильма В. Бортко «Тарас Бульба» (2009) от литературного первоисточника? Оправданы ли эти отступления?

Литература

1. Виноградов И. А. «Тарас Бульба»: история и текстология // Два века русской классики. 2023. Т. 5. № 1. С. 122–133.
2. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: в 17 т. М.: Издательство Московской Патриархии, 2009–2010. Т. 1: Вечера на хуторе близ Диканьки; Т. 2: Миргород / сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. 2009. 664 с.
3. Денисов В. Д. Изображение козачества в раннем творчестве Н. В. Гоголя. Симферополь–Киев, 2005. 150 с.
4. Карпенко А. И. О народности Н. В. Гоголя (художественный историзм писателя и его народные истоки). Киев: Изд-во Киевского ун-та, 1973. 279 с.
5. Кривонос В. Ш. Гоголь. Проблемы творчества и интерпретации. Самара, 2009. 419 с.
6. Кривонос В. Ш. Сон Тараса в структуре повести «Тарас Бульба» // Известия Академии наук. Серия лит. и яз. 2002. Т. 61. № 4. С. 10–18.
7. Моторин А. В. «Тарас Бульба» // Моторин А. В. Духовные противоречия Н. В. Гоголя. Великий Новгород, 1999. С. 78–87.
8. Сарычев А. П. Принципы создания характера в «Тарасе Бульбе» Н. В. Гоголя // Ученые записки Моск. пед. ин-та. 1971. Т. 455. С. 160–178.
9. Троицкий Ю. Торжество духа: О повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» // Литература в школе. 1995. № 1. С. 14–18.
10. Ужанков А. Н. Учение о прилоге как духовная основа образа Андрия в повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» // Новый филологический вестник. 2024. С. 79–94.

Тема 5. «Петербургские повести» Н. В. Гоголя: духовно-нравственная проблематика

Цель: выявить циклообразующие элементы «Петербургских повестей» Н. В. Гоголя; определить сквозные мотивы и интерферентную концептуальную канву произведений; соотнести их с интерпретациями в театральном искусстве и в современном литературоведении.

1. «Петербургские повести» как цикл. Образ Петербурга как «призрачного, миражного» (В. Н. Топоров). «Петербургский текст» и типология героев. Стилиевое разнообразие повестей.

2. Конфликт между мечтой и действительностью. Традиции Гофмана и их преодоление. «Невский проспект», «Нос» и «Записки сумасшедшего». «Двойники» героев Гоголя.
3. Башмачкин как «маленький человек» и как подвижник, следующий своему призванию. «Период капота» и «период шинели» — отрезки пути от служения к лакейству. Призрак чиновника в призрачном Петербурге, или мщение неуспокоенного Башмачкина как кульминация его трагедии.
4. Тема искусства в повести «Портрет». Искушение и грехопадение Чарткова: сребролюбие, тщеславие, зависть. История духовного восхождения безымянного художника. Символика света.
5. Каково отношение автора фильма, режиссера А. Баталова, к Башмачкину в фильме «Шинель» (1959)? Как решает проблему фантастического режиссер Р. Быков в фильме «Нос» (1977)?

Литература

1. Вайскопф М. Я. Почему так трудно экранизировать «Шинель» Гоголя // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2022. Т. 19. № 3. С. 533–545.
2. Виноградов И. А. Крест миролюбцев: к первоначальному названию повести Н. В. Гоголя «Записки сумасшедшего» // Литературная Россия. 1994. № 11. С. 14–28.
3. Виноградов И. А. «Я брат твой». О повести Н. В. Гоголя «Шинель» // Проблемы исторической поэтики. 2001. № 6. С. 214–239.
4. Гюнтер Х. Между мамоном и мистикой. Проблема художника в «Портрете» Гоголя // Гоголь как явление мировой литературы: сб. ст. по материалам Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня смерти Н. В. Гоголя / под ред. Ю. В. Манна. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 178–184.
5. де Лотто Ч. Лествица «Шинели» // Вопросы философии, 1993. № 8. С. 58–83.
6. Денисов В. Д. «Лики» Портрета» // Гоголь как явление мировой литературы: сб. ст. по материалам Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня смерти Н. В. Гоголя / под ред. Ю. В. Манна. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 184–193.
7. Капустина С. В. Образ Башмачкина в духовных координатах Н. В. Гоголя (приглашение к дискуссии) // Вопросы русской литературы. Вып. 26 (83). С. 37–46.
8. Кривонос В. Ш. Гоголь. Проблемы творчества и интерпретации. Самара, 2009. 419 с.

9. Манн Ю. В. Реальное и фантастическое // Манн Ю. В. Поэтика Гоголя. М., 1988. С. 55–129.
10. Маркович В. М. Петербургские повести Н. В. Гоголя. Л., 1989. 208 с.
11. Н. В. Гоголь как герменевтическая проблема: К 200-летию со дня рождения писателя. Екатеринбург, 2009. 346 с.
12. Мочульский К. В. Великие русский писатели XIX в. СПб., 2001. 158 с.
13. Топоров В. Н. Петербург и «петербургский текст» русской литературы: (введение в тему) // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. М., 1995. С. 259–320.
14. Хомук Н. В., Янушкевич А. С. Отзвуки притчи о блудном сыне в Петербургских повестях Н. В. Гоголя // «Вечные» сюжеты в русской литературе. Новосибирск, 1996. С. 68–78.
15. Эйхенбаум Б. М. Как сделана «Шинель» Гоголя // Эйхенбаум Б. М. О прозе. Л., 1969. С. 306–326.

Тема 6. «Мертвые души» Н. В. Гоголя

Цель: уточнить характерологию героев поэмы Н. В. Гоголя посредством анализа их аксиосфер; определить типические и аутентичные черты их духовных портретов; обозначить возможность преображения для Чичикова и его оппонентов.

1. Диалектика вещного и вечного в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души»: проблема «овеществления» Лица и «омертвения» Души. Роль отеческого предания в судьбе Павла Ивановича Чичикова. Копейка как «святыня» приобретателя. Почему в диалоге с помещиками Чичиков часто уповает на Бога? На кого из продавцов мертвых душ воздействует этот прием?
2. Проблема «праведного хозяйствования» (по В. Зеньковскому) и мошеннического обогащения в поэме «Мертвые души». Народное и инородное в поведенческих моделях героев. Категории «Богатырство» и «псевдобогатырство» («горе-богатырство») в произведении.
3. Плюшкин: мертвенная «прореха на человечестве» или лицо в луче Света Жизни? Какими способами автор передает движения души героя? Почему Чичиков гипотетически готов был подать милостыню Плюшкину? В каком качестве — «двойников» или «собеседников» — взаимодействуют названные персонажи?
4. «*Полюби нас черненькими, а беленькими нас всякий полюбит*» — «преказусный анекдот» или императив милосердия? Почему Н. В. Гоголь отказался от трехчастного замысла поэмы?

Эксплицированы ли в ее первом томе этические потенции героев, которые должны были раскрыться как абсолютное преобразование в третьем?

5. Лирические отступления в поэме «Мертвые души» как проявление собеседования автора с читателем.

Литература

1. Виноградов И. А. Гоголь — художник и мыслитель: христианские основы мирозерцания. М.: Наследие, 2000. 448 с.
2. Воропаев В. А. Н. В. Гоголь. Жизнь и творчество. М.: Русский паломник, 2017. 120 с.
3. Гоголь. *Via et verbum: pro memoria: коллективная монография.* Москва; Ярославль, 2009. 320 с.
4. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: в 17 т. М.: Издательство Московской Патриархии, 2009–2010. Т. 5.: Мертвые души / сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. 2009. 680 с.
5. Гончаров С. А. Творчество Гоголя в религиозно-мистическом контексте. СПб.: Изд-во РГПУ имени А. И. Герцена, 1997. 340 с
6. Дунаев М. М. Поэма «Мертвые души» // Дунаев М. М. Православие и русская литература. Сергиев Посад: Московская духовная академия, 2009. С. 78–80.
7. Капустина С. В. К вопросу о переводе единиц концептосферы Н. В. Гоголя: Богатырство или heroism // Два века русской классики. 2023. Т. 5. № 4. С. 16–33
8. Коржова Е. Ю. Духовная лестница Н. В. Гоголя: личность и творчество. СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2009. 615 с.
9. Мочульский К. В. Великие русский писатели XIX в. СПб., 2001. 158 с.
10. Моторин А. В. «Мертвые души» // Моторин А. В. Духовные противоречия Н. В. Гоголя. Великий Новгород, 1999. С. 90–106.
11. Недзвецкий В. А. «Мертвые души» Н. В. Гоголя как художественная проповедь // Русская литература XIX века и христианство. М.: МГУ, 1997. С. 149–158.
12. Смирнова Е. А. Поэма Гоголя «Мертвые души». Л.: Наука, 1987. 198 с.

Тема 7. Духовная проза Н. В. Гоголя как братское собеседование с соотечественниками

Цель: составить представление о Н. В. Гоголе как православном писателе, талант которого проявился и в художественной, и в духовной прозе; сопоставить разные точки зрения на «Выбранные места из переписки с друзьями».

1. Кто из читателей «Выбранных мест из переписки с друзьями» не принял назидательные интонации автора? Можно ли считать это произведение проявлением высокомерия и заносчивости позднего Гоголя или писатель ощущал братскую любовь ко «всей Руси» и стремился словом излечить ее от нравственных недугов?
2. «Выбранные места из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя: «консервативная утопия», «апостольский проект» или собеседование по душам с братьями-соотечественниками? Какова основная цель произведения? Почему оно начинается с завещания классика? Что изменилось бы в тональности и сути «Переписки...», если бы Н. В. Гоголю удалось издать переработанный вариант текста, предполагающий замену «Завещания» на письмо к Жуковскому от 10 января 1848 г. («Искусство есть примирение с жизнью»)?
3. Справедливо ли утверждение о том, что «Выбранные места из переписки с друзьями» позволяют лучше понять Гоголя-«добротного христианина»? Какими средствами воплощается его братское собеседование с читателями? Почему он взывает к *«богатырству на всяком звании и месте»*? Что есть для самого Н. В. Гоголя «будничное богатырство»? Одержал ли он победу в битве с «темным и запутанным настоящим»?
4. Картина А. А. Иванова «Явление Христа народу» как творческий ответ читателя на собеседование с Н. В. Гоголем.

Литература

1. Виноградов И. А. Самая патриотическая книга нашей словесности («Выбранные места из переписки с друзьями» Николая Гоголя) // Литературный факт. 2017. № 5. С. 416–421.
2. Воропаев В. А. Н. В. Гоголь. Жизнь и творчество. М., 2017. 120 с.
3. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: в 17 т. М.: Издательство Московской Патриархии, 2009–2010. Т. 6: Выбранные места из переписки с друзьями / сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. 2009. 744 с.
4. Дилакторская О. Г. Н. В. Гоголь и А. А. Иванов. К 200-летию со дня рождения Н. В. Гоголя (1809–1852) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2009. № 2 (6). С. 5–9.
5. Кулакова Т. А. «Выбранные места из переписки с друзьями»: идея служения и поэтика ее воплощения // Известия Саратовского университета. Филология. Журналистика. 2010. Т. 10. С. 43–47.

6. Михед П. В. Об апостольском проекте Гоголя (опыт реконструкции) // Гоголь как явление мировой литературы: сб. ст. по материалам Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня смерти Н. В. Гоголя / под ред. Ю. В. Манна. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 42–56.
7. Монахова И. Р. «Выбранные места из переписки с друзьями» на пути к читателю // Вопросы литературы. 2015. № 4. С. 37–47.
8. Мочульский К. В. Великие русский писатели XIX в. СПб., 2001. 158 с.
9. Моторин А. В. Понятие художественности в творческом сознании позднего Н. В. Гоголя // Духовный потенциал русской классической литературы. М.: Русский мир, 2007. С. 376–397.
10. Симеон, иеромонах (Томачинский). Путеводитель к светлому Воскресению: Н. В. Гоголь и его «Выбранные места из переписки с друзьями». М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2009. 164 с.

Тема 8. Суд Божий и «суд толпы лукавой» в поэзии М. Ю. Лермонтова

Цель: доказать, что в творческом сознании М. Ю. Лермонтова понятия Суда Божьего и суда совести также соотносимы, как и в православной антропологии, предполагающей, что суд совести есть ответ Суда Божьего.

1. А. А. Ухтомский «судящим голосом внутри нас» определял совесть (со-весть). Можно ли назвать совестью русской поэзии М. Ю. Лермонтова? На осуждение каких качеств человека и человечества наточено перо поэта? Почему М. Ю. Лермонтов уповает на Суд Божий в стихотворении «Смерть поэта»? Есть ли в этом произведении противопоставление Суда Божьего суду толпы? Как соотносятся в «Смерти поэта» категории «суд» и «судьба»?
2. Образы судящего самодержца и Вечного Судии при осмыслении земного и Небесного царств в стихотворениях М. Ю. Лермонтова «Пророк» и «Оправдание». «Всеведенье пророка» как дар поэту от Вечного Судии в контексте диалога с читателем: служение или самовозвышение?
3. Исповедальность поэзии М. Ю. Лермонтова как открытость к собеседованию (стихотворения «Исповедь», «Когда, надежде недоступный...»).

Литература

1. Ермоленко С. И. Лирика М. Ю. Лермонтова: жанровые процессы. Екатеринбург, 1996. 420 с.
2. Киселева И. А. Становление личности в духовном мире М. Ю. Лермонтова // Христианские истоки русской литературы. М., 2001. С. 98–111.
3. Киселева И. А. М. Ю. Лермонтов: суд совести и Суд Божий // Духовный потенциал русской классической литературы: сб. науч. трудов. М.: Русский мир, 2007. С. 336–344.
4. Киселева И. А. Этика М. Ю. Лермонтова и ее религиозные основания // Вестник Северного (арктического) федерального университета. Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 3. С. 66–73.
5. Киселева И. А. «Пророк» (1826) А. С. Пушкина и «Пророк» (1841) М. Ю. Лермонтова: сравнительная семантика мотивного комплекса // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 1. С. 111–129.
6. Манаenkova Е. Ф. Характер сознания лирического героя М. Ю. Лермонтова // Грани познания. 2015. № 9 (43). С. 1–5.
7. Москвин Г. В. Пророк: таинство преображения и жажда Истока (пророческая тема в поэзии А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова) // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. 2016. № 2. С. 240–245.
8. Моторин А. В. Жребий Лермонтова // Христианство и русская литература. 1999. Т. 3. С. 151–163.
9. Недзвецкий В. А. М. Ю. Лермонтов: о поэте и его судьбе // Платон. 2014. № 1–3. С. 37–43.

Тема 9. «История души» в романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»

Цель: обосновать, что насильственная прививка индивидуализма (гордости, самовозвышения, эгоизма), нацеленная на атрофию человеческих чувств (открытости вовне, искреннему собеседованию), неизменно ведет к укоренению в двойничестве (тоске, бесцельности, солипсичности), духовной гибели.

1. Какими средствами передается исповедальность романа «Герой нашего времени»? Можно ли назвать ведение дневника Печориным — его предрасположенностью к собеседованию? Необходимо ли этот процесс для *самовыделки* героя? Всецело ли искреннен он в своем журнале?
2. О чем свидетельствует запись Печорина «*Я боюсь показаться смешным самому себе*»? Является ли он предвестием «смешного человека» Ф. М. Достоевского?

3. В повести «Максим Максимыч» повествователь говорит о Печорине «В его улыбке было что-то детское». Как можно интерпретировать отмеченную черту?
4. В диалоге с доктором Вернером Печорин признается: *«Во мне два человека <...> один живет в полном смысле этого слова, другой мыслит и судит его; первый, быть может, через час простится с вами и миром навеки, а второй...второй...»*. На что может указывать недосказанность этого признания? Является ли она аллюзией на бессмертие души того «второго человека», который, по А. А. Ухтомскому, воплощение совести (со-вести) героя?
5. Вулич, по А. А. Ухтомскому, «двойник» или «заслуженный обеседник» Печорина? Как воспринимает герой новость об убийстве Вулича? Почему фаталист подшучивает над простодушным рассказом офицера и называет отмеченное им предопределение «странным»? Что побуждает Печорина отказываться от мысли «подобно Вуличу испытать судьбу»? Можно ли Печорина назвать фаталистом?
6. Как Н. Бурляев в своем фильме 1986 года представляет Лермонтова и его героев?

Литература

1. Кривонос В. Ш. Текст судьбы в «Герое нашего времени» Лермонтова // Новый филологический вестник. 2018. № 3 (46). С. 109–123.
2. Маркович В. М. Пушкин и Лермонтов в истории русской литературы. СПб., 1997. 216 с.
3. Мир Лермонтова / под ред. М. Н. Виротайнен и А. А. Карпова. СПб., 2015. 976 с.
4. Мочульский К. В. Великие русский писатели XIX в. СПб., 2001. 158 с.
5. Москвин Г. В. Библиейские реминисценции в повести «Княжна Мери» // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2000. № 3. С. 107–115.
6. Москвин Г. В. «...но где же Спаситель?» (к вопросу о библиейских и литературных источниках одной фразы Печорина в «Тамани» // Язык, сознание, коммуникация. М., 2003. С. 121–128.
7. Москвин Г. В. Духовные константы личности главного героя как основа идейной структуры романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» (чем не может поступиться Печорин) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2018. Т. 77. № 5. С. 62–68.

8. Нестор, игумен (Кумьш). Тайна Лермонтова. СПб.: Библиополис, 2012. 544 с.
9. Савинков С. В. Евангельский код в «Герое нашего времени»: «Бэла» // Вестник Воронежского государственного университета, Воронеж, 2016. № 2. С. 58–61.
10. Фёдорова Е. А., Любарец В. В. Мечтатель и подпольный герой М. Ю. Лермонтова и Ф. М. Достоевского в свете этического учения А. А. Ухтомского // Два века русской классики. 2023. Т. 5. № 2. С. 50–71.

Тема 10. Библейский контекст в романе М. Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города»

Цель: восстановить аллюзивное полотно библейского контекста в романе М. Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города»; объяснить его символическое значение; определить этическую перспективу названного произведения.

1. «Летописное время» и библейские аллюзии в романе М. Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города».
2. Есть ли у М. Е. Салтыкова-Щедрина указание на «выход из сатирь», под судом которой находятся глуповцы?
3. В отношениях двойнического самосредоточия либо в заслуженном собеседовании находятся народ и власть в Глупове?
4. Каким образом в этом произведении проявляются черты антиутопии? Как можно понять смысл финала романа? С какой целью М. Е. Салтыков-Щедрин в финале произведения вводит символическое слово «оно» без жесткой семантической регламентации? «ОНО» — революция или Апокалипсис?

Литература

1. Ауэр А. П. О природе символической образности в «Истории одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина // Ауэр А. П. Русская литература XIX века. Традиция и поэтика. Коломна: Коломенский государственный педагогический институт, 2008. С. 101–109
2. Бушмин А. С. Художественный мир Салтыкова-Щедрина. Избранные труды / под ред. Д. С. Лихачева, В. Н. Баскакова. Л.: Наука, 1987. 465 с.
3. Головина Т. Н. Глуповское любоначалие и начальстволюбие в библейском контексте // Культура и текст. 2015. № 4 (22). С. 88–110.
4. Криволапов В. Н. Об антиутопическом потенциале «Истории одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина // Ученые записки Орловского государственного университета. 2019. № 1 (82). С. 108–111.

5. Лихачев Д. С. «Летописное время» у Салтыкова-Щедрина // Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979. С. 318–333.
6. Павлова И. Б. Судьба России в творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина. М., 2006. 134 с.
7. Павлова И. Б. «Вышнего града взыскуя» (народные утопические легенды в творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина) // Русская речь. 2017. № 1. С. 113–120.
8. Постникова Е. Г. Мифы русской истории и история глуповского мифа (по роману М. Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города») // Проблемы истории, филологии, культуры. 2012. № 1 (35). С. 274–280.
9. Роготнев И. Ю. По краям сатирической поэтики: «История одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина // Филология в XXI веке. 2018. № 1 (1). С. 257–267.

Тема 11. «Семейные хроники» М. Е. Салтыкова-Щедрина: «Господа Головлевы» и «Пошехонская старина»

Цель: обосновать важность семейного предания в нравственном развитии человека; доказать на художественных примерах «семейных хроник» М. Е. Салтыкова-Щедрина, что искаженные доминанты «отцов» определяют трагедии в судьбах «детей».

1. «Господа Головлевы» М. Е. Салтыкова-Щедрина как роман о разрушении основ семьи как малой Церкви. Какое влияние «сказка о благоприобретении» Арины Петровны оказывает на ее детей? Является ли сказочным истинное Благо для Порфирия Головлева?
2. Как в «Житии Никанора Затрапезного...» изображается семейный уклад? Какие имагологические параллели этого произведения можно провести с романом «Господа Головлевы»?
3. Возможно ли спасение Иудушки Головлева? Какую роль в романе играет церковный календарь?
4. Категория «суд» в «Господах Головлевых» и «Пошехонской старине». В каком случае можно говорить о Страшном Суде?
5. Как показано духовное возрастание Никанора Затрапезного? Какую роль в романе играет церковный календарь?
6. Какие духовно-нравственные идеалы утверждает Салтыков-Щедрин?

Литература

1. Бушмин А. С. Художественный мир Салтыкова-Щедрина. Избранные труды / под ред. Д. С. Лихачева, В. Н. Баскакова. Л.: Наука, 1987. 465 с.
2. Павлова И. Б. Судьба России в творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина. М., 2006. 134 с.
3. Капустина С. В. «Господа Головлевы» М. Е. Салтыкова-Щедрина в критике А. А. Ухтомского // Проблемы исторической поэтики. 2024. Т. 24. № 1. С. 176–194.
4. Ларионова Н. П. Иллюзорные семейные ценности (по роману М. Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города») // Приволжский научный вестник. 2015. № 1 (41). С. 70–73.
5. Николаев Д. П. Смех Щедрина. Очерки сатирической поэтики. М.: Советский писатель, 1988. 400 с.
6. Павлова И. Б. Семейно-родовая проблематика в творчестве Салтыкова-Щедрина // Дом Бурганова. Пространство культуры. 2011. № 3. С. 224–237.
7. Фёдорова Е. А., Капустина С. В. Диалог Н. В. Гоголя и М. Е. Салтыкова-Щедрина: аксиологический аспект // VI Всероссийская научная конференция «Филологические чтения — 2023» / сост. Е. А. Фёдорова, ред. М. В. Шаманова. Ярославль, 2023. С. 187–195.
8. Фёдорова Е. А. Кто такие «пошехоны»? (по материалам пошехонского фольклора) // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2022. № 3 (42). С. 332–336.
9. Щукина Н. Е. Символика пасхального цикла в романе М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы» // Art Logos. 2019. № 4 (9). С. 35–44.

Тема 12. Судьба личности и народа в романе Л. Н. Толстого «Война и мир»

Цель: уточнить характерологию героев романа-эпопеи Л. Н. Толстого «Война и мир»; определить аксиологические доминанты русского народа, эксплицированные в художественной ткани названного произведения.

1. Соборность как категория поэтики русской словесности и доминанта православного мировосприятия. В каких сценах «Войны и мира» наиболее отчетливо воплощено проявление соборности?
2. Семейное предание в романе-эпопее Л. Н. Толстого.
3. Образы Кутузова и Наполеона как нравственные полюсы романа. Философия истории. Кутузов как соборная личность.
4. Система образов в романе. Доминанта личности Л. Н. Толстого (по А. А. Ухтомскому). Нравственный выбор героев как

определение своей и общей судьбы. Андрей Болконский перед Аустерлицким сражением и Бородинской битвой: две доминанты героя. Пьер Безухов на Бородинском поле и его прощание с Долоховым. Наташа Ростова и прощание с князем Андреем. Марья Болконская и Николай Ростов. Пьер Безухов и Платон Каратаев. Церковный календарь в романе.

5. Интерпретация романа Л. Н. Толстого «Война и мир» в экранизациях С. Бондарчука (1967) и Р. Дорнгейма (2007).

Литература

1. Андреева В. Г. Личные интересы героев и мотив ожидания в романе-эпопее Л. Н. Толстого «Война и мир» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 1 (178). С. 8–12.
2. Бочаров С. Г. Роман Л. Н. Толстого «Война и мир». М.: Художественная литература, 1987. 156 с.
3. Кондратьев А. С., Меринов К. А. Оппозиция закона и благодати в духовном опыте Пьера Безухова в «Войне и мире» Л. Н. Толстого // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19. № 1. С. 194–208.
4. Никольский С. А. Смыслы и ценности русского мировоззрения в творчестве Л. Н. Толстого // Л. Н. Толстой в движении эпох: в 2 ч. Ч. II. Тула: Власта, 2011. С. 103–117.
5. Есаулов И. А. Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск: Издательство Петрозаводского университета, 1995. С. 83–116; 135–144.
6. Скафтымов А. П. Поэтика художественного произведения. М.: Высшая школа, 2007. 535 с.
7. Сливницкая О. В. «Истина в движении». О человеке в мире Толстого. СПб.: Амфора, 2009. 443 с.
8. Фёдорова Е. А. Телеологический сюжет в романах «Капитанская дочка» А. С. Пушкина и «Война и мир» Л. Н. Толстого // Проблемы исторической поэтики. 2023. Т. 21. № 4. С. 102–129
9. Эйхенбаум Б. М. Лев Толстой. 70-е годы. Л., 1974. 358 с.

Тема 13. Тема семьи и проблема личности в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина»

Цель: конкретизировать представление обучающихся о традиционных ценностях православной семьи; обосновать прямую зависимость счастливого брачного союза от силы любви супругов; уточнить, что беспорядок внутри «малой Церкви» обрекает ее «служителей» на душевные муки двойничества, грехопадение, крах.

1. Любовь — фундамент семьи как «малой Церкви». Почему супружество без любви, по Л. Н. Толстому, *«превращается в грязь, ложь и позор»*, которые *«живая жизнь <...> не терпит»*? Что заставляет Долли Облонскую почувствовать фальшь семейного уклада Карениных? Является ли супружеская нелюбовь проявлением их двойничества? Были ли в душе Каренина движения навстречу Анне? Мог ли он воспрепятствовать ее трагедии?
2. Женские образы в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина». Проблема счастья героинь произведения. Возможно ли быть счастливой, пребывая в браке *«только матерью, но не женою»*? Как меняется отношение Сережи к матери? Усугубляет ли холодность сына-гимназиста страдание Анны? Счастлив ли он?
3. Модели семейных отношений в сюжетных линиях Облонских, Карениных, Левиных.
4. Случай как со-бытие в поэтике романа «Анна Каренина». «Диалектика души» героев произведения.

Литература

1. Андреева В. Г. Героини романов Л. Н. Толстого и «одуряющее свойство» светского существования // Два века русской классики. 2021. Т. 3. № 1. С. 160–209.
2. Андреева В. Г. Сопряжение личного интереса и общего блага в романе «Анна Каренина» Л. Н. Толстого // Вестник КГУ. 2011. № 1. С. 116–120.
3. Ахмадова Т. Х. Духовный кризис Л. Н. Толстого в романе «Анна Каренина» (на примере образа Левина) // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 3 (94). С. 347–349.
4. Ахметова Г. А. Житийный сюжет в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17. № 2. С. 1018–1021.
5. Бурчаева Я. Р., Ахмадова Т. Х. Тема семьи как ведущий структурологический принцип романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина» // Взгляд современной молодежи на актуальные проблемы гуманитарного знания. Грозный, 2019. С. 29–33.
6. Нагина К. А. «Кукла» или «святой»? О рисунке души в «Анне Карениной» Л. Толстого // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2023. Т. 33. № 4. С. 852–857.
7. Реуцкая Е. М. Идея «женского начала» в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2008. № 3. С. 64–68.

8. Саяпова А. М., Закиров А. И. Случай как структурообразующее начало в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 160. № 1. С. 7–16.
9. Ужанков А. Н. Учение о прилоге как духовная основа художественного образа Анны Карениной // Новый филологический вестник. 2017. № 2 (41). С. 89–100.
10. Шутеева А. Ю. «Диалектика души» как отражение духовной сущности человека в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» (на примере образа Константина Левина) // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2008. № 77. С. 233–236.

Тема 14. «Записки из подполья» Ф. М. Достоевского: типичность или уникальность героя?

Цель: уточнить составляющие модели «подпольного» сознания человека; осмыслить их в парадигме категорий «грехопадение» и «преображение»; определить авторское отношение к Парадоксалисту и его «подпольным» последователям.

1. Структура повести. Понятие «подполье». С кем полемизирует герой, утверждая преимущества рационалистических теорий о человеке и прогрессе? Почему Парадоксалист отрицает «хрустальные дворцы»? Что «выгоднее всех выгод» для человека? К каким аргументам Парадоксалиста автор относится сочувственно?
2. Почему вторая часть повести называется «По поводу мокрого снега»? Каков смысл эпиграфа? Как раскрывается герой в истории с Лизой? Как решается проблема свободы в повести?
3. В чем Достоевский полемизирует с Лермонтовым, Некрасовым, Чернышевским? Как обнаруживается авторское несогласие? Уникален или типичен «подпольный человек»? Как определяет смысл «подполья» сам Достоевский? Какие типы и характеры подготовили появление Парадоксалиста? Архетип «подпольного героя» в современной культуре.
4. Как происходит интерпретация «Записок из подполья» в анимационном фильме Н. Шориной «Сон» (1988)? Какую систему символов выстраивает режиссер?

Литература

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Художественная литература, 1972. 471 с.
2. Бердяев Н. Откровение о человеке в творчестве Достоевского. М., 2018. 102 с.
3. Буданова Н. Ф. «Записки из подполья»: загадки цензурной истории повести // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 21. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 236–245.
4. Живолупова Н. В. Внутренняя форма покаянного псалма в структуре исповеди антигероя Достоевского // Достоевский и мировая культура. М.: Классика плюс, 1998. № 10. С. 99–106.
5. Захаров В. Н. Система жанров Достоевского: типология и поэтика. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. 208 с.
6. Криницын А. Б. Исповедь подпольного человека. К антропологии Ф. М. Достоевского. М.: МАКС Пресс, 2001. 372 с.
7. Назиров Р. Г. Об этической проблематике повести «Записок из подполья» // Достоевский и его время. Л.: Наука, 1971. С. 143–153.
8. Назиров Р. Г. Творческие принципы Достоевского. Саратов: Саратовский университет, 1982. 160 с.
9. Романов Ю. А. Комментарии к повести Ф. М. Достоевского «Записки из подполья»: учеб.-метод. пособие для студентов гуманитарного профиля. Харьков: НТУ «ХПИ», 2002. 56 с.
10. Свительский В. А. Что такое «подполье»? : О смысле одного из ключевых понятий Достоевского // Индивидуальность писателя и литературно-общественный процесс. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1979. С. 71–80.
11. Созина Е. К. Записки из подполья // Достоевский: Сочинения, письма, документы: Словарь-справочник / сост. и науч. ред Г. К. Щенников, Б. Н. Тихомиров. СПб.: Пушкинский Дом, 2008. С. 77–88.
12. Шалина М. А. Повесть «Записки из подполья» в системе занятий по творчеству Ф. М. Достоевского // Филологические чтения: Человек. Текст. Дискурс. материалы конференции / сост. Е. А. Фёдорова, под ред. И. А. Стернина, М. В. Шамановой. 2019. С. 190–197.
13. Щенников Г. К. Достоевский и русский реализм. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1987. 350 с.

Тема 15. «Идиот»: идеологический роман или роман-трагедия?

Цель: показать разнообразие характерологических интерпретаций главного героя; осмыслить тотальную открытость «положительно прекрасного» человека к собеседованию с миром и ее восприятие окружающими; восстановить авторскую концепцию личности.

1. Проблема «положительно прекрасного» человека в творческом процессе Достоевского. Образ князя Льва Мышкина в романе.
2. Тематическая композиция романа и типология героев. Образ Настасьи Филипповны Барашковой и Аглаи. Образ Парфена Рогожина и его «двойники».
3. Проблема Красоты Христовой в романе. Герои-идеологи в романе: Ипполит Терентьев (экзистенциальный бунт как продолжение «подпольной» философии); черты наполеонизма в образе Гани Иволгина; капитан Лебедев как толкователь Апокалипсиса; три речи Мышкина о вере, сопоставление их содержания с «Дневником Писателя» Достоевского.
4. Современная полемика вокруг образа главного героя романа «Идиот»: Мышкин — «князь Христос», «лже-Христос» или «Антихрист»?
5. Интерпретации романа «Идиот» в кинематографе и оперном искусстве. Опера М. Вайнберга «Идиот» (1986). Интерпретация романа в кинематографии и на телевидении А. Куросавой (1951), И. Пырьевым (1958), В. Бортко (2003).

Литература

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского (любое изд-е, гл. 1–3).
2. Иванов Вяч. Достоевский и роман-трагедия // О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли 1881–1930 гг. М., 1990. С. 164–192.
3. Капустина С. В. «...Соприкосновение с Красотою Идеала есть и в былинах наших...»: о взаимодействии концептов «Богатърство» и «Красота» у Ф. М. Достоевского // Ученые записки Новгородского университета имени Ярослава Мудрого. 2022. № 3 (42). С. 306–309.
4. Коржова Е. Ю. Красота, спасающая мир: личность и ее жизненный путь в творчестве Ф. М. Достоевского. СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2021. 392 с.
5. Перельштейн Р. М. Три сферы сознания как модель художественной вселенной в контексте искусства медленного чтения. Образ князя Мышкина в фильме И. Пырьева «Идиот» // Опыт медленного чтения: коллективная монография / отв. ред. Н. Н. Смирнова. М.: Канон+, 2021. С. 174–216.
6. Рябоконт А. В. Образ князя Мышкина в национальной экранной интерпретации // Вестник ВГИК. 2019. Т. 11. № 2 (40). С. 54–63.
7. Сараскина Л. И. Князь Мышкин в Бомбее, на курортах Гоа и в других краях. Принципы адаптации // Достоевский и мировая культура. М., 2014. № 31. С. 171–191.

8. Скафтымов А. П. Тематическая композиция романа «Идиот» // Нравственные искания русских писателей. М., 1972. С. 23–87.
9. Фёдорова Е. А. Автор и герой в поэтике романа Ф. М. Достоевского «Идиот» // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17. № 3. С. 186–206.
10. Фёдорова Е. А. Достоевский без света: проблема интерпретации произведений Ф. М. Достоевского в кинематографе // Вестник Ярославской духовной семинарии. 2020. № 2. С. 152–157.
11. Шараков С. Л. Мотив Красоты в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2022. № 2 (18). С. 40–53.
12. Энгельгард Б. М. Идеологический роман Достоевского // Энгельгард Б. М. Избранные работы. СПб., 1995. С. 270–308.

Тема 16. «Бесы» Ф. М. Достоевского как роман-предупреждение

Цель: указать на прогностический пафос романа Ф. М. Достоевского «Бесы», рассмотреть проблематику и систему образов романа в свете этического учения А. А. Ухтомского.

1. Отражение в романе актуальных социально-политических процессов. Произведение как «политический памфлет» и роман-предупреждение о судьбе России.
2. Литературные источники романа. «Фауст» Гете и Тургенева. Проблема судьбы героя и поиски смысла жизни.
3. Концепция образа Николая Ставрогина: диалектика и трагизм. Проблема самозванства. Духовные доминанты героя. Женские образы романа. Споры о Марии Лебядкиной.
4. Герои-идеологи и их идейные системы в романе: Шигалев и «шигалевщина»; Шатов и идея «народа-богоносца»; Кириллов и идея человекобога.
5. Образ Степана Трофимовича Верховенского в динамике: грехопадение, прозрение и искупление. Динамическая модель личности.
6. История изъятной и восстановленной главы «У Тихона». Ее место и функции в общей концепции романа «Бесы». Образ старца Тихона и его прототипы.
7. Евангельские мотивы в романе. Символический план произведения. Церковный календарь в романе. Интерпретация романа кинорежиссером В. Хотиненко (2014).

Литература

1. Гаричева (Фёдорова) Е. А. Ф. М. Достоевский о преображении личности в романе «Бесы» // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 3. С. 150–155.
2. Коржова Е. Ю. Красота, спасающая мир: личность и ее жизненный путь в творчестве Ф. М. Достоевского. СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2021. 392 с.
3. Кошечко А. Н. «Мир с Богом» и «мир без Бога»: религиозный и атеистический типы духовности в экзистенциальной аксиологии романа Ф. М. Достоевского «Бесы» // Сибирский филологический журнал. 2014. № 3. С. 94–104.
4. Постникова Е. Г. Феномен самомифологизации и архаизация массового сознания в романе Ф. М. Достоевского «Бесы» // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2012. Т. 1. № 3. С. 24–30.
5. Сараскина Л. И. «Бесы»: роман-предупреждение. М.: Сов. писатель, 1990. 478 с.
6. Сараскина Л. И. Киноверсии романа Ф. М. Достоевского «Бесы» как эксперименты и авантюры // Роман Ф. М. Достоевского «Бесы» в контексте духовной традиции и «большого времени» русской культуры: материалы Всероссийской научной конференции. Липецк, 2022. С. 13–25.
7. Фёдорова Е. А. Принцип доминанты в образах героев романа «Бесы» Ф. М. Достоевского (в свете этического учения А. А. Ухтомского) // Проблемы исторической поэтики. 2023. № 21 (1). С. 161–182.
8. Шараков С. Л. Христианский символизм в романе Ф. М. Достоевского «Бесы» // Проблемы исторической поэтики. 2013. № 11. С. 202–218.

Тема 17. «Подросток» Ф. М. Достоевского как дидактический роман

Цель: показать традиции дидактической календарной литературы в романе, раскрыть особенности произведения как романа воспитания, основанного на национальных традициях древнерусской словесности.

1. Проблема «отцов и детей» в романе «Подросток». Идея Ротшильда Аркадия, подпольные черты в герое. Мотив поиска отца в романе. Образ Версилова как тип «русского скитальца». «Великая мысль» Версилова. Образ Макара Долгорукого как тип странника и праведника («Влас» Некрасова как прототип).

2. Сюжетные мотивы искушения и грехопадения героя. Притчевая основа романа (притча о блудном сыне).
3. Идея благообразия Макара Долгорукого как противопоставление ротшильдовской идее Подростка и европейскому скитальчеству Версилова. Женские образы романа «Подросток». Значение образа матери для Аркадия.
4. «Подросток» как роман воспитания и «Великой Субботы» (В. Н. Захаров). Вставные пасхальные рассказы (о купце Скотобойникове, опера Тришатов). Значение церковного календаря в романе.

Литература

1. Габдуллина В. И. Мотив блудного сына в произведениях Ф. М. Достоевского и И. С. Тургенева: учебное пособие. Барнаул, 2006. 132 с.
2. Захаров В. Н. Имя автора — Достоевский. Очерк творчества: монография. М.: Индрик, 2013. 457 с.
3. Капустина С. В. Концепт «беспорядок» в романе Ф. М. Достоевского «Подросток» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2021. № 3 (15). С. 76–97.
4. Пичугина О. В. Религиозно-философские основания позднего творчества Ф. М. Достоевского: лекции по спецкурсу. Кемерово, 2012. 92 с.
5. Тихомиров Б. Н. Религиозные аспекты творчества Ф. М. Достоевского. Проблемы интерпретации, комментирования, текстологии: дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2006. 567 с.
6. Тоичкина А. В. «Русская идея» как предмет изображения в романе «Подросток» // Проблемы исторической поэтики. 2023. № 4. С. 130–154.
7. Фёдорова Е. А. Церковный календарь, евангельский и литургический текст в романе «Подросток» и «Дневнике Писателя» (1876) Ф. М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2021. № 1. С. 258–283.
8. Шараков С. Л. Мотив блудного сына в романе Ф. М. Достоевского «Подросток» // Ученые записки Новгородского университета. 2020. № 3 (28). С. 17–18.

Тема 18. «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского: каким видит писатель будущее России?

Цель: показать значение романа в творчестве Достоевского и его последователей; определить аксиологические траектории движения героев в произведении; выявить ценностные доминанты внутри

братских взаимоотношений; показать влияние искаженного семейного предания на будущность детей; определить путь их спасения.

1. Проблема «случайного семейства». Образы отца и братьев Карамазовых. Духовные искания героев в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». От Двойника к Собеседнику (по А. А. Ухтомскому).
2. Место поэмы Ивана Карамазова «Великий инквизитор» в романе. Черты антиутопии в романе «Братья Карамазовы». Рецепция поэмы в русской культуре последующих эпох.
3. Глава «Русский инок» как противопоставление «Великому инквизитору» Ивана Карамазова. Философия любви старца Зосимы.
4. Евангельский текст в романе «Братья Карамазовы». Художественное воплощение концепции «пути зерна».
5. Древнерусские традиции в романе Достоевского «Братья Карамазовы» и традиции Достоевского в русском историософском романе начала XX века.

Литература

1. Ветловская В. Е. Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». СПб.: Пушкинский Дом, 2007. 640 с.
2. Габдуллина В. И. Мотив блудного сына в произведениях Ф. М. Достоевского и И. С. Тургенева: учебное пособие. Барнаул, 2006. 126 с.
3. Гаричева (Фёдорова) Е. А. Евангельское слово и традиции древнерусской словесности в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: ПГУ, 2012. № 10. С. 188–195.
4. Захаров В. Н. Имя автора — Достоевский. Очерк творчества: монография. М.: Индрик, 2013. 457 с.
5. Келдыш В. А. Наследие Ф. Достоевского и русская мысль порубежной эпохи // Келдыш В. А. О «серебряном веке» русской литературы: Общие закономерности. Проблемы прозы. М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 18–42.
6. Кошелева Е. И. «Легенда о великом инквизиторе» Ф. М. Достоевского: традиции осмысления // Достоевский в XXI веке: сб. научн. ст. / под ред. И. И. Морозовой. Гомель: ГГУ, 2002. С. 51–57.
7. Петрухина Н. М. Русская историософия XX века в контексте традиции нравственно-психологического романа Ф. Достоевского // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2021. Т. 26. № 3. С. 363–374.
8. Ухтомский А. А. Интуиция совести: Письма. Записные книжки. Заметки на полях. СПб.: Петербургский писатель, 1996. 528 с.

9. Фёдорова Е. А. Доминанта души и хронотоп Раскольникова: от «Двойника» к «Собеседнику» // Социальные и гуманитарные знания. 2016. Т. 2. № 4 (8). С. 327–332.

Тема 19. «Дневник Писателя» Ф. М. Достоевского как предшественник современной журналистики

Цель: показать новаторство «Дневника Писателя» и его значение для последующего развития журналистики и современной культуры; провести эйдологические параллели с романным наследием писателя; уточнить понятие «журнализм» Достоевского.

1. Уникальность моножурнала «Дневник Писателя». Связь художественного и публицистического начала в творчестве автора.
2. Позиция Достоевского-гражданина и отражение почвеннических взглядов в публицистическом дискурсе. Главы «Влас» («Дневник Писателя» за 1873 г.) и «Фома Данилов, замученный русский герой» («Дневник Писателя» за 1877 г.). Концепция духовного богатырства русского народа.
3. Повесть «Кроткая». Типология героев и проблематика произведения. Споры вокруг образа Кроткой в современной науке и в искусстве.
4. «Сон смешного человека». Жанр «фантастического рассказа» в творчестве Достоевского. Диалектика внутреннего развития личности. Три модели мира в рассказе. Философская проблематика произведения.
5. Речь о Пушкине и концепция всечеловека. Сербский преподаватель Иустин (Попович) о миссии Достоевского.
6. Интерпретация произведения в телесериале В. Ткачева «Дневник Достоевского» (2019–2021). Повесть «Кроткая» и ее интерпретации в фильмах А. Борисова (1960), Р. Брессона (1969), в анимационном фильме П. Думалы (1985). Рассказ «Сон смешного человека» и его интерпретация в анимационном фильме А. К. Петрова (1992).

Литература

1. Достоевский и журнализм / под ред. В. Н. Захарова, К. А. Степаняна, Б. Н. Тихомирова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. 384 с.
2. Иустин Попович, преп. Достоевский о Европе и славянстве / пер. с сербского Л. Н. Даниленко. М.; СПб.: Сретенский монастырь, 2002. 286 с.

3. Захаров В. Н. Имя автора — Достоевский. Очерк творчества: монография. М.: Индрик, 2013. 457 с.
4. Зырянов О. В. «Откровение о человеке» Ф. М. Достоевского сквозь призму христианской антропологии // Зырянов О. В. Русская классическая словесность в этноконфессиональной перспективе: учебное пособие / науч. ред. Н. Н. Ильшева. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2014. С. 172–187.
5. Капустина С. В. Православный кардиогнозис русского народа как основа богатырства (на материале «Дневника Писателя» Ф. М. Достоевского) // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2022. № 46. С. 44–52.
6. Кузьмина М. А. Аксиологическая психолингвистика как метод анализа «Дневника Писателя» Ф. М. Достоевского // Творчество Достоевского: проблемы, жанры, интерпретации. Новокузнецк; Красноярск, 2022. С. 43–49.
7. Пичугина О. В. Религиозно-философские основания позднего творчества Ф. М. Достоевского: лекции по спецкурсу. Кемерово, 2012. 92 с.
8. Тарасова Н. А. «Дневник Писателя» Ф. М. Достоевского (1976–1877): критика текста: монография. М., 2011. 392 с.
9. Фёдорова Е. А. Церковный календарь, евангельский и литургический текст в романе «Подросток» и «Дневнике Писателя» (1876) Ф. М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2021. № 1. С. 258–283.

Тема 20. Автор и герой в повестях Л. Н. Толстого и рассказах А. П. Чехова

Цель: выявить характер аксиологического диалога «автор–герой» в повестях Л. Н. Толстого («Смерть Ивана Ильича», «Отец Сергей») и рассказах А. П. Чехова («Студент», «Архиерей»); установить общее и различное в этих отношениях; определить точки пересечения аксиосфер Л. Н. Толстого и позднего А. П. Чехова.

1. Герой в ситуации порога между жизнью и смертью, его прозрение («Смерть Ивана Ильича»). Герой в ситуации поиска духовных ориентиров и своего места в жизни («Отец Сергей»).
2. Авторская позиция и формы ее выражения в повестях Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» и «Отец Сергей».
3. Архетип блудного сына и телеологический сюжет в повестях Л. Н. Толстого.
4. Автор и герой в рассказе А. П. Чехова «Студент» и «Архиерей»: структура повествования, система мотивов. Церковный календарь.
5. Можно ли говорить о кольцевой композиции в рассказах Чехова? Происходит ли прозрение героя в финале?

Литература

1. Бочаров С. Г. Толстой и новое понимание человека. «Диалектика души» // Литература и новый человек. М., 1963. С. 224–309.
2. Гиршман М. М. Ритм как элемент стиливого своеобразия // Гиршман М. М. Ритм художественной прозы. М., 1982. С. 205–218.
3. Козлова Я. О. Жанр пасхального рассказа: завершение духовно-нравственных исканий А. П. Чехова («Святою ночью», «Студент», «Архиерей») // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. 2021. Т. 20. № 2. С. 120–127.
4. Назиров Р. Г. Традиции Гоголя и Пушкина в русской прозе XIX века. Сравнительная история фабул // Назировский архив. 2020. № 4 (30). С. 34–261.
5. Ранева-Иванова М. Христианский мотив и поздний рассказ А. П. Чехова: жанр и повествование. 2005. № 7. С. 416–427.
6. Тюпа В. И. Художественность и нравственная норма // Тюпа В. И. Художественность чеховского рассказа. М., 1989. С. 104–123.
7. Фаленкова Е. В. «Стратегия пути» странника как модель духовного развития человека в творчестве позднего Л. Н. Толстого // Вестник Волгоградского государственного университета. 2014. Серия 7. № 2. С. 20–25.
8. Чернец Л. В. О типах персонажей в русской литературе XIX в.: монография. М.: МАКС Пресс, 2018. 212 с.
9. Фёдорова Е. А. «Великие грешники» и праведники Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского в свете этического учения А. А. Ухтомского // Два века русской классики. 2024. Т. 6. № 1. С. 210–231.
10. Шмид В. Мнимое прозрение Ивана Великопольского («Студент») // Шмид В. Проза как поэзия. Статьи о повествовании в русской литературе. СПб., 1994. С. 167–183.

4.4. А. С. Пушкин о судьбе России в драме «Борис Годунов»

Е. А. Фёдорова

Трагедию А. С. Пушкина «Борис Годунов» (1825) можно считать одним из самых значимых произведений в истории русской словесности XIX в. Написанная в год восстания на Сенатской площади, она вобрала в себя размышления о судьбе России и русского человека в период кризиса и Смутного времени. А. А. Ухтомский в своих заметках писал: «“Борисъ Годуновъ” посвящается Карамзину.

Шекспир замѣнил Байрона. Борисъ есть вершина, гдѣ сочетается у П<ушкина> байронизм съ національнымъ объективизмомъ»⁷.

Традиции Пушкина были продолжены А. К. Толстым в трагедии «Царь Борис» (1869) и А. Н. Островским в исторической драматургии: трагедиях и хрониках «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» (1866), «Козьма Захарьич Минин, Сухорук» (1861, 1866). Важнейшей проблемой всех указанных исторических драм является вопрос о причинах Смутного времени и путях выхода из кризиса. В центре внимания драматургов оказываются две личности: Борис Годунов и Лжедмитрий. Главная тема данных произведений — это судьба народа и личности в переломную эпоху.

Г. Д. Гачев выделяет в драме как роде литературы онтологическую проблематику: «Судьба человека есть заинтересованная в человеке беспредельность мира, оборачивающаяся к нему как его удел» [Гачев, с. 275]. В этом отношении трагедия Шекспира «Макбет» интересна тем, что заглавный герой хочет опередить судьбу, но она его догоняет и опережает [там же, с. 293]. Тема судьбы является основной в драме «Борис Годунов», сюжетные мотивы исторических драм А. С. Пушкина и А. К. Толстого схожи.

Особенности жанра исторической драмы Пушкина, проблема соотношения авторской позиции и позиции героев до сих пор вызывают споры среди литературоведов. Так, С. М. Бонди утверждает, что, создавая своё произведение, Пушкин ориентировался не на трагедии Шекспира, а на его исторические хроники. «Бориса Годунова» исследователь считает политической и социальной драмой, поскольку главное действующее лицо в трагедии — это народ, который показан в развитии (от проявления равнодушия к выражению недовольства и восстанию) [Бонди]. По мнению Н. В. Захарова, главной чертой шекспировской манеры письма Пушкин считал «объективность, жизненную правду характеров» и «верное изображение времени». «По системе отца нашего Шекспира» Пушкин строил свою трагедию «Борис Годунов» (1825), а объективность в изображении эпохи и характеров того времени он позаимствовал у Шекспира» [Захаров, с. 236]. Исследователь утверждает, что Пушкин, создавая русскую национальную драму, в отличие от Шекспира, обратился к категориям христианской православной культуры [там же, с. 240].

⁷ СПб. Филиал Архива РАН. Ф. 749. Оп. 1. Ех. Хр. 93. Л. 58.

Считая Бориса Годунова детоубийцей, Пушкин следует за Н. М. Карамзиным и древнерусскими источниками. Н. Г. Устрялов в книге, которая имела в библиотеке Пушкина [Устрялов, с. 9], приводит свидетельства тех, кто привлекался во время угличского розыска. Большинство опрошенных Василием Шуйским считало смерть царевича Дмитрия несчастным случаем. Устрялов делает вывод: «Если вѣрить нашимъ лѣтописямъ безусловно, Годуновъ заслужилъ въ полной мѣрѣ проклятіе потомства» [Устрялов, с. 168]. Мотив детоубийства объединяет трагедию Шекспира и Пушкина.

Макбет Шекспира совершает цепь преступлений, последнее из которых — убийство невинного ребёнка, сына Макдуфа, оказывается роковым. Малькольм говорит об этом отцу мальчика: «Макбет созрел: пора / стряхнуть плоды, Промысел Всевышний / избрал орудья»⁸. В драме Пушкина убийство царевича Дмитрия вызывает муки совести у Годунова. Он видит такой же окровавленный призрак, как Макбет видит призрак убитого им Банко. Пушкин вводит в трагедию видение-предупреждение, которое потом развернёт в знаменитую сцену М. П. Мусоргский в опере «Борис Годунов» (1868), — призрак царевича Дмитрия, обagrённого кровью: «О совесть лютая, / как тяжко ты караешь! / Ежели в тебе пятно единое, / единое случайно завелось, / душа сгорит, нальётся сердце ядом, / так тяжко, тяжко станет, / что молотом стучит в ушах / укором и проклятьем... / И душит что-то... (*глухо*) / Душит... / И голова кружится... / В глазах... дитя... окровавленное! / Вон... вон там, что это? / Там, в углу... / Кольшется, растёт... / Близится, дрожит и стонет... / (*говорком*) Чур, чур... / Не я... не я твой лиходея... / Чур, чур, дитя! / Не я... не я... / Воля народа! / Чур, дитя! Чур! / Господи! / Ты не хочешь смерти грешника, / помилуй душу преступного / царя Бориса!»⁹. Мусоргский находит это видение в рассказе Пимена об убийстве царевича Дмитрия как свидетельство вины убийц: «Тут народ / Вслед бросился бежавшим трём убийцам; / Укрывшихся злодеев захватили / И привели пред тёплый труп младенца, / И чудо — вдруг мертвец

⁸ Шекспир В. Трагедии / Сост. В. П. Комарова. СПб.: Лениздат, 1993. С. 639. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте раздела с использованием сокращения *Шекспир* и указанием страницы в круглых скобках.

⁹ Мусоргский М. П. Либретто оперы «Борис Годунов». [Электронный ресурс]. URL: <https://100oper.ru/boris-godunov-libretto.html?ysclid=lu8pygcdbs718234503> (дата обращения: 25.03.2024).

затрепетал — / "Покайтесь!" — народ им завопил: / И в ужасе под топором злодеи / Покаялись — и назвали Бориса» (*Пушкин*, т. 5, с. 204).

Годунов у Пушкина понимает, что «жалок тот, в ком совесть нечиста» (*там же*, т. 5, с. 209). Упрекает себя в том, что дочь его не получила личного счастья: «Я, может быть, прогневал небеса, / Я счастье твоё не мог устроить» (*там же*, с. 224). Но подлинного покаяния не происходит. Годунов убеждает себя, что он может властвовать над данным ему свыше видением: «На призрак сей подуй — и нет его» (*Пушкин*, т. 5, с. 231). В этом он предвосхищает героя романа Ф. М. Достоевского «Бесы», Ставрогина, который пишет в исповеди о том, что может властвовать над видением обиженной им девочки Матрёши.

Сон в трагедии Пушкина выражает «подсознательное» и «надсознательное», по словам Д. И. Чижевского [22]. Годунов после известия об «ожившем» царевиче Димитрии вспоминает свой сон: «Так вот зачем тринадцать лет мне сряду / Все снилося убитое дитя!» (*Пушкин*, т. 5, с. 231). Он воспринимает это как возмездие за своё преступление. Однако покаяния не происходит. Тема смерти невинного ребёнка ради будущей мировой гармонии будет подхвачена Достоевским в романе «Братья Карамазовы» в знаменитой речи Ивана Карамазова о «слезинке» ребёнка.

В письме к П. А. Вяземскому о плане «Бориса Годунова» от 13 сентября 1825 г. Пушкин ссылается на «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина — «конец 10-го и весь 11-ый том»¹⁰. Свою трагедию он посвящает памяти Карамзина. В целом Пушкин следует за великим русским историографом, но вносит свои коррективы, особенно в осмысление характеров Бориса Годунова и Лжедмитрия. Карамзин, обращаясь к древнерусским летописям, показывает Годунова властолюбцем, готовым на всё ради завладения престолом. Как и Макбет, Годунов у Карамзина верит в предсказание, что станет царем: «Имея ум редкий, Борис верил однако ж искусству гадателей; призвал некоторых из них в тихий час ночи и спрашивал,

¹⁰ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); Т. 10: Письма / Текст проверен и примечания составлены Б. В. Томашевским. Л.: Наука, 1979. С. 141. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте раздела с использованием сокращения *Пушкин* и указанием тома и страницы в круглых скобках.

что ожидает его в будущем? Льстивые волхвы или звездочёты ответствовали: *тебя ожидает венец...*»¹¹. В трагедии Пушкина нет мотива предсказания. Карамзин показывает возможный путь спасения для Годунова, повествуя о судьбе убийцы царевича Клешнине, который после покаяния ушёл в монастырь (*Карамзин*, с. 256). Мотив покаяния в трагедии Пушкина связан с иным героем — Иваном Грозным, которого старец Пимен противопоставляет Борису Годунову.

Е. О. Модникова, сопоставляя трагедию А. С. Пушкина и А. К. Толстого, считает, что «глубокое различие с концепцией А. С. Пушкина в том, что Дмитрий у А. К. Толстого не реальное лицо, а фантом, призрак. Бориса не устрашает реальное лицо — Самозванец, против которого он принимает реальные меры, но приводит в ужас появление призрака убитого Дмитрия» [Модникова, с. 22]. Годунову даёт-ся демонологическое видение, и окружающие видят его одержимость. Не в силах заснуть, ночью Годунов видит на своём престоле тень: «Бессоница! — Но нет — я точно вижу — / Вновь что-то там колеблется, как дым, — / Сгущается — и образом стать хочет! / Ты — ты! Я знаю, чем ты хочешь стать, — / Сгинь! Пропади!» (*Толстой*, т. 3, с. 495). Стражники пугаются этой сцены, призывая небесные силы: «Святая сила с нами!», «Помилуй Бог нас!» (*там же*, с. 495). Сам А. К. Толстой писал о призраке Годунова как демонологическом персонаже: «Бой, в котором погибает мой герой, — это бой с призраком его преступления, воплощённым в таинственное существо, которое ему грозит издали и разрушает всё здание его жизни»¹². Так, «двойник» Годунова из тени воплощается в образ.

Второй самозванец, претендующий на власть в трагедии Пушкина, — Лжедмитрий. Н. М. Карамзин называет его мечтателем, которому внушили мысль о том, что он сможет стать орудием возмездия для Годунова: «Мысль чудная уже поселилась и зрела в душе мечтателя, внушённая ему, как уверяют, одним злым иноком: мысль, что смелый самозванец может воспользоваться легковерием россиян,

¹¹ Карамзин Н. М. История Государства Российского / примеч. А. М. Кузнецова. Т. IX–XII. Калуга: Золотая аллея, 1994. С. 250. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте раздела с использованием сокращения *Карамзин* и указанием страницы в круглых скобках.

¹² Толстой А. К. Собрание сочинений: в 4 т. / сост. и общ. ред. И. Г. Ямпольского. М.: Правда, 1980. Т. 4. С. 466.

умиляемых памятию Димитрия, и в честь Небесного Правосудия казнить святоубийцу!» (*Карамзин*, с. 370).

И. З. Серман обращается к концепции Карамзина и считает, что в трагедии Пушкина рассказ Пимена о гибели царевича Димитрия внушил Григорию Отрепьеву фанатичную веру в своё предназначение отомстить Годунову за смерть царевича и в жизни воплотить эту «поэтическую мечту» [Серман]. При этом исследователь воспринимает Лжедмитрия как нарушителя традиций и норм, не верящего в Бога [Серман, с. 122]. С этим трудно согласиться.

Сон Григория Отрепьева в монастыре, о котором он рассказывает Пимену, несёт несколько смыслов: он предвещает его будущую смерть — падение с колокольни, он же в символической форме показывает грехопадение героя, одержимого гордостью: «И, падая стремглав, я пробуждался». Григорию во сне даётся предупреждение: не возноситься над людьми, считая их «муравейником». У него есть страх Божий и стыд. Ухтомский, вслед за Иоанном Лествичником, считал, что стыд и любовь даны всем людям, что это «естественный закон». Но «плотской» человек начинает торжествовать в Григории Отрепьеве. Начинается всё с желания пожить яркой, насыщенной жизнью, в войнах и пирах, какой была жизнь Пимена до ухода в монастырь. Предостережения Пимена о том, что надо смирять себя молитвой и постом, и о том, что выше всех царей «единый Бог», Григорий не слышит. Но рассказ об убиенном царевиче воспринимает как свидетельство незаконности власти правителя:

Борис, Борис! всё пред тобой трепещет,
Никто тебе не смеет и напомнить
О жребии несчастного младенца, —
А между тем отшельник в тёмной келье
Здесь на тебя донос ужасный пишет:
И не уйдешь ты от суда мирского,
Как не уйдешь от Божьего суда (*Пушкин*, т. 5, с. 204).

Ошибка Отрепьева заключается в том, что он думает, будто летописец записывает всё происходящее вокруг, «добру и злу внимая равнодушно», без этической оценки происходящего. Он сам готов смешать добро и зло, нивелировать духовные ценности. Пушкин при создании этого героя подступает к изображению героя-идеолога, вроде Германна в «Пиковой даме» или Пугачёва в «Капитанской

дочке». У Григория Отрепьева есть своя жизненная философия. Лжедмитрий показан Пушкиным как человек сильных страстей. В этом он напоминает Пугачёва, героя «Капитанской дочки», когда тот рассказывает калмыцкую сказку о вороне и орле. О связи повести «Капитанская дочка» с трагедией «Борис Годунов» пишет Еремеев [Еремеев], указывая, что Пугачёв вспоминает Самозванца: «Для меня не будет помилования. Буду продолжать как начал. Как знать? Авось и удастся! Гришка Отрепьев ведь поцарствовал же над Москвою» (*Пушкин*, т. 6, с. 337). Григорий Отрепьев слышит из уст монаха Пимена повесть о злодеянии Годунова и решает вступить в борьбу с царём Борисом, поскольку понимает, что тот совершил грех, преступление, поэтому его ожидает «Божий суд». Себя Отрепьев воспринимает как орудие Бога.

Когда Григорий Отрепьев видит своих новых сторонников, он ещё раз убеждается в своём избранничестве: «Всё за меня: и люди, и судьба» (*Пушкин*, т. 5, с. 204). Окончательный выбор делает Отрепьев, когда встречается с Мариной Мнишек. Григорий испытывает сильное чувство к гордой польке, ради которой он готов отказаться от борьбы за власть. Однако он видит, что Марина Мнишек останется с ним при условии, что он возьмет власть в свои руки (ей неважно, кто он на самом деле), и он возвращается к своей идее возмездия: «Тень Грозного меня усыновила, / Димитрием из гроба нарекла, / Вокруг меня народы возмутила / И в жертву мне Бориса обрекла» (*Пушкин*, т. 5, с. 246). Именно в этот момент автор называет его не «Григорием», а «Димитрием», поскольку он чувствует себя в роли Димитрия. Он становится орудием Божьего гнева. Но приняв решение вести иноземные войска на Москву, герой Пушкина окончательно становится «Самозванцем». Б. А. Успенский замечает, что в диалоге патриарха и игумена слова Отрепьева о том, что он «будет царём» называются «ересью», поскольку, по представлению человека того времени, царский титул даётся человеку Богом [Успенский, с. 202].

Можно заметить, что в Григории Отрепьеве угадываются черты будущего «великого инквизитора» Достоевского, поскольку он презирает «чернь» и считает, что в народе нет истинной православной веры. Как великий инквизитор, Лжедмитрий осознаёт, что идёт не за Христом, а за антихристом, но продолжает этот путь и собирается вести за собой народ. В беседе с патером Черниковским

Лжедмитрий утверждает, что в течение двух лет сможет добиться того, что русский народ примет католическую веру. Именно с этого эпизода он именуется в трагедии Самозванцем:

Нет, мой отец, не будет затрудненья;
Я знаю дух народа моего;
В нём набожность не знает исступленья:
Ему священ пример царя его.
Всегда, к тому ж, терпимость равнодушна.
Ручаюсь я, что прежде двух годов
Весь мой народ, вся северная церковь
Признают власть наместника Петра (*Пушкин*, т. 5, с. 204).

В житии царевича Дмитрия Угличского рассказывается о явлении убиенного младенца Тихону и пророчестве о гибели «властолюбца» Бориса Годунова и его рода. Тот, кто «со престола свержеть и царства лишитъ, и родъ его весь погубитъ», представляется в агиографическом источнике как орудие гнева Божия. Вместе с тем дважды Григорий Отрепьев называется «не царевъ сынъ, но сосудъ диаволь». Его преступлением становится не только самозванство, но и желание «въру христианскую до конца искоренити», а также убийство «многочисленного множества» людей и «Бориса сына и жены его», которых он повелел «удавити»¹³. Пушкин точно следует за древнерусским источником и Карамзиным. Патриарх в пушкинской трагедии, узнав о том, что Григорий заявил «буду царём на Москве!», называет его «сосудом диавольским», т. е. одержимым нечистой силой (*Пушкин*, т. 5, с. 205). Мотив одержимости и вызова судьбе объединяет героя Пушкина с Макбетом, героем Шекспира.

Однако в трагедии Пушкина есть мотив, который не встречается у Шекспира, поскольку он обращает читателя к национальным традициям. В библиотеке Пушкина находилось «Сказание о Мамаевом побоище» [Модзалевский, с. 9], аллюзию к которому Пушкин вкладывает в уста Годунова. Речь идёт об участии в Куликовской битве монахов Свято-Троицкой лавры, которых благословил на битву

¹³ Житие царевича Дмитрия Угличского / подг. текста, перев. и коммент. Т. Р. Руди // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 14. [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=10864&ysclid=lu6nzfxilj712617545> (дата обращения: 24.03.2024).

преп. Сергей Радонежский. Борис Годунов размышляет: «...В прежние годы, / Когда бедой Отечеству грозило, / Отшельники на битву сами шли, но не хотим тревожить ныне их» (*Пушкин*, т. 5, с. 290). Мотив отказа Бориса Годунова от помощи небесных сил повторяется в сцене с патриархом Иовом, который предлагает перенести мощи царевича Димитрия в собор Михаила Архангела, небесного покровителя воинов.

Древнерусские источники трагедии Пушкина достаточно хорошо исследованы в отечественной науке. В. А. Бочкарёв показывает связь пушкинского произведения с Подробной летописью, со «Сказанием» Авраамия Палицына [Бочкарев, с. 6], в Житии царевича Димитрия Угличского, входящего в Четвь Миней Димитрия Ростовского, находит темы Божьего гнева и угрызений совести, считает данное житие источником монолога патриарха Иова [там же, с. 9]. Лотман в комментариях к трагедии Пушкина упоминает также Никоновскую летопись, «Летопись о многих мятежах и о разорении Московского государства», изданную в 1771 и 1788 гг. Н. И. Новиковым, «Хронограф» 1617 г., «Летопись о многих мятежах» и др. [Лотман]. Н. В. Трофимова показывает, как Пушкин развивает идеи и образы Жития царевича Димитрия, входящего в Четвь Миней Иоанна Милютина, а также «Сказания о царстве государя и великого князя Феодора Иоанновича» [Трофимова]. Несмотря на это основательное изучение источников, нет обращения к «Сказанию о Мамаевом побоище», историософская проблематика древнерусских произведений также редко становится предметом размышлений исследователей.

Л. М. Лотман, размышляя о Промысле Божиим в трагедии, соединяет точку зрения автора и Бориса Годунова, поэтому утверждает, что «скептицизм Пушкина выражается и в том, что вера Бориса Годунова в справедливость и милость Провидения не оправдывается. Провидение хранит Самозванца-авантюриста (слова Гаврилы Пушкина «хранит его, конечно, Провиденье» — сцена «Лес») и обрекает на гибель невинного юного сына Бориса Феодора, вопреки надежде его отца («Но Бог велик! Он умудряет юность, Он слабости дарует силу» — сцена «Москва. Царские палаты»)» [Лотман]. Это противоречит размышлениям Пушкина о Промысле Божиим в рецензии на второй том «Истории русского народа» Н. А. Полевого (1831): «Не говорите: “иначе нельзя было быть”. Коли было бы это

правда, то историк был бы астрономом, и события жизни человеческой были бы предсказаны в календарях, как затмения солнечные. Но Провидение не алгебра, Ум человеческий, по простонародному выражению, не пророк, а угадчик, он видит общий ход вещей и может выводить из одного глубокие предположения, часто оправданные временем, но невозможно ему предвидеть *случая* — мощного, мгновенного орудия Провидения» (*Пушкин*, т. 7, с. 143–144). На наш взгляд, Пушкин в трагедии «Борис Годунов», следуя традиции древнерусской словесности, показывает, как нравственный выбор любой личности определяет её судьбу, а выбор правителя — судьбу народа.

«Житие царевича Димитрия Угличского» является одним из источников трагедии Пушкина «Борис Годунов», поскольку автор трагедии следует изложенному в житии пониманию истории и характеристике главных героев. Так, Феодор Иоаннович показан в агиографическом источнике и в пушкинской трагедии как правитель, имеющий страх Божий, пребывающий в непрестанных молитвах. В «Повести о Житии Фёдора Ивановича» патриарха Иова показано преобразование царя Феодора перед смертью, когда ему даётся видение «светлого мужа»: «“Зрите ли? Одра моего предстоит мужь светел во одежде святителей, ити ми, глаголя, с собою повелѣвает”. Они же чюдишася на многъ час, царя убо единого зряще и того зело изнемогающе, мужа же не видяще, ни гласа его не слышаще; и мнѣша воистину аггела Божия пришедша к нему и возвещающа ему к Богу отшествие»¹⁴. В трагедии Пушкина Монах Пимен подчеркивает кротость царя Феодора: «Бог возлюбил смирение царя»¹⁵. Пушкин передаёт Пимену свидетельство о его предсмертном видении: «в час

¹⁴ Повесть о честнѣм житии благовѣрнаго и благородного и христоролюбиваго государя царя и великого князя Федора Ивановича всея Руси, о его царьскомъ благочестии и о добродѣтельномъ исправлении, о святѣм его преставлении. Писано смиреннымъ Иевомъ Патриархомъ Московскимъ и всея Руси / Подг. текста В. П. Бударagina, перев. и коммент. А. М. Панченко // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 14. [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10862&usclid=1ubnmhcm1h302323270> (дата обращения: 24.03.2024).

¹⁵ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); Т. 5.: Евгений Онегин. Драматические произведения / текст проверен и примечания сост. проф. Б. В. Томашевским. Л.: Наука, 1978. С. 202. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте раздела с использованием сокращения Пушкин и указанием тома и страницы в круглых скобках.

его кончины / Свершилося неслыханное чудо, / К его одру, царю
едину зримый, / Явился муж необычайно светел, / И начал с ним
беседовать Феодор...» (Пушкин, т. 5, с. 203).

Пушкин противопоставляет, вслед за древнерусским книжником, кроткого Феодора Иоанновича Борису Годунову и Григорию Отрепьеву. Борис Годунов в «Житии царевича Димитрия» вначале показан как «многосмыслень и разумень зѣло»¹⁶. Но жажда «величества и славы» ведёт к тому, что нечистый дух «влагаетъ ему во сердце злую мысль и ненависть, еже той царский корень искоренити и самому сѣсти на престолѣ царствѣмъ». Древнерусский книжник пишет об одержимости Годунова: «Искони бѣ ненавидяй рода чловѣческаго древний змий, Сатана, иже николиже никому содѣваетъ добро, но выну сотворяетъ зло, вложи убо во умъ тому Борису...» После этого Борис Годунов, забывая о страхе Божиим, отдаёт приказ убить царевича Димитрия, «аки агньца незлобива».

В трагедии Пушкина Борис Годунов упрекает народ, «чернь» в неблагодарности, повествуя о том, как он помогал народу во время голода и пожара. Но в житии царевича Димитрия щедрость царя Бориса объясняется его эгоистической попыткой остановить мятеж и народную молву об убийстве царевича: «Той же Борисъ, коварень зѣло и вѣдѣ свою совѣсть, видѣ тѣхъ людей, у нихже погорѣша дома и имѣнія многа, в скорби и печали велицѣй суще, и повелѣ имъ сребро давати десяторицею противу той тщеты ихъ и погибели, да не будетъ имъ скорбь и печаль велия о домѣхъ своихъ и о имѣннихъ своихъ, да не будетъ паки мятежъ и говоръ во граде и да отведеть имъ всю мысль, яже о царевиче Димитрие».

В житии царевича Димитрия Угличского Годунов сравнивается с Каином не только потому, что совершил братоубийство, но и потому, что его терзают муки совести и болезни: «совѣстию внутрь обличаемъ и аки копиемъ прободаемъ». Однако, несмотря на то, что он знает о чудесах, исходящих от мощей невинного отрока, и осознаёт святость убиенного отрока и свою неправоту, он «не восхотѣ покаяния предъ нимъ положити, ниже прощения отъ него получитьи, и послѣди за такуюю гордость злѣ гнѣвомъ Божиимъ побѣждень

¹⁶ Житие царевича Димитрия Угличского / подг. текста, перев. и коммент. Т. Р. Руди // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 14. [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10864&ysclid=lu6nznfxilj712617545> (дата обращения: 24.03.2024).

бысть, такожде и родъ его весь погибаетъ и искореневается»¹⁷. В агиографическом источнике указывается причина преступления Бориса Годунова — гордость, следствием чего становится его гибель и искоренение рода.

Истину несут герои, связанные с православной верой: это летописец Пимен и юродивый, обличающие Бориса Годунова. Юродивый в ответ на просьбу Бориса Годунова помолиться за него возражает, что «нельзя молиться за царя Ирода — Богородица не велит» (*Пушкин*, т. 5, с. 260). Невинно убиенный младенец соотносится с Христом, а его гонитель — с Иродом. Патриарх Иов обращается к Борису Годунову с предложением перенести мощи царевича Дмитрия в Московский кремль, в собор Архангела Михаила, покровителя воинов, и рассказывает о чуде исцеления от мощей невинно убиенного отрока. Это могло стать спасением для Руси [Степанян]. Но заступничество Пресвятой Богородицы и святого отрока Димитрия за русскую землю возможно лишь при условии, что власть правителя будет от Бога. Шуйский утверждает, что ложь Бориса Годунова развязывает руки всем, кто может претендовать на престол, т. е. если бы Годунов публично покаялся, он мог бы сохранить власть и государство.

Когда Борис хитрить не перестанет,
Давай народ искусно волновать,
Пускай они оставят Годунова,
Своих князей у них довольно,
Пусть себе в цари любого изберут (*Пушкин*, т. 5, с. 205).

Трагедию Пушкина отличает от трагедии Шекспира также то, что героем его исторической драмы является народ. Он показан в сцене, когда бояре уговаривают Бориса Годунова принять царство. Люди из народа отказываются от своего выбора, предоставляя его боярам: «А как нам знать? то ведают бояре» (*Пушкин*, т. 5, с. 195). Один из крестьян хочет помазать глаза луком, чтобы заплакать, баба бросает младенца о землю, чтобы его плачущий голос присоединился к другим плачам. Однако Григория Отрепьева народ поддерживает, по-

¹⁷ Житие царевича Димитрия Угличского / Подг. текста, перев. и коммент. Т. Р. Руди // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 14. [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=10864&ysclid=lu6nzfxilj712617545> (дата обращения: 24.03.2024).

сколько хочет верить, что царевич Дмитрий спасся. Но это продолжается до тех пор, пока новый правитель не преступает через жизни других людей и кровь невинных детей. Известие в финале трагедии о том, что мать Феодора Годунова и сам наследник Бориса Годунова отравились, народ принимает в безмолвии, поскольку к русскому человеку приходит осознание страшного обмана и нового преступления («народ в ужасе молчит»). Самозванец, приказавший убить Фёдора Годунова, становится таким же детоубийцей, как царь Борис. Подобное понимание приводит к пробуждению самосознания народа.

Ссылки

1. Бонди С. М. О Пушкине. Статьи и исследования. М.: Художественная литература, 1983. 478 с.
2. Бочкарёв В. А. Трагедия А. С. Пушкина «Борис Годунов» и отечественная литературная трагедия // Болдинские чтения. Горький: Волго-Вятское книжное издательство, 1988. С. 4–13.
3. Гачев Г. Д. Содержательность художественных форм. Эпос. Лирика. Театр. М.: Просвещение, 1968. 302 с.
4. Еремеев А. Э. Эстетические и поэтические особенности трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов» // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2021. Т. 15. № 4. С. 8–20.
5. Жилина Н. П., Жилина-Элс Т. Юродство как подвиг истинной святости в творчестве русских писателей XIX века // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 3. С. 61–81.
6. Журавлёва А. И. Русская драма и литературный процесс XIX века от Гоголя до Чехова. М.: МГПУ, 1988. 198 с.
7. Захаров Н. В. Шекспиризм в творчестве А. С. Пушкина // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 2. С. 235–249.
8. Лотман Ю. М. Историко-литературный комментарий // Пушкин А. С. Борис Годунов. СПб.: Академический Проект, 1996. С. 129–359. [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/texts/selected/god/god-129-.htm?cmd=p> (дата обращения: 23.03.2024).
9. Мартиросян О. Я. Традиции древнерусской литературы в изображении типа юродивого в трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов» // Вопросы филологических наук. 2010. № 2. С. 17–19.
10. Мелихов М. В. Древнерусские воинские повести: проблемы сюжетосложения и идейно-художественная трансформация жанра в литературной и рукописной традиции XV–XVIII вв.: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2003. 36 с.

11. Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина. Приложение к репринтному изданию. М.: Книга, 1988. 186 с.
12. Модникова Е. О. Художественное своеобразие драматической трилогии А. К. Толстого: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ульяновск, 2012. 22 с.
13. Мосалёва Г. В. «Русская Одиссея» (путь исторической России: судьба героя) // Вестник Московского государственного областного университета. 2023. № 2. С. 86–97.
14. Непомнящий В. С. «Наименее понятый жанр» // Непомнящий В. С. Поэзия и судьба. М.: Советский писатель, 1983. С. 212–250.
15. Сазонова З. Я. Жанр и тематический аспект в произведениях А. К. Толстого об эпохе Иоанна Грозного: баллады, роман, трагедия: автореф. дис. ... канд. филол. наук, 2006. 22 с.
16. Серман И. З. Пушкин и русская историческая драма 1830-х годов // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1969. Т. VI. С. 122–125.
17. Степанян К. А. «Борис Годунов» и «Братья Карамазовы» // Знамя. 1999. № 2. [Электронный ресурс]. URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=708&ysclid=lu5y51v0sq71461476> (дата обращения 23.03.2024).
18. Трофимова Н. В. Некоторые наблюдения над использованием древнерусских традиций в трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов» // Литература Древней Руси. М.: Прометей — МПГУ, 2011. С. 154–169.
19. Успенский Б. А. Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен // Художественный язык средневековья. М., 1982. С. 201–230.
20. Устрялов Н. Г. Сказания современников о Димитрии Самозванце. Ч. II. СПб.: Типография Императорской Российской Академии, 1832. 320 с.
21. Чижевский Д. И. Достоевский и западноевропейская философия / публ. А. В. Тоичкиной // Достоевский и мировая культура. 2010. № 27. С. 264–272.

4.5. Мечтатели, игроки и парадоксалисты

М. Ю. Лермонтова и Ф. М. Достоевского

Е. А. Фёдорова, В. В. Любарец

Проблема преемственности прозы М. Ю. Лермонтова и Ф. М. Достоевского в последнее время привлекает внимание многих исследователей. В отечественной науке сопоставление осуществляется в основном с использованием таких категорий поэтики произведений, которые позволяют моделировать картину мира. Так, А. П. Валагин

обращается к общим мотивам творчества писателей [Валагин], А. В. Храброва находит сходство в хронотопе героев [Храброва, с. 17].

Зарубежных ученых в творческом наследии Лермонтова интересует, прежде всего, роман «Герой нашего времени». В иностранных исследованиях преобладает герменевтический подход. В немецкой и чешской науке особенности психологизма Лермонтова и Достоевского осмысливаются с помощью повествовательных структур [Шмид], «нарративной маски» героя. Голландский исследователь А. Г. Ф. Ван Холк [Holk] и венгерский ученый Жофия Силади [Силади] обращаются к структурному методу, чтобы понять тайну лермонтовского героя. Вместе с тем, в западной науке о Достоевском все более востребованным становится обращение к «христианскому тексту» писателя. Его стремятся выявить и проанализировать О. Мерсон, К. Аполлонио, М. Джоунз, Дж. Гивенс и др. [Гивенс, с. 77].

В отечественной науке о Лермонтове преобладает аксиологический подход [Власкин]. Осмысление романа Лермонтова с точки зрения реализации национальных духовно-нравственных традиций в отечественной науке приводит чаще всего к противопоставлению Печорина и Максима Максимовича. В современных российских исследованиях превалирует понимание Печорина как героя, оторванного от «почвы».

Черты типа «лишнего человека» Лермонтова прослеживаются в героях-идеологах Достоевского. А. М. Буланов, например, рассматривает развитие идей А. С. Хомякова и И. В. Киреевского о синтетическом единстве «ума — сердца — чувства» на материале романов «Герой нашего времени», «Преступление и наказание», «Идиот», «Братья Карамазовы», «Анна Каренина» [Буланов]. Раскольников и Иван Карамазов, по мнению исследователя, как и Печорин, не могут жить сердцем и неизбежно приходят к противоречиям ума, при этом феноменологию сознания героев исследователь противопоставляет феноменологии авторского сознания [Буланов, с. 140].

По мнению К. Г. Исупова, Лермонтова, в отличие от Пушкина, можно назвать основоположником русской (если не общеевропейской) негативной метафизики, которая способна утверждать положительный идеал через его отрицание [Исупов, с. 46]. Печорин, считает Исупов, использует случай (дуэль с Грушницким) как конструкт в моделировании судьбы другого героя [Исупов, с. 43]. Эта

этическая ошибка, насильственное внесение в порядок Бытия сюжетообразующие энергии личной прихоти, замкнутость на себе, по мнению Исупова, ведут Печорина к неугаданности Судьбы и гибели [Исупов, с. 44, 47].

О. В. Сливацкая обращает внимание на дискретность бытия героя, раздробленность его жизни и нарушение в композиции романа линейного времени главного героя [Сливацкая, с. 54]. Обида «простого человека» Максима Максимовича на рефлексирующего героя и указание на смерть Печорина становятся для читателя маркером, который позволяет, читая «Журнал Печорина», перейти к размышлениям о смысле жизни «героя» своего времени. По мнению другого исследователя, С. Г. Бочарова, главы в начале и в конце «Дневника Печорина» — «Тамань» и «Фаталист» — обращают читателя к «тайне жизни» и сюжету испытания героем себя [Бочаров, с. 438].

Иного мнения придерживаются В. Н. Захаров, О. Н. Осмоловский и др. [Захаров], [Осмоловский]. Главной установкой автора при создании образа Печорина, по мнению В. Н. Захарова, является многозначность. Родственная концепция личности, по мнению исследователя, изображена Достоевским в повести «Записки из подполья» и романе «Бесы» (образ Ставрогина).

Задача данного исследования — проследить развитие типа Мечтателя и Подпольного героя в повестях и романах Лермонтова и Достоевского. В поздней прозе Лермонтова рассматриваются повесть «Штосс» (1841), романы «Княгиня Лиговская» (1837) и «Герой нашего времени» (1840). Лермонтов создает образ художника Лугина как Мечтателя («Штосс»), в чертах характера Красинского и Печорина («Княгиня Лиговская») проступают черты Подпольного героя. В творчестве Достоевского Мечтатель показан не только в повести «Белые ночи» (1848), но и в рассказе «Маленький герой» (1857), повести «Неточка Незванова» (1849). Подпольный герой Достоевского исследуется в повести «Записки из подполья» (1864) и романе «Подросток» (1875). В последнем произведении черты Мечтателя и Подпольного героя соединяются в образе Аркадия Долгорукого, который показан в развитии. Этому герою удается преодолеть кризис, у него есть будущее.

Попытку выстроить типологию героев Достоевского осуществляли еще его современники. Так, Н. А. Добролюбов дифференцировал героев Достоевского на кротких и ожесточенных, А. А. Гри-

горьев — страстных и кротких [Одинокоев, с. 4]. В. Ф. Переверзев обратился к проблеме двойничества, поэтому находил в системе образов многих произведений двойников главных героев. Л. П. Скафтымов предложил более сложную классификацию героев Достоевского: он выделил типы мыслителя, мечтателя, поруганной девушки, двойника, подпольного человека [Одинокоев, с. 4]. Продолжая развивать мысли предшественников, В. Г. Одинокоев пришел к выводу, что у Достоевского «общей покрывающей точкой» системы центральных образов являются типы мечтателя и подпольного человека в их внутренней диалектической связи [Одинокоев, с. 7]. А. Б. Криницын в работе «Исповедь подпольного человека» привел ряды текстовых параллелей, показывающих прямую преемственность между образами мечтателя и подпольного героя [Криницын]. М. Г. Гиголов определил роль героев Лермонтова в строительстве нового романа Достоевского, в частности, он остановился на проблеме трансформации мечтателя в подпольного героя [Гиголов].

Возникают вопросы. Кто из героев прозы Лермонтова предшествует появлению Мечтателя и Подпольного героя (Парадоксалиста) Достоевского? Всегда ли неизбежна трансформация Мечтателя в Парадоксалиста у Достоевского? Какой фактор является решающим в определении системы ценностей героев?

Аксиологический подход к героям Лермонтова и Достоевского можно осуществить благодаря этическому учению ученого и религиозного мыслителя Алексея Алексеевича Ухтомского (1875–1942), который сформулировал принцип доминанты, опираясь на материал произведений Ф. М. Достоевского [Фёдорова]. Теория доминанты у Ухтомского непосредственно связана с понятием хронотопа, поскольку распознавание человеком окружающего мира происходит во времени и пространстве [Соколова, с. 148]. Продуктом пережитой доминанты становится «интегральный образ», который может трансформироваться под воздействием новых впечатлений [Соколова, с. 161]. По мнению Ухтомского, человек может стать жертвой своих доминант, если отдается предубеждению [Ухтомский, с. 217]. «Двойничество» — это отражение эгоцентризма [Соколова, с. 208]. Выстраивание себя по христианскому образцу, домостроительство — это воспитание в себе «собеседника», который позволяет наиболее полно раскрыть для себя индивидуальность другого человека, познать глубины его духовной жизни [Соколова, с. 205].

В Рыбинском музее-заповеднике хранится часть библиотеки Ухтомского. На полях своей настольной книги «Добротолубие» Ухтомский частично излагает свою концепцию личности. По поводу духовного в человеке он пишет: «Дух есть не вещное, а динамическое, дѣятельное начало» [Добротолубие, с. 342]. Рядом с описанием грехов Ухтомский замечает: «Доминанта, обличающая внутреннего человека» [Добротолубие, с. 432]. Подчеркивая слова о богоугодной жизни, Ухтомский пишет рядом: «Поставь доминанту на научение доброму, тогда в каждом человеке и своем собеседнике будешь черпать поучение доброе на доброе для обоих» [Добротолубие, с. 443]. Предание и христианская символика нужны тому человеку, который «сам опытом узнавать еще несилен» [Добротолубие, с. 695]. Символ человек перенимает, не понимая его значения, но, когда человек коснется его духом, символ «вспыхнет ярким золотым пламенем» [Добротолубие, с. 195]. Духовная эволюция, замечает Ухтомский, должна привести человека от искусства и символов к благому молчанию и молитве, о которой написано: «...молитва подлинное исследование самого себя, чтение совести» [Добротолубие, с. 678]. Высшая ступень развития человека духовного, по Иоанну Лествичнику, сравнивается с «новонасаженным деревом», а душа, «как водное орошение, имеет слезы по Богу» [Добротолубие, с. 346]. Ухтомский пишет рядом: «Переходь в нѣкоторое новое состояние: “новая тварь”» [Добротолубие, с. 346].

Сопоставление Мечтателя Лермонтова с подобными героями Достоевского убеждает в том, что Достоевский искал пути духовного возрастания личности. Христианский идеал самопожертвования, служения своему ближнему становится для его Мечтателей образцом поведения.

В последнем прозаическом произведении «Штосс» Лермонтов создает образ Мечтателя, который восходит к Пискареву и Чарткову Гоголя («Невский проспект», «Портрет»), а также Герману Пушкина («Пиковая дама»). Подобно Пискареву, герой повести влюбляется в созданный его воображением идеал. Как Чартков, вступает в сделку с таинственным стариком-призраком, выходящим из портрета. С Германом героя Лермонтова объединяет страсть к игре в карты, которая «сделалась целью его жизни» [Лермонтов, с. 365]. Лермонтов во многом следует европейской традиции: это и вариация на тему Фауста [Найдич], поклонение «вечной женственности» Гете, которая

была подхвачена немецкими романтиками. Герой повести «Штосс», художник Лугин, воплотил свой идеал в творчестве — это портрет «женщины-ангела» [Лермонтов, с. 361]. Следуя голосу, который он слышит, Лугин снимает квартиру Штосса, и его посещает старик-призрак, выходящий из висящего на стене квартиры портрета, а также сопровождающая его девушка, в которой он узнает созданный его воображением идеальный женский образ. Старик предлагает ему игру в штос — от выигрыша героя зависит судьба девушки. Лугин начинает играть и постепенно проигрывает все, что у него было. Он перестает общаться с людьми и превращается в мономана. Найдич считает, что Лермонтов в своей повести разоблачает одержимость страстью современного писателю человека [Найдич]. Таким образом, у Мечтателя Лермонтова формируется доминанта на игру (игру с судьбой), и он начинает превращаться в Подпольного героя.

Черты данного героя можно обнаружить не только в Парадоксалисте, но и в Алексее («Игрок» Достоевского) (1864). Чувства Алексея противоречивы, поскольку в нем борются две доминанты: готовность пожертвовать собой ради Полины и жажда обладания ею. «Двойник» в душе героя не дает ему объективно взглянуть на действительность: Алексей приписывает Полине низкие качества, его речь эгоцентрична.

К страсти к Полине добавляется страсть к игре в рулетку. Переклечение героя с одной страсти на другую происходит во время выигрыша крупной суммы денег для Полины. С этого времени он становится одержим идеей выигрыша для себя. Для него это возможность дать «щелчок» судьбе, он вступает в борьбу с роком. В конце романа Алексей показан как человек, потерявший себя, свою любовь и свое Отечество.

В отечественной науке образ Мечтателя в «сентиментальном романе» «Белые ночи» в основном рассматривается как амбивалентный.

В. Г. Одинокоев находит в характере Мечтателя в «Белых ночах» упорное стремление занять первое место в жизни [Одинокоев, с. 42]. Однако Достоевский дает своему герою слово и возможность вершить суд над собой. Мечтатель говорит Настеньке о своем отношении к ней: «Что ж делать, Настенька, что ж мне делать? я виноват, я употребил во зло... Но нет же, нет, не виноват я, Настенька; я это слышу, чувствую, потому что мое сердце мне говорит, что я прав, потому что *я вас ничем не могу обидеть, ничем оскорбить! Я был друг ваш; ну,*

вот я и теперь друг; я ничему не изменял» [Достоевский, т. 2, с. 134–135]. Герой Достоевского признается, что у него нет никаких тайных намерений и корыстных чувств. В отличие от Лугина Лермонтова и его предшественников из немецкой романтической литературы, Мечтатель Достоевского открыт окружающему миру, не только живет в воображаемом мире, он совершает поступок в действительном мире. В ситуации испытания герой готов забыть о себе. Он относит письмо Настеньки к ее жениху, и ему удается устроить их встречу. Счастье Настеньки становится главной наградой для Мечтателя.

В повести «Неточка Незванова» и рассказе «Маленький герой» возникает похожая ситуация испытания, связанная с чужим письмом. В этих произведениях Достоевский показывает генезис Мечтателя, поскольку читатель видит героев в их детском возрасте. В «Маленьком герое», как и в «Неточке Незвановой», повествование ведется от первого лица, что позволяет погрузиться в сознание главных героев.

Образ Маленького героя коррелирует с образом Неточки: дети рефлексируют по поводу происходящих событий, пытаются их по-своему анализировать. Однако образ Неточки показан в динамике, поскольку героиня «развивалась быстро, неожиданно, и много совершенно недетских впечатлений стали для нее как-то страшно доступны» [Достоевский, т. 2, с. 159], в то время как в «Маленьком герое» рассказчик не пишет о своем изменении: «...я был ребенок, не более как ребенок» [Достоевский, т. 2, с. 269]. Несмотря на это, в обоих произведениях показан тот этап развития личности, когда происходит переход от эгоцентризма к пониманию ценности другого человека.

Важно отметить, рождение «категории лица» в обоих произведениях сопровождается сюжетным мотивом испытания. Если в «Маленьком герое» это укрощение коня, то в «Неточке Незвановой» — наказание «темницей». Неточка выдерживает испытание, взяв на себя вину за проступок Кати. Благодаря тому, что Неточка видела ценность в «другом», она получила Собеседника в лице младшей дочери князя, а уже после — старшей. Рыцарский поступок Маленького героя помогает ему разобраться в непростой ситуации с письмом и вновь помочь героине, которая может стать жертвой деспотизма мужа. Неточка, невольно прочитав чужое письмо, готова прийти на помощь Александре Михайловне.

Примечательно, что в рассказе «Маленький герой» и повести «Неточка Незванова» часто фигурирует мотив «угла», который для

героев становится средством защиты. В тот момент, когда Маленький герой оказывается перед необузданным жеребцом, «и самого маленького уголка» [Достоевский, т. 2, с. 282] для него не находится. В «Неточке Незвановой» главная героиня свой родной дом называет углом, поскольку их семья — это маленький закрытый мир: «Я поняла, и уж не помню как, что в нашем углу — какое-то вечное, нестерпимое горе» [Достоевский, т. 2, с. 161], «в испуге выбегала я из угла» [Достоевский, т. 2, с. 191], «я притаилась в углу» [Достоевский, т. 2, с. 195]. Катя, поставив Неточку в угол для игры, вдруг осознает незащищенность Аннеты перед миром: «Она поставила меня в одном углу залы, но сама, вместо того, чтоб отойти и бросить мне мяч, остановилась в трех шагах от меня, взглянула на меня, покраснела и упала на диван, закрыв лицо обеими руками» [Достоевский, т. 2, с. 217]. «Угол» становится символом замкнутого, закрытого мира, в котором можно спрятаться от общества.

В повести «Неточка Незванова» важен мотив музыки. Занятия по пению имели свои последствия — в Неточке пробуждается гордость и тщеславие, когда она думает о возможном будущем успехе. Девочка замыкается: «К тому же я хоть и робко, но с страстной надеждой любила свое искусство, строила воздушные замки, выкраивала себе самое чудесное будущее и нередко, возвращаясь, была будто в огне от своих фантазий» [Достоевский, т. 2, с. 249]. В данной ситуации ее двойником становится Ефимов. Он говорил, что «сам дьявол привязался к нему» [Достоевский, т. 2, с. 146], аналогичное происходит и с Аннетой: «...кто-то словно смеется надо мной потихоньку, как будто что-то такое поселилось во мне, что смущает и отравляет каждую мысль мою» [Достоевский, т. 2, с. 245]. Зеркало позволяет девочке увидеть себя со стороны, с ним связан мотив двойничества.

Неточку и Подпольного героя объединяет неблагополучное детство. По мнению А. Б. Криницына, «основы мечтательного характера закладываются еще в детстве, когда в силу неких трагических обстоятельств распадается семья героя, и он растет, предоставленный сам себе. Так, неестественно раннее развитие Неточки Незвановой обусловлено тем, что ее хрупкое детское сознание потрясено враждебными отношениями между матерью и пьяницей-отцом» [Криницын, с. 10].

Парадоксалист также упоминает, что у него в семье были проблемы: «Меня сунули в эту школу мои дальние родственники...

сунули сиротливого, уже забитого их попреками, уже задумывающегося, молчаливого и дико на все озиравшегося» [Достоевский, т. 5, с. 139]. В то же время, про семью Маленького героя мы практически ничего не знаем. В тексте нет деталей, которые бы указывали на негативное или положительное влияние родственников и их отношения между собой.

Объединяет Неточку и Парадоксалиста то, что они отличаются от окружающих. А. Б. Креницын отмечает, что «вынужденное одиночество делает характер героя “исключительным”» [Креницын, с. 10]. Парадоксалист в школьные годы «заключился от всех в пугливую, уязвленную и непомерную гордость» [Достоевский, т. 5, с. 139], кроме того, он действительно считал себя «исключительным»: «Еще в шестнадцать лет я угрюмо на них дивился; меня уж и тогда изумляли мелочь их мышления, глупость их занятий, игр, разговоров» [Достоевский, т. 5, с. 139]. Однако Неточка, несмотря на желание «забыться в угол», взаимодействует с окружающими, пытается угодить объекту своего обожания. Нечто подобное мы можем наблюдать и в отношении Маленького героя к m-me M: «...я заучил каждый жест, каждое движение её...» [Достоевский, т. 5, с. 274]. Если Парадоксалист замыкается на себе, погруженный в «гордое» одиночество, то Аннета и Маленький герой — нет.

Знакомство с Катей заставляет Неточку даже забыть трагические отношения матери и отчима: «Таким образом, новые впечатления мало-помалу вытесняли старые, и воспоминания о моем грустном прошедшем потеряли свою болезненную силу и сменились во мне новой жизнью» [Достоевский, т. 5, с. 210].

А. Б. Креницын отмечает, что «поворотным и решающим моментом в формировании характера юного отшельника становится приобщение его к миру книг» [Креницын, с. 11]. Подпольный герой, как и Мечтатели Лермонтова, погружен в мир воображения с помощью чтения.

Неточка открывает в себе способности к музыке, которая позволяет ей понять Ефимова и Александру Михайловну. Маленький герой вместе с предметом своего обожания участвует в драматических сценах из средневековой жизни. Но и в реальной жизни он сохраняет рыцарское отношение к своей «прекрасной даме». Таким образом, Парадоксалист остается жить в мире грез, а Неточка и Маленький Герой по существу занимаются домостроительством, выстраивая себя

по христианскому идеалу, который предполагает служение ближнему. В этом служении Мечтатель обретает подлинную свободу. Маленький герой, любясь садом, вспоминает Евангелие, глядя на птиц: «Кругом стоял неумолкаемый концерт тех, которые “не жнут и не сеют”, а своевольны, как воздух, рассекаемый их резвыми крыльями. Казалось, что в это мгновение каждый цветок, последняя былинка, курясь жертвенным ароматом, говорили Создавшему ее: “Отец! Я блаженна и счастлива!”» [Достоевский, т. 5, с. 292–293]. Птицы небесные симболизируют свободу как следование воле Божией.

Неточка включается в диалог согласия с Александрой Михайловной сначала с помощью музыки, а затем ощущает необходимость соборной жизни: «Мне нужно было видеть, слышать кого-нибудь, обнять крепче, крепче. Я уж не могла, не хотела теперь оставаться одна» [Достоевский, т. 2, с. 244].

Для Парадоксалиста испытанием становится каждое столкновение с действительностью — будь то желание толкнуть офицера, встреча со школьными товарищами или визит Лизы. Парадоксалист, замыкаясь на себе, видит во всех окружающих своих «двойников» и этим заводит себя в тупик. Он не может отказаться от эгоцентризма, поэтому у него не получается построить диалог с Лизой и с бывшими одноклассниками. Вполне возможно, что в Парадоксалисте после последнего разговора с Лизой произошли серьезные изменения. Подпольный герой мог бы обрести свое спасение в лице Лизы, как и Раскольников в лице Сони Мармеладовой.

Важно упомянуть, что во всех трех произведениях встречаются мотивы зеркала и угла. В «Неточке Незвановой» зеркало фигурирует в двух эпизодах: в первом Петр Александрович надевает маску, стремясь играть роль деспота в отношениях со своей супругой Александрой Михайловной, во втором Неточка видит себя со стороны.

В «Маленьком герое» зеркало присутствует в описании мужа m-те М, для которого весь мир становится зеркалом [Достоевский, т. 2, с. 275]. В «Записках из подполья» герой перед встречей с Лизой видит себя в зеркале и ужасается [Достоевский, т. 5, с. 151]. Таким образом, можно выявить сходство в функциях мотива зеркала в данных произведениях — для мужа m-те М и Петра Александровича этот образ связан с двойничеством, Неточка и Парадоксалист видят себя со стороны, что пробуждает их самосознание. Следует отметить, что в Парадоксалисте сочетаются черты разных типов героев.

Писатель показывает героя в динамике, а не в статике, что позволяет говорить о вере писателя в человека.

Печорин в романе Лермонтова «Герой нашего времени» — это также динамический персонаж. Б. Т. Удодов считает, что основная идея романа — это размышление о смысле и цели человеческой жизни [Удодов]. Т. В. Савченко раскрывает авторскую позицию в романе в композиции и в символической образности, она выделяет мотив пути, который ассоциируется в художественной системе романа с мыслями о трагической судьбе своего поколения. Мотив пути является важным композиционным средством — «хронотопом дороги», его вариантом становится тема судьбы в ее трагическом звучании [Савченко, с. 16–17].

Очевидно, что «хронотоп дороги» героя соотносится с размышлениями писателя об общей судьбе России, о назначении русского человека. «Петербургский текст» важен для обоих писателей, поскольку с ним связан формирующийся в русском пространстве тип подпольного героя. В последнем незаконченном прозаическом произведении «Штосс» Лермонтов, вслед за Пушкиным и Гоголем, создает тип игрока, живущего в пограничном состоянии. Петербург показан глазами художника Лугина: «Мокрый снег падал хлопьями, дома казались грязны и темны, лица прохожих были зелены» [Лермонтов, с. 355].

Парадоксалист в повести и Раскольников в романе Достоевского «Преступление и наказание» видят мир такими же глазами. Место действия в произведениях Лермонтова и Достоевского — это Столярный переулок у Кукушкина моста, Малая Мещерская улица [Лермонтов, с. 356]. Герои Лермонтова и Достоевского слышат звуки шарманки, которые соответствуют их внутреннему состоянию [Лермонтов, с. 362].

Писатели показывают одну из болезней современного им человека — это моноomanия, одержимость идеей и страстью [Найдич]. Подобного подпольного героя показывает Лермонтов в неоконченном романе «Княгиня Лиговская». История вражды Красинского и Печорина в этом произведении трансформируется в романе «Герой нашего времени» в поединок Грушницкого и Печорина.

Сюжетный мотив столкновения офицера и чиновника у Достоевского встречается в повести «Записки из подполья» и романе «Подросток». В Красинском Лермонтов подчеркивает болезненное самолюбие: герой «приписал гордости и умышленному небрежению вещь

чрезвычайно простую и случайную» [Лермонтов, с. 183]. «Пылкое воображение» Печорина заставляет его преувеличивать свои недостатки [Лермонтов, с. 180]. По этическому учению А. А. Ухтомского, доминанта — это определённый главенствующий фактор, от которого зависят действия и мышление человека. Герой видит действительность, исходя из своих ценностных установок, и может не акцентировать внимание на некоторых положительных или негативных аспектах жизни. Комплекс неполноценности Печорина и мнительность Красинского соединяются в Парадоксалисте Достоевского. По мысли Ухтомского, эгоцентризм неизбежно приводит к тому, что человек приписывает окружающим то негативное, что обнаруживает в себе. Подобно Красинскому, герой «Записок из подполья» мечтает обратить на себя внимание офицера, отомстить ему за унижение, приписывает офицеру намерения, от которых тот достаточно далек. Достоевский передает Парадоксалисту аллюзию к роману Лермонтова. В словесном поединке с бывшим одноклассником, а ныне офицером Зверковым, Подпольный герой кричит: «Прельщайте черкешенок, стреляйте врагов Отечества» [Достоевский, т. 5, с. 146].

Достоевский в образе Парадоксалиста показывает петербургского жителя, близкого Печорину и одновременно Красинскому, при этом происходит дегероизация лермонтовского «героя нашего времени». «Записки из подполья» перекликаются с главой «Княжна Мэри». Парадоксалист «мнителен и обидчив», как и герои Лермонтова [Достоевский, т. 5, с. 102]. Он, как и Печорин в «Княгине Лиговской», испытывает ненависть к другому за то, что он красив [Достоевский, т. 5, с. 135]. Общим становится мотив «игры» в любовь и стремление покорить сердце женщины. Парадоксалист замечает при этом: «Игра, игра увлекала меня; впрочем, не одна игра» [Достоевский, т. 5, с. 162]. Оба героя признаются в своих записках, что испытывают наслаждение от чувства господства над душой другого человека. Печорин пишет в дневнике: «...есть необъятное наслаждение в обладании молодой, едва распустившейся душой» [Лермонтов, с. 294].

Парадоксалист признается в потребности «чувства господства и обладания» [Достоевский, т. 5, с. 175]. Финал любовной истории также близок: герои разоблачают себя сами. Происходит корреляция даже на лексическом уровне. Печорин говорит княжне Мэри: «...Вы знаете, что я над Вами смеялся» [Лермонтов, с. 337]. Парадоксалист бросает в лицо Лизе: «Я тогда смеялся над тобой» [Достоевский,

т. 5, с. 173]. Реакция героинь на это саморазоблачение также похожа: губы Мэри «слегка побледнели» [Лермонтов, с. 313], Лиза «побледнела, как платок» [Достоевский, т. 5, с. 175].

Сопоставление Печорина и Парадоксалиста с Наполеоном раскрывает их самолюбие, которое становится болезнью. Подпольный герой мечтателен и часто представляет себя в роли Наполеона: «...иду босой и голодный проповедывать новые идеи и разбиваю ретроградов под Аустерлицем» [Достоевский, т. 5, с. 133]. После убийства Грушницкого Печорин, по собственному замечанию, засыпает сном Наполеона после Ватерлоо [Лермонтов, с. 335].

Мотив зеркала в произведениях Лермонтова и Достоевского связан со стремлением героя посмотреть на себя со стороны, со способностью к саморефлексии. Перед дуэлью Печорин смотрит в зеркало и остается «доволен собою», поскольку его глаза «блистали гордо и неумолимо» [Лермонтов, с. 322]. В «Записках из подполья» герой перед встречей с Лизой видит себя в зеркале и ужасается: «Я случайно погляделся в зеркало. Взбудораженное лицо мое мне показалось до крайности отвратительным» [Достоевский, т. 5, с. 151].

Печорин и Парадоксалист замыкаются в себе, но могут преодолеть свою замкнутость. Печорин, узнав об отъезде Веры, пытается ее догнать, понимая, что потерял ее. Парадоксалист сначала забивается в угол, отдав деньги Лизе, а затем бежит за ней на улицу: «Я вдруг подбежал к ней, схватил ее руку, разжал ее, вложил... и потом опять зажал. Затем тотчас же отвернулся и отскочил поскорей в другой угол» [Достоевский, т. 5, с. 176], «Мгновение спустя, я, как безумный, бросился одеваться, накинул на себя, что успел впопыхах, и стремглав выбежал за ней» [Достоевский, т. 5, с. 177].

Объединяет героев Лермонтова и Достоевского также то, что они сами знают «диагноз» своей болезни. Печорин берет на себя смелость сказать от лица своего поколения: «Мы неспособны более к великим жертвам ни для блага человечества, ни даже для собственного нашего счастья» [Лермонтов, с. 343]. Парадоксалист также признается в том, что у подобных людей нет будущего: «Мы мертворожденные, да и рождаемся-то давно уж не от живых отцов, и это нам все более и более нравится» [Достоевский, т. 5, с. 179].

Однако в произведениях Лермонтова и Достоевского существует «московский текст», который связан с храмами и колокольным звоном. В «Панораме Москвы» Лермонтов утверждает, что древнерус-

ская столица имеет «свой язык, язык сильный, звучный, святой, молитвенный!..» Он создает образ Москвы как соборного града: «Едва проснется день, как уже со всех ее златоглавых церквей раздается согласный гимн колоколов, подобно чудной, фантастической увертюре Бетговена» [Лермонтов, с. 369]. В романе «Княгиня Лиговская» Печорин ощущает свою связь с Москвой. Когда дипломат на вечере у Лиговских спрашивает его, согласен ли он, что «Москва только великолепный памятник, пышная и безмолвная гробница минувшего», Печорин отказывается отдать преимущество Петербургу, объясняя это своим патриотическим чувством: «Москва моя родина» [Лермонтов, с. 161–162]. Этот герой вместе с Верой способен ощущать красоту православного богослужения. Автор замечает, что во время всенощной службы «дивный хор монахов и голос отца Виктора погружал их в безмолвное умиление» [Лермонтов, с. 156].

Дж. Гивенс обратил внимание на то, что из-за цензуры десятая глава повести «Записки из подполья» была сокращена. По первоначальному замыслу писателя, герой повести должен был «перейти из ада подпольного человека с его произволом, злобой и саморазрушительным солипсизмом к более высокому понятию иррационализма, воплощенному в жертвенной любви Христа» [Гивенс, с. 76].

В черновиках к роману Достоевского «Подросток» (1875) проступают жанровые черты романа-путешествия. Главный герой и рассказчик Аркадий Долгорукий отправляется в путешествие из Москвы в Петербург, по дороге он встречает Лизу, и начинаются его испытания. В окончательном варианте романа Подросток, так же, как Маленький герой и Неточка, получает в руки чужое письмо, от которого зависит судьба другого человека. Подобно своим предшественникам, Аркадий влюбляется в Ахмакову, он видит в ней свой идеал. Однако герой, в отличие от ранних мечтателей Достоевского, не спешит ей на помощь. В его душе сталкиваются противоположные чувства — любовь-обожание и страсть, жажда власти над другой душой. В этом он напоминает Печорина и Подпольного героя.

Аркадию снится пророческий сон. Он видит сцену с Ахмаковой (она произойдет в финале романа, но на его месте будут Ламберт и Версилон — «двойники» героя) и чувствует в себе «душу паука» и «развратное сердце» [Достоевский, т. 13, с. 306]. Затем сон с пауками видит младший князь Сокольский, который также оказывается «двойником» героя [Достоевский, т. 13, с. 335].

Аркадий Долгорукий, как и Раскольников, несет в себе идею, смысл которой — «уединенное и спокойное сознание силы» [Достоевский, т. 13, с. 74]. Этот герой тоже не без великодушия: «Я отдам все мои миллионы людям, пусть общество распределит там все мое богатство, а я — я вновь смешаюсь с ничтожеством!» [Достоевский, т. 13, с. 76]. Подобно главному герою «Преступления и наказания», Аркадий делает «пробу» [Достоевский, т. 13, с. 39] и выбирает «уединение». Его комната напоминает «гроб», как и комната Раскольникова [Достоевский, т. 13, с. 101].

Близок к Печорину еще один герой романа — князь Сокольский-младший, который сравнивает себя с оторванным листком — это лермонтовский образ. Князь Сережа несет в душе почвеннический идеал (соединение сословий, служение Отечеству), но не может его реализовать из-за страстей, которые становятся сильнее желания спасения.

Аркадий Долгорукий хочет верить, подобно Печорину и Раскольникову, в свою избранность: во время аукциона его как будто чья-то рука вела, карточную игру он сравнивает с рулеткой, верит в свою звезду. Только личная и семейная катастрофа меняет вектор движения Подростка, вынуждает его отказаться от идеи Ротшильда и идти к обретению соборной идеи, к пониманию своего назначения и к подлинной свободе. В ситуации испытания, когда Аркадий готов совершить поджог города, ему снится мать Софья Андреевна, которая молится за него Николаю Угоднику и Пресвятой Богородице, он слышит колокольный звон московского храма и вспоминает голубя, перелетевшего через купол во время его причащения в детстве [Достоевский, т. 13, с. 272]. Он возвращается к своей духовной доминанте, которая была сформирована в детстве. Помогает Аркадию восстановиться после падения Макар Долгорукий, который вызывает у него ощущение благообразия. Пасхальный рассказ Макара Ивановича о купце Скотобойникове содержит телеологический сюжет.

В финале говорится о Великом посте, о «новой жизни» и «новом пути» Подростка [Достоевский, т. 13, с. 451]. Путь Подростка — это движение от идеи Ротшильда, мечты об «уединении и могуществе» к противоположной идее нестяжания и соборности, носителем которой является Макар Долгорукий. Кроме того, Аркадий думает о продолжении образования. В черновиках к роману Досто-

евский ищет соединение идей Макара Долгорукого и Версилова: «Макар. Христа познай и Его проповедай, а делами пример подавай, и будет незыблемо. Тем всему миру даже послужишь. — Правда, — говорит Версиров, — Европа ждет от нас Христа. Она нам науку, а мы им Христа (в этом назначение России)» [Достоевский, т. 16, с. 141].

В черновике к роману «Подросток» есть запись: «Да ты образи себя прежде, да и каждое дело свое» [Достоевский, т. 16, с. 178]. По замыслу Достоевского, главный герой должен испытать состояние духовного преображения: «Молодой человек (великий грешник) после ряда прогрессивных падений вдруг становится духом, волей, светом и сознанием на высочайшую из высот» [Достоевский, т. 16, с. 7].

Мечтатели и Подпольные герои Лермонтова и Достоевского представлены как динамические личности, способные к изменению. В духовном возрастании личности важнейшую роль играют предание и символы, которые сохраняются в Церкви (об этом размышлял А. А. Ухтомский). Сюжетные мотивы испытания и выбора героя, способного перенести доминанту на «лицо другого», приводят к расширению пространства героя, соединению временного и вечного в его сознании, символизации предметного мира (свет, храм, колокольный звон, голубь). Однако выбор может означать и самоутверждение героя, доминанта которого обращена к себе, что ведет к сужению его пространства, дискретности его времени. В этом случае он будет видеть вокруг себя «двойников». Символическим образом «двойника» становится зеркало. В процессе духовного очищения или духовного роста важна доминанта «на лицо другого». Такую доминанту несут герои Достоевского Софья Андреевна и Макар Иванович. Мир в идеале для Достоевского уподобляется семье или Церкви, обращенной к Евангельской Истине, и спасается Красотой Христовой.

Источники

1. Добротолубие в русском переводе: в 5 т. М.: Изданием Русского на Афоне Пантелеймонова монастыря, 1895. Т. 2. 760 с.
2. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. СПб.: Наука, 1972–1990.
3. Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 6 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 6.: Проза. Письма; Летопись жизни и творчества / ред. Б. В. Томашевский. 900 с.

Ссылки

1. Бахтин М. М. К исторической типологии романа // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 199–209.
2. Бочаров С. Г. Открыватель верхнего ряда русской прозы // Мир Лермонтова: коллективная монография / под ред. М. Н. Виролайнен и А. А. Карпова. СПб.: Скрипториум, 2015. С. 434–442.
3. Буланов А. М. Художественная феноменология изображения «сердечной жизни» в русской классике (А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, И. А. Гончаров, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой). Волгоград: Перемена, 2003. 191 с.
4. Валагин А. П. Читал ли Достоевский «Княгиню Лиговскую»? // Достоевский. Материалы и исследования. Л.: Наука, 1978. Т. 3. С. 205–208.
5. Власкин А. П., Зайцева Т. Б. Аксиологическое содержание романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» // Гуманитарно-педагогические исследования. 2017. Т. 1, № 1. С. 108–114.
6. Гивенс Дж. Образ Христа в русской литературе: Достоевский, Толстой, Булгаков, Пастернак. СПб.: Academic Studies Press, 2021. 351 с.
7. Гиголов М. Г. Лермонтовские мотивы в творчестве Ф. М. Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Л.: Наука, 1985. Т. 7. С. 64–72.
8. Захаров В. Н. «Смелость изобретения»: в романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» // Проблемы исторической поэтики. 2014. № 12. С. 18–33.
9. Исупов К. Г. О метафизике Лермонтова // Мир Лермонтова: коллективная монография / под ред. М. Н. Виролайнен и А. А. Карпова. СПб.: Скрипториум, 2015. С. 42–50.
10. Криницын А. Б. Исповедь подпольного человека: К антропологии Достоевского. М.: Диалог МГУ: МАКС Пресс, 2001. 370 с.
11. Найдич Э. Э. Еще раз о «Штоссе» // Лермонтовский сборник. Л.: Наука, 1988. С. 194–212.
12. Одинокое В. Г. Типология образов в художественной системе Ф. М. Достоевского. Новосибирск: Наука, 1981. 144 с.
13. Осмоловский О. Н. Ф. М. Достоевский и русский роман XIX в. Орел: Орловский гос. ун-т, 2001. 336 с.
14. Силади Жофия. Тайны Печорина (Семантическая структура образа героя в романе М. Ю. Лермонтова) // Slavica tergestina. 1995. № 3. С. 55–71.
15. Скафтымов А. П. Поэтика художественного произведения. М.: Высшая школа, 2007. 535 с.
16. Сливницкая Я. О. «Идеальная встреча»: Лермонтов и Лев Толстой // Мир Лермонтова / под ред. М. Н. Виролайнен и А. А. Карпова. СПб.: Скрипториум, 2015. С. 51–67.

17. Соколова Л. В. А. А. Ухтомский и комплексная наука о человеке. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2010. 316 с.
18. Удодов Б. Т. «Герой нашего времени» // Лермонтовская энциклопедия / гл. ред. В. А. Мануйлов. М.: Сов. энциклопедия, 1981. С. 101–111.
19. Ухтомский А. А. Доминанта. СПб.: Питер, 2020. 512 с.
20. Фёдорова Е. А. Доминанта души и хронотоп Раскольникова: от «Двойника» к «Собеседнику» (по А. Ухтомскому) // Социальные и гуманитарные знания. 2016. Т. 2, № 4 (8). С. 327–332.
21. Храброва А. В. Поиск жанра в повестях «Штосс» и «Хозяйка»: к проблеме творческого взаимодействия позднего Лермонтова и раннего Достоевского // Вестник Томского университета. 2013. № 366. С. 16–19.
22. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2008. 302 с.
23. Holk A. G. F. Van. О глубинной структуре Печорина // Russian literature. Т. 31, № 4. 1992. С. 545–555.

4.6. Повесть «Двойник» и роман Ф. М. Достоевского «Бесы» как предупреждение

Е. А. Фёдорова

А. А. Ухтомский считал, что человеку от природы или Богом дается дар любви и совести, в него вложены «естественные» законы — закон возмездия или «заслуженного собеседника» и закон любви и милосердия. Однако «плотская» или «животная» природа человека может исказить эти законы. Если человек замкнут на себе, это приводит его к одиночеству и жизненному тупику. Подобных героев Ухтомский находит у Достоевского в повестях «Двойник» и «Записки из подполья»: «Самоутверждение — натуральная черта шизоидного человека. Аутизм, упор центра тяжести на самого себя, на свое Я, одиночество, “Записки из подполья”, — а впоследствии систематический бред солипсизма и безысходной оторванности от жизни других существ и мира, — вот естественные плоды шизофрении»¹⁸. Обратимся к повести Достоевского «Двойник», чтобы рассмотреть, что приводит героя Достоевского к разрушению.

¹⁸ Ф. 749. Оп. 1. № 91/17. Л. 25.

В. Н. Захаров, анализируя вторую редакцию повести «Двойник» 1866 года, провел параллель между этой «петербургской поэмой», как ее называет во второй редакции Достоевский, и «Мертвыми душами» Гоголя, обратив внимание на систему авторских отступлений в обоих произведениях [Захаров, с. 653]. Также исследователь указал общий художественный хронотоп Голядкина и Парадоксалиста, связанный с «петербургским текстом» Пушкина и Гоголя и «однородностью» героев Достоевского [Захаров, с. 645]. По мнению В. Н. Захарова, безумие настигает Голядкина, когда он испытывает «отчаянье от утраты своего я» [Захаров, с. 642]. Думается, что Голядкин проходит через испытание страхом, причем это чувство меняется и трансформируется.

Впервые чувство страха охватывает героя, когда он встречается во время прогулки на экипаже помощника его столоначальника Андрея Филипповича. Герой испытывает желание спрятаться, исчезнуть и шепчет: «Это вовсе не я, не я — да и только» [Достоевский, 2005, с. 152]. Еще более сильный приступ страха настигает Голядкина после посещения дома господина статского советника Берендеева, где герой оконфузился, что приводит его к желанию исчезнуть: «Скажемъ болѣе: господинъ Голядкинъ не только желалъ теперь убѣжать отъ себя самого, но даже совсѣмъ уничтожиться, не быть, въ прахъ обратиться» [Достоевский, 2005, с. 184]. Именно это желание небытия и приводит к появлению его Двойника, когда он смотрит на черную воду Фонтанки.

Однако Голядкину ведом и другой страх — потерять свою личность. Этот страх подмены себя заставляет Голядкина-старшего противопоставить себя Голядкину-младшему: «Ну, вотъ онъ подлець будетъ, а я буду честный, — и скажутъ, что вотъ этотъ Голядкинъ подлець, на него не смотрите, и его съ другимъ не мѣшайте; а этотъ вотъ честный, добродетельный, кроткий, незлобивый, весьма надежный по службѣ, и къ повышенію чиномъ достойный» [Достоевский, 2005, с. 227]. Но здесь в рассуждениях героя сталкиваются две его доминанты — страх подмены личности и самоутверждение. Голос героя на какой-то момент соединяется с голосом автора: «какъ ветошку челоуѣка подмѣнить, и не разсудить, что челоуѣкъ не ветошка» [Достоевский, 2005, с. 227]. Страх позора, самоутверждение, ориентация на окружающих и приводит героя к сумасшествию. Как у Гофмана, это раскрывается через образ зеркала: «Въ дверяхъ въ со-

сѣдную комнату, почти прямо за спиною конторщика и лицомъ къ господину Голядкину, въ дверяхъ, которыя, между прочимъ, герой нашъ принималъ доселѣ за зеркало, стоялъ одинъ человѣчекъ, — стоялъ онъ, стоялъ самъ господинъ Голядкинъ, — не старый господинъ Голядкинъ, не герой нашей повѣсти, а другой господинъ Голядкинъ, новый господинъ Голядкинъ» [Достоевский, 2005, с. 229].

Страх позора толкает героя к перу, он вступает в переписку с Голядкиным-младшим: «Ославятъ они меня, да и только!» [Достоевский, 2005, с. 240]. Последнее чувство страха Голядкина описывается автором как леденящий ужас [Достоевский, 2005, с. 298]. Он встречается с еще одним Двойником, на этот раз своим врачом Крестьяном Ивановичем: «Незнакомецъ былъ высокій, плотный человѣкъ, въ черном фракѣ, съ значительным крестомъ на шеѣ, и одаренный густыми, весьма черными бакенбардами...» [Достоевский, 2005, с. 298]. Этот незнакомец «поташилъ за собой» Голядкина, усадил в карету, запряженную лошадьми, которые «фыркали отъ нетерпѣнія» [Достоевский, 2005, с. 298]. Согласие «вручить» свою судьбу врачу Крестьяну Ивановичу, которое дает герой, сопровождается «оглушительным, радостным криком» и «самым зловѣщим откликомъ» [Достоевский, 2005, с. 299]. Наконец, после забытья Голядкин очнулся и увидел, что «лошади несутъ его по какой-то ему незнакомой дорогѣ. Направо и налѣво чернѣлись лѣса; было глухо и пусто. Вдругъ онъ обмеръ: два огненные глаза смотрѣли на него въ темнотѣ и зловѣщею, адскою радостію блестя эти два глаза, — это не Крестьянъ Ивановичъ! Кто это? Или это онъ? Онъ! Это Крестьянъ Ивановичъ, но только не прежній, это другой Крестьянъ Ивановичъ! Это ужасный Крестьянъ Ивановичъ!» [Достоевский, 2005, с. 300]. Очевидно, что герой испытывает ужас небытия, а Двойником его врача становится нечистая сила. В последнем романе Достоевского подобный Двойник будет посещать Ивана Карамазова, который совершит этическую ошибку: допустит возможность отцеубийства. Какую же ошибку совершил Голядкин?

Обращаясь к этическому учению Ухтомского, можно сказать, что Голядкин так и не смог увидеть в другом человеке ценность. О своем слуге Петрушке Голядкин с презрением думает: «Эта бестія ни за грошъ готова продать человѣка, а тѣмъ болѣе барина» [Достоевский, 2005, с. 149]. Своих молодых сослуживцев он также презирает: «Имъ бы только въ орлянку при жалованьѣ, да гдѣ нибудь потаскаться, вотъ

это ихъ дѣло» [Достоевский, 2005, с. 151]. Немку Каролину Ивановну, боясь, что будет известно об их отношениях, Голядкин за глаза оскорбляет, называет «подлой, гадкой, безстыдной» [Достоевский, 2005, с. 162]. Уже после появления Двойника Голядкин-старший думает о своих старших сослуживцах с пренебрежением: «Впрочемъ, въдъ оно и того, какъ подумать, этотъ Антонъ-отъ Антоновичъ... довьряться-то страшно: съдъ черезъчуръ отъ старости покачнулся порядкомъ»; «Только Андрей-то Филипповичъ чего жъ тутъ съ своими смѣшками мѣшается? Ему-то тутъ что? Старая петля! Всегда на пути моемъ, всегда черной кошкой наровить перебѣжать челоѣвку дорогу...» [Достоевский, 2005, с. 200]. Мнимое любовное послание Клары Олсуфьевны с предложением бежать из дома и тайком венчаться Голядкин-старший воспринимает без радости, поскольку испытывает страх — боится остаться без места: «А я человек служащий; а я место мое могу потерять из-за этого; я, сударыня вы моя, под суд могу попасть из-за этого» [Достоевский, 2005, с. 278]. Кроме того, для него это становится поводом обвинить во всем свою бывшую любовницу-немку: «Это нѣмка работает. Это от нея, въдъмы, все происходитъ, всѣ сыры-боры отъ нея разгораются» [Достоевский, 2005, с. 279].

Попытка примирения Голядкина-старшего с Голядкиным-младшим в финале приводит главного героя к мысли об «Иудином поцелуе», и в этот же миг «ему показалось, что бездна, цѣлая вереница совершенно подобныхъ Голядкиныхъ, съ шумомъ врывается во всѣ двери комнаты...» [Достоевский, 2005, с. 297]. Таким образом, преобладающие речевые жанры обвинения, обличения, упрека раскрывают «доминанту души» героя, его эгоцентризм, страх за себя и самоутверждение. В финале участь героя вызывает у автора сочувствие.

В романе Достоевского «Бесы» (1872) мир представлен в противоположном состоянии. Хаос, безобразие разрушают человеческие жизни. «Траектория в хронотопе личности» главных героев романа «Бесы» (1872) — Николая Ставрогина и Степана Верховенского — позволяет понять авторскую идею. Нашей задачей является не только рассмотрение разрушительных процессов, происходящих в героях, но и выяснение возможностей восстановления этих личностей, формирования их новой доминанты.

Мир в романе Достоевского показан во власти демонических сил. Лиза Тушина смотрит на зарево пожара в Заречье и замечает Ставрогину, что «должно свѣтатъ, а почти какъ ночь», а после видит

«дымную, свинцовую, безразличную массу», от которой отделяется Степан Верховенский, идущий ей навстречу [Достоевский, 2010, с. 525, 541].

Николай Ставрогин — воспитанник Степана Верховенского, которому удалось развить в нем рефлексивное начало. Вместе с тем Николай Ставрогин отличается безудержностью своей «плотской» природы [Достоевский, 2010, с. 43]. Во время его военной службы в Петербурге окружающие говорят «о какой-то дикой разнузданности, о задавленных рысачами людях, о звѣрскомъ поступкѣ съ одною дамою хорошаго общества» [Достоевский, 2010, с. 41]. По поводу вернувшегося в свой родной город Ставрогина рассказчик замечает, что «звѣрь показаль свои когти», а затем «вдругъ выпустиль» их [Достоевский, 2010, с. 43, 44]. Наконец, в своей исповеди Ставрогин признается в «звѣринонь сладострастїи, которымъ одарень» [Достоевский, 2010, с. 721]. Мощные природные инстинкты и сильно развитое рефлексивное начало (он быстро и сильно реагирует на окружающее) становятся внутренней проблемой героя, над которой ему нужно постоянно работать.

Детали предметного мира, окружающего Ставрогина, показывают, как в герое происходит формирование новой доминанты и о его «пороговом» состоянии. Во время самоубийства оскорбленной им девочки Матрешки, герой сидит у окна, но он не видит окружающий мир, а слышит только жужжание мухи. В журнальной редакции герой даже поймал жужжавшую муху, которая садилась ему на лицо, и выпустил в окно [Достоевский, 2010, с. 422]. Внимание Ставрогина привлекает крошечный красный паучок на листке герани [Достоевский, 2010, с. 423]. Эта деталь появится после сна Ставрогина, когда он увидит «золотой век», и станет символом «безобразия», сладострастия героя.

Первая фаза формирования устойчивой доминанты, по Ухтомскому, — «косые лучи заходящего солнца». Ставрогин признается: «... скалы и море и косые лучи заходящаго солнца, все это я какъ будто еще видѣль когда проснулся и раскрыль глаза, въ первый разъ въ жизни буквально омоченныя слезами» [Достоевский, 2010, с. 426]. «Заходящее солнце» становится символом потерянной внутренней гармонии героя.

В исповеди Ставрогина показана вторая фаза формирования доминанты: повторяется закат солнца и его косые лучи в окне [Достоевский, 2010, с. 426]. Наконец, в душе героя соединяются косые

лучи заходящего солнца с хтоническим образом (красный паучок) и образом обиженного ребенка: «Я поскорѣ закрылъ опять глаза какъ бы жаждая возвратить миновавшій сонъ, но вдругъ какъ бы среди яркаго-яркаго свѣта, я увидѣлъ какую-то крошечную точку. Она принимала какой-то образъ и вдругъ мнѣ явственно представился крошечный красненькій паучекъ. Мнѣ сразу припомнился онъ на листкѣ герани когда также лились косые лучи заходящаго солнца. Что-то какъ будто вонзилось въ меня, я приподнялся и сѣлъ на постель... (Вотъ все какъ это тогда случилось!). Я увидѣлъ предъ собою (О, не на яву! Если бы, если бы это было настоящее видѣніе!) я увидѣлъ Матрешу, исхудавшую и съ лихорадочными глазами, точь въ точь какъ тогда, когда она стояла у меня на порогѣ и кивая мнѣ головой подняла на меня свой крошечный кулачонокъ. И никогда ничего не являлось мнѣ столь мучительнымъ! Жалкое отчаяніе безпомощнаго десятилѣтняго существа съ несложившимся разсудкомъ, мнѣ грозившаго (чѣмъ? Что могло оно мнѣ сдѣлать?), но обвинявшаго конечно одну себя! Никогда еще ничего подобнаго со мной не было. Я просидѣлъ до ночи, не двигаясь и забывъ время» [Достоевский, 2010, с. 426–427].

Новый «интегральный образ» становится наказанием для Ставрогина: косые лучи заходящего солнца теперь будут вызывать у него «почти каждый день» [Достоевский, 2010, с. 815] образ красненького паучка и Матрешы, стоящей на пороге с поднятым и грозящим герою кулачком. Невыносимость этого образа, по признанию героя, и неготовность к покаянию приводит Ставрогина к самоубийству.

Во время беседы со старцем Тихоном Ставрогин признается, что около года ему является бес, который становится его Двойником [Достоевский, 2010, с. 410]. В журнальной публикации Ставрогин об этом сообщает Даше: «Я злился что мой собственный бѣсъ могъ явиться въ такой дрянной маскѣ» [Достоевский, 2010, с. 280] [Захаров, с. 683]. Заходящее солнце и порог, на котором останавливается обиженная девочка, — символизируют пределы человеческой природы Ставрогина, которые он не смог переступить, подобно Раскольникову. Отметим точное замечание С. М. Соловьева о том, что Раскольников совершает свое преступление, как и Ставрогин, на закате солнца [Соловьев, с. 171].

При встрече в монастыре со старцем предложение Тихона «посрамить беса» и гордость послушанием в монастыре вызывает

у Ставрогина отторжение, поскольку его цель — самоутверждение: «...я хочу простить самъ себѣ» [Достоевский, 2010, с. 433]. В очередной раз торжествует Двойник героя, злая сила, которую видит Марья Лебядкина и Тихон.

О Тихоне Задонском как прототипе Тихона в «Бесах» одним из первых написал Р. В. Плетнев [Плетнев, 1986b]. Исследователь предположил, что святитель Тихон привлек Достоевского тем, что «был личностью изумительной святой жизни, необыкновенного внутреннего света, но вместе с тем это был человек чрезвычайно нервный и вечно борющийся сам с собой» [Плетнев, 1986b, с. 158]. Этой борьбой самим с собой он близок Ставрогину. Из сохранившихся воспоминаний о Тихоне Задонском, которые вошли в Житие, Плетнев выделяет «особенный дар Божий слез», которым был наделен святитель, а также его учение о борьбе с грехом [Плетнев, 1986b, с. 160–162]. Сочинения Тихона Задонского читал также А. А. Ухтомский.

В пространстве романа, связанном со Степаном Верховенским, символическим является образ тумана и дороги. Хроникер показывает картину мира Лизы Тушиной после ночи, проведенной ей в Скворешниках. Степан Верховенский в ее восприятии оказывается частью демонического мира: «Мелкій, тонкій дождь пронизалъ всю окрестность, поглощая всякій отблескъ и всякій отгнѣнокъ и обращая все въ одну дымную, свинцовую, безразличную массу. Давно уже былъ день, а казалось все еще не разсвѣло. И вдругъ изъ этой дымной, холодной мглы вырѣзалась фигура, странная и нелѣпая, шедшая имъ навстрѣчу» [Достоевский, 2010, с. 541].

Второй пейзаж — это большая дорога, по которой покидает город Степан Трофимович, и железная дорога, по которой движется поезд (через два дня на этом поезде уедет его сын): «Мелкій дождь то переставалъ, то опять начинался; но онъ не замѣчалъ и дождя. <...> Старая, черная и изрытая колеями дорога тянулась предъ нимъ безконечною нитью, усаженная своими ветлами; направо — голое мѣсто, давнымъ-давно сжатая нивы; налево — кусты, а далѣе за ними лѣсокъ. И вдали — вдали едва примѣтная линия уходящей вкось желѣзной дороги и на ней дымокъ какого-то поѣзда; но звуковъ уже не было слышно» [Достоевский, 2010, с. 629].

Символический смысл образа дороги раскрывает сам Степан Верховенский. После объяснения с Варварой Петровной он говорит о своем будущем пути как движении к смерти: «Въ поздній путь,

на дворѣ поздняя осень, туманъ лежитъ надъ полями, мерзлый, старческій иней покрываетъ будущую дорогу мою, а вѣтеръ завываетъ о близкой могилѣ...» [Достоевский, 2010, с. 327]. В пути герой размышляет: «Большая дорога — это есть нѣчто длинное-длинное, чему не видно конца — точно жизнь человеческая, точно мечта человѣческая. Въ большой дорогѣ заключается идея...» [Достоевский, 2010, с. 628].

Город, из которого ушли Верховенские, соотносится с Россией, которая должна исцелиться, подобно бесноватому в Евангелии, и вернуться к христианским ценностям. Себя и сына Степан Верховенский относит к одержимым: «Это мы, мы и тѣ, и Петруша... <...> и мы бросимся, безумные и взбѣсившіеся, со скалы въ море и всѣ потонемъ, и туда намъ дорога, потому что насъ только на это вѣдь и хватить. Но больной исцѣлится и “сядетъ у ногъ Иисусовыхъ”» [Достоевский, 2010, с. 651].

Степан Трофимович в конце жизненного пути приходит к мысли о своей вине за воспитание Ставрогина, за то, что оставил сына Петра без внимания, обидел Федьку Каторжного, которого это побудило к мщению. Мысль об ответственности каждого за происходящее в мире — одна из основных идей романа. «...Всѣ и каждый одинъ предъ другимъ виноваты», — утверждает Степан Трофимович [Достоевский, 2010, с. 641]. Шатов размышляет: «Всѣ виноваты, всѣ виноваты и... если бы въ этомъ всѣ убѣдились!» [Достоевский, 2010, с. 584]. Наконец, Тихон наставляет Ставрогина: «Согрѣшивъ, каждый человѣкъ уже противъ всѣхъ согрѣшилъ и каждый человѣкъ хоть чѣмъ-нибудь въ чужомъ грѣхѣ виноватъ» [Достоевский, 2010, с. 431].

В конце романа Степан Трофимович Верховенский произносит слова, которые противоречат «многому изъ его прежнихъ убѣждений» [Достоевский, 2010, с. 659]. Открытие ему Истины происходит не только благодаря катастрофам, потрясшим город и его лично, но и встрече с Софьей Матвеевной, книгоношей, распространяющей Евангелие. Софья Матвеевна, которая некоторое время в Севастополе служила «въ сестрахъ», становится Собеседником Степана Трофимовича [Достоевский, 2010, с. 638]. Она читает Степану Трофимовичу Нагорную проповедь. Это побуждает героя к покаянию: «...я всю жизнь мою лгалъ» [Достоевский, 2010, с. 649]. В повествовании возникает автобиографическая аллюзия: Верховенский-старший просит, чтобы его собеседница прочитала что-нибудь из Нового Завета, «куда глазъ попадетъ» [Достоевский, 2010, с. 649].

Известно, что Достоевский хранил Евангелие, подаренное в Тобольске женами декабристов, и часто, задумав или сомневаясь в чем-либо, открывал наудачу это Евангелие и прочитывал то, что стояло на первой странице (левой от читавшего). Автобиографическая аллюзия часто становится знаком, что идеи героя близки автору [Фёдорова, 2019, с. 186, 193, 196, 200].

Слова из Откровения Иоанна Богослова (Откр. 3:14–17), прочитанные Софьей Матвеевной, потрясают Верховенского-старшего: «...скорѣе холоднаго, холоднаго, чѣмъ теплаго, чѣмъ *только* теплаго. О, я докажу!» [Достоевский, 2010, с. 650]. И затем он просит прочитать о бесах, вошедших в стадо свиней, и соотносит этот евангельский сюжет с собой и сыном.

Главные истины Степан Трофимович произносит после признания в любви Варваре Петровне, исповеди и причащении святых даров. Мысленно Верховенский-старший возвращается к несостоявшемуся двадцать лет назад романтическому объяснению с ней.

По «закону заслуженного собеседника» Ухтомского, Двойник героя раскрывает его собственные пороки. Верховенскому-старшему никогда не хватало веры в человека и в Бога. Отметим подозрения Степана Верховенского по поводу Варвары Петровны: «...онъ разказываль постороннему лицу что она держитъ его изъ тщеславія, завидуетъ его учености и талантамъ; ненавидитъ его и боится только выказать свою ненависть явно въ страхѣ чтобъ онъ не ушелъ отъ нея и тѣмъ не повредилъ ея литературной репутаціи...» [Достоевский, 2010, с. 15]. Хроникер с возмущением пишет о неверии Верховенского в Дашу Шатову: «Онъ не задумался заподозрить дѣвушку съ самаго перваго дня, еще не имѣя никакихъ основаній, даже Липутинскихъ» [Достоевский, 2010, с. 103].

Верховенский-старший мысленно возвращается в прошлое, чтобы исправить свою ошибку, и объясняется в любви Варваре Петровне. Герой убеждается в том, что он любит, значит, сердце его живо — он может быть спасен: «Любовь вѣнецъ бытія»; «Если есть Богъ, то и я безсмертенъ» [Достоевский, 2010, с. 659]. Он полемизирует с «Фаустом»: «Каждая минута, каждое мгновеніе жизни должны быть блаженствомъ человеку...» [Достоевский, 2010, с. 660]. После этого герой формулирует «закон бытия человеческого»: «Если лишить людей безмѣрно великаго, то не стануть они жить, и умрутъ въ отчаяніи. Безмѣрное и безконечное такъ же необходимо челоувѣку, какъ

и та малая планета на которой онъ обитаетъ... <...> Всякому человѣку, кто бы онъ ни былъ, необходимо преклониться предъ тѣмъ что есть Великая Мысль» [Достоевский, 2010, с. 660].

Так в сознании Верховенского образ дороги трансформируется в размышление о Промысле Божиим. В черновом варианте «Бесов» есть слова, которые Н. А. Тарасова прочитала по рукописи иначе, чем это сделано в 30-томном академическом Полном собрании сочинений: «Миръ спасаетъ Красота Христова» (вместо «мир станет красота Христова») [Тарасова, 2021, с. 105–106]. Исследователь приводит слова Шатова, который в разговоре с Князем утверждает этот же путь спасения: «*Въ вѣре* для человѣка необходимость: Если я *несовершенство*, гадокъ и золь, <...> то я знаю, что есть *другой идеаль* мой, который прекрасень, святъ и блажень» [Тарасова, 2021, с. 105].

Достоевский верил в то, что «дух жизни» ведет русский народ к преображению: «Это есть сила непрерывнаго и неустаннаго подтвержденія своего бытія и отрицанія смерти. Духъ жизни, как говорить Писаніе, "рѣки воды живой", изсякновеніемъ которыхъ такъ угрожаетъ Апокалипсисъ» [Достоевский, 2010, с. 241].

Кириллов, Шатов, Марья Лебядкина, архиерей Тихон и даже Шигалев и Федька Каторжный смогли оказать сопротивление злым силам. Шатову открывается религиозное понимание семьи как «малой Церкви». Кириллов осознает, что существует Промысел Божий. Мария Лебядкина и архиерей Тихон в молитве переживают духовное восхождение, которое сопровождается благодатными слезами. Оба прозревают духовное состояние Ставрогина.

Теория доминанты А. А. Ухтомского позволяет обратить внимание на траекторию в хронотопе тех героев романа, которые показаны в развитии, остановиться на их предметном мышлении. Хроникер подчеркивает в описании природы такие детали, как туман, ветер, мрак, поскольку они символизируют разрушительные процессы, происходящие в обществе и в человеческом сознании. Предметное мышление Ставрогина раскрывает его «пороговое» состояние. Соединение образа заходящего солнца с хтоническим существом (красный паучок) и образом обиженного ребенка символизирует пределы человеческой природы героя, которые он не смог преступить. В отличие от него, Степан Трофимович Верховенский приходит к осознанию своей вины и необходимости ее искупления. Встреча с Софьей Матвеевной, чтение Евангелия, исповедь и причащение

формирует его новую доминанту. Он воспринимает свой путь как проявление Божьего Промысла, стремится исправить свою первую жизненную ошибку и убеждается в необходимости любви и Великой Мысли для каждого человека. Так в романе утверждается авторский идеал спасения как торжества Красоты Христовой.

Этическое учение Ухтомского позволяет моделировать картины мира героев романа Достоевского и раскрывать авторское отношение к этим моделям. Для этого необходимо анализировать не только предметный мир произведения, но также использовать понятие хронотопа и доминанты личности как главенствующего направления деятельности, которая располагается между мыслями человека и действительностью. Если согласиться с тем, что принцип доминанты является физиологической основой акта внимания и предметного мышления, то следует сделать акцент на символизации предметного мира героев Достоевского. Ухтомский считал, что всякий интегральный образ, которым мы располагаем, является достаточным продуктом пережитой нами доминанты. Траектория в хронотопе личности состоит из предметных образов, связанных с доминантами. Очевидно, что суммирование доминанты происходит во времени во многом благодаря значимым для личности событиям.

Русский роман XIX века, представленный образцовыми произведениями Достоевского, Толстого, обращает читателя к проблеме спасения. Телеологический сюжет включает мотив испытания народа или героя. Способность совершить нравственный выбор приводит его к расширению пространства, соединению временного и вечного в его сознании, при этом происходит символизация предметного мира (появляются образы движения и света). Этот сюжет может включать в себя мотив просьбы о помощи, который реализуется в молитве героя. О том, что молитва услышана, свидетельствует разрешение сложной ситуации, помощь Провидения. В процессе духовного очищения или духовного роста важную роль играет предание, которое сохраняет духовные доминанты русского народа. Выбор личности может означать и ее самоутверждение, что приводит к «безобразию» происходящих процессов в душе. В этом случае герой Достоевского и Толстого будет видеть вокруг себя Двойников. Оппозиция «безобразию» — «благообразию» раскрывает духовно-нравственный идеал Достоевского и Толстого. Главным для народа

и личности является соборное спасение. Этическое учение Алексея Алексеевича Ухтомского, основанное на святоотеческом наследии и русской классической словесности, позволяет раскрыть духовные доминанты русского народа.

Ссылки

1. Альтман М. С. Достоевский. По вехам имен. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1975. 278 с.
2. Ашимбаева Н. Т. Двойник или «заслуженный собеседник»: некоторые вопросы поэтики Достоевского в свете взглядов на человека и его отношения с окружающим миром // Достоевский и мировая культура. СПб.: Серебряный век, 1999. Вып. 13. С. 123–131.
3. Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб.: Наука, 1999. Т. 6: XIV — середина XV века. [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4982> (12.07.2023).
4. Билинкис Я. С. Романы Достоевского и трагедия Пушкина «Борис Годунов» (К проблеме единства пути русской литературы XIX века // Достоевский. Материалы и исследования. Л.: Наука, 1976. Т. 2. С. 164–168.
5. Бочаров С. Г. Роман Л. Н. Толстого «Война и мир». М.: Художественная литература, 1987. 156 с.
6. Буданова Н. Ф. О некоторых источниках нравственно-философской проблематики «Бесов» // Достоевский. Материалы и исследования. Л.: Наука, 1988. Т. 8. С. 93–106.
7. Городилова Н. И. Эпическая картина мира в трилогии Л. Н. Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. № 9. С. 5–12.
8. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: канонические тексты. Петрозаводск: Издательство Петрозаводского государственного университета. Т. VI. 2005. 771 с.
9. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: канонические тексты. Т. IX.: Приложение: Бесы: роман: опыт реконструкции журнальной редакции; Текстологическое исследование, комментарии. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2010. 912 с.
10. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. / редкол.: В. Г. Базанов (отв. ред.) и др.; ИРЛИ. Т. 14.: Братья Карамазовы: роман в 4 ч. с эпилогом. Кн. 1–10 / текст подгот. В. Е. Ветловская, Е. И. Кийко. Л.: Наука, 1976. 511 с.
11. Иванов Вяч. Основной миф романа «Бесы» // Иванов. Вяч. Собр. соч.: в 4 т. Брюссель: Foyer oriental chrétien, 1987. Т. 4. С. 437–444.

12. Иоанн Лествичник, преп. Лествица, возводящая на небо. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2013. 592 с.
13. Ермакова М. Я. «Двойничество» в «Бесах» // Достоевский. Материалы и исследования. Л.: Наука, 1976. Т. 2. С. 113–118.
14. Есаулов И. А. Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. ун-та, 1995. 288 с.
15. Захаров В. Н. Трагедия и сатира: «вечные» роли героев Достоевского // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: канонические тексты. Т. VI. Петрозаводск: Издательство Петрозаводского государственного университета, 2005. С. 641–657.
16. Плетнев Р. Земля (из работы «Природа в творчестве Достоевского») // О Достоевском: сб. ст. / под ред. А. М. Бема. Paris: Amga editions, 1986. С. 175–184. (a)
17. Плетнев Р. «Сердцем мудрые» (о «старцах» у Достоевского) // О Достоевском: сб. ст. / под ред. А. М. Бема. Paris: Amga editions, 1986. С. 155–174. (b)
18. Сараскина Л. И. «Бесы»: роман-предупреждение. М.: Сов. писатель, 1990. 480 с.
19. Тарасова Н. А. «Дневник Писателя» Ф. М. Достоевского (1876–1877). Критика текста: монография. М.: Квадрига; МБА, 2011. 392 с.
20. Тарасова Н. А., Кибальник С. А., Димитриев В. М. Проблемы текстологии и поэтики романного творчества Ф. М. Достоевского: коллективная монография / Институт русской литературы РАН. М.: Квадрига, 2021. 276 с.
21. Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 22 т. / редкол.: М. Б. Храпченко (гл. ред.) и др. ; коммент. А. В. Чичерина. М.: Художественная литература, 1978–1985.
22. Скафтымов А. П. Нравственные искания русских писателей. М.: Художественная литература, 1972. 543 с.
23. Соколова Л. В. А. А. Ухтомский и комплексная наука о человеке. СПб.: Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та, 2010. 316 с.
24. Соловьев С. М. Изобразительные средства в творчестве Ф. М. Достоевского. М.: Сов. писатель, 1979. 352 с.
25. Терешкина Д. Б. Интертекст «Четьих-Миней» в рассказе Л. Н. Толстого «Алешка Горшок» // Rhema. Рема. 2015. С. 31–38.
26. Фёдорова Е. А. Автор и герой в поэтике романа Ф. М. Достоевского «Идиот» // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17. № 3. С. 186–206.
27. Фёдорова Е. А. Принцип доминанты в образах героев романа «Бесы» Ф. М. Достоевского (в свете этического учения А. А. Ухтомского) // Проблемы исторической поэтики. 2023. № 21 (1). С. 161–182 (a).

28. Фёдорова Е. А. Телеологический сюжет в романах «Капитанская дочка» А. С. Пушкина и «Война и мир» Л. Н. Толстого // Проблемы исторической поэтики. 2023. Т. 21. № 4. С. 102–129 (b).
29. Феномен эпического романа в русской литературе второй половины XIX века: И. А. Гончаров, И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский: монография / В. Г. Андреева, А. В. Гулин, Н. Л. Ермолаева, С. К. Казакова, Ю. В. Лебедев, В. И. Мельник, Н. Г. Михновец; под науч. ред. В. Г. Андреевой. Кострома: Изд-во Костромского гос. ун-та, 2022. 512 с.
30. Хализев В. Е. Интуиция совести (теория доминанты А. А. Ухтомского в контексте философии и культурологии XX века) // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2001. Вып. 6. С. 21–42.

4.7. «Русская идея» в романе Ф. М. Достоевского «Подросток»

А. В. Тоичкина

Роман Ф. М. Достоевского «Подросток» (1874–1875) в последние годы привлекает все большее количество исследователей, как русских, так и зарубежных. С научными обзорами рецепции этого произведения в критике в 2021 г. выступили О. А. Богданова и В. В. Борисова. В. В. Борисова отметила усиление интереса современных исследователей к анализу роли «христианского предания» в романе. Так, Н. М. Фортунатов в своей работе выделил «всемирность» и «всечеловечность» русского национального характера. Предметом изучения О. И. Сыромятникова стала «русская идея» — в частности, исследователь показал движение в романе к необходимости осознания национальной идеи народом и определения цели дворянством, которое сознательно служит национальной идее. Н. А. Кладова рассмотрела символическое значение семьи в романе. Американский исследователь Ю. Корриган в романе «Подросток» увидел восстановление личностью своего внутреннего пространства, немецкий ученый Х.-Ю. Геригк — освобождение от западной идеи, которое происходит в европейском городе Петербурге как символе России¹⁹.

¹⁹ См.: [Богданова], [Борисова], [Фортунатов], [Сыромятников], [Кладова], [Corrigan], [Геригк], [Gerigk].

Перспективным в этом направлении является обращение к трудам религиозных мыслителей Дмитрия Ивановича Чижевского (1894–1977) и Алексея Алексеевича Ухтомского (1875–1942), чье научное творчество во многом базировалось на изучении произведений Достоевского. Д. И. Чижевский разработал свою концепцию сравнительной истории славянских литератур как «истории духа», которая предполагала исследование идеи — понятия — образа в конкретно-исторической форме, в процессе исторического духовного национального становления. Центральной категорией в поэтике национальных литератур, по его мнению, является символ (см.: [Тоичкина, 2012, с. 152]). Д. И. Чижевский указывал на то, что Страхов был «философским информатором» Достоевского [Тоичкина, 2013, с. 300] и что многие темы и образы в художественном творчестве писателя генетически связаны с философскими исследованиями ученого (см.: [Тоичкина, 2012, 2013, 2014]). Так, в статье Страхова «Жители планет» (1860) создается образ вселенной без Бога, обреченной на вечное повторение существующих явлений. Чижевский указал на эту статью как на один из источников романа «Братья Карамазовы» в заметке «Черт Ивана Карамазова и Н. Н. Страхов» (1933)²⁰, но подобный пассаж встречается и в речи Аркадия Долгорукого, обращенной к участникам кружка Дергачева: «...когда земля обратится въ свою очередь въ ледяной камень и будетъ летать въ безвоздушномъ пространствѣ съ безконечнымъ множествомъ такихъ же ледяныхъ камней...»²¹. Чижевский находил общее в философских взглядах Достоевского и Страхова, в их общественно-политической позиции (см.: [Мотовникова]), но видел и отличие — Достоевский обращается к религиозно-этической сфере [Тоичкина, 2012, с. 148]; [Тоичкина, 2019, с. 269–270].

²⁰ Čyževskýj D. Literarische Lesefrüchte II: (10) Der Teufel Ivan Karamazov'sund N. N. Strachov // Zeitschrift für slavische Philologie. Leipzig, 1933. Band X (¾). S. 389.

²¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: канонические тексты / под ред. проф. В. Н. Захарова. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2015. Т. 11.: Подросток. с. 58; см. также примеч. к данному месту романа (с. 635); Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1976. Т. 17. 367 с. Далее ссылки на эти издания приводятся в тексте раздела с использованием сокращений *Θ. Д.* и *Д30* и указанием страницы или тома (полутома — нижним индексом) и страницы в круглых скобках. Об отражении книги Н. Н. Страхова «Жизнь как целое» (и печатавшейся во «Времени» ее части «Жители планет») см.: (Д30; т. 17, с. 406). См. также: [Тоичкина, 2019].

В 1869 г. в журнале «Заря» (1869–1872) был опубликован труд Н. Я. Данилевского «Россия и Европа». Страхов, который входил в редакцию журнала, был восхищен этим сочинением, но Достоевский писал ему о своих сомнениях: «Потому еще жажду читать эту статью, что сомневаюсь несколько, и со страхом, об окончательном выводе; я всё еще не уверен, что Данилевский укажет в полной силе окончательную сущность русского призвания, которая состоит в разоблачении перед миром русского Христа, миру неведомого и которого начало заключается в нашем родном православии. Помоему, в этом вся сущность нашего будущего цивилизаторства и воскрешения хотя бы всей Европы и вся сущность нашего могучего будущего бытия» (Д 30: т. 291, с. 30).

Концепция личности А. А. Ухтомского, его этическое учение создавались в 1920-е гг. во многом с ориентацией на произведения Достоевского («Двойник», «Братья Карамазовы» и др.). Принцип доминанты, сформулированный Ухтомским, предполагает, что человек смотрит на мир через свои главенствующие установки, направления деятельности. У личности может быть несколько доминант. В ситуации кризиса, когда человек вынужден отказаться от своей доминанты, он может вернуться к прежней, сформированной ранее, в детстве, или ему придется формировать новую доминанту²². Помочь избежать ошибок может ориентация на предание и символы, в которых сохраняется коллективный духовный опыт. На полях своей настольной книги «Добротолюбие», в книгах по философии Ухтомский оставлял заметки, в которых постоянно возвращался к роли предания и символов в постижении Истины (см.: [Фёдорова, 2023]). В романе «Подросток» Достоевский сопоставляет европейскую и русскую цивилизации, размышляет о роли Православия в формировании национального русского характера, его истории и самобытности. «Подросток» является произведением, ориентированным на национальные традиции.

«Русская идея» автора реализуется на разных уровнях художественного текста (идейном, жанровом, композиционном, предметном, аллюзивном, лексическом и символическом), в системе образов, в «локальном тексте» (петербургском и московском). Кроме того, в этом произведении можно обнаружить национальные традиции

²² Ухтомский А. А. Доминанта: статьи разных лет. СПб.: Питер, 2002. С. 365, 395.

христианской календарной словесности [Фёдорова, 2021b, с. 258]. Роман указывает читателю направление будущего развития общества и страны в целом в перспективе возвращения дворянства к православному веру, к самобытным основам русской жизни, в отказе от миража ее европеизации²³. В. А. Викторovich полагает, что «от романа испытания идеи Д<остоевский> перешел к роману воспитания личности» в его мемуарно-исповедальной форме (см.: [Викторovich, Щенников, с. 134]). Однако роман «Подросток» — это не только роман воспитания, но прежде всего идеологическое произведение. Главный герой, Аркадий Долгорукий, находится в напряженном поиске идеи, которая стала бы целью его жизни. Он приезжает в Петербург, чтобы испытать себя и свою идею. «Идея Подростка изменчива и многолика»: «миллион», «угол», «скорлупа», «игра», «женщины», «письмо», «документ», «университет» — лишь метафоры, лишь образы идеи, как и ее именные знаки (Ротшильд, скиталец, «"последний европеец" Версильов», «русский странник Макар Долгорукий») [Захаров, 2013, с. 390, 392]. Его идея Ротшильда не имеет ничего общего с накопительством и обогащением. Несколько раз в своих записках он пытается это объяснить. Впервые это происходит при описании «пробы», которую герой сделал 19 сентября: он отправляется на аукцион, чтобы сделать «первый шаг» к реализации своей идеи. Здесь он и пишет о своей цели: «порву со всѣми», «забьюсь въ скорлупу и стану совершенно свободенъ» (Ф. Д., с. 46). Как писал Б. М. Энгельгардт, «господство идеи-силы над сознанием — эта черта казалась Достоевскому особенно характерной для духовной жизни представителя “случайного племени”. Именно в ней он искал конструктивного центра, доминанты, при изображении оторванного от почвы интеллигента, главного действующего лица, как современной ему общественности, так и его особыми задачами в деле художественного истолкования занимавших его явлений текущей действительности» [Энгельгардт, с. 288].

Исследователь рассматривал идею («жизнь идеи») как предмет изображения у Достоевского: «Для такого поэта идея не есть какая-то отвлеченная логическая схема. Она почти что живое существо, которое обитает в человеческом сознании, — существо по большей

²³ В. А. Викторovich указывает, что «мираж» и «идеал» являются ключевыми словами в «Подростке» [Викторovich, Щенников, с. 139].

части властолюбивое и жестокое в неумолимой последовательности своего самоутверждения, в безудержном стремлении к подчинению себе всей иррациональной жизни духа» [Энгельгардт, с. 289]. Достоевский изображает идеи в акте их становления, и «система его романов образует своеобразную художественную “феноменологию духа” русской интеллигенции». Вектор этой системы состоит в «восходящей мысли» [Энгельгардт, с. 292–293]. В. Н. Захаров указывает на многообразие жанровых составляющих романа «Подросток» как способ изображения акта становления героя, в частности, его идеи: «В “Подростке” главенствуют жанры, которые “вводит” Аркадий: его многочисленные “анекдоты” о “пробе идеи”, о “женской наготе”, о праздном студенте, об Ариночке, о “ничтожном поручике”, о судебном процессе Татьяны Павловны с кухаркой; его воспоминания о детстве — о первой встрече отца с сыном, о страданиях в пансионе Тушара, о маме, о сводном брате; его повесть о событиях прошедшего года, его трактаты о смехе, об идее, различные мнения о разных предметах. Таков жанровый состав “записок” Аркадия. Самостоятельное значение имеют воспитывающие беседы Версилова и особенно его исповедь, наставительные речи Макара Долгорукого. В жанровую структуру романа входят рассказы: рассказ матери о горестной судьбе дочери — о повесившейся Оле, “патриотический” рассказ Петра Ипполитовича о закопанном камне (ср. пародийный анекдот Версилова “a la Петр Ипполитович” о зажаренном соловье), рассказы Макара Долгорукого о Петре Валерьяновиче, о купце Скотобойникове; письма, записки, текст объявления в газете и предсмертные заметки из дневника Крафта, трактат Николая Семеновича о судьбах русского романа в пореформенную эпоху» [Захаров, 1985, с. 169]. Движение Аркадия идет от пушкинского Скупого рыцаря («уединенное и спокойное сознание силы») к «идее самостоянья человека» [Захаров, 2013, с. 392]. Для Аркадия встречи с героями-идеологами необходимы, поскольку он в диалогах с ними проверяет свою идею, а также ищет новые векторы своего жизненного направления. В романе «Подросток» идеологами являются Крафт, Версиров и Макар Долгорукий. Идея исторического назначения России испытывается в спорах и напряженных диалогах героев. Крафт одержим мыслью, что русский народ есть народ «второстепенный, которому предназначено послужить лишь «материалом» для болѣе благороднаго племени, а не имѣть своей самостоятельной

роли в судьбах человечества» (Θ. Д., с. 53). Его идея оспаривается на собрании кружка Дергачева: «Пусть Россія осуждена на второстепенность; но можно работать и не для одной Россіи» (Θ. Д., с. 54); «Римляне не прожили и полутора тысячъ лѣтъ въ живомъ видѣ и обратились тоже въ матеріаль. Ихъ давно нѣтъ, но они оставили идею, и она вошла элементомъ дальнѣйшаго въ судьбы человечества» (Θ. Д., с. 54–55). Крафт уходит из жизни, придя к выводу, что в качестве русского не стоит жить. Попытки нигилистов, Дергачева и членов его кружка, указать иную цель жизни Крафт не принимает. Аркадий объясняет это следующим образом: «Мало опровергнуть прекрасную идею, надо замѣнить ее равносильнымъ прекраснымъ...» (Θ. Д., с. 57).

Попытка объяснить суть своей идеи «стать Ротшильдом» предпринимается Аркадием после признания, что в нем живут две установки, две «доминанты», по терминологии А. А. Ухтомского: помочь Версиллову «сокрушить клевету, раздавить враговъ» и стать «властелиномъ судьбы» Ахмаковой, используя ее неосторожное письмо, в котором она советуется по поводу опеки над отцом (Θ. Д., с. 76–77). На этот раз Аркадий вступает в диалог с самим собой. Он возражает сам себе: его мысль об «упорстве» и «непрерывности» в движении к богатству Ротшильда не отличается оригинальностью — это «всякій фатеръ въ Германіи повторять <...> своимъ дѣтямъ» (Θ. Д., с. 80). Подросток утверждает, что его идея, в отличие от европейской, предполагает «монастырь» и «подвиги схимничества», особый вид аскезы (Θ. Д., с. 81). Рассказчик объявляет своей целью «свободу», «уединенное и спокойное сознание силы» (Θ. Д., с. 90). Английский исследователь Джонатан Пейн не видит оригинальности «экономической» идеи Подростка [Райн, с. 66–69]. Однако Аркадий, предупреждая возможность подобного понимания своей идеи, подчеркивает, что он не стремится быть процентщиком, подобно тем русским, «у кого ни ума, ни характера». По мнению героя, за которым проявляется авторская точка зрения, «закладъ и процентъ — дѣло ординарности» (Θ. Д., с. 84). Себя герой сравнивает с трезвым и твердым схимником, который зорко всматривается в мир, а также с пророком Илией: «Одно сознание о томъ, что въ рукахъ моихъ были милліоны и я сбросилъ ихъ въ грязь, какъ врань, кормило бы меня въ моей пустынѣ» (Θ. Д., с. 92). Герой подчеркивает, что имеет «идеаль красоты» (Θ. Д., с. 93). Пушкинские персонажи — Скупой рыцарь и Германн,

о которых вспоминает Аркадий, — это герои, бросающие вызов судьбе. Первая «проба» идеи Подростка на аукционе приносит ему удивительное чувство, что им руководит некая сила, подобно тому, как это происходит в карточной игре: «протягиваете руку, берете карту, но машинально, почти против воли, какъ будто вашу руку направляеть другой» (Ө. Д., с. 47). Игра в рулетку для Аркадия также связана с его идеей: «неужели у рулетки нужно больше характеру, чѣмъ для твоей идеи?» (Ө. Д., с. 282). Однако наряду с «идеей Ротшильда» в сознании рассказчика постепенно вызревает новая идея, связанная с другой доминантой. В его душе сохраняется воспоминание о детстве в деревне и о причащении в церкви, во время которого «голубь пролетѣль насквозь черезъ куполь, изъ окна въ окно» (Ө. Д., с. 112). Голубь — сакральный символ. В душе героя живы православные ценности, он ищет свое предназначение в русле осознания Божьего Замысла о мире. Версиков в романе рассуждает о религии достаточно отвлеченно. Важные для духовного становления молодого человека слова о Христе говорит именно Софья Андреевна: «— Христось, Аркаша, все простить: и хулу твою простить, и хуже твоего простить. Христось — отецъ, Христось не нуждается и сѣять будетъ даже въ самой глубокой тьмѣ...» (Ө. Д., с. 265).

Особым этапом становления героя и формирования его новой доминанты и новой идеи становится общение с Версиковым. Разговоры с отцом дают возможность Аркадию по-новому осмыслить личность матери, Софьи Андреевны, и ее супруга, Макара Ивановича. В седьмой главе первой части в разговоре с Аркадием Версиков впервые называет Софию Андреевну «русской женщиной» (Ө. Д., с. 127) и отмечает такие черты ее характера, как «смирение, безотвѣтность, приниженность и въ то же время твердость, силу, настоящую силу» (Ө. Д., с. 128). В Макаре Долгоруком Версиков отмечает «умѣнье говорить дѣло» «безъ глупаго ихняго двороваго глубокомыслия» и «безъ всѣхъ этихъ напряженныхъ руссизмовъ, которыми говорятъ у насъ въ романахъ и на сценѣ “настоящие русские люди”» (Ө. Д., с. 132). Редкое, по мысли Версикова, истинное чувство собственного достоинства присуще в романе именно представителям русского народа — Макару Ивановичу и Софье Андреевне. Русский народ, по мнению Версикова, доказал «великую, живучую силу и историческую широкость свою и нравственно, и политически» (Ө. Д., с. 128). Образ Петербурга как героя романа возникает в «записках»

в конце первой части: Германн из «Пиковой дамы» обозначается как «петербургский тип», а сам Петербург представлен как город-призрак, который может подняться с туманом и исчезнуть, как дым, оставив «прежнее финское болото», а посередине него — «бронзовый всадник на жарко дышащем, загнанном конѣ» (Ө. Д., с. 138). Эти образы приобретают символическое значение благодаря многоуровневому аллюзивному плану: это аллюзии к идее «Москвы — Третьего Рима» (четвертому Риму не бывать), к апокалипсическому образу всадника (тема Страшного Суда — одна из основных в романе). Н. А. Синдаловский утверждает: «Еще в XIX веке были живы легенды о том, что Фальконе вложил в композицию монумента “тайную мысль, что когда-нибудь императорской России придется низвергнуть ся в бездну с высоты своей безрассудной скачки”»²⁴. Этот же исследователь вспоминает о том, что в среде раскольников родилась легенда о Медном всаднике как всаднике из Апокалипсиса²⁵. Носителем апокалипсической идеи в романе «Подросток» становится Версилов, который переживает закат Европы, видит «заходящее солнце послѣдняго дня европейскаго челоѣчества» (Ө. Д., с. 466).

С «петербургским текстом» связаны мотивы самоубийства и сумасшествия. Кончают жизнь самоубийством Крафт и Оля, сходят с ума князья Сокольские (старший и младший), на грани помешательства оказывается Версилов (Ө. Д., с. 319). Герои петербургского типа связаны с мотивом зеркала: Крафт рассматривает себя в зеркале во время разговора с Подростком накануне самоубийства (Ө. Д., с. 64), Оля вешается на гвозде от зеркала, Версилов вспоминает, как он выглядел в зеркале во время объяснения с Долгоруким после того, как соблазнил его жену (Ө. Д., с. 131). Подросток видит в зеркале ординарность своего лица, что доставляет ему страдания (Ө. Д., с. 90). Зеркало в романе становится символом рефлексии, взгляда человека на себя со стороны. Напряженное взаимодействие «петербургского» и «московского» текстов в романе порождает новое синтетическое явление. Катерина Николаевна Ахмакова, противопоставляя петербургский тип московскому, признается, что не сумела

²⁴ Синдаловский Н. А. Призраки Северной столицы: легенды и мифы питерского зазеркалья. М.; СПб.: Центрполиграф: МиМ–Дельта, 2007. С. 216.

²⁵ Синдаловский Н. А. Призраки Северной столицы... С. 215.

обольстить Марью Ивановну, поскольку это «цѣлый характеръ, и особый, московскій» (Ө. Д., с. 157). Но по поводу Германна рассказчик замечает, что это не только «совершенно петербургскій типъ, — типъ изъ петербургскаго періода» (Ө. Д., с. 138). В подглавке «Утопическое понимание истории» «Дневника Писателя» 1876 г. Достоевский пишет о московском и петербургском периоде русской истории и утверждает, что реформы Петра не изменили, а расширили русскую идею: «...через реформу Петра произошло расширение прежней же нашей идеи, русской московской идеи, получилось умножившееся и усиленное понимание ее: мы сознали тем самым всемирное назначение наше, личность и роль нашу в человечестве, и не могли не сознать, что назначение и роль эта не похожи на таковыя же у других народов, ибо там каждая народная личность живет единственно для себя и в себя, а мы начнем теперь, когда пришло время, именно с того, что станем всем слугами, для всеобщаго примирения» (Д30, т. 23, с. 47).

Во второй части «русская идея» воплощается в разных контекстах. Анекдот про камень, который мешал государю (иностранцы его вытаскать не могли, только наш мужичок сообразил его закопать), подчеркнута перенасыщен лексемами «русский»: «русскій человекъ, борода клиномъ, въ долгополомъ кафтанѣ, и чуть ли не хмѣльной немножко... впрочемъ, нѣтъ, не хмѣльной-съ», «добрая русская улыбка», «хоть и свѣтлость, а чистый этакій русскій человекъ, русскій этакій типъ, патриотъ, развитое русское сердце», «русскій кошель толстъ, а имъ дома ѣсть нечего», «русскимъ этакимъ языкомъ», «русское-то сердце» и т. д. (Ө. Д., с. 204–205). У Аркадия этот «патриотически-непорядочный» «анекдот» вызывает возмущение. Версилов же оправдывает рассказчика чувством «любви к ближнему» и «патриотизмом», видя в этом рассказе проявление национальной черты характера («невоздержанность сердець нашихъ») (Ө. Д., с. 207). Однако эта история зафиксирована как подлинная в воспоминаниях Ф. Г. Солнцева «Моя жизнь и художественно-археологические труды», которые публиковались в журнале «Русская Старина» 1876 г. Солнцев в своих мемуарах приводит примеры сметливости русских крестьян. Так, ярославский кровельщик Иван Телушкин без лесов, с помощью веревочной лестницы и веревочной петли, поднялся на шпиль Петропавловскаго собора и починил оторванные ветром листы и крыло у ангела, подняв его по кресту на 8 вершков; валдай-

ский мещанин прикатил колокол в 2000 пудов в Петербург для Троицкого собора. Приводится в этих воспоминаниях и история с камнем: «При сооружении памятника Петру I, что нынѣ въ Александровскомъ саду, отъ подножнаго камня отколотъ былъ огромный кусокъ, который надо было убрать съ площади, но недоумѣвали какъ это сдѣлать. Одинъ крестьянинъ взялся его “прибрать” за ничтожную плату. Когда это было дозволено, онъ вырылъ яму по близости монумента, свалилъ въ нее камень и засыпалъ его, а землю увезъ въ пойкахъ»²⁶.

В романе «Подросток», видимо, произошла контаминация двух историй: рассказа о неизвестном крестьянине, который «прибрал» огромный камень, и сообщения об известном ярославском кровельщике Телушкине, который за свою сметливость получил медаль, но постепенно «спился»²⁷. Можно выдвинуть гипотезу, что воспоминания Солнцева были известны Достоевскому еще до их публикации — благодаря его общению с редактором журнала «Русская Старина» М. И. Семевским (см.: [Фёдорова, 2021a]): история с камнем вошла в бивальщину В. И. Даля «Русская смекалка» (1862) и в былъ Л. Н. Толстого «Как мужик убрал камень» (1872)²⁸, однако в этих произведениях не говорится о ярославском происхождении крестьянина и его дальнейшей судьбе. С проблемой выбора Россией пути связана в романе тема русского дворянства. Версилов раскрывает князю Сергею Сокольскому свое понимание русского дворянства (речь идет о России, о государстве): «— Слово честь — значить долгъ <...>. Когда въ государствѣ господствуетъ главенствующее сословіе, тогда крѣпка земля. Главенствующее сословіе всегда имѣетъ свою честь и свое исповѣданіе чести, которое можетъ быть и неправильнымъ, но всегда почти служить связью и крѣпить землю; полезно нравственно, но болѣе политически» (Ө. Д., с. 219).

Версилов противопоставляет русский и европейский типы дворянства: «Но русскій типъ дворянства никогда не походилъ на европейскій. Наше дворянство и теперь, потерявъ права, могло бы

²⁶ Солнцев Ф. Г. Моя жизнь и художественно-археологические труды: рассказ академика Ф. Г. Солнцева: 1801–1876 // Русская Старина. 1876. Т. XV. с. 643–644. (Весь текст: Т. XV. С. 109–128, 311–323, 617–644; Т. XVI. С. 147–160, 263–302.)

²⁷ Солнцев Ф. Г. Моя жизнь и художественно-археологические труды. с. 643.

²⁸ Произведения, которые обычно указываются комментаторами романа как источники данного исторического анекдота (см.: Д30, т. 17, с. 376–377; Ө. Д., с. 666).

оставаться высшимъ сословіемъ, въ видѣ хранителя чести, свѣта, науки и высшей идеи, и, что главное, не замыкаясь уже въ отдѣльную касту, что было бы смертью идеи. <...> Пусть всякій подвигъ чести, науки и доблести дасть у насъ право всякому примкнуть къ верхнему разряду людей. Такимъ образомъ, сословіе само собою обращается лишь въ собраніе лучшихъ людей, въ смыслѣ буквальномъ и истинномъ, а не въ прежнемъ смыслѣ привилегированной касты» (Ө. Д., с. 219–220).

«Русский князь» Сокольский в ответ «отрекается от такой идеи». А в седьмой главе второй части князь Сергей рассказывает Аркадию о своих «безпредѣльныхъ паденіяхъ», объясняя это особенностями национального менталитета и характера: «— Насъ съ вами постигла обоюдная русская судьба, Аркадій Макаровичъ: вы не знаете что дѣлать и я не знаю что дѣлать. Выскочи русскій человекъ чуть-чуть изъ казенной, узаконенной для него обычаемъ колеи — и онъ сейчас же не знаетъ что дѣлать. Въ колеѣ все ясно: доходъ, чинъ, положеніе въ свѣтѣ, экипажъ, визиты, служба, жена — а чуть что и — что я такое? Листъ, гонимый вѣтромъ. Я не знаю что дѣлать» (Ө. Д., с. 303–304). У князя Сергея есть идеал: «...Помни всегда всю жизнь, что ты — дворянинъ, что въ жилахъ твоихъ течетъ святая кровь русскихъ князей, но не стыдись того, что отецъ твой самъ пахаль землю: это онъ дѣлалъ по княжески» (Ө. Д., с. 304).

Но «русская судьба» его оказывается трагической: он проматывает наследство, ввязывается в уголовное дело, в конце концов, из ревности к Васину доносит на нигилистов и умирает в тюрьме. Князь Сокольский-младший запутывается в обстоятельствах, но не может вынести суда своей совести, он не может «лгать Россіи, лгать дѣтямъ, лгать Лизѣ, лгать своей совѣсти!..» (Ө. Д., с. 307) — в его иерархии ценностей Россия оказывается на первом месте. Тема будущего России оказывается важной составляющей отношений Аркадия и Ахмаковой. Катерина Николаевна знает, что эта тема волнует Аркадия так же, как и ее: «...я русская и Россію люблю. <...> Вы помните, мы иногда по цѣлымъ часамъ говорили про однѣ только цифры, считали и примѣривали, заботились о томъ, сколько школъ у насъ, куда направляется просвѣщеніе. Мы считали убійства и уголовныя дѣла, сравнивали съ хорошими извѣстіями... хотѣлось узнать, куда это все стремится и что съ нами самими, наконецъ, будетъ. Я въ васъ встрѣтила искренность» (Ө. Д., с. 256).

Вместе с тем с темой России и русских в романе теснейшим образом связана тема веры в Бога, тема Христа. «Русская идея» зиждется у Достоевского на религиозных основаниях национальной веры во Христа. Именно в этом плане она противостоит «женевским идеям». Неслучайно Аркадий все время возвращается к вопросам веры, задавая их Версилову, маме, Макару Ивановичу. В трактире, где спуют половые «в русских до неприличия костюмах», Версиллов пересказывает Аркадию анекдот Петра Ипполитовича: «Представь, Петръ Ипполитовичъ вдругъ сейчасъ сталъ тамъ увѣрять этого другого рябаго постояльца, что въ англійскомъ парламентѣ, въ прошломъ столѣтїи, нарочно назначена была коммисія изъ юристовъ, чтобъ рассмотреть весь процессъ Христа передъ первосвященникомъ и Пилатомъ единственно, чтобъ узнать какъ теперь это будетъ по нашимъ законамъ, и что все было произведено со всею торжественностью, съ адвокатами, прокурорами и съ прочимъ... ну, и что присяжные принуждены были вынести обвинительный приговоръ... Удивительно, что такое!» (Ө. Д., с. 273).

Русская патриотическая тема (даже в пародийном варианте) содержит в себе религиозное начало. Кульминацией второй части становится «катастрофа» на рулетке и последующее после пережитого позора желание Аркадия поджечь город. Идея отступает на второй план, поскольку он не представляет, как будет жить с клеймом вора. Именно в этот момент герой вспоминает приезд матери в пансион Тушара. Тема духовного возрождения передается посредством символической детали: колокольный звон обрамляет встречу с мамой. И образ храма в пасхальные весенние дни вырастает из ударов колокола: «Колоколь ударяль твердо и опредѣленно по одному разу въ двѣ или даже въ три секунды, но это былъ не набать, а какой-то прїятный, плавный звонъ, и я вдругъ различиль, что это, въдь — звонъ знакомый, что звонять у Николы, въ красной церкви напротивъ Тушара, — въ старинной московской церкви, которую я такъ помню, выстроенной еще при Алексѣй Михайловичѣ, узорчатой, многоглавой и "въ столпахъ", — и что теперь только что минула Святая недѣля и на тощихъ березкахъ въ палисадникѣ Тушаровскаго дома уже трепещуть новорожденные зелененькїе листочки» (Ө. Д., с. 333).

Аркадий вспоминает Москву православную, возвращается к той духовной доминанте, которая была сформирована в детстве. Он рассказывает о молитвах за него Софьи Андреевны Николаю

Угоднику²⁹ и Пресвятой Богородице. Аркадий просит прощения у матери за то, что стыдился ее, и снова вспоминает голубя в храме (Ө. Д., с. 338). Софья Андреевна и Макар Иванович, в образе которых воплощена суть православной русской жизни, становятся живительным источником в событии духовного преображения героя. К. В. Мочульский видел в образе Софьи Андреевны символическое воплощение России (см.: [Мочульский]). В третьей части романа «русская идея» обретает новые обертоны смыслов. Идеи Версилова, рассказы Макара Ивановича Долгорукого формируют новую духовную доминанту в душе Аркадия. Духовное возрождение Аркадия показано с помощью состояния радости и образа света: «Я лежалъ лицомъ къ стѣнѣ и вдругъ въ углу увидѣлъ яркое, свѣтлое пятно заходящаго солнца, то самое пятно, которое я съ такимъ проклятиемъ ожидалъ давеча, и вотъ помню, вся душа моя какъ бы взыграла и какъ бы новый свѣтъ проникъ въ мое сердце» (Ө. Д., с. 360). О символике света в романе «Подросток» писал И. Лунде (см.: [Лунде]).

Однако Аркадию нужно было пережить еще одно падение и увидеть катастрофу Версилова, чтобы окончательно отказаться от своей прежней идеи. Аркадий в записках стремится к честному суду над собой. Путь записывания — путь самопознания и самовоспитания, исправления себя. Так, в третьей главе третьей части он пишет: «Жажда благообразія была въ высшей мѣрѣ, и ужь, конечно, такъ, но какимъ образомъ она могла сочетаться съ другими, ужь Богъ знаетъ какими, жаждями — это для меня тайна. Да и всегда было тайною, и я тысячу разъ дивился на эту способность человѣка (и, кажется, русскаго человѣка по преимуществу) лелѣять въ душѣ своей высочайшій идеаль рядомъ съ величайшею подлостью, и все совершенно искренно. Широкость ли это особенная въ русскомъ человѣкѣ, которая его далеко поведетъ, или просто подлость — вотъ вопросъ!» (Ө. Д., с. 380). Понятие «широкости» оказывается связано с «русским умом». Аркадий размышляет над отношениями Ламберта и Анны Андреевны: «И какъ воображу эту неприступную, гордую, дѣйствительно достойную дѣвушку и съ такимъ умомъ, рука

²⁹ В письме к А. Н. Майкову от 9 (21) октября 1870 г. из Дрездена Достоевский указывал на национальное значение этого святого: «Пишете Вы мне много про Николая-Чудотворца. Он нас не оставит, потому что Николай-Чудотворецъ есть русскій дух и русское единство» (Д30, т. 29 (1), с. 144–145).

въ руку съ Ламбертомъ, то... вотъ то-то съ умомъ! Русскій умъ, такихъ размѣровъ, до широкости охотникъ; да еще женскій, да еще при такихъ обстоятельствахъ!» (Ө. Д., с. 403).

Свою формулировку «русской идеи» дает в романе и Версиров. Идея «золотого века» описывается им с помощью картины Клода Лоррена «Асис и Галатея», которая приснилась ему во время его путешествия по Европе. И в связи с образом «земного рая» европейской цивилизации Версиров как «русский европеец», «носитель высшей русской культурной мысли» формулирует «русскую идею», которая стала его чувством: «...высшая русская мысль есть всепримирение идей» (Ө. Д., с. 466). Версиров видит в себе русского, который в период его скитаний по революционной Франции был там «единственнымъ европейцемъ» (Ө. Д., с. 466), т. е. предлагает свое понимание того, что есть европеец в высшем, духовном смысле. Далее он развивает свое понимание «типа русского дворянства»: «У насъ созданъ вѣками какой-то еще нигдѣ не виданный высшій культурный типъ, котораго нѣтъ въ цѣломъ мѣрѣ — типъ всемирнаго болѣннѣ за всѣхъ» (Ө. Д., с. 467). Тип этот русский, поскольку «взять въ высшемъ культурномъ слоѣ народа русскаго». «Онъ хранитъ въ себѣ будущее Россіи». И «вся Россія жила лишь пока для того, чтобы произвести эту тысячу» (Ө. Д., с. 467). В своих рассуждениях Версиров пытается описать сложное диалектическое взаимодействие русского и европейского начал, объяснить национальную специфику русского дворянства, отталкиваясь от характерных черт европейцев. Парадоксально звучит его заключение: «...Россія живетъ рѣшительно не для себя, а для одной лишь Европы!» (Ө. Д., с. 468).

В пространстве их с Софьей Андреевной дома находятся изображение Дрезденской Мадонны и образ Божией Матери (Ө. Д., с. 100). Религиозная жизнь Версирова обозначается в разговоре с Аркадием самим героем как служение идее. Он сам про себя говорит: «...вѣра моя не велика, я — деистъ, философскій деистъ, какъ вся наша тысяча, такъ я полагаю...» (Ө. Д., с. 470). И тем не менее идеал Христа открыт его сердцу — идеал «восторженнаго гимна новаго и послѣдняго воскресенія» (Ө. Д., с. 471). Образы представителей русского дворянства являются важной вехой для Достоевского в создании им культурно-исторической типологии русской цивилизации. Темы русского дворянства и будущего России получают дальнейшее развитие в связи с образом Версирова (его рассуждениями и поступками).

Употребление эпитета «русский» в «Заключении» реализует важнейший аспект сюжета романа — духовное становление молодого человека оказывается в романе путем становления русского писателя: «...герой писал записки, а получился роман, роман в форме записок» [Захаров, 2013, с. 387]. Роман заканчивается «выдержками» из письма Николая Семеновича, которому Аркадий направил для ознакомления рукопись своих «записок». Это рассуждение о судьбе русского романа, русской литературы, русской жизни в настоящий исторический момент, отличающийся крайней неустойчивостью (см.: [Захаров, 2013, с. 388]). Так, Николай Семенович пишет: «Если бы я былъ русскимъ романистомъ и имѣлъ талантъ, то непременно бралъ бы героевъ моихъ изъ русскаго родоваго дворянства, потому что лишь въ одномъ этомъ типѣ культурныхъ русскихъ людей возможенъ хоть видъ красиваго порядка и красиваго впечатлѣнїя, столь необходимаго въ романѣ для изящнаго воздѣйствїя на читателя» (Ө. Д., с. 562). Далее упоминаются «Предания русского семейства» Пушкина, «русская история», историческая литература как воплощение образа «русскаго миража», «существовавшего дѣйствительно, пока не догадались, что это — миражъ» (Ө. Д., с. 562–563). «Русское семейство средневѣснаго культурнаго круга» на современном этапе осмысляется в письме Николая Семеновича как «случайное семейство». Он видит проблему развития современной русской литературы в неустоявшейся действительности, в исторической незавершенности типов современных героев: «Да и типы эти, во всякомъ случаѣ — еще дѣло текущее, а потому и не могутъ быть художественно-законченными. <...> Но что дѣлать, однакожь, писателю, не желающему писать лишь въ одномъ историческомъ родѣ и одержимому тоской по текущему? Угадывать и... ошибаться» (Ө. Д., с. 564–565). Как пишет В. Н. Захаров, «воспитатель Аркадия верно рассмотрел гносеологическую проблему жанра» [Захаров, 2013, с. 389]. В «записках» Николай Семенович видит материал для будущего русского романа. Аркадий проходит путь от личных «записок» на русском языке к русскому роману о случайном семействе в эпоху беспорядка и хаоса в историческом развитии России. В набросках к роману «Подросток» есть слова: «Он (т. е. современный человек высших классов) как блудный сын, расточивший отеческое богатство <...>. Вернется (к народу), и заколют и для него тельца упитанного» (ДЗ0, т. 16, с. 138–139). Еще в «Объявлении о подписке на журнал “Время”

на 1861 год» Достоевский призывал к «примирению цивилизации с народным началом» (ДЗ0, т. 18, с. 37). В черновиках к роману Достоевский ищет соединение идей Макара Долгорукого и Версилова: «Макар. Христа познай и Его проповедуй, а делами пример подавай, и будет незыблемо. Тем всему миру даже послужишь. — Правда, — говорит Версиров, — Европа ждет от нас Христа. Она нам науку, а мы им Христа (в этом всё назначение России)» (ДЗ0, т. 16, с. 141).

Достоевский в романе «Подросток» изображает в процессе органического становления и развития самобытные основания русской национальной жизни, дает свой ответ на вопрос «Что есть мы, русские?», художественно реализует свое видение культурно-исторического типа России, показывает назначение русской женщины, русского дворянина, русского писателя. Напряженное взаимодействие европейского и старорусского можно увидеть в «локальных» текстах — петербургском (мотивы самоубийства и сумасшествия, рефлексии, связанной с образом зеркала) и московском (храмы московского стиля, колокольный звон, голубь), в пространстве семьи Версирова и Софьи Андреевны (алтарный образ Мадонны Рафаэля и икона Пресвятой Богородицы). Аркадий вбирает в себя православную идею Макара Ивановича и идею «всемирного боления за всех» Версирова, диалог с этими героями помогают Подростку в самоопределении и становлении новой для него «русской идеи», общение с Софьей Андреевной пробуждает духовную доминанту, сформированную в детстве. Достоевский определяет духовные доминанты русского народа — это вера, смирение, твердость, сила, живучесть и широкость, смекалка, чувство собственного достоинства, умение оставаться собой.

Ссылки

1. Богданова О. А. Роман Ф. М. Достоевского «Подросток» в исследованиях русских авторов первой половины XX века: аналитический обзор // Роман Ф. М. Достоевского «Подросток»: современное состояние изучения / гл. ред. Т. А. Касаткина. М.: ИМЛИ РАН, 2022. С. 687–764.
2. Борисова В. В. Роман Ф. М. Достоевского «Подросток»: современное состояние изучения // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2021. № 3 (15). С. 196–214.
3. Викторovich В. А. Щенников Г. К. «Подросток» // Достоевский: сочинения, письма, документы: словарь-справочник / сост. и науч. ред. Г. К. Щенников, Б. Н. Тихомиров. СПб.: Пушкинский Дом, 2008. С. 132–146.

4. Геригк Х.-Ю. Литературное мастерство Достоевского в развитии: от «Записок из Мертвого дома» до «Братьев Карамазовых» / авториз. пер. с нем. и науч. ред. К. Ю. Лапо-Данилевского. СПб.: Пушкинский Дом, Нестор-История, 2016. 320 с.
5. Захаров В. Н. Система жанров Достоевского: типология и поэтика. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. 208 с.
6. Захаров В. Н. Имя автора — Достоевский: очерк творчества. М.: Индрик, 2013. 456 с.
7. Кладова Н. А. «Подросток» Ф. М. Достоевского: идея сюжета // Вестник Северного (Арктического) Федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2018. № 5. С. 54–62.
8. Лунде И. От идеи к идеалу — об одном символе в романе Достоевского «Подросток» // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск, 1998. Вып. 5. С. 416–423.
9. Мотовникова Е. Н. Славянский вопрос в философской публицистике Н. Н. Страхова // Н. Н. Страхов: pro et contra: антология. СПб.: РХГА, 2021. С. 777–781.
10. Мочульский К. В. Гоголь. Соловьев. Достоевский / сост. и послесл. В. М. Толмачева. М.: Республика, 1995. 607 с.
11. Сыромятников О. И. Поэтика русской идеи в великом пятикнижии Ф. М. Достоевского. СПб.: Маматов, 2014. 368 с.
12. Тоичкина А. В. Достоевский, Страхов, Ницше в «Истории духа» Д. И. Чижевского // Вестник РХГА. 2012. Т. 13. № 2. С. 145–153.
13. Тоичкина А. В. «И как пишет критик Страхов...» (Тема спиритизма в публицистике Достоевского, Н. Н. Страхова и в романе «Братья Карамазовы») // Достоевский и журнализм / под ред. В. Н. Захарова, К. А. Степаняна, Б. Н. Тихомирова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 299–315.
14. Тоичкина А. В. Заметки Д. И. Чижевского о Достоевском и Н. Н. Страхове // Вопросы философии. 2014. № 5. С. 104–109.
15. Тоичкина А. В. Статья Н. Н. Страхова «Жители планет» в творчестве Ф. М. Достоевского 1860–1870-х гг. // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Нестор-История, 2019. Т. 22. С. 262–273.
16. Фёдорова Е. А. М. И. Семевский и Ф. М. Достоевский // Неизвестный Достоевский. 2021. Т. 8. № 4. С. 91–111 (а).
17. Фёдорова Е. А. Церковный календарь, евангельский и литургический текст в романе «Подросток» и «Дневнике Писателя» (1876) Ф. М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19. № 1. С. 258–282 (b).
18. Фёдорова Е. А. А. Ухтомский о теории познания и русской литературе (по материалам коллекции Рыбинского музея) // Книжная культура Ярославского края — 2022: сб. ст. и материалов XVII Научной конференции. Ярославль: Ярослав. обл. универс. науч. б-ка имени Н. А. Некрасова, 2023. С. 60–66.

19. Фортунатов Н. М. Роман Ф. М. Достоевского «Подросток» как художественная концепция русского характера // Вопросы культурологии. 2018. № 11. С. 85–89.
20. Энгельгардт Б. М. Идеологический роман Достоевского // Энгельгардт Б. М. Избр. труды. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. С. 270–308.
21. Corrigan Yu. Dostoevsky and the Riddle of the Self. Evanstone, Illinois: Northwestern Univerisity Press, 2017. 238 p.
22. Gerigk H.-J. Hesses Demian und Dostojewskijs Jüngling // Recht und Gerechtigkeit bei Fjodor Dostojewskij: Recht und Gerechtigkeit in der Romanwelt und Publizistik des russischen Schriftstellers. Berlin; Bern; Wien: Peter Lang, 2018. Pp. 21–40.
23. Pain J. Becoming a Rothschild: Trading Narrative in Podrostok // Dostoevsky Studies. 2018. Vol. 22. Pp. 59–71

4.8. Преображение личности в романе «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского и поздних повестях Л. Н. Толстого

Е. А. Фёдорова

В романе «Братья Карамазовы» (1880) преобразование человека происходит как пробуждение Собеседника в душе героя, который одновременно и alter ego — это брат, сестра, мать, отец, сын. Вся система образов героев строится на сцеплении христианских мотивов радости и любви, имеющих знаковую закрепленность в святоотеческой традиции. Общество показано как «случайное семейство», которое, объединяясь вокруг Истины, становится малой Церковью.

Преображение личности в романе показано на примере истории старца Зосимы. Для А. А. Ухтомского он является образцом Собеседника. В записной книжке 1928 года ученый размышляет об особенностях этой личности: «Такой человек, обыкновенно, наименее замкнут в самом себе, у него наименьший упор на себя и свою непогрешимость. Он привык постоянно и глубоко критиковать себя, — оттого он смирене внутри самого себя и не критикует людей, пока они не просят его помочь им в их беде! Если он критикует других, то как врач, — стараясь распутать болезни пришедшего несчастливому»³⁰. В отличие от Голядкина, герой романа Достоевского «Братья Карамазовы»,

³⁰ СПб. Филиал Архива РАН. Ф. 749. Оп. 1. Ед. хр. 91/18. Л. 53.

Зосима, побеждает страх за себя, боязнь общественного мнения, и помогает ему в этом закон любви и детское воспоминание о брате Маркеле, который ушел из жизни тихо и светло, без озлобления и ожесточения. Умиравший от чахотки Маркел сумел в вере найти утешение и спасение: он пришел к мысли, что «всякий пред всеми за всех и за всё виноват» [Достоевский, 1976 (а), с. 262]. Эта сформированная в детстве доминанта, по признанию Зосимы, должна была в дальнейшем «откликнуться». Восемь лет в кадетском корпусе заглушили детские впечатления героя. С возникшей уже временной дистанции Зосима может назвать себя «существом почти диким, жестоким и нелепым» [Достоевский, 1976 (а), с. 268]. Испытанием для героя становится любовь к «прекрасной девице, умной и достойной, характера светлого, благородного» [Достоевский, 1976 (а), с. 267].

Сначала герой из себялюбия отказывается от брака, а когда появляется соперник, «пылает мщением» и вызывает его на дуэль. Внутренний переворот происходит накануне дуэли, после избияния слуги, которое отличалось «зверской жестокостью» [Достоевский, 1976 (а), с. 270]. Зосима вспоминает слова брата Маркела перед смертью, сказанные слугам о том, что он не стоит их любви и служения. Вместе с прежней доминантой к герою приходит осознание того, что он собирается причинить зло двум достойным людям: «В самом деле, чем я так стою, чтобы другой человек, такой же, как я, образ и подобие Божие, мне служил?» [Достоевский, 1976 (а), с. 270]; «И представилась мне вдруг вся правда, во всем просвещении своем: что я иду делать? Иду убивать человека доброго, умного, благородного, ни в чем передо мной не повинного, а супругу его тем навеки счастья лишу, измучаю и убью» [Достоевский, 1976 (а), с. 270]. В ситуации испытания Зосима полагается на волю Божию: дает возможность противнику выстрелить в него, чтобы потом отказаться от выстрела. Обретая спасение, герой своим примером воздействует на Михаила, своего «тайнственного посетителя», «великого грешника», которому он предлагает пойти по пути признания в совершенном когда-то в молодости убийстве, покаянии и очищении души. Чтение Евангелия пробуждает в душе Михаила страх Божий («страшно впасть в руки Бога Живаго» [Достоевский, 1976 (а), с. 281]), который останавливает его на пороге созревающего в нем преступления. Такой же страх Божий испытывает герой рассказа Макара Ивановича в романе «Подросток», купец Скотобойников.

Зосима несет в себе память о брате Маркеле, который завещал ему жить за двоих [Достоевский, 1976 (а), с. 263], воспоминание о нем возвращает этого героя к себе: «...Убедился я постепенно, что был этот брат мой в судьбе моей как бы указанием и предназначением свыше, ибо не явись он в жизни моей... не принял бы я иноческого сана и не вступил на драгоценный путь сей... Чудно это, отцы и учителя, что, не быв столь похож на него лицом, а лишь несколько, Алексей казался мне до того схожим с тем духовно, что много раз считал я его как бы прямо за того юношу, брата моего...» [Достоевский, 1976 (а), с. 259]. Алеша для Зосимы становится «продолжением» Маркела. Воспоминания Зосимы о благословении брата на жизнь и Алеши о матери, которая поручает его заступничеству Пресвятой Богородице, связаны с «косыми» лучами заходящего солнца. Образ луча заходящего солнца является сквозным в древнерусском искусстве. В романе «Братья Карамазовы» его символику объясняет Зосима: «...Благословляю восход солнца ежедневный, и сердце мое по-прежнему поет ему, но уже более люблю закат его, длинные косые лучи его, а с ними тихие, кроткие, умиленные воспоминания, милые образы изо всей долгой и благословенной жизни — а надо всем-то правда Божия, умиляющая, примиряющая, всепрощающая» [Достоевский, 1976 (а), с. 265]. Очищаясь, обретая «прозрачность», душа человека принимает в себя «солнце Правды» — Христа.

Жизнеописание Маркела соотносится с Житием Исихия Хорива, которое включено в ту же книгу Великих Четьих-Миней, что и слово на Покров Пресвятой Богородицы (эта книга была в библиотеке Достоевского). Преображение обоих героев происходит во время болезни: «Св. Исихий сначала совершенно пренебрегал спасением души. Но вот он заболел, и во время болезни раскаялся. Тогда он упросил всех окружающих оставить его и пробыл в затворе 12 лет, в полном безмолвии, питаясь только хлебом и водою, и все время проводя в молитве и слезах»³¹.

Алеша в момент кризиса вспоминает Ивана и повторяет его слова, его «бунт»: «Я против Бога моего не бунтуюсь, я только «мира его не принимаю», — говорит он Ракитину [Достоевский, 1976 (а), с. 308]. Началом выхода из кризиса для Алеши становится признание

³¹ Жития Святых, на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней св. Димитрия Ростовского. М., 1904. Кн. II. С. 88.

Грушеньки, что на него она смотрит, как «на совесть свою». Кроме того, эта героиня вспоминает брата Дмитрия: «Давно я тебя заметила так, Алеша, и Митя знает, ему говорила. Вот Митя так понимает. Веришь ли, иной раз, право, Алеша, смотрю на тебя и стыжусь, всё себя стыжусь...» [Достоевский, 1976 (а), с. 317]. После этих слов и сочувствия к своему горю Алеша прямо называет Грушеньку «сестрой искренней», «душой любящей» [Достоевский, 1976, с. 318]. Кроме того, он видит в ее любви проявление материнского чувства: «Она выше любовью, чем мы» [Достоевский, 1976 (а), с. 321]. Материнское чувство проявляется в Грушеньке и в Мокром, когда она признается: «Кабы Богом была, всех бы людей простила: “Милые мои грешнички, с этого дня прощаю всех”» [Достоевский, 1976 (а), с. 397]. Эти слова перекликаются с апокрифом «Хождение Богородицы по мукам», упоминаемым в романе. В черновиках романа рядом с ее именем автор несколько раз повторяет «колыбелька», а Катерина Ивановна названа «мачехой» [Достоевский, 1976 (а), с. 351].

В романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» глава «Кана Галилейская» дана как видение Алеша, в котором ему открывается Царствие Божие, и герой испытывает духовное преображение. Текст Евангелия коррелирует с авторским словом, словом героя-рассказчика и других героев — Зосимы и Мити Карамазова:

«...И не доставишу вина, глагола мати Иисусова к нему: вина не имут...» — слышалось Алеше.

«Ах да, я тут пропустил, а не хотел пропускать, я это место люблю: это Кана Галилейская, первое чудо... Ах, это чудо, ах, это милое чудо! Не горе, а радость людскую посетил Христос, в первый раз сотворяя чудо, радости людской помог... “Кто любит людей, тот и радость их любит...”. Это повторял покойник поминутно, это одна из главнейших мыслей его была... Без радости жить нельзя, говорит Митя... Да, Митя... Все, что истинно и прекрасно, всегда полно всепрощения — это опять-таки он говорил...» [Достоевский, 1976 (а), с. 326].

В речи рассказчика слова Зосимы обрамляют высказывание Мити: объединяет этих героев мотив радости жизни. В этом фрагменте происходит прорастание темы земной радости, связанной в романе с Митей Карамазовым. Движение к согласию во Христе завершается видением самого Господа, которого Зосима по святоотеческой традиции называет Солнцем, и преображением, которое испытывает Алеша:

«— Не бойся его. Страшен величием перед нами, ужасен высотой своею, но милостив бесконечно, нам из любви уподобился и веселится с нами, воду в вино превращает, чтобы не пресекалась радость гостей, новых гостей ждет, новых беспрерывно зовет и уже на веки веков. Вон и вино несут новое, видишь, сосуды несут...»

Что-то горело в сердце Алеши, что-то наполнило его вдруг до боли, слезы восторга рвались из души его... Он простер руки, вскрикнул и проснулся...» [Достоевский, 1976 (а), с. 327].

Тема радости в словах Зосимы сливается с темой любви, подобно тому, как это происходит в словах Исаака Сирина: «Любви достаточно, чтобы напитать человека вместо пищи и питья. Вот вино, которое веселит сердце человека. Блажен, кто испил этого вина!» [Исаак Сирин, с. 312]. В Евангелии от Матфея и от Луки есть два повторения мотива «вина нового»: «Не вливают также вина молодого в мехи ветхие; а иначе прорываются мехи, и вино вытекает, и мехи пропадают; но вино молодое вливают в новые мехи, и сберегается то и другое» (Матфей 9:17; Марк 2:22); «Сказываю же вам, что отныне не буду пить от плода сего виноградного до того дня, когда буду пить с вами новое вино в Царстве Отца Моего» (Матфей 26:29; Марк 14:25). «Новое вино» здесь соотносится с Царствием Божиим, которое обретают праведники вслед за Христом. Восходит мотив вина в сочетании с мотивом радости к Псалтири: «И вино веселит сердце человека» (103:15). В святоотеческой традиции (особенно у Исаака Сирина) символика вина и опьянения любовью Божией перерастает в евхаристическую символику [Исаак Сирин, с. 312]. А. А. Ухтомский на полях своего экземпляра романа напротив «Каны Галилейской» выписывает цитату из пасхального канона: «Приидите, пиво пием новое, не от камене неплодна чудодеемое, но нетления источник»³².

Преображение героя связано в тексте с образом горящего сердца. Образ огня появляется в Евангелии от Луки, в словах Христа: «Огонь пришел Я низвесть на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!» (Лук. 12:49). Там же сквозным становится образ сердца: «Где сокровище ваше, там и сердце ваше будет» (Лук. 12:34). Соединение этих образов происходит, когда речь идет о воздействии Слова Божьего на человека: «Не горело ли в нас сердце наше, когда Он говорил

³² Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. XII. Братья Карамазовы. СПб., 1895. С. 38.

нам на дороге и когда изъяснял нам Писание?» (Лук. 24:32) Образ горящего сердца восходит к Псалтири: «Согреяся сердце мое во мне, и в поучении моем разгорится огонь» (Пс. 38:4).

Если для обретения благодати Алеше достаточно «подать луковку» (его «сердце цело», замечает в черновиках Достоевский [Достоевский, 1976 (b), с. 201], то Митю Карамазова ожидает путь подражания Христу, где главной становится тема страдания в сочетании с темой смирения. Для этого героя важным становится моление о чаше: «Боже, оживи поверженного у забора! Пронеси эту страшную чашу мимо меня!» [Достоевский, 1976 (a), с. 394].

Образом горящего сердца завершается сон Мити Карамазова о дите: «И вот загорелось все сердце его и устремилось к какому-то свету, и хочется ему жить и жить, идти и идти в какой-то путь, к новому зовущему свету, и скорее, скорее, теперь же, сейчас!» [Достоевский, 1976 (a), с. 457]. Здесь главным словом становится «дите». В трудах Исаака Сирина, Иоанна Лествичника, Нила Сорского младенец символизирует духовное рождение.

В тексте Достоевского процесс духовного преображения героев связан с ключевым словом «слезы» и образом горящего сердца: «И чувствует он еще, что подымается в сердце его какое-то никогда еще не бывалое в нем умиление, что плакать ему хочется, что хочет он всем сделать что-то такое, чтобы не плакало больше дите, не плакала бы и черная иссохшая мать дити, чтоб не было вовсе слез от сей минуты ни у кого и чтобы сейчас же, сейчас же это сделать, не отлагая и несмотря ни на что, со всем безудержием карамазовским» [Достоевский, 1976 (a), с. 456–457]. Не эта ли мать с дитем снится Мите, о которой незадолго до смерти позаботился Зосима: «Старец послал Порфирия еще с вечера к одной недавно еще погоревшей нашей мещанке, вдове с детьми, пошедшей после пожара нищенствовать» [Достоевский, 1976 (a), с. 258]? Дмитрий «продолжает» Зосиму и идет по пути сознательного «подражания Христу»: «Принимаю муку обвинения и всенародного позора моего, пострадать хочу и страданием очишусь» [Достоевский, 1976 (a), с. 458]. А. А. Ухтомский считал, что Дмитрий возвращается к «естественному закону» любви, который был им извращен в страсти: «И знаете ли — почему человек все-таки никогда не помирится с “естественностью”; а именно потому что она — “естественность” — сопряжена со слезами, с бедностью, с тем, что “плачет в ней дите”, как открыл

вещий сон Дмитрию Карамазову»³³, — пишет ученый на полях экземпляра романа, который был у него в библиотеке.

Образ сердца, которое не может загореться, возникает в конце поэмы Ивана Карамазова «Великий Инквизитор»: «Поцелуй горит на его сердце, но старик остается в прежней идее» [Достоевский, 1976 (а), с. 239]. Слушающий Ивана Алеша переносит этот образ вместе с темой неверия на брата: «И ты вместе с ним, и ты? — горестно воскликнул Алеша» [Достоевский, 1976 (а), с. 239]. Когда Иван заболевает горячкой, Алеша так объясняет его состояние: «Бог, которому он не верил, и правда Его одолевали сердце, все еще не хотевшее подчиниться» [Достоевский, 1976 (b), с. 89]. Эти слова об Иване корреспондируют с тем, что Алеша говорит от отца: «Я ваши мысли знаю. Сердце у вас лучше головы» [Достоевский, 1976 (а), с. 124].

Вместе с тем Ивана и Митю объединяет мотив «кубка жизни», что было отмечено С. Г. Бочаровым [Бочаров, с. 145]. Хохлакова говорит об изменении героя:

«А заметили вы, Алексей Федорович, каким молодым человеком Иван Федорович давеча вышел... Я думала, он такой ученый, академик, а он вдруг так горячо-горячо, откровенно и молодо, неопытно и молодо, и так это все прекрасно, прекрасно, точно вы... И этот стишок немецкий сказал, ну точно как вы!» [Достоевский, 1976 (а), с. 178].

Образ «кубка жизни», связанный с темой земной радости, трансформируется в романе в чашу спасения и крест (радость духовная). В черновике романа Великий Инквизитор ставит рядом со словом «радость» имена Шиллера и Иоанна Дамаскина [Достоевский, 1976 (b), с. 230]. Когда Иван принял решение идти на суд, автор замечает, что «какая-то словно радость сошла ... в его душу» [Достоевский, 1976 (b), с. 68].

Воскрешение души Ивана — самое тяжелое и мучительное, поскольку он больше всех похож на своего отца. Смердяков ему замечает: «Деньги любите... почет тоже любите, потому что очень горды, прелесть женскую чрезмерно любите, а пуще всего в покойном довольстве жить и чтобы никому не кланяться... Вы как Федор Павлович... изо всех детей наиболее на него похожи вышли, с одною

³³ Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. XII. СПб., 1895. С. 603.

с ними душой-с» [Достоевский, 1976 (b), с. 68]. И, вместе с тем, как только Иван начинает стыдиться мысли о том, что желал смерти своему отцу, он уже воскрешает в себе лучшее, что было в нем от отца, — сердце. В начале романа Алеша говорит Федору Павловичу слова, которые можно легко переадресовать Ивану: «Я ваши мысли знаю. Сердце у вас лучше головы» [Достоевский, 1976 (a), с. 124]. Есть один момент полного совпадения чувств Алеши и Федора Павловича: это их признание силы любви Грушеньки.

История Великого Инквизитора несет в себе фрагмент жизнеописания Зосимы из Жития Марии Египетской: это борьба со своей плотью в пустыне, которой предавались оба героя [Достоевский, 1976 (a), с. 238]. Оба они не знали себе равных, пока не встретили на своем пути несущих благодать Божию: для Зосимы — это Мария Египетская, для Ивана (несущего в себе Великого Инквизитора) — Алеша. Алеша «обновил» сердце Ивана, пробудил в нем поэта. Смердяков заставил почувствовать «тлетворный дух» в себе. Книга Исаака Сирина, которую видит Иван перед решением освободиться окончательно от Смердякова в себе, призвана напомнить о духовном совершенстве человека, об очищении его сердца. Болезнь Ивана в финале романа — это смерть старого в нем человека, без которой невозможна жизнь человека обновленного. Его история напоминает историю Маркела.

Кульминацией духовного развития для Ивана является его поэма-исповедь «Великий Инквизитор», для Дмитрия — сон о матери с дитем, для Алеши — видение Каны Галилейской. Эти главы, в которых раскрываются души героев, связаны с темой заступничества Богоматери, что было замечено К. А. Степаняном [Степанян].

Временные рамки романа охватывают праздники, связанные с заступничеством Пресвятой Богородицы: Положения ризы и пояса Богоматери, Рождество Пресвятой Богородицы, Покров. Заканчивается роман кануном празднования Явления от иконы Знамения.

Д. И. Чижевский отмечал, что Достоевский в «Кане Галилейской» и во сне Дмитрия Карамазова касается сферы «надсознательного». Народ и государство представляются, по мнению ученого, «сверхпространственным и сверхвременным единством» [Чижевский, с. 243]. Соприкосновение душ героев в романе «Братья Карамазовы» напоминает слова Зосимы о том, что «все как океан, все течет и со-

прикасается, в одном месте тронешь — в другом конце мира отдается» [Достоевский, 1976 (а), с. 290]. Мир в романе показан как одна большая семья, Церковь, которая, пройдя через разъединение и уединение, начинает восстанавливаться. Это соответствует той идее всемирного единения человечества во имя Христово, о которой писал Ф. М. Достоевский в своей публицистике.

Д. П. Маковицкий вспоминает, что в апреле 1905 г. в зале яснополянского дома Л. Н. Толстой вслух читал главу из «Братьев Карамазовых» — «Поединок»: «Место, где офицер дает пощечину денщику, читал сильным голосом; где офицер жалеет о том, что сделал, — рыдал и глотал слезы. Когда закончил, был очень расстроган. Лицо в морщинах, усталый». Потом сидел, «погруженный в размышления, молчал» [Маковицкий, с. 239–240].

В поздних произведениях Толстого можно найти таких же «великих грешников» и праведников, как и в романах Достоевского. Путь спасения, похожий на историю купца Скотобойникова или «таинственного посетителя», предлагает своему герою Л. Н. Толстой в повести «Фальшивый купон» (1905). Это произведение вошло в книгу «Посмертные художественные произведения Л. Н. Толстого», которая находилась в личной библиотеке А. Ухтомского и теперь хранится в Рыбинском музее-заповеднике³⁴ [Толстой, 1911]. Степан Пелагеюшкин — «великий грешник», на совести которого не одно убийство человека. Он переступает через жизни других людей спокойно, уверенный в том, что все вокруг такие же, как он, грешники. В нем все более и более утверждается «плотской» человек. Изменения в герое начинают происходить после встречи с Марией Семеновной. Понимая, что Степан хочет ее убить, она говорит ему о том, что он губит не только чужие души, но прежде всего свою. После убийства Марии Семеновны в тюрьме Степана преследуют страшные видения: являлись «черные» — «выступали и шли съ трех сторонъ, дѣлая рожи и приговаривая: покончи, покончи. Петлю можно сдѣлать, зажечь можно» [Толстой, 1911, с. 97]. Сначала герой, следуя своим двойникам, пытается покончить с собой. На полях книги Толстого Ухтомский пишет: «Тоже ростъ чувства».

³⁴ Толстой Л. Н. Посмертные художественные произведения Льва Николаевича Толстого: в 3 т. / под ред. В. Черткова. М.: Издание А. Л. Толстой, 1911. Т. 1. 240 с. (РБМ-16327/20). Цитаты приводятся по этой книге.

Чтение Евангелия окончательно меняет Степана, особенное впечатление на него производит рассказ «о благоразумном разбойнике», после чего Степан становится другим человеком. Когда судьба сводит его с Прокофием, который перед смертью сомневается в будущей жизни, Степан ему возражает, вспоминая праведницу Марию Семеновну: «Какъ же думаешь, я сколько душ загубиль, а она, сердечная, только людянь помогала. Что же, думаешь, мнѣ съ ней одно будетъ? Нѣтъ, погоди» [Толстой, 1911, с. 115]. Эти слова утешают умирающего человека. Рядом Ухтомский пишет: «Это один из центральных аргументов».

В основе сюжета повестей «Фальшивый купон» (1904) и «Отец Сергей» (1898) лежит история блудного сына, который ушел от Отца, но раскаялся и вернулся. В повести «Отец Сергей» Степан Касатский в начале произведения представлен как «плотской» и страстный человек: во время вспышек гнева он «совершенно терял самообладание и делался зверем» [Толстой, т. 12, с. 343], — замечает автор. Первое испытание героя — это отказ жениться на бывшей любовнице императора, выход в отставку и уход в монастырь. Автор замечает, что руководит им при этом два чувства или две доминанты — гордость, желание самоутвердиться и «религиозное чувство» [Толстой, т. 12, с. 348]. Второе испытание происходит на масленицу, в начале Великого поста: его искушает женщина, постучавшаяся к нему в келью. Для отца Сергея она становится «двойником», одержимым похотью: «Глаза их встретились и узнали друг друга. Не то чтобы они видели когда друг друга: они никогда не видались, но во взгляде, которым они обменялись, они (особенно он) почувствовали, что они знают друг друга, понятны друг другу» [Толстой, т. 12, с. 358]. После победы над плотью взгляд героя меняется: «Он поднял на нее глаза, светившиеся тихим радостным светом» [Толстой, т. 12, с. 363]. Освободившись от Двойника, отец Сергей чувствует в себе Собеседника: «Милая сестра, за что ты хотела погубить свою бессмертную душу?» [Толстой, т. 12, с. 363]. Это так воздействует на героиню, что она уходит в монастырь и становится сестрой Аглаей. Святая Аглая Римская, небесная покровительница героини, находилась в незаконной связи с рабом, но после его мученической кончины стала христианкой и праведницей. Третий круг испытаний снова для отца Сергея связан с женщиной и на этот раз он его не выдерживает: вступает в связь и даже хочет убить девушку, с которой провел ночь. Ему помогает воспо-

минание о Прасковье, смиренной женщине, которую он знал с детства. Явившийся ему ангел отправляет героя узнать секрет праведной жизни к простой женщине, которая полностью посвятила себя семье. Святая покровительница Прасковьи — Параскева Пятница — защитница семьи и дома.

Рассказ «Алеша Горшок» (1905) также входит в первый том издания «Посмертные художественные произведения Л. Н. Толстого», который находился в библиотеке А. Ухтомского. В нем рассказывается о кротком человеке, чей удивительный характер, доброта и безответность соседствуют с веселостью. Д. Б. Терешкина замечает, что «радость становится главным чувством восприятия Алешей мира» [Терешкина, с. 32].

Алеша понравился кухарке Устинье, но хозяин и отец были против этого брака. На масленицу произошло объяснение Алеша с отцом, который приказал ему оставить мысли о женитьбе, и герой смирился со своей судьбой. Несчастный случай, который происходит, видимо, в Великий пост, уводит его из жизни, но герой так же кротко принимает и смерть: «А то что же? Развѣ все и жить будем? Когда-нибудь надо, — быстро, какъ всегда, проговорилъ Алеша. — Спасибо, Устюша, что жалѣла меня. Вотъ оно и лучше, что не велѣли жениться, а то бы ни къ чему было. Теперъ все по-хорошему» [Толстой, 1911, с. 135]. Перед уходом из жизни, замечает автор, герой молится «сердцем и руками», не помня слов молитвы, а «въ сердцѣ у него было то, что какъ здѣсь хорошо, коли слушаешь и не обижаешь, такъ и тамъ хорошо будетъ» [Толстой, 1911, с. 135]. Ниже этого рассказа Ухтомский оставляет запись карандашом «Удивительно. Это ведь стоит всего 1905 года. Со всеми его писателями!» [Толстой, 1911, с. 136]. Молитва Алеша соотносится с молитвой мальчика из пасхального рассказа Макара Долгорукого (роман «Подросток»), поскольку мальчик перед смертью только «посмотрел в небеса».

Ю. Айхенвальд размышляет о герое рассказа «Алеша Горшок»: «Многодумная простота, последние выводы, итоги дней и размышлений, вся эта завершенная сокровищница Старика, облеклись в бесхитростную и углубленную форму примитива притчи — и вот получается “Алеша Горшок” — лучшее и самое гениальное, что есть во всем посмертном издании» [Айхенвальд, с. 10]. Обращение к прецедентному тексту — притче о горчичном зерне в Евангелии от Матфея — расширяет понимание рассказа Л. Н. Толстого. Зерно

горчичное, меньшее из всех семян, вырастает больше всех злаков и становится деревом (Матф. 13:31–32). Так и Алеша — русский простец, незаметный и безответный герой, чист перед Богом и перед людьми, поэтому не страшится смерти. «Безобидный, неумудренный и улыбающийся, Алеша Горшок не знал грамоты, она ему не давалась; но больше всех грамотных мира познал он, для Толстого, смысл жизни» [Айхенвальд, с. 11]. В рассказе «Алеша Горшок» писатель выбирает прецедентное имя — Алексей, проводя параллель между жизнью героя и его небесного покровителя, Алексея, человека Божия. Это небесный покровитель и Ухтомского, о котором он всегда помнил, судя по дошедшим до нас письмам, а также иконе Алексея человека Божьего, которую создал ученый и мыслитель.

По мнению Д. Б. Терешкиной, в рассказе Толстого соединяются черты жития праведника и юродивого [Терешкина, с. 31]. Исследователь считает, что герой Толстого относится к тем праведникам, о которых говорится в Заповедях блаженства — «нищие духом» [Терешкина, с. 36].

Но если у Толстого почти нет молитв героев, то Достоевский показывает своих героев в их обращении к Богу. Толстой по поводу отца Сергия замечает: «Жизнь его была трудная. Не трудами поста и молитвы, это были не труды, а внутренней борьбой, которой он никак не ожидал» [Толстой, т. 12, с. 356]. Зосима, понимая, что происходит в душе его «таинственного посетителя», «заплакал о нем Пресвятой Богородице, скорой заступнице и помощнице» [Достоевский, 1976, с. 281]. В уста этого героя Достоевский вкладывает слова о необходимости молитвенного обращения к Богу: «Юноша, не забывай молитвы. Каждый раз в молитве твоей, если искренна, мелькнет новое чувство, а в нем и новая мысль, которую ты прежде не знал, и которая вновь ободрит тебя; и поймешь, что молитва есть воспитание. Запомни еще: на каждый день, и когда лишь можешь, тверди про себя: “Господи, помилуй всех, днесь пред Тобою представших”. Ибо в каждый час и каждое мгновение тысячи людей покидают жизнь свою на сей земле и души их становятся пред Господом, — и сколь многие из них расстались с землею отъединенно, никому не ведомо, в грусти и тоске, что никто-то не пожалеет о них и даже не знает о них вовсе: жили ль они или нет. И вот, может быть, с другого конца земли вознесется ко Господу за упокой его и твоя молитва, хотя бы ты и не знал его вовсе, а он тебя. Сколь умильтель-

но душе его, ставшей в страхе пред Господом, почувствовать в тот миг, что есть и за него молельщик, что осталось на земле человеческое существо и его любящее. Да и Бог милостивее воззрит на обоих вас, ибо если уже ты столь пожалел его, то кольми паче пожалет Он, бесконечно более милосердый и любовный чем ты. И простит его тебя ради» [Достоевский, 1976, с. 288–289].

В произведениях Достоевского и Толстого о «великих грешниках» и праведниках принцип доминанты Ухтомского показывает выбор героя, который является нравственным: в основе спасения лежит отказ от эгоизма и самоутверждения. Духовный человек постоянно находится в состоянии внутренней борьбы с плотскими страстями, будь это смиренный праведник-простец или «великий грешник», гордый человек, осознающий свое несовершенство и преодолевающий его.

Ссылки

1. Айхенвальд Ю. Посмертные сочинения Л. Н. Толстого с портретом Толстого. СПб.: Книгоиздательство и типо-литография «Энергия», 1912. 64 с.
2. Альтман М. С. Достоевский. По вехам имен. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1975. 278 с.
3. Ашимбаева Н. Т. Двойник или «заслуженный собеседник»: некоторые вопросы поэтики Достоевского в свете взглядов на человека и его отношения с окружающим миром // Достоевский и мировая культура. СПб.: Серебряный век, 1999. Вып. 13. С. 123–131.
4. Бочаров С. Г. О двух пушкинских реминисценциях в «Братьях Карамазовых» // Достоевский. Материалы и исследования. Л.: Наука, 1976. Т. 2. С. 145–153.
5. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. / редкол.: В. Г. Базанов (отв. ред.) и др.; ИРЛИ. Т. 14.: Братья Карамазовы: Роман в 4 ч. с эпилогом. Кн. 1–10 / текст подгот. В. Е. Ветловская, Е. И. Кийко. Л.: Наука, 1976. 511 с. (а).
6. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. / редкол.: В. Г. Базанов (отв. ред.) и др.; ИРЛИ. Т. 15.: Братья Карамазовы. Кн. 11–12. Эпилог. Рукописные ред. / текст подгот. и примеч. сост. А. И. Батюто и др. Л.: Наука, 1976. 624 с. (б).
7. Иванов Вяч. Основной миф романа «Бесы» // Иванов Вяч. Собр. соч.: в 4 т. Брюссель: Foyer oriental chrétien, 1987. Т. 4. С. 437–444.
8. Иоанн Лествичник, преп. Лествица, возводящая на небо. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2013. 592 с.
9. Исаак Сирийский, преп. О божественных тайнах и о духовной жизни. Новоткрытые тексты / Пер. с сирийского, предисл. и послесл. епископа Илариона (Алфеева). СПб., 2006. 251 с.

10. Есаулов И. А. Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. ун-та, 1995. 288 с.
11. Захаров В. Н. Трагедия и сатира: «вечные» роли героев Достоевского // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. Канонические тексты. Т. VI. Петрозаводск: Издательство Петрозаводского государственного университета, 2005. С. 641–657.
12. Лощинин Н. П. «Детство», «Отрочество», «Юность» Л. Н. Толстого. Проблематика и художественные особенности. Тула: Тульское книжное издательство, 1955. 48 с.
13. Маковицкий Д. П. «Яснополянские записки» // Литературное наследство. Т. 90. У Толстого (1904–1910). Кн. 1. М.: Наука, 1979. 544 с.
14. Плетнев Р. Земля (из работы «Природа в творчестве Достоевского») // О Достоевском: сб. ст. / под ред. А. М. Бема. Paris: Amga editions, 1986. С. 175–184 (а).
15. Плетнев Р. «Сердцем мудрые» (о «старцах» у Достоевского) // О Достоевском: сб. ст. / под ред. А. М. Бема. Paris: Amga editions, 1986. С. 155–174 (б).
16. Сараскина Л. И. «Бесы»: роман-предупреждение. М.: Сов. писатель, 1990. 480 с.
17. Созина Т. Н. «Трогательное» как способ проявления авторского голоса в романе «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского // Вестник ЧелГУ. 2008. № 9. С. 134–138.
18. Степанян К. А. «Братья Карамазовы»: Лик земной и вечная истина // Достоевский и современность: Материалы XX Международных Старорусских чтений 2005 года. Великий Новгород, 2006. С. 331–341.
19. Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 22 т. / редкол.: М. Б. Храпченко (гл. ред.) и др.; коммент. А. В. Чичерина. М.: Художественная литература, 1978–1985.
20. Терешкина Д. Б. Интертекст «Четых-Миней» в рассказе Л. Н. Толстого «Алешка Горшок» // Rhema. Рема. 2015. С. 31–38.
21. Феномен эпического романа в русской литературе второй половины XIX века: И. А. Гончаров, И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский: монография / В. Г. Андреева, А. В. Гулин, Н. Л. Ермолаева, С. К. Казакова, Ю. В. Лебедев, В. И. Мельник, Н. Г. Михновец; под науч. ред. В. Г. Андреевой. Кострома: Изд-во Костромского гос. ун-та, 2022. 512 с.
22. Хализев В. Е. Интуиция совести (теория доминанты А. А. Ухтомского в контексте философии и культурологии XX века) // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2001. Вып. 6. С. 21–42.
23. Чижевский Д. И. Достоевский-психолог // О Достоевском: сб. ст. / под ред. А. Л. Бема. М.: Русский путь, 2007. С. 236–250.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Freud S. (1856–1939) 78, 84
Helmhoitz H. (1821–1894) 78, 84
Mc. Dougall (1871–1938) 75, 82, 84
Meumann E. (1862–1915) 75, 84
- А**
- Авенариус Р. (1843–1896) 20, 32, 85, 111
Айрапетьянц Э. Ш. (1906–1975) 20, 22, 126
Айхенвальд Ю. И. (1872–1928) 523, 525
Аквинат Ф. (1225–1274) 64
Аксаков С. Т. (1791–1859) 323
Алексей, человек Божий (IV–V вв.) 17, 111, 524
Анджеевский Е. (1909–1983) 417
Андреев А. А. (1887–1941) 379
Апухтин А. Н. (1840–1893) 129, 226
Аракчеев А. А. (1769–1834) 17
Ариосто Л. (1474–1533) 203
Аристотель (384–322 до н. э.) 17, 53, 64, 300
Аршавский И. А. (1903–1996) 23, 126
Ашимбаева Н. Т. (1944–н. в.) 26–27, 34, 126, 494, 525
Анненков П. В. (1813–1887) 355
Бабаев Э. Г. (1927–1995) 315
Байрон Дж. Г. (1788–1824) 160, 205–206, 213, 229–230, 233, 421, 454
- Б**
- Бальзак О. (1799–1850) 183, 247
Баньян Дж. (1628–1688) 226
Баталов А. В. (1928–2017) 275, 432
Батуев А. С. (1935–2012) 22, 24, 126–127
Батюшков К. Н. (1787–1855) 203–204
Бахтин М. М. (1895–1975) 7, 26, 131–132, 185, 188, 249, 260, 266, 300, 325, 445–446, 482
Безруч П. (1867–1958) 416
Бейль П. (1647–1706) 214
Белинский В. Г. (1811–1848) 112, 169, 174, 185, 230, 232, 239, 245, 249, 256, 311, 365
Белый А. (1880–1934) 163, 174
Бем А. Л. (1886–1945) 135, 138, 140, 145, 152, 154, 165–166, 169–170, 192, 198–200, 258, 262, 266, 269–270, 408, 495, 526
Бенгель И. А. (1687–1752) 173
Бердяев Н. А. (1874–1948) 111, 191, 264, 268, 445
Бестужев А. А. (1797–1837) 225
Бетховен Л. (1770–1827) 111
Билинкис Я. С. (1926–2001) 300, 302, 313, 494
Бицилли П. М. (1879–1953) 140, 177, 179, 192, 266
Благо-ев Д. (1856–1924) 416
Блаженный А. (354–430) 105, 111
Бобровская Н. И. (1863–1941) 19, 55

- Богатырев А. А. (1985–н. в.) 424
Богданович И. Ф. (1743–1803) 203
Богданович А. В. (1846–1914) 243
Боденштедт Ф. (1819–1892) 231
Большое Гнездо Всеволод Ю.
(1154–1212) 16
Бондарчук С. Ф. (1920–1994) 279;
421, 424, 428, 442
Бонди С. М. (1891–1983) 454,
465
Боратынский Е. А. (1800–1844) 213
Борисов А. А. (1866–1934) 425,
451
Борисова В. В. (1954–н. в.) 496,
511
Бортко В. В. (1946–н. в.) 422, 425,
431, 446
Ботев Х. (1848–1876) 415
Бочаров С. Г. (1929–2017) 243, 325,
426, 442, 453, 468, 482, 494, 519,
525
Брессон Р. (1901–1999) 278, 424–
425, 451
Броневский В. (1784–1835) 416
Бронштейн-Шур Е. И. 7, 24, 34,
48–50, 52, 55, 112
Бубень А. (1964–н. в.) 424
Буонарроти М. (1475–1564) 44
Буташевич-Петрашевский М. В.
(1821–1866) 239–240, 269
Бушмин А. С. (1910–1983) 335,
342, 418, 439, 441
Быков Р. А. (1929–1998) 432
Бялокозович Б. (1932–2010) 413
- В**
Вазов И. М. (1850–1921) 415–416
Вайнберг М. (1919–1996) 446
Вальцел О. (1864–1944) 407
Ван Холк А. Г. Ф. (1924–2011) 467
Вапцаров Н. (1909–1942) 416
Васильев Л. П. (1891–1966) 23, 127
Вейдл В. В. (1895–1979) 65
Вата А. (1900–1967) 417
Введенский Н. А. (1852–1922) 18,
20, 66, 69, 72
Великий Антоний (251–356) 94
Великий Макарий (300–391) 92
Вельтман А. Ф. (1800–1870) 205
Веркович С. (1821–1893) 415
Веселовский А. Н. (1838–1906)
413, 419
Виланд К. (1733–1813) 203
Виндельбрант В. (1848–1915) 147
Вине Р. (1873–1938) 379–380, 385
Виноградов В. В. (1894–1969) 267
Виноградов И. И. (1930–2015) 277,
449
Виноградов И. А. (1958–н. в.) 192,
330–331, 338, 342–343, 431–432,
434–435
Виноградов М. И. (1892–1968)
70
Вирхов Р. (1821–1902) 59–60
Висконти Л. (1906–1976) 278, 424
Владимиров И. П. (1919–1999) 424
Волькер И. (1900–1924) 416
Вольтер (1694–1778) 203
Воронецкая Т. В. (1958–н. в.) 424
Воропаев В. А. (1950–н. в.) 164,
192, 331, 343, 431, 434–435
Враз С. (1810–1851) 414–415
Врубель М. А. (1856–1910) 41
Вудт В. М. (1832–1920) 102
Выспяньский С. (1869–1907) 416
Вяземский П. А. (1792–1878) 202,
206, 208–210, 213, 216, 225, 228,
456

Г

- Гавел В. (1936–2011) 417
 Гай Л. (1809–1872) 414
 Галилей Г. (1856–1642) 61
 Ганка В. (1791–1861) 415
 Ганнибал А. П. (1696–1781) 201, 221
 Ганнибал И. А. (1735–1801) 201
 Гартман Н. (1882–1950) 110
 Гачев Г. Д. (1929–2008) 454, 465
 Гашек Я. (1883–1923) 416
 Гегель (1770–1831) 10–11, 17, 101, 111, 136, 139, 142–154, 163
 Гердер И. Г. (1744–1803) 214
 Геригк Х.-Ю. (1937–2024) 496, 512
 Герцен А. И. (1812–1879) 241, 256, 313, 434, 444
 Гершензон М. О. (1869–1925) 166, 169, 325
 Гете И. В. (1749–1832) 17, 45, 97, 112, 213, 239, 421, 425, 447, 470
 Гиббон Э. (1737–1794) 214
 Гиппиус В. В. (1890–1942) 163, 170
 Гоголь Н. В. (1809–1852) 6, 17, 98, 118, 131, 139–141, 153, 155, 158, 161–178, 183, 185, 188, 191–197, 199–200, 243–245, 247–249, 253, 261, 266–267, 269, 274–275, 279–281, 284–286, 291, 327–334, 340, 342–345, 354–356, 359–360, 369, 422, 424, 430–436, 441, 453, 465, 470, 476, 484, 512
 Голенищев-Кутузов И. Н. (1904–1969) 413–414, 419
 Голосовкер Я. Э. (1890–1967) 265
 Гольденберг А. Х. (1948–н. в.) 175, 192
 Гомер (ок. IX в. до н. э.) 214, 239
 Гончаров И. А. (1812–1891) 97–98, 194, 327, 330, 482, 496, 526
 Гончарова Н. Н. (1812–1863) 219
 Гораций (65–8 до н. э.) 165–166, 169, 178, 409
 Горький А. М. (1868–1936) 19, 87, 112, 121, 253
 Господинов Г. (1968–н. в.) 417
 Гофман Э. Т. А. (1776–1822) 9, 163, 183, 190, 199, 237, 245, 247, 262, 484
 Грабал Б. (1914–1997) 417
 Грабовский М. (1804–1863) 414
 Грановский Т. Н. (1813–1855) 254, 256
 Грек Максим (XV–XVI в.) 111
 Грессет Ж. Б. Л. (1709–1777) 203
 Грибоедов А. С. (1795–1829) 234–235, 421
 Григорьев А. А. (1822–1864) 143, 240
 Григорьева Р. А. (1931–2021) 425
 Гримм Я. (1785–1863) и В. (1786–1859) 161, 219
 Гулак-Артемовский П. (1790–1865) 409
 Гундулич И. (1589–1638) 414
 Гуссерль Э. (1859–1938) 135, 139, 141, 152, 163, 406
 Гюго В. (1802–1885) 239, 247

Д

- Даль В. И. (1801–1872) 505
 Дальма А. (1909–1989) 328
 Дамаскин И. (675–749) 64, 519
 Данилевский Н. Я. (1822–1885) 167, 498
 Д'Антес Ж. Ш. (1812–1895) 219

- де Вогиоз М. Э. (1848–1910) 243
 Декарт Р. (1596–1650) 17, 72, 84, 300
 Дельвиг А. А. (1798–1831) 202, 210, 213, 225, 232
 Дембовский Э. (1822–1846) 415
 Джемс У. (1842–1910) 17, 102, 108
 Диккенс Ч. (1812–1870) 183, 247
 Дильтей В. (1833–1911) 138, 152
 Дмитриев И. И. (1760–1837) 232
 Дмитриев Л. А. (1921–1993) 320–321, 494
 Добровский Й. (1753–1829) 415
 Добролюбов Н. А. (1836–1861) 468
 Добужинский М. (1875–1957) 377
 Долбня И. П. (1853–1912) 17–18, 93
 Долгорукий Ю. (1090–1157) 15, 92
 Доманский Ю. (1968–н. в.) 421, 426
 Дорнгельм Р. (1947–н. в.) 279
 Дорофей А. (510–565) 8, 94, 105
 Достоевская А. Г. (1846–1918) 113, 116, 241–242
 Достоевский М. М. (1820–1864) 239–240
 Достоевский Ф. М. (1821–1881) 6–11, 17, 26–29, 33–35, 59, 65–66, 87, 97–98, 100, 111–114, 116, 119, 121, 125–126, 128–131, 135, 138–147, 149, 151, 153–155, 164, 169, 174, 176, 181–195, 197–201, 208, 220, 223, 238–267, 269–270, 278, 280–281, 285, 291–292, 294–295, 297–303, 308, 311–314, 316, 320, 323, 325–327, 330, 334, 342, 344–345, 366, 369, 376–379, 383–386, 422–425, 437, 439, 444–453, 456, 459, 466–472, 476–479, 481–486, 489, 491–500, 504–505, 507–509, 511–513, 515–521, 524–526
 Дюришин Д. (1929–1997) 413, 418–419
- Е**
 Евлампиев И. И. (1956–н. в.) 147, 153, 299
 Ермилов В. (1904–1965) 163
 Есаулов И. А. (1960–н. в.) 325, 343, 442, 495, 526
- Ж**
 Жефарович Х. (1690–1753) 415
 Жид А. (1869–1951) 65
 Жирмунский В. М. (1891–1971) 156, 207, 413, 419
 Жуковский В. А. (1783–1852) 202–204, 210, 213, 218, 435
- З**
 Завадской Ю. А. (1894–1877) 379, 424
 Задонский Т. (1724–1783) 16–17, 80, 92, 95, 489
 Зайцев В. А. (1842–1882) 256
 Захаров В. Н. (1949–н. в.) 154, 267, 318, 325, 339, 343, 424–425, 428, 445, 449–452, 454, 468, 482, 484, 495, 497, 500, 510, 512, 526
 Зеленка П. (1967–н. в.) 425
 Зеньковский В. В. (1881–1962) 135, 138, 141, 152, 170, 176, 192, 420, 433
 Зинченко В. П. (1931–2014) 23, 128

- Золотарев А. А. (1879–1950) 19–20, 82
 Золотусский И. П. (1930–н. в.) 333, 343
 Зубова М. В. (1939–2024) 387
- И**
- Иван Грозный (1530–1584) 111, 211, 234, 457, 459, 466
 Иванов А. А. (1806–1858) 435
 Иванов В. И. (1866–1949) 446, 494, 525
 Ивашкевич Я. (1894–1980) 416
 Ильин И. А. (1883–1954) 146–147, 164
 Инзов И. Н. (1768–1845) 205
 Иоанн Златоуст (ок. 347–407) 57, 92, 94, 97, 100, 105, 108, 196
 Иованович-Змай Й. (1833–1904) 415
 Ирасек А. (1851–1930) 415–416
 Ирвинг В. (1783–1859) 161, 219, 224
 Ирод (74/73–4 гг. до н. э.) 212, 464
 Исихий Иерусалимский (V в.) 97, 515
- К**
- Камю А. (1913–1960) 241, 256, 260
 Кант И. (1724–1804) 17, 64, 82, 95, 102, 110–111, 143, 265
 Кантор Г. (1845–1918) 63
 Каподистрия Иоанн (1776–1831) 221
 Каравелов Л. (1834–1879) 415
 Карамзин Н. М. (1766–1826) 201–203, 210, 222, 225, 420, 453, 456–460
 Караславов Г. (1904–1980) 416
 Карл XII (1682–1718) 217
 Карпович М. М. (1888–1959) 174, 193, 206, 268–269
 Карус К. Г. (1789–1869) 9
 Кассиян Иоанн (ок. 360–ок. 435) 93–94
 Катенин П. А. (1792–1853) 213
 Качич-Миошич А. (1704–1769) 415
 Каширская А. (1280–1368) 111
 Кемпийский Фома (1380–1471) 173–174
 Кибальник С. А. (1957–н. в.) 326, 495
 Кирзон М. В. (1901–1984) 7, 48–49
 Кирша Данилов (1703–1776) 234, 276
 Ключевский В. О. (1841–1911) 18, 111
 Княжнин Я. Б. (1740–1791) 213
 Козлов И. И. (1779–1840) 230, 232
 Коллар Я. (1793–1852) 414
 Коменский Я. А. (1592–1670) 139–140, 153, 168, 192–193, 267–268
 Конвицкий Т. (1926–2015) 417
 Константиновский М. (1791–1857) 170
 Коперник Н. (1473–1543) 61
 Корвин-Круковская А. (1843–1887) 241
 Короленко В. Г. (1853–1921) 112
 Котляревский И. (1769–1838) 166, 169
 Кохановский Я. (1530–1584) 414
 Кошанский Н. Ф. (1781–1831) 202
 Красиньский З. (1812–1859) 415
 Красицкий И. (1735–1801) 409, 415

- Краско И. (1930–н. в.) 416
 Крагохвил И. (1940–н. в.) 417
 Крагохвил Я. (1885–1945) 416
 Крашевский Ю. И. (1812–1887) 415
 Крефт Б. (1905–1996) 416
 Кривонос В. Ш. (1947–н. в.) 175, 192, 334, 343, 431–432, 438
 Крлежа М. (1893–1981) 416
 Кронер Р. (1884–1974) 135, 139, 141, 152
 Кронштадтский И. (1829–1909) 18, 111
 Кручковский Л. (1900–1962) 416
 Крымов Д. (1964–н. в.) 421–422, 429
 Ксенофонт (ок. 430–356 до н. э.) 54
 Кубин А. (1877–1959) 245
 Кузнецов С. А. (1951–н. в.) 346, 457
 Кузьмичев И. С. (1933–н. в.) 23–24, 26, 90, 110–111
 Кулешов В. И. (1919–2006) 194
 Кулиджанов Л. И. (1924–2002) 377–378, 385, 424
 Кундера М. (1929–2023) 417
 Курбский А. М. (1528–1583) 111
 Куросава А. (1910–1998) 425, 446
 Курциус Э. Р. (1886–1956) 209
 Кюхельбекер В. (1797–1846) 202, 205, 213
- Л**
 Лаврин А. П. (1958–н. в.) 174
 Лапшин И. И. (1870–1952) 105, 328
 Лафонтен Ж. (1621–1695) 203
- Лейбниц Г. В. (1646–1716) 64
 Ленин В. И. (1870–1924) 111, 299
 Лермонтов М. Ю. (1814–1841) 6, 131, 158, 229–238, 276, 345, 361, 366, 421–422, 424, 429, 436–439, 444, 466–472, 474, 476–479, 481–483
 Лесков Н. С. (1831–1895) 181–182, 194, 253, 325
 Лествичник И. (525–595 или 579–649) 8, 29–30, 34, 66, 96–98, 295, 304, 458, 470, 495, 518, 525
 Лещинский Р. (1579–1636) 168
 Либера А. (1949–н. в.) 417
 Лилиев Н. (1885–1960) 416
 Лихачев Д. С. (1906–1999) 156, 320–321, 326, 342, 413–414, 419, 439–441, 494
 Ломоносов М. В. (1711–1765) 213, 232, 411
 Лоррен К. (1600–1682) 509
 Лосев А. Ф. (1893–1988) 141, 146
 Лосский Н. О. (1870–1965) 10, 102, 135, 138, 141, 152, 154, 258, 269
 Лотман Л. М. (1917–2011) 428, 461
 Лотман Ю. М. (1922–1993) 410, 413, 427, 465
 Луполова П. Г. (1784–1809) 274, 319–320
 Льюис М. Г. (1775–1818) 213
- М**
 Мажуранич И. (1814–1890) 415
 Мазепа И. С. (1639–1709) 215
 Майерова М. (1882–1967) 416
 Майков А. Н. (1821–1897) 226, 508

- Майков В. И. (1728–1778) 203
Маймин Е. А. (1921–1997) 299, 315
Маковицкий Д. П. (1866–1921) 521, 526
Макогоненко Г. П. (1912–1986) 326, 349
Мандзони А. (1785–1873) 214
Манн Ю. В. (1922–2022) 243, 356, 359, 422, 432–433, 436
Маранцман В. Г. (1932–2007) 286–287, 291
Маркс К. (1818–1883) 111
Маркс А. Ф. (1838–1904) 117–119, 339
Мармонтель Ж. Ф. (1723–1799) 214
Мархлевский Ю. (1866–1925) 416
Маттезон И. (1681–1764) 210
Маха К. (1810–1836) 415
Мах Э. (1838–1916) 63
Меерсон О. А. (1959–н. в.) 467
Мейер Г. (1782–1856) 328, 343
Менделеев Д. И. (1834–1907) 18
Мережковский Д. С. (1866–1941) 331
Милев Г. (1895–1925) 416
Милутинович-Сарайлия С. (1791–1847) 415
Милютин И. (XVII в.) 461
Мирзоев В. (1957–н. в.) 421, 424, 428
Миронов А. С. (1973–н. в.) 280, 285
Михайлов А. В. (1938–1995) 156
Мицкевич А. (1798–1855) 218, 414–415
Мних Р. В. (1956–н. в.) 140, 152, 154, 164, 184, 193, 195, 197, 200, 268, 343
Моторин А. В. (1957–н. в.) 27, 128, 431, 434, 436–437
Мочульский К. В. (1892–1948) 427, 429, 433–434, 436, 438, 508, 512
Мрожек С. (1930–2013) 417
Мусоргский М. П. (1839–1881) 210, 427–428, 455
Мэтьюрин Ч. Р. (1780–1824) 213
Мюллер Л. (1917–2009) 137, 173
- Н**
Набоков В. В. (1899–1977) 158, 174, 212
Надьярных Н. С. (1927–2018) 139–140, 166, 192, 200, 266, 409, 411
Назирова Р. Г. (1934–2004) 334, 341, 343, 445, 453
Назор В. (1876–1949) 416
Наполеон Б. (1769–1821) 148, 189, 202, 204, 206, 229, 233, 251, 262–263, 279, 321, 389, 393, 423, 441, 478
Негош П. (1813–1851) 415
Незвал В. (1900–1958) 416
Нейман С.-К. (1875–1947) 416
Некрылов Ф. П. (1909–1989) 22, 49, 126
Немцова Б. (1820–1862) 415
Неупокоева И. Г. (1917–1977) 413, 419
Нечаев С. Г. (1847–1882) 253–255
Никон (1605–1681) 11
Нитрийский И. (V в.) 28
Ницше Ф. (1844–1900) 11, 45, 52, 55, 102–103, 139, 143, 145, 147–

- 152, 154, 183–184, 187, 251, 258, 264, 269, 406, 412, 512
- О**
- Овидий (43 г. до н. э. — 17 или 18 г. н. э.) 209, 214
- Овчаров С. (1955–н. в.) 277, 423
- Одинокое В. Г. (1924–2016) 301, 314, 469, 471, 482
- Одоевский А. И. (1802–1839) 233
- Одоевский В. Ф. (1804–1869) 185, 225, 237, 249
- Ожешко Э. (1841–1910) 415
- Озеров В. А. (1769–1816) 213
- Ольбрахт И. (1882–1952) 416
- Оптинский А. (1812–1891) 111
- Орфелин З. (1726–1785) 415
- Освальд В. (1853–1932) 43, 111
- Островский А. Н. (1823–1886) 194, 454
- П**
- Павич М. (1929–2009) 417
- Павлов И. П. (1849–1936) 77, 83–84
- Павлов Т. (1890–1977) 416
- Павлович П. (1700–1760) 415
- Палицын А. (1550–1626) 236, 461
- Паскаль Б. (1623–1662) 52
- Пелин Е. (1877–1949) 416
- Пелусиотский И. (370–435) 59
- Перетц В. Н. (1870–1935) 135, 407
- Петр Великий (Петр I) (1672–1725) 159, 217–218, 221, 225, 274, 421, 460, 504–505
- Петрарка Ф. (1304–1374) 214
- Петров А. К. (1957–н. в.) 425, 451
- Плакида Е. (I в.) 275, 422, 430
- Платон (IV–V вв. до н. э.) 52, 54, 111, 316
- Платонова В. А. (1884–1942?) 19
- Плетнев Р. В. (1903–1985) 138, 269, 489, 495, 526
- Полевой Н. А. (1796–1846) 160, 225, 318, 320, 461
- Помяловский Н. Г. (1835–1863) 180
- Пошехонский А. (XVI в.) 16
- Прешерн Ф. (1800–1849) 415
- Пришвин М. М. (1873–1954) 47
- Прус Б. (1847–1912) 415–416
- Пушкин А. С. (1799–1837) 6, 11, 35, 98, 131, 139, 155, 158–163, 165, 177, 185, 189, 191, 193–194, 197, 200–232, 234, 238, 242, 247, 251, 262, 268, 273–274, 279, 281–289, 291, 314–316, 318, 320, 323–327, 330, 343, 345–346, 350, 353, 356, 402, 420–421, 424, 426–430, 438, 442, 448, 451, 453–467, 470, 476, 482, 484, 494, 496, 510
- Пшибышевский С. (1868–1927) 416
- Пырьев И. А. (1901–1968) 278, 424–425, 446
- Р**
- Радзинский Э. (1936–н. в.) 421, 426
- Радлов Э. Л. (1854–1928) 102
- Радонежский С. (1314–1392) 17, 111, 321, 461
- Райнов Н. (1889–1954) 416
- Ракич М. (1876–1938) 416
- Раковский Г. (1821–1867) 415
- Резник С. Е. (1938–н. в.) 23, 129
- Реймонт В. (1867–1925) 416

- Ремизов А. М. (1877–1957) 163, 328
 Ремизов В. Б. (1949–2022) 315, 326
 Ренан Э. (1823–1892) 95, 102–103
 Решетников Ф. М. (1841–1871) 180
 Риккерт Г. (1863–1936) 135, 141
 Риль Н. (1901–1990) 45
 Рипеллино А. (1923–1978) 328
 Ричардсон С. (1689–1761) 213
 Розанов В. В. (1856–1919) 111, 264
 Ростовский В. К. (1209–1238) 15, 92
 Ростовский Д. (1651–1709) 92, 461, 515
 Руссо Ж.-Ж. (1712–1778) 52, 185, 209, 213, 249
 Рылеев К. Ф. (1795–1826) 225
 Рюрик (830–879) 15, 92
 Рябушкин А. П. (1861–1904) 111
- С**
- Салтыков-Щедрин М. Е. (1826–1889) 6, 24, 88–89, 98–99, 112, 117–119, 128, 131, 194, 277, 279, 283–286, 291, 327–330, 332, 334–345, 367–371, 373–375, 422–423, 439–441
 Санд Ж. (1804–1876) 286
 Саровский С. (1754–1883) 92
 Светозаров Д. И. (1951–н. в.) 378–379, 424
 Свифт Дж. (1667–1745) 185, 249, 369
 Селевко Г. К. (1932–2008) 25, 129
 Семевский М. И. (1837–1892) 505, 512
 Семенов В. (1952–н. в.) 22
 Сенкевич Г. (1846–1916) 415
 Сенковский О. И. (1800–1858) 235
 Серман И. З. (1913–2010) 458, 466
 Сеченов И. М. (1829–1905) 12, 31, 35, 66, 77, 82–84, 298, 313, 402
 Сечкарев В. М. (1914–1998) 163, 173
 Симонов П. А. (1926–2002) 23, 129
 Синайский Н. (IV–V вв.) 94–95, 97
 Синаит Г. (ок. 1275 — ок. 1346) 92
 Синдаловский Н. А. (1935–2021) 503
 Сириг Е. (ок. 306–373) 8, 29, 93–97, 304
 Сириг И. (VII в.) 93–94, 96–97, 104, 295, 339, 517–518, 520, 525
 Скафтымов А. П. (1890–1968) 291, 299, 301, 314, 316, 326–327, 423, 442, 447, 482, 495
 Скворода Г. С. (1722–1794) 139–140, 153, 163, 165–167, 169, 177–178, 191–193, 266–268, 405, 407
 Скотт В. (1771–1832) 213
 Слепцов В. А. (1836–1878) 180
 Словацкий Ю. (1809–1849) 415
 Смирненский Х. (1898–1923) 416
 Смирнова-Россет А. О. (1809–1882) 276
 Смит А. (1723–1790) 214
 Сократ (469–399 гг. до н. э.) 7, 54, 88, 117
 Солнцев Ф. Г. (1801–1892) 504–505
 Соловьев В. С. (1853–1900) 39, 111, 142, 265, 291, 299, 512
 Соловьев С. А. (1944–2021) 273

- Соловьев С. М. (1820–1879) 488, 495
 Сорский Нил (1433–1508) 16, 275, 422, 518
 Сохотский С. (XV в.) 16
 Спиноза Б. (1632–1677) 17
 Ставар А. (1900–1961) 416
 Ставровецкий К. Т. (1570–1646) 408
 Сталь-Гольштейн А.-Л. (1766–1817) 213
 Степанян К. А. (1952–2018) 154, 267, 451, 466, 512, 520, 526
 Стоянов Л. (1886–1973) 416
 Страхов Н. Н. (1828–1896) 142–147, 149, 151, 154, 183–184, 240, 258, 265, 267, 269, 315, 326, 497–498, 512
 Строганов М. В. (1952–н. в.) 430
 Строганова Е. Н. (1952–н. в.) 334, 344
 Сулова А. (1839–1918) 142, 199, 241
 Сыромятников О. И. (1960–н. в.) 496, 512
- Т**
 Тассо Т. (1544–1595) 214
 Ташков Е. И. (1926–2012) 425
 Телушкин И. (1803–1833) 504–505
 Теннер Дж. (1780–1846) 225
 Тетмайер К. П. (1865–1940) 416
 Тибулл А. (55–19 гг. до н. э.) 214
 Товяньский А. (1799–1878) 414
 Толстая М. Н. (1830–1912) 301
 Толстой А. К. (1817–1875) 210, 280, 454, 457, 466
 Толстой Л. Н. (1828–1910) 6, 17, 28–31, 33, 35, 37, 40, 82, 87, 89, 97–98, 100, 107, 111, 117, 119, 126–127, 131, 164, 181, 185, 194, 198, 238, 249, 278–279, 281, 285, 291–294, 296–303, 307–308, 310–316, 318, 321–326, 330, 345, 376, 386–389, 402, 423–424, 441–444, 452–453, 482, 493–496, 505, 513, 521, 523–526
 Трелиаковский В. К. (1703–1768) 411
 Тувим Ю. (1894–1953) 416
 Туманский В. И. (1800–1860) 205
 Тур Ф. Е. (1866–1942) 72
 Тургенев И. С. (1818–1883) 98, 164, 181–182, 195, 238, 254, 260, 325, 327, 330, 369, 425, 447, 449–450, 496, 526
 Тынянов Ю. Н. (1894–1943) 248, 407
- У**
 Угличский Димитрий (1582–1591) 460, 462–464
 Удодов Б. Т. (1924–2009) 476, 483
 Успенский Б. А. (1937–н. в.) 459, 466
 Успенский Г. И. (1843–1902) 112
 Успенский Н. В. (1837–1889) 180
 Устрялов Н. Г. (1805–1870) 455, 466
 Ухтомская А. Н. (1832–1898) 16, 18, 80, 93, 350, 355, 361, 368, 383
 Ухтомская А. Ф. (1847–1913) 16
 Ухтомская М. А. (1809–1888) 17
 Ухтомский А. А. (епископ Андрей) (1873–1937) 11, 18, 19, 92
 Ухтомский А. Н. (1842–1902) 16

Ухтомский Д. В. (1719–1775) 17
Ухтомский Э. Э. (1861–1921) 17

Ф

Фаворский В. А. (1886–1964) 377
Фасмер М. (1886–1962) 136, 145, 165
Фейербах Л. А. (1804–1872) 125, 143, 151
Фолькенбери В. (1934–2011) 64
Фонвизин Д. И. (1745–1792) 213
Фонтенель Б. (1657–1757) 214
Фортунатов Н. М. (1931–н. в.) 496, 513
Фосслер К. (1872–1949) 407
Франк С. Л. (1877–1950) 138, 142, 152, 195, 268
Франклин Б. (1706–1790) 173

Х

Хайдеггер М. (1889–1976) 135, 141, 152
Хализев В. Е. (1930–2016) 26, 27, 35, 131, 132, 427, 428, 496, 526
Херасков М. М. (1733–1807) 185, 203, 249
Херлинг-Грудзинский Г. (1919–2000) 416
Хмара Г. М. (1878–1970) 379
Хомяков А. С. (1804–1860) 89, 143, 467
Хорив И. (VI–VII века) 515
Хотиненко В. И. (1952–н. в.) 425, 447
Храповицкий А. (1863–1936) 59

Ц

Цанкар И. (1876–1918) 416
Цейтлин А. Г. (1901–1962) 315

Цесарец А. (1893–1941) 416
Цурикова Г. М. (1928–2009) 24, 26, 90, 110, 111

Ч

Чаадаев П. Я. (1794–1856) 202
Чапек К. (1890–1938) 417
Чапский Ю. (1896–1993) 417
Челпанов Г. И. (1862–1936) 135, 141
Чернец Л. В. (1940–н. в.) 334–335, 344, 453
Чернышевский Н. Г. (1828–1889) 112, 174, 256, 444
Чехов А. П. (1860–1904) 87, 425, 452–453, 465
Чинтулов Д. (1822–1886) 415
Чуприна И. В. (1924–2000) 301, 314

Ш

Шараков С. Л. (1970–н. в.) 131, 447–449
Шафарик П. Й. (1795–1861) 415
Шаховской А. А. (1777–1846) 213
Швейцер М. А. (1920–2000) 421, 426
Шевырев С. П. (1806–1864) 174, 217–218
Шекспир У. (1564–1616) 87, 205, 210, 239, 420, 454–455, 460, 464
Шеллинг Ф. В. Й. (1755–1854) 141, 143, 160–161, 420
Шенье А. (1762–1794) 205
Шишков В. (1873–1945) 213
Шопенгауэр А. (1788–1860) 30, 35, 39, 59

Шорина Н. И. (1943–н. в.) 424,
444
Штрих Ф. (1882–1963) 407
Штур Л. (1815–1856) 415

Щ

Щенников Г. К. (1931–2010) 327,
331, 344–345, 511
Щербатова М. А. (1820–1879) 276

Э

Эббингауз Г. (1850–1909) 84
Эйнштейн А. (1879–1955) 63,
111
Эйхенбаум Б. М. (1886–1959) 315,
327, 433, 442
Эльсберг Я. Е. (1901–1976) 88
Эльстер Э. (1860–1940) 157, 191
Энгельгардт Б. М. (1887–1942) 499,
513

Энгельс Ф. (1820–1895) 111
Эсхил (525–456) 87
Эфрос А. (1925–1987) 422

Ю

Юнгман Й. (1773–1847) 415
Юнг-Штиллинг И. Г. (1740–1817)
173–174

Я

Яворов П. (1878–1914) 416
Языков Н. М. (1803–1847) 210,
213, 230
Якобсон Р. О. (1896–1982) 136, 159,
181, 419–420
Янцен В. В. (1980–н. в.) 136, 139–
140, 146, 154–155, 169, 185, 193,
200, 238, 268, 406, 412
Ясперс К. Т. (1883–1969) 135, 141,
152

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Капустина Светлана Владимировна — кандидат филологических наук, научный сотрудник Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова.

Любарец Виктория Викторовна — научный сотрудник Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова.

Тоичкина Александра Витальевна — кандидат филологических наук, научный сотрудник Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова.

Фёдорова Елена Алексеевна — доктор филологических наук, профессор Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова.

Научное издание

**МЕТОДОЛОГИЯ АКСИОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА
К ИЗУЧЕНИЮ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ
А. А. УХТОМСКОГО И Д. И. ЧИЖЕВСКОГО**

Коллективная монография

Под научной редакцией Елены Алексеевны Фёдоровой

Директор издательства *А. А. Галат*

Корректор *О. В. Смушко*

Компьютерная верстка *Е. М. Денисовой*

Дизайн обложки *О. Д. Курта*

Подписано в печать: 23.10.2024. Формат 60×90 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Усл. печ. л. 33,75.
Тираж 100 экз. Заказ № 1067

Издательство Русской христианской гуманитарной академии
им. Ф. М. Достоевского

191011, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 15

Тел.: (812) 310-79-29; +7 (981) 699-6595

E-mail: irhga@mail.ru. URL: <https://irhga.ru>

Отпечатано в типографии «Поликона» (ИП А. М. Коновалов)
190020, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 134